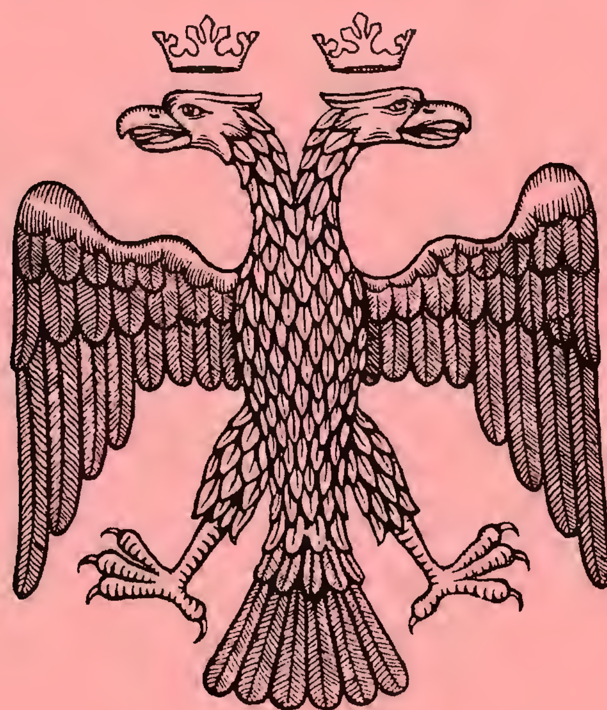
Московскій

Кремль

въ старину и теперь

Книга II.

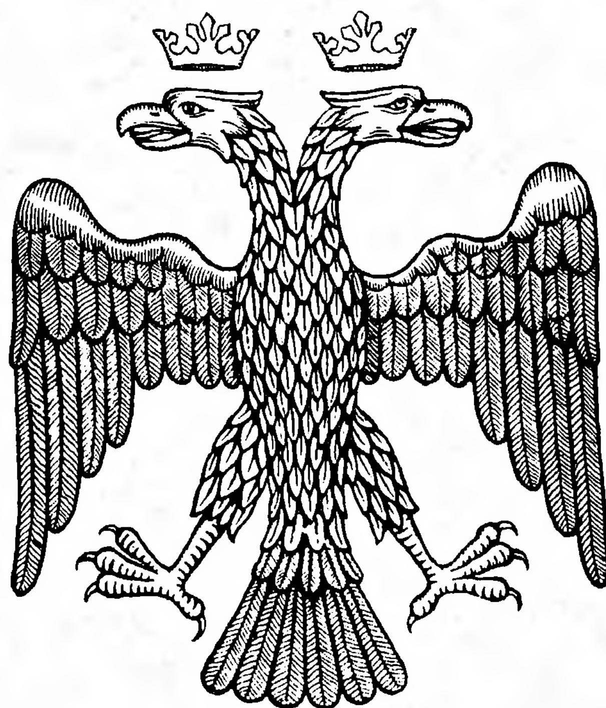
Государевъ дворъ. Домъ Рюриковичей.

Составилъ Сергѣй Бартене

Изданіе Министерства ИМПЕРАТОРСКАГО Двора.

МОСКОВСКІЙ КРЕМЛЬ

ВЪ СТАРИНУ И ТЕПЕРЬ

Книга II.

Государевъ дворъ. Домъ Рюриковичей.

Составилъ Сергѣй Бартене

Изданіе Министерства ИМПЕРАТОРСКАГО Двора.

«А пишꙋ вамъ се слово того дѣля, чтобы не перестала память родителий нашихъ и наша, и свѣча бы не ꙋгасла.»

Дꙋховная грамота великаго князя Симеона Іоанновича (1353 г.)

«Блюди і внемли бл҃гочестивый цр҃ю, ако вся хр҃стіанскія цр҃ьства снидошася въ твое едіно, ако два Рима падоша, а третей стоитъ, а четвертомꙋ не быти....

Посланіе великомꙋ кн҃зю Василію старца Єлизарова монастыря Филоѳея.

«Тщꙋсь со усердіемъ люди на истинꙋ и на свѣтъ наставити, да познаютъ единаго истиннаго Бога въ Троицѣ славимаго и отъ Бога даннаго имъ Госꙋдаря, а отъ междоꙋсобныхъ браней и строптиваго житія да престанꙋтъ....»

Посланіе царя Іоанна Васильевича Грознаго князю Андрею Кꙋрбскомꙋ.

Вторая книга содержитъ 347 рисунковъ, изъ нихъ одинъ раскрашенъ отъ руки и 5 фототипій.

Въ началѣ и концѣ изложенія родословныя таблицы на отдѣльныхъ листахъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Государевъ дворъ въ Московскомъ Кремлѣ.

Домъ Рюриковичей.

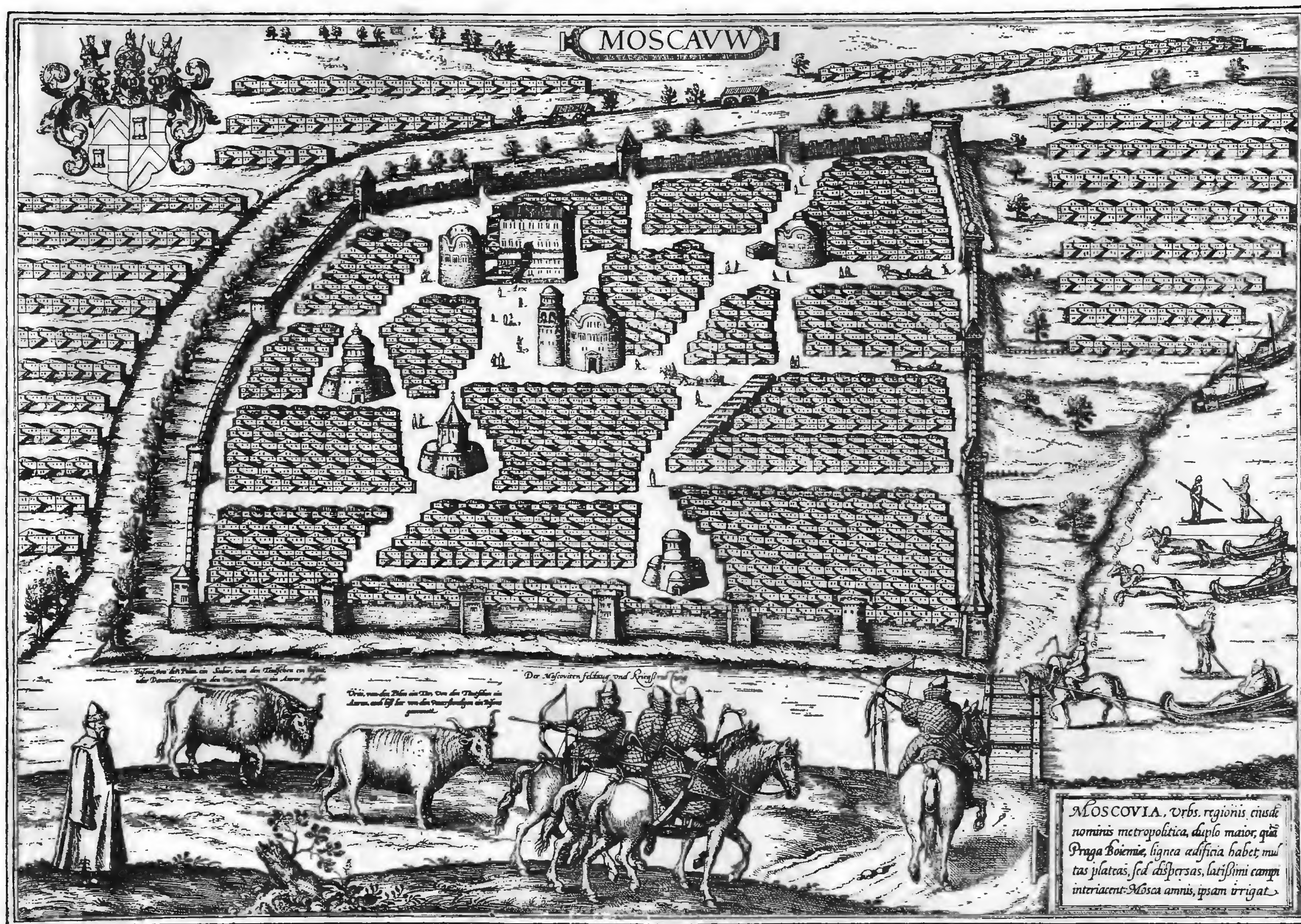

Рис. 1. Московія, столичный городъ страны того же названія, вдвое большій, чѣмъ Прага Богеміи; имѣетъ деревянныя зданія, многія улицы, но разбросанныя; между ними лежатъ обширнѣйшія поля. Ее орошаетъ Москва-рѣка.

[Съ гравюры XVI вѣка. Изъ собранія П. Я. Дашкова.]

Московскіе Госу…

Потомки Великаго Князя…

И ИХЪ Д…

Василій
1-й сынъ св. Александра Невскаго
† 1271.

Димитрій
кн. Переяславскій
2-й сынъ св. Александра Невскаго
† 1294.

3-й сынъ …скаго
ж. [1294] Василис… Ростов…

Александръ
† 1292.

Иванъ
† 1302.
ж. [1286] д. кн. Дм. Бор. Ростовскаго.

р. 12…
1-я ж. [12…] Конч…
кн. Ростовск… Узб…
…я, † 1…

СИМЕОНЪ
р. 7 сент. 1317 † 27 апр. 1353.
1-я ж. [1333] Анастасія (Айгуста), д. Гедемина Литовскаго, † 1345;
2-я ж. [1345] Евпраксія, д. кн. Ѳед. Смоленск. разв. 1346;
3-я ж. [1347] Марія, д. кн. Алек-дра Мих. Тверского, † 17 марта 1399.

Даніилъ
р. 1319 † до 1328.

ІОАНН…
р. 30 марта 1326, † 13…
1-я ж. [1341] Ѳеодосія, д. кн. Дм. Брянск., † 1342.
2-я … дра, …

Василій р. 1336 † 1337.
Константинъ р. 1340 † 1340.
Василиса р. 1335, м. [1350] кн. Мих. Вас. Кашинскій.
Даніилъ р. 1347.
Михаилъ р. 1348 † 1348.
Іоаннъ р. 1351 † 1353.
Симеонъ р. 1352 † 1353.

ДМИТРІЙ Донск…
р. 12 окт. 1351 † 19 мая 13…
ж. [18 янв. 1366] Евдокія, д. кн. Д…
Суздальскаго, † 7 іюля 14…

Ин… …54 † …

Петръ
р. 1385 † 1428
ж. [1406] Евфросинія, д. Поліевкта Вас. Вельяминова.

Константинъ
р. 15 мая 1389.

Софія
м. [1387] кн. Ѳ. Ив. Рязанскій.

Анна
р. 1387.
м. кн. Юр. Патрикѣевичъ.

Марія
† 1499.
м. [1394] кн. Сем. Ольгерд. Литовскій.

Анастасія
м. [1397] кн. Ив. Всев. Холмскій.

ВАСИЛІЙ
р. 30 дек. 1371 † 27 февр. 1425.
ж. [9 янв. 1391] Софія (Анастасія), д. кн. Витовта Кейстутовича Литовскаго.
† 13 іюля 1453.

Ил…

Георгій р. 1395.
Іоаннъ р. 1396 † 1417.
Даніилъ р. 1400 † 1401.

ВАСИЛІЙ Темный
р. 15 марта 1415 † 27 марта 1462.
ж. [8 февраля 1433] Марія, д. кн. Яр. Вл. Боровскаго
† 4 іюля 1484.

Анна
р. 1393 † 1415.
м. [1411] греч. царевичъ будущій Императоръ Іоаннъ VIII Палеологъ.

Анастасія
м. [1415] кн. Олелько, внукъ Ольгерда Литовскаго.

Василиса
м. [1415] кн. Ал-дръ Ив. Брюхатый; 2-й м. кн. Ал-дръ Дан. Взмѣтия Суздальскій.

…м… К…

Юрій
р. 1437 † 1441.

ІОАННЪ III—Тимоѳей.
р. 22 января 1440 † 27 октября 1505.
1-я ж. [4 іюня 1452] Марія, д. кн. Бор. Ал-др. Тверскаго. † 22 апрѣля 1467.
2-я ж. [12 ноября 1472] Софія (Зинаида), д. Ѳомы Палеологъ, брата Византійск. Императора Константина. † 7 апр. 1503.

Юрій
кн. Дмитровскій
р. 1441 † 1472.

Андрей [Большой]
р. 1446 † 1493.
ж. [1469] Елена, д. кн. Ром. Мезецкаго, † 1493.

Симеонъ
кн. Калужскій
р. 1477.

Андрей [Меньшой]
р. 1453 † 1481.

Анна
† 1501.
м. [1464] кн. Вас. Ив. Рязанскій.

Іоаннъ [Молодой]
р. 15 февр. 1458 † 7 марта 1490.
ж. [1482] Елена, д. Стефана Молдавскаго, † 1511.

Елена р. 1474.
Ѳеодосія р. 1475.
Елена р. 1476 † 1513. м. [1495] Александръ, король Литовскій.

ВАСИЛІЙ—Гавріилъ
р. 26 марта 1479 † 3 декабря 1533.
1-я ж. [5 сент. 1505] Соломонія, д. Юр. Конст. Сабурова разв. 1525, † 16 дек. 1542.
2-я ж. [21 янв. 1526] Елена, д. кн. Вас. Льв. Глинскаго † 3 апр. 1538.

Георгій р. 1480 † 1536.
Дмитрій р. 1481 † 1521.
Симеонъ р. 1487 † 1518.
Ѳеодосія р. 1485 † 1501. м. [1500] кн. Вас. Дан. Холмскій.
Евдокія † 1513. м. [1506] Петръ [царевичъ Кайдакулъ.]
Андр… р. 1490 … ж. [1… Евфр… д. кн. А… Хова…

Дмитрій
р. 10 октября 1483 † 14 февраля 1509, вѣнч. 4 февраля 1498.

ІОАННЪ Грозный
р. 25 августа 1530 † 18 марта 1584.
1-я ж. [3 февр. 1547] Анастасія, д. Ром. Юр. Захарьина, † 7 авг. 1560.
2-я ж. [21 авг. 1561] Марія, д. Темгрюка Идарова кн. Черкасскаго, † 1 сент. 1569.
3-я ж. [28 окт. 1571] Марѳа, д. Вас. Ст. Собакина, † 13 ноября 1571.
4-я ж. [апр. 1572] Анна, д. Алексѣя Колтовскаго, † 5 апрѣля 1626.
5-я ж. [1575] Анна Васильчикова.
6-я ж. вдова Василиса Мелентьевна.
7-я ж. Марія, д. Ѳ. Ѳ. Нагого.

Юрій
р. 30 окт. 1532
† 1563.
ж. [1547] Ульяна д. кн. Дм. Ѳед. Палецкаго.

1-я ж. [15… д. Ал-др…

Анна р. 1549 † 1550.
Марія р. 1551 † млад.
Евдокія р. 1556 † 1558.
Дмитрій р. 1552 † 1553.

Іоаннъ
р. 28 марта 1554
† ноября 1581.
1-я ж. [1571] Евдокі…, д. Богд. Сабурова;
2-я ж. Параскева Соловая;
3-я ж. Елена Ив. Шереметева.

ѲЕОДОРЪ
р. 11 мая 1557
† 7 янв. 1598.
ж. [1580] Ирина, д. Ѳед. Ив. Годунова
† 26 окт. 1603.

Василій
р. 1563 † 1563.

Дмитрій
р. 19 окт. 1583
† 15 мая 1591.

Василій
р. 1559
† 20 февр. 1560.

Мар…
м. [1573] …
король Л…

Ѳеодосія
р. 1592 † 1594.

Евдо…
† въ дѣ…

…ри Рюриковичи

…юго Александра Невскаго

…ство.

…скаго

…стовскаго.

Св. Даніилъ
князь Московскій
младшій сынъ св. Александра Невскаго
р. 1261 † 4 марта 1303.

Евдокія

…Кончака,
…Узбека;
…, † 1318.

Александръ † 1308.

Борисъ † 1320.

Іоаннъ Калита † 31 марта 1340.
1-я ж. [до 1304] Елена, † 1 марта 1332.
2-я ж. Ульяна.

Аѳанасій † 1322.

…дра,

Ѳеотинія

Марія

Евдокія † 1365.
м. [1328] кн. Конст. Суздальскій.

Ѳеодосія.

Одна дочь.

Андрей
кн. Боровскій
р. 4 іюля 1327 † 6 іюня 1353.
1-я ж. Іуліана; 2-я ж. [1345] Марія, † 1389.

…аннъ
…54 † 1365.

Анна
м. кн. Волынскій-Боброкъ.

Марія.

были еще дочери, неизвѣстно сколько и какія.

Иванъ † 1358.

Владиміръ Храбрый
кн. Боровскій
р. 1353 † 1410.
ж. [1371] Елена, д. кн. Ольгерда Литовскаго, † 1437.

Иванъ р. до 1380.

Семенъ † 1378.

Андрей
кн. Можайскій и Верейскій
р. 14 августа 1382 † 1432.
ж. [1403] Агриппина, д. кн. Ал-дра Патрик. Стародубскаго.

Иванъ
р. 1381 † 1422.
ж. [1401] Василиса, д. кн. Ѳед. Ол. Рязанскаго.

Семенъ
ж. [1404], д. кн. Новосильскаго.

Андрей † 1426.
ж. дочь Ив. Дм. Всеволожскаго.

Ярославъ
кн. Серпуховской и Боровскій
р. 1389 † 1426.
1-я ж. [1408], д. кн. Ярославскаго;
2-я ж. Марія, д. Ѳед. Кошки Голтяева.

Андрей

Василій
р. 1394 † 1427
ж. Іуліанія Михаиловна

…митрій Красный
…н. Бѣжецкій
† 1440.

Дмитрій Шемяка
кн. Галицкій
† 1453.

Иванъ кн. Можайскій.

Андрей

Михаилъ
кн. Верейскій
† 1485.
ж. Елена, д. кн. Ярослава Боровскаго.

Борисъ

Марія
м. [1433] в. кн. Василій Темный.

Василій † 1462.

Елена
м. кн. Михаилъ Андреевичъ Верейскій.

…рисъ
…9 † 1494.
…47] Іуліанія, …Дм. Холмскаго
† 1503.

Иванъ Шемякинъ.

Симеонъ

Василій [Удалой]
кн. Верейскій
ж. [1480] Марія, д. Андрея Палеологъ, племянн. вел. княгини Софіи Ѳоминичны.

Иванъ † 1494.

Иванъ

Андрей

Василій

…оръ …13.

Иванъ † 1503.

Василій Шемячичъ † 1529.

Василій

Ѳедоръ

…іръ

2-я ж. [1558] Евдокія, д. кн. Ром. Одоевскаго, † 1569.

Евдокія р. 1560.

Василій

Иванъ † 1569.

Юрій † 1569.

Сокращенія:
с. — сынъ.
д. — дочь.
ж. — жена.
м. — мужъ.
число, стоящее въ скобкахъ послѣ м. и ж., означаетъ время бракосочетанія.
плем. — племянникъ.
р. — родился.
† — умеръ.
разв. — разведена.
вѣнч. — вѣнчанъ и царство.
крещ. — въ крещеніи.

Древнѣйшій Кремлевскій княжескій дворъ.

Внѣшній видъ Кремлевскаго поселка при переходѣ его въ княжеское владѣніе. Легенды о бояринѣ Кучкѣ*, которому будто бы принадлежала Москва до ея перехода въ княжескія руки, могутъ служить указаніемъ, что селеніе, расположенное на холмѣ при сліяніи рѣкъ Москвы и Неглинной, въ то время, когда въ немъ начало устраиваться княжеское хозяйство, было уже значительное и состояло изъ дворовъ съ хорошими постройками. Такое же предположеніе вызываетъ и находка въ почвѣ Кремля (въ 1847 году, при постройкѣ Оружейной палаты), древне-славянскихъ украшеній— двухъ массивныхъ серебряныхъ витыхъ шейныхъ гривенъ и двухъ серебряныхъ же семилопастныхъ подвѣсокъ курганнаго типа. Обычно, въ курганахъ находятся вещи

---

* Легенды о бояринѣ Кучкѣ, дошедшія до насъ въ повѣстяхъ XVI и XVII в. о началѣ Москвы, полны всякихъ анахронизмовъ и противорѣчій; но само преданіе о насильственномъ переходѣ Москвы изъ владѣнія боярина въ собственность князя Рюриковича, надо думать, основано на какомъ-то историческомъ событіи, удержавшемся въ народной памяти.

Вотъ какъ изложено оно въ повѣсти *«О началѣ Московскаго княженія, како зачало бысть, а нынѣ великій пресловущій и преименитый царствующій градъ сіяетъ»:* «Были на этомъ мѣстѣ по Москвѣ рѣкѣ—села красныя, хорошія, боярина Кучки. У того жъ боярина были два сына красны зѣло; не было такихъ красныхъ юношъ ни по всей Русской Землѣ. И свѣдалъ про нихъ князь Данила Александровичъ Суздальской и спросилъ у Кучка болярина двухъ сыновъ его къ себѣ во дворъ съ великимъ прещеніемъ. И сказалъ ему: если не дашь сыновъ своихъ мнѣ во дворъ и я на тебя войною приду и тебя мечемъ побью, а села твои красныя огнемъ пожгу. И болярин Кучко Степанъ Ивановичъ, убояся страха отъ князя Данила Суздальскаго и отдалъ сыновъ своихъ обоихъ князю Данилу Александровичу Суздальскому. И князю Данилу полюбились оба Кучкова сына. И началъ ихъ князь Данила любити и жаловати, и пожаловалъ единаго въ стольники, а другого въ чашники. И полюбились тѣ два юноши Даниловѣ княгинѣ Улитѣ Юрьевнѣ;».... ....«Умыслили они со княгинею, какъ бы имъ предати князя Данила смерти. И начали звати князя Данила въ поле ѣздить ради утѣшенія, смотрѣть звѣрскаго уловленія заецевъ. И бысть ему на полѣ. И егда въѣхали въ дебри и начали они, Кучковичи, предавать его злой смерти. И князь Данила ускочивъ отъ нихъ на конѣ своемъ въ чащу лѣса. И бѣжалъ отъ нихъ подлѣ Оки рѣки, оставя коня своего. Они же злые человѣки и убійцы, аки волки лютые, нáпрасно (нежданно) хотяху восхитить его. И сами были въ ужасѣ многомъ, искавши его и не обрѣтоша, но только нашли коня его.... и были въ сѣтованіи и въ пе-

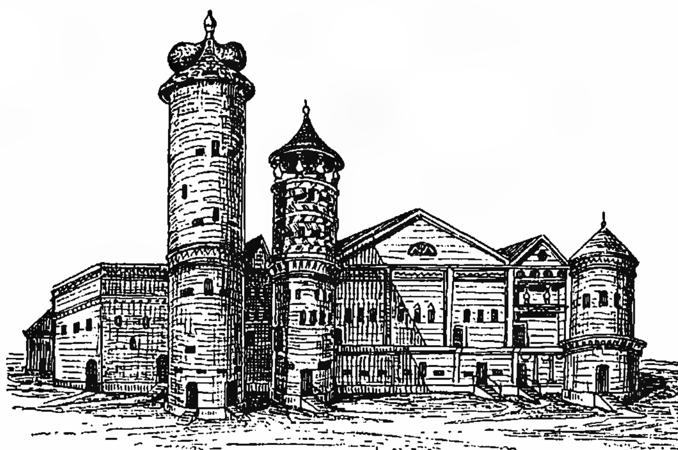

Рис. 2. Хоромы именитыхъ людей Строгоновыхъ въ городѣ Сольвычегодскѣ.

изъ сплава или мѣди, и благородство металла даннаго клада говоритъ объ изрядномъ богатствѣ древнихъ обитателей этого мѣста. Какой внѣшній видъ имѣлъ древній Кремлевскій поселокъ и каковы были зданія и устройство первоначальнаго Кремлевскаго княжаго двора, отвѣта на это надо искать въ исторіи древней русской архитектуры и ея источникахъ.

Однако здѣсь обнаруживается полное отсутствіе прямыхъ извѣстій, и потому для разрѣшенія поставленнаго вопроса поневолѣ приходится обратиться къ косвеннымъ даннымъ—строильнымъ запискамъ и описямъ дворовъ XVI и XVII вѣковъ, разсѣяннымъ по разнымъ мѣстамъ лѣтописи, извѣстіямъ о другихъ княжихъ дворахъ изучаемой эпохи, повѣствованіямъ иноземцевъ, посѣщавшихъ Россію въ XVI, XVII и XVIII сто-

---

чали и въ скорби великой, что упустили князя Данила живаго отъ рукъ своихъ, ранена. Но княгиня Улита «исповѣдала имъ всѣ тайны мужа своего и сказала: есть у мужа моего песъ выжлецъ, который найдетъ своего хозяина живаго или мертваго.» Кучковичи взяли пса, нашли князя и предали его лютой смерти: «прободоша ребра ему и голову отсѣкоша». Когда вѣсть объ убійствѣ дошла къ князю Андрею Александровичу, онъ собралъ войско и пошелъ на Суздаль. Но Кучковичи бѣжали къ отцу. Тогда князь Андрей пошелъ на боярина Кучка. «И не было у Кучка боярина кругомъ красныхъ его селъ ограды каменныя, ни острога деревянаго; и не возможе Кучко боляринъ противъ князя Андрея боемъ битися. И вскорѣ князь Андрей приходитъ со всею силою и емлетъ приступомъ села и слободы красныя, и самого Кучка боярина и съ его дѣтьми въ плѣнъ; и повелѣлъ ихъ оковать желѣзы крѣпкими; и потомъ казнилъ боярина Кучка и съ дѣтьми его всякими казнями различными и лютыми. И тутъ Кучко болярипъ и съ дѣтьми своими лютую смерть принялъ.»

Въ другой повѣсти, озаглавленной «*О зачалѣ царствующаго града Москвы, како исперва зачатся*», дѣло описано такъ: «Въ лѣто 6666 (1158) ѣхалъ князь Юрій изъ Кіева во Владиміръ къ сыну Андрею и наѣхалъ по дорогѣ мѣсто, гдѣ теперь градъ Москва по обѣ стороны рѣки. Стояли тутъ села, а владѣлъ ими нѣкій зѣло богатый бояринъ, имя ему Кучко Степановъ. Тотъ Кучко встрѣтилъ великаго князя зѣло гордо и не дружелюбно. Возгордѣвся зѣло и не почтилъ великаго князя подобающею честію, а къ тому и поносивъ ему. Не стерпя той хулы великій князь повелѣлъ того боярина ухватить и смерти предать. Такъ и было. Видѣвъ же сыновей его, млады суще и лѣпы зѣло и дщерь едину, такову-же благообразну и лѣпу, великій князь отослалъ ихъ во Владиміръ къ сыну своему Андрею. Самъ же князь Юрій взыде на гору и обозрѣ съ нея очима своима, сѣмо и овамо, по обѣ стороны Москвы рѣки и за Неглинною, возлюби села оныя и повелѣ вскорѣ сдѣлати градъ малъ, древянъ, по лѣвую сторону рѣки на берегу и прозва его званіемъ рѣки Москва градъ.»

Рис. 3. Коломенскій дворецъ. Съ акварели Кваренги.

[Подлинникъ находится въ Императорскомъ Эрмитажѣ].

лѣтіяхъ, а также къ графическимъ изображеніямъ—рисункамъ и планамъ, сдѣланнымъ иностранцами и помѣщеннымъ въ изданіяхъ ихъ сочиненій о Россіи, начертаніямъ строеній, попадающимся на русскихъ иконахъ, фрескахъ церквей и главнымъ образомъ въ Лицевыхъ рукописяхъ (лѣтописяхъ, житіяхъ святыхъ и разныхъ сборникахъ).

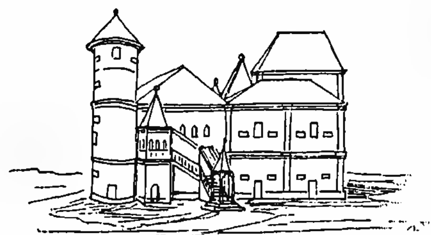
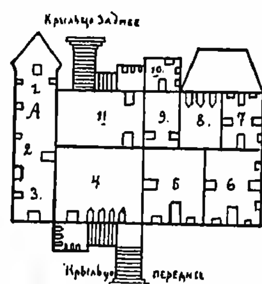

Рис. 4. Абрисъ фасада къ нижепомѣщенному плану, [составленный предположительно по данымъ самаго плана архитекторомъ Потаповымъ].

Описаніе плана:
А. Повалуша:
1. Верхнее житье.
2. Среднее житье.
3. Нижнее житье.
4. Сѣни переднія.
5. Передняя.
6. Комната.
7. Вторая.
8. Третья.
9. Сѣни.
10. Мыльня.
11. Заднія сѣни.

Рис. 5. Древній планъ загородныхъ Царскихъ хоромъ.

Пользуясь этимъ, въ общемъ весьма обильнымъ матерьяломъ*, можно возстановить достаточно вѣрную и полную картину того, что находилось на Кремлевскомъ холмѣ въ тѣ времена, отъ которыхъ не осталось ни рисунка, ни извѣстія.

Такое примѣненіе выводовъ изъ косвенныхъ данныхъ оправдывается устойчивостью уклада древне-русской жизни, а слѣдовательно и строительныхъ формъ, ее обслуживавшихъ. Деревянныя строенія XII вѣка, какъ можно судить о нихъ по краткимъ указаніямъ письменности, въ своихъ главныхъ чертахъ нисколько не отличаются отъ строеній XVI и XVII вѣковъ. Основные представители ихъ—*клѣть и изба*—сохранили свою форму и способъ построенія незыблемо вплоть до нашихъ дней, что явствуетъ изъ ихъ изображеній 300-лѣтней давности.

Такое же заключеніе можно сдѣлать и по отношенію къ болѣе сложнымъ постройкамъ—зданіямъ княжаго дворца. Лѣтописное извѣстіе о теремномъ дворѣ перваго князя, Игоря, удостовѣряетъ, что княжія хоромныя постройки еще въ первой половинѣ X вѣка состояли изъ тѣхъ же частей, какія существовали въ XVI и XVII вѣкахъ, въ эпоху полнаго расцвѣта двора Московскихъ Государей.

---

* Лицевыя рукописи XVI вѣка содержатъ громадное количество (многія тысячи) листовъ съ рисунками (частію раскрашенными) произведеній церковнаго и гражданскаго зодчества, составляющихъ обстановку къ изображаемымъ лицамъ и происшествіямъ. Обширное, почти необозримое поле для изученія древне-русскаго быта вообще и архитектуры въ частности. Но оно ждетъ еще своихъ изслѣдователей, которые установили бы непреложно связь этихъ произведеній пера и кисти нашихъ средне-вѣковыхъ художниковъ съ дѣйствительностью древне-русской жизни, выдѣливъ изъ фантастическаго и подражательнаго въ этихъ картинахъ, драгоцѣнныя крупицы истины. Лучшимъ пріемомъ для того было бы исправленіе недостатковъ перспективы, которыми страдало наше рисовальное искусство того времени. Замѣна искаженныхъ линій правильными сразу приблизила бы копію къ подлиннику, то-есть изображенное къ натурѣ. До послѣдняго времени единственнымъ начинаніемъ въ этомъ направленіи является небольшой трудъ Н. Султанова: «Образцы древне-русскаго зодчества въ миніатюрныхъ изображеніяхъ. Изслѣдованіе по рукописи XVI вѣка, Житіе Николая Чудотворца.» 41 страница текста и 16 таблицъ рисунковъ. 1881 г.

Во всякомъ случаѣ изображенія Лицевыхъ рукописей, и при неполномъ уясненіи ихъ, представляютъ такой цѣнный памятникъ древне-русскаго быта, что обойти его нельзя.

Въ предлагаемой книгѣ онъ использованъ по возможности.

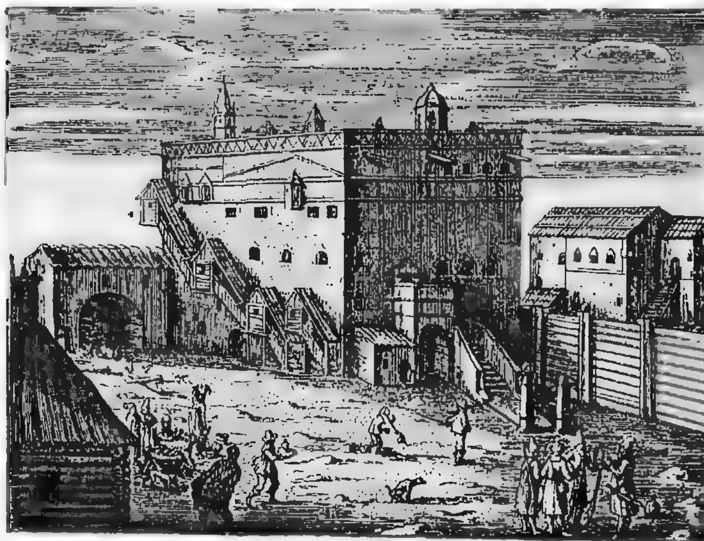

Рис. 6. Домъ въ Китаѣ городѣ, принадлежавшій архіепископу Суздальскому, въ которомъ въ 1634 году было помѣщено Голштинское посольство.
[Изъ книги А. Олеарія].

Княжій дворъ, несомнѣнно, вмѣщалъ, помимо зданій, предназначенныхъ для жизни самого князя и его семейства, всѣ виды строеній, выработанныхъ потребностями русской жизни того времени. Хозяйственныя постройки княжаго двора и жилища для княжескихъ служилыхъ людей должны были включать всѣ тѣ зданія, какія имѣлись и у крестьянина въ его дворѣ, и у зажиточнаго боярина въ его усадьбѣ.

Говоря объ архитектурѣ древняго княжаго двора, нельзя выдѣлять его въ нѣчто особое, по существу отличное отъ жилища людей иного положенія; но для созданія полной картины его, необходимо бросить взглядъ на всѣ произведенія древняго русскаго гражданскаго зодчества вообще, начиная съ простѣйшихъ, деревянныхъ, такъ какъ въ ту пору, да и много позднѣе, на сѣверѣ Руси всѣ зданія, за самыми рѣдкими исключеніями, строились изъ дерева.

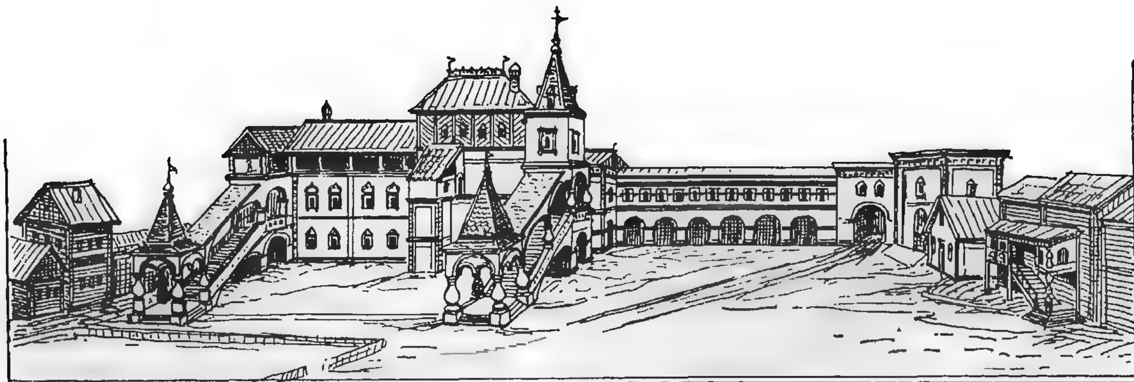
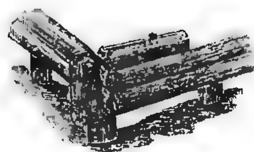
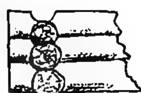

Рис. 7. Посольскій Дворъ въ Китаѣ городѣ.
Рисунокъ изъ альбома Мейерберга XVII вѣка.

Гражданское деревянное зодчество въ древней Руси.

Простѣйшія постройки. Клѣть, изба. Ея составныя части и устройство.

Способъ кладки или рубки стѣнъ. По условіямъ времени строить приходилось изъ плохо просушеннаго лѣса и этимъ само собою опредѣлялся способъ складыванія стѣнъ. Прочно, безъ щелей, изъ такого лѣса можно возводить ихъ только кладя бревна горизонтально. При ссыханіи, надавливая одно на другое, бревна не даютъ щелей, чего не бываетъ при вертикальной постановкѣ.

Связь бревенъ:

Рис. 8—въ обло. *Рис. 9*—въ обло. *Рис. 10*—въ присѣкъ. *Рис. 11*—въ лапу.

Способовъ соединенія бревенъ было весьма много. Они связывались между собою *въ обло, въ присѣкъ*—когда одно бревно накладывалось на круглую вырубку другого крестъ на крестъ, причемъ концы бревенъ выступали; *въ лапу, въ зубъ, въ замокъ, въ косякъ, въ уголъ*—когда связь бревенъ производилась болѣе сложнымъ закрѣпленіемъ, и т. д. Въ руководствахъ по плотничьему искусству показано болѣе полусотни различныхъ способовъ.*

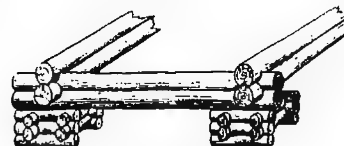

Рис. 12. Рѣжи.

Вѣнецъ. Бревна, связанныя въ четырехъугольникъ или иную фигуру, составляли *вѣнецъ.*

Срубъ. Нѣсколько вѣнцовъ, положенныхъ другъ на друга, образовывали примитивную постройку—*срубъ, стопу.* Иногда срубы *рубились во мху*, т.-е., чтобы не было щелей вѣнцы перекладывались мохомъ. Но, обыкновенно, у зажиточныхъ людей они конопатились льномъ или пенькою.

Стѣны снаружи по бо́льшей части оставались необтесанными, внутри же *выскабливались въ ласъ*, а по угламъ иногда закруглялись.

Рис. 13. Изба на сваяхъ въ деревнѣ между Новгородомъ и Тверью.

[A Demidoff. Voyage pittoresque et archéologique en Russie. Dessins faits d'après nature par A. Durand. Paris, изд. около 30 гг. XIX в.]

Срубы были разной величины. Площадь ихъ зависѣла отъ длины бревенъ, а высота—отъ количества вѣнцовъ.

Клѣть. Чтобы срубъ могъ служить жилищемъ, въ немъ дѣлались двери и окна, мостился полъ и потолокъ, устраивалась крыша. Обработанный такимъ образомъ срубъ представлялъ собою *клѣть.*

Обрубы. Клѣти ставились *(окладывались)* или прямо на *пошвѣ*, на землѣ, или на *столбахъ, рѣжахъ* или *обрубахъ*, что̀ называлось *подрубать рѣжь.* Эти *рѣжи* рубились *клѣтками* или *избицами* (рис. 12), иногда, для прочности, въ двѣ стѣны.

Полъ. Половыя доски *мостились* на *кладяхъ* или *лежняхъ*, т.-е. утверждались на поперечныхъ балкахъ и клались или ровно, гладко въ *причертъ* съ *вытесомъ*, или въ *закрой*, въ *подтесъ*, т.-е. съ краями, находя-

* См. напр.: Дементьевъ—Плотничье искусство. Красовскій—Гражданское зодчество.

щими одинъ на другой. Въ клѣтяхъ, стоящихъ на землѣ—*подклѣтахъ*, мостился *мостъ*, т.-е. устраивался полъ пластинный или бревенчатый.

Потолокъ, *подволока.* Потолокъ состоялъ изъ брусьевъ или бревенъ, вытесанныхъ внутри клѣти и положенныхъ на *матицахъ* (большихъ поперечныхъ бревнахъ)—въ *подтесъ, въ закрой.*

Крыша дѣлалась на два ската, или на четыре—*по полатному.* Скаты бывали очень крутыми, чтобы противостоять давленію снѣга. Если вышина крыши равнялась ширинѣ основанія поперечныхъ скатовъ, такая кровля носила названіе *скирда* или *епанчи*, а болѣе крутая, съ вышиною, равною продольнымъ скатамъ, называлась *полаткою.* Для устройства двухскатной кровли на срубъ ставились ноги—*быки*, съ сучками — *курицами*, т.-е. закрючинами внизу. Они врубались въ *подкуретники*—верхніе вѣнцы сруба. Вверху *быки* соединялись жердью — *князевой слегой*, и образовывали хребетъ, верхнее ребро—*князь, князёкъ, конь, конёкъ.* Ниже, на сучкахъ, клались *латоки*, т.-е. продольныя рѣшетины, а внизу, на закрючины—*застрѣхи* или *водотечники.* Сверхъ этой основы накладывался кровельный тесъ, зажатый внизу *водотечниками*, а наверху, на князькѣ, тяжелымъ бревномъ—*охлупнемъ*, оканчивающимся корнемъ дерева въ видѣ коня, птицы или другихъ фигуръ. Кромѣ охлупня на ребрѣ крыши, на серединѣ ея скатовъ клались иногда для прочности тяжелыя бревна—*гнёты;* концы ихъ схватывались толстой доской—*огнивомъ* и поддерживались загнутыми концами стропильныхъ слёгъ или *подтечинъ.*

Рис. 14. Избы. [Съ рисунка Олеарія XVII вѣка.]

Пространство между потолкомъ и крышей—*чердакъ*, забиралось досками или бревнами—*самцами*, и въ этой стѣнкѣ, т.-е. на фронтонѣ—*очельѣ* вырѣзывалась дверь или окно. Кромѣ того, для освѣщенія чердака по сторонамъ крыши прорѣзывались *выпускныя, выводныя* окна, или *чердачные слухи*, т.-е. слуховыя окна.

Рис. 15. Крыша. Составныя части ея. [Сусловъ—Памятники древняго зодчества].

Въ нарядныхъ избахъ съ лица избы, по сторонамъ ея *очелья*, концы *латоковъ* прикрывались *причелиной*—доской, вырѣзанной съ узоромъ, а по оси накладывалась *вѣтренница.* Наверху, по князю ставили рѣзной гребень, съ *маковицами* по краямъ.

Тесовыя крыши дѣлались въ два слоя, съ прокладкою противъ течи берестою—*скалою*, что называлось *поскалить* крышу. Вмѣсто теса употреблялась и дранница, тоже съ берестою. Въ болѣе благоустроенныхъ избахъ, въ нижней части кровли почти всегда дѣлались для стока воды *полицы*, вродѣ полокъ,—*переломы, отливы, отводы* крыши; подъ ними привѣшивались *желоба.* Въ нарядныхъ избахъ по полицамъ ставились иногда *балясы*, а свѣсъ украшался *подзорами.*

Рис. 16. Конекъ. [дер. Сидоровщина]

Прочность крыши. Описанное устройство дѣлало крышу весьма прочной, способной противостоять какъ сильнѣйшему давленію снѣга, такъ и яростнымъ порывамъ вѣтра. Отдѣльныя части ея, будучи искусно прилажены, нуждались въ скрѣпѣ въ очень немногихъ мѣстахъ. Въ обыкновенныхъ постройкахъ

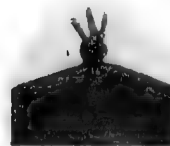

Рис. 17. Конекъ. [Конецъ-Горскій погостъ]

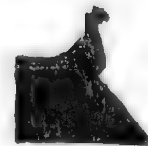

Рис. 18. Конекъ. [дер. Сидоровщина]

Архангельской губерніи.

для этого употреблялись деревянные костыли. Желѣзными же гвоздями, скобками, наугольниками подставками скрѣплялись кровли лишь большихъ хоромъ, состоящихъ изъ соединенія нѣсколькихъ клѣтей.

Окна были двухъ родовъ—*красныя, косящатыя*, съ затворяющейся рамой (рис. 19) и—*волоковыя*, прорѣзанныя прямо въ стѣнѣ, похожія на щели, вышиною отъ 6 до 8 вершковъ, съ задвижной досчатой закрышкой (рис. 14, 20).

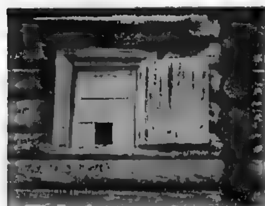

Рис. 19. Косящатое окно избы дер. Нестерово Вологодской губ.

Рамы оконъ, какъ и дверныя полотна, навѣшивались на колоды, вложенныя въ прорѣзанныя въ стѣнахъ отверстія.

Крыльцо. Передъ дверью устраивалось крыльцо со ступеньками. Крыльцо утверждалось на выпускныхъ бревнахъ или *подрубахъ*, а ступеньки—*на тетивахъ*. По бокамъ и того и другого дѣлались перила.

Отопленіе. Клѣти были—холодныя, лѣтнія, безъ печи, и—теплыя, зимнія, съ печью или очагомъ. Отапливаемая клѣть называлась *истопкою, истьбою*, откуда произошло и само слово *изба*.

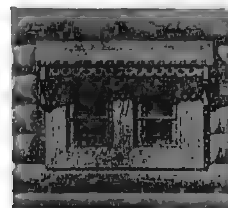

Рис. 20. Волоковое окно въ с. Нюхотскомъ Арханг. губ.

Избы по способу ихъ отопленія дѣлились на *курныя* и *бѣлыя*. Въ курныхъ избахъ печи не имѣли трубъ и дымъ выходилъ въ отверстіе, продѣланное въ стѣнѣ; не было по бо́льшей части и печи; ее замѣнялъ простой очагъ для огня. *Бѣлыя* избы были снабжены печью съ *дымницею*, т.-е. дымовою трубо́ю.

Печь. Печь ставилась на *опечекъ* и состояла изъ употреблявшейся, за неимѣніемъ кирпича, глиняной массы, охваченной деревянной основой и остовомъ, который не давалъ ей развалиться.

Внутреннее устройство избы. Въ готовой избѣ *наряжалось нутро:* у стѣнъ ставились *лавки* съ *опушками* на стамикахъ, *коникъ*, устраивался красный уголъ съ полками и образами и т. д.; иногда потолокъ и стѣны обшивались краснымъ тесомъ въ закрой.

Рис. 21. *Рис. 22.*
Дымницы.

Сложныя постройки. Крестьянскій дворъ. Боярскіе хоромы. Княжій дворецъ.

Таково было устройство избы, клѣти—первообраза русскаго древняго жилища, этой основной формы русскаго деревяннаго зодчества.

1. «Рундукъ»—крыльцо.
2. «Мшанникъ» — кладовая для муки, крупы и т. п.
3. «Подсѣнье»—проѣздъ.
4. «Стайка» — стойло для мелкаго скота.
5. «Подклѣть» — помѣщеніе это дѣлалось иногда жилымъ для второй семьи.
6. «Голубецъ»—кладовая для провизіи.
7. Большой «подсѣнникъ»,—помѣщеніе для лошадей.
8. «Хлѣвъ»—коровникъ.
9. Крыльцо.
10. Сѣни и лѣстница на вышку.
11. Изба; кругомъ стѣнъ избы устроены скамейки въ лѣвой сторонѣ, при входѣ «красный уголъ» со столомъ и образами въ кіотахъ.

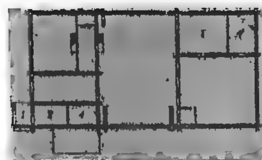

Рис. 23. Планъ 1 этажа.

Рис. 24. Планъ 2 этажа.

12. Кладовая для домашняго скарба.
13. Горница или «боковуша».
14. «Дымникъ» или дымовая деревянная труба.
15. «Взъѣздъ» — помостъ для въѣзда лошадей съ экипажемъ.
16. Большой сѣнникъ; здѣсь хранится сѣно, телѣги, упряжь и пр.
17. Малый сѣнникъ; — сравнительно чистое помѣщеніе, въ которомъ въ лѣтнее время спятъ и производятъ домашнія работы.
18—19. «Задцы» — или «придѣльцы». Помѣщеніе для фуража.

Рис. 25. Изба въ селѣ Воробьевѣ Вологодской губерніи, Кадниковскаго уѣзда, (съ оригинальнымъ палатнымъ покрытіемъ).

Крестьянскій дворъ. Конечно, одна клѣть не могла удовлетворить всѣхъ потребностей существованія даже зажиточнаго крестьянина. Обыкновенно въ крестьянскомъ быту *холодная клѣть* и *теплая изба* ставились рядомъ, подъ общею кровлей. Промежутокъ между ними составляли сѣни.

Рис. 26. Дома, ворота. Изображеніе строеній въ лицевыхъ древнерусскихъ рукописяхъ. Отдѣльныя части рисунковъ.

[Житіе святаго Николая Чудотворца].

Рис. 27. Зданіе съ крышею скирдомъ.

По бо́льшей части клѣть ставилась не прямо на землю, а на срубъ—*мшанникъ*, служившій помѣщеніемъ для скота и кладовою. Такимъ способомъ образовывались два *житья*, т.-е. яруса: нижній, хозяйственный—*подклѣтъ*, и верхній, жилой—*верхъ, горница.*

На сѣверѣ всѣ жилыя помѣщенія, съ внутреннимъ дворомъ посрединѣ, помѣщались, обыкновенно, на подклѣтахъ, подъ одною общею кровлей (рис. 25), составляя второй этажъ. Для въѣзда устраивался помостъ.

Въ подклѣтахъ находились хлѣва, погреба, *голубцы*, т.-е. кладовыя для провизіи. Приблизительно такіе же дома, съ въѣздомъ ко второму этажу по помосту, показаны и на древнѣйшемъ планѣ Кремля Герберштейна (рис. 1).

Нѣкоторыя хозяйственныя постройки ставились также отдѣльно, рядомъ съ жилищемъ, напримѣръ, погребъ съ надпогребницею, баня съ предбаньемъ, амбары, кладовыя, хлѣва и проч., сообразно съ достаткомъ и оборотомъ хозяйства.

Боярскій дворъ. Въ болѣе обширномъ хозяйствѣ постройки по мѣрѣ надобности увеличивались *прирубами* къ главной избѣ, *придѣльцами, задцами, вышками.* Основное жилье также увеличивалось и состояло не изъ одного сруба, а изъ нѣсколькихъ, связанныхъ въ одно зданіе—*двоенъ, троенъ, четвернеи* и т. д., даже *семерней.*

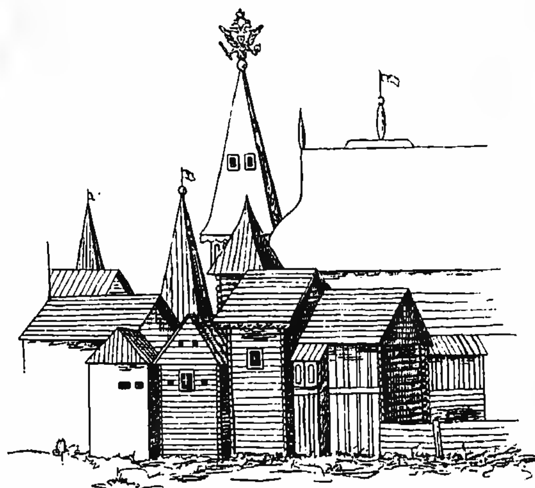

Рис. 28. Нагроможденіе прирубовъ, пристѣновъ, чулановъ и другихъ хозяйственныхъ пристроекъ.
Коломенскій Дворецъ со стороны сада.
[Императорскій Историческій Музей, акварель №№ $\frac{48012}{1031}$].

Хоромы. Такое жилище съ усложненными формами именовалось собирательнымъ именемъ—*хоромами.* Въ большихъ хоромахъ, кромѣ описанныхъ уже частей, находились: *повалуша*—обширный лѣтній покой, строившійся по бо́льшей части впереди зданія, въ видѣ башни въ 3 этажа (рис. 2), имѣвшій, подобно древне-княжеской гриднѣ или столовой, назначеніе парáднаго пріемнаго помѣщенія. *Свѣтлица*—такая же горница, но съ большими косящатыми окнами въ трехъ или даже во всѣхъ четырехъ стѣнахъ, служившая рабочей комнатой на женской половинѣ. *Сѣнникъ*—холодный покой безъ печи, съ дощатымъ или бревенчатымъ потолкомъ, на который никогда не насыпалось земли, почему это

помѣщеніе и предназначалось для новобрачныхъ. *Вышка* или свѣтелка, устраиваемая надъ сѣнями и надъ клѣтью. *Теремъ* или *чердакъ*—ничто иное, какъ болѣе обширная вышка, иногда въ нѣсколько этажей, сооружаемый на самомъ верху хоромъ, съ окнами, прорубленными на всѣ четыре стороны, съ терассою или *гульбищемъ* и съ небольшой *башней-смотрильней.* Самый верхній ярусъ теремовъ ставился иногда въ видѣ *шестерика* или даже *осьмерика.*

Кромѣ этихъ типичныхъ частей, главный корпусъ хоромъ заключалъ такъ-называемую *комнату*, соотвѣтствовавшую нашему кабинету, *одрину*—спальную и *столовую.*

Въ большихъ хоромахъ, соотвѣтственно ихъ размѣрамъ, всегда бывало нѣсколько *сѣней* и непремѣнно *переднія* и *заднія*, отдѣлявшія парадныя пріемныя комнаты отъ жилыхъ.

Сѣни дѣлались иногда очень обширными и имѣли значеніе нашихъ залъ.

То же значеніе мѣста для пріема имѣло отчасти и *крыльцо*, въ богатыхъ хоромахъ, обыкновенно, весьма обширное. Къ нему примыкала длинная *лѣстница* съ *переломомъ*, снабженная 2-мя *площадками* и *рундукомъ* внизу, со ступеньками на всѣ 3 стороны. (рис. 47, 51, 52).

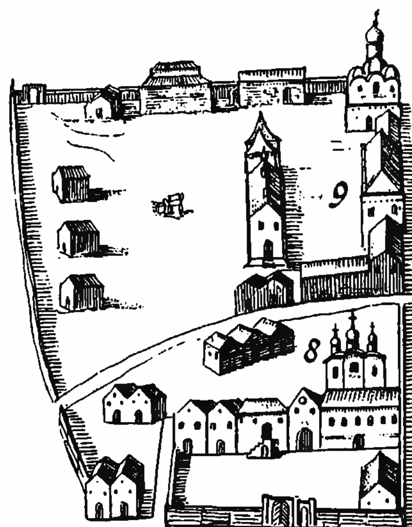

Рис. 29. Заборъ, ворота. Срубы, одиночки, двойни, тройни.

На планѣ Годунова 1601 г. [книга 1, рис. 33].

Кромѣ того, въ составъ большихъ хоромъ входили: *переходы*, соединявшіе отдѣльныя части зданія; *полати* и *хоры*, дѣлившіе хоромины на части въ горизонтальной плоскости; *чуланы*, *каморы, подсѣнья, порубы*, т. е. подклѣты; *пристѣны, казенки*, т.-е. кладовыя; *тайники, скотницы*, т. е. кладовыя со всякою рухлядью; разные погреба—*медуши* (погребъ съ вареными медами), *бретьяницы* (погребъ съ бортевымъ медомъ) и проч.

Заборъ. Остается упомянуть о существенной принадлежности стариннаго русскаго жилья, какого бы размѣра и достоинства оно ни было, объ оградѣ, заборѣ, *заметь* или *заплоть*.

Въ богатыхъ дворахъ заборъ рубился изъ бревенъ въ лапу, или въ замокъ, и скоблился на оба лица, приводился въ *черту*, «чтобы щелей и въ углахъ диръ не было». Въ заборѣ на столбахъ или *столбцахъ, вереяхъ* устраивались *ворота*, состоявшія изъ одного или двухъ щитовъ, т.-е. одностворчатыя или двустворчатыя. Сбоку, а иногда съ двухъ боковъ, дѣлались *калитки*, обшитыя тесомъ.

Ворота покрывались кровлею съ *полицами* и украшались, какъ передняя и, слѣдовательно, наиболѣе замѣтная часть двора, рѣзнымъ гребнемъ или небольшими бочками, шатриками (рис. 52, 53).

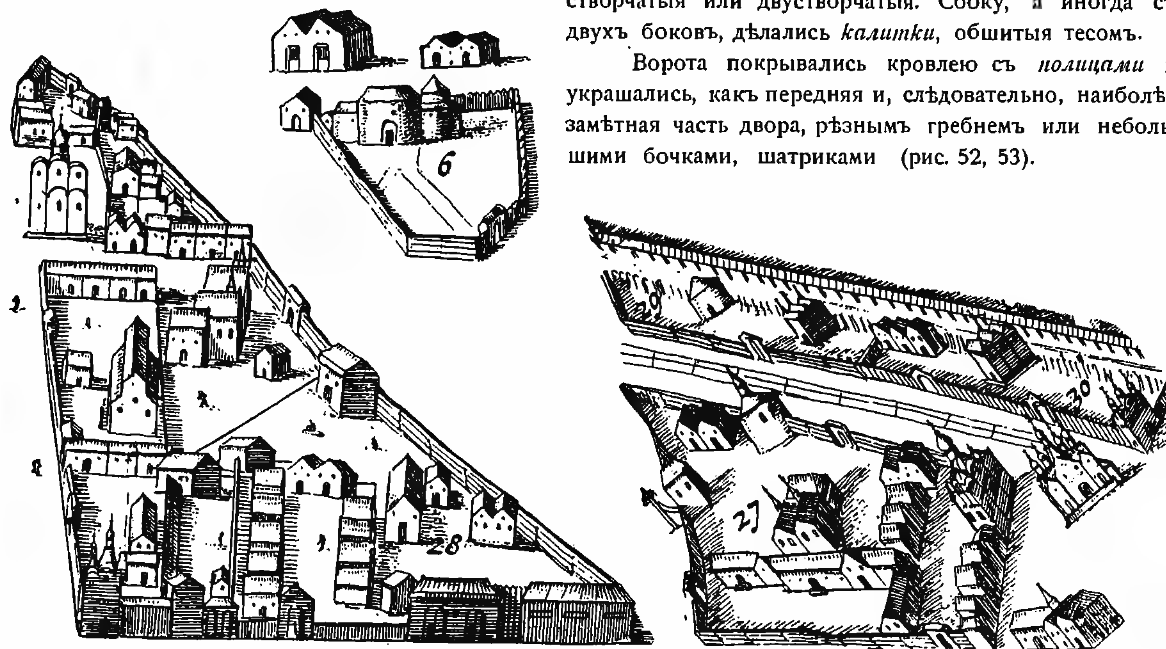

Рис. 30, 31, 32. Дворы, заборы, ворота. Избы, одиночки, двойни, тройни и т. д.

Отдѣльныя части плана Годунова Московскаго Кремля.

Отдѣлка большихъ, богатыхъ хоромъ. Конечно, большія хоромы богатыхъ людей и внутри и снаружи отдѣлывались иначе, чѣмъ ихъ первообразъ—изба.

Главнымъ украшеніемъ были крыши, необыкновенно разнообразной формы: въ видѣ высокихъ *шатровъ, кубовъ, шестериковъ, осьмигранниковъ,* срѣзанныхъ и поставленныхъ на бокъ *бочекъ,* съ заостреніемъ вверху и съ *пучинами,* т.-е. округлостью боковъ разной мѣры и склада; иногда въ видѣ шатровъ, поставленныхъ на бочкахъ, или въ видѣ бочки, перерѣзанной крестъ на крестъ бочкою (одной или двумя) (рис. 3). Эги разнообразныя кровли *кожушились* мелкими рѣшетинами или покрывались *лемехомъ* (тесомъ съ фигурно-рѣзанными концами, иначе называемомъ *гонтомъ въ чешую*), каковой матеріалъ покрытія былъ необходимъ при изогнутости крышъ. Наверху они украшались *прапорцами, флюгерами* и *маковицами,* а внизу обрамлялись широкой *полицей,* которая соединяла покрытія хороминъ того же яруса въ одно цѣлое и была украшена подвѣсной рѣзьбой—*подзоромъ.*

Разнообразіе увеличивалось вслѣдствіе того, что каждая часть хоромъ была покрыта особой кровлей: въ крыльцѣ и примыкавшей къ ней лѣстницѣ, напримѣръ, каждая площадка имѣла свой верхъ.

Наружными украшеніями хоромъ служили также *переходы, гульбища, крылечки* и *лѣсенки* съ перилами, опирающимися на рѣзныя колонки *(балясы, гудки, гонки),* съ перехватами, а также рѣзныя затѣйливыя *очелья,* т.-е. фронтоны, *наличники* оконъ и дверей, съ изображеніями звѣрей и птицъ, *причелины* и расположеніе досокъ на стѣнахъ *елочкой.*

Рис. 33. Ворота.

Рис. 34. Крыши, бочкою и шестерикомъ.
[Житіе святаго Николая Чудотворца, XVI вѣка].

Рис. 35. Ворота. Крыша бочкою съ заостреніемъ.

Внутренняя отдѣлка (печи, окна, двери, полъ, потолокъ, мебель). Въ свѣтлицахъ и жилыхъ покояхъ богатыхъ хоромъ первобытная простота и суровость жилища простолюдина смягчалась болѣе изящною изразцовою, муравленою печью, все помѣщеніе обивалось сукнами и украшалось богатыми цѣнными коврами, скатертями, полавочниками, убиралось всевозможными разнаго качества и цѣнности предметами домашняго обихода, которые могли представлять собою великую роскошь даже и въ современномъ смыслѣ.

Рис. 36. Часть причелины надъ воротами.

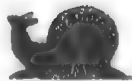

Рис. 37. Конекъ съ розеткой.

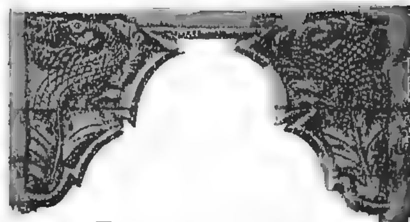

Рис. 38. Причелина надъ дверью.

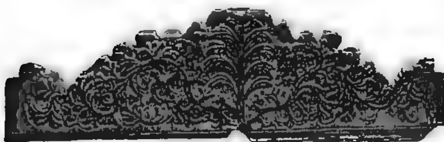

Рис. 39. Причелина надъ дверью.

Рис. 40. Птица Скринъ.

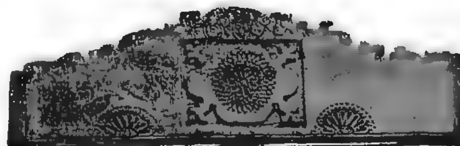

Рис. 41. Причелина надъ дверью.

[Императорскій Историческій Музей въ Москвѣ].

Рис. 42. Рѣзной столбъ.
Церковь свв. Петра и Павла въ Пучугѣ, Вологодск. губ.

Рис. 43. Окна Коломенскаго Дворца.
[Архивъ Министерства Императорскаго Двора].

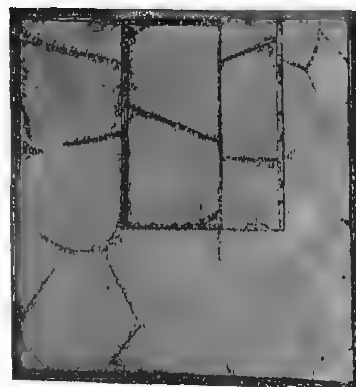

Рис. 44. Слюдяное окно.
[Император. Историч. Музей въ Москвѣ].

Рис. 45. Кабакъ и почтовая станція по дорогѣ между Костромой и Ярославлемъ.
[A. Demidoff. Voyage pittoresque et archéologique en Russie. Dessins faits d'après nature par A. Durand. Paris, изд. около 30 гг. XIX столѣтія].

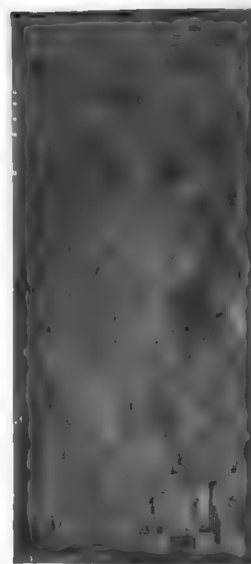

Рис. 46. Слюдяное окно.
[Императорскій Историческій Музей въ Москвѣ].

Общій видъ древнихъ большихъ хоромъ. Такимъ образомъ, русскія хоромы, въ ихъ полномъ развитіи, представляли сложное зданіе съ разнообразными, лишенными симметріи формами, вѣрнѣе—не одно зданіе, а цѣлую группу своеобразныхъ хороминъ, связанныхъ сѣнями и переходами, съ убѣгающими въ сторону крыльцами и лѣсенками, съ уходящими въ высь теремами и повалушами, съ причудливыми, громоздящимися другъ надъ другомъ кровлями, которыя своимъ разнообразіемъ усиливали затѣйливость, запутанность очертаній. Въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ хоромы достигали большой высоты, что̀, повидимому, считалось условіемъ красоты архитектуры*

Рис. 47. Крыльцо. *Рис. 48.* Крыльцо съ сѣверной стороны. *Рис. 49.* Крыша и переходъ. *Рис. 50.* Вышк
Коломенскій Дворецъ. [Императорскій Историческій Музей, акварель, № 26403 № 92, № 1].

Многосложность наружнаго вида большого древне-русскаго жилища въ его цѣломъ увеличивалась еще тѣмъ, что рядомъ, отдѣльно отъ жилыхъ и пріемныхъ хороминъ, или въ связи помѣщались хозяйственныя постройки въ томъ порядкѣ, какъ онѣ постепенно выростали по мѣрѣ потребностей, вытекающихъ изъ жизни. Амбары и напогребицы, овины, погреба, житенки и житницы, сараи, конюшни, коровники и хлѣва, поварни, пекленицы и хлѣбни, мыльни, мшанники, половни и проч., съ пристройками и надстройками, располагались близь или поодаль хоромъ, составляя вмѣстѣ съ ними одно цѣлое, одинъ дворъ, обнесенный одною общею оградою.

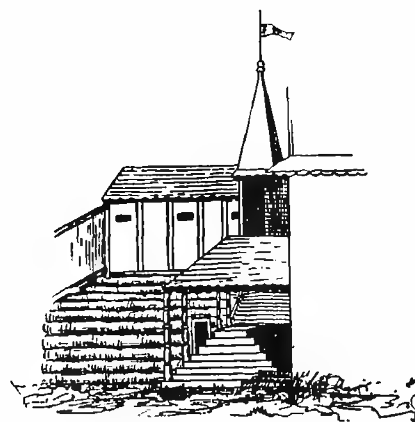

Рис. 51. Крыльцо. Коломенскій Дворецъ. [Императ. Историч. Музей].

Вся эта многочленная и многообразная группа строеній усложнялась присутствіемъ домашняго храма, стоявшаго или въ общей связи съ жилыми хоромами, или по близости отъ нихъ.

Княжій дворъ. Таковъ былъ внѣшній видъ и княжаго двора. Княжескія хоромы отличались отъ хоромъ богатыхъ частныхъ людей лишь размѣрами и количествомъ входящихъ въ ихъ составъ частей, что̀ стояло въ зависимости отъ богатства и многочисленности княжеской семьи, а также присутствіемъ въ числѣ хороминъ необходимаго

* Петрей, бывшій въ Россіи въ началѣ XVII в., говоритъ: «въ Московскомъ государствѣ домы строятся чрезвычайно высокіе, деревянные, въ двѣ или три комнаты, одна надъ другой. Тотъ почитается знатнымъ, пышнымъ и большимъ тузомъ въ городѣ, кто выстроитъ себѣ очень высокія хоромы съ крышкою надъ лѣстницей крыльца. Такіе домы особенно стараются строить богатые дворяне и купцы...

для оффиціальнаго княжескаго быта особаго передняго покоя для пріемовъ—такъ-называемой *гридни, гридницы.**

Собственно княжескій, а позднѣе и царскій дворъ состоялъ, сообразно съ потребностями его быта, изъ трехъ частей: хоромъ *пріемныхъ, жилыхъ* или *постельныхъ покоевъ* и *хозяйственныхъ построекъ.*

Хоромы пріемныя, наиболѣе обширныя и красивыя, стояли впереди, въ лицѣ всѣхъ построекъ. Въ числѣ ихъ находились *гридня, столовая изба, горницы, повалуши,* а также и *сѣни,* составлявшія въ княжескомъ дворцѣ столь важную и неотъемлемую часть, что въ древности самъ дворецъ нерѣдко именовался *сѣнями, сѣнницею.* Позднѣе, въ XVI и XVII столѣтіи, часто встрѣчаются выраженія: у *Государя на Сѣняхъ,* т. е. во дворцѣ.

Рис. 52. Крыльцо. Коломенскій дворецъ.
Съ акварели Кваренги. [Императорскій Эрмитажъ].

Жилые или **постельные покои** устраивались всегда наверху, во второмъ этажѣ, отчего слово *верхъ* въ быту Московскихъ Государей и означало жилище царя; они состояли изъ 3-хъ—4-хъ комнатъ въ одной связи, къ которымъ примыкали переднія и заднія сѣни.

Комнаты эти назывались по порядку: первая—*передней,* т.-е. пріемной; вторая—*комнатой,* соотвѣтствовавшей нашему кабинету; третья—*крестовой,* т.-е. молельней, и четвертая—*опочивальней* или *ложницей.*

Если въ жилыхъ покояхъ было больше четырехъ комнатъ, то остальныя не имѣли особыхъ названій, а именовались—*пятой, шестой* и т. д.

Рядомъ съ названными комнатами или внизу (въ подклѣтѣ) помѣщались *мыльня, сѣнникъ,* а также *чуланы* и *каморки,* соединявшіеся съ жилыми покоями *сѣнями, переходами* и *лѣсенками.* Надъ постельными покоями устраивался *теремъ* или свѣтлый чердакъ съ *гульбищемъ* вокругъ него и *смотрильной башенкой.*

Рис. 53. Ворота и заборъ.
[Съ Псковской иконы Срѣтенія Пресв. Богор.].

Рис. 54. Ворота при избѣ.
[Въ Костромской губерніи].

Отдѣльно отъ хоромъ Государя, совершенно подобныя имъ, ставились хоромы Княгини, Государевыхъ дѣтей, а также Государевыхъ родственниковъ.

Хозяйственныя постройки располагались по своему назначенію, образуя особые дворы: *Конюшенный, Житный, Сытный, Кормовой* или *Поваренный, Хлѣбенный* и пр. Эти дворы или дворцы не были строго отграничены одинъ отъ другого и обособлены вполнѣ отъ частей дворца, служащихъ жилищемъ князю. Наоборотъ, нѣко-

---

* Еще Владиміръ давалъ пиры боярамъ и нарочитымъ людямъ въ гридницѣ.

Рис. 55. Коломенскій царскій дворецъ близъ Москвы.

[Съ акварели Гильфердинга изъ Императорскаго Эрмитажа].

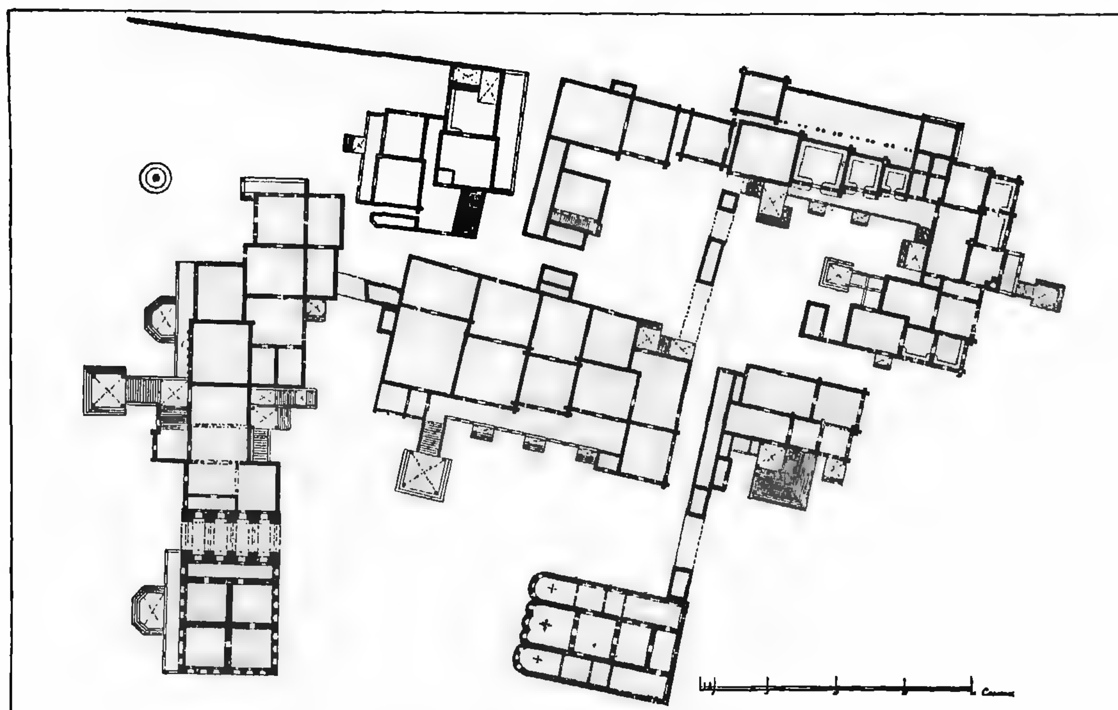

Рис. 56. Планъ нижняго этажа царскаго дворца въ селѣ Коломенскомъ.

торыя строенія разныхъ вѣдомствъ стояли другъ съ другомъ въ перемежку ради удобства и въ силу постепеннаго роста княжаго хозяйства. Кромѣ того, многія хозяйственныя помѣщенія вкрапливались въ жилыя и даже пріемныя хоромы дворца въ видѣ разныхъ пристроекъ, кладовыхъ, погребовъ и пр. Кромѣ того, подклѣтный этажъ вообще всѣхъ дворцовыхъ палатъ былъ обращенъ въ помѣщенія хозяйственныя. Тамъ же жила часть служащихъ этихъ дворцовъ и сосредоточивалось ихъ управленіе.

Домовый храмъ въ княжескомъ дворцѣ занималъ среди всѣхъ прочихъ построекъ особое положеніе. Онъ воздвигался обыкновенно рядомъ съ пріемными палатами, примыкая къ переднимъ сѣнямъ, почему къ наименованію храма прибавлялись слова «на сѣняхъ». Такъ, въ Московскомъ дворцѣ домовый храмъ во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы назывался «Благовѣщеньемъ, что у Государя на сѣняхъ». Въ сводахъ и споях (подвалахъ) домоваго храма, какъ наиболѣе оберегаемой части дворца, устраивались тайники и казна, для храненія наиболѣе цѣннаго имущества.

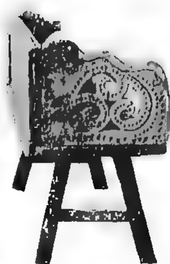

Рис. 57. Лавки.

[Императорскій Историческій Музей въ Москвѣ].

Рис. 58.

Рис. 59.

[Музей имени кн. Тенишева].

Рис. 60, 61. Свѣтцы.

[Музей Имп. Александра III въ Петроградѣ].

Величина дворовъ въ древней Руси. Количество построекъ и ихъ размѣры.

Величина дворовъ была весьма различна, въ зависимости отъ разныхъ условій—ихъ мѣста нахожденія, средствъ владѣльца и т. д. Вообще, въ городахъ дворы занимали меньшее пространство, чѣмъ въ посадахъ. Судя по писцовымъ книгамъ XVI вѣка, въ городахъ дворъ простолюдиновъ занималъ въ среднемъ около 41 квадратн. саж. (20×18 шаговъ). Въ посадѣ подобный дворъ былъ немного больше (46 кв. саж.); но имѣлъ всегда огородъ приблизительно въ 300 кв. саж.

Боярскіе и Государевы дворы были, разумѣется, гораздо обширнѣе—въ 400, 500 квадратн. саж., а иногда и значительно больше. Такъ, въ городѣ Коломнѣ Государевъ дворъ раскинулся на 1.920 кв. саж., а дворъ кн. Бѣльскаго достигалъ 2.400 кв. саж.

Количество построекъ также было разное. У простолюдиновъ приходилось въ среднемъ по 3 строенія на дворъ. Въ боярскихъ дворахъ ихъ было много больше. На дворѣ кн. Мстиславскаго, въ Веневѣ, было 8 жилыхъ покоевъ и 19 хозяйственныхъ построекъ; въ числѣ ихъ конюшня, состоящая изъ 57 связанныхъ вмѣстѣ срубовъ. На Государевомъ дворѣ, въ Коломнѣ, находились церковь Вознесенія Господня и 47 построекъ, соединенныхъ 8-ю переходами; изъ нихъ 11 жилыхъ покоевъ—столовая, 1 середняя, 1 задняя и 3 переднія избы, 2 комнаты и 3 повалуши. Это былъ самый большой дворъ изъ всѣхъ, описанія которыхъ сохранились отъ XVI вѣка. Царскій дворецъ въ селѣ Коломенскомъ включалъ въ себѣ (по описи XVII в.) болѣе сотни разныхъ помѣщеній.

Размѣры строеній вообще были весьма незначительны, по бóльшей части 2—3 сажени «межъ угловъ». Лишь въ самыхъ большихъ дворахъ (царскихъ, въ Казани и Коломнѣ) были избы въ 6—7 саженъ. Въ видѣ исключенія, попадались такія строенія, какъ поварня въ 25 саж. и конюшня въ 145 саж. длины (дворъ кн. Мстиславскаго въ Веневѣ).

Внѣшній видъ древнѣйшаго Кремлевскаго княжескаго двора и его внутреннее убранство.

Представляя себѣ древнѣйшій княжій дворъ въ Кремлѣ, даже послѣ 1156 года, т.-е. послѣ устройства княземъ Юріемъ Долгорукимъ изъ простого селенія—города, не надо забывать, что этотъ городокъ въ Суздальскомъ княжествѣ былъ дальнимъ, доставался всегда младшимъ сыновьямъ разныхъ линій Всеволодова рода и не имѣлъ постояннаго княженія (стр. 35). Князья бывали тамъ наѣздомъ, оставались недолго и не свивали себѣ прочнаго гнѣзда. Вмѣстѣ съ князьями мѣнялись ихъ дружины; слѣдовательно, и населеніе городка не успѣвало осѣсть прочно и устроиться въ немъ, какъ слѣдуетъ. Этотъ вновь выстроенный городокъ былъ сожженъ въ 1177 году; въ 1209 и 1213 годахъ подвергался осадамъ; былъ уничтоженъ вмѣстѣ съ окрестными селеніями и монастырями въ 1238 году Батыемъ и въ 1293 году Дюденею (см. кн. I, стр. 12, 13). Все это необходимо отражалось на внѣшнемъ видѣ самого княжескаго двора въ Кремлѣ: до времени княженія Даніила Александровича Московскаго, незыблемо основавшагося въ Москвѣ со своимъ родомъ, онъ постоянно мѣнялъ свой планъ, размѣры и составъ и долженъ былъ имѣть характеръ вновь выстроенныхъ хоромъ, безъ тѣхъ признаковъ уютства и изукрашенности, какіе придаютъ своему жилищу хозяева, живущіе на старомъ отцовскомъ и дѣдовскомъ пепелищѣ.

Рис. 62. Изображеніе великаго князя Святослава Ярославовича съ семействомъ.*
На заглавномъ листѣ Сборника Святослава 1073 г.
[Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ].

* На кн. Святославѣ зеленый кафтанъ съ краснымъ подоломъ, сверхъ него синее корзно съ краснымъ поднарядомъ [подкладкою], съ краями, наведенными золотомъ, застегнутое на правомъ плечѣ красною запоною съ золотыми отводами. Шапка желтоватаго цвѣта съ синими наушками и темнокрасною опушкою, сапоги зеленые, остроносые. На княгинѣ верхняя одежда краснаго цвѣта съ широкими рукавами и широкимъ желтымъ подольникомъ, золотой поясъ. На головѣ убрусъ. На сыновьяхъ ихъ—Глѣбѣ, Романѣ, Олегѣ и Давидѣ, высокія синія шапки съ мѣховымъ околомъ, надѣтыя сверхъ другихъ, плотно облегающихъ голову [таѳьи]; кафтаны малиноваго цвѣта съ воротниками и рукавами, наведенными золотомъ. Золотые пояса съ 4 концами. Сапоги красные. У маленькаго Ярослава отъ шеи до пояса золотая обшивка съ тремя поперечными золотыми полосами.

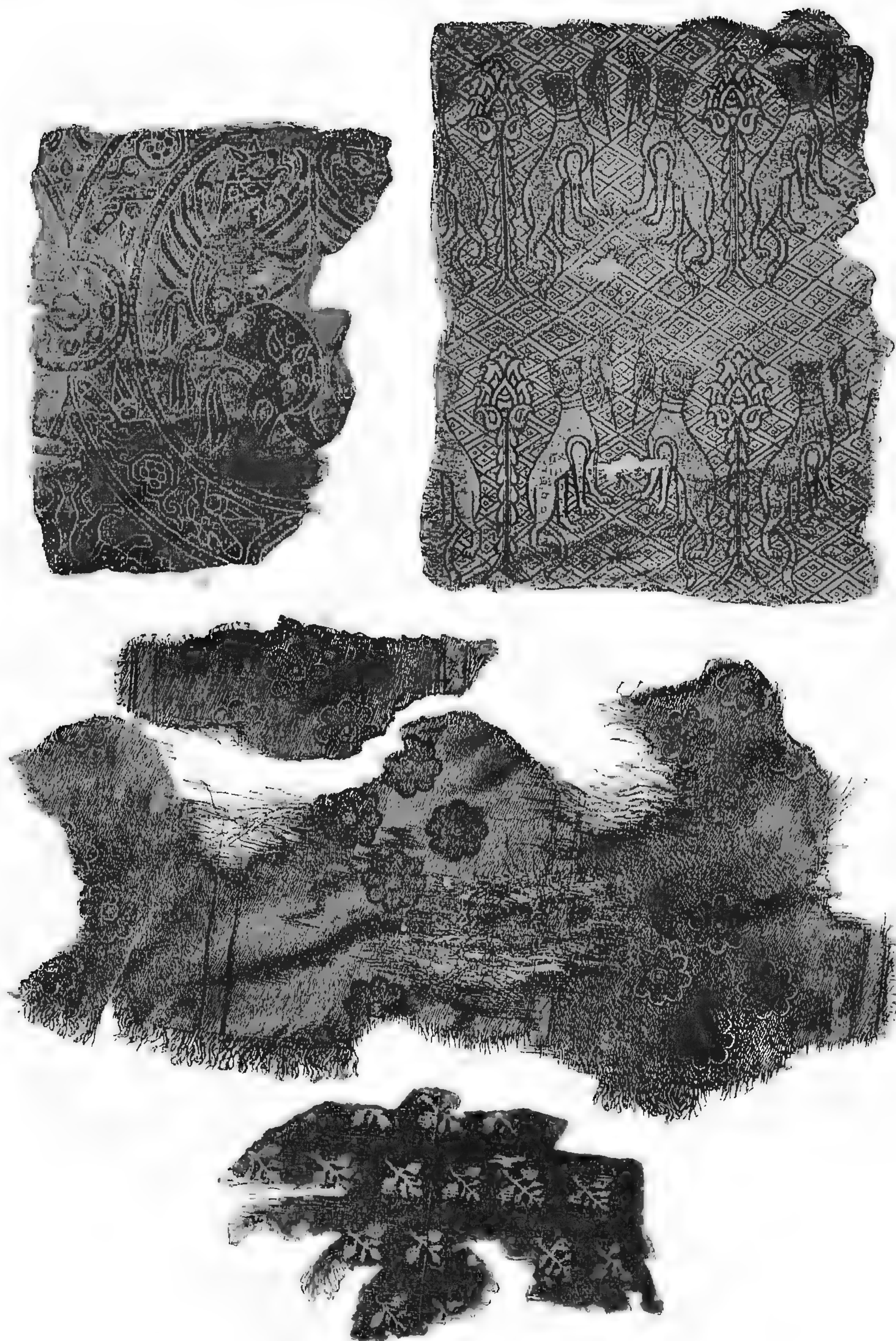

Рис. 63. Куски ткани съ княжеской одежды XIII—XIV вв.

[Прохоровъ. Христіанскія древности].

Что касается убранства княжескихъ палатъ, то хотя въ описываемое время во дворцѣ Московскомъ нельзя предполагать никакой особой роскоши, все же въ немъ могли находиться отдѣльныя вещи высокаго достоинства. Въ памятникахъ того времени, при указаніи на богатство, называются: *паволоки*—покрывала, испещренныя «многими шелки» или всѣ шитыя золотомъ; *оксамиты*—шелковыя ткани вродѣ бархата, съ узорами разныхъ цвѣтовъ, иногда золотыми и серебряными или съ кружевомъ; *ожерелья* златыя—воротники одежды; *фофудьи*—восточные златотканые плащи; *узорочья* всякія, т.-е. драгоцѣнныя вещи или ткани съ литыми, рѣзными или шитыми узорами; *сосуды* золотые и серебряные; *мѣха*—соболи, горностаи, черныя лисицы, куницы, песцы, бѣлки, бобры и пр.; *каменье* дорогое и *жемчугъ;* кромѣ того, разное *оружіе*, напримѣръ: *шоломы* златые; перевитыя золотомъ *стрѣлы* съ камнями самоцвѣтными, а также другіе воинскіе доспѣхи и принадлежности военнаго дѣла, какъ *стязь* червленый съ бѣлою *хоругвію*, или *челка* червленая съ древкомъ серебрянымъ и т. д.

Рис. 64. Шлемъ XIII в. съ золотой насѣчкой и арабской надписью:

«шапка Яркендскаго дѣла, хана Муххамедъ». Найденъ на р. Сити, Ярославской губ., на мѣстѣ сраженія съ татарами въ 1237 г., и приписываемый в. кн. Георгію Всеволодовичу, павшему въ этой битвѣ.

[Московская Оружейная Палата, № 4408].

Необходимо принять во вниманіе, что въ эпоху до Татарскаго нашествія, при первыхъ Московскихъ князьяхъ, Русскій княжескій родъ былъ связанъ родственными узами почти со всѣми царствующими домами Европы.

Такъ, у перваго собственника Москвы, князя Юрія Владиміровича Долгорукова, отецъ, Владиміръ Мономахъ, былъ сыномъ Гречанки и женатъ на Гидѣ Англійской. Родной братъ Юрія, Мстиславъ Великій, былъ женатъ на Христинѣ Шведской; сестра, Евфимія, была за королемъ Венгерскимъ Коломаномъ. Родныя племянницы Юрія, дочери Мстислава, были: одна—первымъ бракомъ за королемъ Датскимъ Эрикомъ Эдмундомъ, вторымъ—за королемъ Норвежскимъ Сигурдомъ; другая—за королемъ Оботритскимъ Канутомъ Святымъ (Лавардомъ); третья—за Греческимъ царевичемъ Алексѣемъ. Внучка Мстислава, Евфросинія—за королемъ Венгерскимъ Гейзою.*

Такое родство не могло не имѣть вліянія на бытъ и обстановку Кремлевскаго княжескаго дворца, въ которомъ, какъ выше было сказано, на ряду съ простыми предметами своего русскаго издѣлія, могли находиться и художественныя вещи изъ иныхъ странъ, напримѣръ произведенія Царьграда, этой школы искусства, роскоши и моды того времени для всей Европы.

---

* Правнучка короля Гейзы и Евфросиніи, святая Елисавета Тюрингенская и Гессенская, передала кровь Рюрика въ Гессенскій Домъ, съ которымъ Русскій Императорскій Домъ четыре раза соединенъ брачными узами—чрезъ Великую Княгиню Наталію Алексѣевну, Императрицу Марію Александровну, нынѣ здравствующую Императрицу Александру Θеодоровну и Великую Княгиню Елисавету Θеодоровну.

Рис. 65—72. Такъ называемый Рязанскій кладъ 1822 года.

Запоны и пуговицы сканной работы XII—XIII в.в. Запоны съ священными финифтяными изображеніями и драгоцѣн камнями и жемчугомъ, составлявшія всѣ вмѣстѣ великокняжескія бармы—ожерелье съ цѣпью.

Изображеніе въ половину натуральной величины.

[Московская Оружейная Палата, № 74.]

Съ другой стороны, географическое положеніе Москвы на пересѣченіи трехъ большихъ дорогъ дѣлало ее мѣстомъ весьма оживленнымъ, черезъ которое проходили товары съ дальняго Востока, изъ Византіи и съ Запада.

Москва лежала на пути между Новгородомъ и Востокомъ. При сношеніяхъ Суздальской Руси съ Южной—ее также нельзя было обойти; поэтому Москва служила мѣстомъ свиданія и отдыха при всякихъ передвиженіяхъ князей, ихъ дружинъ и посольствъ, о чемъ лѣтопись даетъ много извѣстій.

Такъ, помимо упомянутыхъ уже въ I-й книгѣ случаевъ въ 1147 и 1175 годахъ, въ 1176 году князь Олегъ Черниговскій провожалъ до Москвы изъ Чернигова своихъ тетокъ, княгинь Михаила и Всеволода Георгіевичей. Въ 1207 году въ Москвѣ соединилась съ Новгородцами рать великаго князя Всеволода Георгіевича, шедшая на Рязань.

Въ виду этого, надо предположить, что въ Московскомъ дворцѣ было достаточно и помѣщеній, и запасовъ* для такихъ остановокъ лицъ княжескаго рода съ ихъ немалочисленными дружинами и челядью.

Расположеніе Московскаго княжескаго двора—хоромъ князя и хозяйственныхъ службъ.

На основаніи изложеннаго, а также нѣкоторыхъ другихъ историческихъ и топографическихъ данныхъ, возможно представить себѣ мѣсторасположеніе Московскаго княжескаго двора съ его молодымъ хозяйствомъ.

На Кремлевскомъ холмѣ посрединѣ стояла единственная тогда въ городѣ церковь Рождества Предтечи.

Княжескій дворъ былъ расположенъ рядомъ съ храмомъ, окружая его съ трехъ сторонъ—южной, западной и сѣверной. Дворцовыя хоромы находились съ запада, на самомъ высокомъ мѣстѣ Кремля, на крутомъ обрывистомъ мысѣ, выступавшемъ къ сліянію рѣкъ Москвы и Неглинной. **

Пріемныя палаты князя были обращены лицевымъ фасадомъ на церковную площадь, такъ что изъ оконъ ихъ можно было наблюдать за всѣмъ, что происходило внутри города. Постельные, жилые покои находились позади переднихъ палатъ и высились своими теремами на самомъ краю лѣваго крутого берега Неглинной. Ихъ разнообразныя очертанія вмѣстѣ съ частоколомъ укрѣпленій и сбѣгающими по склону берега деревьями и кустами отражались въ чистыхъ водахъ извилистой рѣчки. Изъ вышекъ и башенокъ постельныхъ помѣщеній открывался далекій видъ на всю окрестность, что было такъ важно въ тѣ времена, когда защита отъ вражескаго нападенія составляла одно изъ первыхъ условій существованія и жилище по необходимости должно было обладать качествами крѣпости.

---

* Каковы были запасы всякаго добра въ княжескихъ усадьбахъ, можно судить по тому, что въ 1146 году, при ограбленіи кн. Изяславомъ Мстиславичемъ Путивльскаго дворца кн. Святослава Ольговича, всей добычи разомъ «не можно было двигнуть». Тогда въ погребахъ было взято 500 берковцевъ меду и 80 корчагъ вина, въ стадахъ захвачено 1.000 коней и 3.000 кобылъ и забрано въ плѣнъ 700 человѣкъ дворни.

** Обрывъ этотъ понижался въ теченіи семи вѣковъ и былъ окончательно срытъ лишь въ прошломъ столѣтіи, при постройкѣ нынѣ существующаго Большого Кремлевскаго Дворца (1838—1849).

Тѣ же обстоятельства обусловливали общее расположеніе хозяйственныхъ помѣщеній древнѣйшаго княжескаго двора; такъ какъ въ полномъ своемъ составѣ они не могли помѣститься въ небольшомъ пространствѣ самого дѣтинца (см. описаніе устройства укрѣпленій древне-русскихъ городовъ, книга I, стр. 4), то надо предположить, что тамъ находились помѣщенія лишь важнѣйшихъ, необходимыхъ на случай осады жизненныхъ статей хозяйства—житницы, кладовыя, конюшни, склады оружія и т. д. Дома ближайшихъ князю людей—его дружины и служни, по всей вѣроятности, также ютились внутри Кремля*. Все остальное—разныя службы и жилища второстепенныхъ дѣловыхъ людей княжаго двора, какъ и дома непридворнаго населенія—было расположено внѣ внутренней городской ограды. Изъ этихъ построекъ ближе къ Кремлю находились заведенія, обслуживавшія наиболѣе важныя потребности жизни—поварни, хлѣбопекарни, кузни, мастерскія оружія, упряжи и проч. Съ востока, непосредственно за первой линіей укрѣпленій, находилось кладбище**, за нимъ, приблизительно на мѣстѣ Ивановской площади, стояли сараи и амбары; около нынѣшнихъ Чудова и Вознесенскаго монастырей шли огороды и выгоны для домашняго скота; далѣе, за второй линіей укрѣпленій, были расположены лавки и палатки древнѣйшаго Московскаго торговаго пристанища, дома посадскихъ людей, за которыми начинался уже дѣвственный бортный лѣсъ съ разбросанными по немъ починками бортниковъ—пчеловодовъ.

Съ юга и запада отъ Кремля, на луговой сторонѣ Москвы-рѣки, раскинуты были княжескіе поселки: ткачей, садоводовъ и другихъ ремесленниковъ (впослѣдствіи Московскія урочища—*Кадаши*, *Хамовники*, *Садовники* и проч.), существовавшіе тогда только въ видѣ ничтожныхъ селищъ, быть можетъ, отдѣльныхъ дворовъ, теряющихся въ просторѣ полей, луговъ и лѣсовъ.

По рѣчкамъ Яузѣ и Неглинной, близъ Кремля и поодаль, стояли княжескія мельницы; тамъ же были расположены поселки рыболововъ, избы охотниковъ съ псарнями, ястребниковъ и сокольниковъ съ соколятнями, птицеводовъ съ птичниками, конюховъ съ конюшнями, пастуховъ съ загонами для скота и т. д.

Общій видъ всего мѣста представлялъ обычную въ древней Руси картину—ширь и приволье кругомъ городка, внутри же его укрѣпленій, въ Кремлѣ, безпорядочное нагроможденіе зданій разнаго вида и формы: по скатамъ холма лѣпящіяся строенія, на его вершинѣ сжатыя со всѣхъ сторонъ и стремящіяся въ высь хоромы; всюду тѣснота. Свободное отъ построекъ мѣсто лишь вокругъ церкви, около алтарей которой находилось кладбище, а передъ входомъ въ храмъ и, слѣдовательно, передъ передними палатами княжескаго дворца—небольшая площадь.

Здѣсь, на этомъ маленькомъ пространствѣ церковной площади, между храмомъ и княжескими хоромами, сосредоточивалась вся общественная жизнь столицы Московскаго княжества.

---

* Населеніе городка, несмотря на его незначительные размѣры (см. книгу I, ист. схему), могло состоять изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, пяти или шести, а можетъ быть, и болѣе; во время Высочайшаго пріѣзда въ 1913 году въ Кремлѣ, въ однихъ только дворцовыхъ зданіяхъ, очень просторно размѣстились 2.130 человѣкъ.

** Весной 1913 года, при переустройствѣ отопленія въ Успенскомъ соборѣ, мѣсто котораго находилось внѣ первой линіи укрѣпленій Кремля XII и XIII вв., близъ его сѣверной стѣны были найдены надгробія и остатки гробовъ на такой глубинѣ подъ отесками Калитина Успенскаго собора, что приходится ихъ отнести ко времени до-Батыева нашествія.

Московскій княжескій дворъ въ XII и XIII в.в. Составъ служилыхъ людей. Ихъ отношенія къ князю—права и обязанности.

Для того, чтобы правильно представить себѣ составъ и положеніе служилыхъ людей древнѣйшаго Московскаго княжескаго двора, необходимо имѣть хотя бы самое общее понятіе о населеніи Руси въ Удѣльное время, ибо тогда всѣ общественныя отношенія, опредѣляющія положеніе отдѣльныхъ частей населенія, были совершенно иными, чѣмъ въ наши дни.

Населеніе Руси въ Удѣльное время.

Въ Удѣльное время все населеніе Руси состояло изъ свободныхъ людей и холоповъ.

Свободные люди, въ древнихъ памятникахъ нашей письменности обозначаемые словами—*людіе, мужи*, были всѣ полноправными и не дѣлились на сословія. Но родъ занятій и имущественное положеніе распредѣляли ихъ на различные общественные слои.

Высшій классъ составляли *бояре**. Первоначально слово *бояринъ* не имѣло такого опредѣленнаго значенія высшаго чина, какъ впослѣдствіи. Боярами назывались знатнѣйшіе, лучшіе *(вячшіе, большіе, старшіе, нарочитые, передніе, лѣпшіе)* люди земли.

Бояре дѣлились на бояръ *земскихъ*—богатыхъ осѣдлыхъ землевладѣльцевъ и городскихъ нарочитыхъ людей, и на бояръ *княжихъ*—дружинниковъ *(огнищане, княжіе люди)*, такъ-называемыхъ *вольныхъ слугъ*, подвижныхъ воиновъ, не имѣвшихъ прочной осѣдлости и связи съ населеніемъ, но слѣдовавшихъ всюду за своимъ княземъ.

Впослѣдствіи, особенно въ сѣверной Руси, при князьяхъ вотчинникахъ, по мѣрѣ того, какъ княжіе бояре осѣдали прочно на землѣ, а земскіе бояре вступали на службу къ князьямъ, оба эти рода бояръ постепенно слились и составили одинъ высшій классъ.

Ниже бояръ стояли *гости*, т.-е. купцы, разъѣзжающіе по землѣ, а также *торговые* и *посадскіе* люди. Эта часть населенія, жившая больше по городамъ и посадамъ *(люди градскіе)*, занимала среднее общественное положеніе.

Низшіе слои составляло сельское населеніе—*смерды*, т.-е. простолюдины *(чернь, простая чадь, мелкіе, меньшіе, мезинніе люди)*, занимающіеся обработкой земли, *закупы*—наемные работники, и *изгои***—обѣднѣвшіе, жалкіе, нуждающіеся въ покровительствѣ люди.

Въ Московскихъ памятникахъ свободные люди назывались *вольными* людьми, а сельское населеніе носило (послѣ Татарскаго завоеванія) общее наименованіе *христіанъ* или *хрестьянъ* (откуда современные *крестьяне*).

Несвободные люди—*челядь*, т.-е. домочадцы, *холопы и робы* (по Московскимъ памятникамъ *слуги, дѣловые, страдные люди*), различались степенью зависимости отъ своего господина. Среди нихъ были *холопы* полные—*обельные, одерноватые*, и только временные—*кабальные*.

Въ домашнемъ хозяйствѣ положеніе ихъ опредѣлялось степенью годности—знавшіе какое-либо ремесло, стояли выше простыхъ работниковъ.

---

* Слово *бояринъ* можетъ происходить какъ отъ слова *бой* (вой—воинъ), такъ и отъ слова *боль, болій*, которое по значенію приближается къ другому именованію боярина—*вельможа*.

** Изгои и закупы были, повидимому, люди съ ограниченными правами, по своему положенію приближающіеся къ людямъ несвободнымъ. Кто такіе были изгои и закупы до сихъ поръ не вполнѣ выяснено. Проф. М. Діаконовъ вмѣстѣ съ Буслаевымъ указываютъ на происхожденіе слова *изгой* отъ *гоить*—жить, и придаютъ ему значеніе противоположное слову зажиточный. (Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси, стр. 123). Проф. Сергѣевичъ вмѣстѣ съ Микутскимъ (Арх. ист.-юрид. свѣд. изд. Н. Калачевымъ) сближаютъ изгоя съ Латышскимъ словомъ izgois—вышедшій, предполагая, что первоначально изгои были люди вышедшіе, выкупившіеся изъ холопства (Русскія юридическія древности I, 274). *Закупы*, по мнѣнію Сергѣевича и Рейца, были наймиты, наемные работники. Мейеръ (О правѣ залога 225), Неволинъ (Исторія гражданскихъ законовъ V, 147) и проф. Чичеринъ (Опыты, 154) смотрятъ на закупничество, какъ на заемъ, обезпеченный залогомъ личности должника. Проф. Владимірскій-Будановъ (Обз. исторіи русск. права) говоритъ о закупѣ, какъ объ арендаторѣ, временно прикрѣпленномъ къ землѣ за долгъ ея владѣльцу.

Княжій дворъ въ Удѣльное время состоялъ изъ дружины, домашней прислуги и людей хозяйства (въ XIV в. дворцовые люди).

Дружина дѣлилась на старѣйшую —*бояръ, мужей,* * и младшую — *боярцевъ, молодь, дѣтскихъ, гридь, гридьбу*** или *мечниковъ (киличеевъ).*

Часть этой дружины, въ лицѣ младшихъ ея представителей, составляла личную охрану и прислугу *(служню)* князя и жила постоянно при немъ, въ его дворцѣ; это были такъ-называемые *отроки.*

Въ низшихъ своихъ разрядахъ они смѣшивались съ холопами и дворовыми людьми князя и назывались общимъ именемъ *дворныхъ людей, дворянъ.* ***

Изъ нихъ выбирались *тіуны,* т.-е. ключники — казначеи, *подкладники,* т.-е. спальники, *конюшіе, ловчіе, стольники,* т.-е. застольные слуги, *меченоши, посельскіе ключьники, приказчики, дьяки* и проч.

Къ *людямъ хозяйства* принадлежали, какъ и въ послѣдующее время: *повара, конюхи, псари, садовники, огородники, бараши* (завѣдывавшіе рухлядью: бара—мягкая рухлядь, т. е. мѣха), *бортники, варницы* и прочіе ремесленные люди, какъ напримѣръ, *портные, сапожники, сѣдельники, кузнецы, слесаря, оружейники, плотники, колесники, бочары* и т. д.

Права и обязанности придворныхъ людей.

Бояре и слуги были землевладѣльцами, сельскими хозяевами; въ мирное время жили въ своихъ вотчинахъ или пожалованныхъ княземъ имѣніяхъ и являлись на службу по зову князя вмѣстѣ съ отрядами ратниковъ, набранныхъ изъ числа лицъ, жившихъ на ихъ вотчинныхъ земляхъ.

Бояре сами имѣли свой дворъ и свою дружину, иногда весьма многочисленную,**** которую памятники называютъ *отроками, чадью* или просто *домомъ, дворомъ.*

Бояре были люди совершенно свободные. Князю они служили добровольно и имѣли право переходить на службу къ другому князю по личному выбору, «отказаться» отъ службы одному и «приказаться» къ другому, даже отъѣхать къ нему съ своей *вотчиной,* т.-е. передать источникъ силы — свои земли — нерѣдко сопернику своего бывшаго государя.

Слуги подъ дворскимъ были также людьми свободными и пользовались тѣмъ же правомъ въ любое время перейти отъ одного князя къ другому. Но при этомъ они теряли свою землю, которая не составляла, какъ вотчины бояръ, ихъ полной собственности, но жаловалась княземъ подъ условіемъ службы.*****

---

* Въ большихъ княжествахъ, гдѣ управленіе дворомъ поручалось боярину, дворецкому (или дворскому)—эти мужи назывались *слугами подъ дворскимъ.*

** Рейцъ и Владимірскій-Будановъ производятъ *гридь* отъ Скандинавскаго слова grith — господскій, княжій домъ, давая гриди значеніе придворныхъ слугъ; Соловьевъ и Срезневскій указываютъ на Славянское Хорутанское слово *грида* — громада, сборище, дружина.

*** Въ 1175 году, послѣ убійства князя Андрея Боголюбскаго, *дворяне* «разграбили домъ княжь, злато и сребро, порты же и паволоки и имѣніе, ему же не бѣ числа».

**** Родіонъ Нестеровичъ пришелъ къ князю Ивану Калитѣ съ 1.700 своихъ «послужильцевъ».

***** Эти «служни земли» были древнѣйшими помѣстьями, впослѣдствіи получившими такое развитіе въ Московскомъ Государствѣ.

Между боярами и младшими членами дружины не существовало коренного различія и непереступимой грани. Наоборотъ, отроки, подростая, становились мужами и по службѣ изъ низшихъ рядовъ переходили въ высшіе.

Кромѣ отправленія воинской службы, составлявшей ихъ первую обязанность, и разныхъ должностей по управленію, слуги, вмѣстѣ съ боярами, являлись членами высшаго правительственнаго учрежденія—княжеской *Боярской Думы.*

Княжеская боярская Дума въ Удѣльное, какъ и въ послѣдующее время, представляла собою собраніе довѣренныхъ и опытныхъ лицъ изъ среды служилыхъ людей. Составъ и время созыва Думы зависѣли всецѣло отъ усмотрѣнія князя. Иногда онъ совѣтовался съ двумя, тремя лицами, другой разъ со всею дружиною, въ зависимости отъ каждаго даннаго случая. Мнѣніе этой Думы было для князя необязательно. Онъ былъ воленъ принять его или отвергнуть. Но, въ силу свободнаго положенія бояръ и слугъ, составлявшихъ Думу, князь, обыкновенно, не рѣшался предпринять чего-нибудь важнаго безъ ихъ обсужденія, или дѣйствовать противъ высказаннаго ими мнѣнія, ибо, въ случаѣ несогласія дружины, князь, въ сущности, былъ лишенъ возможности привести въ исполненіе свои намѣренія. «О себѣ еси, княже, замыслилъ—не ѣдемъ по тебѣ», говорила въ такихъ случаяхъ дружина и.... предпріятіе рушилось само собою, за неимѣніемъ исполнителей.

Эта самостоятельность дружины была зерномъ, изъ котораго впослѣдствіи выросли дебри многовѣковой борьбы за власть между Московскимъ Государемъ и его боярами. Но въ тѣ добрыя Удѣльныя времена дружина князя составляла его *друзей* *, что̀ видно изъ самаго ея наименованія. Вступленіе дружинниковъ на службу къ князю сопровождалось крестнымъ цѣлованіемъ на вѣрность и скрѣплялось взаимной выгодой.

Кромѣ старѣйшей дружины, бояръ и слугъ, всѣ остальные служилые люди при дворѣ князя были людьми зависимыми отъ него въ той или иной степени.

Значительнѣйшимъ лицомъ среди нихъ былъ *тіунъ* или *тивунъ*. Въ большихъ хозяйствахъ тіуновъ было нѣсколько. Русская Правда называетъ: *тивуна огнищнаго,* завѣдывавшаго, судя по названію**, домашнимъ хозяйствомъ, *тивуна конюшаго и тивуна сельскаго* или *ратайнаго.*

Тивунъ былъ первымъ довѣреннымъ лицомъ въ домѣ; онъ завѣдывалъ всѣмъ хозяйствомъ и стоялъ во главѣ остальныхъ домашнихъ слугъ—холоповъ. Ему поручались ключи, почему онъ назывался и *ключникомъ;* съ теченіемъ времени это названіе вытѣснило первое. Кромѣ домашняго хозяйства, тивуну поручались всевозможныя другія дѣла: совершеніе всякихъ сдѣлокъ отъ имени своего господина, покупка, продажа и проч., и, наконецъ, отправленіе правосудія, ибо въ древности не дѣлалось различія между частными и общественными дѣлами князя.

Тіунъ, поставленный судьею, переставалъ уже завѣдывать княжескимъ хозяйствомъ. По своимъ обязанностямъ онъ дѣлался весьма значительнымъ должностнымъ лицомъ, самъ имѣлъ своихъ дьяковъ, знатоковъ древняго права и судопроизводства, и, получая

---

* Подобно высшему разряду кліентовъ у Римлянъ, сольдуріямъ у Галловъ и комитамъ—товарищамъ у Германцевъ.

** В. О. Ключевскій указываетъ (Курсъ Русск. Ист. ч. I, стр. 199), что «въ древнихъ памятникахъ Славяно-Русской письменности слово огнище является со значеніемъ челяди».

доходъ отъ этой своей государственной дѣятельности, наживалъ себѣ тѣмъ состояніе, имѣлъ свой домъ и собственность, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда бывалъ человѣкомъ несвободнымъ, рабомъ своего князя.*

Такимъ образомъ, въ Удѣльное время тіунъ былъ своего рода alter-ego князя. Это подтверждаетъ слѣдующій, отмѣченный лѣтописцемъ, разговоръ князя съ епископомъ.

«Князь Конъстянтинъ полотскій въспроси владыки Симеона Тферьскаго (ум. 3 Февр. 1289 г.) гдѣ быти тіуномъ нашимъ на ономъ свѣтѣ? и рече владыка: гдѣ и князь. Князь же о томъ не полюби на владыку, глаголя: тіунъ неправо судитъ, мъзду емлетъ, зло дѣетъ; язъ что дѣю? и рече ему владыка: аще будетъ князь добръ, и жалуетъ люди, и того ради избираетъ властителя мужа добра, страха Божія полна, разумна и праведна, князь будетъ въ раи и тіунъ его съ нимъ. Аще же будетъ князь безъ страха Божія и христіанъ не имать жаловати, и онъ поставляетъ властелина зла, невѣдуща, толико бы ему кунъ добывалъ..... и князь будетъ въ адѣ, а тіунъ его съ нимъ.»**

При небольшихъ княжескихъ дворахъ, въ маленькихъ бѣдныхъ удѣлахъ, состояло сравнительно меньшее количество придворныхъ и вообще въ древнѣйшее время число должностей было не велико: въ завѣщаніи Владиміра Мономаха упоминается лишь о *тіунахъ, отрокахъ, ловчихъ и конюхахъ.* Съ теченіемъ же времени, при усложненіи управленія, роды службы расчленяются и число чиновъ умножается.

Въ старыхъ большихъ княжествахъ Удѣльнаго періода за XII и XIII вѣка, кромѣ упомянутыхъ должностныхъ лицъ, вѣдавшихъ дворъ князя и общественное управленіе, существовали еще разные мелкіе чины: по сбору налоговъ—*осменики и мытники;* по судебнымъ дѣламъ—*биричи, подвойскіе;* по дворцовому управленію—*казначей**** *и печатникъ.* Сверхъ этихъ гражданскихъ и придворныхъ чиновъ высшую администрацію составляли *посадники—волостели, воеводы***** *намѣстники* и, наконецъ, *тысяцкій съ сотскими,* стоявшій во главѣ гарнизона стольнаго города и по своему значенію занимавшій высшее мѣсто въ центральномъ правительствѣ, выше всѣхъ остальныхъ должностей.

---

* Въ происхожденіи и развитіи значенія нашихъ дворцовыхъ должностей не мало общаго съ тѣмъ, что было и на Западѣ въ соотвѣтствующій періодъ исторіи. Во Франкской монархіи важнѣйшія должности поручались первоначально рабамъ, а позднѣе людямъ свободнымъ. Такъ, должность сенешала (siniscalh) вначалѣ исполнялъ старѣйшій изъ рабовъ (что̀ видно изъ этимологіи этихъ словъ sinis-senex—старшій, scalh-famulus—рабъ). Конюшій (marescalcus) былъ тоже рабомъ. Сходство съ нашимъ дастроемъ заключалось и въ томъ, что всѣ эти придворныя должности, будучи вначалѣ чисто домашними, хозяйственными, постепенно получали общегосударственное значеніе. Comes stabuli обратился въ коннетабля, connétable. Какъ у насъ конюшій выросъ въ первый чинъ двора, такъ и marescalcus сталъ marechal-емъ—маршаломъ. Сенешалъ же, по латинской терминологіи major domus—мажордомъ, возвысился настолько, что въ концѣ концовъ узурпировалъ королевскую власть и провозгласилъ себя королемъ (Пипинъ Короткій). При Византійскомъ дворѣ должности великаго паппіи (ὁ παππίας), и его помощника—дѐвтера (ὁ δεύτερος), соотвѣтствовавшія нашимъ дворецкому и шатерничему, давались вначалѣ также рабамъ и евнухамъ, а съ теченіемъ времени обратились въ придворный чинъ, которымъ удостоивались лишь почетныя и заслуженныя лица.

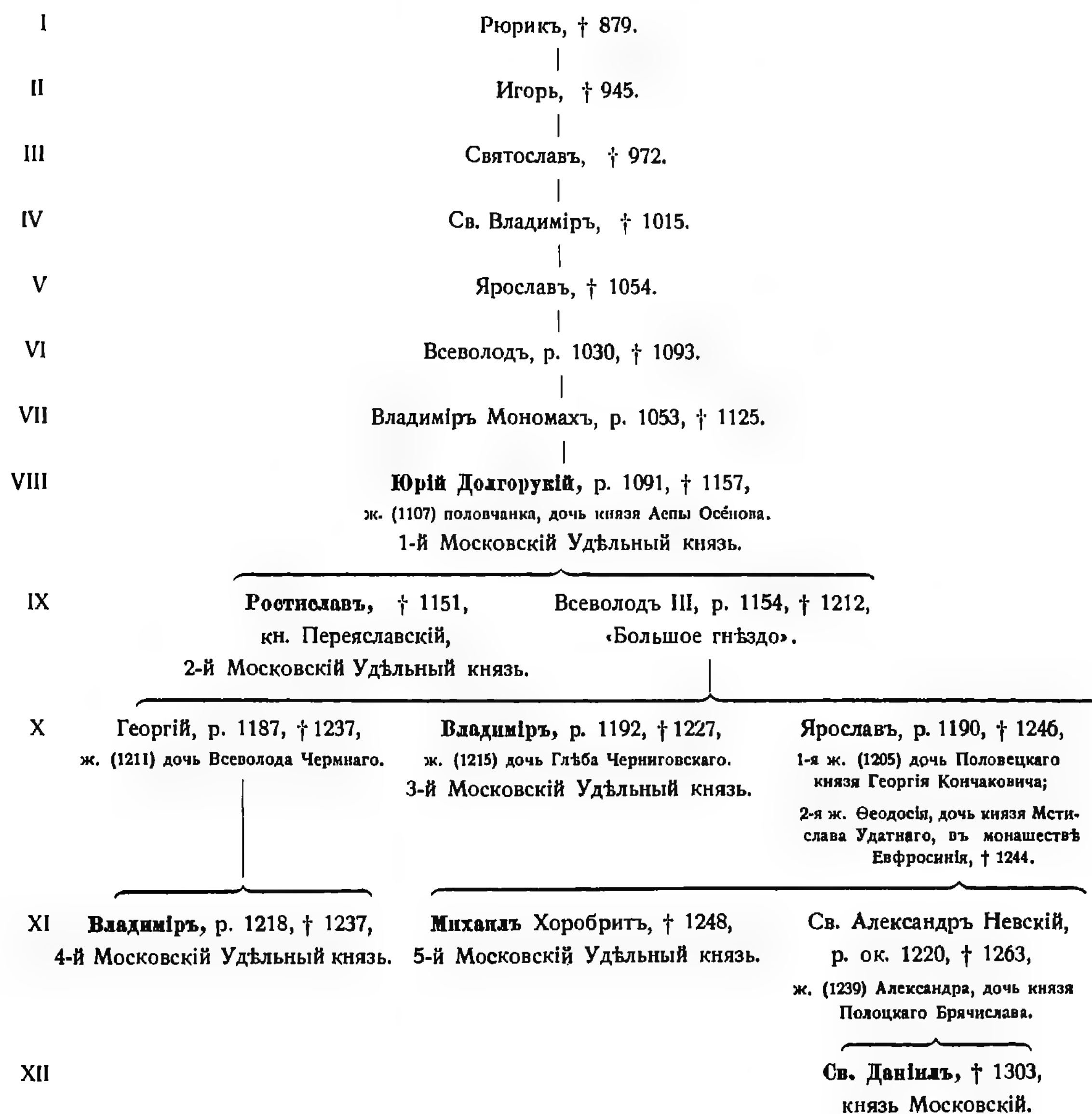
** Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго, IV, прим. 178.

*** При дворѣ Франкскихъ королей нашимъ казначеямъ соотвѣтствовали thesaurarii или camerarii, стольникамъ и чашникамъ—dapiferi и buticularii.

**** Вспомнимъ воеводу Филиппа Нанка, убитаго въ Москвѣ при ея взятіи Батыемъ (кн. I, стр. 13).

Московскіе удѣльные князья до святого князя Даніила Александровича

и ихъ мѣсто въ родѣ Рюрика.

Московскій княжескій дворъ въ XII и XIII вѣкахъ.

Бытъ и дѣятельность Московскаго князя.

Въ Кремлевскомъ княжескомъ хозяйствѣ, у сына Мономаха, князя Юрія Долгорукова и его первыхъ преемниковъ, какъ князей небольшихъ, штатъ придворныхъ былъ приблизительно столь же немногосложенъ и сравнительно немногочисленъ, какъ и тотъ, который обслуживалъ дворъ Мономаха.

Рис. 73—74. Князь Глѣбъ, совершающій путь на конѣ и въ лодкѣ. Сильвестровскій сборникъ XIV вѣка. [Библіотека Московской Синодальной Типографіи].

Когда князь находился въ Кремлѣ — столицѣ цѣлаго удѣла, начавшаго быстро развиваться, тамъ кипѣла жизнь уже съ утра. Московскіе князья вставали рано, до восхода солнца, памятуя совѣты своего доблестнаго предка, Владиміра Мономаха, въ поученіи къ сыновьямъ начертавшаго слѣдующій образъ жизни: «не будьте лѣнивы ни на что доброе; прежде всего не лѣнитесь ходить въ церковь; да не застанетъ васъ солнце въ постели; такъ дѣлывалъ мой отецъ и всѣ добрые мужи. Возвратясь изъ церкви, надобно садиться думать съ дружиною или людей оправливать (т. е. творить судъ и расправу) или на охоту ѣхать или такъ поѣхать куда, или спать лечь; для спанья время отъ Бога присуждено — полдень.» Такимъ образомъ, жизнь во дворцѣ князя начиналась еще до восхода солнца.

Немедленно оживали улица и площадь предъ княжескимъ дворцомъ. Съ восходомъ солнца отворялись городскія ворота и жизнь била уже ключемъ. Кремль, этотъ средневѣковой городъ, вся жизнь котораго совершалась на улицѣ, гудѣлъ какъ муравейникъ. На площади, предъ княжескимъ дворомъ и церковною папертью, толпился народъ — всѣ, кому было дѣло до самого князя или его двора: жители

самого городка, а также пришедшіе изъ селъ и поселковъ, съ разныхъ промысловъ и ухожій. Ожидая выхода князя, они обсуждали свои нужды, толковали о дѣлахъ, передавали новости и проч.

Князю, послѣ утренней молитвы и завтрака, предстоялъ день, полный разнообразнѣйшей дѣятельности, всевозможныхъ заботъ и хлопотъ. Московскій князь не былъ *княземъ кормленымъ* Кіевской Руси, этимъ военнымъ стражемъ и *подвижнымъ вотчичемъ* всей Русской земли; онъ сдѣлался осѣдлымъ княземъ *вотчинникомъ*, собственникомъ и устроителемъ земли; соприкасаясь непосредственно съ населеніемъ и его нуждами, онъ лично вникалъ во всѣ дѣла своего удѣла.

На Москвѣ, куда уже началсяя притокъ населенія изъ разныхъ мѣстностей Руси, князю приходилось распоряжаться садившимися на «нови», на «сыромъ корню», «новоприходцами», на разныхъ условіяхъ раздавать имъ земли и угодья, нѣкоторымъ выдавать «подмогу» деньгами и зерномъ «на сѣмена и ѣмена», заботиться о дорогахъ къ ихъ починкамъ и селищамъ.

Рис. 75. Князь Борисъ съ дружиной.
Сильвестровскій сборникъ XIV вѣка.
[Библіотека Московской Синодальной Типографіи].

Все это доставляло князю не малыя заботы, наполняя его жизнь неотложными дѣлами, требующими особаго вниманія. Сто́итъ только вспомнить условія существованія того времени въ покрытыхъ вѣковымъ лѣсомъ новыхъ мѣстахъ. Пришедшіе въ этотъ край люди не могли пропитаться звѣроловствомъ и рыболовствомъ— Весь и Меря, уже четыре столѣтія бившіе здѣсь пушного звѣря, значительно поубавили зоологическія богатства страны. Пришельцамъ необходимо было искать источника существованія въ земледѣліи, садиться на *пожню—займище*, рубить, корчевать, жечь дѣвственный лѣсъ, расчищать его подъ пашню. Безъ посторонней помощи обойтись было почти невозможно, особенно вначалѣ, такъ какъ даже добраться до этихъ мѣстъ было мудрено. Междурѣчіе было отдѣлено отъ Приднѣпровья «грязью топучею,

корбою (трущобою) зыбучею». Непроѣздныя топи, болота и многоводныя рѣки— лѣтомъ, глубокіе снѣга—зимою, отдѣляли этотъ край отъ южной Россіи, гдѣ мирному поселянину жить стало не въ мочь. Владиміръ Мономахъ указываетъ на свой переходъ «сквозѣ вятичей» какъ на подвигъ. При этомъ переходѣ лошади падали, тонули, люди болѣли и гибли. «Похромата кони», «вода по чрево коневи», «моръ въ конихъ и во всѣхъ воихъ», говоритъ лѣтописецъ при описаніи поѣздокъ князя Юрія Долгорукова изъ Суздальской земли въ Кіевъ. Люди, совершившіе этотъ переходъ, какъ и бѣжавшіе на Москву отъ татарскихъ погромовъ изъ сосѣднихъ областей, были истощены и нуждались во всемъ. Князю приходилось брать ихъ на свое попеченіе и ставить на ноги, чтобы послѣ имѣть въ нихъ источникъ силы и богатства.

Рис. 76—77. Убіеніе и погребеніе св. князя Бориса.
[Сильвестровскій Сборникъ XIV вѣка].

Кромѣ безчисленныхъ и безпрестанныхъ заботъ о новоселахъ, на князѣ лежали весьма разнообразныя дѣла по управленію: установленіе оброковъ, даней съ земель и пошлинъ съ товаровъ на перепутьяхъ и перевозахъ, разборъ споровъ и тяжебъ, назначеніе должностныхъ лицъ на разныя мѣста своего удѣла, охрана людей и защита собственнаго города, и пр., и пр.

Не малыхъ заботъ и попеченій требовали отъ князя собственный дворъ и хозяйство.

Избѣгая опрометчивыхъ поступковъ, князь всѣ сомнительныя дѣла рѣшалъ совмѣстно со старѣйшими боярами, наиболѣе опытными людьми изъ своей дружины. Совѣщанія съ ними происходили по утрамъ почти ежедневно.

Когда не было неотложныхъ дѣлъ и время тому благопріятствовало, князь отправлялся на охоту, составлявшую въ тѣ времена не только развлеченіе, но и немаловажную отрасль хозяйства.

Всѣ упомянутыя и подобныя имъ занятія съ избыткомъ наполняли время до обѣда, который начинался гораздо ранѣе полдня. За обѣдомъ слѣдовалъ отдыхъ—болѣе или менѣе продолжительный сонъ.

Проведя все утро на людяхъ въ хлопотахъ и движеніи, по бóльшей части подъ открытымъ небомъ, вторую половину дня князь оставался у себя въ кругу своихъ домашнихъ и предавался занятіямъ иного рода, составлявшимъ, также какъ и вышеуказанныя, весьма существенную часть княжескаго быта, и стоявшимъ всегда на очереди среди другихъ дѣлъ, напримѣръ обмѣнъ вѣстями съ родственниками, владѣтелями сосѣднихъ удѣловъ, пріемъ пріѣзжихъ, осмотръ привезенныхъ вещей и товаровъ. Для такихъ и тому подобныхъ дѣлъ въ столь оживленномъ мѣстѣ, какъ городъ Москва, представлялся случай почти каждодневно.

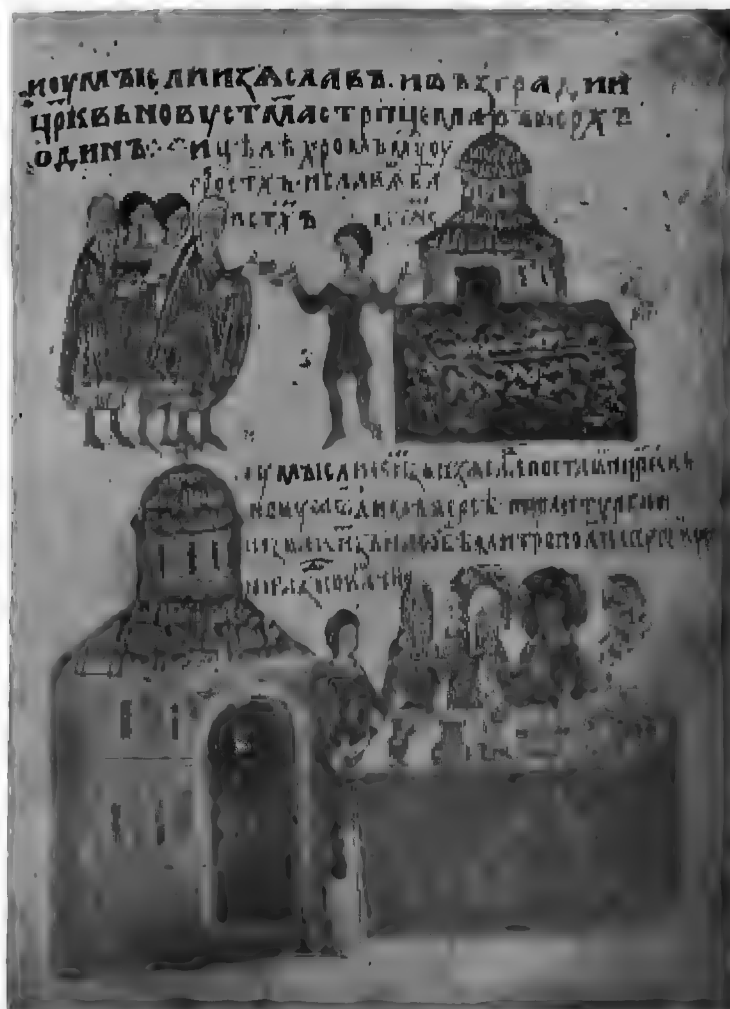

Рис. 78—79. Исцѣленіе хромого у гроба Свв. Бориса и Глѣба. Торжественная трапеза у князя Изяслава по случаю построенія новаго храма въ ихъ честь.

[Сильвестровскій Сборникъ XIV вѣка].

Не мало времени посвящалъ князь на дѣла благочестія—чтеніе священнаго и святоотеческаго писанія, слушаніе церковныхъ службъ, заботы о церковномъ благолѣпіи, душеполезныя собесѣдованія съ духовными лицами и т. д.

Время, свободное отъ дѣлъ, удѣлялось разнымъ развлеченіямъ, потѣхамъ и забавамъ, среди которыхъ пѣсни и игра на музыкальныхъ* инструментахъ занимали не послѣднее мѣсто.

Заходъ солнца знаменовалъ окончаніе дня и время ужина, вслѣдъ за которымъ все въ княжескомъ дворѣ и въ городѣ постепенно утихало и погружалось въ сонъ. Тишину нарушали лишь лай собакъ да перекличка сторожей.

Таковъ былъ въ то время бытъ князя и обитателей Кремля—бытъ патріархальный, земледѣльческій, доселѣ сохранившійся по многимъ мѣстамъ Святой Руси.**

* Музыка процвѣтала въ княжескомъ быту: св. Ѳеодосій Печерскій, войдя однажды къ князю Святославу, засталъ «многая играющи прѣдъ нимь: овы гусльныя гласы испущающе, другыя же оръганьныя гласы поюще, и инемъ замарьныя (замъра—духовой инструментъ) пискы гласящемъ, и тако всѣмъ играющемъ и веселящемъся, якоже обычай есть прѣдъ князємъ.»

** См. П. Смирновъ. Москва въ XIV и XV вѣкахъ. Русская Исторія въ очеркахъ и статьяхъ подъ редакціей профессора М. В. Довнаръ-Запольскаго. Московское учебное книгоиздательство. А также—Н. Г. Тарасовъ и Гартвигъ. Въ усадьбѣ князя вотчинника. Изъ исторіи русской культуры. Изданіе Думнова.

Рис. 80. **Св. Даніилъ Александровичъ,**
князь Московскій (1282—1303).
[Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Титулярникъ].

Расширеніе Московскаго Княжества.

Такъ шла жизнь лишь въ мирное время. Но у первыхъ Московскихъ князей такого времени было немного. Даже среди героевъ удѣльной междоусобицы они выдѣлялись исключительной непосѣдливостью, чтобы не сказать болѣе. Московскіе князья постоянно воюютъ съ своими сосѣдями—дальними и близкими родственниками, совершаютъ захваты чужого достоянія и добиваются верховенства, не разбирая средствъ.

Такъ, Михаилъ Хоробритъ въ 1248 году напалъ врасплохъ на своего дядю, великаго князя Святослава, и, вопреки всякому праву, отнялъ у него Владимірскій великокняжескій престолъ. Даніилъ Александровичъ «нѣкоей хитростью» заманилъ къ себѣ своего сосѣда, князя Константина Рязанскаго, лишилъ его свободы и завладѣлъ его городомъ Коломной. Сынъ Даніила, князь Юрій Даніиловичъ, въ 1303 году внезапно напалъ на другого сосѣда, князя Можайскаго, взялъ его въ плѣнъ и отнялъ у него Можайскую землю. Не остановился онъ и предъ убійствомъ отцовскаго плѣнника, князя Константина. А Тверского князя, св. Михаила, съ которымъ спорилъ изъ-за великокняжескаго стола, не одолѣвъ вооруженной силой, погубилъ происками и подкупами въ Ордѣ. Наконецъ, князь Иванъ Даніиловичъ Калита принялъ на себя отъ хана порученіе наказать Тверитянъ за мятежъ и дѣйствовалъ при этомъ за одно съ татарами съ такой жестокостью, что, по словамъ лѣтописца, «всю землю Русскую пусту положиша».... конечно, кромѣ Московской.

Такой характеръ дѣятельности Московскихъ князей отмѣчаютъ всѣ историки, но даютъ ему не совсѣмъ правильное или одностороннее объясненіе. Ключевскій, напримѣръ, указываетъ, что Московскіе князья были младшими въ родѣ, не могли надѣяться дожить до старшинства и по очереди занять великокняжескій столъ, а потому, «не имѣя точки опоры въ обычаяхъ и преданіяхъ старины, они раньше другихъ сошли съ привычной колеи княжескихъ отношеній, стали высматривать, что лежитъ плохо и прибирать это къ рукамъ, не задумываясь надъ старинными счетами, надъ политическими преданіями и приличіями....»

Рис. 81. Погребеніе великаго князя Юрія Даніиловича.
[Императорская Академія Наукъ. Царственная Лѣтопись].

Но, вѣдь младшихъ и обездоленныхъ князей на Руси было немало, и, однако, они не вели себя такъ, какъ Московскіе. Соображеніе Ключевскаго поэтому не объясняетъ дѣла по существу.

Въ этомъ необузданномъ стремленіи Московскихъ князей къ богатству и власти чувствуется нѣчто иное, кромѣ простой жажды къ стяжанію и беззастѣнчивости въ выборѣ средствъ.

Не даромъ такіе чуткіе и безпристрастные люди, какъ русскіе лѣтописцы, осуждая вышеописанныя злыя дѣла, какъ таковыя, при общей оцѣнкѣ личности Московскихъ князей, превозносятъ ихъ великими похвалами, а князя Даніила окружаютъ даже ореоломъ святости.

У людей съ великой, исключительной судьбой, съ ранней юности существуетъ какое-то смутное, не воплотившееся еще въ образы, предчувствіе будущаго величія, непоколебимая вѣра въ свое призваніе осуществить какія-то высшія предначертанія судьбы. Такое предчувствіе зиждется на избыткѣ внутренней силы, а первые собиратели Руси были ею преисполнены.

Ихъ преемственная согласованность дѣйствій и неуклонное стремленіе къ одной цѣли, благодаря чему и было создано великое Московское Государство, не случайны, но запечатлѣны сознательностью дѣятелей высшаго порядка, а осторожность и гибкость озарены мудростью носителей великихъ замысловъ.

Рис. 82. **Іоаннъ I Даніиловичъ Калита,**

великій князь Владимірскій, Московскій и всея Руси. (1325—1340).

[Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Титулярникъ].

Отношеніе Московскихъ князей къ татарскому игу, ихъ терпѣніе къ этому «лютому томленію бесерменскому» показываетъ поистинѣ удивительное самообладаніе. Въ то время, какъ другіе князья, «не терпяще насилія отъ поганыхъ», оказывали своимъ поработителямъ сопротивленіе, только усугублявшее «великую нужу» ихъ ярма, Московскіе усердно ухаживали за ханомъ, задаривали его ханшъ и приближенныхъ и въ концѣ концовъ обратили Орду въ орудіе своихъ цѣлей. Иванъ Калита, ѣздившій чаще всѣхъ другихъ князей «въ великую пагубную землю татарскую» на поклонъ къ хану, добившійся его любви и уваженія, хотя и былъ по родовымъ счетамъ младшимъ среди своихъ сородичей, сталъ надъ ними старшимъ. Онъ не только сдѣлался великимъ княземъ, но получилъ неисчерпаемый источникъ вліянія и богатства—право на собираніе ордынскаго выхода, т. е. дани татарамъ со всѣхъ остальныхъ русскихъ князей.

Источники богатства Московскихъ князей. Ордынскій выходъ цѣликомъ не доходилъ до Орды. Часть его застрѣвала въ казнѣ Московскаго князя, особенно со времени ослабленія татарской мощи. При великомъ князѣ Василіи Димитріевичѣ онъ годами поступалъ полностью въ его собственность.

Но это являлось случайнымъ источникомъ богатства Московскихъ князей. Естественнымъ—было географическое положеніе Москвы на перекресткѣ торговыхъ путей и, главнымъ образомъ, сама земля съ производительнымъ на ней трудомъ.

Значеніе этого основного источника матеріальнаго процвѣтанія—мирнаго труда на землѣ, Московскіе князья сознавали въ полной мѣрѣ и потому прилагали всѣ усилія, чтобы привлечь къ себѣ населеніе. Въ этомъ отношеніи особенно много сдѣлалъ Калита: своей мудрой политикой онъ обезпечилъ Московскую землю отъ татарскихъ погромовъ, а твердымъ правленіемъ водворилъ порядокъ и спокойствіе.—«Злодѣйственныхъ хищниковъ и татьбу содѣвающихъ упраздни отъ земли своей.» Безопасность существованія и имущества въ его владѣніяхъ, «тишина велія и правый судъ»—привлекли къ нему великое «множество людіе», садившихся на землю и увеличивавшихъ ея производительность.*

Московское княжество скоро сдѣлалось житницей сѣвера, а Москва главнымъ мѣстомъ торговли хлѣбомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ посредникомъ торговыхъ оборотовъ востока и сѣвера съ западомъ.

Въ Москву стекались «хлѣбные» и «низовые» купцы Великаго Новгорода, всегда нуждающагося въ привозномъ хлѣбѣ; въ Москву же шли купцы Двинскаго и Волжскаго бассейновъ и Рязанской земли для обмѣна товаровъ съ Новгородцами.

Отъ всего этого богатѣла княжеская казна.

Кромѣ того, князья Московскіе имѣли значительный доходъ съ собственнаго хозяйства. Они владѣли многочисленными, количественно все возрастающими селами: въ своей духовной грамотѣ Калита перечисляетъ болѣе 50 принадлежащихъ ему селъ; вѣкъ спустя, великій князь Василій Васильевичъ въ своемъ завѣщаніи называетъ уже 125 земельныхъ владѣній, изъ которыхъ нѣкоторыя представляли собою соединеніе

---

* Приливъ населенія въ Московское княжество въ описываемое время объясняется положеніемъ его по отношенію къ татарскимъ погромамъ. Въ серединѣ XIII вѣка населеніе сосредоточивалось въ сѣверо-восточной части Суздальской земли. Западъ ея представлялъ изъ себя пустынный и глухой край. Естественно, что татары обрушивались на богатыя княжества на востокѣ и сѣверѣ, оставляя въ сторонѣ западъ, гдѣ они не могли поживиться многимъ. Отъ татарскихъ опустошеній народъ спасался въ княжества Тверское и Московское. Это передвиженіе населенія сказалось въ началѣ XIV вѣка, когда Московское и Тверское княжества настолько усилились, что ихъ князья стали добиваться великаго княженія. Потомъ татары согнали населеніе и изъ Тверского княжества въ Московское. Тутъ уже дѣйствовало жизненное превосходство государственныхъ началъ Московскихъ Государей надъ Тверскими. Тверской князь Александръ Михаиловичъ въ 1327 году не стерпѣлъ наглыхъ посягательствъ ханскаго посла Шевкала, поднялъ народъ, разбилъ татарскую рать, а самого Шевкала, укрывшагося на княжескій дворъ, сжегъ со всею его свитой. Узбекъ пришелъ въ ярость и послалъ огромное войско на Тверь. Къ нему присоединился въ качествѣ руководителя (стр. 40) Московскій князь Іоаннъ Даніиловичъ Калита. Послѣдствіемъ поведенія обоихъ князей было то, что княжество Тверское было разорено и обратилось въ пустыню, а Московское осталось цѣло и наполнилось бѣженцами. Лѣтописецъ говоритъ, что замѣстители бѣжавшаго въ Псковъ князя Александра, братья его Константинъ и Василій, на Тверскомъ столѣ «сѣдоша въ велицей нищетѣ и убожествѣ, понеже вся земля Тверская пуста, и все быша лѣсы и пустыни непроходимыя.» Другія страны тоже были разорены; «точію съблюде и заступи Господь Богъ князя Ивана Даниловича и его градъ Москву и всю его отчину отъ плѣненія и кровопролитія татарскаго» (П. Собр. Лѣт. X, 194). Съ того времени Московское княжество стало самымъ многолюднымъ, а Московскіе князья самыми сильными. Они крѣпко и навсегда уже взяли въ свои руки дѣло собиранія Русской земли. (Подробности см. *проф. М. К. Любавскій*—Лекціи по древней русской исторіи, М. 1915, стр. 210—218, и *его же*—Возвышеніе Москвы въ изданіи «Москва въ прошломъ и настоящемъ», вып. I, стр. 66—75.)

нѣсколькихъ селеній вмѣстѣ. Такими же крупными владѣніями обладали и родственники великаго князя: герой Куликовской битвы, князь Владиміръ Андреевичъ оставилъ своимъ наслѣдникамъ 38 селъ.

Хозяйство во всѣхъ княжескихъ имѣніяхъ процвѣтало. Поля давали обильные урожаи. Обширные луга кормили большія стада скота и коней, по тѣмъ временамъ составлявшія одну изъ основныхъ частей матеріальнаго благосостоянія. Громадные, на много верстъ тянущіеся бортные лѣса кишѣли дикими пчелами, доставляя такое невѣроятное количество меду, что было невозможно ни взять его весь, ни даже отыскать. Рѣки, болота и лѣсныя пространства предоставляли всякую рыбу, дичь и звѣря, которыми княжескіе охотники и рыболовы переполняли дворцовые погреба и кладовыя. Кромѣ хлѣба, съ селъ шло много сельскихъ продуктовъ—птицы, сыра, масла, овощей, фруктовъ и пр., а также разныхъ издѣлій—полотенъ, войлоковъ, суконъ и т. д. Всякаго рода припасы собирались также и съ оброчныхъ, свободныхъ, дѣловыхъ людей, получавшихъ въ пользованіе отъ князя разныя угодья—сѣнокосы, рыбныя ловли, бобровые гоны и пр.

Такимъ образомъ, въ Кремлевскія княжескія житницы собиралось огромное количество разнаго зерна и хлѣбныхъ припасовъ съ своего хозяйства и «оброчнаго жита» или «хлѣба посопнаго» съ оброчниковъ; въ погребахъ и кладовыхъ скоплялось великое множество всякихъ пищевыхъ запасовъ и другого всевозможнаго добра—сырья и предметовъ рукодѣлія.

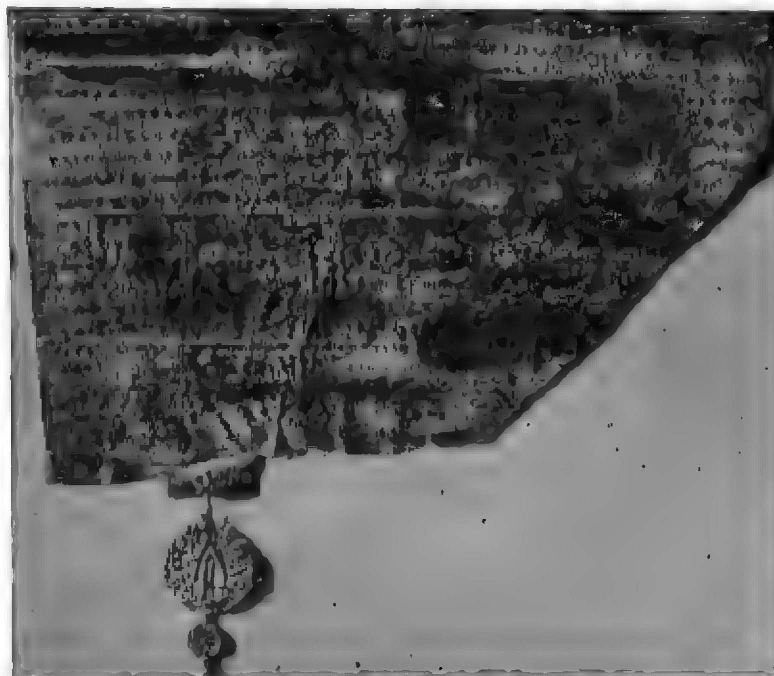

Рис. 83. Конецъ 2-й духовной грамоты 1328 года великаго князя Іоанна Даніиловича Калиты.

[Государственное Древлехранилище въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ].

Рис. 84. **Симеонъ Іоанновичъ Гордый,**
великій князь Владимірскій, Московскій и всея Руси (1340—1353).
[Съ фрески Московскаго Архангельскаго Собора].

Кремлевскій великокняжескій дворъ въ XIV и первой половинѣ XV вѣка.

Широкій ростъ земельныхъ владѣній и умноженіе доходовъ Московскаго князя естественно должны были отразиться на его дворѣ въ Кремлѣ.

Къ началу XIV в. княжій дворъ значительно расширился: къ востоку, по склону Кремлевской горы, онъ продвинулся до Благовѣщенскаго Собора, уже тогда существовавшаго въ видѣ деревянной церкви на его нынѣшнемъ мѣстѣ; съ сѣвера онъ достигалъ Собора Спаса Преображенія, который въ 1330 г. великій князь Иванъ Даніиловичъ Калита построилъ изъ камня, замѣнивъ этимъ, устоявшимъ до нашихъ дней, храмомъ прежнюю маленькую церковь, срубленную изъ покрывавшаго Кремлевскую гору дѣвственнаго бора. Калита, «боголюбивъ сый, паче же рещи и мнихолюбивъ», перенесъ къ новопостроенному храму всю архимандрію основаннаго его отцомъ за Москвой рѣкою Данилова монастыря, включивъ его въ черту своего двора. Самъ Иванъ

Московскій удѣлъ, занимавшій въ началѣ княженія Даніила Александровича срединное пространство одной Московской губерніи съ двумя городами — Москвой да Звенигородомъ, при вступленіи на Московскій столъ его сына, Ивана Калиты, состоялъ уже изъ 7 городовъ съ уѣздами, гдѣ находились 51 сельская волость и до 40 дворцовыхъ селъ, причемъ все княжество занимало тогда площадь величиною не болѣе 500 кв. миль; вѣкъ спустя, при Василіи Темномъ, оно уже заключало не менѣе 15.000 кв. миль, т. е. выросло въ 30 разъ.

Рис. 85. Пиръ на свадьбѣ князя Симеона, сына великаго князя Іоанна Даніиловича Калиты.

[Библіотека Академіи Наукъ. Царственная Лѣтопись, стр. 701].

Даніиловичъ съ своимъ семействомъ имѣлъ пребываніе въ новыхъ отдѣленіяхъ дворца, стоявшихъ между этими двумя храмами — Спасоборскимъ и Благовѣщенскимъ, который, вѣроятно, и тогда примыкалъ къ дворцовымъ сѣнямъ, имѣя то же назначеніе, какъ и впослѣдствіи — быть домовымъ придворнымъ храмомъ Московскихъ Государей. Прежнее великокняжеское помѣщеніе, у ц. Рождества Предтечи, было предоставлено поселившемуся на Москвѣ св. митрополиту Петру, откуда онъ, въ 1326 г. перешелъ въ свой новый митрополичій дворъ, поставленный поблизости только-что заложеннаго каменнаго Успенскаго Собора.

Такимъ образомъ, при Иванѣ Даніиловичѣ Калитѣ Кремлевская княжеская резиденція обстроилась новыми зданіями, расширилась и приняла, благодаря новымъ каменнымъ Соборамъ, значительный видъ. Однако, дворецъ этого князя, расчетливаго скопидома, суроваго политика и ревнителя строгаго подвижническаго житія, по всему можно судить, не отличался особенной роскошью. Первой, существенной заботой его, послѣ того, какъ св. Петръ основался въ Москвѣ, было созданіе Успенскаго Собора, который, какъ главный храмъ митрополіи, будучи вещественнымъ выраженіемъ духовнаго единенія всѣхъ разрозненныхъ частей русской земли, являлся краеугольнымъ камнемъ политическаго значенія Москвы. Кромѣ того, необходимо было укрѣпить столицу княжества крѣпкими стѣнами, и это должно было предшествовать украшенію дворца. Несомнѣнно, поэтому, что Калита, скончавшійся въ годъ построенія стѣнъ, не имѣлъ возможности заняться украшеніемъ своего жилища.

Это было дѣломъ уже его преемниковъ, унаслѣдовавшихъ отъ перваго собирателя Руси «тишину и миръ на многая лѣта», а вмѣстѣ съ тѣмъ и обильныя средства.

Рис. 86. Серебряная привѣсная печать къ духовному завѣщанію в. кн. Симеона Іоанновича 1353 г.

[Государственное Древлехранилище въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.]

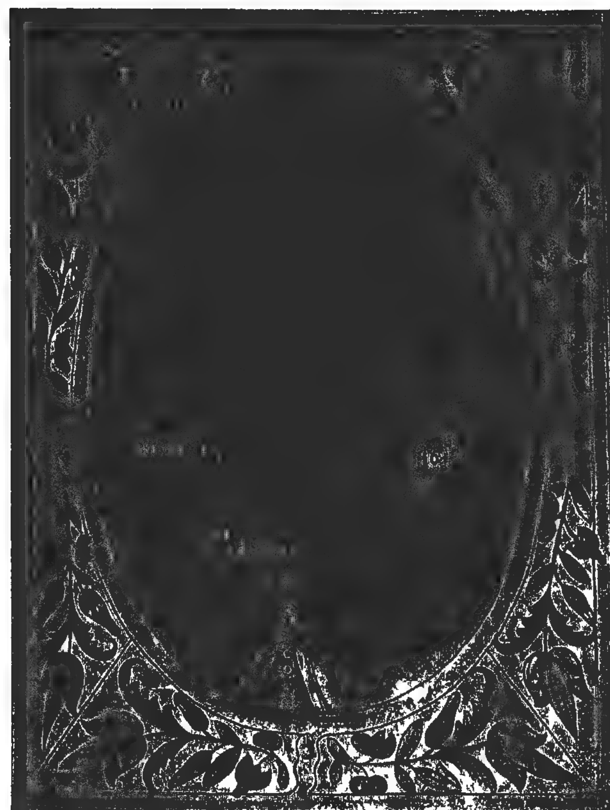

Рис. 87. **Іоаннъ II Іоанновичъ Кроткій,**

великій князь Владимірскій, Московскій и всея Руси (1353—1362).

[Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Титулярникъ].

Вѣроятно, великій князь Симеонъ Гордый не мало сдѣлалъ въ этомъ направленіи, ибо стремленіе къ внѣшнему великолѣпію вполнѣ согласуется съ его властолюбивымъ нравомъ. Но это лишь предположеніе.

Прямыя историческія извѣстія о Кремлевскомъ дворцѣ начинаются только со временъ Димитрія Донского. Въ повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ упоминается Кремлевскій княжій «*златоверхій набережный теремъ, набережныя сѣни, стекольчатое оконце*» дворца—говорится, что вѣсть о приближеніи Мамая застала великаго князя за пиромъ въ набережныхъ теремахъ, когда онъ пилъ чашу за брата своего князя Владиміра Андреевича..., что когда русская рать двинулась въ походъ, великая княгиня со снохою своею и съ иными княгинями «вниде въ златоверхій теремъ набережный, въ свои сѣни, и сяде подъ стекольчатымъ окномъ на одрѣ, слезы проливающе (по другимъ спискамъ «подъ южными окны.... и сѣдоша о рундуцѣ подъ стеклянномъ оконцемъ»).

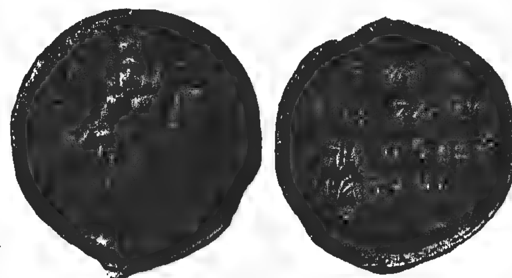

Рис. 88. Серебряная привѣсная печать къ первой духовной грамотѣ в. кн. Іоанна Іоанновича.
[Государственное Древлехранилище въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.]

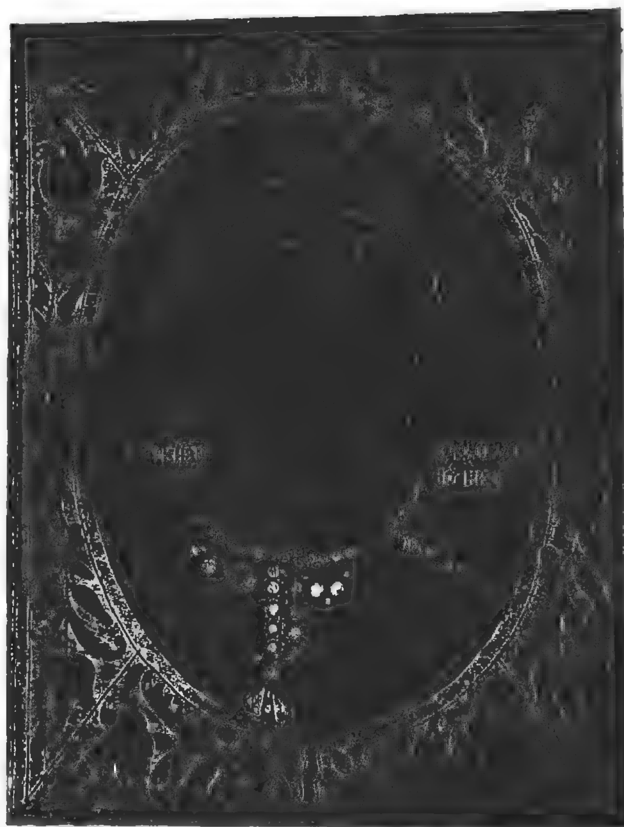

Рис. 89. **Димитрій Іоанновичъ Донской,**
великій князь Владимірскій, Московскій и всея Руси (1363—1389).
[Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Титулярникъ].

Эти краткія указанія, а также свидѣтельства лѣтописца о богатствѣ Москвы, которое онъ оплакиваетъ по случаю разоренія ея Тохтамышемъ, даютъ тѣ положительныя основы, на которыхъ можно построить нѣкоторое представленіе о дворцѣ Димитрія Донского: снаружи онъ былъ богато изукрашенъ, а внутри полонъ всякаго «узоричія».

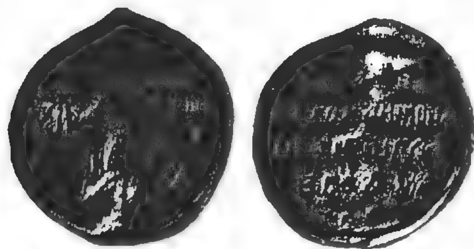

Рис. 90. Серебряная привѣсная печать ко второй духовной грамотѣ в. кн. Димитрія Іоанновича Донского. [Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ].

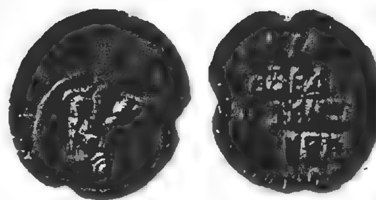

Рис. 91. Свинцовая привѣсная печать в. кн. Димитрія Іоанновича Донского. [Собственность графа Ив. Ив. Толстаго].

Тохтамышевъ погромъ оставилъ на мѣстѣ Кремлевскаго княжаго двора лишь «персть и прахъ», но вскорѣ онъ вновь красовался въ прежнемъ, а можетъ быть и лучшемъ видѣ. При сынѣ Донского княжескій дворецъ былъ, навѣрное, еще болѣе красивъ и великолѣпенъ, о чемъ свидѣтельствуютъ стѣнные часы «чудные вельми и съ луною», которыми онъ его украсилъ.

Рис. 92. **Василій Димитріевичъ,**
великій князь Владимірскій, Московскій и всея Руси (1389—1425).
[Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Титулярникъ].

«Въ лѣто 6912 (1404), говоритъ лѣтописецъ объ этой невиданной ранѣе диковинѣ, «Великій князь замысли часникъ и постави е на своемъ дворѣ за церковью за святымъ Благовѣщеніемъ. Сей же часникъ наречется часомѣрье; на всякій же часъ ударяетъ молотомъ въ колоколъ, размѣряя и расчитая часы нощные и дневные; не бо человѣкъ ударяше, но человѣковидно, самозвонно, и самодвижно, страннолѣпно нѣкако створено есть человѣческою хитростью, преизмечтано и преухищрено. Мастеръ же художникъ сему бѣяше нѣкоторый чернецъ, иже отъ Святыя Горы пришедый, родомъ Сербинъ, именемъ Лазарь; цѣна же сему бѣяше вящьше полувтораста рублевъ» (около 15 или 20 тысячъ на наши деньги).

Рис. 93. Серебряная привѣсная печать на духовныхъ грамотахъ великаго князя Василія Димитріевича.

Рис. 94. Восковая привѣсная печать.

[Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Государственное Древлехранилище].

Рис. 95. Рукомой.
[Акваманиль] въ видѣ всадника работы XIV в., вѣсу 3 ф. 20 зол., выш. 8 вершк., длина 6½ вершк..
[Московская Оружейная Палата, № 2323].

Надо полагать, что при великомъ князѣ Василіи Димитріевичѣ внѣшній видъ Кремлевскаго княжаго двора вообще отличался своеобразной, выдающейся красотой. Расположенный на открытомъ высокомъ мѣстѣ горы, за зубцами бѣлокаменныхъ стѣнъ и суровыхъ громадъ приземистыхъ башенъ, онъ привѣтливо красовался своими разнообразными, изящно сложенными хороминами и палатами, которыя пестрѣли красками и художественною рѣзьбою, сверкали золотыми кровлями и выдѣлялись на фонѣ неба какъ причудливый рисунокъ кружева. Съ такимъ зданіемъ на главномъ мѣстѣ, Кремль издали производилъ чарующее, сказочное впечатлѣніе. Входившій въ число дворцовыхъ строеній храмъ Благовѣщенія на «сѣнѣхъ», вновь выстроенный (1397—1416 гг.) изъ камня и росписанный безподобнымъ мастерствомъ Андрея Рублева, придавалъ дворцу великаго князя Василія Димитріевича исключительную художественную цѣнность.

Треволненія междоусобной борьбы, которою ознаменована первая половина княженія великаго князя Василія Васильевича Темнаго, не могли способствовать процвѣтанію княжескаго двора въ Москвѣ. Неоднократное ограбленіе великокняжеской казны, пожары, а главное безпрестанные походы и скитанія по отдаленнымъ мѣстамъ— все это не благопріятствовало украшенію дворца, а тѣмъ болѣе постройкѣ новыхъ дворцовыхъ зданій. И дѣйствительно, за все время княженія Темнаго лѣтописи молчатъ о Московскомъ княжескомъ дворѣ; поэтому объ его состояніи можно судить лишь по предположеніямъ, основаннымъ на имѣющихъ бытовое значеніе событіяхъ того времени.

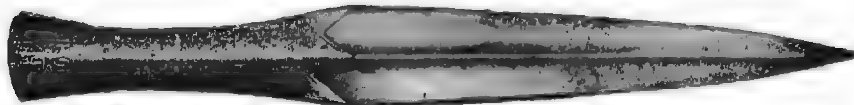

Рис. 96. Рогатина великаго князя Бориса Александровича (1425—1461 г.):
Трубка обложена золоченымъ серебромъ съ надписью и изображеніями: стрѣлка изъ лука, человѣка въ царскомъ одѣяніи, человѣка несущаго ведро, человѣка поражающаго копьемъ звѣря, пытки (группа изъ 3-хъ фигуръ). Длина 8 вершковъ.
[Московская Оружейная Палата, № 5620].

Рис. 97. **Василій Васильевичъ,**
великій князь Владимірскій, Московскій и всея Руси (1425—1462).
[Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Титулярникъ].

Изъ таковыхъ главнѣйшимъ можно считать посѣщеніе 15-ти-лѣтнимъ Василіемъ своего 84-хъ-лѣтняго дѣда, Витовта, въ Вильнѣ и Трокахъ, во время празднествъ по случаю предполагавшагося коронованія этого монарха. Необыкновенная пышность Витовтовыхъ палатъ и двора, гдѣ среди слугъ красовались богатыри въ высокихъ медвѣжьихъ шапкахъ, перевитыхъ золотыми жгутами, въ кованныхъ золотыхъ отворотахъ съ бердышами изъ серебра, съѣхавшіеся властители чуть ли не всей Европы, съ празднично разодѣтой толпою своихъ придворныхъ—этотъ невиданный блескъ и великолѣпіе должны были неотразимо подѣйствовать на воображеніе юнаго Московскаго великаго князя и возбудить въ немъ соотвѣтствующія стремленія.

Рис. 98. Печати в. кн. Василія Васильевича Темнаго на его договорныхъ грамотахъ съ кн. Иваномъ Васильевичемъ Суздальскимъ.

Рис. 99. Печать в. кн. Василія Васильевича Темнаго на его духовныхъ грамотахъ 1462 г.

Вторымъ значительнымъ событіемъ было, несомнѣнно, паденіе Византіи, ибо оно повлекло за собою, еще ранѣе взятія турками Константинополя, пріѣздъ въ

Москву многихъ грековъ, среди которыхъ были и знатные выходцы, какъ напримѣръ Владиміръ Григорьевичъ Ховринъ, пришедшіе не съ пустыми руками, но вывезшіе свои богатства и, что̀ еще важнѣе, свою образованность и техническія знанія. Взойдя въ составъ княжаго двора и сдѣлавшись приближенными къ Московскому Государю людьми, они не могли не оказать на него нѣкотораго вліянія.

Однако, помимо указанныхъ событій, существеннѣйшимъ было прекращеніе междоусобицы и увеличеніе предѣловъ Московскаго княжества. Эти обстоятельства внутренней политики отразились на состояніи казны и на всемъ придворномъ обиходѣ. Доходы росли и накоплялись. Собираемый въ прежнемъ размѣрѣ Ордынскій выходъ теперь почти цѣликомъ оставался въ кладовыхъ Кремлевскаго дворца; туда же шли и всѣ богатства побѣжденныхъ враговъ, напримѣръ, безчисленное множество драгоцѣнностей и товаровъ новгородскихъ, захваченныхъ въ 1456 г. въ Старой Руссѣ.

Рис. 100. Костяныя трости съ прорѣзными изображеніями людей и сказочныхъ звѣрей Новгородской работы XV вѣка.

[Московская Оружейная Палата. №№ 3654 и 3655].

Вслѣдствіе этого можно предполагать, что въ концѣ княженія Василія Темнаго Кремлевскій дворъ вновь принялъ цвѣтущій видъ и весь обиходъ княжескій сталъ шире въ соотвѣтствіи съ увеличившимися размѣрами и силами Московскаго Княжества.

Внутреннее убранство дворца, несмотря на это, едвали было очень богато. При великомъ князѣ Василіи Димитріевичѣ росписанъ былъ домовый храмъ, а не дворцовыя палаты, иначе лѣтописецъ не преминулъ бы о томъ упомянуть. Кромѣ того, извѣстно, что у Московскихъ великихъ князей не было большого количества драгоцѣнныхъ вещей.

Казна первыхъ Московскихъ князей. Дѣйствительно, несмотря на обиліе доходовъ Московскаго князя, въ концѣ концовъ, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, въ его казнѣ кристаллизировалось сравнительно весьма небольшое количество цѣнностей.

Духовное завѣщаніе великаго князя Ивана Даніиловича Калиты поражаетъ своею скромностью, а имущество его преемниковъ, постоянно дробившееся на части между наслѣдниками, было и того бѣднѣе.

Эта скудость—наглядный показатель той изнурительной тяготы, какая лежала на первыхъ Государяхъ Московской земли, тѣхъ непомѣрныхъ жертвъ и тратъ, которыми они покупали свое положеніе и отстаивали свое дѣло.

Казна великаго князя Іоанна Даніиловича Калиты

по его 1-й и 2-й духовнымъ грамотамъ 1328 года.

12 чепей золотыхъ.
9 поясовъ золотыхъ (съ капторгами; сердониченъ; фрязскій; царевьскій; съ крюкомъ на червьчатѣ шелку; великій съ женчюгомь съ каменьемь и др.) и пояса серебрьны.
1 шапка золотая.
14 обручи.
3 ожерелья.
1 монисто.
1 чело.
1 гривна.
1 коробочка золотая.
2 чаши золоты съ женчюги.
2 чашки золоты, круглыя.
1 блюдо великое о 4 кольца.
1 блюдце золото съ женчюгомь съ каменьемь.
5 блюда серебрьна (1 ѣздниньское)
4 блюда серебрьны малыя.
2 чума (ковши) золота болшая.
2 чумки золоты меншія
2 овкача золота.
2 чары золоты.
Суды серебрьны.
5 кожуховъ (черленый; женчужьный; желтая обирь съ женчугомь; съ аламы (бляха); съ женчугомь).
1 бугай (верхняя одежда) соболий съ наплечки съ великимь женчюгомь, съ каменьемь.
1 коць (епанча) великий съ брмами.
1 портище скорлатное съ бармами.

Въ этой духовной не упомянута вещь, названіе которой перешло на самого завѣщателя—*калита*—денежная сумка. Объ ней или, быть можетъ, о подобной сумкѣ позднѣйшаго происхожденія, встрѣчается слѣдующее свѣдѣніе: Въ примѣчаніи описи* Большому Государеву Наряду въ Государевой Большой казнѣ 1642 года на листѣ 62 значится: «Калита старинная Великаго Князя Данила». Она описана такъ: «Сафьянъ черленъ. По ней шито серебромъ волоченымъ птицы и звѣри. У калиты жъ на закрышкѣ личинка золота, прорѣзная, а съ исподи плащъ рѣзной золотъ же, съ черню; на верхней личинкѣ въ кругахъ по человѣку на конѣхъ, по середки колечко. Да на калитѣ жъ плащикъ золотъ, рѣзной, съ черню; на немъ шурупецъ...»

Казна великаго князя Іоанна Іоанновича

по его 2-й духовной грамотѣ 1356 года.

3 Иконы—св. Олександръ; Благовѣщеніе; золотомъ кована Парамшина дѣла.
5 чепей золотыхъ—велика врана съ крестомъ золотымъ; колчата; огнивчата съ крестомъ и др.
Чепи золоты—зятьямъ, когда будутъ.
4 пояса золоты—великій съ каменьемъ съ женчуги; съ крюкомъ; золотъ сточный.
Пояса золоты—зятьямъ, когда будутъ.
1 шапка золота.
2 серьги золоты, съ женчугомъ.
1 бармы.
2 обязи золоты.
2 чечаки золоты съ каменьемъ съ женчуги.
2 сабли золоты.
1 коропка, золотомъ кована сердонична.
1 чашка золота.
1 стоканъ Царьгородскій золотомъ кованъ.
3 ковша велики золоты гладки.
1 блюдо велико, серебрено съ колци.
1 бадья серебрена съ наливкою серебреною.
3 овкачей золотыхъ.
1 овкачикъ золотъ.
ца золота съ каменьемъ.
Суды серебрены.
1 опашень скорлатенъ, саженъ.
3 аламы (нагрудье)—сжемчужный и малый съ женчуги.
1 наплечки золоты съ круги съ каменьемъ съ женчуги.

Казна великаго князя Димитрія Іоанновича

по его 2-й духовной грамотѣ 1389 года.

1 Икона Парамшина дѣла.
1 чепь золота.
8 поясовъ золотыхъ (великий съ каменьемъ безъ ремени; съ ременемъ Макарова дѣла; старый Новгородьский; новый съ каменьемъ съ жемчюгомъ безъ ремени; съ каменьемъ пѣгой; съ калитою да съ тузлуки; татауръ; Шишкина дѣла).
1 шапка золота.
1 бармы.
1 снасть (доспѣхъ) золота.
1 аламъ.
1 наплечки.
2 ковши золоты по 2 гривенки.
1 вотола (верхняя одежда) сажена.

Казна великаго князя Василія Димитріевича

по его 3-й духовной грамотѣ 1424 года.

Икона Парамшина дѣла.
Крестъ честный животворящий Патрияршь филофѣевский.
1 чепь хресчатая.
3 пояса золоты (на чепехъ съ каменьемъ; на синемъ ремени).
1 шапка золота.
1 бармы.
1 коропка сердоничная.
1 ковшъ золотъ.
1 кубокъ хрустальной (что Король прислалъ).
1 судно оковано золотомъ.
1 судно каменное велико, отъ великаго князя Витовта.

Казна великаго князя Василія Васильевича Темнаго

по его 1-й духовной грамотѣ 1462 года.

2 Иконы—Филофѣевъская и золота на изумрутѣ].
5 кресты золоты (Парамшиньской; Петровъ чюдотворцовъ; княжъ Дмитреевъской меншого съ чепечкою).
2 пояса золоты—большой съ каменьемъ и на червчатомъ ремени.
1 шапка.
1 бармы.
1 коробка сердоличная.

---

* Архивъ Министерства Императорскаго Двора, книга № 68.

Московскій великокняжескій дворъ въ XIV и началѣ XV вѣка.

Составъ двора Московскихъ великихъ князей въ XIV и началѣ XV вѣка и устройство управленія. Московскій великокняжескій дворъ въ XIV и началѣ XV вѣка сохранялъ характеръ княжескихъ дворовъ стараго удѣльнаго времени, но устройство его управленія значительно преобразовалось соотвѣтственно съ измѣненіемъ политическаго значенія Московскихъ Государей, увеличеніемъ самого княжества и развитіемъ его хозяйственной государственной жизни. Само дворцовое хозяйство не могло уже вестись по прежнему, чрезъ единоличныхъ управителей—тіуновъ и посельскихъ, которымъ поручались отдѣльныя села и волости для завѣдыванія въ нихъ всѣми отраслями хозяйства, но во всѣхъ владѣніяхъ князя отдѣльныя хозяйственныя статьи обособились другъ отъ друга и сложились въ самостоятельныя вѣдомства, такъ называемые *«пути»*, между которыми и были раздѣлены княжескія хозяйственныя угодья—*сокольничій путь, конюшій путь, стольничій путь, чашничій путь*, и пр. *

Ловчій путь завѣдывалъ княжескимъ охотничьимъ промысломъ. Къ нему принадлежали княжескіе бобровники, ловчане, звѣроловы, псари и др.

Сокольничій путь управлялъ сокольниками, ястребниками, кречетниками, утятниками и пр. и всѣмъ, что принадлежало къ княжеской птичьей охотѣ.

Конюшій путь имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи все, что относилось къ княжему выѣзду, содержанію лошадей и коневодству, т. е. не одни экипажи и лошади, но и всѣ луга, принадлежащіе князю.

Чашничій путь распоряжался всѣмъ, что касалось княжескихъ напитковъ—приготовленіемъ и храненіемъ ихъ, а также и пчеловодствомъ. Въ его вѣдѣніи были не только винные и медовые погреба, но и села княжескихъ бортниковъ, лѣсныхъ пчеловодовъ, ходившихъ за пчелами въ дворцовыхъ бортныхъ лѣсахъ.

Стольничій путь вѣдалъ рыбными ловлями, дворцовыми садами и огородами.

Къ названнымъ путямъ принадлежали разбросанные по всему княжеству отдѣльные земельные участки, владѣнія путей переплетались между собою. Тѣмъ не менѣе, каждый путь представлялъ собою вполнѣ отграниченное отъ другихъ учрежденіе и имѣлъ свою отдѣльную администрацію.

Во главѣ пути стоялъ *бояринъ введеный*.

Это былъ не просто бояринъ въ его прежнемъ (см. стр. 31) значеніи, но особый чинъ княжаго двора, выбиравшійся княземъ изъ старѣйшихъ, почетнѣйшихъ бояръ. Прилагательное «введеный» означало, что такой бояринъ введенъ въ близость къ князю и въ его Думу.

---

* Въ договорной грамотѣ сыновей Калиты 1341 года, названы три пути: сокольничій, конюшій и ловчій. Эти удѣльные пути впослѣдствіи, съ усложненіемъ дѣлъ, превратились въ дворцовые приказы—чашничій путь преобразовался въ Сытенный дворецъ или приказъ, стольничій путь раздѣлился на Кормовой и Хлѣбенный дворцы, сокольничій сталъ Ловчимъ приказомъ, въ XVII вѣкѣ отошедшимъ къ Приказу тайныхъ дѣлъ.

Подъ начальствомъ его находились *волостели*, отличные отъ обыкновенныхъ областныхъ. Эти волостели (чашничьяго, стольничьяго и др. путей) управляли *волостями*, въ которыя были соединены мелкія части пути посредствомъ *выборныхъ старостъ* отдѣльныхъ путныхъ селъ, являвшихся представителями міра и отвѣтственныхъ за выбравшихъ ихъ княжихъ людей.

Всѣ люди, входившіе въ составъ служащихъ того или иного пути, во всѣхъ своихъ дѣлахъ, исключая уголовныхъ—душегубства и разбоя, были подчинены не общимъ, мѣстнымъ властямъ, а боярину введеному своего пути, и такимъ образомъ всѣ «тянули» къ княжему дворцу и самому князю, который, какъ въ старыя удѣльныя времена, попрежнему лично вникалъ во всѣ дѣла своего княжества, а тѣмъ болѣе своего хозяйства.

Такимъ образомъ, каждый изъ путей находился подъ непосредственнымъ высшимъ начальствомъ самого князя, а не его дворецкаго.

Дворецкій не былъ министромъ двора; у него былъ свой путь—онъ распоряжался дворцовыми слугами и дворцовыми землями съ жившими на нихъ крестьянами и несвободными людьми—*страдниками* а также завѣдывалъ дворцовымъ хлѣбопашествомъ.

Къ составу управителей отдѣльныхъ путей надо причислить также *казначея*—хранителя княжеской казны.

Бояринъ казначей не сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всей княжеской казны, такъ какъ управители отдѣльныхъ путей имѣли каждый особую казну. Точно также онъ не управлялъ всѣми источниками княжескихъ доходовъ, но завѣдывалъ лишь нѣкоторыми изъ нихъ, напримѣръ таможенными. Главная его обязанность состояла въ храненіи казны, особенно мѣховъ и мягкой рухляди.

Бояре введеные, дворецкій и казначей, были первыми чинами двора. Ко вторымъ чинамъ принадлежали *окольничіе*, которые выбирались изъ членовъ среднихъ родовъ и были по значенію и знатности ниже бояръ введеныхъ. Окольничьимъ поручались всякія дѣла и тѣ же должности, что и боярамъ, но они всегда занимали второе мѣсто за ними, были честью меньше ихъ, стояли въ служебной лѣствицѣ одной ступенью ниже. Такъ оставалось въ древней Руси все время, пока существовалъ этотъ чинъ. Прямой обязанностью окольничьяго было (какъ это можно заключить изъ источниковъ, относящихся уже къ XVI и XVII вѣкамъ) устраивать все необходимое при передвиженіи князя съ одного мѣста на другое: заботиться о дорогахъ, назначать станы для остановокъ, «раздавать» т. е. распредѣлять дворы и помѣщенія для самого князя и его свиты и т. д. Окольничіе, заботясь о дорогахъ и станахъ, первые приходили въ соприкосновеніе съ пріѣзжими и потому на обязанности ихъ лежало также встрѣчать и являть князю посланцевъ изъ другихъ странъ.

Изъ третьестепенныхъ и низшихъ служилыхъ людей княжаго двора и управленія княжества въ описываемое время извѣстны: подвѣдомственные главнымъ управителямъ путей *стольники; печатники*, хранившіе и привѣшивавшіе къ документамъ княжескія печати; *казначеи-холопы* и *тіуны;* разные приказные люди—*приставы* и *доводчики* при разбирательствѣ судныхъ дѣлъ, *данщики, таможники, поборщики, боровники, борники* и *черноборцы, ямьники* (сборщики денегъ на ямскую гоньбу и устроители ямовъ), *бѣльщики* (взимающіе подать бѣлкою), *закосники* (сбирающіе пошлины съ сѣнокосовъ),

дьяки съ подъячими, писцы и *опищики, сельскіе прикащики* и пр.; всякіе дѣловые люди такъ называемые *«дѣлюи»*, переименованные отчасти уже раньше (стр. 32)—*повара, хлѣбники, пивовары, медоставы, квасники, бочары* и *колесники, телѣжники, мѣдники, плотники, печники, иконники, золотари* и пр. разные оружейные мастера—*лучники, стрѣльники, бронники* и др.

Въ областномъ и военномъ управленіи въ описываемое время по прежнему существовали должности *воеводы* и *волостеля* съ *сотскими* и *десятскими*, замѣщаемыя лицами изъ княжеской дружины. Что касается до высшаго чина управленія—*«тысяцкаго»*, то должность эта, за смертью въ 1374 г. тысяцкаго В. В. Вельяминова, была упразднена; при усилившемся значеніи и власти Московскаго Государя этому важному и опасному по своему вліянію на населеніе сановнику мѣста въ Москвѣ уже не было. Сынъ покойнаго, Иванъ Вельяминовъ, обманутый въ надеждѣ занять отцовскую, наслѣдственно передаваемую должность, ушелъ изъ Москвы и началъ подымать противъ Московскаго князя князя Тверского и хлопотать въ Ордѣ о передачѣ ему великокняжескаго титула. За эти свои происки, слѣдствіемъ которыхъ «много нѣчто нестроеніе бысть», онъ былъ пойманъ и привезенъ въ Москву. Тутъ не спасла его ни знатность, ни родство съ великокняжескимъ домомъ (см. табл. № 1), ни старинное право отъѣзда. За измѣну своему Государю 30-го Августа 1378 года слетѣла на Кучковомъ полѣ голова съ плечъ крамольнаго боярина—«Бѣ множество народа стояща и мнози прослезишася о немъ и опечалишася о благородствѣ его и величествѣ его.»

Власть князя, отношеніе между нимъ и боярами. Этотъ случай казни отъѣхавшаго боярина, ставшаго княжескимъ врагомъ, является яркимъ показателемъ усиленія власти Московскаго князя.

До Ивана Калиты эта власть, какъ было объяснено выше, была безусловной лишь по отношенію къ людямъ несвободнымъ. Бояре же и вольные слуги признавали ее только до тѣхъ поръ, пока служили Московскому князю. Какъ и въ прежнія времена, они были свободны уходить на службу къ другому князю, удерживая при этомъ права на земли, принадлежавшія имъ въ покинутомъ княжествѣ. Такой переходъ отъ одного князя къ другому не считался измѣной. Но уже въ княженіе князя Юрія Даніиловича замѣтно начало перемѣны во взглядахъ на это давностью освященное право. Бояринъ Родіоновъ-Нестеровичъ, убивъ боярина Акинфа, который, уйдя со службы Московской въ Тверь, сталъ во главѣ войска, направленнаго противъ Московскаго князя, называетъ убитаго измѣнникомъ. Въ данномъ случаѣ это названіе употреблено, всего вѣроятнѣе, въ общежитейскомъ, а не политическомъ смыслѣ: при князѣ Иванѣ Калитѣ право отъѣзда бояръ было еще неоспоримо. Однако, въ его время уже ясно сказывается стремленіе покарать отъѣхавшаго и наложить руку на его земельную собственность, что̀ видно изъ договорныхъ грамотъ, заключаемыхъ между собой князьями, гдѣ это право сохраненія вотчинъ въ покинутомъ княжествѣ обезпечивается особой статьей.

Но, вообще, Калита, какъ князь и правитель, былъ еще существомъ двуликимъ—однимъ лицемъ онъ смотрѣлъ въ прошедшіе удѣльные вѣка, другимъ заглядывалъ въ грядущую даль, гдѣ смутно вырисовывался какой-то иной, русской древности незнакомый, новый порядокъ отношеній къ населенію. Въ этой туманной дали лишь со временъ Донского сталъ болѣе или менѣе ясно очерчиваться образъ Самодержавнаго

Государя, вождя, объединителя сошедшихъ на степень мелкопомѣстныхъ вотчинниковъ, разбросанныхъ и почти совсѣмъ потерявшихъ другъ съ другомъ связь властителей Русской земли.

Калита раздѣлилъ Московское княжество между своими наслѣдниками совершенно такъ же, какъ дѣлали князья со своими вотчинами въ старое удѣльное время. Они дробили ихъ какъ частную собственность, на отдѣльныя части, въ которыхъ каждый наслѣдникъ становился независимымъ владѣльцемъ. Отношенія его къ великому князю устанавливались договорами, мѣнявшимися сообразно съ обстоятельствами.

Рис. 102. Засѣданіе Государевой Думы, съ участіемъ митрополита, по случаю нашествія Мамая.

[Императорская Академія Наукъ. Царственная Лѣтопись].

Сама Москва принадлежала великому князю не всецѣло: Иванъ Калита предоставилъ ее въ общее владѣніе всѣмъ тремъ своимъ сыновьямъ, выдѣливъ въ пользу жены право собирать въ ней «осьмничее»*. Великій князь Димитрій Донской, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ часть отца и часть дяди, уступленную ему его вдовой, также оказался въ ней не единымъ хозяиномъ, такъ какъ одна треть ** оставалась еще за княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, который въ этой своей части былъ полнымъ Государемъ съ правомъ суда и налоговъ.

Тѣмъ не менѣе это дробленіе княжества и самой столицы между князьями сонаслѣдниками не могло разрушить дѣла объединенія Руси подъ главенствомъ Московскаго Государя. Прозорливый политикъ и мудрый строитель государственной мощи

* Раздѣлъ столицы между наслѣдниками— явленіе, принадлежащее не только исключительно нашей древности: Лотарь также подѣлилъ Парижъ между своими сыновьями. (Огюстъ Тьери. Разсказъ о временахъ Меровинговъ). Изъ договорныхъ княжескихъ грамотъ уясняется причина такого страннаго на нашъ взглядъ дробленія. Завѣщатель просто желалъ, чтобы братья жили вмѣстѣ. Это способствовало появленію въ Москвѣ служебныхъ князей съ ихъ многочисленными дворами, что впослѣдствіи возбуждало у Московскихъ Государей уже не удовольствіе, а тревогу.

** Слѣды этого дѣленія сохранялись даже до начала XVII в.—въ 1619 году еще существовалъ «постельничій и намѣстникъ трети Московской» (Константинъ Ивановичъ Михалковъ). См. Русск. Ист. Библ. XXVII. Приходо-расходныя книги Московскихъ приказовъ, стр. 685.

«всея Руси» великій князь Іоаннъ Даніиловичъ Калита, платя дань преданіямъ и порядкамъ Удѣльныхъ вѣковъ, въ то же время исподволь, незамѣтно закладывалъ непоколебимые основы превосходства Москвы и ея Государей.

Благочестивый и благопопечительный къ дѣламъ церковнымъ онъ пріобрѣлъ расположеніе св. митрополита Петра, который явился его совѣтникомъ и помощникомъ, и своимъ высокимъ духовнымъ авторитетомъ преподалъ преемникамъ своимъ такое же отношеніе къ Московскимъ Государямъ. По почину св. Петра Москва сдѣлалась постояннымъ мѣстопребываніемъ всероссійскихъ митрополитовъ и слѣдовательно сосредоточіемъ русской церковной жизни, а Московскіе святители—друзьями, духовными наставниками и политическими пособниками Московскихъ великихъ князей. Для объединенія Руси подъ скипетромъ Московскихъ Державцевъ это имѣло рѣшающее значеніе. Москва сразу стала въ исключительное положеніе среди всѣхъ русскихъ городовъ, а князь Московскій наиболѣе значительнымъ изъ всѣхъ русскихъ князей. Въ глазахъ русскихъ людей дѣйствія его были освящены благословеніемъ высшаго духовнаго лица, авторитетъ котораго признавался во всѣхъ русскихъ предѣлахъ. Притокъ въ Москву обильныхъ матеріальныхъ средствъ, которыми располагала тогда покровительствуемая ханами татарскими русская церковь, также служила усиленію Москвы.

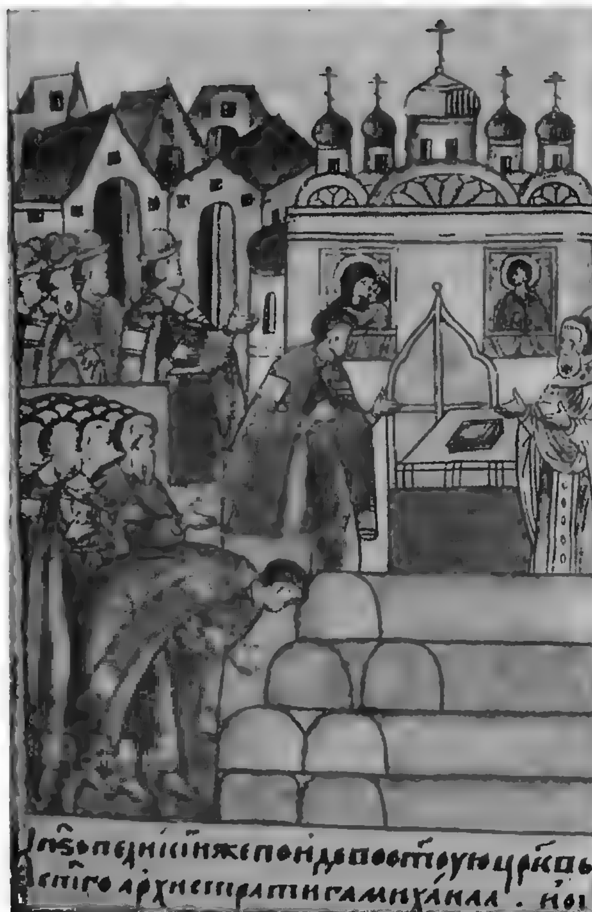

Рис. 103. Великій князь Димитрій Іоанновичъ предъ походомъ противъ Мамая молится у гробовъ предковъ въ Архангельскомъ соборѣ.

[Императорская Академія Наукъ. Царственная Лѣтопись].

Значеніе перенесенія митрополіи въ столицу Московскаго князя вполнѣ оцѣнивалось другими князьями, современниками событія. Лѣтописецъ замѣчаетъ по этому поводу: «инымъ же княземъ многимъ немного сладостно бѣ, еже градъ Москва митрополита имяше въ себѣ живуща.» Кромѣ изложенныхъ обстоятельствъ, Иваномъ Калитою и его преемниками была искусно использована, какъ средство для объединенія Руси, и общая бѣда—татарское иго. Финансовая зависимость князей отъ великаго князя Московскаго, собиравшаго Ордынскій выходъ, скоро превратилась и въ политическую: Семенъ Гордый имѣлъ уже право суда надъ мелкими князьями, а Димитрій Донской пріобрѣлъ и военное верховодство.

Успѣхъ въ борьбѣ съ Ольгердомъ и Мамаемъ обратилъ взоры всей православной Руси на Московскаго князя, какъ на единственнаго возможнаго защитника ея и

избавителя отъ тяжкаго татарскаго ига. Онъ одинъ имѣлъ силу дать отпоръ и «поганымъ бесерменамъ» и «зловѣрной Литвѣ».

На Куликовскомъ полѣ произошло крещеніе кровью новорожденнаго Московскаго Государства и освященіе новаго порядка общественныхъ отношеній. Съ той поры въ

Рис. 104. Вокняженіе в. кн. Василія Димитріевича.
[Императорская Академія Наукъ. Царственная Лѣтопись].

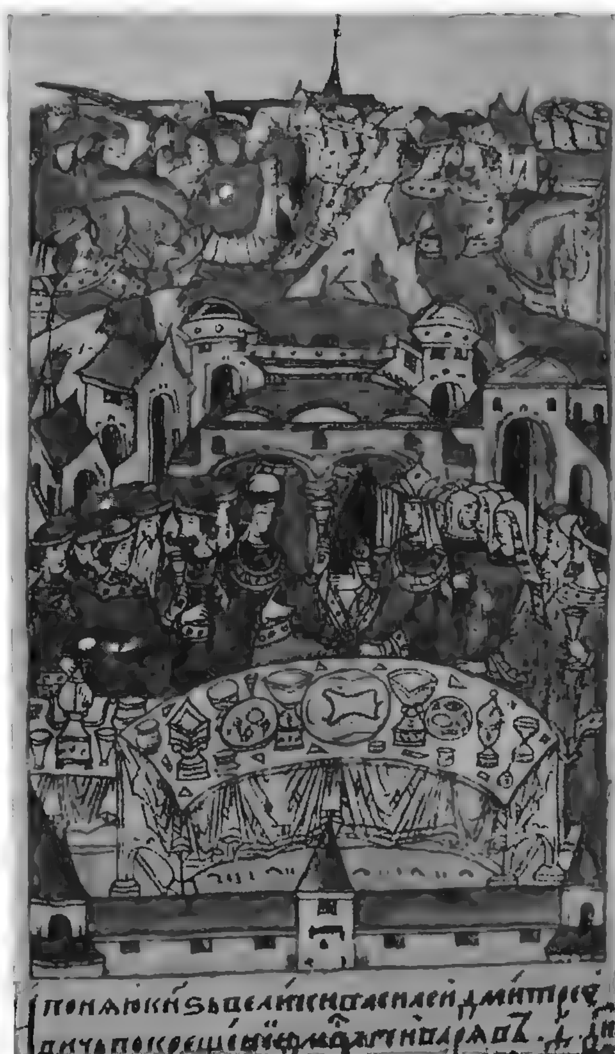

Рис. 105. Пиръ по случаю бракосочетанія в. кн. Василія Димитріевича съ кн. Софіею Витовтовною.
[Императорская Академія Наукъ. Царственная Лѣтопись].

сознаніи лучшихъ русскихъ людей мысль о спасительности Самодержавія пустила глубокіе, прочные корни, по которымъ потекли жизненные соки, дающіе ростъ новому государственному тѣлу. Въ договорной грамотѣ между княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и Димитріемъ Донскимъ встрѣчаются выраженія, какихъ ранѣе не бывало между великими князьями и ихъ сонаслѣдниками, указывающія, насколько значеніе Московскаго великаго князя выросло. Оно уже окружено такимъ ореоломъ, что предъ нимъ блѣднѣютъ освященные давностью порядки. Въ понятіяхъ о престолонаслѣдіи совершается переломъ. Любовь и уваженіе къ Государю переносится и на его первенца. И вотъ князь Владиміръ Андреевичъ отказывается отъ своего права старшинства на великокняжескій престолъ и уступаетъ его сыну Донского, князю Василію Димитріевичу.

Рис. 106. Рожденіе князя Петра Димитріевича и крещеніе его святымъ Сергіемъ.

Рис. 107. Прощаніе великаго князя Димитрія Донского съ супругой и боярами предъ кончиной.

(Императорская Академія Наукъ. Царственная Лѣтопись).

При Василіи Димитріевичѣ значеніе Московскаго Государя поднялось уже на небывалую дотолѣ высоту, чему, конечно, не мало способствовалъ и бракъ его съ дочерью могучаго Витовта, князя Литовскаго, а также непрекращающійся притокъ служилыхъ людей, среди которыхъ были даже сошедшіе со своихъ столовъ природные князья.

Въ 1408 г. на службу къ Московскому князю выѣхалъ (изъ Литвы) кн. Александръ Нелюбъ, сынъ Іоанна Ольгимонтовича. Вслѣдъ за нимъ прибылъ кн. Литовскій Свидригайло Ольгердовичъ съ князьями Звенигородскими — Александромъ и Патрикіемъ, Ѳедоромъ Александровичемъ Путивльскимъ, Урустаемъ Минскимъ, епископомъ Черниговскимъ Исаакіемъ и великимъ множествомъ бояръ: Черниговскихъ, Сѣверскихъ, Брянскихъ, Стародубскихъ, Любутскихъ, Рославльскихъ.

Московскіе бояре, и старые и вновь прибывшіе, на первыхъ порахъ слились въ единодушной работѣ съ своимъ княземъ, новымъ Государемъ и хозяиномъ. Доброхотство старыхъ Московскихъ бояръ къ своимъ Государямъ, равно какъ храненіе ими самими завѣтовъ любви и единенія засвидѣтельствованы въ заключительныхъ строкахъ духовной грамоты великаго князя Симеона Іоанновича. Онъ обращается къ своимъ наслѣд-

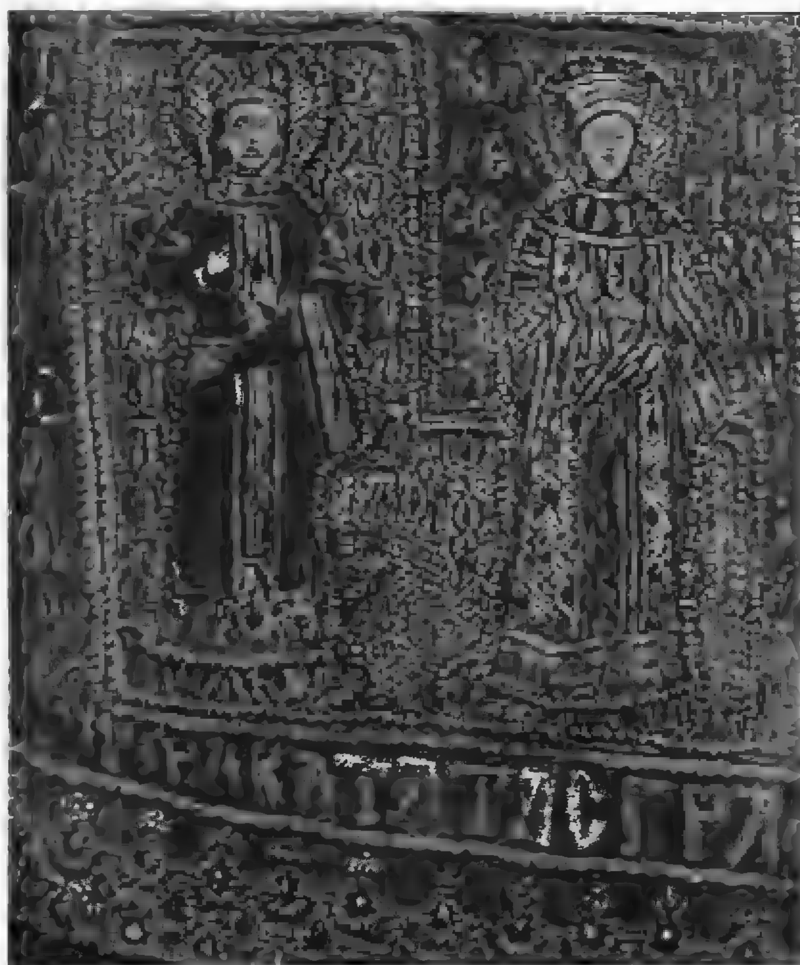

Рис. 108. Дочь великаго князя Василія Димитріевича Анна и Греческій царевичъ, будущій Византійскій Императоръ, Іоаннъ VIII Палеологъ.

Рис. 109. Великій князь Василій Димитріевичъ и великая княгиня Софія Витовтовна.

[Патріаршая ризница. Саккосъ митрополита Фотія].

никамъ съ слѣдующимъ увѣщаніемъ: «А по Отца нашего благословенью, что намъ приказалъ жити за одинъ, такоже и язъ вамъ приказываю своей братьи жити за одинъ; а лихихъ бы людей не слушали, и хто иметъ васъ сваживати, слушали бы есте отца нашего Владыки Олексѣя, такоже старыхъ Бояръ, хто хотѣлъ Отцу нашему добра и намъ. А пишу вамъ се слово того дѣля, чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша, и свѣча бы не угасла....

При Димитріи Донскомъ и въ началѣ княженія его сына Московскій княжескій дворъ также представлялъ рѣдкій примѣръ единодушія и добрыхъ, искреннихъ отношеній между княземъ и его сотрудниками, о чемъ можно судить по тѣмъ рѣчамъ, которыя лѣтописецъ влагаетъ въ уста умирающаго Димитрія: «бояръ своихъ любите, говоритъ онъ своимъ дѣтямъ, и честь имъ достойную воздавайте, противу дѣлу коего либо безъ ихъ думы ничего же не творите.» «Съ вами я царствовалъ, обращается онъ къ боярамъ, и Божіею помощью враговъ своихъ низложилъ; съ вами великое княженіе вельми укрѣпилъ, миръ и тишину княженію своему сотворилъ..... къ вамъ имѣлъ великую любовь и всѣхъ васъ чествовалъ, съ вами радовался и скорбѣлъ... вы же не нарекостеся у меня бояре, но князи земли моей.»

При такомъ единеніи Москва исцѣлялась даже отъ жесточайшихъ потрясеній, какими были Олгердовы, Мамаево и Тохтамышево нашествія.

Но въ княженіе Василія Димитріевича, при внѣшнемъ блескѣ двора, на безоблачномъ небѣ благодушія и сердечности уже проскальзываетъ тѣнь, которой суждено сгуститься въ грозовую тучу; на гладкой поверхности государственнаго зданія обнаруживается трещина, отъ которой два вѣка спустя оно едва не развалилось.

Среди бояръ не всѣ обладали благородствомъ князя Владиміра Андреевича. Большинство изъ нихъ привыкло смотрѣть на себя, какъ на наслѣдственныхъ участниковъ правленія и не было склонно поступаться своими правами. Натолкнувшись на усилившееся въ Московскомъ Государѣ стремленіе къ Самодержавію, оно вознегодовало. Началось «нелюбье», завязалась борьба, при Грозномъ принявшая такой жестокій оборотъ.

При Василіи Димитріевичѣ, принявшемъ власть 18-ти-лѣтнимъ юношей, неспособнымъ на осмотрительное и удобопріемлемое измѣненіе старыхъ порядковъ, недовольство бояръ своимъ Государемъ выросло съ поразительной быстротой въ прямую крамолу. Столь недавніе друзья великокняжескаго семейства, теперь раздраженные самовластіемъ князя, пренебрегающаго ими и выбирающаго совѣтчиковъ по своему личному усмотрѣнію, бояре клевещутъ на его супругу и мать, обвиняя одну—въ невѣрности мужу, другую, святую, тайно носившую на изсохшей груди вериги—въ распутствѣ, и не останавливаются даже передъ такимъ крупнымъ злодѣяніемъ, какъ пособничество нашествію на Москву хана Эдигея.

Нелюбіе не ограничилось одною боярскою средою. Въ самой княжеской семьѣ таилась скрытая, глухая «пря».

Въ дѣтяхъ Димитрія и Евдокіи, этихъ примѣрныхъ супруговъ, которыхъ русская лѣтопись нарекла: одну—«сладкоглаголивой ластовицей», а другого—«златоперсистымъ голубемъ», изъ-за вопроса о престолонаслѣдіи тлѣлъ огонь взаимнаго недовѣрія и глухой вражды, временами вспыхивавшій яркимъ пламенемъ.

Когда пришло время поставить этотъ вопросъ прямо, когда великій князь Василій Димитріевичъ братьевъ своихъ «восхотѣ подписати подъ сына своего Василія», всѣ братья

отказались это исполнить, а младшій, Константинъ, даже разсорился съ великимъ княземъ и шумно отъѣхалъ въ Новгородъ.

Такимъ образомъ, среди украшенныхъ, полныхъ всякимъ достаткомъ и узоричій палатъ княжескаго дворца, среди своего по тѣмъ временамъ великолѣпнаго двора, полное мрачныхъ предзнаменованій кончалось княженіе великаго князя Василія Димитріевича: глухая вражда въ княжеской семьѣ грозила черной бѣдой, какъ малолѣтнему сыну, такъ вмѣстѣ съ нимъ и внутреннему спокойствію всего Государства.

Правда, все населеніе освоилось уже съ новымъ порядкомъ престолонаслѣдія отъ отца къ сыну, а не къ старшему въ родѣ, какъ было въ удѣльное время; мало того, считали такой порядокъ уже «земской изначала пошлиной» и всѣ поэтому взирали на 10-ти-лѣтняго сына великаго князя Василія Димитріевича, какъ на законнаго наслѣдника Московскаго престола.

Но въ сердцахъ его родственниковъ таились змѣеныши зависти и своекорыстные расчеты. Стоило закрыть глаза великому князю, какъ смиряемые имъ ехидны превратились въ яростныхъ чудовищъ, наполнившихъ всю Русскую землю невообразимой сумятицей, осквернившихъ ее отвратительными преступленіями, заразившихъ смраднымъ туманомъ дотолѣ ясные дни Московскаго Дома,—туманомъ, повисшимъ какъ мрачное отчаяніе въ теченіи цѣлой четверти вѣка.

Благословеніе св. Даніила Московскаго, 100-лѣтній внутренній миръ и тишина, родственная примѣрная любовь членовъ княжеской семьи, вѣрная преданность ихъ слугъ смѣнились грохотомъ междоусобной борьбы, дикой ненавистью кровныхъ родныхъ, предательствомъ, клятвопреступленіемъ и измѣною бояръ.

Московскій престолъ, такъ прочно и неколебимо обладаемый старшимъ, законнымъ по Московскому обычаю, наслѣдникомъ переходитъ теперь изъ рукъ въ руки: два раза къ дядѣ юнаго Василія Васильевича Юрію Димитріевичу, и одинъ разъ—къ двоюродному брату его—Димитрію Шемякѣ. Переходы эти сопровождаются ограбленіемъ и увозомъ великокняжеской казны, убійствами и, наконецъ, ослѣпленіемъ двухъ членовъ княжескаго рода—Василія Косого, сына Юрія Димитріевича, и самого великаго князя Василія Васильевича.

Ослѣпленный и вновь уже навсегда водворенный на свой отцовскій и дѣдовскій престолъ, Василій Темный продолжаетъ вести безпощадную борьбу съ пособниками своихъ бывшихъ враговъ, сокрушаетъ ихъ всѣхъ до одного и оставляетъ сыну своему, Ивану, Московскую державу обширной, какъ никогда, а престолъ незыблемымъ на вѣки вѣчные. Близорукій и легкомысленный, пока былъ зрячимъ, Василій, когда ослѣпъ, сталъ дальнозоркимъ и осторожнымъ. Онъ успѣлъ залечить раны, нанесенныя междоусобицей и завершилъ подготовительный періодъ образованія Московскаго Государства.

Сѣверная Русь, вынесшая со времени образованія Московскаго княжества, за 234 года (1228—1462) 90 внутреннихъ усобицъ и до 160 внѣшнихъ войнъ, къ концу его княженія окончательно сплотилась въ одно Великорусское племя подъ скипетромъ всесильнаго Московскаго Державца, «Божіей милостію Великаго Князя Московскаго и всея Руси».

Умудренный горькимъ опытомъ, Василій Темный еще при жизни возвелъ рядомъ съ собою на престолъ Московскій своего сына, Ивана, который впослѣдствіи своимъ государствованіемъ создалъ его величіе и славу предъ лицомъ всего свѣта.

Служилые и приближенные Московскимъ Государямъ люди,

упоминаемые въ памятникахъ письменности со временъ княженія:

КНЯЗЕЙ ДАНІИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА И ЮРІЯ ДАНІИЛОВИЧА:

1. Протасій Өедоровичъ Вельяминъ
2. Веніаминъ Протасьевичъ [№ отца 1].

(1–2: Московскіе тысяцкіе.)

3. Алексѣй Петровичъ Хвостъ — Московскій тысяцкій.
4. Акинфъ Гавриловичъ Великій, перешелъ отъ кн. Андрея Городецкаго.
5. Өедоръ Акинөіевичъ Бяконтъ — отецъ святаго митрополита Алексія.
6. Родіонъ Нестеровичъ — родоначальникъ фамиліи Квашниныхъ.

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ІОАННА ДАНІИЛОВИЧА КАЛИТЫ:

7. Александръ Ивановичъ.
8. Өедоръ Акинфовичъ
9. Иванъ Акинфовичъ

(8–9: [№ отца 4].)

10. Василій-Кочева.
11. Минай.
12. Борисъ Борковъ.
13. Лука Протасьевъ—[№ отца 1].
14. Князья Смоленскіе, родоначальники Даниловыхъ.
15. Кострома, дьякъ.

Душевные отцы:

16. Ефремъ.
17. Федосій.
18. Попъ Давыдъ.

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ СИМЕОНА ГОРДАГО:

19. Василій Веніаминовичъ, прозвищемъ Взолменъ [№ отца 2], Московскій тысяцкій.
20. Михаилъ Давыдовичъ.
21. Иванъ Рыбкинъ-Борцевъ.
22. Борисъ Семеновъ.
23. Андрей Ивановичъ Кобыла, родоначальникъ Романовыхъ.
24. Алексѣй Босоволоковъ.
25. Кн. Өеодоръ Глѣбовичъ Муромскій.
26. Дементій Давыдовъ.
27. Юрій Воробьевъ.
28. Васильевичъ.
29. Василій Окатьевичъ.
30. Ананій, окольничій.
31. Иванъ Михайловичъ.
32. Святый Алексѣй, митрополитъ.
33. Попъ Евсевій, душевный отецъ.

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ІОАННА II КРОТКАГО:

34. Василій Васильевичъ Вельяминовъ—[№ отца 19], тысяцкій [послѣдній], женатъ на Маріи дочери Михайлы, № 35. † 17 сентября 1374 г.
35. Михайло, большой бояринъ.
36. Өедоръ Васильевичъ Воронецъ, братъ № 34.
37. Нестерко, дьякъ.

Душевные отцы:

38. Игуменъ Иванъ.
39. Попъ Акинфъ.
40. Попъ Патрикѣй.

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ДИМИТРІЯ ДОНСКОГО:

41. Димитрій Михайловичъ Волынскій-Боброкъ, сынъ Литовскаго князя на Волыни Коріата Михаила Гедиминовича. Женатъ на сестрѣ Димитрія Донского Аннѣ.
42. Өедоръ Андреевичъ Кошка, бояринъ; младшій сынъ Андрея Кобылы. Дочь его за сыномъ Тверского князя Михаила Александровича. † до 1408 г.
43. Өедоръ Андреевичъ Свиблъ.
44. Александръ Андреевичъ Остей-Елка.
45. Иванъ Андреевичъ Бутурля.
46. Михаилъ Андреевичъ Челядня.
47. Иванъ Андреевичъ Хромой.

(43–47: [№ отца 23].)

48. Иванъ Өедоровичъ, старшій сынъ Өедора Кошки [№ 42].
49. Иванъ Родіоновичъ Квашня—[№ отца 6]. † 1390 г.
50. Тимоөей Васильевичъ Вельяминовъ [№ отца 19], братъ № 34, окольничій.
51. Николай Васильевичъ Вельяминовъ, воевода, женатъ на княжнѣ Маріи Суздальской, сестрѣ вел. кн. Евдокіи, супруги Донского. Единственная его дочь за Иваномъ Димитріевичемъ Всеволожскимъ [№ 132].
52. Симеонъ Тимоөеевичъ Вельяминовъ [№ отца 50], бояринъ.
53. Өедоръ Юрьевичъ Колома-Вельяминовъ, племянникъ № 34.
54. Князь Димитрій Ольгердовичъ Трубчевскій, перешелъ на службу въ Москву въ 1379 г.
55. Владиміръ Даніиловичъ Красный Снабдя, потомокъ князей Муромскихъ. При в. кн. Василіи Димитріевичѣ бояринъ.

Дѣти выходца Смоленскаго князя Александра Всеволодовича Глѣбовича:

56. Димитрій Всеволожъ.
57. Владиміръ Всеволожъ.
58. Иванъ Всеволожъ.
59. Димитрій Александровичъ Зерно, внукъ выѣхавшаго при Калитѣ мурзы Чета, предка Сабуровыхъ и Годуновыхъ.
60. Иванъ Өедоровичъ Уда, бояринъ Сынъ кн. Өедора Юрьевича Фоминскаго-Смоленскаго Краснаго и 2-й [разведенной] жены Симеона Гордаго.
61. Юрій Васильевичъ Кочевинъ Олешенскій [№ отца 10].
62. Димитрій Миничъ, родоначальникъ Софроновскихъ и Простевыхъ.
63. Андрей Ивановичъ Одинецъ, потомокъ Касожскаго князя Редеги.
64. Александръ Андреевичъ Белеутъ [№ отца 63].
65. Димитрій Монастыревъ
66. Назаръ Даніиловичъ Кусаковъ

(65–66: воеводы.)

67. Михаилъ Морозовъ, бояринъ.
68. Александръ Өедоровичъ Плещѣй [№ отца 5], бояринъ; меньшой братъ св. митрополита Алексія.
69. Тимоөей Валуевичъ.
70. Михаилъ Андреевичъ Бренко.
71. Андрей Серкизовичъ, сынъ царевича Серкиза.
72. Семенъ Меликъ, бояринъ и крѣпкій воевода, «изъ Нѣмецъ пришелъ».
73. Иванъ Михайловичъ
74. Семенъ Михайловичъ
75. Михаилъ Ивановичъ Акинфовичъ
76. Микула Васильевичъ
77. Иванъ Александровичъ
78. Андрей Шуба
79. Волуй Окатьевичъ
80. Левъ Мазыревъ, т. е. Морозовъ
81. Михалко Александровичъ
82. Димитрій Мининъ [№ отца 62]
83. Тимоөей Васильевичъ
84. Иванъ Прокшиничъ, потомокъ Прокши, боярина св. Александра Невскаго.
85. Иванъ Григорьевичъ Драница-Чюриловъ, бояринъ.
86. Константинъ Ивановичъ Добрынскій, бояринъ, братъ № 63].

(74–86: Воеводы Московской рати, павшіе въ 1380 г. на Куликовомъ полѣ.)

87. Прокопій Воейко-Войтяговичъ Терновскій, воевода. Въ 1384 г. вышелъ изъ Пруссіи при в. кн. Василіи Димитріевичѣ, бояринъ.
88. Даніилъ Тимоөеевичъ, бояринъ.
89. Внукъ, дьякъ.

Свидѣтели на духовной грамотѣ Донского 1389 г.

90. Святый Сергій Радонежскій.
91. Игуменъ Савастьянъ.

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВАСИЛІЯ ДИМИТРІЕВИЧА:

Примѣчаніе. №№ отъ 92 до 124 размѣщены по старшинству въ порядкѣ мѣстническаго счета [см. Изв. Академіи Наукъ V, 366. «Память Инока Геннадія Бутурлина», конца XV в.].

92. Борисъ Даниловичь.
93. Өедоръ Ивановичь Зерновъ-Сабуръ, сынъ Ивана Димитріевича Зернова, внукъ № 59.
94. Никита Ивановичь Воронцовъ, внукъ Өедора Воронца, сына В. В. Вельяминова № 34.
95. Василій Димитріевичь Мининъ
96. Стефанъ Димитріевичь Мининъ
[№ отца 62].
97. Борисъ Михайловичь Крюковъ, сынъ Михаила Крюка, сына кн. Өедора Юрьевича Өоминскаго-Краснаго и Евпраксіи Өедоровны, разведенной 2 й жены Симеона Гордаго.
98. Семенъ Ивановичь Трава
99. Василій Ивановичь Собакинъ
сыновья Ивана Собаки, брата Михаила Крюка [см. № 97].
100. Андрей Константинов. Сахарникъ-Добрынской [№ отца 86].
101. Борисъ Константиновичь Лыковъ.
102. Данило Ивановичь Сабуръ, мл. братъ № 93.
103. Романъ Александровичь Остѣевъ-Безногой
104. Тимоөей Александровичь Безногой
[№ отца 44].
105. Борисъ Заболоцкой.
106. Романъ Ивановичь Каменской.
107. Өедоръ Волуевъ.
108. Өедоръ Ивановичь Вельяминовъ, сынъ казненнаго, племянникъ № 50.
109. Кн. Юрій Патрикѣевичь, внукъ Нариминтовъ.
110. Константинъ Димитріевичь Шея [№ отца 59].
111. Иванъ Андреевичь Бутурлинъ, внукъ № 45.
112. Димитрій Васильевичь.
113. Володимеръ Даниловичь.
114. Өедоръ Өедоровичь Кошкинъ-Голтяй [№ отца 42].
115. Игнатій Семеновичь Жеребцовъ, изъ фамиліи Плещеевыхъ № 68.
116. Өедоръ Александровичь Колычъ [№ отца 44].
117. Григорій Васильевичь Вантѣевъ, сынъ Василія Вантея, внукъ № 23.
118. Василій Морозовъ.
119. Иванъ Ивановичь Всеволожъ-Молодой.
120. Василій Ивановичь Губастый.
121. Василій Ивановичь Всеволожъ-Заболоцкой.
122. Семенъ Ивановичь Всеволожъ-Рождественской.
123. Юрій Ивановичь Всеволожъ-Кисловской Меня, конюшій.
124. Глѣбъ Ивановичь Шухобальской [Всеволожъ-Шукаловскій].
[№ отца 58].
125. Михайло Өедоровичь Дурной [№ отца 42], бояринъ, братъ № 114.
126. Романъ Александровичь Белеутовъ
127. Өедоръ Александровичь Белеутовъ
Бояре [№ отца 64].
128. Өедоръ Константиновичь Симской [№ отца 86], родоначальникъ Симскихъ, братъ № 100.
129. Илья Ивановичь Квашнинъ [№ отца 49]
130. Петръ Константиновичь
131. Иванъ Никитичь
Старшие бояре.
132. Иванъ Димитріевичь Всеволожъ [№ отца 56], бояринъ, женатъ на дочери № 51. Его дочери – одна за кн. Юріемъ Ивановичемъ Тверскимъ, другая за кн. Андреемъ, сыномъ кн. Владиміра Андреевича Храбраго. Внучка за кн. Василіемъ Косымъ.
133. Поліевктъ Васильевичь Вельяминовъ [№ отца 34].
134. Данило Феофановичь Плещеевъ, † 1393 г.
135. Степанъ Феофановичь Плещеевъ
племянники св. митропол. Алексія.
136. Глѣбъ Семеновичь, бояринъ.
137. Михайло Прокопьевичь Воейковъ
138. Степанъ Прокопьевичь Воейковъ
Бояре [№ отца 87].
139. Димитрій Афинеевичь.
140. Андрей Албердовъ.
141. Александръ Борисовичь Поле.
142. Селиванъ.
143. Кн. Левъ [Семенъ] Мстиславичь Вяземской.
144. Кн. Юрій Святославовичь Смоленской.
145. Кн. Александръ Ивановичь Нелюбъ [Литовской].
146. Кн. Өедоръ Патрикѣевичь Хованской, братъ № 109.
147. Григорій Холопищевъ.
148. Иванъ Лихорь.
149. Михаилъ Лялинъ, воевода.
150. Иванъ Брынка, воевода.
151. Семенъ Жирославичь.
152. Юрій Васильевичь Щека.
153. Остафій Сытъ.
154. Тимоөей Ачкасовъ
155. Алексѣй Стромиловъ
Дьяки.
156. Осей, кормиличичь в. кн. Василія Димитріевича въ 1390 году, убитъ на «игрушкѣ».

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВАСИЛІЯ ТЕМНАГО:

157. Кн. Иванъ Юрьевичь Патрикѣевъ [№ отца 109], бояринъ введеный, † 1499 г.
158. Кн. Иванъ Ивановичь Ряполовской, изъ рода кн. Стародубскихъ.
159. Кн. Димитрій Ивановичь Ряполовской, братъ № 158.
160. Кн. Семенъ Ивановичь Ряполовской-Хрипунъ.
161. Кн. Андрей-Лобанъ Ивановичь Ряполовской.
162. Кн. Өедоръ Давидовичь Палецкой-Пестрый, двоюродный братъ кн. Ряполовскихъ.
163. Кн. Иванъ Константиновичь Оболенской.
164. Кн. Василій Ивановичь Оболенской
165. Кн. Семенъ Ивановичь Оболенской
[№ отца 163].
166. Кн. Глѣбъ Ивановичь Оболенской.
167. Кн. Иванъ Васильевичь Стрига-Оболенской [№ отца 164], бояринъ введеный, † 1478 г.
168. Кн. Өедоръ Давыдовичь Пестрый-Стародубской, воевода.
169. Кн. Иванъ Баба, изъ Друтскихъ князей. Въ 1436 г. пришелъ изъ Литвы.
170. Кн. Александръ Өедоровичь Ростовской. Дочь его за Константиномъ Шеею [№ 110].
171. Захарій Ивановичь [№ отца 48].
172. Яковъ Захарьевичь Кошкинъ-Захарьинъ [№ отца 171], бояринъ.
173. Андрей Өедоровичь Голтяевъ [№ отца 114], шуринъ кн. Ярослава Владиміровича Боровскаго и дядя супруги в. кн. Василія Темнаго.
174. Константинъ Александровичь Беззубцевъ, внукъ Ө. Кошки [№ 42], сынъ его 3-го сына.
175. Иванъ Ивановичь Кошкинъ [№ отца 48], бояринъ.
176. Өедоръ Михайловичь Челяднинъ [№ отца 46].
177. Михайло Борисовичь Плещеевъ, бояринъ введеный, 1468 г.
178. Андрей Өедоровичь Плещеевъ, двоюродный братъ № 177.
правнуки № 68.
179. Михайло Өедоровичь Сабуровъ [№ отца 93], бояринъ введеный и дворецкой, † 1464 г.
180. Григорій Васильевичь Заболоцкой [№ отца 121], бояринъ введеный и дворецкой, † 1473 г.
181. Өедоръ Васильевичь Басенокъ, бояринъ.
182. Володимеръ Григорьевичь Ховринъ, выходецъ изъ Византіи, казначей.
183. Василій Ивановичь
184. Полієвктъ-Василій Глѣбовъ-Море
185. Василій Өедоровичь Кутузовъ, внукъ Александра Прокшича Кутуза.
186. Иванъ Яковлевичь Новосильцевъ.
187. Козма Коробьинъ.
188. Василій Зиновьевъ.
189. Иванъ Зиновьевъ.
Бояре.
190. Иванъ Старковъ, внукъ татарскаго царевича Серкиза [см. № 71].
191. Иванъ Васильевичь Сорокоумовъ-Ощера, † 1486 г.
192. Димитрій Васильевичь Сорокоумовъ-Бобръ.
Окольничіе одного рода съ № 63.
193. Семенъ Филимоновъ.
194. Юрій [Юшка] Драница, литовской выходецъ; убитъ въ 1447 г.
195. Иванъ Димитріевичь Румо, воевода.
196. Өедоръ.
197. Василій Беда.
Дьяки.
198. Архимандритъ Трифонъ, духовный отецъ.

Рис. 110. **Іоаннъ III Васильевичъ**

[1462-1505]

Великій государь всея Руси и великій князь Владимірскій и Московскій и Новгородскій и Псковскій и Смоленскій и Тверской и Югорскій и Пермскій и Вятскій и Болгарскій и иныхъ, государь и великій князь Новгорода Низовской земли и Черниговскій и Рязанскій и Волоцкій и Ржевскій и Бѣльскій и Ростовскій и Ярославскій и Бѣлоозерскій и Удорскій и Обдорскій и Кондинскій и иныхъ.

[Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Титулярникъ.]

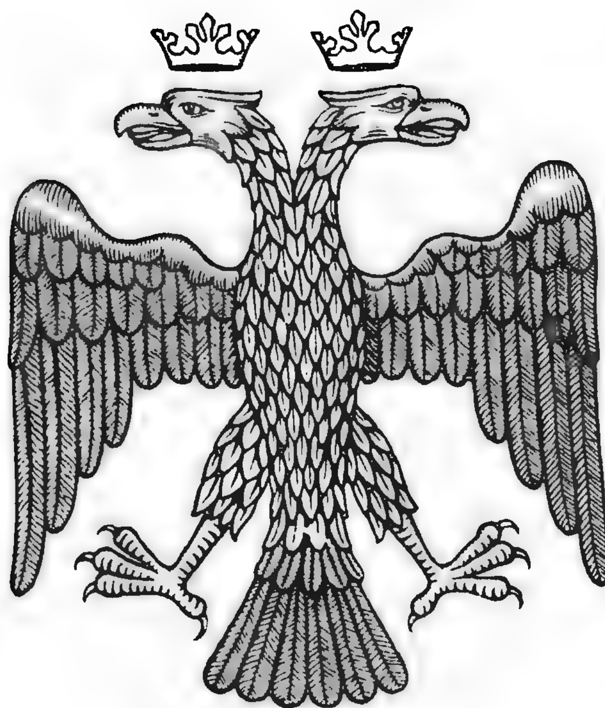

Рис. 111. Съ печати великаго князя Іоанна III Васильевича.

[П. И. Бѣлавенецъ. Труды Высочайше учрежденной Трофейной Коммиссіи.]

Рис. 112. **Великій князь Іоаннъ III Васильевичъ.**

André Thevet. La Cosmographie universelle (1575).

[Теве разсказываетъ, что этотъ портретъ сдѣланъ съ карандашнаго рисунка одного грека, который его ему подарилъ.]

Государевъ дворъ въ Кремлѣ при великомъ князѣ Іоаннѣ III Васильевичѣ.

Кремлевскій дворецъ, унаслѣдованный отъ отца юнымъ великимъ княземъ Іоанномъ III Васильевичемъ, былъ уже старъ. Стѣны его видѣли Димитрія Донского, прадѣда настоящаго его владѣльца. Поэтому Іоанну, остававшемуся въ немъ жить до порога своей старости, приходилось, и вѣроятно не разъ, основательно возобновлять это изъ года въ годъ ветшавшее зданіе и дѣлать въ немъ разныя пристройки и перестройки.

Объ его составѣ и расположеніи остались лишь краткія, отрывочныя упоминанія. Собранныя вмѣстѣ и сопоставленныя, они рисуютъ слѣдующую картину этого памятника Московской удѣльной старины.

По южному склону кремлевской горы, гдѣ теперь высится главный корпусъ Большого Кремлевскаго Дворца, стояли на деревянныхъ подклѣтахъ набережныя палаты, служившія, вѣроятно, для малыхъ пріемовъ: извѣстна такъ называемая *Набережная горница,* въ которой по праздникамъ великій князь принималъ и кормилъ духовенство, въ обычные дни засѣдалъ съ боярской Думой, гдѣ происходили переговоры бояръ съ иноземными послами. Фасадъ этой палаты, вѣроятно со стороны Москвы рѣки,

былъ въ свое время украшенъ знаменитыми часами великаго князя Василія Димитріевича, но существовали ли они при Иванѣ III—не извѣстно. Весьма вѣроятно, что набережныхъ горницъ, какъ и во дворцѣ XVI вѣка, было двѣ. Съ Соборной площади къ нимъ вели два хода: одинъ—черезъ сѣни Благовѣщенскаго Собора, другой—прямо съ Соборной площади черезъ *переднее крыльцо* и *переходы*.

Продолженіе южнаго фасада дворца составляли *набережные терема*, стоявшіе на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ былое время красовались златоверхіе терема великой княгини Евдокіи, супруги Донского. Эти терема, несомнѣнно вновь отдѣланные и расширенные къ пріѣзду царевны Софіи Палеологъ, въ числѣ другихъ покоевъ заключали *набережные сѣнники* и *середнюю повалушу*, въ которой великая княгиня Софія Ѳоминишна въ 1476 году принимала знатнаго венеціанца Амвросія Контарини, а въ 1490 году—цесарскаго посла Георга фонъ-Турна или Юрія де-ла-Торре (Делятора, какъ его называютъ русскія лѣтописи).

Упомянутые пріемы иноземцевъ указываютъ, что тутъ, по набережной сторонѣ дворца, стояли парадныя палаты великой княгини. Ея жилые *постельные покои* находились, какъ и во времена Донского, близъ ц. Рождества Богородицы, на томъ мѣстѣ, гдѣ и теперь расположенъ Теремной дворецъ. Эти постельныя хоромы великой княгини состояли не только изъ подклѣта и верхняго этажа, какъ всѣ другіе покои дворца, но имѣли, надо думать, горницы, вышки, свѣтлицы, гульбища и вообще всѣ тѣ прочія усложненныя формы деревяннаго русскаго зодчества, о которыхъ было сказано на стр. 11. Вся эта совокупность теремныхъ построекъ тянулась отъ ц. Рождества Богородицы на востокъ и выдвигалась къ Успенскому Собору.

Около нихъ, приблизительно на мѣстѣ нынѣшней Грановитой Палаты, стояла *гридня съ теремомъ*, та передовая парадная дворцовая хоромина, гдѣ происходили особо торжественныя собранія, напримѣръ пріемы иноземныхъ посольствъ, всероссійскіе духовные соборы и пр.

Рядомъ съ этой главной палатой дворца, приблизительно на мѣстѣ будущей Золотой палаты, находился еще одинъ пріемный покой, для оффиціальныхъ малыхъ пріемовъ, напримѣръ, посольствъ отъ разныхъ азіатскихъ государей, вродѣ Шамахѣйскаго или Иверскаго, которые при Иванѣ III изъ году въ годъ все чаще стучались за помощью и покровительствомъ въ двери Кремлевскаго Дворца. Именно въ этихъ двухъ палатахъ, главной — *передней* и только что упомянутой — *середней*, происходило, вѣроятно, то праздничное столованіе, которое великій князь далъ въ 1479 году высшему духовенству, боярамъ и всѣмъ, собравшимся изъ разныхъ городовъ разнаго чина людямъ по случаю торжественнаго освященія вновь построеннаго Успенскаго Собора, главнаго храма Московскаго Государства. При описаніи этого кормленія лѣтописецъ говоритъ именно о двухъ храминахъ, гдѣ собравшіеся на торжество пировали, въ одной—вся знать, въ другой—простые люди: «А митрополитъ съ епископы и архимандриты съ нимъ на обѣдѣ у него (т. е. у великаго князя) ядоша и пиша, и вси бояре его и велможи; а събори вси седмь дній на его же дворѣ въ другой храминѣ ядоша и пиша.» Ласковый пріемъ, оказанный Иваномъ III венеціанцу А. Контарини, и его угощеніе обѣдами также могли имѣть мѣсто въ этихъ палатахъ дворца.

Кромѣ упомянутыхъ покоевъ извѣстны еще *столовая, гридня, повалуша* великаго князя и *западня*, такъ названная въ лѣтописи комната, гдѣ въ 1492 году про-

изошло извѣстное свиданіе Ивана III съ его братомъ Андреемъ Углицкимъ, послѣ чего сей несчастный попалъ въ заключеніе на только что построенный казенный дворъ.

Рис. 113. Пиръ послѣ освященія Успенскаго Собора 12 августа 1479 г.

(Императорская Публичная Библіотека. Лицевая Лѣтопись.)

Помимо парадныхъ и покоевыхъ палатъ въ описываемомъ дворцѣ должны были, разумѣется, находиться палаты и избы, гдѣ сосредоточивалось дворцовое и государственное управленіе, а также и хозяйственныя помѣщенія — кухни, погреба, кладовыя, конюшни и проч. Часть ихъ была расположена въ нижнемъ ярусѣ дворца, въ его подклѣтахъ; другія стояли отдѣльными избами. Житницы находились подъ горой, между нынѣшними Тайницкою и Благовѣщенскою башнями, т. е. на томъ же мѣстѣ, какъ и въ послѣдующіе вѣка. Что касается казны, то до постройки Казеннаго двора она хранилась въ подвалахъ церквей: казна великой княгини — подъ ц. Рождества Предтечи, а казна великаго князя — подъ ц. Рождества Богородицы и подъ Благовѣщенскимъ Соборомъ.

Между западной стѣной Кремлевскихъ укрѣпленій и хозяйственными отдѣленіями дворца находились небольшіе дворы, въ которыхъ жили состоявшіе на службѣ у великаго князя иноземцы-художники. Эти помѣщенія, надо полагать, принадлежали къ Государеву двору, что видно изъ слѣдующаго разсказа упомянутаго А. Контарини о первыхъ дняхъ своего пребыванія въ Москвѣ.

«Комната, которую отвелъ мнѣ сначала Маркъ*, говоритъ онъ, была очень мала, некрасива и неудобна, и потому меня перевели, по его же ходатайству, въ другой домъ, гдѣ жилъ Аристотель (Фіоравенти). Этотъ домъ былъ довольно хорошъ и находился неподалеку отъ дворца; но я недолго пробылъ въ немъ, ибо черезъ нѣсколько дней по моемъ переѣздѣ приказано мнѣ именемъ великаго князя (не знаю, что было поводомъ къ такому повелѣнію) очистить занимаемые мною покои, и я съ трудомъ могъ отыскать себѣ небольшую квартиру внѣ крѣпости....»

Кромѣ домика Аристотеля извѣстенъ также расположенный въ томъ же мѣстѣ дворъ другого итальянскаго зодчаго, Антона Фрязина, строителя Кремлевскихъ стѣнъ.

* Марко Россо — русскій посолъ въ Персіи, съ которымъ Контарини тамъ встрѣтился и пріѣхалъ вмѣстѣ въ Москву.

Кремль наканунѣ его перестройки великимъ княземъ Іоанномъ III Васильевичемъ.

Какъ видно изъ вышесказаннаго, старый деревянный дворецъ Ивана III занималъ то же мѣсто въ Кремлѣ, что и всѣ послѣдующіе дворцы. Но онъ не достигалъ размѣровъ дворца XVII вѣка: между дворцомъ и городскою стѣною оставалось мѣсто для боярскихъ и иныхъ дворовъ, не принадлежавшихъ великому князю (см. книгу I, историческую схему). Эти дворы тянулись вдоль западной городской стѣны, на югѣ они огибали великокняжескія житницы и далѣе вростали въ густую чащу построекъ, заполнявшихъ весь юго-восточный уголъ Кремля.

Эта часть города, какъ и весь Кремль, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, представляла собой средневѣковую строительную путаницу—лабиринтъ, гдѣ можно было затеряться—не найти ни пути, ни выхода среди узкихъ кривыхъ улицъ, переулковъ, закоулковъ, тупиковъ съ проходами и пролазами въ другую столь же запутанную сѣть междустѣній.

Такая тѣснота и безпорядочность плана города образовались постепенно, въ силу непрестаннаго, все возрастающаго наплыва служилыхъ людей, стремившихся поселиться въ чертѣ его стѣнъ ради безопасности и близости къ великокняжескому дворцу.

Въ концѣ концовъ каждый клочекъ земли въ Кремлѣ былъ занятъ, дворы примыкали другъ къ другу вплотную и только близъ церквей оставались куски незастроеннаго мѣста, да и тѣ были использованы для жилища мертвыхъ, т. е. для кладбищъ.

Рис. 114. Печать Государственная малая (двойная кормчая) великаго князя Іоанна III Васильевича.

[Съ договорной грамоты 16 Іюня 1504 г. сыновей его Василія и Юрія].

Рис. 115. Печать великаго князя Іоанна III.

[Съ факсимиле его грамоты къ бургомистру и ратманамъ города Колывани].

Рис. 116. Кардиналъ **Виссаріанъ**,
воспитатель и опекунъ великой княгини Софіи Ѳоминишны.
Съ картины работы Piero di Cosimo, изображающей переходъ евреевъ черезъ Чермное море (въ Сикстинской капеллѣ въ Ватиканѣ).

Несоотвѣтствіе стараго Кремля и дворца съ новымъ положеніемъ Московскаго Государя. Таковъ былъ Кремль, старая столица Московскаго удѣльнаго княжества. Весьма живописный издали, онъ своею внѣшностью и устройствомъ совершенно уже не соотвѣтствовалъ новому, болѣе широкому розмаху жизни Московскаго княжества, выросшаго въ обширное Государство. При этой тѣснотѣ и отсутствіи прямыхъ, сколько-нибудь помѣстительныхъ улицъ, движеніе было затруднено до крайности и всякое согласованное дѣйствіе — передвиженіе войскъ или церковная процессія — дробилось и застрѣвало въ безчисленныхъ закоулкахъ безпорядочно перегруженнаго постройками города.

Да и видъ городскихъ зданій и самого дворца сталъ неподходящъ для новаго положенія Государства. Къ тому же все въ нихъ говорило о прежнихъ тяжелыхъ временахъ. Эти старыя хоромы отцовскаго и дѣдовскаго дворца видѣли умаленіе правъ Московскаго Государя его ближайшими родственниками, ихъ бурныя ссоры и обиды, дерзостные захваты власти, насилія, оскорбительные наѣзды татаръ, которыхъ приходилось принимать и чествовать скрѣпя сердце, водить поганыхъ въ святыя церкви, сажать за столъ подъ образа, смотрѣть имъ въ безстыжія алчныя очи, угождать, заискивать покровительства и дружбы. Воспоминанія тягостныя, подчасъ нестерпимыя! Мрачныя тѣни прошлаго уничиженія, приставшія къ стѣнамъ стараго дворца, застрявшія въ его углахъ!

Рис. 117. Вѣнчаніе Великаго князя Ивана III съ царевной Софіею Палеологъ.

[Императорская Публичная Библіотека. Лицевая Лѣтопись].

Но тѣ времена миновали. Теперь въ Кремлевскомъ дворцѣ сидѣлъ Самодержецъ Московскій, неограниченный повелитель у себя дома, Государь грозный для иноземцевъ. Могущество и значеніе его возрасли неизмѣримо. Не только лучшіе люди, сидѣвшіе на еще обособленныхъ русскихъ земляхъ, чувствовали тяготѣніе

къ Московскому Державцу, видя благополучіе и счастье Россіи въ ея единствѣ и цѣлости; но стремленіе это захватило, можно сказать, всѣ здоровыя, ищущія народнаго блага части русскаго населенія.

Собираніе Руси перестало быть дѣломъ зависящимъ исключительно отъ почина Москвы, оно претворилось въ національно-религіозное движеніе всѣхъ Русскихъ людей, особенно въ тѣхъ краяхъ, гдѣ ощущался гнетъ иновѣрцевъ. Разбитая на части, три вѣка терзаемая усобицами, вся Русская земля съ неудержимою силою стала стремиться къ сліянію воедино подъ властію православнаго Московскаго Державца, и вскорѣ бывшій вотчинникъ удѣльнаго княжества сдѣлался главою единаго Великорусскаго Государства.

Рис. 118. Ѳома Палеологъ, отецъ великой княгини Софіи. Въ видѣ статуи св. апостола Павла, въ корридорѣ, ведущемъ въ ризницу храма св. Петра въ Римѣ.

Рис. 119. Андрей Палеологъ, братъ великой княгини Софіи. Съ фрески Пинтурикіо въ Appartamento Borgia въ Ватиканѣ.

Радостно и мощно вершились славныя государственныя дѣла Самодержца всея Руси. Его бракъ съ Византійской царевной и сверженіе татарскаго ига создали ему блестящій ореолъ знатности и могущества. Будущее сулило новыя удачи, политическіе горизонты расширялись. Двуглавый Византійскій орелъ, выгравированный на Княжеской печати, парилъ въ умахъ Московскихъ политиковъ, воодушевлялъ ихъ дѣятельность, а вдали, какъ вѣнецъ всѣхъ усилій, вырисовывалась одна великая православная Держава съ Кіевомъ и Царьградомъ.

Московская Держава, воспріявъ въ свое лоно разрозненныя части земли Русской, вошла въ непосредственное соприкосновеніе съ иноземными Европейскими государствами, отъ которыхъ дотолѣ эти части ее заслоняли, и вышла на широкое поприще. Со всѣхъ странъ въ Кремль стали стекаться иноземные послы... князья и даже цари татарскіе толпились среди слугъ у его Царственнаго Хозяина; столы и сундуки ломились отъ драгоцѣнностей.

И этотъ-то могучій Владыка громаднаго Государства, въ коемъ благо и величіе Государя неразрывно съ общенароднымъ благомъ и достоинствомъ, жилъ все еще въ старомъ дѣдовскомъ домѣ, невзрачномъ и тѣсномъ, съ прошлымъ, о которомъ хотѣлось и слѣдовало забыть окончательно.

Рис. 120. Всемилостивый Спасъ, комнатный образъ царевны Софіи Палеологъ.

[Соборъ Спаса Преображенія на Бору въ Кремлѣ.]

Родство великой княгини Софіи Ѳоминишны:

Мануилъ

Византійскій Императоръ (1391—1426).

Іоаннъ VIII Византійскій императоръ (1426—1448) ж. (1411 г.) дочь великаго князя Московскаго Василія Димитріевича **Анна.**	Константинъ Византійскій императоръ (послѣдній) (1448—1453).	**Ѳома** деспотъ Мореи, прибылъ въ Римъ 7-го марта 1461, † 12 мая 1465 г. (въ Римѣ), ж. (1430 г.) Екатерина, дочь Захаріи II, деспота Мореи.	Димитрій деспотъ Мореи, покорился султану и дожилъ вѣкъ въ маленькомъ удѣлѣ близъ Константинополя.

Елена, м. (1446 г.) Сербскій король Лазарь II.	**Зоя (Софія)** р. 1450 (?), † 7 апр. 1503, м. (12 ноября 1472 г.) великій князь Московскій **Іоаннъ III.**	Андрей † 1502, жилъ въ Римѣ, былъ въ Москвѣ въ 1480 и 1490 гг.	Мануилъ уѣхалъ изъ Рима къ Султану и сталъ мусуль- маниномъ.
		Марія. м. (1480 г.) князь Верейскій Василій Михайловичъ (Удалой)	Андрей мусульманинъ.

Постройка. новаго каменнаго Кремлевскаго дворца итальянскими зодчими.

Продолжаться такъ дальше не могло. Назрѣла настоятельная потребность въ новомъ обиталищѣ, соотвѣтствующемъ новому положенію Московскаго Государя.

Кромѣ того, существенной побудительной причиной къ замѣнѣ деревяннаго дворца каменнымъ была постоянная угроза пожаровъ. Въ такомъ городѣ, какъ Кремль, гдѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ церквей, всѣ строенія были деревянныя, пожары представляли несказанную опасность—достаточно было искры, не притушенной вначалѣ, и могла возникнуть бѣда, съ которой борьба была иногда невозможна. Въ этой тѣснотѣ «красный пѣтухъ» являлся ужаснымъ страшилищемъ, способнымъ въ одинъ часъ истребить годами скопленныя достоянія. А чудовище это появлялось все чаще, становилось все грознѣе, безпощаднѣе!

Такъ, въ 1470 году, «мѣсяца августа 1 день, исходящу второму часу, загорѣся Москва внутри города на подолѣ, близъ Костянтина и Елены, отъ Богданова двора Носова, а до вечерни и выгорѣлъ весь; въста бо тогда вѣтръ силенъ съ полунощи, и за рѣкою многы дворы погорѣли, а иныхъ отнимали; а головни и береста съ огнемъ добрѣ далече носило, за много верстъ; а князь велики былъ тогда на Коломнѣ; осталъ же ся въ городѣ тогда дворъ княже Ивановъ Юріевича, да братаничевъ его два двора, да Орины Олексѣевы: оттолѣ бо вѣтръ тянулъ.»

Такимъ образомъ, великій князь, уѣхавъ изъ Кремля населеннаго и полнаго всякихъ богатствъ, вернулся на обгорѣлый пустырь.

Черезъ три года послѣ пожара 1470 года, только что обстроились, какъ снова, менѣе, чѣмъ черезъ 5 мѣсяцевъ по пріѣздѣ въ Москву Софіи Палеологъ, случился новый пожаръ:

«апрѣля 4 день, въ недѣлю 5 поста, еже глаголется Похвалнаа, въ 4 часъ нощи, загорѣся внутри града на Москвѣ у церкви Рожества Пресвятыя Богородица близъ, иже имать придѣлъ Въскресеніе Лазарево, и погорѣ много дворовъ, и митрополичь дворъ згорѣлъ и княжь дворъ Борисовъ Василіевича, по Богоявленіе Троецкое да по житници городскіе, и дворець житничной великого князя сгорѣлъ, а болшей дворъ его едва силою отняша, понеже бо самъ князь велики былъ тогда въ городѣ, да по каменой погребъ горѣло что на княжь на Михайловѣ дворѣ Андрѣевича въ стѣнѣ городной, и церкви Рожества Пречистые кровля огорѣ, такоже и градная кровля, и приправа вся городнаа, и что было колико дворовъ близъ того по житничной дворъ городной выгорѣло.»

Эти пожары держали въ постоянномъ страхѣ все населеніе Москвы. Насколько всѣ были напуганы ими, видно изъ слѣдующаго разсказа лѣтописи:

«Тое же весны [1488 г.], предъ Великимъ днемъ въ сѣнехъ у великого князя чернець възвопи изъ народа великому князю, галичанинъ изъ Паисѣева монастыря, глаголя: «горѣти Москвѣ на Великъ день»; князь же велики яко урода его повелѣ поимати и на Угрѣшю его послалъ въ монастырь къ Николѣ; глаголютъ же, яко гости свѣдавъ носилися изъ города, боящеся пожара. Сбыстися же слово его. Августа 13 день, того же лѣта, въ среду въ часъ 10 дни, загорѣся на посадѣ у Москвы церковь Благовѣщеніе на болотѣ древяная, и по стѣну городную дворы всѣхъ богатыхъ гостей и людей всѣхъ съ пять тысячь погорѣ, и церквей съ тридцать погорѣ, по Петровской мостъ, и по Неглимну, и по Устрѣтеніе каменое на Кучковѣ полѣ, и Златоустъ церковь каменую, и по Всѣ Святые на Кулишкѣ, и по Васильевской лугъ, и по рѣку; и мосты три у Фроловскихъ воротъ и пушечная изба.»

Самъ великій князь принужденъ былъ лично принимать участіе въ тушеніи огня. Въ 1472 году, напримѣръ, во время пожара на посадѣ, онъ «много пристоялъ на всѣхъ мѣстехъ ганяючи съ многими дѣтми боярскими гасящи и разметывающи», а въ 1476 году, спѣша на пожаръ, долженъ былъ встать изъ-за стола, не кончивъ обѣда.

«мѣсяца октября въ 2 въ 4 часъ дне, загорѣся на Москвѣ внутри града близъ вратъ Тимофѣевскыхъ; князь же велики самъ съ многими людми пришедше угасиша то, и оттолѣ князь велики поиде къ столу на обѣдъ, и часа того загорѣся на Москвѣ внутри града, близъ Николскихъ вратъ, въ 10 часъ дне, и выгорѣ мало не весь градъ, и едва уняша, понеже бо самъ князь велики пристоялъ съ многими людми; единыхъ церквей каменыхъ 10 обгорѣ, а у 11-тые, у Възнесеніа и нутрь выгорѣ, опрочѣ застѣнныхъ каменныхъ, а тѣхъ 10, а древяныхъ згорѣло церквей 12, да 2 застѣнка Архаггельскыхъ древяныхъ разметаша, Въскресеніе да Акилу святаго.»

Въ 1480 году, 6 Сентября, великому князю пришлось вставать съ постели ночью и тушить пожаръ, возникшій за стѣною Кремля, у Угрѣшскаго монастыря, въ поварняхъ (см. кн. I, стр. 27).

Несмотря на всѣ средства и мѣры предосторожности, огонь не щадилъ Кремля, угрожалъ самому княжескому дворцу и могъ въ одинъ несчастный день уничтожить его сокровища, драгоцѣнную утварь, ковры, старинныя иконы и другіе предметы великаго тщанія и береженія.

Такимъ образомъ, помимо всѣхъ другихъ причинъ, однихъ пожаровъ было достаточно, чтобы приступить, наконецъ, къ основательному переустройству города и постройкѣ каменныхъ безопасныхъ отъ огня строеній.*

Надежнаго хранилища требовали, прежде всего, сокровища княжеской казны. Вотъ почему, даже ранѣе созданія Кремлевскихъ укрѣпленій, за два года до его начала, въ 1483 году 6 мая «разруши князь велики Благовѣщенье на своемъ дворѣ, подписаную толко по казну и по подклѣтъ, и заложи казну около того подклѣта и полату кирпичну съ казнами.»

Вскорѣ послѣ начала осуществленія общаго плана постройки укрѣпленій, было приступлено къ удовлетворенію другой настоятельной надобности — созданію пріемной хоромины, соотвѣтствующей новому международному положенію Московскаго Государства.

Рис. 121. Казенный дворъ, построенный въ 1484 году итальянскимъ зодчимъ Марко Руфо (18×24 арш.).

[Книга избранія на царство Михаила Θеодоровича Романова 1675 г.]

* Уже съ половины XV-го вѣка нѣкоторые Москвичи освободились отъ извѣчнаго русскаго деревяннаго коснѣнія и начали строить дома изъ камня. Первый починъ сдѣлалъ митрополитъ Іона, поставившій себѣ въ 1450 году каменную палату. Его примѣру вскорѣ послѣдовали другіе. Въ 1471 году купецъ Тароканъ заложилъ себѣ кирпичныя палаты у городовой стѣны, у Фроловскихъ воротъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится зданіе Дворцоваго вѣдомства. Въ 1485 году сынъ Государева казначея, Димитрій Владиміровичъ Ховринъ, построилъ себѣ палату кирпичную и кирпичныя же ворота. Въ слѣдующемъ году то же сдѣлали братъ его, Иванъ Владиміровичъ, по прозванію Голова, и бояринъ Василій Θедоровичъ Образецъ.

Въ 1487 году «повелѣніемъ великого князя Ивана Васильевича всея Руси, основалъ полату велику Марко Фрязинъ на великого князя дворѣ, гдѣ теремъ стоялъ.»

Эта палата, уцѣлѣвшая и до нашего времени подъ названіемъ Грановитой, была окончена черезъ 4 года. Въ 1491 году «Марко да Петръ Антоній архитектонъ Фрязове съвершили бълшую полату князя великого каменую на площади.»

Рис. 122. Грановитая Палата, въ ея современномъ видѣ. Построена Марко Руфо и Петромъ Антоніемъ въ 1491 г..

Такимъ образомъ, основаніе новому дворцу было положено.

По окончаніи пріемной палаты надо было приступать къ постройкѣ всего остального дворца, что̂ и было сдѣлано незамедлительно—въ томъ же году для этого начали освобождать мѣсто и Спасоборскій монастырь, существовавшій на княжескомъ дворѣ со временъ Калиты, былъ перенесенъ къ рѣкѣ Яузѣ (съ переименованіемъ его въ Новоспасскій).

Рис. 123. Переходъ великаго князя Ивана III съ семействомъ со стараго двора на дворъ Патрикѣева въ 1499 г.

[Императорская Публичная Библіотека. Лицевая Лѣтопись.]

На другой годъ, ранней весной, въ самомъ началѣ строительнаго періода, «априля въ 5, четвертокъ, вышолъ князь великій изъ своего двора изъ старого въ княжъ Ивановъ дворъ Юрьевичя въ новой, и съ великою княгинею Софьею и съ дѣтми, и съ невѣсткою съ великою княгинею съ Еленою, и со княземъ Дмитрѣемъ съ внукомъ, а старой свой дворъ древяной велѣлъ разобрати, и начя ставити каменой дворъ.»

Переселившись на дворъ князя Ивана Юрьевича Патрикѣева, стоявшій близъ Боровицкихъ воротъ на

* Забѣлинъ (Бытъ царей, стр. 43) относитъ это извѣстіе лѣтописи къ постройкѣ Набережной палаты, предполагая, вѣроятно, что оно указываетъ теремъ Набережный. Но слова «гдѣ теремъ стоялъ» говорятъ скорѣе о главномъ въ Кремлевскомъ Дворцѣ теремѣ съ гридней и не относятся къ Набережнымъ теремамъ уже потому, что Набережная палата была построена Иваномъ III на мѣстѣ прежней Набережной горницы, а не теремовъ, стоявшихъ западнѣе ея. Правильнѣе предположить, что лѣтопись разумѣетъ основаніе Грановитой Палаты, ибо преимущественно къ ней идетъ названіе «палата велика», а годъ ея окончанія, 1491, вполнѣ допускаетъ, что 1487 годъ былъ годомъ ея закладки.

мѣстѣ первоначальнаго княжескаго двора въ Кремлѣ, великій князь сталъ тамъ ожидать окончанія постройки временнаго деревяннаго дворца, который ставился за Архангельскимъ Соборомъ, на нынѣшней Ивановской площади.

Но ему не пришлось спокойно пожить на новомъ мѣстѣ. Неугомонный огонь выгналъ его оттуда въ томъ же году.

«Тоя же весны, апрѣля 16, (1493 г.) на Радуници, погорѣ градъ Москва нутрь весь, развѣ остася дворъ великого князя новый за Архаггеломъ, и у Чюда въ монастырѣ казна выгорѣ.»

А черезъ 3 мѣсяца случился опять такой пожаръ, какого не бывало еще никогда:

«Того же мѣсяца іюля 28, (1493 г.) въ недѣлю, въ 7 часъ дни загорѣся церковь на Песку святый Никола, и въ томъ часѣ въста буря веліа, и кину огнь на другую сторону Москвы рѣки къ Всѣмъ Святымъ, а оттолѣ за Неглимну къ каменной церкви къ Егорію святому, и въ томъ часѣ нечислено нача горѣти въ мнозѣхъ мѣстехъ; и выгорѣ посадъ за Неглимною, и отъ Духа Святаго по Черторію и Борисъ Глѣбъ на Орбатѣ и до Петровской слободки, а за Москвою отъ Софьи святыя выгорѣ и до Акима и Анны. А изъ Зарѣчіа въ градѣ загорѣся князя великого дворъ и великіе княгини, и оттолѣ на Подолѣ житници загорѣшяся, и дворъ князя великого новой за Архаггеломъ выгорѣ, и митрополичь дворъ выгорѣ, и у Пречистые олтарь огорѣ подъ Нѣмецкимъ желѣзомъ, и въ градѣ всѣ лачюги выгорѣша, понеже бо не поспѣша ставляти хоромъ послѣ вешняго пожара, и церковь Іоанъ святый Предтеча у Боровитцкихъ воротъ выгорѣ, и западе, а въ церкви попъ згорѣ, а подъ церковью казна княгини великіе Софіи выгорѣ, и Боровитцкаа стрѣлница выгорѣ, и граднаа кровля вся огорѣ, и новая стѣна вся древяннаа у Никольскихъ воротъ згорѣ. А изъ города торгъ загорѣся, и оттолѣ посадъ выгорѣ возлѣ Москву до Зачатья на Востромъ конци, и по Васильевской лугъ, и по Всѣ Святые на Кулишки, и оттолѣ по Иванъ Богословъ и по старую Троицу, и Срѣтенскаа улица вся выгорѣ до Сполья и церковь каменаа Срѣтеніе обгорѣ. И много бо тогда людемъ скорбь бысть, болши двою сотъ человѣкъ згорѣ людей, а животовъ бесчислено выгорѣ у людей; а все то погорѣ единого полудни до ночи. А лѣтописець и старые люди сказываютъ, какъ Москва стала, таковъ пожаръ на Москвѣ не бывалъ.»

Великій князь съ семействомъ остался буквально безъ крова и принужденъ былъ поселиться за Яузой въ простыхъ крестьянскихъ избахъ. Онъ смогъ вернуться въ Кремль только черезъ два мѣсяца, когда былъ готовъ наскоро выстроенный для него новый дворъ: «Ноября въ 10 день, въ недѣлю, вшелъ князь велики въ городъ въ новой дворъ жити, а стоялъ тогды послѣ пожару у Николы у Подкопаева подъ Конюшнею въ хрестіанскыхъ дворѣхъ.»

Пожаръ 1493 года остановилъ постройку дворца на цѣлыхъ шесть лѣтъ — причиненныя имъ опустошенія были настолько велики, что только къ 1499 году возможно было оправиться отъ раззоренія и возобновить начатое дѣло: «Тое же весны маіа (1499 г.) князь велики велѣлъ заложити дворъ свой каменъ палаты каменые и кирпичные, а подъ ними погребы и ледники на старомъ дворѣ у Благовѣщеніа, да и стѣну камену отъ двора своего до Боровитцкіе стрѣлници; а мастеръ Алевизъ Фрязинъ отъ града Медіолама.»

Лично для Ивана III пожаръ 1493 года имѣлъ роковое значеніе — онъ не дожилъ 3-хъ лѣтъ до окончанія дворца.

Готовя себѣ и своимъ преемникамъ новую великолѣпную столицу, самъ Иванъ III на старости видѣлъ въ ней только сутолку и неустройство. Невообразимый хаосъ стоялъ въ Кремлѣ все то время, когда строительство захватило его съ одного конца на другой. Скрипъ телѣгъ, стукъ топора, крики рабочихъ наполняли его шумомъ и гамомъ съ ранняго утра до поздняго вечера. Всюду кучи мусора и обломковъ, груды строительныхъ матеріаловъ, разрытая земля, разоръ, нечистота. Мѣстами, на узкихъ улицахъ, взбуровленныхъ и загроможденныхъ, проѣхать было невозможно. Неуютная, суетливая, лишенная правильности жизнь смѣнила неторопливый, размѣренный ходъ прежняго старозавѣтнаго быта.

Значеніе Московскаго Государя при Иванѣ III. Усиленіе его власти, ея бремя.

Державному строителю Кремля пришлось претерпѣвать не только неудобства и безпокойства физическаго существованія—тревоги и огорченія омрачали его жизнь, особенно ея послѣдніе годы.

Это была обратная сторона его славы и могущества, неизбѣжное послѣдствіе той головокружительной высоты, какой достигла власть Московскихъ Государей къ концу XV вѣка. Дѣйствительно, власть сія при Иванѣ III выросла до размѣровъ, невѣдомыхъ русской удѣльной старинѣ, и это произошло не въ силу однихъ только мѣстныхъ условій. Паденіе Византіи и брачный союзъ Ивана III съ греческой царевной произвели въ значеніи Московскаго Государя, быть можетъ, еще бо́льшую перемѣну, чѣмъ это сдѣлало само объединеніе Руси.

Ранѣе—Московскіе князья находились въ зависимости отъ Византійскихъ императоровъ, ибо императоры занимали верховное положеніе въ восточной церкви, какъ охранители ея и блюстители православія, а церковь русская подчинялась греческой. Изъ области церковной главенство переходило и на политическую: императоры въ свой титулъ включали званіе царей русскихъ, Московскаго же великаго князя называли своимъ стольникомъ. Противъ этого Московскіе князья не возражали. Самъ Симеонъ Гордый признавалъ такое положеніе—въ письмѣ своемъ къ императору Кантакузену онъ называлъ его «Самодержцемъ всея вселенной». Великій князь Василій Димитріевичъ, въ которомъ чувство самодержавности было воспринято съ молокомъ матери, не хотѣлъ мириться съ этой подчиненностью и запретилъ митрополиту Кипріану поминать въ диптикахъ имя «царя». «Мы имѣемъ церковь, объяснилъ онъ свое запрещеніе, а царя не имѣемъ.» Однако, вскорѣ онъ получилъ отъ патріарха Константинопольскаго посланіе, своего рода выговоръ, гдѣ подчеркивалась неотдѣлимость церкви отъ царства, и указывалось на міровое главенство императора.

Такимъ образомъ оказалось, что освободиться отъ этой зависимости простымъ ея непризнаніемъ было нельзя. Лишь измѣна православію Византійскаго императора Іоанна VIII на Флорентійскомъ соборѣ и въ то же время ревностная защита изначальной чистоты церковной великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, перенесли въ народномъ сознаніи ореолъ блюстителя истинной вѣры съ главы Византійскаго императора на главу великаго князя, который съ того времени сталъ въ глазахъ русскаго православнаго міра «въ благочестіи цвѣтущимъ православнымъ царемъ русскимъ». Паденіе Константинополя обратило на Московскаго Самодержца упованія уже всего православнаго Востока, увидѣвшаго въ немъ преемника Византійскихъ императоровъ съ ихъ правами и обязанностями по отношенію къ церкви. Патріархи и митрополиты тѣснимой и бѣдствующей восточной церкви въ своихъ просительныхъ посланіяхъ стали воздавать Московскимъ Государямъ тѣ же почести и титулы, которые ранѣе принадлежали императорамъ Византійскимъ.

---

* *В. Малининъ*—Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей, а также *М. Діаконовъ*—Власть Московскихъ Государей.

Русскіе книжники и политическіе мыслители дали этой преемственности вполнѣ опредѣленное толкованіе, называя Москву третьимъ Римомъ и перенося на Московскаго Самодержца всѣ аттрибуты власти, которыми обладали Византійскіе императоры.

Тѣмъ временемъ положеніе служилыхъ людей измѣнилось кореннымъ образомъ. Приливъ ихъ въ Москву все усиливался; и это создавало новыя условія. Въ былыя времена знатный выходецъ, особенно князь, добровольно переходящій съ своего удѣла на службу Московскаго Государя, лично уговаривался съ нимъ о своемъ положеніи и получалъ отъ него «рядъ и крѣпость».

Теперь, при массовомъ наплывѣ служилаго люда,* Московскій Государь пересталъ договариваться съ пришельцами особо—они заносилися въ списки и получали опредѣленное мѣсто въ рядахъ Московской знати на основаніи общаго уложенія. Это уже одно являлось умаленіемъ значенія служилыхъ людей, главнымъ же было—лишеніе ихъ права отъѣзда. Свобода уходить отъ исполненія государственнаго дѣла въ любое время не могла быть терпима въ большомъ государствѣ, ставшемъ лицомъ къ лицу съ иновѣрными и иноплеменными странами. Такой уходъ являлся измѣною, ибо уйти, кромѣ какъ къ врагамъ, было некуда. Посему Иванъ III поступалъ съ пытавшимися отъѣхать отъ него какъ съ измѣнниками. Такимъ образомъ, бывшіе вольные сотрудники Московскаго Государя превратились въ его подданныхъ, обязанныхъ ему служить неотступно.** Превращеніе это совершалось не легко, но съ болью и кровью. Вѣковая привычка къ свободѣ, къ власти не могла исчезнуть сразу, и Ивану III приходилось подчасъ давать строптивцамъ жестокій, несомнѣнно для него самого тягостный

* При Иванѣ III въ Москву пріѣхали слѣдующіе служилые люди, русскіе и иноземцы. Въ 1474 году Казанскій царевичъ Муртоза, которому данъ Новгородокъ на Окѣ. Въ 1475 году Аристотель Фіоравенти изъ Италіи (привезенъ посломъ Толбузинымъ). Съ нимъ вмѣстѣ или около того же времени Трифонъ изъ Катары, золотыхъ дѣлъ мастеръ. Въ 1476 году многіе бояре и дѣти боярскіе изъ Твери. Въ 1480 году дѣти Крымскаго хана Ази-Гирея. Въ 1482 году кн. Өедоръ Ивановичъ Бѣльскій изъ Польши. Въ 1483 году врачъ Нѣмчинъ Антонъ. (Его за неудачное леченіе царевича Даньярова «зарѣзаша ножемъ какъ овцу» подъ мостомъ на Москвѣ рѣкѣ. Аристотель, испуганный этой казнью, сталъ проситься въ Италію. «Князь же великій поима его и ограбивъ посади на Онтоновѣ дворѣ за Лазаремъ святымъ»). Въ 1485 году Іоаннъ Раль Палеологъ изъ Царьграда и кн. Андрей Микулинскій и кн. Іосифъ Дорогобужскій изъ Твери. Въ 1490 году изъ Польши: кн. Димитрій Өедоровичъ Воротынскій, кн. Иванъ Михайловичъ Перемышльскій, кн. Иванъ Бѣлевскій, «Лекарь мистро Леонъ жидовинъ изъ Венецеи и иные мастера Фрязова, стѣнные и палатные и пушечные и серебряные». Между ними и органный игрецъ Августинскій монахъ капланъ Иванъ Спаситель (Salvator). Въ 1493 г. кн. Михаилъ Романовичъ Мезецкій; царевичъ Абдылъ Летивъ. Въ 1494 г. послами Мануило Аггеловымъ Грекомъ да Данило Мамыревымъ привезены изъ Италіи: Алевизъ мастеръ стѣнной, Петръ пушечникъ и иные мастера, въ числѣ ихъ—Михаилъ Парпайоне литейщикъ и Бернардино Боргоманеро оружейникъ (см. журналъ Raccolta Milanese 1888 г. письмо 19-го ноября 1496 г. Миланскому герцогу). Въ 1496 г. Өедоръ Ласкиръ съ сыномъ изъ Царьграда. Въ 1500 г. кн. Семенъ Ивановичъ Бѣльскій, кн. Семенъ Ивановичъ Можайскій, кн. Василій Ивановичъ Шемякинъ—всѣ изъ Литвы. Въ 1502 г. два царевича изъ Хазторокани (Астрахани): Исупъ-Салтанъ, да Шигавліамъ Салтанъ.

** Наложеніе на бояръ кары за отъѣздъ и даже попытку къ тому примѣнялось уже отцомъ и дѣдомъ Ивана III. Такъ великій князь Василій Димитріевичъ отнялъ много земельныхъ владѣній у боярина Өедора Свиблы, участника въ построеніи Московскаго Кремля при Донскомъ и намѣстника-воеводы въ Москвѣ во время похода противъ Мамая. Василій Темный отнялъ земли въ 1433 году у боярина Ивана Димитріевича Всеволожскаго, отъѣхавшаго въ Тверь; въ 1439 году у Семена Аминева. Съ 1440 года онъ началъ отдавать ненадежныхъ бояръ на поруки, напримѣръ князей Ряполовскаго и Ивана Засѣкина. Однако, настоящее закрѣпощеніе служилаго люда началось лишь при Иванѣ III, съ образованіемъ Московскаго Государства. За проступки онъ сталъ примѣнять къ боярамъ и позорныя наказанія. Въ 1488 году «били въ торгу кнутьемъ Ухтомскаго князя и Хомутова».

урокъ—онъ казнилъ тѣхъ самыхъ бояръ, отцы которыхъ были вѣрными сподвижниками его отца и его личными защитниками въ былыхъ опасностяхъ.

Еще труднѣе было положеніе Ивана III относительно ближайшихъ родственниковъ. Братья его, бывшіе на своихъ удѣлахъ полновластными Государями и по прежнему заключавшіе договоры съ великимъ княземъ какъ равные съ равнымъ, еще менѣе, чѣмъ бояре, склонны были поступаться своей свободой; но въ дѣлахъ общегосударственныхъ Иванъ III требовалъ отъ нихъ повиновенія; кромѣ того, онъ наложилъ руку на ихъ противогосударственное право дробить свой удѣлъ между наслѣдниками — по смерти брата Георгія онъ отобралъ весь его удѣлъ на себя. Не мало опасности навлекло на него такое отношеніе къ братьямъ. Они отступались отъ него въ минуты, когда ихъ помощь была особенно нужна, переманивали къ себѣ его бояръ, сносились съ исконнымъ его врагомъ—королемъ Польскимъ, подымали противъ него открытую войну.*

Распря съ братьями доставляла Ивану III много тревогъ и огорченій, но настоящее несчастіе заключалось въ настроеніи его собственной семьи. Борьба между невѣсткой Еленой и супругой Софіей Ѳоминичной изъ-за того, чей сынъ получитъ Московскій престолъ, раздѣлила весь дворъ на два враждебныхъ лагеря и поставила самого Ивана III въ положеніе, угрожающее его личной безопасности. Онъ принужденъ былъ «жити въ береженіи» отъ своей жены, утопить «лихихъ бабъ», съ которыми та вела темные переговоры, порубить головы сначала боярамъ, злоумышлявшимъ противъ внука, Димитрія, и засадить подъ стражу сына Василія,** а затѣмъ, въ свой чередъ, казнить приверженцевъ Димитрія и его, вѣнчаннаго уже на царство, «посадити въ камень и желѣза на него возложить».

Какъ ни суровы были такія мѣры, но для Московскаго Государя иного выхода не было, и это ясно сознавалось лучшими людьми того времени. По словамъ лѣтописца, Иванъ III, посадивъ брата Андрея въ заключеніе, такъ объяснилъ свой поступокъ митрополиту: «Жаль мнѣ очень брата и я не хочу погубить его, а на себя положить упрекъ; но освободить его не могу, потому что не разъ замышлялъ онъ на меня зло, потомъ каялся, а теперь опять началъ зло замышлять и людей моихъ къ себѣ притягивать. Да это бы еще ничего; но когда я умру, то онъ будетъ искать княженія подъ внукомъ моимъ, и если самъ не добудетъ, то смутитъ дѣтей моихъ, и станутъ они воевать другъ съ другомъ, а Татары будутъ Русскую землю губить, жечь и плѣнить,' и дань опять наложатъ, и кровь христіанская опять будетъ литься, какъ прежде, и всѣ мои труды останутся напрасны, и вы будете рабами Татаръ.»

---

* Въ 1474 г. братья Іоанна шли къ Литовскому рубежу и стали сноситься съ Польскимъ королемъ. Иванъ III посылалъ къ нимъ боярина Андрея Михайловича Плещеева, затѣмъ Ростовскаго архіепископа Вассіана, но братья не захотѣли мириться съ нимъ. Въ 1479 г. Іоаннъ въ Новгородѣ получилъ извѣстіе отъ своего сына изъ Москвы, что его братья опять замышляютъ отступить отъ него. «Онъ же вборзе ѣха изъ Новагорода къ Москвѣ.... и ради быша вси людіе: быша бо въ страсѣ велицѣ отъ братьи его, всѣ грады быша въ осадахъ, и по лѣсомъ бѣгаючи мнози мерли отъ студени, безъ великаго князя.»

** Въ 1498 году «по діаволскому навоженію и лихихъ людей совѣту, въсполѣся князь великы Иванъ Васильевичь на сына своего князя Василія, да и на жену свою на великую княгиню Софью, да въ той вспалкѣ велѣлъ казнити дѣтей боярскыхъ: Володимера Елизарева сына Гусева, да кн. Ивана Палецкого Хруля, да Поярка Рунова брата, да Щавіа Скрябина сына Травина, да Ѳеодора Стромилова діака введеннаго, да Офонасіа Яропкина; казниша на леду, головы имъ ссѣкоша, декабря 27.» «Спалка» была за то, что къ великой княгинѣ приходили бабы съ зеліемъ, а сынъ Василій хотѣлъ «израду» учинить надъ внукомъ княземъ Димитріемъ и захватить великокняжескую казну въ Вологдѣ и на Бѣлоозерѣ.

Составъ двора при Иванѣ III. Управленіе.

Московское боярство при Иванѣ III сдѣлалось весьма многочисленнымъ и именитымъ. Съ объединеніемъ Руси, оно втянуло въ себя почти всѣхъ ея наиболѣе знатныхъ представителей. Въ его составъ вошли и потомки великихъ князей, сошедшихъ со своихъ престоловъ прямо на Московскую службу, и удѣльные князья, послѣ потери самостоятельности послужившіе у другихъ князей, и бояре, перешедшіе въ Москву изъ разныхъ княжествъ, одни или со своими князьями. Къ этой русской основѣ Московскаго боярства было весьма сильно примѣшано не-русское, едва въ ней растворившееся начало—выходцы изъ чужихъ краевъ—Орды, Крыма, Византіи, Нѣмецкой земли и иныхъ странъ востока и запада.

Вся эта знать—и старые искони свои «бояре Московскіе извѣчные» и новые пришлые люди—были объединены личностью Московскаго Государя, составляли его дворъ. Но они не пребывали въ Москвѣ въ полномъ своемъ составѣ.

Нѣкоторые изъ недавнихъ владѣтельныхъ князей продолжали сидѣть въ своихъ старыхъ родовыхъ гнѣздахъ и заниматься тамъ по прежнему дѣлами управленія, другіе получали назначенія въ разные чуждые имъ города и волости для кормленія, и только часть ихъ оставалась въ Москвѣ для дворцовыхъ дѣлъ. Но это распредѣленіе не было устойчивымъ: черезъ годъ, два происходила перетасовка назначеній—бывшіе на кормленіяхъ возвращались въ Кремль и занимали придворныя должности, а на ихъ мѣста посылались другіе, остававшіеся до того времени на дворцовой службѣ. Такимъ образомъ, по прежнему, придворная служба не была обособлена отъ государственной, и при такомъ порядкѣ многіе областные правители удерживали свое прежнее придворное званіе, а занимающіе придворныя должности писались (напримѣръ въ дипломатическихъ актахъ) по своимъ прежнимъ обязанностямъ областныхъ правителей: намѣстника Новгородскаго, Костромского и проч.

Что касается, собственно, самого Кремлевскаго великокняжескаго двора и его устройства при Иванѣ III, то, соотвѣтственно съ положеніемъ Московскаго Государя и осложненіемъ государственной жизни, онъ разроссе и пополнился новыми чинами: съ конца XV вѣка дѣлаются извѣстными должности *постельничаго* и *ясельничаго*. Можно предположить, что и почетный чинъ *крайчаго** былъ учрежденъ Иваномъ III, хотя первое извѣстное назначеніе на эту должность относится къ 1514 году (И. Ю. Сабуровъ).

Надо замѣтить, что при Иванѣ III званіе *бояринъ* утратило свое прежнее бытовое значеніе и сдѣлалось чиномъ, который «сказывался» великимъ княземъ и являлся высшею степенью служебнаго положенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе бояръ умалилось, не только въ силу вышеизложенныхъ естественныхъ причинъ, но, повидимому, также вслѣдствіе сознательныхъ мѣропріятій

---

* *Крайчій* (отъ слова кроить, рѣзать) соотвѣтствуетъ современному придворному чину *форшнейдера* (отъ vorschneiden—разрѣзать).

въ этомъ направленіи. Такъ, въ составъ Государевой Думы были введены, кромѣ бояръ, люди меньшіе—дворяне и дьяки («дворяне и дѣти боярскіе, которые живутъ въ Думѣ»*).

Дьяки были введены Иваномъ III и въ составъ «боярскаго суда», надо думать въ качествѣ его членовъ, ибо дьяки-писцы присутствовали тамъ и раньше.

Управленіе. Превращеніе удѣльнаго княжества Даниловичей въ Московское Государство сопровождалось умноженіемъ и осложненіемъ дѣлъ управленія, а также постепеннымъ обособленіемъ собственно дворцовыхъ дѣлъ отъ обще-государственныхъ. Соотвѣтственно съ этимъ, преобразовывался и порядокъ управленія. Появились центральныя учрежденія, извѣстныя подъ именемъ *приказовъ*.**

Можно предполагать, что при Иванѣ III уже существовали приказы: *разрядный, житный, большого дворца, казенный, постельный, конюшенный, холопій, ямской, разбойный, земскій* и даже *посольскій*. Устройство этихъ приказовъ было, по мнѣнію нѣкоторыхъ знатоковъ, (Н. П. Лихачевъ. Разрядные дьяки XVI вѣка) коллегіальное. Во главѣ стоялъ судья, при которомъ состояли одинъ или нѣсколько дьяковъ, съ подьячими. Судья обсуждалъ дѣла, по всей вѣроятности, вмѣстѣ съ дьяками; подьячіе писали бумаги, которыя въ знакъ подлинности скрѣплялись подписью дьяками, завѣдывавшими дѣлопроизводствомъ.

Казеннымъ приказомъ управлялъ *казначей*. При немъ, кромѣ двухъ дьяковъ, состоялъ и *печатникъ*, привѣшивавшій къ актамъ Государевы печати, чему придавалось важное значеніе.

Въ дѣятельности Казеннаго приказа видно, какъ были перепутаны частныя дѣла великаго князя съ общими государственными. Приказъ этотъ завѣдывалъ Государевыми доходами, сборомъ пошлинъ и оброковъ, велъ нѣкоторые расходы, дѣла о холопствѣ и нѣкоторыя судебныя дѣла. Кромѣ того, вся великокняжеская *казна*—платье, мѣха, драгоцѣнные камни, утварь, золото и серебро въ слиткахъ и издѣліяхъ—была на рукахъ казначеевъ. Такъ, напримѣръ, при отпускѣ княжны Елены въ Литву «что даровъ отпущено отъ великаго князя къ великому князю Литовскому и что великокняжеской казны и платья и даровъ, и то записано на казенномъ дворѣ.» Въ казнѣ же хранились и документы государственнаго значенія—весь дипломатическій архивъ «дефтери старые отъ Батыя и отъ иныхъ царей», списки служебныхъ нарядовъ, грамоты, челобитья, списки дорогъ, чертежи городовъ и пр.

Въ приказѣ Большого Дворца засѣдалъ *дворецкій* съ *дворцовыми дьяками*. Въ числѣ служащихъ этого приказа называется и *дворцовый приставъ*.

---

* Наименованіе *сынъ боярскій*, *дѣти боярскіе* присваивалось первоначально преимущественно обѣднѣвшимъ потомкамъ старинныхъ бояръ, затѣмъ съ упадкомъ удѣльныхъ порядковъ распространилось на всѣхъ слугъ второго разряда. Дворяне и дѣти боярскіе образовали новый классъ служилыхъ людей, владѣвшихъ землею на помѣстномъ правѣ и обязанныхъ за нее нести военную повинность.

** Въ первоначальномъ смыслѣ слова, пишетъ С. Б. Веселовскій (Приказный строй управленія Московскаго Государства. Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ, т. III) приказъ есть то же, что порученіе. «Быть на приказѣ» или «на приказахъ» значило исполнять какое-нибудь дѣло или порученіе. Говорили: такіе-то люди, дѣло или городъ «приказаны», т. е. поручены кому-нибудь.... «Когда предметомъ порученія былъ извѣстный кругъ повседневныхъ дѣлъ, то съ теченіемъ времени онъ могъ легко пріобрѣсти значеніе учрежденія. Практика вырабатывала однообразные пріемы рѣшенія дѣлъ, а житейская логика заставляла подчиняться имъ. Съ теченіемъ времени возникала потребность въ архивѣ для храненія рѣшенныхъ дѣлъ и въ постоянномъ штатѣ знающихъ дѣло служащихъ. Такъ постепенно центръ тяжести переходилъ съ лицъ на дѣло, и личное порученіе превращалось въ учрежденіе.»

Служилые люди при Московскомъ великокняжескомъ дворѣ, назначенные великимъ княземъ Іоанномъ III.

Примѣчаніе. Стоящіе послѣ именъ служилыхъ людей года обозначаютъ: безъ знака—годъ пожалованія чина, съ крестомъ—годъ смерти, съ чертою—годъ оставленія должности или лишенія званія, въ скобкахъ—годъ упоминанія въ дошедшихъ до насъ источникахъ.

Бояре:

Василій Өедоровичъ Сабуровъ, 1465 г., † 1485 г.
Михайло Яковлевичъ Русалка-Филимоновъ-Морозовъ, 1465 г., † 1501 г.
Кн. Семенъ Романовичъ Ярославской, 1469 г., † 1502 г.
Өедоръ Давыдовичъ Хромой, 1471 г., † 1483 г.
Димитрій Исааковичъ Борецкой, 1471 г., † 1472 г.
Кн. Данило Димитріевичъ Холмской, 1474 г., † 1493 г.
Василій Өедоровичъ Образецъ-Симской, 1474 г., † 1484 г.
Кн. Иванъ Васильевичъ Булгакъ, 1476 г., † 1498 г.
Кн. Данило Васильевичъ Щеня, 1476 г., † 1515 г.
Кн. Михайло Өедоровичъ Телятевской, 1476 г., † 1510 г.
Иванъ Борисовичъ Бороздинъ, 1476 г., † 1501 г.
Василій Борисовичъ Бороздинъ, 1476 г., † 1503 г.
Григорій Васильевичъ Морозовъ, 1476 г., † 1492 г.
Кн. Александръ Васильевичъ Оболенской, 1476 г., † 1502 г.
Григорій Никитичъ Бороздинъ, 1476 г., † 1480 г.
Кн. Михайло Өедоровичъ Микулинской, 1478 г.
Иванъ Жито Микитичъ Бороздинъ, 1478 г.
Кн. Семенъ Ивановичъ Ряполовской, 1478 г., † 1499 г.
Семенъ Өедоровичъ Пѣшко-Сабуровъ, 1478 г., † 1484 г.
Кн. Василій Михайловичъ Оболенской, 1480 г., † 1481 г.
Кн. Петръ Михайловичъ Оболенской, 1480 г., † 1482 г.
Яковъ Захарьичъ Юрьевъ, 1480 г., † 1511 г.
Андрей Михайловичъ Плещеевъ, 1480 г., † 1491 г.
Василій Борисовичъ Тучко-Морозовъ, 1480 г., † 1481 г.
Өедоръ Григорьевичъ Бороздинъ, 1480 г., † 1494 г.
Кн. Василій Васильевичъ Шестунъ-Ярославской, 1487 г., † 1495 г.
Кн. Петръ Никитичъ Оболенской, 1493 г., † 1499 г.
Юрьи Захарьичъ, 1493 г., † 1504 г.
Петръ Борисовичъ Бороздинъ, 1493 г., † 1504 г.
Кн. Өедоръ Семеновичъ Хрипунъ-Ряполовской, 1493 г., † 1498 г.
Кн. Василій Ивановичъ Косой-Патрикѣевъ, 1495 г., † 1500 г.
Андрей Өедоровичъ Челяднинъ, 1495 г., † 1503 г.
Кн. Семенъ Даниловичъ Холмской, 1495 г., † 1501 г.
Кн. Осипъ Андреевичъ Дорогобужской, 1495 г., † 1530 г.
Кн. Иванъ Михайловичъ Телятевской, 1495 г., † 1512 г.
Кн. Володимеръ Андреевичъ Микулинской, 1495 г., † 1509 г.
Кн. Василій Даниловичъ Холмской, 1500 г., † 1509 г.
Кн. Данило Александровичъ Пенько-Ярославской, 1500 г., † 1520 г.
Кн. Петръ Васильевичъ Оболенской-Нагой, 1500 г., † 1510 г.
Кн. Александръ Володимеровичъ Ростовской, 1501 г., † 1523 г.
Дмитрій Васильевичъ Шеинъ, 1501 г., † 1506 г.
Кн. Дмитрій Володимеровичъ Ростовской, 1501 г., † 1519 г.
Семенъ Ивановичъ Воронцовъ, 1504 г., † 1518 г.

Окольничіе:

Андрей Михайловичъ Плещеевъ, 1476 г., † 1480 г.
Иванъ Щедра Васильевичъ Вельяминовъ-Воронцовъ, 1476 г., † 1522 г.
Юрло Михайловичъ Плещеевъ, 1485 г., † 1496 г.
Никифоръ Өедоровичъ Басенокъ, 1487 г., † 1503 г.
Юрьи Ивановичъ Шестакъ-Кутузовъ, 1489 г., † 1493 г.
Борисъ Васильевичъ Кутузовъ, 1489 г., † 1501 г.
Петръ Михайловичъ Плещеевъ, 1495 г., † 1504 г.
Кн. Иванъ Ивановичъ Звенецъ-Звенигородской, 1495 г., † 1504 г.
Петръ Григорьевичъ Заболоцкой, 1495 г., † 1505 г.
Иванъ Облясъ Васильевичъ Вельяминовъ-Воронцовъ, 1498 г.
Иванъ Васильевичъ Чеботъ, 1500 г., † 1501 г.
Данило Ивановичъ, 1500 г., † 1501 г.
Григорій Андреевичъ Мамонъ, 1500 г., † 1510 г.
Григорій Өедоровичъ Давыдовъ, 1501 г.
Петръ Өедоровичъ Давыдовъ, 1501 г., † 1515 г.
Аөанасій Ивановичъ Сахнышевъ, 1501 г., † 1510 г.
Кн. Василій Васильевичъ Ромодановской, 1501 г., † 1512 г.
Иванъ Григорьевичъ Мамоновъ, 1503 г., † 1505 г.

Дворецкіе:

Михайло Өедоровичъ Сабуровъ, † 1464 г.
Григорій Васильевичъ Заболоцкой, † 1473 г.
Михайло Яковлевичъ Русалка-Филимоновъ-Морозовъ, 1465 г. – 1465 г.
Кн. Петръ Васильевичъ Великой-Шастуновъ 1501–1504 и 1504 г., † 1513 г.

Конюшій:

Андрей Өедоровичъ Челяднинъ, бояринъ, 1496 г., † 1503 г.

Ясельничіе:

Өедоръ Векентьевъ, 1495 г., † 1498 г.
Давыдъ Лихаревъ, 1499 г., † 1502 г.
Григорій Аөанасьевичъ Дровнинъ, 1503 г., † 1508 г.

Казначей:

Димитрій Володимеровичъ Овца, 1495 г., † 1510 г.

Постельничіе:

Иванъ Юршъ, 1495 г., † 1500 г.
Василій Сатинъ.
Семенъ Ивановичъ Брюхо, 1502 г., † 1507 г.

Печатники:

Василій Ивановичъ Сатинъ, 1495 г.
Мануилъ Ивановичъ Ангеловъ 1501 г.

Изъ дьяковъ извѣстны лишь слѣдующіе: *дворцовые* дьяки—Ермола (подъ 1501 г.), Суковъ и Ортемовъ (1502 г.), Афоня Яковлевъ сынъ (1503 г.), Ушаковъ (1504 г.), Семенъ Башенинъ (1504 г.); *конюшенный* дьякъ Сенька Васильевъ сынъ Огаөонова (1496 г.); *ямскіе* дьяки—Тимоөей Семеновъ сынъ Моклокова (1492 г.), Олексей (1502 г.), *земскій* дьякъ Никита (1500 г.); *введеный дьякъ* Өедоръ Стромиловъ (1498 г.)

Жизнь въ Кремлевскомъ дворцѣ при Иванѣ III. Придворный бытъ, этикетъ, его развитіе.

Объ образѣ жизни Ивана III, этого Государя, стоящаго на грани двухъ періодовъ Русской исторіи, объ его пріемахъ обращенія и объ обычаяхъ придворнаго этикета сохранилось немного свидѣтельствъ.

Описаніе лѣтописцемъ* ареста брата великаго князя, князя Андрея Углицкаго, пріоткрываетъ на короткое время завѣсу прошлаго, давая намъ возможность перенестись воображеніемъ въ Кремлевскій дворецъ XV вѣка и запечатлѣть два, три движенія самого Ивана III и нѣкоторыхъ его приближенныхъ:

«Въ лѣто 7000 (1492 г.) пріѣхалъ на Москву князь Андрей Углечьскій Сентября въ 19 день, въ понедѣльникъ; князь великій почти его вельми вечера того, а на завтрее поималъ во вторникъ брата своего князя Андрея Васильевичя Углечьскаго, и бояръ его; а поималъ такъ: послалъ по него дворецкого своего князя Петра Великаго князь Васильева сына Шастунова; а велѣлъ князя Андрея брата своего звать къ себѣ хлѣба ясти; князь Андрей восхотѣлъ о томъ ему челомъ ударити брату своему старѣйшему, и какъ приде въ западню, и билъ челомъ великому князю на чти, и князь великій мало посидѣвъ съ нимъ, и поговоря мало, и выйде отъ него въ повалушу, а князю Андрею повелѣ себя ждати, и бояромъ его повелѣ итти въ столовую гридню, они же внидоша, и тако поимаша ихъ, и разведоша разно, а князя Андрея повелѣ поимати князю Семену Ивановичю Ряполовскому, и князь Семенъ Ряполовскій со многими князми и бояры приде въ западню ко князю Андрею Васильевичю, и ста передъ нимъ слезенъ, и не могій слова ясно молвити, и рече слово слезенъ ко князю Андрею: Государь князь Андрей Васильевичь, поиманъ еси Богомъ, да Государемъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Русіи, братомъ твоимъ старѣйшимъ; и князь Андрей воста, и рече: воленъ Богь, да Государь братъ мой старѣйшій, князь великій Иванъ Васильевичь, а судъ ми съ нимъ предъ Богомъ, что мя неповинно имаетъ, на 1-мъ часу дни.... и сидѣлъ въ западнѣ до вечерни, и сведоша его на казенной дворъ и приставиша стеретчи многихъ князей и бояръ....»

Другія движенія Ивана III мы улавливаемъ изъ разсказа Контарини* о своихъ посѣщеніяхъ Кремлевскаго дворца.

Великій князь приглашалъ Контарини къ обѣду два раза и послѣ второго обѣда пожаловалъ ему нужную сумму для уплаты долговъ, соболью шубу и тысячу бѣлокъ; «при семъ, говоритъ Контарини, онъ изъявилъ желаніе, чтобы я представился Деспинѣ, (т. е. государынѣ), чтȏ и было мною исполнено съ приличными привѣтствіями и поклонами. Великая княгиня обошлась со мною весьма вѣжливо и ласково и убѣдительно просила поклониться отъ нея Свѣтлѣйшей нашей Республикѣ.»

«На другой день великій князь опять пригласилъ меня къ столу. Прибывъ во дворецъ за нѣсколько времени до обѣда, я былъ введенъ въ особенную комнату, гдѣ находился Государь съ Маркомъ и другимъ своимъ Секретаремъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ весьма ласковый пріемъ и въ самыхъ привѣтливыхъ выраженіяхъ поручилъ увѣрить Свѣтлѣйшую нашу Республику въ искреннемъ его дружествѣ, которое онъ и на будущее

* Лѣтопись, содержащая въ себѣ Россійскую исторію, стр. 200. Моск. Синод. Тип., 1819 г.

время сохранить желаетъ, и присовокупилъ къ тому, что охотно отпускаетъ меня въ отечество и готовъ сверхъ того сдѣлать въ пользу мою все то, что я почту для себя нужнымъ. Когда великій князь говорилъ со мною, я изъ учтивости отступалъ назадъ, но онъ всякій разъ самъ подходилъ ко мнѣ и съ особенною благосклонностью выслушивалъ отвѣты мои и изъявленія моей благодарности. Такимъ образомъ проговорилъ я съ нимъ болѣе часа и удостоился видѣть при семъ случаѣ нѣкоторые изъ его парчевыхъ кафтановъ, подбитыхъ отличнѣйшими соболями. По окончаніи мы пошли къ столу, который на этотъ разъ былъ длиннѣе и роскошнѣе обыкновеннаго, и нашли тутъ многихъ великокняжескихъ вельможъ. Послѣ обѣда мнѣ приказано было встать съ своего мѣста и снова подойти къ Государю. Онъ весьма ласково простился со мною и громкимъ голосомъ, слышнымъ для всѣхъ присутствовавшихъ, возобновилъ увѣренія въ благодарности своей къ Свѣтлѣйшей нашей Республикѣ. За симъ подали мнѣ серебряную чашу, наполненную русскимъ напиткомъ, приготовленнымъ изъ меда, говоря, что великій князь даритъ мнѣ ее и желаетъ, чтобы я осушилъ ее до дна. Таковый даръ почитается при Московскомъ дворѣ знакомъ особенной милости, оказываемой однимъ только посламъ и другимъ значительнымъ особамъ. Я никакъ не могъ опорожнить всей чаши, потому что она была довольно велика, и выпилъ только четвертую долю находившагося въ ней напитка. Государь, примѣтивъ это и зная сверхъ того изъ прежнихъ опытовъ, что я небольшой охотникъ пить, приказалъ взять у меня изъ рукъ чашу и выливъ напитокъ, возвратить мнѣ ее пустою—что и было немедленно исполнено. Послѣ сего я поцѣловалъ у него руку и, раскланявшись, вышелъ изъ комнаты. Многіе вельможи проводили меня до самаго крыльца, и мы на прощаніе съ нѣжностью обняли другъ друга....» *

Кромѣ Контарини, аудіенціи у великой княгини удостоился и Георгъ фонъ-Турнъ, который явился отъ императора Максимиліана сватомъ къ великокняжескимъ дочерямъ.

Фонъ-Турнъ «правилъ великому князю отъ Максимиліана поклонъ. Да и поминки подалъ великой княгинѣ—птицу папагалъ (попугай), да сукно сѣро.»

Въ болѣе блестящей обстановкѣ происходили пріемы другого иноземца, Николая Поппеля. Іоаннъ принималъ его окруженный своимъ дворомъ; отвѣтъ Поппелю давалъ діакъ Ѳедоръ Курицынъ.

Поппель получилъ въ теченіи двухъ своихъ посольствъ въ Москву всего 3 аудіенціи—двѣ въ первый пріѣздъ (1486 г.) и одну во второй (1489 г.). На первомъ пріемѣ онъ выступилъ съ сватовствомъ племянника императора, маркграфа Альберта Баденскаго, къ одной изъ дочерей великаго князя. Ему отвѣчали, что о столь важномъ дѣлѣ великій князь отправитъ особаго посла къ императору.

Во второй аудіенціи Поппель просилъ позволенія видѣть ту великую княжну, которую назначаютъ въ невѣсты, и получилъ отвѣтъ, что на Руси не водится показывать невѣстъ прежде времени женихамъ и сватамъ.

Какъ извѣстно, этотъ бракъ не состоялся. Въ 1495 году княжна Елена была выдана за короля Литовскаго Александра. Описаніе сватовства, обрученія и отпуска великой княжны въ Литву сохранилось въ оффиціальныхъ записяхъ. Приводимъ тѣ мѣста изъ нихъ, которыя касаются непосредственно Московскаго двора и великокняжескаго семейства и рисуютъ то, что происходило при этомъ въ Кремлѣ.

* Библіотека Иностранныхъ писателей о Россіи, I, стр. 113–116.

Обрученіе великой княжны Елены Іоанновны съ королемъ Александромъ Литовскимъ* и отпускъ ея въ Литву.

«5 Февраля 1494 г.

«....князь велики выслалъ къ нимъ (Литовскимъ посламъ Петру Яновичу воеводѣ Троцкому, Станиславу Яновичу, старостѣ Жемонтьскому и ихъ товарищамъ) князя Ивана (Юрьевича Патрикѣева) и бояръ. И говорилъ князь Иванъ о сватовствѣ. Государь нашъ велѣлъ вамъ говорити: говорили есте намъ отъ своего государя, отъ великого князя Александра, чтобы намъ за него дати своя дочка. И мы, съ Божьею волею, хотимъ за него дати свою дочку.

«И они молвили: Боже то дай.

«И боаре говорили о законѣ о греческомъ и о римскомъ, чтобы великой княжнѣ въ томъ отъ ихъ государя неволи не было, была бы въ своемъ греческомъ законѣ. И они молвили, что той неволи не быти, а нашы головы въ томъ; а какъ будутъ послы отъ государя великого князя у нашего государя, и онъ на то и крѣпость учинитъ, что неволѣ не быти.

«И боаре сказали великому князю; и князь велики выслалъ къ нимъ боаръ. И говорилъ князь Иванъ: государь нашъ велѣлъ вамъ говорити: коли говорите, что государь вашъ неволи не хочетъ учинити моей дочери о греческомъ законѣ, и мы, съ Божьею волею, хотимъ за него дочку свою дати; а дасть Богъ у нашые государыни завтра будете у великіе княгини, да тутъ и княжну видите; а какъ видите княжну, ино заутра жъ и обручянье будетъ.

«И они такъ и уложыли. Да бывъ у великого князя, поѣхали къ себѣ.

«И въ четвергъ, приѣхавъ на дворъ, да шли къ великой княгинѣ, а княжна тутъ же у нее была. И панъ Станиславъ великой княжнѣ Оленѣ отъ великого князя Александра правилъ поклонъ. И великая княжна въспросити велѣла околничему о ихъ здоровьѣ; а о великого князя здоровьѣ не въспрашивала. Да поминки отъ себя являли великой княжнѣ.

«И какъ вышли въ другую горницу, и князь велики послалъ къ нимъ Дмитрея. И Дмитрей имъ говорилъ: панове! князь Иванъ велѣлъ вамъ молвити, да и боаре, рада государя нашего: вчера говорили есмя съ вами, что вамъ быти у нашые государыни у великіе княгини, да и великой княжнѣ тутъ быти; и вы нынѣ были, ино какъ дѣлу быти? И они молвили: вчера боаре говорили, что нынѣ обручянью быти; ино бы нынѣ то дѣло и было. И Дмитрей, шодъ, сказалъ великому князю. И князь велики, сѣдъ съ великою княгинею, и княжна тутъ же, да и боаре, и послали по нихъ, да и обручянье тутъ было, молитву священники молвили, кресты съ чѣпми и перьстни мѣняли; и въ великого князя Александра мѣсто обручялъ панъ Станиславъ Яновичъ, староста жемонтьскій. А Петра оставили того дѣля, что ему другая жена. Да обручявъ, къ себѣ поѣхали.»

---

* Сборникъ Имп. Ист. Общ. Т. 35, стр. 123, 133, 162, 163, 164, г. 1494.

На слѣдующій день состоялась передача докончальной грамоты, въ которую были включены условія предполагаемаго брака. А черезъ три дня, 9-го февраля, послы «ѣли хлѣба у великаго князя да и пили. И дарилъ ихъ князь великій на пиру, сватовства дѣля, Петра и Станислава, далъ имъ по шубѣ по соболье, отласы на нихъ съ золотомъ, да по ковшу по серебряному по великому; а отъ великіе княгини по шубѣ по горностайной по голой; а отъ великіе княжны по шубѣ по соболье по голой. А съ медомъ за ними посылалъ съ пивомъ, за Петромъ, Ивана Григорьева сына Морозова, а съ нимъ пять сыновей дѣтей боярскихъ.... а за Станиславомъ Дмитрея Китаева, а съ нимъ пять человѣкъ.....»

Великая княжна отбыла въ Литву черезъ годъ, лишь послѣ того, какъ путемъ неоднократныхъ посольствъ обоихъ Государей, всѣ условія брака были опредѣлены «утвержеными грамотами», укрѣплены крестнымъ цѣлованіемъ съ обѣихъ сторонъ, получены свадебные подарки, устроено приданое и установленъ церемоніалъ бракосочетанія.

Проводы великой княжны Елены Іоанновны въ Литву.

Проводы великой княжны и наставленіе, данное ей на прощаніе отцомъ, приводимъ, какъ это передано въ уцѣлѣвшей, по счастію, оффиціальной записи — она настолько подробна и образна, что описываемое ясно проходитъ предъ мысленными взорами, а самъ Иванъ III является какъ живой.

«Генваря 13 (1495 г.) во вторникъ, Князь Велики дочерь свою княжну Олену и отпустилъ на 2-мъ часу дни. Слушалъ обѣдни у Пречистые и съ великою Княгинею и съ снохою, и съ великою Княжною, и съ дѣтми, и съ Боары.

«И какъ обѣдню отпѣли, и Князь Велики, призвавъ пановъ, говорилъ имъ въ церкви у стороннихъ дверей у правыхъ, приказывалъ съ ними великому Князю Александру ту рѣчь, что напредь того имъ говорилъ. А молвилъ имъ: говорилъ есми вамъ и напередъ сего, молвите отъ насъ брату и зятю нашему, великому Князю Александру: на чемъ намъ молвилъ и листъ свой далъ, на томъ бы и стоялъ, и до конца ту рѣчь имъ изговорилъ; да и о Княжнѣ, чтобы еѣ жаловалъ, да и о церкви. А великіе Княгини и Княжна и дѣти и Бояре тутъ же были.

«Да проводилъ еѣ исъ церкви и съ великою Княгинею и съ снохою и съ дѣтми до тапканы а тапкана у мосту у церковного стояла; а Паномъ тутъ же на мосту на церковномъ, проводивъ дочерь, руку далъ, и поклонъ съ ними къ великому Князю приказалъ, и великіе Княгини и дѣти челобитье, и отпустилъ ихъ.

«И выѣхала Великая Княжна изъ города на 3 часу. А братъ еѣ Князь Василей проводилъ еѣ до Дорогомилова, да тутъ и хлѣба ѣлъ, а Панове у него ѣли; а ночевали по своимъ подворьемъ въ посадѣ. А Княжна ѣла у себя. Да въ середу панове поѣхали, а княжна въ середу дневала на Дорогомиловѣ, и былъ у нее Отецъ еѣ Князь Велики, а Великіе Княгини у нее, и ночевали противу четверга; а въ четвергъ Князь Велики у нее былъ жо. И поѣхала съ Дорогомилова въ четвергъ, отслушавъ обѣдни. А начлѣгъ былъ ей въ Лутцкомъ. А что князь велики паномъ говорилъ, и онъ далъ дочери своей великой княжнѣ запись, такову жъ; слово въ слово; да далъ ей память.

«А се съ тоѣ памяти списокъ:

«Память Великой Княжьнѣ Еленѣ.

«Къ латынской божницѣ не ходити, а ходити ей къ своей церкви. А похочетъ посмотрити Латынскіе божницы, или манастыря Латынского, ино ей посмотрити одинова или двожды, а болѣ того ей къ Латынской божницѣ не ходити. А будетъ Королева въ Вилнѣ, мати Великого Князя Александра, свекры еѣ, и коли пойдетъ къ своей божницѣ, а ей велитъ съ собою ити, и Великой Княгинѣ Оленѣ еѣ провожати до божницы, да отпрашиватися ей у ней вѣжливо къ пѣтью къ своей церкви, а въ божницу ей не ходити.

«Да и иные рѣчи многія говорилъ ей, чтобы дръжала свой Греческой законъ, а къ Римскому бы закону не приступила.

«А се списокъ, которые Бояре и Дѣти Боярьскіе поѣхали Княжны провожати въ Литву:

«Князь Семенъ Ивановичъ Ряполовской зъ жоною. Михаило Яковлевичъ съ женою. Прокофей Зиновьевичь съ женою. А дворецкой Дмитрей Семеновичъ Пѣшковъ. А дьякъ и Казначей Василей Кулешинъ.

«А Околничіе — Петръ Лобанъ Григорьевъ сынъ Заболоцкого, Андрей Семеновъ сынъ Кутузова Лапинъ.

«А Столники — Андрей Васильевъ сынъ Сабурова, Иванъ Григорьевъ сынъ Морозовъ, Михайло Ондреевъ сынъ Плещѣева, Иванъ Ивановъ сынъ Ощеринъ.

«А Конюшіе — Ондрей да Василей Васильевы дѣти Карамыiова.

«А Яселничіе — Матѳѣй Кошка Калитинъ, Ѳеодоръ Михайловъ сынъ Вельяминова.

«А *за постелею* — Григорей Възворыкинъ, Ондрѣй Шелешпаньской, Григорій Соловцовъ, Дичко Олядинъ.

«А съ истобники — Борисъ Хомяковъ.

«А Дѣтей Боярскихъ съ Великою Княжною Оленою — Князь Костянтинъ Ярославовъ сынъ, Князь Иванъ Гундоръ болшой, Князь Иванъ Ушатой болшой, Князь Иванъ Ушатой Бородатой, Князь Ѳеодоръ Княжъ Юрьевъ сынъ Прозоровского, Князь Михайло Лугвица Княжъ Андреевъ Прозоровского, Князь Борисъ Княжъ Петровъ сынъ Моложского, Иванъ Хабаръ Васильевъ сынъ Образцовъ, Ѳеодоръ Щука Юрьевъ сынъ Кутузова, Василій Петровъ сынъ Плещѣева, Стерлягъ Вельяминовъ, Князь Иванъ Княжъ Костянтиновъ сынъ Стародубскаго Льяловской, Володимеръ Елизаровъ сынъ Гусева, Костянтинъ Ѳеодоровъ сынъ Хлуденева, Петръ Ѳеодоровъ сынъ Заболоцкого Черленого, Іоаннъ Александровъ сынъ Данилова Заболоцкого, Иванъ Олексѣевъ сынъ Старкова, Копыто Ѳеодоровъ сынъ Слизнева, Гридя Михайловъ сынъ Шапкина, Матѳѣй Ивановъ сынъ Валуева, Сенка Яковль сынъ Родивонова, Ѳеодоръ Бѣляница Глѣбовъ, Иванъ Чепецъ Михайловъ сынъ Кушелева, братъ его Иванъ Кушелевъ меншой, Иванъ Григорьевъ сынъ Козлова, Василей Слѣпецъ Пушкинъ, Семенъ Кондырь Ивановъ сынъ Су*кова*, *Бояринъ Микифоровъ* сынъ Басенкова, Иванъ Василчиковъ сынъ Еснпля, Иванъ Даниловъ сынъ Иванова, Олферей Филиповъ сынъ Нащокина, Ѳуникъ Кѣмской, Истома Пушкинъ, Мосолъ Загрязской, Матѳѣй Ржевской, Борисъ Борисовъ, Лева Ивановъ сынъ Новосилцова, Михайло Остафьевъ сынъ Дубенского, Гридя Семеновъ сынъ Телцовъ, Ондрей Алексѣевъ сынъ Полуехтова, Христіанинъ княжъ Ивановъ сынъ Андожского, Пырей, да братъ его Отава Осокины дѣти.

«А со Князем Семеномъ съ Ивановичемъ Дѣти Боярскіе — Иванъ Васильевъ сынъ Писемского, Иванъ Усъ Татищовъ, Мижуй Семеновъ сынъ Яковля, Михалъ Феодоровъ сынъ Тютчева, Борисъ Левонтиевъ сынъ Тютчева, Борисъ Шушеринъ, Ивашко Ильинъ сынъ Симанова Лимонъ, Бундо Языковъ, Губа Моклоковъ, Васюкъ Михайловъ сынъ Карсакова.

«А съ Михайломъ съ Яковличемъ съ Русалкою Дѣти Боярскіе: Иванъ Виляй Писемской, Ѳеодоръ Кривой Григорьевъ сынъ Кушелева, Тимошка Клобуковъ сынъ Топоркова, Гридя Зачесломской, Стрига Хлуденевъ, Ивашко Олексѣевъ сынъ Клеменьтьева, Шастъ Плищкинъ, Ивашко Владычень Рязанского, Ивашко Левинъ сынъ Палицына.»

Сопровождавшимъ княжну Елену князю Семену Ивановичу Ряполовскому и Михаилу Яковлевичу Русалкѣ былъ данъ подробнѣйшій наказъ, какъ ѣхать и какъ «правити посольство». Въ этомъ наказѣ были предвидѣны всѣ возможныя обстоятельства при встрѣчѣ княжны въ Вильнѣ и указано, какъ невѣстѣ себя держать и что̀ отвѣчать въ томъ и другомъ случаѣ, чтобы не уронить достоинство Московскаго царствующаго дома.

Какъ примѣръ обращенія Ивана III, когда онъ выступалъ исключительно въ качествѣ Государя Московскаго, заслуживаетъ вниманія третья аудіенція Поппеля, данная ему въ Набережныхъ сѣняхъ. Великій князь разговаривалъ съ нимъ, по его просьбѣ, наединѣ, что̀ выразилось, впрочемъ, лишь въ томъ, что Іоаннъ въ той же комнатѣ отступилъ на нѣсколько шаговъ отъ своихъ бояръ. Послѣ перваго своего посѣщенія Московіи посолъ Римскаго императора описывалъ своему повелителю неизмѣримость странъ, подвластныхъ Ивану III, восхищался богатствомъ и могуществомъ Московскаго Государя, но въ сущности смотрѣлъ на него, какъ на владыку второстепеннаго. Поэтому онъ и предложилъ теперь Ивану III свое содѣйствіе для полученія отъ Римскаго императора королевскаго титула. На это Іоаннъ далъ ему отвѣтъ не лично, а черезъ своихъ бояръ: «Государь, Великій Князь», услышалъ отъ нихъ непрошенный помощникъ, «Божіей милостію наслѣдовалъ державу Русскую отъ своихъ предковъ и поставленіе имѣетъ отъ Бога и молитъ его, да сохранитъ ее ему и дѣтямъ его во вѣки, а поставленія отъ иной власти никогда не хотѣлъ и не хочетъ.»

Въ описанной сценѣ личность Ивана III выростаетъ въ величественный образъ могущественнаго Самодержца, Московскій вотчинникъ, обыкновенно простой и добросердечный, преобразуется въ священную царственную особу, замкнутую во всеоружіе недоступности.

Чинъ коронованія внука Ивана III, князя Димитрія Іоанновича.

Вообще, съ усвоеніемъ идеи объ унаслѣдованіи духовнаго достоянія Византіи, Иванъ III почелъ своимъ долгомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ являлся Государемъ, принимать обличіе подобное тому, какое употреблялось при дворѣ Византійскихъ императоровъ, а также ввести въ государственный обиходъ торжественныя придворныя церемоніи, обставленныя достодолжными внѣшними атрибутами. Поэтому онъ не преминулъ, по примѣру Византіи, освятить важнѣйшее событіе въ жизни Государя— воспріятіе власти священнымъ обрядомъ коронованія.

Обрядъ этотъ Иванъ III вознамѣрился совершить не надъ собою, а надъ своимъ внукомъ и наслѣдникомъ престола княземъ Димитріемъ Ивановичемъ.

Рис. 124. Вѣнчаніе на царство князя Димитрія Іоанновича, внука Ивана III.

[Императорская Публичная Библіотека. Лицевая Лѣтопись].

Вѣнчаніе его на царство происходило 4-го февраля 1498 года слѣдующимъ образомъ: «Среди Успенскаго Собора уготовали возвышеніе— большое мѣсто, оболочено было мѣсто все камками драгими со златомъ.» На томъ мѣстѣ «учинили три стула—Великому Князю, да внуку, да митрополиту.»

Въ назначенный часъ митрополитъ, всѣ архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и весь соборъ, облачились въ священныя одежды. Среди церкви былъ поставленъ налой, на немъ положена шапка и бармы, покрытые ширинкою.

Когда въ Соборъ вошелъ великій князь со внукомъ, хоръ, по обычаю, пропѣлъ многолѣтіе одному великому князю Іоанну. Митрополитъ со всѣмъ соборомъ началъ молебенъ Пречистой Богородицѣ и Чудотворцу Петру. Послѣ молебна великій князь и митрополитъ заняли мѣста на стульяхъ, а Димитрій сталъ предъ ними на верхней ступени возвышенія. Великій князь обратился къ митрополиту съ слѣдующею рѣчью:

«Отче митрополите. Божіемъ изволеніемъ отъ нашихъ прародителей великыхъ князей. Старина наша то и до сѣхъ мѣстъ. Отцы великіе князи сыномъ своимъ пръвымъ давали великое княжество. И отець мой князь велики меня при себѣ еще благословилъ великымъ княжьствомъ. И язъ былъ своего сына пръваго Іоанна при себѣ же благословилъ, великымъ княжьствомъ. Божіа пакы воля състалася сына моего Іоанна не стало. А у него остался сынь первой Дмитрей. И мнѣ далъ его Богъ въ сына моего мѣсто. И язъ его нынѣ благословляю при себѣ и опосле себя великымъ княжьствомъ. Володимерьскымъ. И Новогородцькимъ. И Ты бы его отче на великое княжьство благословилъ.»

Тогда митрополитъ велѣлъ стать Димитрію на назначенное ему мѣсто и благословилъ его крестомъ.

Діаконъ провозгласилъ малую ектенію, послѣ чего митрополитъ во всеуслышаніе произнесъ слѣдующую молитву предъ преклонившимъ голову Димитріемъ:

«Господи Боже нашь. Царю царствующимъ и Господь господствующимъ иже Самуиломъ пророкомъ избравъ раба своего Давида. И помазавъ того въ царѣ надъ людми своими Израиля. Ты и нынѣ услыши молитву нашу недостойныхъ. И вижъ отъ святаго жилища твоего. И вѣрнаго ти раба Дмитріа. Еже благоволилъ еси воздвигнути царѣ въ языцѣ твоемъ святомъ. Его-же стяжалъ еси честною кровію единороднаго ти сына помазати сподоби. Елеомъ въздраваніа. Одѣй того силою свыше положи на главѣ его вѣнець отъ камене честна. Даруй тому долготу дней. Дай же въ десницѣ его скиптръ царствіа. Посади того на престолѣ правды. Огради того всеоружьствомъ святого ти духа. Утверди того мышцу. Покори ему-вся языкы варварскыа. Всѣй въ сердци его страхъ твой. И еже къ послушнымъ. Милостивное сблюди того въ непорочнѣй вѣрѣ. Покажи того опасна хранителя. Святыа твоеа съборныа церкве велѣніахъ. Да судя люди твоа правдою. И нищихъ твоихъ судомъ спасеть сыны убогыхъ и наслѣдникъ будеть ти небеснаго царствіа.»

Послѣ этой молитвы митрополитъ велѣлъ двумъ архимандритамъ принести съ аналоя бармы, которыя передалъ великому князю; вновь благословилъ внука крестомъ, а Іоаннъ возложилъ на него бармы. Затѣмъ митрополитъ прочелъ молитву:

«Тебѣ единому царю вѣкомъ. Иже земное царство тобою въвѣреный. Поклони выю съ нами. И молимтися владыко всѣхъ. Съхрани того подъ кровомъ твоимъ. Удръжави того царство благоугоднаа ти творити. Всегда того сподоби. Възсіай въ днехъ его правду и множество мира. Да въ тихости его тихо и безмлъвно житіе поживемъ. Въ всякомъ благочестіи и чистотѣ.»

Послѣ того митрополитъ велѣлъ двумъ архимандритамъ принести шапку Мономаха, передалъ ее великому князю и снова благословилъ поставляемаго на царство крестомъ, а великій князь увѣнчалъ его шапкою. Затѣмъ митрополитъ благословилъ Димитрія рукою, а за нимъ, взойдя на возвышеніе, подали свое благословеніе архіепископы и епископы. Митрополитъ и великій князь сѣли на мѣсто, велѣвъ сѣсть внуку. Посидѣвъ мало, митрополитъ, великій князь и внукъ встали. Архидіаконъ съ амвона провозгласилъ многолѣтіе обоимъ Государямъ.

Митрополитъ, вмѣстѣ съ епископами, поздравилъ ихъ обоихъ, а къ внуку обратился съ слѣдующими словами:

«Господине и сыну князь велики Дмитрей. Божіимъ изволеніемъ дѣдъ твой князь великы пожаловалъ тебя благословилъ великымъ княжьствомъ. И Ты господине и сыну, имѣй страхъ Божій въ сердци. Люби правду и милость и судъ правой. И имѣй послушаніе къ своему государю и къ дѣду къ великому князю и попеченіе имѣй отъ всего сердца о всемъ православномъ христіаньствѣ. А мы тебя господина и сына своего благословляемъ и Бога молимъ о вашемъ здравіи.»

Потомъ митрополитъ, сойдя съ мѣста, отслужилъ молебенъ и благословилъ обоихъ великихъ князей крестомъ.

Началась литургія, по окончаніи которой Іоаннъ возвратился къ себѣ во дворецъ, а Димитрій, въ вѣнцѣ и бармахъ, сопровождаемый боярами и своими дядьями (исключая своего соперника Василія, который былъ посаженъ подъ стражу), прослѣдовалъ въ Архангельскій Соборъ, ко гробамъ своихъ предковъ и оттуда въ Благовѣщенскій Соборъ; при выходѣ изъ Соборовъ на площадь, дядя его, Юрій, каждый разъ трижды осыпалъ его золотыми и серебряными монетами, какъ нововѣнчаннаго великаго князя.

Отъ Благовѣщенскаго Собора Димитрій пошелъ къ дѣду и матери.

Въ тотъ день былъ во дворцѣ великій пиръ. На торжествѣ присутствовали, кромѣ бояръ и митрополита, архіепископы Ростовскій, Ярославскій, епископы Суздальскій, Тарусскій, Тверской, Рязанскій, Муромскій, архимандриты и игумены Троицкаго Сергіева и Кириллова монастырей, все Московское духовенство, весь божественный и священный соборъ.

Происхожденіе обряда коронованія Московскихъ Государей, его дальнѣйшее развитіе и значеніе.

Согласно духовному преемству идей о царской власти изъ Византіи, описанное коронованіе, какъ внѣшнее ихъ выраженіе, явилось несомнѣннымъ заимствованіемъ оттуда: съ небольшими измѣненіями, оно повторяло весь порядокъ обряда хиротоніи Кесарей * и было дополнено нѣкоторыми особенностями, порожденными Русской исторической дѣйствительностью, а именно: весь обрядъ начинался молитвеннымъ обращеніемъ къ Святой Троицѣ и святому Петру митрополиту, какъ чудесному заступнику и охранителю земли Московской, и оканчивался духовнымъ поученіемъ коронуемому. Кромѣ того, были и нѣкоторыя бытовыя, чисто Русскія обрядности: осыпаніе золотыми и серебряными деньгами, обереганіе царскаго пути, чтобы никто не могъ его переступить и оставить дурного слѣда, опоясаніе шитымъ полотенцемъ. Поклоненіе гробамъ предковъ хотя и не было заимствованіемъ изъ Греческаго чина, ибо наши благочестивые князья искали у гробовъ своихъ предковъ нравственной поддержки во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни, но по нравственному значенію вполнѣ соотвѣтствовало врученію нововѣнчанному Императору «акакіи»—мѣшечка съ землей, символа тлѣнности, для напоминанія о концѣ земного величія. Среди чисто Московскихъ бытовыхъ особенностей надо упомянуть обычай по совершеніи всѣхъ обрядовъ подавать нововѣнчанному Государю блюдо рыбы изъ Переяславскаго озера, въ память того, что Переяславль никогда не признавалъ надъ собой власти другихъ князей, кромѣ Московскихъ и, всегда оставался имъ вѣренъ.

Чинъ вѣнчанія Димитрія Ивановича — первый, извѣстный намъ въ исторіи Московскихъ Государей обрядъ возложенія знаковъ царской власти. О поставленіи на престолъ прежнихъ великихъ князей не имѣется опредѣленныхъ извѣстій и мы не можемъ сказать, возлагались ли на нихъ соотвѣтствующія эмблемы при поставленіи ихъ на великокняжескій столъ.

Поэтому, въ описанномъ чинѣ мы видимъ первую и простѣйшую форму этого обряда.

Чинъ послѣдующихъ коронованій, оставаясь въ основныхъ своихъ частяхъ неизмѣннымъ, постепенно видоизмѣнялся и осложнялся.

Чинъ вѣнчанія Ивана Грознаго (во второй пространной редакціи) является заимствованіемъ уже не изъ обряда кесарской хиротоніи, а изъ болѣе сложнаго чина императорскаго коронованія. Въ ней царь дважды названъ «святымъ» — именованіе, присвоенное Византійскими императорами; царю вручался скипетръ, на него возлагался крестъ, онъ принималъ мѵропомазаніе и св. причастіе.

Царь Ѳеодоръ Ивановичъ былъ мѵропомазанъ на челѣ, ушахъ, груди, плечахъ и рукахъ.

Борису Годунову, Михаилу Ѳеодоровичу и Алексѣю Михайловичу, кромѣ скипетра, патріархъ подносилъ державу.

Царь Алексѣй Михайловичъ былъ мѵропомазанъ также «на брадѣ и подъ брадою

* Измѣненія эти весьма незначительны и состоятъ въ томъ, что вмѣсто словъ, по обряду кесарской хиротоніи, «главы наши Господеви преклонимъ» по Русскому обряду—діаконъ возглашалъ «Господу помолимся».

И повелѣ и себѣ митрополитъ с налоя
И принести тѣмъ же двѣма архима
ндритома діадиму и прѣчь бармы.
И знаменалъ митрополитъ вели
каго князя Ивана Васильевича крестомъ

Рис. 125. Возложеніе Животворящаго Креста по чину вѣнчанія на царство Іоанна IV Васильевича.

[Патріаршая Библіотека. Царственная Книга].

и на выѣ.» Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ облекся при вѣнчаніи въ царскія одежды, произнесъ Символъ Вѣры и пріобщился Св. Тайнъ въ алтарѣ, по чину священнослужителей; но при его вѣнчаніи было отмѣнено названіе царя «святымъ».

Съ принятіемъ Императорскаго достоинства, Русскіе цари стали пріобщать къ вѣнчанію и мѵропомазанію своихъ Августѣйшихъ супругъ, какъ это было у Византійскихъ императоровъ. Царскія одежды съ бармами и золотою цѣпью были замѣнены Императорскою порфирою съ цѣпью ордена св. Андрея Первозваннаго, а шапка Мономаха — Императорскою короной.

Кромѣ того, вслѣдствіе упраздненія патріаршества, Императоръ сталъ возсѣдать на тронѣ одинъ или съ супругой, безъ первенствующаго епископа, и самъ возлагалъ корону на себя и на Императрицу.

Чиноположеніе Императорскаго коронованія также постепенно осложнилось — въ него были введены тропарь, паремія изъ пророковъ и соотвѣтствующія чтенія изъ Евангелія и Апостола. Императоръ при входѣ въ храмъ встрѣчается пѣніемъ псалма: «милость и судъ воспою Тебѣ, Господи».

Однако, при всѣхъ этихъ видоизмѣненіяхъ и прибавленіяхъ чиноположеніе Русскаго священнаго вѣнчанія на царство въ главныхъ своихъ частяхъ и въ духовной своей сущности осталось неизмѣннымъ, являясь выраженіемъ союза православной вѣры съ царскою властью и знаменіемъ ея богоустановленности, какъ призванной блюсти все православное христіанство и быть воплощеніемъ его вѣры и совѣсти, олицетвореніемъ его исконныхъ завѣтовъ.

И это выраженіе было установлено ясно и незыблемо Иваномъ III при вѣнчаніи на царство его внука, а слѣдовательно краеугольный камень государственной обрядности былъ заложенъ именно этимъ великимъ зодчимъ Московскаго Государства.

Московская великокняжеская казна Ивана III.

Вмѣстѣ съ попеченіемъ о закрѣпленіи внѣшними обрядами духовныхъ пріобрѣтеній Московскихъ Государей, что выразилось въ учрежденіи вышеописаннаго коронованія великаго князя Димитрія, Иванъ III весьма позаботился и объ ихъ матеріальномъ могуществѣ. Покоривъ Новгородъ, онъ не только въ нѣсколько пріемовъ завладѣлъ чуть ли не всѣмъ столѣтіями скопленнымъ богатствомъ Новгорода,* но и на будущее время повернулъ ручьи его доходовъ въ русло Московской казны, установивъ со всей Новгородской земли дань по полъ-гривны (около 50 руб. на наши деньги) «съ сохи** со всякаго кто пашетъ землю и съ ключниковъ, со старостъ и съ одерноватыхъ». Переписана въ сохи и обложена податью была также земля бывшаго Тверского княжества. Средства великокняжеской казны увеличились и вслѣдствіе открытія Пермскихъ серебряныхъ рудниковъ.

При всемъ этомъ богатствѣ расчетливость Ивана III доходила до того, что, отпуская на прокормъ иноземнымъ посламъ барановъ, онъ требовалъ обратно ихъ шкуры.*** При такомъ веденіи дѣлъ не мудрено, что великокняжеская казна наполнилась несмѣтнымъ богатствомъ. Избытокъ средствъ ея былъ дѣйствительно великъ, и это можно заключить изъ того, что Иванъ III, не щадя издержекъ, пріобрѣталъ всѣ драгоцѣнности, о которыхъ ему приходилось услышать, и не успокоивался, пока не получалъ желаемаго. Узнавъ, что жена крымскаго хана Менгли-Гирея достала знаменитую жемчужину Тохтамыша, (по преданію взятую имъ при ограбленіи Московской княжеской сокровищницы), онъ неотступно требовалъ ее до тѣхъ поръ, пока не получилъ. Такъ же пріобрѣлъ онъ знаменитый драгоцѣнный *Большой Красный Лалъ*, принадлежавшій самому Менгли-Гирею. Своему послу въ Крымъ, боярину Семену Борисовичу, онъ строго наказывалъ: «Никакъ не забудь сказать отъ меня Хозъ-Асану, что если будутъ у него лалы, яхонты дорогіе и жемчугъ добрый, то чтобъ непремѣнно пріѣхалъ ко мнѣ самъ и привезъ ихъ съ собою.» На востокѣ Іоаннъ покупалъ драгоцѣнные ковры и шелковыя ткани.

О богатствахъ домашней княжеской обстановки мы можемъ судить по завѣщанію князя Димитрія Ивановича, въ которомъ онъ перечисляетъ все свое имущество по предметамъ.

---

* Такъ въ 1475 году во время 9-ти-недѣльнаго пребыванія въ Новгородѣ Ивана III и его свиты «было отъ нихъ силно, много христіанъ пограблено по дорогамъ и по селамъ и по монастыремъ и числа краю нѣтъ, тако же и владыкѣ и посадникомъ и всему Новугороду кормомъ и даровы и всему сполу числа же края нѣтъ колико золота и серебра вывезе отъ нихъ.» А въ 1478 году онъ же отвезъ въ Москву изъ Новгорода 300 возовъ «перелъ, злата и серебра и каменій драгоцѣнныхъ» и вѣчевой колоколъ, который велѣлъ поднять въ Кремлѣ на колокольню на площади «съ прочими колоколы звонити».

** Земельная мѣра какъ податная единица. Соха измѣнялась сообразно съ различными условіями и дѣлилась на сохи «доброй» (800 четвертей), «средней» (1000 четвертей) и «худой» (1200 четвертей) земли. Четверть равняется половинѣ нашей десятины.

*** Примѣчателенъ въ этомъ отношеніи и такой случай: въ 1484 году, желая подарить своей снохѣ саженье изъ приданаго своей первой жены, Иванъ просилъ его у Софіи Ѳоминишны. Она же не была въ состояніи его отдать, «ибо много истеряла казны великаго князя, давала бо брату, иное же давала за своею племянницею въ приданое кн. Василію Михаиловичу Верейскому; князь же великій посла къ нему и взялъ у него приданое все, еще же хотѣлъ его и со княгинею поимати, онъже бѣжа въ Литву и со княгинею къ королю; князь же великій посла за нимъ въ погоню кн. Бориса Михаиловича Турену-Оболенскаго и мало не яша его.»

Казна великаго князя Димитрія Іоанновича

(по его духовной грамотѣ, писанной около 1509 года).

1 накапки женские, сажены жемчугомъ Гурмыскимъ на бели на платцѣхъ

1 запушье подволочное, сажено жемчугомъ Гурмыскимъ зъ дробницею на бели *на камкѣ на червчатой.*

1 саженье шубы женские, сажено жемчугомъ Гурмыскимъ зъ дробницею на бели.

2 маниста: а) золото лѣска, б) со кресты и иконы и прониски, да 8 яхонтовъ, да 22 зерна Гурмыскихъ колточныхъ.

3 цаты съ яхонты и зъ жемчужинами и съ плохимъ каменьемъ.

1 чело кичное золото съ яхонты и зъ жемчуги и зъ жемчужинами и съ плохимъ каменьемъ.

3 переперы кичные серебряны золочены съ яхонты и съ плохимъ каменьемъ.

1 ожерелье на цкахъ на золотыхъ, розрушано съ яхонты и съ жемчуги, и съ плохимъ каменьемъ въ трехнатцати жеребьехъ и съ придѣлными жеребьи.

1 ожерельице сажено жемчугомъ Гурмыскимъ и Новгородцкимъ.

3 серги: а) болшие яхонты сини зъ зерны зъ Гурмыскими, б) тройни яхонтцы сини и лалцы зъ зерны съ Гурмыскими и Новгородцкими, в) лалцы съ зерны съ Новгородцкими.

23 жиковины женские золоты съ яхонтцы и съ лалцы и съ изумруты и зъ жемчушки и съ плохимъ каменьейцомъ.

15 перстней: а) 14 жиковинъ съ лаломъ и съ яхонтцомъ и зъ берюзами и зъ жемчушки и съ перелеѳтми и съ плохимъ каменьемъ, б) напалокъ.

11 запонокъ зъ переперы съ яхонты и съ лалы и зъ жемчугомъ и съ плохимъ каменьемъ.

2 чичака золоты, одинъ грановитъ, а на обѣихъ яхонты сини, да зерна Гурмыские.

1 круживо съ рукава шубы руские, сажено жемчугомъ Гурмыскимъ.

2 чепи золоты, одна врана, другая огнивчата съ колотками.

2 пояса: а) золотъ на вертлизѣхъ рѣзанъ съ черныо, б) на тясмѣ на черной, оковы золоты и съ наконечникомъ и крюкомъ.

Маялники зъ жемчуги.

1 меншеня, атласъ вишневъ Венедицкой на черевехъ на бѣльихъ, а круживо у нее сажено жемчугомъ Гурмыскимъ на бели зъ дробницою.

1 однорядка скорлатна, строка сажона жемчугомъ Гурмыскимъ, а пугвицы у нее лалцы и плохое каменье зъ жемчушки.

1 колпакъ столбунъ, полицы сажоны жемчугомъ Гурмыскимъ.

1 чоботы тимовы, по швомъ, сажоны жемчугомъ Гурмыскимъ, въ носкѣхъ и въ каблукѣхъ сажены жемчугомъ Гурмыскимъ.

5 суденъ: а) 2—на стоянцехъ черезъ грань золочены, съ носки и съ вершки, а на вершкѣхъ по птице, б) 2—на стоянцехъ съ рукоядми безъ носковъ, у одного на вершку городокъ, у другаго птица, в) 1—съ рукоядью и носкомъ; все вмѣстѣ вѣсомъ 26 грив.

18 кубковъ золоченыхъ и не золочоныхъ розныхъ съ пупыши и съ травами и достокановымъ дѣломъ (подарки отца Ивана и дяди в. кн. Василія). Да волъ, да чолнъ, да куръ; вѣсомъ во всѣхъ 86 грив.

1 рогъ.

1 чара большая вѣсомъ 13 грив., венецъ у нее писанъ золоченъ, имя кн. Ивана Юрьевича.

57 чарокъ: а) 37—розни, на Мисюрское дѣло, а вѣсу въ нихъ $28\frac{1}{2}$ грив. безъ зол., б) 3—ромѣйки, гладки, и на нихъ по 4 крушки, имя кн. Дмитрія Ивановича в) 15—съ полками, на полкахъ литы узоры венцы писаны золочоны, на днѣ клейно съ финифтомъ, все вѣсомъ 15 грив. 4 зол., г) 2—походныя, одна—гладкая, другая—венецъ у нея писанъ, и внутри клейно писанъ звѣрь, вѣсу въ обоихъ полшестиадцаты ($15\frac{1}{2}$) грив. и 5 зол.

Ковши: а) 5—болшие: 1) грановитъ венецъ писанъ золочонъ, имя в. кн. Василея Ивановича всея Руси, а на полкѣ литы звѣри; 2) венецъ писанъ золочонъ, имя в. кн. Василея Васильевича; 3) венецъ у него писанъ, имя Гр. Вас. Морозова, 4) венецъ писанъ, золочонъ, имя кн. Бориса Васильевича а на полкѣ литъ звѣрь и узоръ; 5) венецъ писанъ золочонъ имя кн. Михаила Ондрѣевича, а на полкѣ птица золочона; вѣсу во всѣхъ 38 грив. 13 зол. б) 1—болшой, венецъ писанъ золочонъ, имя Еуфимья Владыки Новгородцкаго, а въ венцѣ четыре круги, а въ нихъ писаны царства, а на полкѣ образина золочона, а вкругъ еѣ венецъ напроемъ золочонъ, а внутри кружокъ золочонъ, а въ немъ три рыбки, а вѣсу въ немъ 16 грив. безъ 3 зол. в) 32—выносные, венцы писаны золочоны, на полкахъ литы звѣри золочоны; грановиты, на полке рыбки, писаны имена Василія Олександровича, Казимира Короля, пана Михайла Кезгайловича, в. кн. Ивана Васильевича всея Руси, Феофила Владыки Новгородцскаго, притча о винѣ, Геронтія Митрополита, кн. Дмитрія Ивановича и Евфимі; вѣсу во всѣхъ $69\frac{1}{2}$ грив. безъ зол. г) ставъ изъ 5 ковшей, вѣсу въ нихъ полдругонадцаты ($11\frac{1}{2}$) грив. и 2 зол. д) 58—питьи, да ковшикъ на стоянцѣ, венецъ золочонъ сканью дѣланъ, а на полкѣ нащока сканью же дѣлана, внутри писаны слова золочоны, имя Михаила Семеновича, Феофилово, Еуфимьево; все вѣсомъ $55\frac{1}{2}$ грив. $3\frac{1}{3}$ зол.; е) 1—золотъ.

125 блюдъ: а) 3—лебяжьи, 2—гусины одно гладко, на другомъ мишени, имя в. кн. Ивана Васильевича. б) 50—гладкіе: 2—на краяхъ имя Еуфимьево, одно—имя кн. Ивана, другое—имя посадника Луки Ѳедоровича; въ нихъ вѣсу $115\frac{1}{2}$ грив. $5\frac{1}{2}$ зол.; в) 1—гусино, на краехъ писано имя кн. Ивана въ крушкѣ, вѣсомъ 6 грив. безъ 3 зол.; г) 10—а на нихъ имя в. кн. Ивана Васильевича въ трехъ крушкѣхъ; д) 62—на краяхъ по мишенцу по выбойчатому.

3 блюдечки.

31 миса: а) 10—на днѣ написано имя Василія Олександровича и Еуфимьево, Ивана Офонасьева, въ нихъ вѣсу $37\frac{1}{2}$ грив. $10\frac{1}{2}$ зол.; б) 21—больщие, съ мищенями, вѣсомъ 103 грив. безъ 6 зол.

7 братинъ съ именемъ кн. Дмитрія Ивановича да люди да звѣри писаны золочоны.

1 сковорода—венецъ изнутри писанъ золочонъ, имя в. кн. Марьи, а на рукояди писано и золочоно съ финифтомъ.

1 тарѣль.

7 ставцевъ: а) 1—на немъ писано имя *кн. Ивана Юрьевича, б) 6—пояски писа*ны золочоны съ именами кн. Ивана Юрьевича и Ондрея Васильевича.

24 достокана разные—гладкие, со сканью и на ножкѣ, съ свитками, кружками, поясками, вершками, ѳиннетью, золочонными вѣнцами, золочоны внутри.

1 мушорма съ носкомъ и рукоядью, венцы и звѣри золочоны гладки, а на покрышкѣ на финифтѣ написано имя кн. Дмитрія Ивановича.

3 уксусницы: а) 2—на стоянцехъ съ вершки и съ носки и съ рукоядки, черезъ грань золочоны съ узоромъ. б) 1 чеканена на стоянце съ рукоядью и съ носкомъ.

10 солоницъ: а) 4—на стоянцехъ, съ надписями на венцѣхъ и на днѣ имя кн. Ивана Андрѣевича «при славе будь смиренъ», б) 1—двойчата съ пупыши, в) 5—съ вершки; двѣ на зверкѣхъ, по узоромъ писаны и золочоны, одна дѣлана съ финифтомъ сканью золочона, а на ней люди литы.

2 росолника—одинъ простой; на другомъ 4 крушки, а въ нихъ писано имя Княжо Дмитреево Ивановича.

1 черпалцо.

5 перечницъ: а) 4—на стоянцехъ съ вершки и съ носки и съ рукоядки, черезъ грань золочоны, съ узоромъ, б) 1—вершокъ на ней сканью дѣланъ золочонъ, а на днѣ три мишени золочоны.

9 горчишниковъ—гладкихъ, и съ именемъ в. кн. Ивана.

66 ложекъ розныхъ.

10 шандамовъ серебряныхъ.

Жемчугу полчетверты гривенки ($1\frac{3}{4}$ фунта) безъ 7 золотниковъ, да 8 зеренъ Новгородцкихъ, 192 зерна Гурмыскихъ.

Денегъ 1.000 рублевъ у дьяковъ Василія Неѳимонова, да у Тиши Михалкова.

Рис. 126. Серебрянный кубокъ въ видѣ пѣтуха. *

[Московская Оружейная Палата № 1936].

Завѣщаніе самого Ивана III не даетъ перечисленія предметовъ поименно. Но въ общихъ выраженіяхъ, опредѣляющихъ часть Василія, наслѣдника великокняжескаго престола, чувствуется вся многоцѣнность казны Московскаго Государя, все обиліе сокровищъ, которыя и исчесть затруднительно.—

«А опричь того, что ни есть моей казны у моего казначѣя у Дмитреа у Володимерова, и у моихъ дьяковъ, и у моего дьяка у Семена у Башенина лаловъ и яхонтовъ, и иного каменья и жемчюгу и саженья всякого, и поясовъ и чепей золотыхъ, и судовъ золотыхъ и серебряныхъ и каменыхъ, и золота и серебра, и соболей, и шолковые рухляди, и иные всякие рухляди что ни есть; такъ же и въ моей казнѣ въ постелной что ни есть иконъ и крестовъ золотыхъ, и золота и серебра, и платья и иные рухляди; и что ни есть у моего дворетцкого у Петра у Васильева у Великого и у дьяковъ у дворцовыхъ моихъ судовъ серебряныхъ, и денегъ и иные рухляди; и что ни есть у моего конюшего, и у моихъ яселничихъ, и у моихъ дьяковъ и у моихъ приказщиковъ, у кого ни буди, моихъ денегъ и иные рухляди всякие; такъ же что ни есть у моего дворетцкого у Тверского и у дьяковъ у Тверскихъ, и у моихъ приказщиковъ, и въ Новѣгородѣ въ Великомъ у моего дворетцкого, и у казначѣевъ, и у дьяковъ и у моихъ приказщиковъ, у кого ни буди, моихъ денегъ и иные рухляди всякие; да и на Белѣ озере и на Вологдѣ моя казна, и гдѣ ни есть моихъ казенъ: то все сыну моему Василью.» Духовная грамота великаго князя Іоанна Васильевича (1504). (Собр. Гос. Гр. и Догов. I, стр. 399).

Рис. 127—128. Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи. Образъ (новаго письма) въ серебряномъ окладѣ XV вѣка. **

Рис. 129. Кадило золоченое. Изъ 3-хъ спаянныхъ стѣнокъ: ***

[Московская Оружейная Палата №№ 4000 и 2125].

---

* Голова, шея, крылья, ноги и хвостъ золочены. Въ крышкѣ бляха съ надписью финифтью: «князь велики Иванъ Ва. На туловищѣ: «з, [7000, т. е. 1492 г.] пѣтухъ, весу г ф. ов з.» [3 фунта 76 зол.], выш. 8 вершк., шир. 5½ вершк.

** На оборотѣ его вырѣзана надпись: «молка рабь бжiи iω аданьдрѧ воевода Ѿпрѧ земли мω, и ѡжа его рода.»

*** На одной—Распятіе, Богоматерь и Іоаннъ Креститель, надпись: «сие каньдило ѡкова понь Сава в лето з тiено» [7000 т. е. 1492 г.]. На другой—св. Георгій, надпись: «святы Георгс Агіос Георгіос». На третьей—Знаменіе Богородицы, съ надписью по гречески: «Высшую небесъ и чистѣйшую свѣтлостей солнечныхъ, избавльшую насъ отъ клятвы»; свв. Димитрій Солунскій и Николай Чудотворецъ. По борту кадила: «ризни приложи оу храма стаго Възнесенiа ежа малецiе.»

Рис. 130. Деталь рѣзнаго костянаго трона Ивана III.

Спинка съ геральдическими изображеніями орла, единорога и грифа. Внизу сцены отступленія непріятеля отъ города.

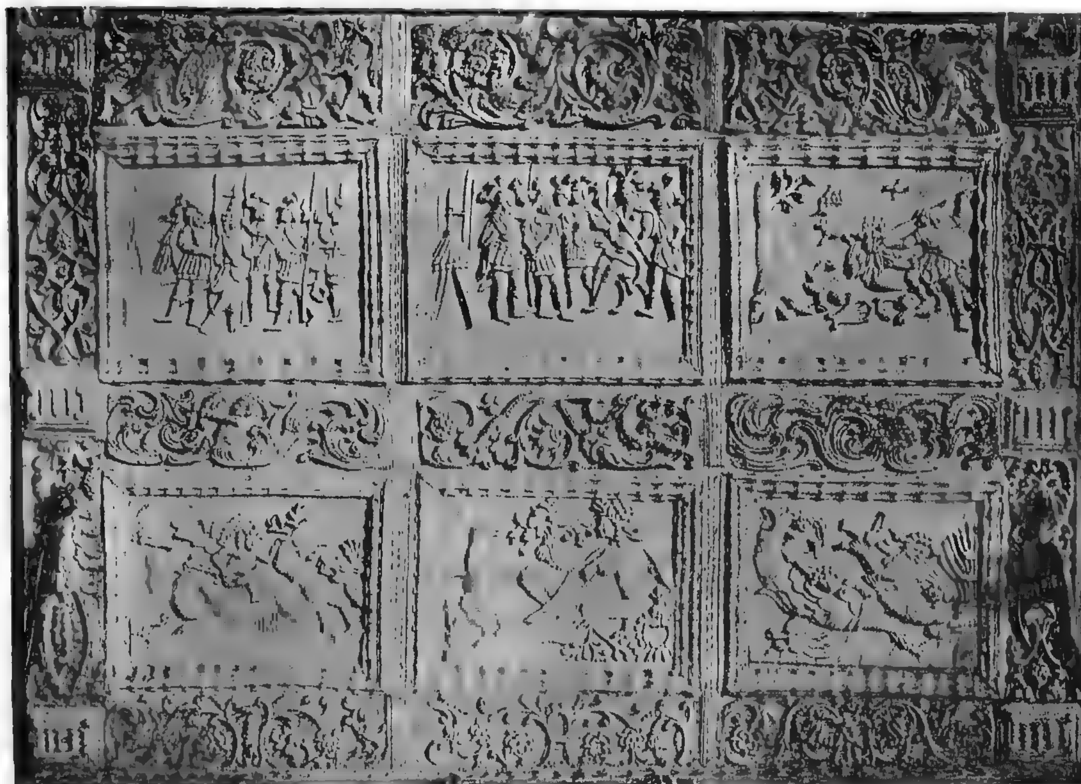

Рис. 131. Деталь рѣзнаго костянаго трона Ивана III.

Передняя часть. Въ нижнемъ ряду картины миѳологическаго содержанія [Нептунъ, Помона, въ положеніи Леды съ лебедемъ, баснословные звѣри], повидимому итальянской работы XVI вѣка, въ верхнемъ ряду—исторія царя Давида нѣмецкой работы XVI вѣка.

Рис. 132. Тронное кресло XV XVI вѣка.

Появленіе его въ Москвѣ можно связать съ бракосочетаніемъ Іоанна III съ Софіею Палеологъ. При вѣнчаніи на царство употреблялось какъ переносный тронъ при шествіи царя изъ Успенскаго Собора въ Архангельскій и Благовѣщенскій. Съ Петра I до Императора Александра III служило для Священнаго Коронованія Государей въ Успенскомъ Соборѣ. 14 Мая 1896 года служило во время коронованія для Государыни Императрицы Александры Θеодоровны.

(Московская Оружейная Палата, № 409).

Рис. 133. **Василій Іоанновичъ,** (1505—1533)
Великій Государь Божію милостію Государь всея Руси и великій князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, Государь и великій князь Новгорода Низовскіе Земли, и Черниговскій, и Волоцкій, и Ржевскій, и Бѣльскій, и Ростовскій, и Ярославскій, и Бѣлозерскій, и Удорскій, и Обдорскій, и Кондинскій, и иныхъ.
[Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Титулярникъ.]

Государевъ дворъ въ Кремлѣ при великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ.

Великій князь Василій Ивановичъ, вступивъ на престолъ, получилъ отъ отца всѣ нужныя средства, чтобы довершить перестройку Кремля. Въ 1508 году дворецъ былъ достроенъ и 7-го мая этого года «вышолъ князь велики Василей Ивановичь всея Руси съ своею великою княинею Соломоніею въ новой дворъ въ кирпичной жити, его же заложилъ отецъ его князь великій Иванъ Васильевичь всея Руси, на старомъ мѣстѣ у Благовѣщенія.»

О составѣ этого новаго двора и его расположеніи даютъ достаточно подробныя указанія слѣдующіе, приводимые ниже, документы: 1) дополнительная статья къ чину бракосочетанія великаго князя Василія Ивановича 1526 года (Доп. къ Акт. Ист. I № 24), и 2) нѣкоторыя извѣстія о пріемѣ иностранныхъ пословъ. (Памятники диплом. сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Сборникъ Имп. Ист. Общ. Т. 35, 59 и 69).

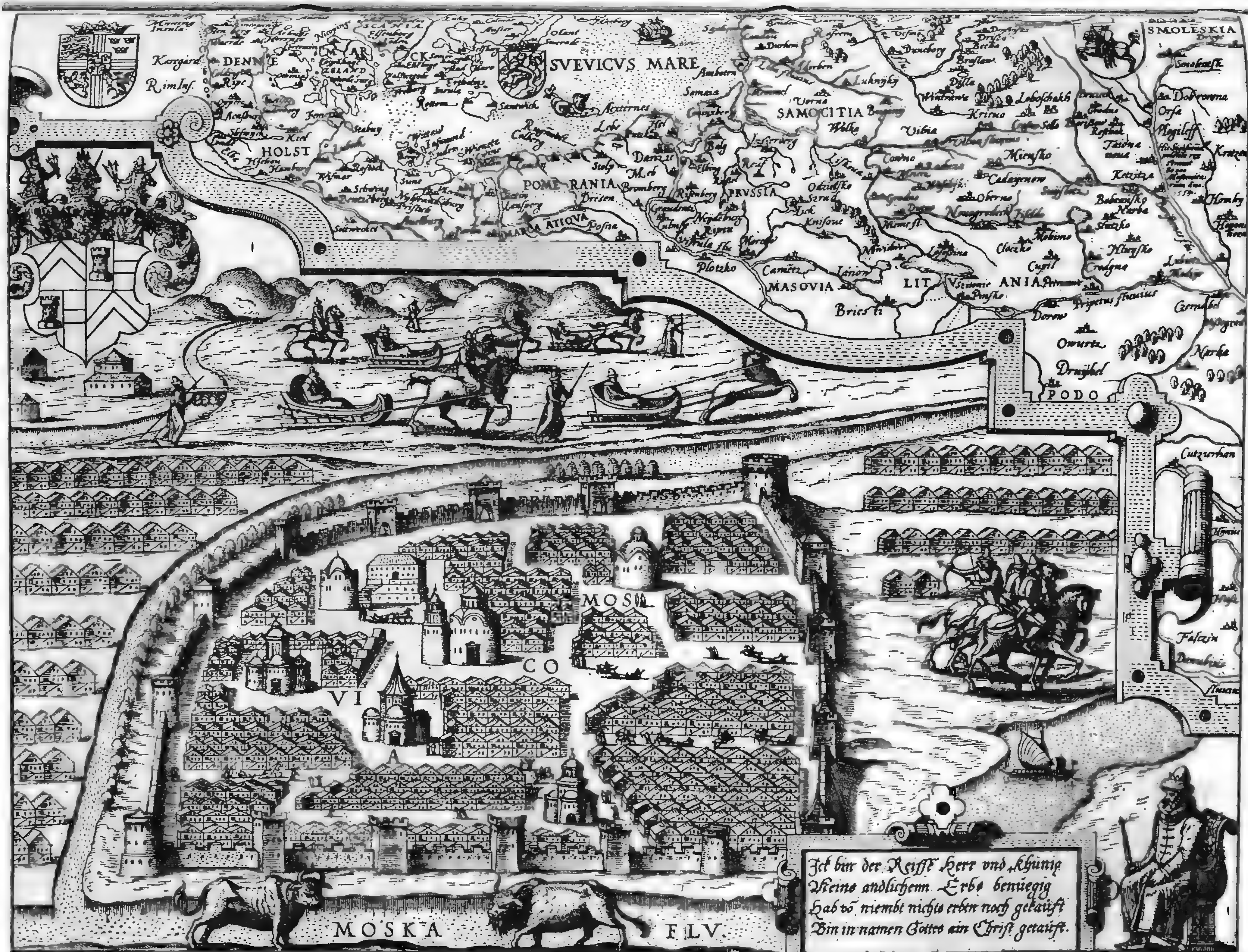

Рис. 134. Изображенie Москвы XVI в. (съ листа изъ собранiя Д. Я. Дашкова, въ Петроградѣ, представляющаго величайшую рѣдкость, б. м.—unicum.)

[См. проф. В. Кордтъ. Матерiалы по исторiи русской картографiи; 2-я серiя, вып. 1-й, стр. 9, 10].

Дополнительная статья къ чину бракосочетанія великаго князя Василія Іоанновича 1526 года Января 28.

Роспись кому гдѣ быти по крылцомъ и въ дверяхъ.

Въ Каменныхъ сѣнехъ у дверей Середніе полаты 2 человѣка, Чюдинъ Митрофановъ да Иванъ Клобуковъ.

Да въ Каменныхъ же сѣнехъ въ дверехъ столовой избѣ 1 человѣкъ, Василей Калзаковъ.

А въ другихъ дверехъ въ тѣхъ же сѣнехъ, противъ середніе лѣстницы на площадь, 1 человѣкъ, Истома Черговской.

Къ дверемъ изъ сѣней въ Западную палату 2 человѣка, Ѳѳонасей Моринъ да Пухъ Тетеринъ.

А у дверей изъ Западные палаты на Постельное крыльцо, и у другихъ дверей съ Постельнаго крыльца, на передніе переходы, 2 человѣка, Ѳеодоръ Огаревъ да Микита Казариновъ.

У сѣнныхъ дверей передъ Постельною избою быти, и у дверей нижніе лѣсницы и по Постельному крыльцу смотрити, 2 человѣка, Петръ Федчищовъ да Третьякъ Левонтіевъ.

А у дверей сквозѣ палату къ великой княгинѣ хоромамъ, къ обоимъ дверемъ, дѣти боарскіе великіе княгини.

А у великіе княгини у другихъ хоромъ быти, и по крыльцу великіе княгини смотрити къ Рождеству Пречистые, дѣти боарскіе и великіе княгини.

А у рѣшетки съ повареннаго дворца къ великой княгини хоромамъ быти, да на заднее крыльцо великіе княгини, дѣти боарскіе великой княгини.

А у рѣшетки, что съ Постельнаго крыльца на дворецъ, быти, и къ нижней рѣшетки подъ переходы, 2 человѣка, Василей Семеновъ сынъ Ступишинъ да Щенокъ Бѣлого.

А у другіе рѣшетки, что къ Рождеству Пречистой изъ дворца отъ Спаса, 2 человѣка, Дмитрей Горинъ, да Никифоръ Хвощынской.

У Спаса сидѣть, не пропущать мимо сѣнникъ, 1 человѣкъ, Невѣжа Копнинъ (въ подлинникѣ зачеркнуто: а по конецъ погреба малаго стеречи къ сѣнику жъ).

А у Рождества Пречистой на землѣ стеречи къ сѣннику жъ 1 человѣкъ, Ѳедоръ Баграковъ.

У воротъ которые подъ переходы съ дворца на площадь 2 человѣка, Иванъ Кузминъ да Чернышъ.

А на переднихъ переходѣхъ на Красномъ Крыльцѣ быти, и къ середней лѣстницѣ и къ Благовѣщенью смотрити по крыльцу, 3 человѣка, Гаврило Тырчковъ, да Матфѣй Козодавлевъ, да Салтаневъ.

А отъ Столовой избы по крыльцу къ Набережной палатѣ и у дверей къ чердакомъ 2 человѣка, Яковъ Щелкаловъ да Сѣверицынъ.

У рѣшетки съ дворца мимо Столовую избу 2 человѣка, Василей Замятнинъ, да Бориско Щекинъ.

А съ площади у рѣшетки быти мимо палату 2 человѣка, Постникъ Путятинъ да Тферитинъ Низовцовъ.

А у середней лѣсницы у рѣшетки быти 2 человѣка, Степанъ Скрыповъ да Изгорода Билибинъ.

А у дверей что къ Благовѣщенью съ площади въ паперти, а быти 2 человѣка, Иванъ Низововъ да Левка Брянцовъ.

У другихъ дверей въ паперти на крыльцо и къ казеннымъ дверемъ 2 человѣка, Чюра да Юрій Сидоровъ.

А у Архангела быти и смотрити по площади по всеи (и по воротамъ надзирати) 2 человѣка, Василей Биречинской да Мягкой Битяговской.

Къ троимъ воротамъ, ко Фроловскимъ, къ Ризположенскимъ къ Нижнимъ, къ 2-мъ по 2 человѣка, а къ Нижнимъ—4 человѣка; ко Фроловскимъ, Никифоръ Дубенской, да Неклюдъ Коклырской, Игнатъ Дюпинъ, Митя Ковѣзинъ; а къ Ризположенскимъ Поспѣлъ Лебедевъ, да Митя Онанинъ; а къ Нижнимъ воротамъ Угримъ Львовъ, Гридя Мельниковъ, Иванъ Бурцовъ.

О пріемѣ Турецкаго посла.

«И маія жъ 28 (1514 г.) велѣлъ князь велики Камалу быти на дворѣ и у себя на посолствѣ. А сидѣлъ князь велики въ *набережной полатѣ малой*, а бояре у него сидѣли въ саженыхъ шубахъ, князь Михайло Булгаковъ, князь Петръ Великой, Григорей Ѳедоровъ. А передъ малою полатою стояли княжата и дѣти боярскіе въ терликѣхъ въ саженыхъ, а иные въ кожусѣхъ и въ шубахъ. И какъ Камалъ на дворъ пріѣхалъ, и князь велики велѣлъ его встрѣтити, въ паперти у Благовѣщенія Феодору Иванову сыну Карпова, да діакомъ Сумороку Утятину да Алексѣю Лукину, да Сумороку и Алексѣю велѣлъ остатися у поминковъ у салтановыхъ и у Камаловыхъ, да велѣлъ имъ итти съ поминки къ себѣ за Камаломъ. А какъ взошелъ на *крыльце на верхнее* отъ Благовѣщенія, и тутъ его встрѣтилъ Михайло Андреевъ сынъ Плещеева, да діаки Елизаръ Цыплятевъ да Меншой Путятинъ; а передъ дверми *Набережные полаты болшіе* встрѣтили его князь Петръ Великой, да Берсенъ Беклемишевъ да діаки Губа Моклоковъ да Иванъ Телешовъ, да шли съ нимъ къ великому князю. Да вшедъ въ полату, явилъ его великому князю князь Петръ Великой: и князь велики звалъ Камала къ себѣ къ руцѣ. И Камалъ, пришедъ, цѣловалъ великаго князя въ руку. И князь велики велѣлъ ему сѣсти близко себя на скамьѣ. И Камалъ посидѣвъ, подалъ великому князю отъ салтана грамоту татарскимъ писмомъ: да посидѣвъ, рѣчь говорилъ отъ салтана, чтобъ князь велики съ салтаномъ былъ въ дружбѣ и въ братствѣ и въ любви и другу бы его другъ былъ, а недругу недругъ.

И князь велики звалъ Камала къ себѣ ѣсти. А до стола Камалъ сидѣлъ у Юрья у Малаго на подворьѣ. И ѣлъ того дни Камалъ у великого князя, и ѣлъ князь велики въ *середней полатѣ Золотой.* А какъ Камалъ пошелъ къ столу, и князь велики велѣлъ его встрѣтити Михайлу Плещееву да діаку Меншему Путятину. А Камалъ стола не досидѣлъ того дѣля, что у него ноги были болны, и поѣхалъ на подворіе. И опослѣ стола посылалъ за нимъ князь велики съ медомъ Микиту Иванова сына Карпова, да съ нимъ дѣтей боярскихъ».

О пріемахъ польскихъ и литовскихъ пословъ.

1514 г.«.... И какъ послы Литовскіе пріѣхали на дворъ и изъ саней вышли противъ *Казенные Полаты,* близко лѣсницы у Благовѣщенья, да шли приставы съ послы папертью мимо Благовѣщенье, и отъ Благовѣщенія къ великого князя хоромамъ, на лѣсницѣ на *середнемъ крыльцѣ* велѣлъ князь великій встрѣтити пословъ дворетцкому тферскому Ивану Юрьевичю Поджегину да дьякомъ Офонасью Курицыну да Третьяку Ракову. А какъ послы пошли къ *брусяной* избѣ и у угла *середніе полаты* велѣлъ князь великій встрѣтити пословъ оружейничему своему Федору Ивановичю Карпову.»

1537 г. «шли послы съ приставы папертью мимо Благовѣщенье и отъ Благовѣщенья папертью къ великаго князя хоромамъ, *на лѣсницу, что изъ паперти,* и на той лѣсницѣ на *середнемъ крыльцѣ* велѣлъ князь велики пословъ встрѣтити....

1537 г. «А какъ послы были у великого князя, и князь великій сидѣлъ *въ брусяной избѣ въ выходной,* а у него бояре, и околничіе, и дворецкіе, которые живутъ въ думѣ, и дѣти боярскіе прибыльные, которые въ думѣ не живутъ....»

«И Августа 23 [1520 г.] велѣлъ князь великій посломъ быти на дворѣ и посылалъ по нихъ приставовъ ихъ, Василія Полукарпова да Третьяка Губкина. И какъ послы пріѣхали на дворъ и князь велики велѣлъ пословъ встрѣтить на *середней лѣсницѣ,* на *середнемъ крылцѣ* Андрею Бутурлину да діаку Телешову; а князь велики сидѣлъ въ *брусяной избѣ.* А какъ взошли послы на переходы, и *промежъ болшіе полаты и середніе* у угла, встрѣтить ихъ велѣлъ князь великій Михайлу Юрьеву да дьякомъ, Елизару Цыплятеву, Сумороку да Меншому Путятинымъ, да шли съ ними всѣ и къ великому князю.»

«И маіа 17 [1525 г.] велѣлъ князь велики Богухвалу (польскому послу) быти на дворѣ. И какъ пріѣхалъ на дворъ, и шелъ папертью мимо Благовѣщенье да къ *брусяной избѣ,* и князь велики велѣлъ его встрѣтити у середней полаты, у угла, діаку своему Меншему Путятину.»

1526 г. «И князь великій звалъ ихъ себѣ всѣхъ ѣсти. И сидѣли до стола на *поповѣ дворѣ за конюшнею.* И ѣли того дни послы у великого князя. А къ столу по пословъ тѣ жъ ѣздили, которые по нихъ ѣздили на посолство. А какъ послы пошли къ столу, и встрѣтили ихъ у *болшіе избы въ сѣнехъ,* какъ взошли на лѣсницу, Васьянъ да Хомякъ Пѣнковы, да Микита Карповъ, да дьякъ Оѳонасей Курицынъ. И сидѣли послы въ *кривомъ столѣ;* первое сѣлъ папинъ посолъ; у папина посла цесаревы послы комитъ; у цесарева посла Фердинандовъ посолъ Жигимонтъ, а у нихъ сѣли Литовскіе послы, Петръ и Богушъ; а въ скамьѣ противъ пословъ сидѣли Васьянъ да Хомякъ Пѣнковы, да околничей Иванъ Лятцковъ, да оружейничей Микита Карповъ. А приставове *всѣ въ кривомъ столѣ* съ послы не сидѣли; велѣлъ имъ князь великій сѣсти въ *болшомъ столѣ.*»

«И декабря 29 [1527 г.] велѣлъ князь великій Ивашку Ячманову быти на дворѣ. И какъ Ивашко на дворъ пріѣхалъ, и велѣлъ его князь великій встрѣтити у *середніе полаты,* у угла, діаку Труфану Ильину. И какъ вшелъ къ великому князю и явилъ его челомъ ударити великому князю князь Ондрей княжъ Петровъ сынъ Великого. И правилъ Ивашко великому князю отъ короля поклонъ да подалъ вѣрющую грамоту; а опослѣ грамоты рѣчь говорилъ. И князь великій звалъ его къ руцѣ и велѣлъ ему сѣсти, и звалъ его ѣсти: и ждалъ стола въ *набережной полатѣ въ середней,* и ѣлъ того дни у великого князя; а сидѣлъ противъ его діакъ Володимеръ Семеновъ сынъ Племянниковъ да приставъ Василей Ушаковъ.»

.... Августа 30 день (1523 г.) бояре велѣли королеву человѣку Богдану быти на дворѣ. И какъ королевъ человѣкъ пріѣхалъ на дворъ, и приставы шли съ нимъ въ *набережную полату въ комнату;* а Ѳедоръ царевичъ и бояре сидѣли въ *середней избѣ брусяной,* по великаго князя приказу.»

«1536 г., 17 Августа.... и князь великій велѣлъ Никодима (Литовскаго посланника) встрѣтити у угла середніе палаты, какъ поворотити къ *сѣнемъ брусяные избы,* діаку своему Меншему Путятину. И шелъ съ нимъ Меншей къ великому князю, и вшедъ Никодимъ къ великому князю челомъ ударилъ, а явилъ его Дмитрей Даниловъ, и на жалованьѣ его явилъ, челомъ ударити, околничей Дмитрей же Даниловъ. И князь великій велѣлъ ему сѣсти, и посидѣвъ мало, велѣлъ князь великій Никодиму итти въ *набережную полату въ комнатку,* и высылалъ къ нему съ отвѣтомъ діаковъ, Елизара Цыплятева да Меншего Путятина.»

На основаніи приведенныхъ документовъ, а также лѣтописныхъ и другихъ извѣстій, возможно, свѣряясь съ сохранившимися отъ XVIII столѣтія планами, построить слѣдующую схему расположенія палатъ новаго Кремлевскаго дворца:

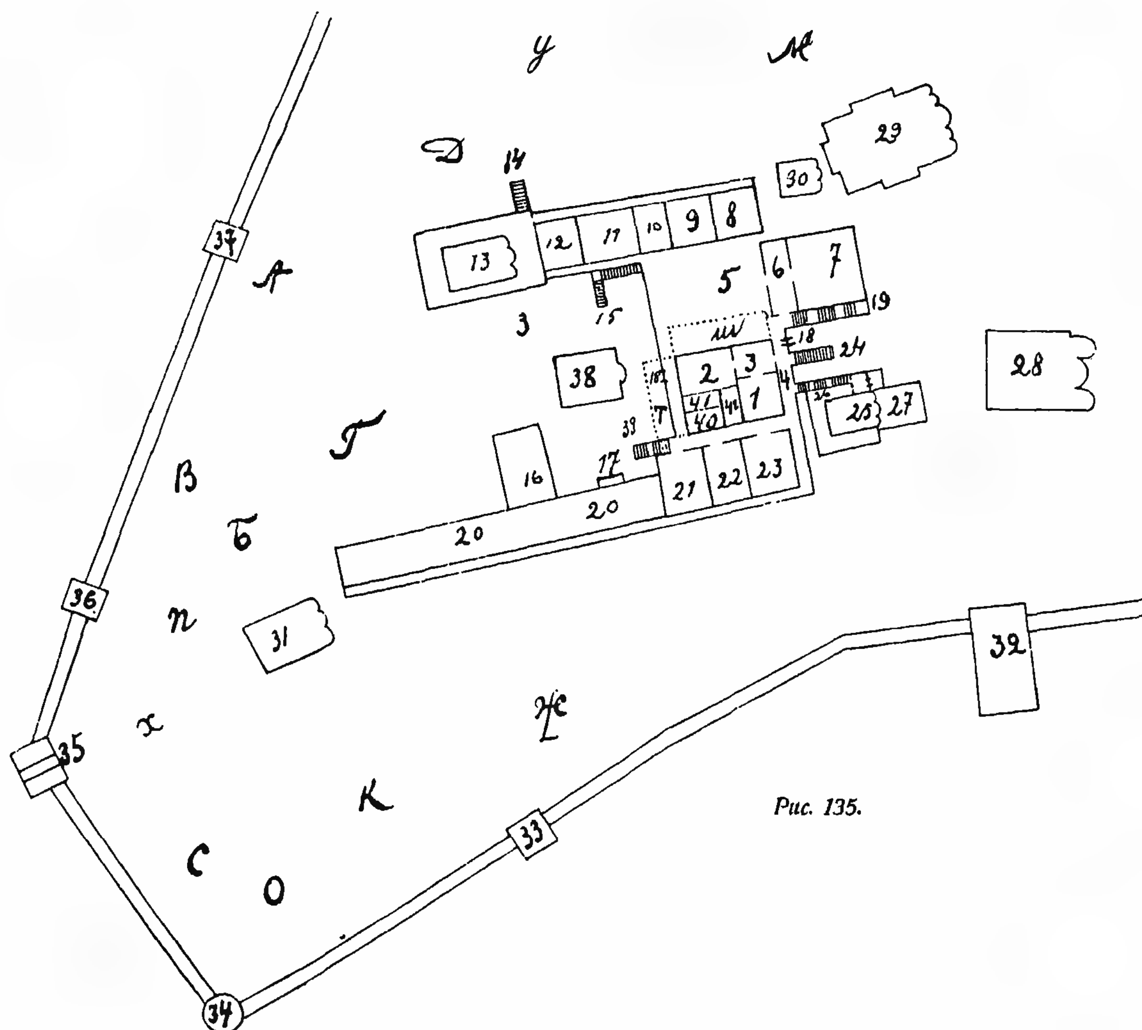

Рис. 135.

1. Средняя (Золотая) палата.
2. Столовая изба.
3. Каменныя сѣни, общія къ № 1 и № 2, съ дверью, выходящею противъ средней лѣстницы (№ 24) на передніе переходы (№ 4).
4. Передніе переходы или Красное, верхнее крыльцо.
5. Постельное крыльцо.
6. Сѣни Грановитой палаты.
7. Грановитая палата или Большая изба.
8. Наугольная палата.
9. Постельная изба съ Сѣнями.
10. Проходная палата къ хоромамъ великой княгини.
11. Хоромы великой княгини.
12. Пріемная княгинина. Задняя или западная палата [что у Лазаря Святаго].
13. Церковь Рождества Богородицы.
14. Задняя лѣстница, ведущая къ Поваренному дворцу.
15. Лѣстница съ Постельнаго крыльца на внутренній дворъ.
16. Сѣнникъ съ прилегающими къ нему покоями.
17. Малый погребъ.
18. Проходныя ворота на Соборную площадь.
19. Красная лѣстница, ведущая на передніе переходы.
20. Чердаки или Набережные Терема и другія разныя палаты, одна изъ которыхъ служила мѣстомъ заключенія для особъ великокняжеской семьи, напр. для кн. Андрея Старицкаго въ 1537 г.
21. Набережная Малая палата.
22. Набережная Средняя палата.
23. Набережная Большая палата.
24. Средняя лѣстница, ведущая съ Соборной площади на передніе переходы.
25. Церковь Благовѣщенія, что на Сѣняхъ.
26. Паперть Благовѣщенскаго Собора съ лѣстницею, ведущей во дворецъ.
27. Казенная палата.
28. Архангельскій Соборъ.
29. Успенскій Соборъ.
30. Церковь Ризъ-положенія.
31. Церковь Рождества Предтечи.
32. Тайнинская башня.
33. Глухая (нынѣ Благовѣщенская) башня.
34. Круглая (водовзводная) башня.
35. Боровицкія ворота.
36. Глухая (нынѣ Оружейная) башня.
37. Глухая (нынѣ Конюшенная) башня.
38. Церковь Спаса на Бору.
39. Лѣстница съ переднихъ переходовъ на внутренній дворъ.
40. Брусяная изба.
41. Средняя брусяная изба.
42. Брусяная изба выходная.

А. Дворъ Антона Фрязина.
Б. Поповъ дворъ.
В. Дворъ кн. Михаила Верейскаго.
Г. Конюшенный дворъ.
Д. Поваренный дворъ.
Ж. Житный дворъ.
З. Внутренній дворъ.
К. Мѣсто двора Квашниныхъ.
М. Митрополичій дворъ.
О. Мѣсто двора Обобурова.
П. Дворъ Патрикѣева.
С. Мѣсто двора Свибловыхъ.
Т. Мѣсто будущаго Терема Грознаго.
У. Дворъ князя Бориса Васильевича.
Х. Мѣсто двора Ѳомы Ивановича Ховрина.
Ш. Мѣсто будущей Шатерной палаты.

Рис. 136. Видъ Кремлевскаго дворца, построеннаго (1753 г.) архитекторомъ гр. Растрелли, на каменномъ подклѣтѣ съ аркадами Алевиза.
[Рисовалъ Кампорези.]

Поименованныя палаты были расположены во второмъ этажѣ новаго дворца. Нижній состоялъ изъ сплошного ряда сводчатыхъ помѣщеній и былъ опоясанъ открытыми аркадами*. Подъ нимъ находились бѣлокаменные погреба.

Сравнивая этотъ новый каменный дворецъ, построенный иноземными инженерами - архитекторами, со старымъ деревяннымъ, который орудовали свои доморощенные плотники, нельзя не усмотрѣть ихъ сходства.

Рис. 137. Большой Кремлевскій Дворецъ, существующій нынѣ.
[Въ нижнемъ этажѣ его сохраненъ архитектурный мотивъ аркадъ Алевиза].

Нижній этажъ новаго дворца соотвѣтствовалъ подклѣту стараго и былъ, какъ и тотъ, предназначенъ для служебныхъ помѣщеній, а верхній состоялъ изъ ряда отдѣльныхъ палатъ, соединенныхъ переходами и площадками, на которые подымались по наружнымъ лѣстницамъ. Палаты эти стояли на тѣхъ же

Рис. 138. Подвальный этажъ *Рис. 139.* Нижній этажъ
Кремлевскаго Дворца до 1753 г., по плану архитектора К. Бланка, копія 1763 г.
[Архивъ Министерства Императорскаго Двора.]

* Часть Алевизовской аркады сохранилась въ главномъ дворцовомъ корпусѣ до 1837 года, т. е. до постройки Большого Кремлевскаго Дворца, въ нижнемъ этажѣ котораго наружная выступающая часть съ аркообразными окнами является ея подражаніемъ. До нынѣ изъ постройки итальянскихъ мастеровъ уцѣлѣла во Дворцѣ лишь Грановитая Палата и нижній ярусъ Теремовъ.

мѣстахъ, гдѣ и старыя, весьма приближались къ нимъ по размѣрамъ и формамъ и имѣли одинаковое съ ними назначенiе.

Рис. 140. Дворецъ или палаты царевича Димитрiя въ Угличѣ (дл. 16, шир. 15 и выш. 18 аршинъ).

[А. Мартыновъ. Русская Старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества].

Очевидно, въ построенiи Кремлевскаго великокняжескаго дворца итальянскiе художники принуждены были подчиниться русскимъ старозавѣтнымъ стремленiямъ и строить согласно русскимъ образцамъ.* Будь имъ предоставлена полная свобода творчества, какъ это по необходимости было сдѣлано при возведенiи Кремлевскихъ укрѣпленiй, они, конечно, создали бы одно цѣльное зданiе на подобiе герцогскихъ палаццо своей родины, и Кремль Московскiй украсился бы однимъ изъ перловъ** итальянской архитектуры. Но, знаменитые мастера, сыны классической страны красоты и искусства, въ своей художественной работѣ оказались связанными велѣнiемъ чужого вкуса и требованiями незнакомаго имъ быта. Однако, они сумѣли сочетать въ одно неразрывное цѣлое архитектурные мотивы столь различныхъ странъ, какъ сѣверная Русь — область снѣга и хвойныхъ лѣсовъ и Италiя — край апельсиновъ и яркаго солнца. Кремлевскiй

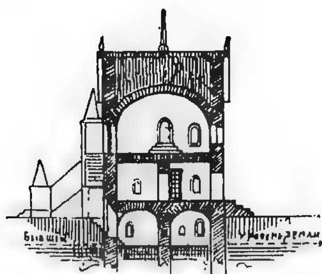
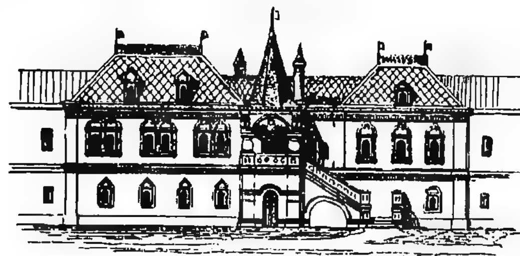
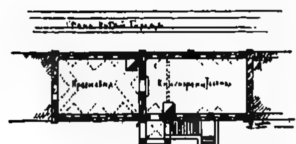

Рис. 141. Разрѣзъ дворца царевича Димитрiя въ Угличѣ.

[По рисунку архитектора А. Потапова].

Очеркъ древней русской гражданской архитектуры. Древности Т. XIX, табл. VII.

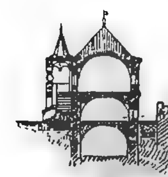

Рис. 142—144. Палаты Московскаго Печатнаго двора — правильная и книгохранительная, построенныя около 1673 г.

---

* Каменное зодчество въ началѣ своего развитiя представляло собою вездѣ повторенiе деревяннаго. На Руси переходъ къ иному строительному матерiалу почти не отразился ни въ общемъ планѣ зданiй, ни въ обработкѣ его отдѣльныхъ частей. Доказательствомъ тому служатъ каменныя строенiя XVII вѣка, въ которыхъ иноземщина не поглотила самобытности русскаго архитектурнаго генiя. (см. рисунки 140—146).

** Въ Италiи въ то время начался уже расцвѣтъ искусства—знаменитый Рафаель Санти родился въ 1483 году.

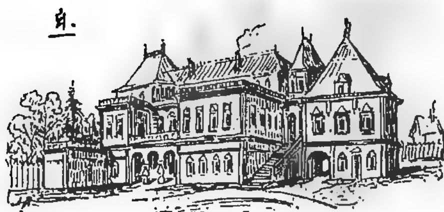

Рис. 145. Домъ княгини Зинаиды Николаевны Юсуповой графини Сумароковой-Эльстонъ, [по преданію охотничій домъ Грознаго].

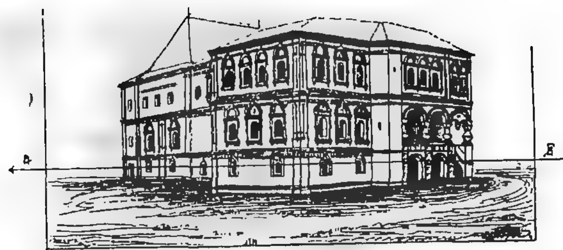

Рис. 146. Палаты Думнаго дьяка Аверкія Стефанова Кирилова, что за Берсеневскою рѣшеткою, [нынѣ домъ Московскаго Археологическаго Общества на Берсеневкѣ].

[Раставрація архитектора А. Потапова].

дворецъ, какъ и Успенскій Соборъ, явился зданіемъ итальянскимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ русскимъ. Это сочетаніе итальянскаго съ русскимъ было тѣмъ полнѣе, что рядомъ съ каменными палатами были поставлены и деревянныя жилыя хоромы. Исконная привычка къ деревяннымъ зданіямъ, тяготѣніе къ нимъ, какъ къ жилищу болѣе здоровому и легко возводимому, преодолѣвала всѣ другія побужденія и соображенія. Посему можно безошибочно сказать, что лишь только итальянскій зодчій, свершивъ свое дѣло, отошелъ въ сторону, на его мѣсто сталъ русскій плотникъ и деревянныя пристройки съ надстройками начали постепенно облѣплять каменный остовъ дворца, особенно съ тѣхъ сторонъ, гдѣ не было показного фаса: у постельныхъ покоевъ, за набережными чердаками, по ту сторону церкви Спаса на Бору. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ хозяйственные дворы — Сытный, Кормовой, многочисленныя поварни, сараи, конюшни, чуланы, быть можетъ даже житницы и прочія, заполнявшія пространство между дворцомъ и городскою стѣною, зданія были построены тоже изъ дерева, своими русскими плотниками.

Переходъ великаго князя 7-го мая 1508 года на новоселье въ новый дворецъ не означалъ завершенія его постройки. Окончательно готовы были, вѣроятно, только жилыя хоромы. Въ остальныхъ помѣщеніяхъ, въ каменныхъ пріемныхъ палатахъ, работа еще продолжалась. Это видно изъ того, что повелѣніе расписывать Благовѣщенскій Соборъ русскому мастеру Θеодосію Денисьеву съ братіей было отдано въ томъ же 1508 году, а, конечно, роспись главнаго дворцоваго храма должна была предшествовать росписи палатъ, слѣдовательно къ этому году была окончена лишь ихъ архитектурная часть, но не внутренняя отдѣлка. Средняя палата была покрыта стѣннымъ письмомъ и позолотою вскорѣ послѣ того — уже въ 1514 году она называется Золотою*. Остальныя, вѣроятно, были украшены лишь орнаментомъ или, быть можетъ, *фряжскимъ травнымъ письмомъ,* то есть изображеніемъ растеній, такъ называемыхъ *травъ*, плодовъ и пр. Такое заключеніе можно сдѣлать изъ того обстоятельства, что главная изъ палатъ, Грановитая, была расписана бытейскимъ письмомъ только въ концѣ XVI вѣка.

Послѣ построенія въ 1514 году обрушившихся (1495 г.) церквей св. Лазаря и Рождества Богородицы и возобновленія Собора Спаса Преображенія въ 1527 году, начатая Иваномъ III перестройка Кремля окончилась.

* По поводу росписи и названія средней палаты Кремлевскаго дворца *Золотою* слѣдуетъ замѣтить, что она отвѣчала по своему назначенію Золотой палатѣ (ὁ χρυσοτρίκλινος, ὁ τρικλίνος χρυσός) дворца Византійскихъ императоровъ, гдѣ происходили торжественные пріемы чиновъ, иноземныхъ пословъ, давались пиры, начинались и оканчивались выходы въ храмы и другіе залы.

Рис. 147. Длина 2 аршина, діаметръ 8 вершковъ.

Рис. 148.

Рис. 149.

Рис. 150.

Рис. 151.

Рис. 152.

Рис. 153.

Камни, найденные въ 1887 году при земляныхъ работахъ въ Маломъ Кремлевскомъ саду у Боровицкихъ воротъ, весьма вѣроятно остатки архитектурныхъ частей великокняжескаго дворца XVI вѣка, построеннаго итальянскими зодчими.

[Императорскій Историческій Музей въ Москвѣ].

Рис. 154. Кремль послѣ его перестройки.

[Гравюра на деревѣ изъ собраній Д. Я. Дашкова.]

Кремль преобразился совершенно. Отъ прежняго не осталось ничего или почти ничего: одну часть города сокрушилъ топоръ неутомимаго строителя, сметавшаго съ старыхъ извѣчныхъ мѣстъ не только дома, но кладбища, церкви и цѣлые монастыри; другую испепелилъ огонь, истреблявшій безъ разбора и старое, и новое. Знавшій Москву въ былые годы тщетно сталъ бы искать теперь знакомые дома и церкви. Новый городъ съ новыми домами, новыми церквами, съ новыми, невиданными укрѣпленіями, покрывалъ древнюю почву кремлевскаго холма. Тамъ, гдѣ прежде стояли покосившіяся отъ времени, всѣ въ деревянныхъ заплатахъ, старыя укрѣпленія Донского — теперь возвышались стройныя стѣны и башни съ бѣлокаменными поясами, обведенныя глубокими рвами съ водою; гдѣ стоялъ потемнѣвшій отъ дыма пожаровъ и обветшавшій дворецъ, красовались невиданныя на Руси бѣлокаменныя, изукрашенныя мастерствомъ заморскихъ искусниковъ палаты. Самый планъ Кремля измѣнился — въ немъ были проведены новыя прямыя улицы отъ главныхъ воротъ города къ княжему дворцу и вдоль всей линіи стѣнъ.

Среди всего множества домовъ, церквей и дворовыхъ строеній, по прежнему густо заполнявшихъ кремлевскій холмъ, на самомъ видномъ мѣстѣ его, рядомъ съ соборами, возвышался, главенствуя надъ всѣми прочими постройками, великокняжескій дворецъ. Новый Кремль являлъ собою какъ бы окаменѣлое отраженіе совершившихся событій — преобразованія старой удѣльной вотчины Даниловичей, гдѣ хозяйничало нѣсколько совладѣльцевъ, въ новое единое Великорусское государство, въ которомъ превыше всего стоялъ въ величіи силы и власти одинъ великій Государь, Московскій Самодержецъ.

Власть Московскаго Государя при Василіи III.

Великій князь Василій Ивановичъ, включивъ Рязанское княжество (1517 г.) и вотчину князя Василія Ивановича Шемячича (1523 г.) въ составъ Московскаго Государства, сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всю верховную власть въ землѣ Русской. Владѣльцами удѣловъ оставались исключительно родные братья великаго князя. Но для единовластія они не представляли уже никакой помѣхи. Памятуя неудобства и опасности, которыя приходилось претерпѣвать ему самому, Иванъ III озаботился обезпечить отъ нихъ своего наслѣдника престола. Согласно его завѣщанію, Василій дѣлался единственнымъ хозяиномъ въ столицѣ, одинъ собиралъ съ Москвы всѣ дани и пошлины, за вычетомъ своимъ братьямъ по 100 р. (около 10,000 рублей на наши деньги) каждому, одинъ вершилъ судъ по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ, одинъ имѣлъ право чеканить монету и являлся единственнымъ наслѣдникомъ вымороченныхъ удѣловъ своихъ братьевъ. Кромѣ того, Василій получилъ въ вотчинное владѣніе вдвое больше городовъ и волостей, чѣмъ всѣ его четыре брата вмѣстѣ. Такимъ образомъ, по своимъ матеріальнымъ средствамъ братья великаго князя были безсильны состязаться съ нимъ, и хотя владѣли по прежнему своими удѣлами на правахъ Государей, однако не смѣли и думать о независимости, зная по печальному примѣру своего дяди Андрея, что за одну попытку ея достиженія имъ грозитъ Московская тюрьма.

Перемѣна въ положеніи служилыхъ людей, которая произошла въ царствованіе Ивана III, при Василіи III получила дальнѣйшее свое развитіе. Не только старые Московскіе бояре, «искони вѣчные государскіе», какъ они сами называли себя, отстаивая предъ другими, пришлыми, свое первенство; но и тѣ князья, которые при добровольномъ переходѣ на Московскую службу сохранили въ своихъ родовыхъ гнѣздахъ прежнюю правительственную власть, очутились теперь въ положеніи закрѣпощенныхъ холоповъ. Свобода вольныхъ слугъ удѣльнаго времени миновала безвозвратно. Уходъ въ другія страны карался какъ государственное преступленіе, строго и неукоснительно. Съ ненадежныхъ бояръ бралась клятвенная запись о вѣрности и требовалась круговая порука многихъ лицъ (иногда до 100 человѣкъ) на весьма крупную сумму. Московскій Государь, какъ опредѣлилъ такое положеніе защитникъ вольности боярской, извѣстный измѣнникъ князь Курбскій, «затворилъ царство русское, сирѣчь свободное естество человѣческое, аки въ адовой твердынѣ». Власть его стала безграничной. Герберштейнъ говоритъ о великомъ князѣ Московскомъ, что «властью своей надъ подданными онъ превосходитъ всѣхъ монарховъ всего міра... къ духовнымъ онъ примѣняетъ свою власть такъ же, какъ и къ мірянамъ, распоряжаясь безпрепятственно и по своей волѣ жизнію и имуществомъ всѣхъ; изъ совѣтниковъ, которыхъ онъ имѣетъ, ни одинъ не пользуется такимъ значеніемъ, чтобъ осмѣлиться разногласить съ нимъ или дать ему отпоръ въ какомъ-либо дѣлѣ. Они открыто заявляютъ, что воля Государя есть воля Божія и что ни сдѣлаетъ Государь, онъ дѣлаетъ по волѣ Божіей. Поэтому они также именуютъ его ключникомъ и постельничимъ Божіимъ.»

Московскій великокняжескій дворъ при Василіи III.

Служилые люди. Мѣстничество.

Такъ смотрѣли на Московскаго великаго князя его бояре. А это были, какъ писалъ о нихъ Грозный въ 1566 году Шведскому королю, «извѣчныхъ прирожденныхъ великихъ государей дѣти и внучата, а иные Ординскихъ царей дѣти, а иные великихъ княжествъ Тферского и Резанскаго и Суздальскаго и иныхъ великихъ государствъ прирожденцы и внучата, а не простые люди.»

При таковыхъ обстоятельствахъ казалось бы, что двухвѣковая борьба Московскихъ Государей изъ-за единой на Руси власти окончилась ихъ полной побѣдой, что наступило желанное время, когда управленіе Государствомъ пойдетъ спокойно, безъ внутреннихъ осложненій. На самомъ дѣлѣ случилось нѣчто иное, непредвидѣнное собирателями разрозненныхъ частей земли русской.

Съ завершеніемъ ихъ дѣла, собравшаго всѣхъ прежнихъ властителей вокругъ Московскаго престола, духъ любоначалія и усобицы, разсѣянный ранѣе по всему обширному пространству великой Руси, сосредоточился въ стѣнахъ Кремля, гдѣ создалась напряженная, бурей грозящая атмосфера.

Бывшіе хозяева разныхъ частей Русской земли, получившіе отъ Московскаго великаго князя высшія назначенія по управленію, каждый своеобразно его прежнему положенію, почувствовали, что они, хотя и въ иныхъ условіяхъ, но продолжаютъ править Русью. Однако, безграничное господство Государя лишало ихъ какой-либо увѣренности за свое будущее. Необходимо было поэтому чѣмъ-нибудь обезпечить себѣ существующее положеніе и закрѣпить его за своимъ потомствомъ. Но битва съ самовластіемъ Московскаго князя въ открытомъ полѣ на прежнихъ позиціяхъ была уже проиграна, прямая борьба стала невозможной, оставались лишь косвенныя и подпольныя средства.

Однимъ изъ нихъ было мѣстничество. Какъ соперничество людей, приблизительно одинаковаго положенія, мѣстничество* существовало всегда и вездѣ. На Руси соблюденіе старшинства составляло основную черту быта во всѣхъ слояхъ населенія. Въ Московскомъ княжествѣ извѣстны случаи мѣстничества бояръ уже во времена Калиты.

---

* Степень общественнаго положенія означалась тѣмъ мѣстомъ, какое занималъ человѣкъ въ собраніи другихъ, что бывало выражено особенно наглядно за столомъ во время пира. Отсюда само слово мѣстничество. Разница въ положеніи обусловливалась самимъ устройствомъ помѣщенія и его обстановкой. Передній уголъ подъ образами и неподвижная лавка вдоль стѣнъ дѣлали значеніе мѣстъ вполнѣ опредѣленнымъ—первое мѣсто въ красномъ углу и постепенное пониженіе по мѣрѣ удаленія отъ него. При другомъ устройствѣ, напримѣръ въ кругломъ залѣ съ небольшими столами и подвижными стульями, іерархія мѣстъ потеряла бы свою ясность и устойчивость. И такъ какъ укладъ древне-русской жизни стоялъ незыблемо на строгомъ соблюденіи старшинства, то это создало одинаковость устройства какъ простой избы, такъ и парадныхъ палатъ. Даже большія пріемныя палаты Кремлевскаго дворца (Грановитая, Золотая и другія) предназначенныя выражать величіе его царственнаго Хозяина, не отличались въ своемъ основномъ устройствѣ отъ избы простолюдина. Въ нихъ неотмѣнно сохранены были и передній уголъ, какъ первое мѣсто, гдѣ ставился тронъ и неподвижныя лавки вдоль стѣнъ, и отсутствіе стульевъ, могущихъ внести путаницу въ распорядкѣ мѣстъ и послужить способомъ нарушенія вѣковѣчныхъ основъ древлеотеческаго быта.

Было въ ходу и само слово «мѣстникъ». Но то были столкновенія, зависѣвшія отъ личной воли и характера соперничавшихъ, и мѣстничество являлось ни чѣмъ инымъ, какъ внутреннимъ разладомъ боярства, борьбою другъ съ другомъ его отдѣльныхъ представителей изъ-за первенства. Такъ продолжалось все время, пока передъ служилымъ людомъ въ его цѣломъ не всталъ грозный образъ полновластнаго Государя и собственная безвыходность. Тогда мѣстничество обратилось въ орудіе самообороны отъ произвола Московскаго Самодержца. Правила мѣстничества, освященныя давностью и узаконенныя признаніемъ самихъ Государей, вполнѣ къ тому подходили. Для бóльшей дѣйствительности ихъ стали проводить съ послѣдовательностью и упорной настойчивостью, сдѣлавъ соблюденіе старшинства обязательнымъ обычаемъ, который, по замѣчанію Петра Великаго, «какъ законъ почитали».

Правила мѣстничества. Въ основѣ мѣстнической системы незыблемымъ краеугольнымъ камнемъ лежала неизмѣнность* во взаимномъ отношеніи фамилій и лицъ.

Достоинство каждаго было опредѣлено разъ навсегда его *отечествомъ*, т. е. мѣстомъ, которое онъ занималъ среди своихъ родичей, и *честью* его рода, положеніемъ** его въ ряду другихъ родовъ. Этого отечества ни воля Государя, ни личныя заслуги не могли измѣнить. «За службу жалуетъ Государь помѣстьемъ и деньгами, а не отечествомъ», вѣщала мѣстническая логика. Отечество зависѣло исключительно отъ предковъ, ибо умершихъ предковъ никакая власть не могла сдѣлать ни болѣе, ни менѣе знатными. Такимъ образомъ, прошлое какъ рокъ тяготѣло надъ будущимъ и сковывало его движеніе. Въ какомъ порядкѣ сидѣли отцы за Государевымъ столомъ и на сколько мѣстъ кто кого былъ выше по службѣ, въ такомъ же соотношеніи должны оставаться и ихъ дѣти, внуки и такъ далѣе на вѣки вѣчные.

Надо замѣтить, что по мѣстническимъ понятіямъ должность сама по себѣ не имѣла большого значенія; князь Ряполовскій, напримѣръ, былъ согласенъ принять

---

* Въ прежнія времена положеніе бояръ нерѣдко мѣнялось вслѣдствіе пріѣзда на Московскую службу новыхъ знатныхъ лицъ и личныхъ отношеній ихъ съ великимъ княземъ. Выработалось даже особое выраженіе «заѣхать». Такъ въ «Памяти инока Геннадія Бутурлина» [Извѣстія Акад. Наукъ V, стр. 366] читаемъ: «какъ князь Юріи Патрикѣевичь пріѣхалъ, а заѣхалъ бояръ Константина Шею, да Ивана Дмитріевича, Володимера Даниловича, Дмитрея Васильевича, Өедора Кошкина Голтея. А князю Юрью Патрикѣевичю князь великій мѣсто упросилъ у бояръ, коли за него далъ сестру свою великую княжну Анну. А братъ былъ большой у князя Юрья Патрикѣевича Хованской; и Өедоръ Сабуръ на свадьбѣ княжъ Юрьевѣ Патрикѣевича брата болшого посѣлъ Хованского. И Хованской молвилъ Сабуру: «посяди брата моего меньшого, князя Юрья Патрикѣевича». И Өедоръ Сабуръ молвилъ Хованскому: «у того Богъ въ кикѣ (т. е. счастіе въ женѣ), а у тебя Бога въ кикѣ нѣтъ», да сѣлъ Хованскаго выше.»

** Положеніе князей и бояръ на Московской службѣ опредѣлялось по прежнему достоинству ихъ родовъ. Въ первомъ ряду стали потомки великихъ князей—Пѣнковы, Шуйскіе, Ростовскіе, Бѣльскіе, Мстиславскіе, Патрикѣевы и другіе. Изъ стараго Московскаго боярства на одной съ нимъ высотѣ находились одни Захарьины, родоначальники Романовыхъ. Во второмъ ряду—потомки значительныхъ удѣльныхъ князей: Микулинскіе, Курбскіе, Воротынскіе, Одоевскіе, Бѣлевскіе, Пронскіе, Оболенскіе и другіе. Около нихъ—знатнѣйшіе роды изъ Московскаго боярства: Вельяминовы, Давыдовы, Бутурлины, Челяднины и другіе. Въ третьемъ ряду—потомки мелкихъ удѣльныхъ князей: Ушатые, Палецкіе, Мезецкіе, Сицкіе, Прозоровскіе и другіе съ второстепеннымъ Московскимъ боярствомъ. Далѣе слѣдовали еще менѣе значительные Московскіе роды съ боярствомъ, вышедшимъ изъ другихъ княжествъ.

любое назначеніе, лишь бы служащій съ нимъ вмѣстѣ Бутурлинъ былъ поставленъ ниже его, на должное, опредѣленное мѣстническимъ счетомъ, число мѣстъ.

Мѣстническій счетъ. Чтобъ опредѣлить положеніе двухъ «мѣстниковъ», кто кого выше и на сколько мѣстъ, надо было—1) найти у обоихъ такихъ предковъ, которые однажды уже встрѣчались другъ съ другомъ за Государевымъ столомъ или на совмѣстной службѣ и слѣдовательно взаимное положеніе которыхъ было уже опредѣлено; 2) высчитать разстояніе отъ этихъ предковъ для каждаго въ порядкѣ рожденія, т. е. опредѣлить какое мѣсто онъ занималъ въ своемъ родѣ, и, наконецъ, 3) полученныя цифры вычесть одну изъ другой, а остатокъ дополнить количествомъ мѣстъ, раздѣлявшихъ ихъ предковъ.

Опредѣленіе мѣста даннаго лица въ его родѣ производилось по родословцу, указывавшему порядокъ поколѣній; сравнительное достоинство разныхъ родовъ — по оффиціальнымъ разряднымъ книгамъ, гдѣ записывались служебныя назначенія.

По мѣстнической ариѳметикѣ въ семьѣ, состоявшей изъ нѣсколькихъ братьевъ, первое мѣсто принадлежало старшему брату, второе—второму, третье — третьему, четвертое—четвертому брату и сыну старшаго брата, которые, слѣдовательно, были другъ другу равны по правилу: «перваго брата сынъ—четвертому дядѣ въ версту».

Отецъ былъ на три мѣста выше своего старшаго сына.

На основаніи указанныхъ правилъ, мѣстническое старшинство можно представить по слѣдующей примѣрной таблицѣ, гдѣ цифры, расположенныя въ порядкѣ родословія, означаютъ мѣсто, занимаемое каждымъ членомъ рода.

Отецъ	1			
Сыновья . . .	4	5	6	7
Внуки	7, 8, 9,	8, 9, 10, 11,	9, 10, 11, 12,	10, 11,
Правнуки	10, 11,	13, 14, 15,	15, 16, 17, 18,	13, 14, 15, 16.

На службѣ, наприм. въ войскѣ, состоявшемъ изъ пяти полковъ — «большого», «правой руки», «лѣвой руки», «передового» и «сторожевого», распредѣленіе мѣстъ было слѣдующее:

		мѣсто:	
Большой воевода	большого полка.	1	
	правой руки.	2	
	передоваго полка.	3	равны
	сторожеваго полка.	3	
	лѣвой руки.	4	
Второй воевода	большого полка.	5	
	правой руки.	6	
	передоваго полка.	7	равны
	сторожеваго полка.	7	
	лѣвой руки.	8	

Если, напримѣръ, на совмѣстной службѣ, одинъ изъ Сабуровыхъ былъ выше одного изъ Заболоцкихъ на два мѣста, то и старшій сынъ этого Сабурова долженъ былъ быть выше старшаго сына этого Заболоцкаго на два же мѣста; но второй сынъ Сабурова былъ выше старшаго сына Заболоцкаго лишь на одно мѣсто, а третій сынъ Сабурова равенъ ему, «въ версту» (сверстникъ), четвертый же — ниже на одно мѣсто.

Мѣстническія дѣла. Приведенный примѣръ не представляетъ никакой сложности и не могъ подать повода къ недоразумѣніямъ. Но бывало, что взаимное отношеніе двухъ лицъ было неясно. Тогда возникалъ споръ. Считавшій себя обиженнымъ, не соглашался занять мѣсто ниже, чѣмъ ему подобало, и билъ челомъ Государю «въ отечествѣ» на такого-то «о безчестіи и оборонѣ». Тотъ, въ свою очередь, билъ челомъ «встрѣшно». Если притязаніе съ одной стороны не было явно вздорнымъ, то Государь приказывалъ боярамъ мѣстниковъ «поставить предъ собою и допросить». Бояре требовали у нихъ «дать случаи» и провѣряли ихъ по разряднымъ записямъ, ибо спорящіе часто прибѣгали къ выдумкамъ: ссылались, напримѣръ, на такіе случаи, когда было велѣно быть безъ мѣстъ, то-есть не считаться мѣстами. Затѣмъ «случаи» докладывались Государю, и по разсмотрѣніи ихъ, тяжущимся «была сказка», то-есть объявлялось рѣшеніе. Когда жалоба оказывалась основательной, Государь приказывалъ противниковъ «развести», то-есть дать имъ назначеніе отдѣльно другъ отъ друга. Въ противномъ случаѣ на заявленіе челобитчика—«съ нимъ (или меньше его) мнѣ бысть не вмѣстно» — слѣдовалъ указъ:

«тебѣ съ нимъ быть мочно», или «а въ отечествѣ тебѣ до него николи не достало, мочно тебѣ быть и съ его сыномъ», или прямо — «онъ больше тебя на столько-то мѣстъ», смотря по обстоятельствамъ. Если приговоръ казался несправедливымъ, то обиженный, во всѣхъ случаяхъ жизни покорный рабъ своего Государя, готовый, по свидѣтельству Герберштейна, «повѣситься по одному его слову», въ этомъ единственномъ дѣлался неукротимымъ ослушникомъ и съ непоколебимымъ упорствомъ отказывался подчиниться Государеву приказанію.

Строптивость мѣстниковъ. Когда у царя, говоритъ Котошихинъ, бываетъ столъ на властей и на бояръ, и «какъ тѣ бояре учнутъ садится за столъ по чину своему, то иные изъ бояръ, вѣдая съ кѣмъ въ породѣ своей ровность, подъ тѣмъ человѣкомъ садиться не учнуть.» Чтобы не начинать спора, такіе приглашенные спѣшатъ получить разрѣшеніе подъ какимъ-либо предлогомъ уѣхать домой. Но если царь прикажетъ сидѣть за столомъ подъ кѣмъ доведется, бояринъ, считающій себя обиженнымъ, «учнетъ бити челомъ, что ему ниже того боярина сидѣті не мочно, потому что онъ родомъ съ нимъ равенъ, или и честняя, и на службе и за столомъ прежъ того родъ ихъ съ тѣмъ родомъ, подъ которымъ велятъ сидѣть, не бывывалъ; и такова (челобитчика) царь велитъ посадиті силно, и онъ посадиті себя не дастъ і того боярина бесчеститъ и лаетъ; а какъ его посадятъ силно и онъ подъ нимъ не сидитъ же і выбивается изъ-за стола вонъ, и его не пущаютъ и розговариваютъ, чтобы царя не приводилъ на гнѣвъ и былъ послушенъ; и онъ крічитъ: «хотя де царь ему велитъ голову отсѣчь, а ему подъ тѣмъ «не сидѣть», и спустится подъ столъ; и царь укажетъ его вывесть вонъ и послать въ тюрму, или до указу къ себѣ на очі пущаті не велитъ.»

Причины непокорства. Такое кажущееся нелѣпымъ поведеніе на самомъ дѣлѣ имѣло вполнѣ разумныя основанія. Въ наше время тоже соблюдается извѣстное соотношеніе между чинами и служебная карьера въ значительной мѣрѣ обусловливается знатностью и заслуженностью предковъ. Но случайное сидѣніе за царскимъ столомъ и на должности ниже своего положенія не имѣетъ тѣхъ послѣдствій, какъ во времена мѣстничества. Тогда такое приниженіе («потерька») имѣло силу на всѣ дальнѣйшіе случаи и не только для одного даннаго лица, а для всего его рода — сыновей, братьевъ,

* Правила мѣстничества распространялись лишь на высшій классъ служилыхъ людей, на людей родословныхъ, т. е. на членовъ тѣхъ фамилій, которыя впослѣдствіи были помѣщены въ такъ называемый Государевъ Родословецъ, составленный при Грозномъ. Туда были занесены тѣ боярскіе роды, члены которыхъ приблизительно до начала XVI-го вѣка служили въ боярахъ, окольничихъ и другихъ высшихъ чинахъ. Чтобы не утратить родословности, членамъ этихъ родовъ необходимо было оставаться на столичной службѣ и занимать высшія должности по государственному управленію. Не родословному съ родословнымъ счета не было и онъ не могъ тягаться съ нимъ изъ за мѣста. Вообще мѣстничество почиталось преимущественно дѣломъ знати. Но въ сущности духъ его охватывалъ всѣ слои древне-русскаго общества, не исключая людей, стоящихъ на самой низкой ступени общественнаго положенія. Вотъ что писалъ, напримѣръ, въ 1681 году дворецкій своему помѣщику А. Безобразову: «А что, государь, написано въ памяти твоей, чтобъ бабъ развесть по избамъ, и бабы, государь, никоторая не слушаетъ, все лишь бранятца межъ себя, и меня холопа твоего не слушаютъ, лаютъ и ихъ развесть безъ твоего де государскаго указу нельзя, все большіе и старые. Приходилъ я холопъ твой многажды въ избу и имъ говорилъ, чтобъ *измѣстили* Марью Чеглокову, дали мѣсто; и онѣ не даютъ, нихто не хочетъ ниже сидѣть.»

племянниковъ, внуковъ и т. д.; точно такъ же и повышеніе («находка») его противника. Посему, если кто-либо изъ страха предъ гнѣвомъ Государя или по другимъ побужденіямъ соглашался на умаленіе своей чести, «утягиваніе» ея другимъ лицомъ, то онъ навлекалъ на себя негодованіе всѣхъ своихъ родственниковъ.

Въ 1498 году князь Репнинъ-Оболенскій, вопреки положенію своего рода по росписи, занималъ въ походѣ мѣсто ниже князя Сицкаго и не билъ челомъ царю объ обидѣ на Сицкаго. Тогда всѣ его родичи жаловались царю, что князь Репнинъ сдѣлалъ такъ изъ-за дружбы съ Сицкимъ, чтобы тѣмъ его «воровскимъ нечелобитьемъ поруху и укоръ учинить ихъ роду отъ всѣхъ другихъ родовъ».

«Бьющіе челомъ не по своей мѣрѣ», «неподѣльно, не дѣломъ», и особенно ослушники царскаго рѣшенія, бывали жестоко наказаны за свое непокорство—ихъ выдавали головой противнику, сажали въ тюрьму, били кнутомъ на конюшнѣ, ссылали въ дальнія мѣста, лишали имѣнія, боярства, предавали казни....

Вредъ и нелѣпость мѣстничества. Но это нисколько не устрашало ратоборцевъ мѣстничества, невольниковъ родовой чести—споры возникали при первомъ же подходящемъ случаѣ. И вотъ, въ теченіе двухъ столѣтій сей «зѣло жестокій и вредительный обычай», какъ называлъ мѣстничество Петръ Великій, являлся непреодолимымъ тормазомъ въ движеніи государственной машины и вносилъ въ жизнь одно изъ самыхъ причудливыхъ противорѣчій: въ силу мѣстничества, Московскій Государь, неограниченный повелитель своихъ подданныхъ, былъ ограниченъ въ самомъ существенномъ для верховной власти дѣлѣ—въ правѣ назначать къ государственнымъ дѣламъ подходящихъ лицъ по своему усмотрѣнію. Онъ могъ это дѣлать лишь въ опредѣленныхъ комбинаціяхъ, указываемыхъ ему правилами мѣстничества, а потому зачастую принужденъ былъ поручать важное дѣло не способному, послушному слугѣ, а бестолковому, упрямому неслуху, и мириться съ явнымъ ущербомъ отъ того происходящимъ. Для Государя такое положеніе было весьма досадно, ибо его распоряженія застревали постоянно въ непролазной чащѣ сложныхъ генеалогическихъ расчетовъ.

Благородныя генеалогическія древа на каждомъ шагу вставали на пути его правительственной дѣятельности, сплетались иногда своими вѣтвями въ неразрѣшимый узелъ и Государю приходилось разрубать его повелѣніемъ быть въ такомъ-то и такомъ случаѣ всѣмъ «безъ мѣстъ». Это означало, что данный распорядокъ не будетъ имѣть силы для послѣдующихъ «случаевъ».

Такимъ способомъ Московскій Государь боролся съ проявленіемъ мѣстничества въ отдѣльныхъ случаяхъ, не предпринимая (до конца XVII в.) рѣшительныхъ мѣръ къ его уничтоженію вообще. Самъ Грозный царь признавалъ за нимъ право на существованіе, благодушно сносилъ препирательства бояръ между собою, ихъ «супротивство» изъ-за мѣстъ и даже самъ разбиралъ мѣстническія дѣла.

Такая терпимость Московскихъ Государей къ мѣстничеству была бы непонятна, еслибы оно дѣйствительно представляло опасность для ихъ власти. На самомъ дѣлѣ было наоборотъ. Мѣстничество, въ сущности, не умаляло, а возвеличивало значеніе и власть Государя, ибо близость къ нему являлась мѣриломъ чести каждаго. Въ то же время оно ослабляло силы самого боярства, возбуждая зависть и непріязнь одного рода къ другому, и подрывая тѣмъ единеніе боярской среды въ ея цѣломъ.

Измѣненіе строя придворной жизни.

Основанное на почитаніи предковъ, проникнутое заботой о потомствѣ, мѣстничество въ стѣнахъ Кремлевскаго дворца не было зломъ безусловнымъ. Направленное противъ Московскихъ Государей, какъ таковыхъ, оно было сравнительно невиннымъ способомъ сопротивленія имъ уже въ силу своей закономѣрности и прямоты. Иное дѣло были тѣ подпольныя средства борьбы, которыя не приминули возникнуть на почвѣ мятежа и безсилія. Среди боярства, особенно среди княжатъ, было не мало, скорѣй большинство, такихъ, которые смотрѣли на Московскаго Государя съ точки зрѣнія лично обездоленныхъ имъ, т. е. какъ на насильника, возвысившагося насчетъ своей же братіи. Собираніе Руси казалось имъ не великимъ дѣломъ общенароднаго значенія, а простымъ хищничествомъ, захватомъ чужого добра — «окаянныхъ вотчинъ несытства ради своего», превращеніе же своихъ родственниковъ, князей Рюриковичей, въ простыхъ подданныхъ холоповъ — возмутительнымъ насиліемъ.

Съ ненавистнымъ врагомъ, съ которымъ, къ тому же, открытый бой былъ уже немыслимъ, всякая борьба, по понятіямъ того времени, казалась позволительной. И вотъ, вмѣстѣ съ усиліемъ Самодержавія развивается съ его представителемъ тайная борьба разными темными недостойными средствами — клеветой, предательствомъ, отравой и всевозможными иными ковами и кознями, какъ колдовство и порча, «выниманіе слѣду волшебствомъ, порча на слѣду всякимъ вѣдовскимъ мечтаніемъ, насыланіе по вѣтру лиха» и прочія проклятыя порожденія тьмы и злобы.

Особую опасность представляло то, что враги укрывались подъ личиною любви и преданности и были такимъ образомъ вездѣсущи и неуловимы.

Этотъ, по выраженію Грознаго, «злѣйшій злобѣсный обычай ихъ» дѣлалъ невозможнымъ прежній строй придворной жизни, основанный на преданности служащихъ и довѣріи къ нимъ.

И вотъ необходимость беречься тайныхъ лиходѣевъ создала въ Государевомъ дворцѣ особые порядки, исключавшіе самую возможность выполнить злой умыселъ. Такъ напримѣръ, во избѣжаніе отравы, прежде чѣмъ дойти до царскаго стола, блюдо съ кушаньемъ проходило черезъ рядъ лицъ — ключника, дворецкаго, стольника и, наконецъ, крайчаго, изъ коихъ каждый обязанъ былъ, передавая другому, отвѣдать его въ глазахъ принимающаго, а крайчій дѣлалъ это на глазахъ самого Государя. То же соблюдалось при подачѣ всякаго питья и лекарства. Бѣлье, платье и всѣ вещи Государя оберегались такъ же тщательно, чтобы туда не было насыпано ни яду, ни приворотнаго зелья, ничего того, что могло послужить ко вреду или порчѣ.

Помимо всѣхъ этихъ предосторожностей со всѣхъ служащихъ при дворѣ, дабы связать ихъ совѣсть присягою и удержать отъ злодѣянія, брались особыя клятвенныя крестоцѣловальныя записи. Съ теченіемъ времени эти записи, вѣроятно въ силу имѣвшихъ мѣсто невольныхъ и вольныхъ недоразумѣній, все обстоятельнѣе излагали принимаемыя на себя служащими обязательства, пока, наконецъ, не была выработана такая формула, которая не допускала никакого уклоненія или кривотолка, устраняла всякую возможность какой-либо сдѣлки съ совѣстью. Первоначально присягающіе давали обѣщаніе въ общихъ выраженіяхъ[1] — не дѣлать Государю никакого лиха самому

и выдавать лиходѣевъ. Затѣмъ, кромѣ общаго указанія на лихо, прибавлялось отдѣльно и объ отравѣ, причемъ для крѣпости обѣщаніе повторялось на разный ладъ.

Впослѣдствіи каждый чинъ царскаго двора, кромѣ общей присяги, долженъ былъ дѣлать особыя приписи, гдѣ подробно переименовывалось зло, которое онъ обязывался не совершать и не допускать.

Такъ, кравчій присягалъ: «ничемъ государя въ ѣствѣ и въ питьѣ не испортити, и зелья и коренья лихого ни въ чемъ государю не дати, и съ стороны никому дати не велѣти, и лиха никакого надъ государемъ никоторыми дѣлы и никоторою хитростью не дѣлати; а будетъ я услышу отъ кого или свѣдаю какое дурное или какое злое умышленіе или порчу на государя и мнѣ про то сказати государю...

Казначей клялся: «надъ государемъ, царицей и ихъ дѣтми никакого лиха не учинити, и зелья и коренья лихого въ платье и въ иныхъ ни въ какихъ въ ихъ государскихъ чинѣхъ не положити...

Постельничій обязывался не дѣлать того же «въ ихъ государскомъ платьѣ, и въ постеляхъ, и въ изголовьяхъ, и въ подушкахъ, и въ одѣялахъ, и въ иныхъ во всякихъ государскихъ чинѣхъ....»

Ясельничій, стремянной конюхъ и конюшенный дьякъ давали присягу: «зелья и коренья лихого въ ихъ государскія сѣдла, въ узды, въ войлоки, въ рукавки, въ плети въ мохри, въ наузы, въ кутазы, въ возки, въ сани ни подъ мѣсто ни въ полость санную, въ коверъ, въ попонку и во всякой ихъ государской въ конюшенной и въ конской нарядъ, и въ гриву и въ хвостъ у аргамака, и у коня, и у мерина, и у иноходца, коренья не вязать, и не положити—самому не положити и никому конюшеннаго чину и со стороны никому же положити не велѣти и никотораго зла. и волшебства надъ государемъ не учинити..... и всякого конского наряду отъ всякихъ чиновъ людей конюшеннаго приказу и отъ стороннихъ людей во всемъ беречи накрѣпко и къ конюшенной казнѣ и къ нарядамъ стороннихъ людей не припущати.....»

Рис. 155. Принесеніе присяги.

[А. Олеарій. Описаніе путешествія въ Московію].

Въ присяжныхъ записяхъ стряпчихъ, казенныхъ дьяковъ, шатерныхъ и другихъ дворовыхъ людей предметы, находившіеся въ ихъ рукахъ, въ которые могло быть положено лихое зелье, перечислялись съ такою же подробностью. Кромѣ того, лица,

стоявшіе особенно близко къ членамъ Государевой семьи, обязывались «лиха никакого не наговаривати и не испортити отнюдь ни въ чемъ никоторыми дѣлы, лихихъ волшебныхъ словъ не наговаривати и лиха никотораго не чинити.....»

Изъ приведенныхъ записей явствуетъ, въ какомъ положеніи очутился Московскій Государь въ то самое время, когда онъ окончательно восторжествовалъ надъ своими соперниками по власти, когда всѣ его явные враги были покорены «подъ нози его». Все существованіе его было отравлено тайными кознями враговъ невидимыхъ, неуловимыхъ, грозившихъ его здоровью и жизни. Эта вѣчная опасность, страхъ предъ темными силами — колдовствомъ и порчей, одна возможность ихъ была много тягостнѣй, чѣмъ всѣ досады, чинимыя мѣстническими препонами и выходками.

Но какъ мѣстничество, такъ и всѣ эти «пагубныя злоумышленія» имѣли обратное дѣйствіе, обрушиваясь на саму боярскую среду и вмѣстѣ съ ней на всѣхъ придворныхъ служилыхъ людей и вообще на каждаго соприкасавшагося съ Государевымъ дворомъ.

Надъ всѣми повисла постоянная опасность быть заподозрѣннымъ въ указываемыхъ вышеприведенными выписками лиходѣяніяхъ, а это грозило бѣдой неминучей — розыскомъ, пытками и прочими ужасами вплоть до мучительной казни и гибели всего рода. И никто не былъ обезпеченъ отъ подобнаго несчастья. Ибо взвести напраслину было легко, а опровергнуть ее по существу дѣла почти невозможно. Извѣтъ и оговоръ являлись поэтому удобнѣйшимъ средствомъ для погубленія противника. И такъ какъ въ Московскомъ дворцѣ сошлось столько соперниковъ, столкнулось такъ много противорѣчивыхъ стремленій, то онъ превратился въ гнѣздилище всякаго зла и коварства и потому постояннаго страха и трепета. Подъ внѣшней придворной чинностью, добронравіемъ и благожелательностью бродили темныя силы раздора и предательства, клокотала затаенная ненависть, строились лукавыя козни, плелась невидимая сѣть интригъ, велись замысловатые подкопы и подвохи.

Эта глухая борьба усиливалась особенно, когда на смѣну однихъ временщиковъ должны были вступить другіе, что̀ бывало главнымъ образомъ при перемѣнѣ царствованія и при Государевой женитьбѣ.

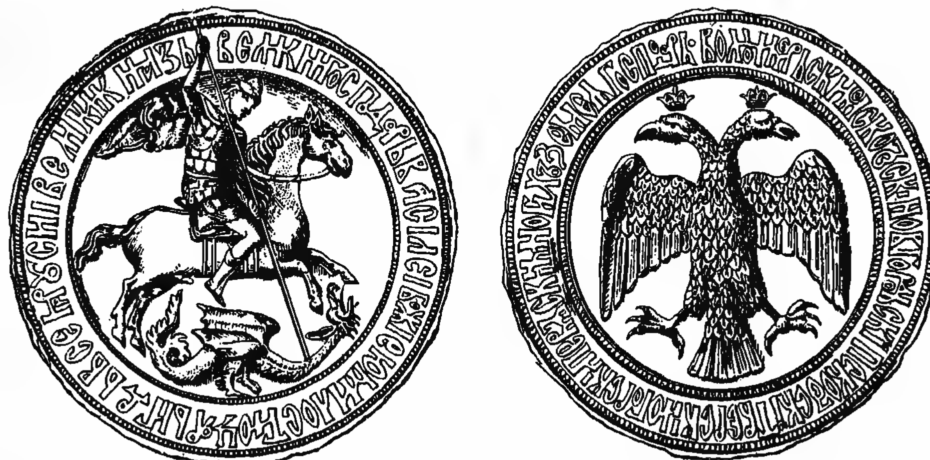

Рис. 156. Золотая булла великаго князя Василія Іоанновича. *Рис. 157.*

[Приложена къ трактату 1514 года, заключенному съ императоромъ Максиміаномъ I].

Бракосочетаніе Московскихъ Государей.

До объединенія Руси Московскіе великіе князья женились какъ и всѣ прочіе русскіе люди, выбирая себѣ невѣстъ изъ семействъ равныхъ имъ по общественному положенію, т. е. изъ владѣтельныхъ домовъ, по бо́льшей части своихъ дальнихъ родичей, удѣльныхъ князей Рюриковичей (см. таблицу). Съ той поры, какъ Московскій князь сталъ единымъ владыкою сѣверной Руси, а остальные князья превратились въ его подданныхъ, выборъ невѣсты сталъ затруднителенъ. Московскому Государю, женитьба котораго являлась не только семейнымъ, но и государственнымъ дѣломъ, не подобало родниться съ кѣмъ-либо изъ своихъ подданныхъ. Это противорѣчило существенной задачѣ его внутренней политики—стремленію выдѣлиться изъ всей боярской княжеской среды и подняться надъ нею на недосягаемую высоту. Московскій Государь, чтобы не умалить своего достоинства и не усилить притязаній бояръ, долженъ былъ выбирать невѣсту изъ среды равной себѣ, т. е. изъ какого либо иноземнаго царственнаго дома, хотя бы при семъ и приходилось жертвовать личнымъ счастіемъ. Въ силу этихъ соображеній Иванъ III самъ женился на Греческой царевнѣ и поженилъ сына своего Іоанна также на иноземкѣ, дочери Молдавскаго господаря, а дочь Елену выдалъ за короля Литовскаго, и вообще намѣревался установить для Московскаго царствующаго дома обычай политическихъ браковъ, ибо браки остальныхъ своихъ дѣтей онъ старался также устроить съ особами изъ царствующихъ иноземныхъ домовъ. Но тутъ встали затрудненія, которыхъ не удалось преодолѣть даже твердой волѣ Іоанна. Тщетно дѣйствовалъ онъ черезъ дочь свою Елену, поручая ей вывѣдать въ Литвѣ и сообщить ему—«у которыхъ государей Греческаго закона, или Римскаго закона, будутъ дочери, гдѣ бы пригоже мнѣ сына своего Василія женити»; тщетно искалъ невѣстъ въ Германіи и другихъ странахъ. Желающихъ выйти замужъ въ далекую невѣдомую, по Европейскимъ понятіямъ дикую страну, да еще при обязательномъ условіи измѣнить свое вѣроисповѣданіе, не находилось. Между тѣмъ женитьба на дѣвицѣ не вла-

---

* Бракъ съ царевной Софіей Палеологъ устроить было, повидимому, также совсѣмъ не легко, такъ какъ отъ начала сватовства до самого бракосочетанія прошло цѣлыхъ 4 года. Иванъ Фрязинъ (Джанъ-Баттиста Вольпе) былъ посланъ въ Римъ къ кардиналу Виссаріону съ согласіемъ на его предложеніе руки царевны въ 1469 году. Въ 1472 году Вольпе снова ѣздилъ въ Римъ, откуда «царевну на иконѣ написану привезе». Въ томъ же году онъ былъ отправленъ привезти саму царевну. Что на пути осуществленія брака вставали всякія трудности и въ этомъ дѣлѣ пришлось прибѣгать къ разнымъ хитростямъ, видно изъ слѣдующихъ обстоятельствъ: Въ 1473 году ноября 12, когда Софія Палеологъ приблизилась къ Москвѣ съ папскимъ посломъ Антоніемъ Бонумбре, передъ которымъ всю дорогу несли Латинскій крестъ, Іоаннъ послалъ кн. Стародубскаго съ приказаніемъ положить крестъ въ сани, а Ивана Фрязина, устроившаго все сватовство, «поимати и пограбити». По въѣздѣ Софіи въ Москву Іоаннъ немедленно обручился съ нею у матери своей, великой княгини Маріи, и митрополитъ Филиппъ тотчасъ же повѣнчалъ обрученныхъ въ деревянной церкви Успенія, временно поставленной посреди воздвигаемаго новаго Успенскаго Собора. Съ такою поспѣшностью не вѣнчался даже порывистый и страстно влюбленный въ невѣсту Димитрій Самозванецъ. Вообще исторія женитьбы Ивана III на царевнѣ Софіи остается во многихъ отношеніяхъ неразъясненной. Наиболѣе подробное обслѣдованіе сдѣлано *О. Пирлингомъ* въ сочиненіи La Russie et le Saint—Siège, p. 107—252. Въ немъ указывается, между прочимъ, на пребываніе агентовъ Вольпе въ Римѣ еще въ 1468 году, изъ чего авторъ усматриваетъ, что сватовство было начато по почину самого Ивана III, а не кардинала Виссаріона, какъ значится въ русскихъ лѣтописяхъ.

дѣтельнаго дома, особенно послѣ совершённыхъ блестящихъ браковъ, казалась уже совсѣмъ недопустимой.

Оставался единственный выходъ изъ затрудненія—послѣдовать примѣру Византіи, этой старой наставницы Русской жизни, и принять ея древній обычай всенароднаго выбора царской невѣсты. Женитьба на подданной при такихъ исключительныхъ, доступныхъ одному Государю условіяхъ, не могла унизить его. Вмѣстѣ съ тѣмъ являлась возможность удовлетворить и свое сердечное влеченіе. Такъ возникъ новый на Руси порядокъ бракосочетанія Московскихъ Государей.

Выборъ невѣсты производился слѣдующимъ образомъ: во всѣ города и веси Русской земли разсылались грамоты служилымъ людямъ съ наказомъ везти дочерей подходящаго возраста и качествъ въ городъ для осмотра. Въ грамотахъ говорилось, чтобы «дочерей у себя дѣвокъ однолично не таили, повезли бы часа того не мѣшкая» и при семъ прибавлялось: «а который изъ васъ дочь дѣвку у себя утаитъ и къ боярамъ нашимъ... не повезетъ.... и тому быть отъ государя въ великой опалѣ и казни..... а грамоту посылайте межъ себя сами не издержавъ ни часу.» Въ городахъ осмотръ производился особо назначенными для этого довѣренными людьми изъ окольничьихъ или дворянъ съ дьяками, заодно съ мѣстными властями. При семъ они руководились опредѣленными требованіями—нравственными достоинствами и физической красотой, назначенною «мѣрою возраста», т. е. роста и пр. Избранныхъ отправляли въ Москву, гдѣ ихъ ожидалъ новый самый тщательный и подробнѣйшій осмотръ «надежными сановниками и вѣрными боярами». Наконецъ, избранныя изъ избранныхъ представлялись на смотрины самому жениху.

Вотъ какъ описываетъ этотъ обрядъ нѣмчинъ Гейденсталусъ со словъ одной изъ дѣвицъ, въ немъ участвовавшей, при избраніи Грознымъ третьей супруги:

Для пребыванія дѣвицъ въ Москвѣ «былъ устроенъ домъ преизрядный, украшенный, со многими покоями; во всякой палатѣ было 12 постелей, для каждой дѣвицы особо. Всѣ дѣвицы въ этомъ домѣ и пребывали, ожидая царскаго смотра. Въ назначенное время царь приходилъ въ тотъ домъ въ особливую ему изготовленную палату съ однимъ зѣло престарѣлымъ бояриномъ и садился на украшенномъ стулѣ. Тѣ боярскія и княжескія дочери, убравшись въ лучшіе свои дѣвическіе уборы и дорогія платья, приходили по порядку, одна послѣ другой и покланялись до ногъ его. Царь всякой дѣвицѣ жаловалъ платокъ, расшитый златомъ и сребромъ, унизанный жемчугомъ, бросая дѣвицѣ на груди ей, и которая ему понравилась, ту и взялъ себѣ въ жены, а всѣхъ остальныхъ отпустилъ и пожаловалъ вотчинами и деньгами.»

Избранная невѣста оставалась во дворцѣ. Ее торжественно вводили въ предназначенные ей покои, гдѣ совершался обрядъ ея нареченія царевною, причемъ возлагался дѣвичій царскій вѣнецъ и давалось новое имя. Затѣмъ всѣ придворные царицына чина цѣловали ей крестъ какъ новой Государынѣ и во всѣ церковныя установленія посылались грамоты съ наказомъ поминать на ектеніяхъ вмѣстѣ съ Государемъ и его новонареченную невѣсту. Конечно, такое повелѣніе дѣлалось при женитьбѣ Государя, а не царевича-наслѣдника.

По свидѣтельству Герберштейна и Франциско да Полло для великаго князя Василія Ивановича, при первой его женитьбѣ, было собрано вначалѣ 1500 дѣвицъ, въ Москву привезено 500, изъ нихъ отобрано 300, потомъ 200, 100 и, наконецъ, 10,

которыя и были осмотрѣны повивальными бабками и затѣмъ представлены для избранія изъ нихъ невѣсты.

Таковъ былъ порядокъ выбора невѣсты для Московскаго Государя, установленный впервые Иваномъ III и дѣйствовавшій все время существованія Московскаго Государства. Несомнѣнно, въ немъ рушилась удѣльная старина и обычаи «переставлялись», какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ сторонахъ Государева быта. Но это вызывалось указанными выше государственными соображеніями и потому нисколько не подтверждало правильности мнѣнія нѣкоторыхъ бояръ, вродѣ извѣстнаго Берсеня Беклемишева, будто Московскіе Самодержцы перемѣняли старые обычаи ко вреду земли. Тамъ, гдѣ государственныя цѣли того не требовали, Московскій Самодержецъ твердо держался старины. Чинъ Государевой свадьбы не подвергся измѣненію и совершался по старинному русскому обычаю, въ которомъ сохранились нетронутыми черты глубочайшей, еще дохристіанской древности. Дошедшее до насъ описаніе второй женитьбы великаго князя Василія Ивановича на княжнѣ Еленѣ Глинской открываетъ всю истовость обрядовой стороны жизни великокняжескаго двора, ея вѣрность обычаямъ народнаго быта* во всей ихъ чистотѣ, какъ они вылились изъ любезной русской старины безъ примѣси чуждыхъ народному духу иноземныхъ новшествъ.

Рис. 158. Иконное изображеніе великокняжеской четы въ одѣяніи XIV вѣка.
Изъ коллекціи Абати въ гор. Бергамѣ (Италія), (по рисунку Pacquémins).

* См. Домострой, изд. Императорскаго Общ. Ист. и Древн. Росс., 1882 г. Чины свадебные, стр. 166—202.

Свадьба великаго князя Василія Ивановича 21 января 1526 года.

Свадьба великаго князя состоялась спустя какіе-нибудь два мѣсяца послѣ развода его съ первой, добродѣтельной, но неплодной супругой Соломоніей и насильственнаго ея постриженія. Несмотря на почти всеобщее сочувствіе къ несчастной жертвѣ государственной необходимости и недовольство бояръ выборомъ новой супруги изъ семьи чужеземцевъ и измѣнниковъ Глинскихъ, великій князь пожелалъ обставить свое бракосочетаніе съ полной торжественностью, при участіи своего многочисленнаго двора, съ соблюденіемъ всѣхъ свадебныхъ обрядовъ—«оженися, яко лѣпо бѣ царемъ женитися».

Ко дню бракосочетанія были сдѣланы соотвѣтствующія приготовленія: составлены списки участниковъ торжества, предназначенныя для него палаты наряжены согласно свадебному уставу, заготовлены всѣ требуемые обрядами предметы.

Участвующіе въ обрядѣ. Посаженымъ назначенъ былъ Государевъ братъ Юрій Ивановичъ, тысяцкимъ—другой его братъ, Андрей Ивановичъ. Дружками—со стороны жениха князь Димитрій Ѳедоровичъ Бѣльскій съ княгинею и Михайло Юрьевичъ Захарьинъ; со стороны невѣсты—князья Михаилъ Васильевичъ, да Борисъ Ивановичъ Горбатовы съ княгинями. Свахами—жена князя Ивана Васильевича Шуйскаго, княгиня Авдотья, да Юрьева жена Малаго, Варвара.

Собирать дѣтей боярскихъ и вѣдать ихъ приказано окольничьимъ: Ивану Ляцкому, Василью Яковлеву, князю Ивану Палецкому, князю Андрею княжь Петрову сыну Великаго, да съ нимъ дьяку Аѳанасью Курицыну.

Завѣдывать списками всѣхъ участниковъ церемоніи и ходить на приказъ къ великому князю поручено дьякамъ: Меншому Путятину да Трифону.

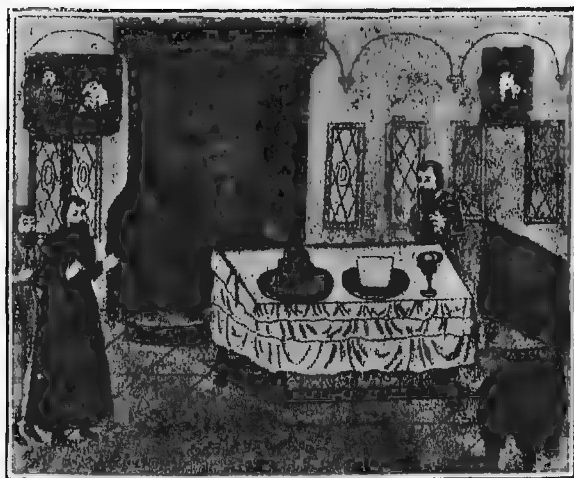

Рис. 159. Чертожное мѣсто. На столъ постлано три скатерти и положены перепеча, сыръ и солоница.

Свадебный нарядъ палатъ. Въ Средней (Золотой) палатѣ наряжено мѣсто, обитое бархатомъ и камками. На сидѣнія, приготовленныя на этомъ мѣстѣ, положены два шитыхъ изголовья, покрытыя каждое «сорокомъ соболей». Третій сорокъ соболей приготовленъ для опахиванія жениха и невѣсты. Передъ мѣстомъ поставленъ столъ, покрытый скатертью, на столѣ—калачи и соль.

Сѣнникъ, предназначенный для спальной новобрачныхъ, какъ покой, на потолокъ котораго не было, подобно остальнымъ, насыпано земли (напоминаніе о смерти), убранъ по стѣнамъ запонами (завѣсами). Въ четырехъ его углахъ воткнуты стрѣлы, на нихъ повѣшены по сороку соболей и по калачу. На лавкахъ поставлено по оловенку (кружкѣ) меду. Постель помѣ-

щенная на правой сторонѣ отъ входа, постлана на тридевяти ржаныхъ снопахъ * въ знакъ изобилія; у постели, въ головахъ, поставлена кадь съ пшеницею и положены двѣ подушки и шапки, а въ ногахъ, на коврѣ, одѣяло кунье, да шуба, накрытая простынею.

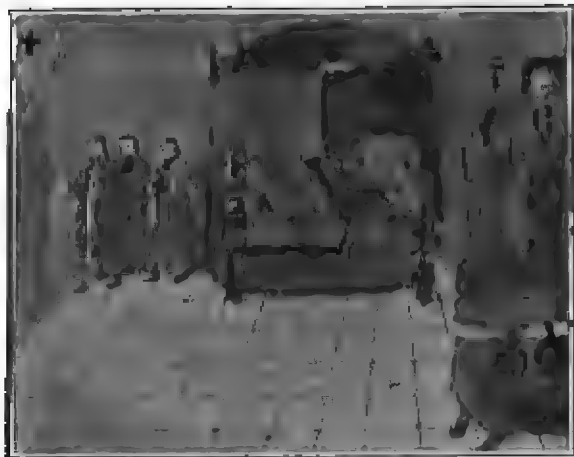

Рис. 160. Сѣнникъ. Брачная постель на снопахъ. Свѣчи поставлены въ кадь съ пшеницею.

Рис. 161. Свѣчи (Государева—три пуда, Государыни—два пуда), съ чеканными золочеными обручами.

Поставлены иконы: передъ постелею, въ головахъ, два Рождества—Рождество Христово и Рождество Пречистой Богородицы, да Крестъ «Воздвигательный». У стѣнъ четыре иконы Богоматери съ Младенцемъ, богато усыпанныя драгоцѣнными камнями, обложенныя сканью, вѣнцами, подбитыя сзади убрусомъ изъ красной тафты съ золотомъ, саженной жемчугомъ съ дробяницами. На двери изнутри и снаружи и надъ окнами сѣнника водружены кресты.

Кромѣ того, въ Сѣнникѣ и его сѣняхъ на каждой стѣнѣ повѣшено еще по одной иконѣ.

Обрядовые свадебные предметы. Къ вѣнчанію заготовлены: двѣ вѣнчальныя свѣчи и одна свѣча ** Богоявленская, отъ которой полагалось эти свѣчи зажигать. А также

Рис. 162. Фонари со свѣчами.

Рис. 163. Караваи съ пѣнязьми.

* Снопы ставились стоймя и покрывались ковромъ, сверхъ котораго стлалась постель.

** По большому чину свадебному полагалась свѣча въ пудъ съ четвертью. Чтобы ее держать надѣвалась черезъ плечо шелковая или бархатная перевязь.

еще совершенно новая свѣча, зажженная и поставленная въ фонарѣ для зажиганія свѣчи Богоявленской.

Двѣ золотыя мисы, въ трехъ углахъ которыхъ былъ насыпанъ хмѣль для осыпанія молодыхъ и положено по девяти соболей, да по девяти платковъ бархатныхъ и камчатныхъ и атласныхъ съ золотомъ и безъ золота, одноцвѣтныхъ, мѣрою въ 4 на 5 вершковъ, да по девяти пѣнязей* величиною съ золотой.

Короваи, положенные каждый на блюдо съ тридевятью пѣнязей большихъ, величиною по два гроша.

Свадебные обряды. Рано утромъ эти короваи и свѣчи были принесены въ Наугольную палату, выходящую окнами къ Успенскому Собору.

Съ утра же всѣ начали наряжаться къ предстоящей церемоніи вѣнчанія и собираться во дворецъ, во всѣхъ входахъ и выходахъ котораго, какъ мы видѣли раньше, были разставлены люди для охраны.

Великій князь «нарядясь» пошелъ въ Столовую брусяную избу, сѣнями соприкасающуюся съ Средней Золотой палатой, и сталъ ожидать прихода туда невѣсты, которую послалъ извѣстить.

Невѣста, ожидавшая этого извѣщенія, двинулась изъ своихъ покоевъ вмѣстѣ съ женою тысяцкаго,** свахами и боярышнями.

Передъ нею несли свѣчи и короваи, взятые изъ Наугольной палаты. А впереди всѣхъ шли бояре. Шествіе это прошло по Боярской площадкѣ, повернуло направо къ Красному Крыльцу и въ сѣни Средней Золотой палаты.

Въ Золотой палатѣ. Когда пришли въ Золотую палату, невѣста сѣла на приготовленное ей мѣсто, а на великокняжеское мѣсто посадила меньшую свою сестру, княжну Настасью Глинскую.

Рядомъ, налѣво, стоя со свѣчами и короваями, расположились жена тысяцкаго и свахи.

За большимъ столомъ сѣли назначенныя къ тому боярыни: «князь Ѳедора Ивановича Бѣльскаго княгиня Анна, князь Семенова Холмскаго княгиня Марья, да Юрьева Захарьина жена Варвара, да Петрова Яковлева жена Анна, да Михайлова Юрьева жена Ирина.»

Когда боярыни усѣлись, извѣстили о томъ великаго князя, и онъ приказалъ итти въ Среднюю палату брату своему Юрію Ивановичу. Тотъ, придя, сѣлъ на «большомъ мѣстѣ» и разсадилъ по мѣстамъ бояръ и дѣтей боярскихъ. У изголовья великаго князя сталъ Василій Шереметевъ, у изголовья невѣсты—князь Александръ Кашинъ.

Послѣ этого князь Юрій Ивановичъ послалъ къ великому князю боярина большого съ рѣчью: «Князь великій, Государь, князь Юрья Ивановичь велѣлъ тебѣ говорить: веземъ Бога на помочь, время тебѣ Государю иттить къ своему дѣлу.»

---

* Свадебные *пѣнязи* чеканились въ Москвѣ особо передъ каждою свадьбою и изготовлялись въ двухъ видахъ: большіе—размѣромъ «гроша з два» и малые—величиною съ угорскій золотой «или мала меньши». Съ одной стороны они имѣли изображеніе и были позолочены, съ другой оставались «бѣлы (серебряные) и гладки». (Подробнѣе о пѣнязяхъ см. *Н. П. Лихачевъ.* Пѣнязи великокняжескихъ и царскихъ свадьбъ. Труды Моск. Нумизмат. Общ. Т. I, стр. 103—108).

** Тысяцкій—братъ великаго князя, Андрей Ивановичъ, женился лишь въ 1543 г., слѣдовательно, званіе жены тысяцкаго получила для этой церемоніи одна изъ боярынь, которая—неизвѣстно.

Тогда великій князь двинулся въ Среднюю палату съ тысяцкимъ и съ боярами и «со всѣмъ поѣздомъ».

Придя въ нее, поклонился святымъ иконамъ, подошелъ къ своему мѣсту, свелъ съ него княжну Настасью и сѣлъ самъ. Посидѣвъ немного, велѣлъ священнику читать молитву.

Зажгли Богоявленскою свѣчею вѣнчальныя свѣчи, возложили на нихъ обручи и обогнули соболями; жена же тысяцкаго стала расчесывать голову жениху и невѣстѣ гребнемъ, послѣ чего на невѣсту надѣли кику и навѣсили покровъ, а жена тысяцкаго стала осыпать жениха и невѣсту хмѣлемъ и деньгами, а послѣ осыпанья—опахивать сорокомъ соболей.

Потомъ дружка великаго князя, благословясь, началъ рѣзать перепечу и сыры, поставилъ ихъ на блюдахъ предъ женихомъ и невѣстой и во всѣ столы, дружка же невѣсты подалъ ширинки. Посидѣвъ немного, великій князь всталъ и всѣ отправились въ Успенскій Соборъ.

Свадебный поѣздъ въ Успенскій Соборъ. У Краснаго крыльца великій князь сѣлъ на коня—впереди шли Михаилъ Юрьевъ, да князь Михаилъ Кубенскій Шигона Поджогинъ, за нимъ братья великаго князя, тысяцкій, бояре и дѣти боярскіе.

Невѣста слѣдовала въ саняхъ съ женою тысяцкаго и большими свахами, остальныя свахи—въ другихъ саняхъ; далѣе шли бояре, дѣти боярскіе и дьяки. У саней шли окольничій Михаилъ Васильевичь Тучковъ съ дьякомъ Елизаромъ Цыплятевымъ, за санями—Яковъ Мансуровъ, да Балабанъ Кувшиновъ.

Рис. 164. Возвращеніе изъ Успенскаго Собора послѣ вѣнчанія.

Передъ санями несли свѣчи и короваи.

Свѣчу жениха несъ Петръ Одолба княжъ Ивановъ сынъ Нѣмого, да Иванъ Семеновъ сынъ Карпова. Свѣчу невѣсты—Василій Лошка Семеновъ сынъ Карповъ, да Иванъ Горенскій. Надъ свѣчами несли фонари—надъ свѣчою жениха Володя Васильевъ, сынъ Поплевина, да Иванъ Ѳедоровъ, сынъ Карповъ. Надъ свѣчею невѣсты—Олешка да Васюкъ Михайловы, дѣти Нагова.

Вино въ скляницѣ къ вѣнчанію несъ князь Кубенской. Коровай жениха—Игнатій Жулебинъ, да Иванъ Михайловъ, сынъ Тютуевъ, да Василій Волынскій, да Михалецъ Нагой. Коровай невѣсты—Василій Михайловъ сынъ Тютуевъ, да Семенъ Жулебинъ,

Рис. 165. Возвращеніе послѣ вѣнчанія изъ Успенскаго Собора. Молодые всходятъ по Красной Лѣстницѣ.

да Ѳедька Нѣмой Михайловъ сынъ Нагой, да Юшка княжъ Ивановъ сынъ Кашинъ. Изголовье жениха — князь Андрей княжъ Ивановъ сынъ Холмскій, изголовье невѣсты — Иванъ Михайловъ, сынъ Юрьевъ Захарьичъ. Скамью и коверъ принесли въ церковь Баканъ да Чудинъ Митрофановы, дѣти Корочаровы, да данные имъ истопники.

Вмѣстѣ со всѣми изъ Средней палаты ушли и сестра невѣсты, княжна Настасья, съ боярышнями, но не въ Соборъ, а въ хоромы великой княгини.

Свадебный поѣздъ направился къ южнымъ дверямъ Успенскаго Собора, выходящимъ на площадь. Тамъ женихъ—великій князь сошелъ съ коня, а невѣста вышла изъ саней, и всѣ взошли въ храмъ.

Въ Успенскомъ Соборѣ. Великій князь сталъ близъ митрополичьяго мѣста, у праваго столба Собора, а княжна у лѣваго. У другого лѣваго столба поставили покрытую ковромъ скамью съ двумя на ней красными изголовьями.

Когда брачующіеся двинулись къ вѣнчанію, дружки постлали подъ ихъ ноги камку и сорокъ соболей. Митрополитъ, окончивъ обрядъ вѣнчанія, подалъ великому князю и великой княгинѣ склянку съ виномъ. Выпивъ изъ нея вино, великій князь ударилъ склянку о землю и растопталъ ее ногою, не позволивъ давить стекло никому другому. Затѣмъ повѣнчанные, сѣвъ на скамью, принимали поздравленія митрополита и всѣхъ присутствовавшихъ при пѣніи многолѣтія на обоихъ клиросахъ.

Молодые во дворцѣ. Выйдя изъ церкви, великій князь сѣлъ на коня и сталъ объѣзжать монастыри, а великая княгиня поѣхала въ саняхъ въ свои хоромы.

Когда она вышла изъ саней, на ея мѣсто сѣлъ ясельничій и отъѣхалъ на конюшню.

А свѣчи и короваи понесли въ сѣнникъ къ постели и поставили ихъ около постели въ головахъ въ кадь съ пшеницею на три дня, (по истеченіи которыхъ обѣ свѣчи полагалось «соскати и повити» въ церкви).

Объѣздивъ монастыри, великій князь послалъ вѣсть къ великой княгинѣ, и она изъ своихъ хоромъ пришла къ свадебному столу со всей своей свитой, занявшей свои мѣста.

Великій же князь впередъ послалъ за столъ съ боярами и дѣтьми боярскими князя Юрія Ивановича, чтобы онъ разсадилъ ихъ по столамъ, однихъ—на окольничевъ столъ, а другихъ—на кривой. Когда всѣ собрались, пріѣхалъ самъ великій князь.

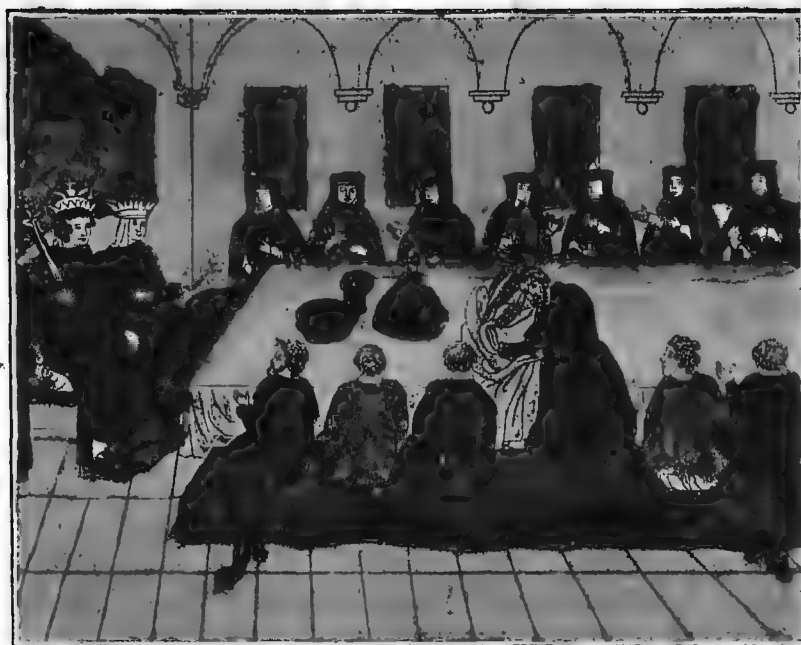

Рис. 166. Государевъ дружка обертываетъ куря верченое скатертью, чтобы отнести его въ сѣнникъ.

Онъ сошелъ съ коня и велѣлъ сѣсть на него своему конюшему, князю Ѳедору Васильевичу Телепневу и ѣздить съ саблей на голо все время обѣда и всю ночь вокругъ подклѣта опочивальни.

Когда, войдя въ палату, великій князь сѣлъ на свое мѣсто, и всѣ расположились также по своимъ мѣстамъ, предъ молодыми поставили *куря* печенаго, и большой дружка, обернувъ его вмѣстѣ съ блюдомъ скатертью, отнесъ къ постели новобрачныхъ.

Послѣ стола великая княгиня съ тысяцкимъ, дружкой и со всѣми свахами ушла въ особую палату.

У дверей этой палаты молодая была выдана съ рукъ на руки великому князю и бояринъ, кому это было поручено, говорилъ молодымъ рѣчь.

Рис. 167. Выдаваніе молодой передъ отходомъ въ сѣнникъ. Жена тысяцкаго въ шубѣ мѣхомъ наружу съ блюдомъ хмѣля.

Когда они пришли къ постели, жена тысяцкаго, надѣвъ двѣ шубы: одну какъ слѣдуетъ, другую — на изнанку, стала осыпать ихъ хмѣлемъ, потомъ свахи и дружки кормили ихъ курицей.

Въ эту первую ночь у постели были слѣдующія лица:

Бояре—князь Иванъ Васильевичъ Нѣмой Телепневъ, да князь Семенъ Димитріевичъ Серебряный.

Боярыни—Марья Григорьева, жена Ѳедоровича, Елена Ивановна, жена Андреевича, Аграфена Васильева.

Рис. 168. Свадебный пиръ въ Грановитой Палатѣ. За большимъ столомъ бояре и боярыни сидячіе.

Дѣти боярскіе—князь Борисъ Щепинъ, князь Петръ Репнинъ, князь Осипъ Тростенскій, князь Иванъ Овчина княжъ Ѳедорова сынъ Телепнева, Костя да Дмитрій Курлятевы.

На обязанности ихъ было стлать постель.

Дьяки— Меньшой Путятинъ да Трифонъ.

У постели спалъ любимецъ великаго князя князь Михайло Кубенскій-Шигона-Поджогинъ. Для разсылокъ были приставлены князь Иванъ Нѣмой, Левка Мансуровъ, Ѳедька да Петрокъ да Ивашка Григорьевы дѣти Мансуровы, Василей князь Борисовъ сынъ Констентинова, Сенька Овцынъ, Ванько Забурохинъ и Ванька Козариновъ.

Утромъ, на слѣдующій день, молодые мылись въ мыльнѣ, послѣ чего ихъ у постели кормили, по обычаю, кашей.

Это омовеніе совершалось также какъ обрядовое дѣйствіе, и къ нему были назначены особыя лица.

Топить мыльню и быть при ней было поручено Андрею Квашнину да Казарину Борукову; у воды быть—Ѳедору Кокошкину, да Матвѣю Бурухину и двумъ подъячимъ; у платья великаго князя быть Ѳедору Кучецкому, да Ѳедору Мишурину; колпакъ держать—князю Ивану княжъ Ѳедорову сыну Телепневу; въ мыльнѣ мыться съ великимъ княземъ—князю Ивану Нѣмому, князю Михайлѣ Кубенскому, Казарину Бурунову, князю Ивану Овчинѣ княжъ Ѳедорову сыну Телепневу; съ платьемъ бѣлымъ и съ поясами итти къ мыльнѣ—Ѳедору Кучецкому; у мыльни принять это

Рис. 169. Столованіе Государя въ сѣняхъ предъ сѣнникомъ, а Государыни— въ сѣнникѣ.

платье и подать великому князю — князю Петру Репнину, Борису Щепину и Димитрію Курлятеву.

Свадебное торжество 1526 года съ его внѣшней стороны. Такъ отпразднована была великокняжеская свадьба съ торжественностью и чинностью священнаго культа, бережно переданнаго отъ отцовъ, дѣдовъ, прадѣдовъ, пращуровъ, прапращуровъ, препрапращуровъ изъ невѣдомыхъ глубинъ сѣдой древности. Можно представить себѣ, какъ охотно исполнялись эти привычные, искони свои обряды, какъ вливалось постепенно веселье и непринужденность въ сердца пирующихъ, какіе разговоры, пѣсни, сказки и присказки, шутки и прибаутки оглашали въ ту ночь Московскія хоромы, куда перекинулась волна празднества вмѣстѣ съ возвратившимися изъ дворца гостями.

Рис. 170. Кормленіе Молодыхъ кашей.*

Чтобы вообразить себѣ описанное торжество съ его внѣшней стороны, надо принять во вниманіе, что во времена Василія Ивановича роскошь въ одеждѣ и забота о своей внѣшности достигла въ русскомъ обществѣ размѣровъ порока, открыто осуждавшагося духовенствомъ.

Митрополитъ Даніилъ обращается къ современнымъ ему нарядникамъ съ такими словами: «Великій подвигъ творишь, угождая блудницамъ, платье перемѣняешь, сапоги у тебя яркаго краснаго цвѣта, чрезвычайно узкіе, такъ что сильно жмутъ ноги; блистаешь, скачешь, ржешь какъ жеребецъ, волосы не только бритвою вмѣстѣ съ тѣломъ сбриваешь, но и щипцами съ корнемъ исторгаешь, позавидовавши женщинамъ, мужское

*) Рисунки №№ 159—170 съ рукописи XVI вѣка: «Описаніе въ лицахъ торжества, происходившаго въ 1626 года февраля 5, при бракосочетаніи государя и царя и великаго князя Михаила Θеодоровича съ государынею царицею Евдокіею Лукьяновною, изъ рода Стрѣшневыхъ». Подлинникъ собственность кн. Е. Θ. Шаховской-Глѣбовой-Стрѣшневой; двѣ рукописныя копіи въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, (напечатаны Бекетовымъ въ 1810 году).

свое лице на женское претворяешь, моешься, румянишься, душишься, какъ женщина.... Какая тебѣ нужда носить сапоги шелкомъ шитые, перстни на пальцахъ надѣвать? какая тебѣ выгода тратить время надъ птицами? какая нужда множество псовъ имѣть? какая похвала на позорище ходить? Мы не только носимъ шитые шелкомъ сапоги, но даже подъ рубашкой, гдѣ никто не видитъ, нѣкоторые носятъ дорогіе пояса съ золотомъ и серебромъ.»

Герберштейнъ, описывая одежды русскихъ, говоритъ, что «рубашки у всѣхъ почти разукрашены около шеи разными цвѣтами, застегиваютъ ихъ запястіями или шариками серебряными или мѣдными вызолоченными, присоединяя ради украшенія жемчугъ»; что во время великокняжескаго обѣда, къ которому онъ былъ приглашенъ, прислужники за столомъ были «одѣты въ терлики, тяжелые отъ драгоцѣнныхъ камней и жемчуговъ.»

Приведенныя свидѣтельства даютъ основаніе представить себѣ свадебное торжество 21 января 1526 года, какъ зрѣлище рѣдкостной красоты и великолѣпія. Вся Москва украсилась въ этотъ день Государевой радости; Кремль наполнился живописной толпой, разодѣтой въ праздничныя одежды и уборы. Кремлевскій дворецъ преобразился въ выставку драгоцѣнныхъ вещей и нарядовъ, блистательное торжище пышности и тщеславія — бояре въ роскошныхъ узорочныхъ, парчевыхъ и шелковыхъ шубахъ съ широкими отворотами изъ красивѣйшихъ и цѣннѣйшихъ мѣховъ; боярыни въ платьяхъ изъ драгоцѣнныхъ тканей, шитыхъ серебромъ и золотомъ, расцвѣченныхъ шелками и унизанныхъ жемчугомъ, съ головными уборами, сверкающими алмазами и самоцвѣтными камнями; рынды въ бѣлыхъ атласныхъ одеждахъ съ серебряными топориками на плечахъ, казавшіеся иноземцамъ подобіемъ ангеловъ небесныхъ; придворнослужащіе въ разноцвѣтныхъ, изукрашенныхъ кафтанахъ. Вся эта пестрая и блестящая толпа среди дворцовыхъ палатъ, убранныхъ драгоцѣнными коврами и завѣсами, заставленныхъ золотыми и серебряными сосудами, создавала картину исключительной силы и яркости. Особенно красиво и величественно было торжественное слѣдованіе свадебнаго поѣзда черезъ Красное Крыльцо въ Успенскій Соборъ — все то, что̀ восхищало взоръ, даже взятое отдѣльно, придя въ соприкосновеніе и тѣсно перемѣшавшись, слилось въ цѣлый потокъ блеска и великолѣпія.

Сохранность свадебнаго обряда въ быту Московскихъ Государей. Свадебные обряды, исполненные при бракосочетаніи Василія Ивановича, оставались цѣлы и нерушимы при дворѣ Московскихъ Государей не только въ XVI-мъ столѣтіи. Первая свадьба царя Алексѣя Михайловича является точнымъ ихъ повтореніемъ съ прибавленіемъ несущественныхъ подробностей. Всѣ обрядовые дѣйствія и предметы были сохранены въ неизмѣнности: изголовья, свѣчи, фонари, короваи, сыры, перепеча, куря жареный, кадь съ пшеницей и все убранство сѣнника, осыпаніе молодыхъ, выдаваніе новобрачной въ дверяхъ, ѣзда конюшаго всю ночь съ мечемъ наголо вокругъ подклѣта сѣнника, мытье въ мыльнѣ, кормленіе кашей — все уцѣлѣло во всей неприкосновенности. Одно только обрядовое русское размашистое движеніе уступило духу бережливости: въ церкви, послѣ отпитія вина изъ скляницы, она не была разбита и растоптана, но бережно отнесена въ алтарь.

Пріемъ иноземныхъ пословъ при Московскомъ дворѣ.

Церемоніалъ пріема Московскимъ дворомъ иноземныхъ пословъ не ограничивался аудіенціями и не сосредоточивался въ одномъ Кремлевскомъ дворцѣ: онъ охватывалъ все пребываніе ихъ въ предѣлахъ Московскаго Государства.

Прибытіе пословъ въ Москву. При приближеніи посольства къ Московской границѣ изъ пограничнаго города на встрѣчу ему высылался приставъ, который сопровождалъ пословъ до Москвы, въ теченіи всего пути заботился объ ихъ помѣщеніи, «кормѣ», и наблюдалъ, чтобы все дѣлалось согласно установленному порядку. О всемъ необычномъ, напримѣръ, при какомъ-либо недоразумѣніи съ послами, приставъ обязанъ былъ доносить въ Москву и ожидать оттуда соотвѣтствующихъ предписаній.

Изъ Москвы дѣлались указанія о томъ, какъ ѣхать—то скоро, то медленно, то совсѣмъ остановиться, въ зависимости отъ обстоятельствъ—для того, чтобы посольство прибыло въ Москву къ опредѣленному дню.

Приблизившись къ Москвѣ, посольство останавливалось на «подхожемъ стану» и туда посылался особый приставъ (одинъ, два или три), назначенный состоять при посольствѣ все время пребыванія его въ столицѣ. Въѣздъ въ Москву совершался какъ церемоніальное шествіе и былъ обставленъ болѣе или менѣе торжественно, соотвѣтственно съ достоинствомъ Государя, пославшаго посольство, цѣлью его и знатностью лицъ, его составлявшихъ. Къ посламъ высылались придворные экипажи, лошади и особыя лица, которыя должны были привѣтствовать ихъ отъ имени Государя. Улицы, по которымъ посольскій поѣздъ слѣдовалъ до назначеннаго ему помѣщенія, были прибраны, по обѣимъ сторонамъ ихъ стояли войска—каждый полкъ и каждая сотня въ одеждѣ особаго цвѣта, и приказные люди въ парадномъ цвѣтномъ платьѣ*. Московскій дворъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы столица показалась иноземцамъ нарядною и многолюдною, дабы поразить ихъ могуществомъ и силою.

Несомнѣнно, съ тою же цѣлью—показать свое богатство и обиліе, посольству предоставлялось богатое содержаніе, на которое иногда, въ виду многочисленности сопровождавшихъ посла людей, выходило громадное количество припасовъ.

Напримѣръ, въ 1566 году Литовское посольство состояло изъ 3-хъ пословъ (Хоткевича, Тишкевича и Гарабурды) и 9-ти королевскихъ дворянъ; съ ними прибыло 906 людей и 1289 лошадей. Польскій посолъ Левъ Сапѣга въ 1600 году пріѣхалъ со 140 чиновниками, 300 слугами, 440 конюхами и кучерами. Въ продолженіе всего его пребыванія въ предѣлахъ Россіи, съ 28 сентября 1600 года по августъ 1601 года, на содержаніе этого посольства отпускалось ежедневно:

«15 быковъ, 30 овецъ, 20 половинокъ свиного сала, 1 живая свинья, 10 зайцевъ, 4 тетерева, 10 гусей, 18 утокъ, 67 куръ, 550 пшеничныхъ хлѣбовъ, 1000 аржаныхъ хлѣбовъ, 1 пудъ коровьяго масла, 1½ пуда меду, 1½ пуда соли, 520 яицъ, 4 ведра сливокъ, 2 ведра уксуса, 2 кадки крупъ, 2 кадки гороху, 2 кадки муки, 50 восковыхъ свѣчей, 100 сальныхъ свѣчей, 75 возовъ дровъ, 130 кадокъ овса, 130 возовъ сѣна, 75 возовъ соломы, соотвѣтственное количество вина, меду, пива, водокъ, пряностей, кореньевъ и пр. Цѣны на продукты въ то время, несмотря на голодъ, были слѣдующія: яловица—60 коп., баранъ—7½ коп., 9 курицъ—2½ коп., полоть ветчины—12 коп., 100 яицъ—5 коп., 1 ф. масла—1½ коп., ведро сметаны—5 коп., пудъ соли—10 коп., четверикъ крупъ—4 коп.» (Исторія Россіи кн. Щербатова VII, 1 ч. стр. 150, прим.).

---

* До половины XVI-го вѣка посольскими дѣлами завѣдывали Государевы казначеи, а канцелярская дипломатическая работа производилась въ Казенномъ Приказѣ. Особая посольская изба упоминается впервые въ 1549 году. Около этого времени и само дѣлопроизводство по посольскимъ дѣламъ сосредоточилось въ рукахъ особаго посольскаго дьяка. Въ концѣ XVI-го вѣка назначеніемъ стрѣльцовъ и приказныхъ людей для посольскихъ въѣздовъ сталъ завѣдывать Разрядный Приказъ.

Рис. 171. Въѣздъ въ Москву Австрійскаго посольства 19 апрѣля 1698 года.

[Дневникъ путешествія въ Московію чрезвычайнаго посла Императора Леопольда I, Игнатія де Гваріента, веденный секретаремъ посольства Георгомъ Корбомъ].

Впрочемъ, содержаніе посольства, какъ и обхожденіе съ нимъ, рѣзко измѣнялись въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій со стороны государства, отъ котораго оно было прислано.

Дружественному посольству давалась стража для его охраны въ домѣ и во время хожденія по городу. Но посолъ не долженъ былъ никого посѣщать до того дня, пока не представится Государю.

Объ этомъ торжественномъ днѣ, когда посолъ удостоивался видѣть Государевы свѣтлыя очи, ему посылалось извѣщеніе заранѣе, чтобы онъ имѣлъ время подготовиться надлежащимъ образомъ.

«Наканунѣ этого дня,* пишетъ Герберштейнъ, явился самъ приставъ, говоря: «Со-«вѣтники нашего Государя поручили мнѣ извѣстить тебя, что ты завтра отправишься «къ нашему Государю.» Всякій разъ, какъ они звали насъ, при нихъ были толмачи.

«Въ тотъ же вечеръ возвращается толмачъ и говоритъ: «При-«готовься, такъ какъ ты будешь «позванъ предъ очи Государевы.» Точно также онъ возвращается и раннимъ утромъ, снова напоминая: «Сегодня ты будешь предъ очами «Государя.» Потомъ, по прошествіи едва одной четверти часа, являются равнымъ образомъ приставы каждаго изъ насъ со словами: «Вотъ, «вотъ сейчасъ явятся за вами боль-«шіе люди и поэтому вамъ надле-«житъ собраться въ одинъ и тотъ «же домъ.»

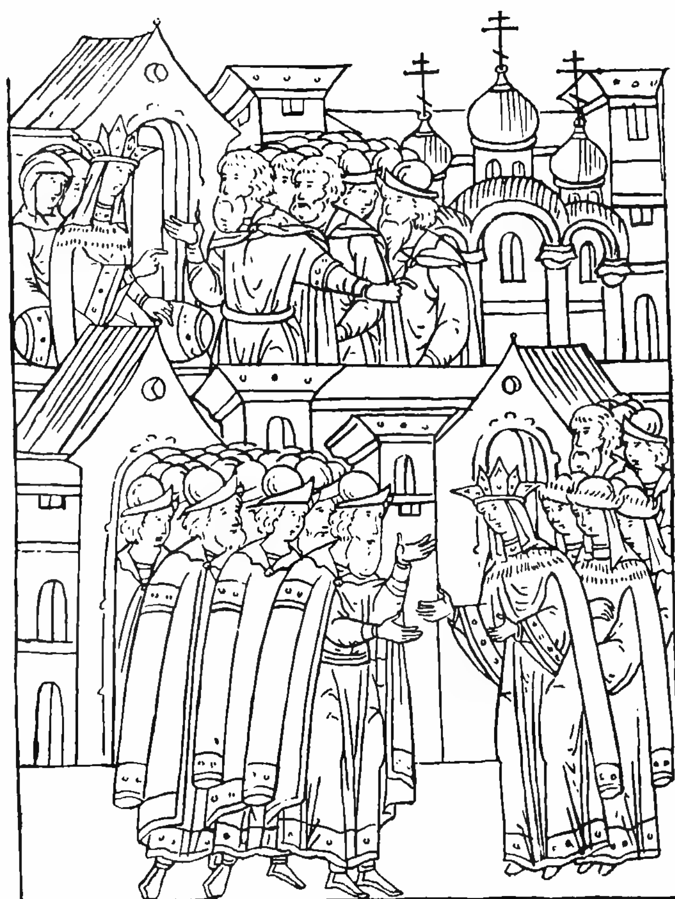

Рис. 172. Переговоры жены Шигъ-Алея царицы Фатьмы Салтанъ съ Московскими боярами объ царской аудіенціи.

[Патріаршая Библіотека. Царственная Книга].

«Итакъ, когда я пришелъ къ Цесарскому послу (гр. Нугаролѣ), тотчасъ прилетаетъ толмачъ и говоритъ, что теперь близко большіе люди и притомъ именитые мужи Государевы, которые должны сопровождать насъ во дворецъ. Это былъ нѣкій князь Василій Ярославскій, соединенный узами кровнаго родства съ Великимъ Княземъ, а другой—одинъ изъ тѣхъ, которые принимали насъ отъ имени Государя; ихъ сопровождало очень много дворянъ. Между тѣмъ, наши приставы внушали намъ оказать почетъ тѣмъ большимъ людямъ и пойти имъ на встрѣчу. Мы отвѣчали имъ, что знаемъ лежащія на насъ обязанности и поступимъ сообразно съ ними.

* Графу Леонарду Нугаролѣ и спутнику его Сигизмунду Герберштейну, посламъ Карла V-го и брата его эрцгерцога Фердинанда, пріемъ было назначенъ 1-го мая 1526 года.

«Когда они уже слѣзли съ лошадей и входили въ гостинницу, гдѣ остановился графъ, приставы неоднократно настаивали выйти имъ на встрѣчу и до извѣстной степени предпочесть, въ оказаніи почета, ихъ Государя нашимъ владыкамъ.

«Мы же, тѣмъ временемъ, пока они поднимались, выдумывали то одну задержку, то другую и, замедливъ такимъ образомъ встрѣчу, вышли къ нимъ какъ разъ на среднихъ ступеняхъ.»

Рис. 173. Въѣздъ въ Москву Голландскаго посла Конрада ванъ Кленка въ 1675 году.

[Изъ описанія его путешествія изд. 1677 г.]

Такія столкновенія между послами и представителями Московскаго Государя происходили постоянно, причемъ, чтобы не унизить чести своего государя, они тягались между собою изъ-за всякой мелочи. Гдѣ не помогала настойчивость, прибѣгали къ хитрости. Герберштейнъ въ первое свое посольство (1517 г.) при встрѣчѣ близъ Москвы съ «большимъ человѣкомъ» Государя (Тимофеемъ Хлуденевымъ) послѣ безплоднаго спора, кому первому сойти съ лошади, сдѣлалъ видъ, что хочетъ уступить и вынулъ ногу изъ стремени. Видя это, Хлуденевъ тотчасъ же спустился на землю, Герберштейнъ же задержался и такимъ образомъ оказался какъ-бы важнѣе Русскаго. * Теперь Герберштейнъ намѣревался опять схитрить и заставить оказать себѣ большій почетъ: пріѣхавшихъ за нимъ онъ пригласилъ въ свое помѣщеніе, якобы для отдыха, но Русскіе во время сообразили, какой это будетъ имѣть видъ, и наотрѣзъ отказались.

* Этотъ урокъ не прошелъ даромъ. Русскій приставъ, при встрѣчѣ англійскаго посла графа Карлейля (1664 г.), началъ слѣзать съ лошади одновременно съ нимъ, затѣмъ приказалъ себя подержать на рукахъ и коснулся ногами земли послѣ Карлейля, неожидавшаго такой хитрости.

Посольскій поѣздъ въ Кремль. «Князь Ярославскій сказалъ: «Великій Государь (вычитывая титулъ полностью) повелѣлъ вамъ явиться къ нему». Тогда всѣ сѣли на лошадей и двинулись въ Кремль въ сопровожденіи собравшейся большой толпы.

До конца XVI-го вѣка послы ѣздили во дворецъ всегда верхомъ; слѣдованіе въ экипажѣ являлось настолько исключительнымъ случаемъ, что это отмѣчалось въ посольскихъ записяхъ.

О пріѣздѣ цесарскаго посла въ 1597 году отмѣчено, что онъ «ѣхалъ ко Государю на дворъ въ возку въ нѣмецкомъ въ непокрытомъ, для того, что у него была болѣзнь въ ногахъ, камчюгъ, и онъ верхомъ ѣхать не могъ.»

Въ XVII вѣкѣ пріѣздъ пословъ ко двору совершался уже нерѣдко въ экипажахъ.

Когда посолъ везъ съ собою подарки, его поѣздъ представлялъ довольно живописную и любопытную картину.

Вотъ какъ описываетъ Олеарій движеніе посольскаго поѣзда въ Кремль 19 августа 1634 года: «Послѣ этого мы въ плащахъ, но безъ шпагъ (таковъ у нихъ обычай: никто со шпагою не смѣетъ явиться передъ его царскимъ величествомъ),* сѣли на коней и отправились къ Кремлю въ такомъ порядкѣ:

Сперва—36 стрѣльцовъ.

Нашъ маршалъ.

Три низшихъ гофъ-юнкера.

Другіе три гофъ-юнкера.

Коммиссаръ, секретарь и медикъ—въ одной шеренгѣ.

Далѣе слѣдовали княжескіе подарки, одинъ за другимъ; ихъ вели и несли русскіе. Подарки были слѣдующіе:

1. Вороной жеребецъ, покрытый красивою попоною.
2. Сѣрый въ яблокахъ меринъ.
3. Еще гнѣдая лошадь.
4. Конская сбруя, прекрасно выработанная изъ серебра, осыпанная бирюзою, рубинами и другими камнями; ее несли двое русскихъ.
5. Крестъ, длиною почти съ четверть локтя, изъ хризолитовъ, оправленныхъ въ золото; его несли на блюдѣ.
6. Дорогая химическая аптечка: ея ящикъ былъ изъ чернаго дерева, окованнаго золотомъ; баночки также изъ золота, обсаженнаго драгоцѣнными камнями; ее несли двое русскихъ.
7. Хрустальная кружечка, обитая золотомъ и осыпанная рубинами.
8. Большое зеркало, длиною въ 5 четвертей и шириною въ локоть, въ рамѣ изъ чернаго дерева, покрытаго толстыми литыми изъ серебра листьями и рисунками; его несли двое русскихъ.
9. Искусственная горка, съ боевыми часами, съ изображеніемъ при нихъ исторіи блуднаго сына въ подвижныхъ картинахъ.
10. Серебряный позолоченный посохъ со зрительною трубою въ немъ.
11. Большіе часы, вдѣланные въ черное дерево обитое серебромъ.

За этими подарками шли два камеръ-юнкера, которые въ вытянутыхъ рукахъ держали вѣрительныя грамоты.

Далѣе ѣхали оба г.г. посла между приставами, передъ которыми ѣхали два толмача.

Рядомъ съ послами шли четыре лакея, а за ними—прислуживающіе отроки или пажи.

Улица, по которой должны были проѣзжать послы во дворецъ, приводилась въ праздничный видъ—по обѣ стороны ея были разставлены тѣсно, плечо къ плечу, стрѣльцы «съ ружьемъ, съ знамены и съ барабаны», въ служиломъ цвѣтномъ платьѣ. За строемъ стрѣльцовъ стояли густыя толпы народа—зрители тѣснились во всѣхъ переулкахъ, домахъ и на крышахъ. Обыкновенно при этомъ шествіи посольства во дворецъ на встрѣчу ему изъ Кремля неслись во весь карьеръ посланцы съ указаніемъ приставамъ какъ ѣхать, ускорять или замедлять движеніе или совсѣмъ останавливаться, «для того, чтобы Государю не пришлось сѣсть на тронъ для аудіенціи ни раньше, ни позже прибытія пословъ» (Олеарій).

---

* Обычай, запрещающій являться предъ царемъ съ оружіемъ, засвидѣтельствованный и другими путешественниками (Петреемъ и барономъ Мейербергомъ), свое происхожденіе беретъ отъ татаръ, у которыхъ, какъ говорятъ Плано Карпини и Рубруквисъ, пословъ при входѣ въ ставку хана даже обыскивали, съ цѣлью удостовѣриться въ отсутствіи у нихъ ножей и другого оружія.

Въ 1566 году пристава сообщили, что Литовскіе послы вмѣсто того, чтобы выѣхать въ предположенное время, отправились раньше слушать обѣдню «въ сушилѣ у своихъ поповъ». Государь «съ бояры поговорилъ:.... у прежнихъ пословъ того въ обычаѣ не было» и..... «то они дѣлаютъ не по пригожему, что Государь пословъ долго ждетъ» и..... поэтому рѣшили: «Государю слушати обѣдни у Благовѣщенія, а посломъ пріѣхати на дворъ и итти въ палату и дожидаться того, какъ у Государя обѣдню отпоютъ.»

Во время проѣзда Герберштейна стеченіе народа было таково, что при въѣздѣ въ Кремль посольскій поѣздъ едва могъ пробраться сквозь огромныя толпы «съ великими трудами и стараніями тѣлохранителей».

«Возлѣ воротъ, говоритъ Герберштейнъ, стояли граждане, а солдаты и служилые люди занимали площадь. Они сопровождали насъ пѣшкомъ, шли впереди и, остановившись, препятствовали намъ добраться до дворцовыхъ ступеней и тамъ слѣзть съ коней, ибо сойти съ коня вблизи ступеней не дозволяется никому, кромѣ Государя.»

Въ XVI-мъ вѣкѣ были случаи, когда послы пріѣзжали не прямо во дворецъ, а дожидались выхода царя въ пріемную палату сначала на Казенномъ дворѣ. Въ этихъ случаяхъ они слѣзали съ коней, не доѣзжая до самаго Казеннаго двора. Иногда ожидать приходилось въ Посольской избѣ, и тогда они слѣзали около Казанской избы. Подойти къ крыльцу пѣшкомъ считалось долгомъ вѣжливости.

Рис. 174. Встрѣча царицы Фатьмы Салтанъ у лѣстницы Кремлевскаго дворца.
[Патріаршая Библіотека. Царственная Книга.]

Въ 1566 году Литовскій гонецъ Загоровскій хотѣлъ непремѣнно выйти изъ саней у самой лѣстницы дворца «споровался о томъ съ приставомъ голомя» (много, очень) и пробовалъ ѣхать къ лѣстницѣ «сильно», но стоявшіе стрѣльцы не пустили его. За это ему не было сдѣлано никакой встрѣчи и на аудіенціи царь «къ рукѣ его не звалъ, потому что онъ пріѣхалъ на дворъ невѣжливо и изъ саней противъ Казеннаго Двора долго не вышелъ, а хотѣлъ ѣхати къ лѣстницѣ сильно.»

Герберштейнъ остановился, какъ полагалось, у Казеннаго двора, и входилъ во дворецъ черезъ папертъ Благовѣщенскаго Собора и слѣдовалъ далѣе по лѣстницѣ.

Встрѣча пословъ при ихъ прїѣздѣ во дворецъ. «Какъ только мы поднялись на средину ступеней, говоритъ онъ, встрѣчаютъ насъ нѣкоторые совѣтники Государевы, подаютъ намъ руку, цѣлуются съ нами и ведутъ дальше. Затѣмъ, когда мы поднялись по ступенямъ, встрѣчаютъ насъ другіе, болѣе важные совѣтники, и когда первые удалились (ибо у нихъ существуетъ обычай, чтобы первые уступали слѣдующимъ и всѣмъ ближайшимъ по порядку и оставались на своемъ мѣстѣ, какъ въ назначенномъ имъ отдѣленіи), подаютъ намъ въ знакъ привѣтствія правую руку. Затѣмъ, при входѣ во дворецъ, гдѣ стояли кругомъ низшіе чины дворянъ, насъ, равнымъ образомъ, встрѣчаютъ самые первые совѣтники и привѣтствуютъ вышеуказаннымъ способомъ и порядкомъ.»

Рис. 175—176. Пріемъ жены Шигъ-Алея царицы Фатьмы Салтанъ въ Кремлевскомъ Дворцѣ великою княгиней Еленою (1535 г.).

[Патріаршая Библіотека. Царственная Книга.]

Число встрѣчъ соотвѣтствовало достоинству посольства. Гонцамъ иногда совсѣмъ не полагалось никакой встрѣчи. Въ 1515 году литовскому гонцу «встрѣча не была — человѣкъ молодой». Посланцы восточныхъ государей — крымцы, кизильбашцы и турки — удостоивались лишь одной встрѣчи. Посламъ европейскихъ государей полагалось обыкновенно три встрѣчи. Четвертая дѣлалась лишь въ особыхъ случаяхъ, когда Московскій Государь желалъ почтить гостя исключительнымъ образомъ. Въ 1666 году такая встрѣча была оказана Антіохійскому патріарху Макарію у дверей Грановитой Палаты.*

Обыкновенно для первой, меньшей встрѣчи, назначались два стольника и дьякъ; для второй, средней — тѣ же чины съ окольничимъ или бояриномъ во главѣ; для третьей, большой встрѣчи — бояринъ, стольникъ и думный дьякъ.

Рис. 177. Встрѣча ливонскаго посольства окольничимъ Адашевымъ, въ 1560 году.

[Патріаршая Библіотека. Никоновская Лѣтопись.]

Въ торжественныхъ пріемахъ, для оказанія особаго почета, въ каждой встрѣчѣ находился бояринъ, и все знатнѣе и знатнѣе, по порядку встрѣчъ. При каждой встрѣчѣ дьяки привѣтствовали пословъ рѣчью, въ которой объясняли, что высланы встрѣтить ихъ для оказанія имъ почета; при этомъ назывались имена встрѣчниковъ, которые *виталисъ* (здоровались) съ гостями.

Кромѣ лицъ, назначенныхъ для встрѣчи и привѣтствія пословъ, по всему пути ихъ слѣдованія были разставлены разные придворные чины въ парадномъ одѣяніи и чѣмъ ближе къ царю, тѣмъ высшаго ранга. Такъ, напримѣръ, въ 1589 году, при пріемѣ Флетчера «при Государѣ были въ полатѣ бояре и дворяне и въ сѣнехъ въ проходной полатѣ дворяне и приказные люди; и дьяки были въ золотномъ платьѣ; а на крыльцѣ дворяне и дѣти боярскіе и подъячіе стояли въ чистомъ платьѣ; а на площади стрѣльцы были въ чистомъ платьѣ, безъ оружія.»

* «А какъ вселенскіе патріархи къ Великому Государю пріѣхали, (1 ноября въ 4 день) и Великій Государь указалъ ихъ встрѣчать: первая встрѣча столникъ князь Петръ княжъ Семеновъ сынъ меньшой Прозоровской да дьякъ Тайныхъ дѣлъ Ѳедоръ Михайловъ; вторая встрѣча бояринъ князь Иванъ Семеновичъ Прозоровской да думной дьякъ Дементей893Мининъ сынъ Башмаковъ; третья встрѣча бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевской да думной дьякъ Ларивонъ Дмитреевъ сынъ Лопухинъ; четвертая встрѣча царевичь Грузинской Николай Давыдовичь да околничей и оружничей Богданъ Матвѣевичь Хитрово.» (Дворцовые разряды Т. III, стр. 654.)

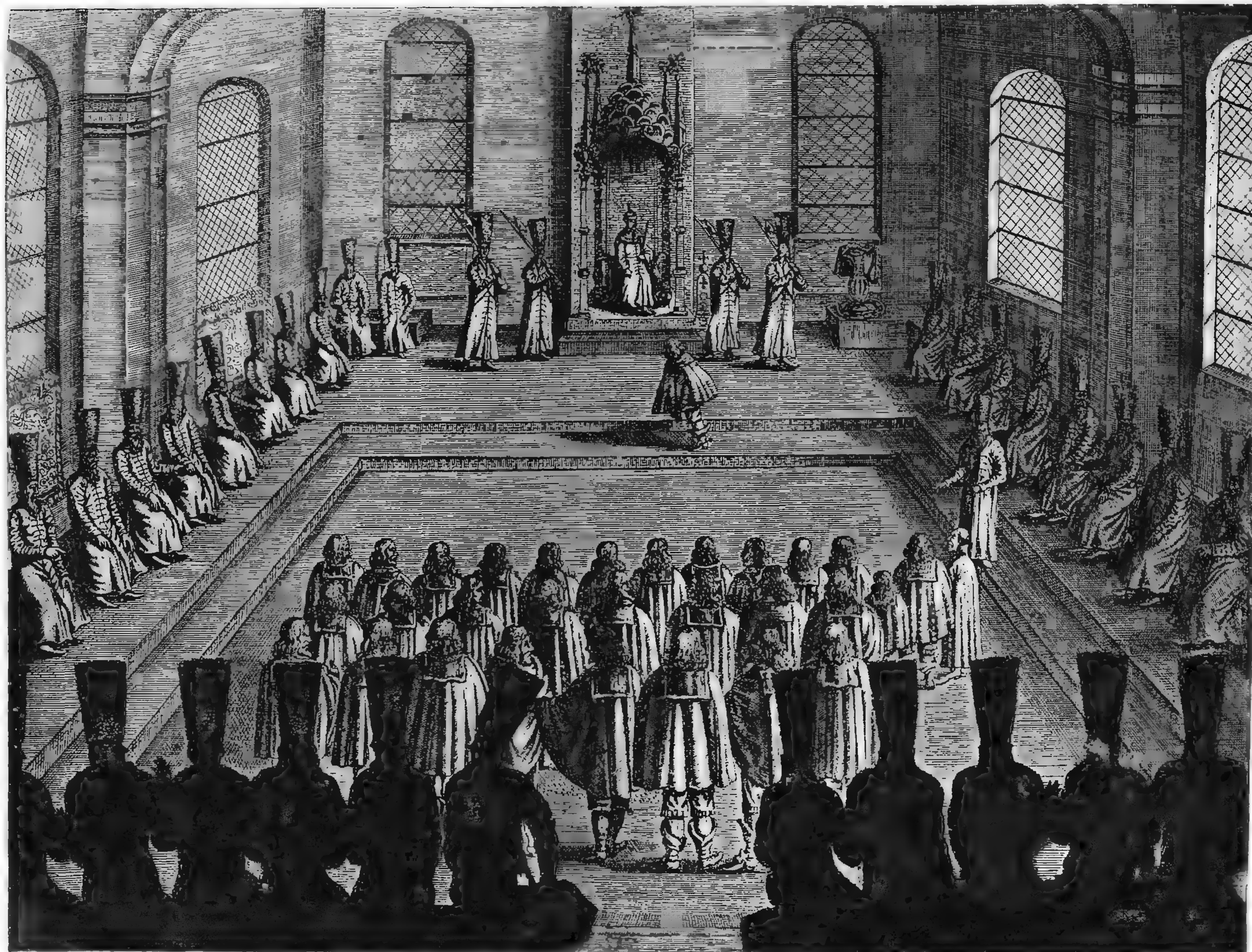

Рис. 178. Пріемъ Голштинскаго посольства 19 августа 1634 года въ Золотой палатѣ Кремлевскаго дворца.

[Изъ книги Адама Олеарія—«Описаніе путешествія въ Московію».]

Въ пріемной палатѣ. При торжественныхъ пріемахъ пословъ въ палатѣ, кромѣ бояръ, окольничьихъ и думныхъ людей, иногда находились и родственники Государя. Въ 1490 году въ посольскихъ записяхъ упоминаются сыновья Ивана III—князь Василій и Юрій. Въ 1571 и 1577 годахъ—царевичи Иванъ и Θеодоръ. При царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ при пріемахъ присутствовалъ его отецъ, патріархъ Филаретъ. Для него ставилось бархатное кресло «подлѣ Государева мѣста, сдвинувъ съ Государевымъ мѣстомъ». Въ такихъ случаяхъ по правую руку патріарха помѣщались митрополиты, архіепископы и епископы (1620, 1621, 1627 г.г.).

Кромѣ того, при посольскихъ пріемахъ бывали и царевичи крымскіе, сибирскіе, касимовскіе и др. Присутствіе ихъ было дѣломъ обыкновеннымъ, и въ 1614 году вышелъ даже указъ: «а какъ впередъ при послѣхъ и посланникахъ укажетъ Государь быти у себя государя царемъ и царевичемъ, и имъ у государя быти и имъ встрѣчу чинити по сему Государеву указу.» Иногда среди придворныхъ находились и представители именитаго купечества—гости, которымъ выдавалась на этотъ случай одежда изъ царской казны, и они также были одѣты въ золотное платье, съ черными шапками на головахъ. Бояре и думные дьяки были въ высокихъ горлатныхъ шапкахъ и драгоцѣннѣйшихъ, золотныхъ шубахъ.

Всѣ эти люди сидѣли по лавкамъ, идущимъ вдоль стѣнъ пріемной палаты. Гости и приказные люди помѣщались въ ея сѣняхъ.

Пословъ принимали въ разныхъ покояхъ и палатахъ дворца: въ первой половинѣ XVI вѣка—въ Набережной палатѣ (1522 г.), въ Середней избѣ (1527 и 1548 г. г.), Брусяной выходной избѣ (1539 г.). Съ половины столѣтія до 1584 г. почти всѣ пріемы совершались въ Столовой брусяной избѣ, а съ конца XVI вѣка въ Средней Золотой подписной (1586 г.) и въ Грановитой (1591 г.) палатахъ.

Герберштейнъ былъ принятъ въ одной изъ Набережныхъ палатъ: «При нашемъ прохожденіи, разсказываетъ онъ, рѣшительно никто, изъ стоявшихъ кругомъ, не оказалъ намъ даже самаго ничтожнаго почета. Мало того, если мы, проходя мимо, случайно привѣтствовали кого нибудь, близко намъ извѣстнаго, или заговаривали съ нимъ, то онъ не только ничего не отвѣчалъ намъ, но велъ себя вообще такъ, какъ если бы онъ нигдѣ не зналъ насъ и не получалъ отъ насъ привѣтствія. И только тогда, когда мы входили къ Государю, Совѣтники вставали передъ нами (если тутъ присутствуютъ братья Государевы, то они не встаютъ, но все же сидятъ съ непокрытою головою).»

Соблюденіе тишины на аудіенціи входило въ церемоніалъ оффиціальныхъ пріемовъ во дворцѣ, ради торжественности. Маржеретъ, бывшій въ Россіи въ 1601—1611 г.г., пишетъ: «Когда послы проходятъ, для чего всѣ двери открыты, никто не двигается съ мѣста и повсюду господствуетъ такая тишина, что подумаешь, будто зала пуста: такъ здѣсь водится принимать пословъ.»

При входѣ посла въ палату его «являли», «объявляли», «обвѣщали», т. е. представляли Государю. Въ XVI и началѣ XVII вѣка эта обязанность лежала обыкновенно на одномъ изъ окольничьихъ. Герберштейнъ великому князю Василію Ивановичу былъ «явленъ» Тверскимъ дворецкимъ, окольничьимъ Михайло Юрьевичемъ Захарьинымъ. Вотъ какъ онъ объ этомъ разсказываетъ:

«Одинъ изъ самыхъ первыхъ совѣтниковъ, обратившись къ Государю, произнесъ по своему обычаю, безъ просьбы, отъ нашего имени, слѣдующія слова: Великій Го-

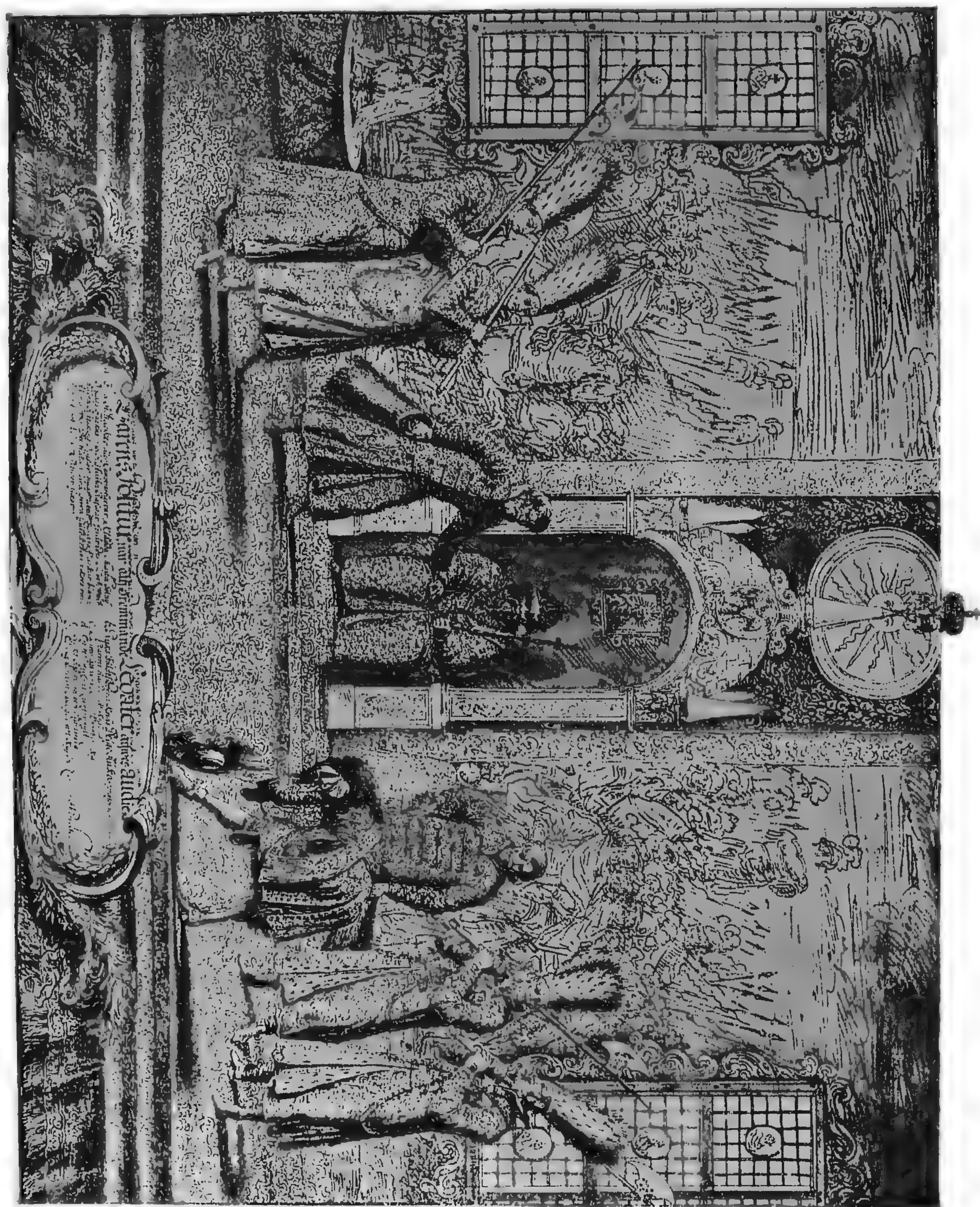

Рис. 179. Пріемъ шведскаго посла графа Оксенштерна 30 марта 1674 года въ Золотой палатѣ Кремлевскаго дворца.
[Дневникъ Эрика Пальмквиста].

сударь, Графъ Леонардъ бьетъ челомъ» и снова: «Великій Государь Графъ Леонардъ бьетъ челомъ на твоей великой милости.»

«Точно также и о Сигизмундѣ. Первое значитъ, что онъ какъ бы кланяется или выражаетъ почтеніе, второе—что онъ приноситъ благодарность за полученную милость. Ибо бить челомъ они принимаютъ въ качествѣ привѣтствія, принесенія благодарности и другого тому подобнаго. Именно, всякій разъ какъ кто нибудь проситъ чего нибудь или приноситъ благодарность, онъ обычно наклоняетъ голову; если онъ старается сдѣлать это усерднѣе, то въ такомъ случаѣ опускается такъ низко, что

Рис. 180. **Великій князь Василій Іоанновичъ.**

[Изъ книги P. Iovii—Elogia virorum.... illustrorum. 1575].

касается рукою земли. Если они хотятъ воздать благодарность Великому Князю за какое нибудь очень важное дѣло или попросить чего нибудь у него же, то кланяются и опускаются до такой степени, что касаются челомъ земли. Государь сидѣлъ съ непокрытой головою на болѣе возвышенномъ и почетномъ мѣстѣ у стѣны, блиставшей изображеніемъ какого то святаго, и имѣлъ справа отъ себя на скамейкѣ шапку-колпакъ, а слѣва палку съ крестомъ — посохъ и тазъ съ двумя рукомойниками, поверхъ которыхъ, кромѣ того, было положено полотенце. Говорятъ, что, протягивая руку послу Римской вѣры, Государь считаетъ, что протягиваетъ ее человѣку оскверненному и нечистому, а потому, отпустивъ его, тотчасъ моетъ руки. Тамъ стояла также, противъ Государя, но на низшемъ мѣстѣ, скамья, приготовленная для пословъ. Государь, когда ему оказанъ былъ предварительно почетъ (какъ уже сказано выше), самъ пригласилъ туда мановеніемъ и словомъ, указуя рукой на скамью. Когда мы съ того мѣста по чину привѣтствовали Государя, то при этомъ находился толмачъ, который передавалъ нашу рѣчь слово въ слово. Услышавъ же, между прочимъ, имя Карла и Фердинанда, Государь вставалъ и сходилъ со скамеечки, а выслушавъ привѣтствіе до самаго конца, онъ спросилъ: «Братъ нашъ Карлъ, избранный Римскій Императоръ и наивысшій Король, здоровъ ли?» Пока Графъ отвѣчалъ «здоровъ», Государь межъ тѣмъ взошелъ на скамеечку и сѣлъ. Это же самое, по окончаніи моего привѣтствія, спрашивалъ онъ у меня про Фердинанда. Затѣмъ онъ подзывалъ по порядку того и другого изъ насъ къ себѣ и говорилъ: «Дай мнѣ руку». Взявъ ее, онъ прибавлялъ: «По здорову ли ты ѣхалъ?» На это тотъ и другой изъ насъ, согласно ихъ обычаю, отвѣчали: «Дай Богъ тебѣ здравія на многія лѣта. Я же по благости Божіей и твоей милости здоровъ.»

«Послѣ этого онъ повелѣлъ намъ сѣсть. Мы же, прежде чѣмъ сдѣлать это, согласно съ ихъ обыкновеніемъ, воздали наклоненіемъ головы на обѣ стороны благодарность прежде всего Государю, а затѣмъ совѣтникамъ и князьямъ, которые стояли ради оказанія намъ почета.

«Кромѣ того, послы другихъ Государей, въ особенности тѣ, которые присылаются изъ Литвы, Ливоніи, Швеціи и пр., будучи допущены предъ очи Государевы, обычно, вмѣстѣ со своими провожатыми и служителями, подносятъ каждый особо дары.

«При поднесеніи даровъ соблюдается такой обычай: вслѣдъ за выслушаніемъ и изложеніемъ цѣли посольства, тотъ совѣтникъ, который ввелъ пословъ къ Государю,

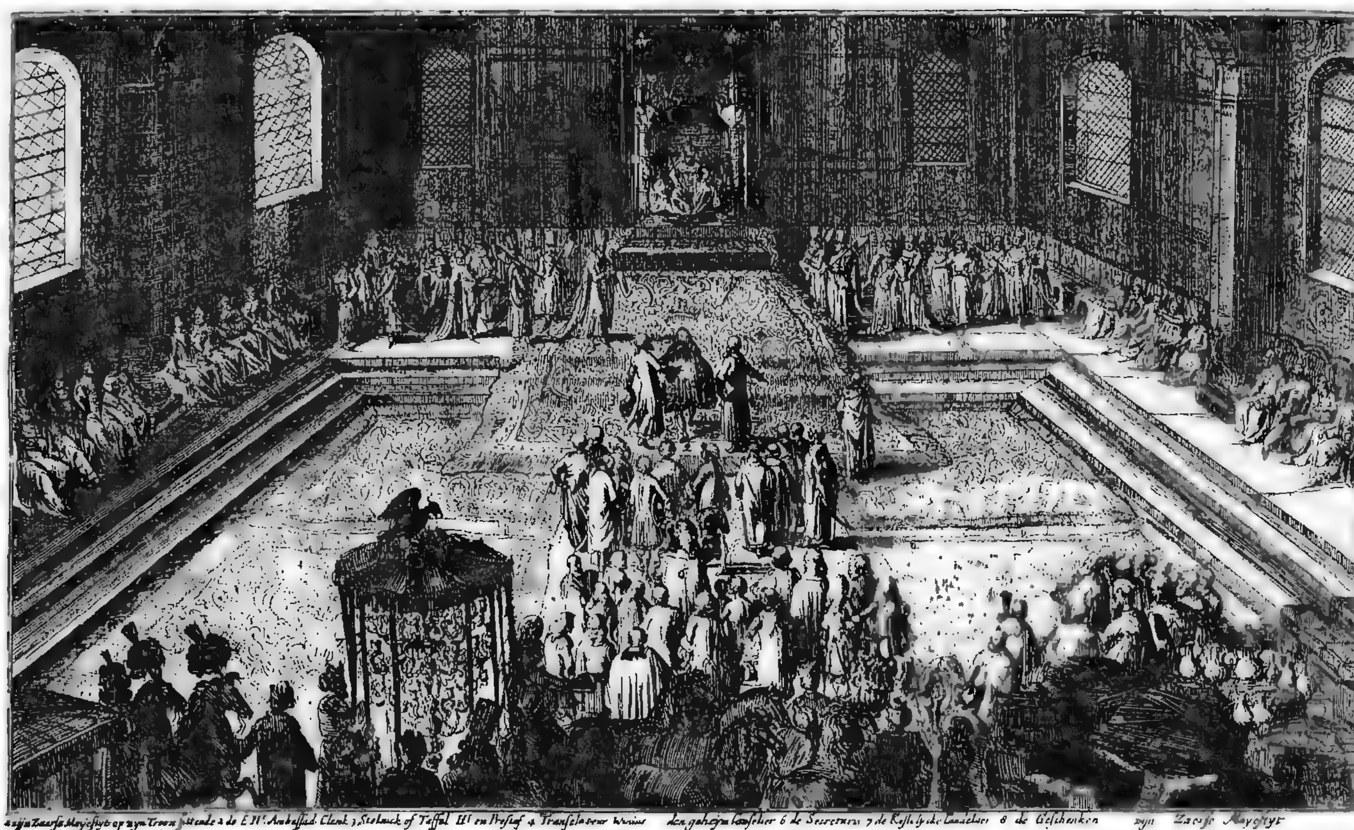

Рис. 181. Пріемъ Голландскаго посольства въ Золотой Палатѣ (въ 1675 году). На переднемъ планѣ подарки.

[Изъ описанія путешествія Конрада ванъ-Кленка, изд. 1677 года, стр. 40].

встаетъ и яснымъ, громкимъ, слышнымъ всѣмъ голосомъ говоритъ такъ: «Великій Государь, такой-то посолъ бьетъ челомъ такимъ-то даромъ», и это же самое повторяетъ онъ о второмъ и третьемъ лицахъ посольства. Затѣмъ, такимъ же образомъ произноситъ онъ имена и дары отдѣльныхъ дворянъ и служителей. Наконецъ, рядомъ съ нимъ становится секретарь, который также указуетъ поименно имена и дары какъ пословъ, такъ и каждаго изъ приносящихъ по порядку. Сами же они называютъ подобные дары **поминками**, т. е. какъ бы нѣкій знакъ памяти. Они напоминали* про дары и нашимъ людямъ, но мы отвѣтили, что это не согласно съ нашимъ обычаемъ.»

* Въ Крыму у пословъ нашихъ не только требовали даровъ, но часто насильно отнимали все, что тѣ имѣли. Въ 1509 году, когда посолъ нашъ, Морозовъ, шелъ во дворецъ, одинъ изъ ханскихъ мурзъ, Кудояръ, отнялъ у подъячаго изъ его свиты шубу. Ханъ остался недоволенъ поминками, поднесенными ему, а царевичъ Ахматъ-Гирей требовалъ додачи къ тому, что было ему подарено, грозя въ противномъ случаѣ привести Морозова къ себѣ на веревкѣ.

Рис. 182. **Великій князь Василій Ивановичъ.**

[Изъ книги Thevet, les vrais pourtraicts et vies des hommes illustres.... Paris 1584].

Московскій Государь во время пріема пословъ. Его одежда. Обстановка.

Подробныя свѣдѣнія о царскомъ нарядѣ, въ который облекался Московскій Государь во время пріема пословъ, сообщаетъ Датскій посланникъ Яковъ Ульфельдъ, бывшій въ Москвѣ въ 1575 и 1578 гг. На пріемѣ «Царь сидѣлъ на креслѣ, поставленномъ на возвышеніи; на немъ было желтаго цвѣта одѣяніе, все покрытое драгоцѣнными камнями, а вокругъ шеи было дорогое ожерелье изъ брильянтовъ. На головѣ у него была драгоцѣнная шапочка, а на ней надѣтъ Царскій вѣнецъ; а въ правой рукѣ держалъ онъ скипетръ; пальцы правой руки были унизаны кольцами.»

На другой день во время переговоровъ съ послами царь былъ «въ богатомъ одѣяніи изъ красной шелковой матеріи, роскошно унизанномъ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, на шеѣ имѣлъ онъ золотое украшеніе съ драгоцѣнными каменьями. На головѣ была надѣта золотая корона, великолѣпно украшенная. Въ правой рукѣ держалъ онъ державу, величиною съ голову ребенка; держава была золотая, а кругомъ унизана драгоцѣнными каменьями.»

Гансъ Кобенцель, посолъ императора Максимиліана II (1576 г.), сообщаетъ, что «мантія великаго князя была совершенно покрыта алмазами, рубинами, смарагдами и другими драгоцѣнными камнями и жемчугомъ величиною въ орѣхъ, а его вѣнецъ по своей цѣнности превосходилъ діадиму его святѣйшества папы и короны королей Испанскаго и Французскаго и великаго герцога Тосканскаго и даже корону самого цесаря и короля Венгерскаго и Богемскаго.»

Богатство одежды Московскаго Государя и обстановки его дворца поражало пословъ до чрезвычайности и производило на нихъ неизгладимое впечатлѣніе, которое они уносили съ собой въ свои страны.

Вотъ что пишетъ, напримѣръ, о своей аудіенціи (1664 г.) графъ Карлейль, посолъ англійскій: ....«Мы были въ началѣ совершенно поражены при видѣ необыкновеннаго блеска и великолѣпія, которое окружало личность царя, ибо онъ возсѣдалъ на серебряномъ позолоченномъ тронѣ съ верхомъ, изукрашеннымъ разною рѣзьбою и пирамидками; и такъ какъ тронъ возвышался на 7 или 8 ступеней надъ поверхностью пола, то это дѣлало особу этого Государя величественной до послѣдней степени.

«На головѣ его была корона, въ рукѣ скипетръ, на шеѣ большое ожерелье (бармы), покрытое драгоцѣнными камнями. Его платье также было настолько густо ими усѣяно, что сплошь горѣло драгоцѣнными камнями и, подобно солнцу славы, бросало на всѣ стороны лучи драгоцѣннаго свѣта.... Немного ниже трона стояли четыре* статныхъ дворянина по два съ каждой стороны, всѣ четверо одѣтые въ бѣлое съ горностаемъ съ ногъ до головы.... Каждый изъ нихъ имѣлъ на шеѣ по большой золотой цѣпи въ нѣсколько оборотовъ и топоры на плечѣ и всѣ четверо время отъ времени кидали въ нашу сторону взоры и тотчасъ переводили ихъ на царя съ глубокимъ почтеніемъ, какъ бы приглашая насъ удивляться его величію. Но что было особенно удивительно и поразительно, это блестящая обстановка двора, ибо въ палатѣ находилось около 200 бояръ и другихъ чиновъ, сидящихъ въ порядкѣ вдоль стѣны, большинство изъ нихъ въ одеждахъ изъ серебряной и золотой парчи, обильно усѣянной драгоцѣнными камнями. И тѣмъ не менѣе всѣ эти люди были ничто иное, какъ лучи того солнца, которое высилось какъ бы въ своей тріумфальной колесницѣ, и блескъ ихъ служилъ лишь для приданія большей почести ихъ государю. Тѣмъ не менѣе, чтобы явить еще болѣе пышности, у входа палаты было поставлено большое число гостей царя или торговцевъ въ богатыхъ одеждахъ, которыми Его Величество жалуетъ ихъ для появленія при подобныхъ случаяхъ. Въ концѣ концовъ можете судить, до какой степени мы были поражены въ началѣ при видѣ столь великаго блеска и великолѣпія. Дѣйствительно, это насъ преисполнило восхищеніемъ, и блескъ драгоцѣнностей, (который, казалось, оспаривалъ первенство со свѣтомъ самого солнца) насъ ослѣпилъ такъ сильно, что мы почти потерялись среди этого безподобнаго сліянія свѣта и славы.»

Убранство пріемной палаты. Нарядъ, которымъ убирались палаты Кремлевскаго дворца при торжественныхъ пріемахъ иноземныхъ пословъ, извѣстенъ по Дворцовымъ разрядамъ. Вотъ наиболѣе подробное изъ сохранившихся описаній:

«Грановитая палата была нарежена болшимъ нарядомъ: мѣсто Великаго Государя оправное, болшое; степени къ мѣсту обиты бархатомъ золотнымъ; на окнахъ насланы червчатые сукна, а поверхъ суконъ насланы золотные ковры; по правую и по лѣвую стороны государева мѣста на окнахъ поставлены были два овошника, а промежъ овошниковъ поставленъ водовзводъ серебряный; на другомъ окнѣ двои часы нѣметцкіе, а промежъ часовъ рукомойникъ; грановитая полата услана вся коврами перситцкими цвѣтными; на лавкахъ полавочники суконные цвѣтные жъ; передъ грановитою въ сѣняхъ насланы были ковры, а по лавкамъ насланы полавочники цвѣтные, розныхъ суконъ, шиты; противъ государева мѣста привѣшено поликадило серебряное съ рѣпьи, а въ немъ часы; противъ дверей по обѣ стороны столпа привѣшены три поликадила мѣдныхъ.» (Чиновный списокъ, составленный по указу 21 ноября 1674 года. Дворцовые разряды Дополненія къ III тому, стр. 402).

Хотя это описаніе относится къ XVII столѣтію, но оно примѣнимо и къ XVI, ибо ковры и драгоцѣнныя вещи, составлявшіе описанное убранство, находились въ изобиліи и въ казнѣ великаго князя Василія Ивановича.

* При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, кромѣ рындъ по бокамъ трона стояли иногда по два стрѣлецкихъ головы и по шести сотниковъ съ алебардами.

Торжественное столованіе въ Государевомъ дворцѣ.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій, рѣчи посла о цѣли его пріѣзда и поднесенія подарковъ, въ первой половинѣ XVI вѣка обыкновенно слѣдовало приглашеніе къ царскому столу во дворцѣ. Лишь въ малолѣтство царя Ивана IV пословъ «ѣсти великій князь не звалъ того дѣля, что еще ѣлъ у матери, а себѣ столомъ не ѣлъ». Въ 1536 и 1537 г.г. онъ извинялся передъ Польскимъ и Литовскимъ послами, говоря: «къ столу васъ къ собѣ не зовемъ того дѣля, что есьмя еще лѣты несовершенныя, и намъ за столомъ сидѣти истомно; и вы о томъ не сумнѣвайтесь....» и отпустилъ пословъ на подворье, куда и была имъ послана «ѣства и съ вины и съ меды». «Впервые послы ѣли у великаго князя послѣ отца его 18 февраля 1539 года и ѣли того дни посолъ Крымскій и гонцы.»

Приглашалъ пословъ къ обѣду Государь лично. Герберштейнъ пишетъ, что съ нимъ это было сдѣлано такъ: «послѣ изложенія привѣтствій, когда мы на короткое время присѣли, Государь пригласилъ того и другого изъ насъ по порядку въ слѣдующихъ словахъ: «ты отобѣдаешь со мною».

«Въ первое мое посольство, согласно ихъ обыкновенію, онъ (великій князь) пригласилъ меня слѣдующимъ образомъ: «Сигизмундъ, ты откушаешь съ нами нашего хлѣба-соли». Вслѣдъ затѣмъ, подозвавъ къ себѣ нашихъ приставовъ, онъ сказалъ имъ что-то тихимъ голосомъ, и толмачи, получивъ въ свою очередь указаніе отъ приставовъ, говорятъ: «Вставайте, пойдемъ въ другой покой». Пока мы тамъ излагали нѣкоторымъ назначеннымъ Государемъ совѣтникамъ и секретарямъ остальныя порученія, лежавшія на нашемъ посольствѣ, тѣмъ временемъ приготовляли столы.

«Когда приготовленія къ обѣду были закончены, и Государь, его братья и совѣтники уже сѣли, насъ провели въ столовую и тотчасъ совѣтники и всѣ прочіе встали передъ нами по чину; зная ихъ обычай, мы въ свою очередь воздали имъ благодарность, наклоняя голову во всѣ стороны, а затѣмъ заняли за столомъ мѣсто, которое указалъ намъ рукою самъ Государь. Столы же были разставлены въ столовой кругомъ и кольцомъ.»

Убранство столовой палаты. Обыкновенно столы ставились такимъ образомъ: *Государевъ*—передъ царскимъ мѣстомъ на его помостѣ; съ одной стороны этого мѣста—*большой* столъ, начинавшійся отъ большого мѣста, т. е. отъ угла подъ образами, и съ другой стороны—*кривой*, называвшійся такъ потому, что, идя вдоль стѣны отъ царскаго мѣста, онъ поворачивалъ на углу и тянулся вдоль другой стѣны.

Кромѣ этихъ трехъ столовъ, въ обѣденной палатѣ ставилось еще столько столовъ, сколько требовалось числомъ приглашенныхъ, причемъ эти столы размѣщались не въ установленномъ порядкѣ, а по удобству и были, по свидѣтельству Барберини, весьма разнообразны: «одинъ высокій, другой низкій, этотъ узкій, тотъ широкій». Столы эти назывались сообразно ихъ назначенію: *посольскій*—для посольскихъ людей, *властелинскій*—для духовныхъ властей, *окольничій* и др. Если приглашенныхъ было много и для нихъ въ палатахъ не хватало мѣста, столы ставились и въ другой палатѣ.... «а которые послови люди не усѣлись за столомъ, и тѣмъ столъ былъ въ полатѣ, гдѣ бояре судятъ», т. е. въ Набережной палатѣ. (Сборникъ Имп. Ист. Общ. Т. 59, Памятники Дипл. Сношеній, 1542 г.)

Убранство столовъ и поставцевъ. Убранство столовъ не было столь сложно, какъ въ наше время. Скатерть покрывала узкой полосой лишь края стола. Тарелки, ложки и ножи подавались только почетнѣйшимъ гостямъ; у прочихъ ихъ не было и кушанья брались съ блюда прямо руками. Ложки приносились вмѣстѣ съ горячимъ, которое подавалось въ серединѣ обѣда; вилокъ и салфетокъ совсѣмъ не было; украшенія столовъ предметами искусства и цвѣтами тоже не существовало. На столы не ставилось ничего лишняго, а только самые необходимые предметы—солонница, перечница и уксусница.*

Весь блескъ сосредоточивался не на столахъ, а на *поставцахъ* или буфетахъ. Этихъ поставцовъ было нѣсколько—главный, Государевъ, помѣщавшійся посрединѣ палаты, и поставцы Сытнаго, Хлѣбеннаго и Кормового дворцовъ, располагавшіеся частью въ самой столовой, частью въ ея сѣняхъ. Поставцы эти обивались шелковыми и золотыми фатами и уставлялись драгоцѣнною утварью, обиліе и богатство которой такъ поражало иноземцевъ.

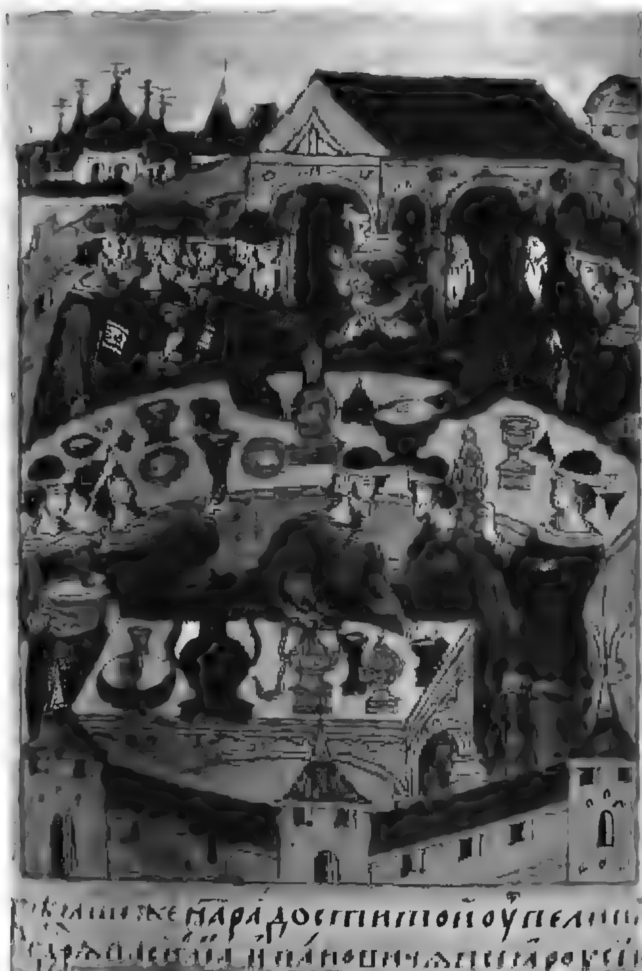

Рис. 183. Пиръ по случаю рожденія князя Юрія Васильевича.

[Императорская Публичная Библіотека. Лицевая Лѣтопись.]

«Поставцы, говоритъ Варкочъ, обѣдавшій (1593 г.) въ той же палатѣ (Столовой избѣ), какъ и Герберштейнъ, были уставлены несказаннымъ множествомъ серебряной и золотой посуды, такъ что исчислить ее невозможно, и, право, въ Германіи и не повѣрили бы такому множеству драгоцѣнностей. На нижнихъ полкахъ стояли въ безчисленномъ количествѣ огромныя блюда и чаши изъ чистаго золота, а также серебряный левъ въ настоящую величину; притомъ, много серебряныхъ чашъ и сосудовъ такой величины, что одному человѣку трудно каждый изъ нихъ поднять.» «Тамъ были, разсказываетъ (1589 г.) Арсеній Елассонскій, многіе золотые сосуды бо́льшаго объема, чѣмъ сколько можно себѣ представить; изъ нихъ былъ одинъ, который поднять не могли двѣнадцать человѣкъ. Тамъ находились также сосуды, которые имѣли подобіе львовъ, медвѣдей, волковъ, быковъ, лошадей, и зайцевъ, а одинъ

* Наиболѣе роскошно убирался, разумѣется, Государевъ столъ. 20 ноября 1671 года, во время угощенія польскихъ пословъ въ Грановитой Палатѣ, «Великаго Государя столъ былъ оправленъ серебромъ, накрытъ оксамитомъ золотнымъ, сверхъ аксамиту сукномъ червчатымъ; къ нему приступъ о дву степеняхъ обитъ ковромъ Перситцкимъ цвѣтнымъ.»

представлялъ видъ единорога съ длиннымъ копьемъ на лбу. Далѣе тамъ были пѣтухи, павлины съ золотыми крыльями, аисты, журавли, утки, гуси и большіе пеликаны, а также много и страусовъ, большихъ и маленькихъ, голубей, куропатокъ; всѣ они стояли въ прекрасной послѣдовательности и соразмѣренности и были сдѣланы изъ золота и серебра. Находился тамъ даже охотникъ въ положеніи готоваго стрѣлять, и былъ такъ живо представленъ, что нельзя было имъ довольно налюбоваться.»

О всемъ количествѣ посуды за царскимъ торжественнымъ столомъ можно судить по тому, что въ 1594 году при прощальномъ обѣдѣ, данномъ Варкочу, «за всѣ столы подавали 1800 золотыхъ блюдъ, кромѣ золотыхъ чашъ для питья, при чемъ посуда, стоявшая на поставцѣ, была нетронута.»

Приведенное описаніе богатства дворцовой утвари въ значительной степени относится и къ временамъ Василія Ивановича. Герберштейнъ говоритъ, что посрединѣ обѣденной палаты стояла горка, сплошь заставленная различными золотыми и серебряными кубками и что «всѣ въ отдѣльности сосуды, въ которыхъ были поданы кушанья, напитки, уксусъ, перецъ, соль и другое, по ихъ словамъ, сдѣланы изъ чистаго золота и, судя по вѣсу, это казалось истиннымъ.»

Угощеніе пословъ. Государевъ столъ. Весьма лаконичный относительно внѣшней обстановки Московскаго двора Герберштейнъ подробно описываетъ его обычаи и обряды. «На столѣ, за которымъ сидѣлъ Государь, разсказываетъ онъ, съ той и другой стороны оставлено было столько разстоянія, сколько пространства могъ бы онъ захватить, если бы протянулъ руки. Ниже этого сидятъ братья Государевы,* если они случайно присутствуютъ: по правую руку—старшій, по лѣвую—младшій. Затѣмъ, въ нѣсколько превышавшемъ обычное разстояніи, за братомъ сидѣли старѣйшіе князья и совѣтники, причемъ соблюдались ихъ чины и степени милости, которой каждый пользовался у Государя.**

Рис. 184. Чарка серебряная, мѣстами золоченая. Въ клеймѣ надпись: «князь Семиона Ивановичь» [дядя Грознаго † 1518 г.] Снаружи мѣстами вырѣзаны знаки и единорогъ. Вѣсу 53 зол., выш. ¾ вер., шир. 3⅙ вер. [Московская Оружейная Палата № 1810.]

«Противъ Государя, за другимъ столомъ, сидѣли мы, а затѣмъ, отдѣленные отъ насъ небольшимъ промежуткомъ, наши близкіе и служители. Противъ нихъ на другой сторонѣ сидѣли по чину тѣ, кто провожалъ насъ изъ гостинницы во дворецъ. За задними же взаимно противоположными столами сидѣли тѣ, кого Государь пригласилъ въ знакъ особой милости; къ нимъ присоединяются иногда служилые люди.

---

* Въ XVII вѣкѣ кромѣ братьевъ Государя кушать за царскимъ столомъ удостоивались лишь очень немногія лица, ибо это считалось величайшею честью. Въ 1644 году эта честь была оказана Датскому королевичу Вольдемару, какъ жениху царевны Ирины Михайловны. Вселенскіе патріархи Паисій Александрійскій и Макарій Антіохійскій также обѣдывали за столомъ благочестиваго Царя Алексѣя Михайловича. Но ни Грузинскій царевичъ Николай Давыдовичъ (1660 г.), ни самъ Грузинскій царь Теймуразъ (1658 г.) не были посажены за однимъ столомъ съ Государемъ. Для нихъ накрывали въ Грановитой Палатѣ отдѣльный столъ налѣво отъ трона, у перваго окна со стороны Благовѣщенскаго Собора.

** Чѣмъ ближе было мѣсто къ Государю, тѣмъ оно считалось почетнѣе—мѣста за большимъ столомъ были выше, чѣмъ за кривымъ, и мѣста на лавкѣ, прислоненной къ стѣнѣ—почтеннѣе, чѣмъ на скамьѣ, поставленной съ другой стороны стола.

«На столахъ разставлены были небольшіе сосуды, одни изъ которыхъ были наполнены уксусомъ, другіе перцемъ, третьи солью; каждый изъ нихъ былъ разставленъ и размѣщенъ вдоль стола съ такимъ разсчетомъ, что всегда четыре по числу гостя имѣли для себя по одному изъ трехъ сосудовъ.

«Затѣмъ вошли разносители кушанія (dapiferi, стольники), наряженные въ блестящее платье,* и, обойдя кругомъ горки и не оказывая никакого почета, остановились противъ Государя, пока всѣ приглашенные гости не сѣли и стольникамъ не было приказано принести кушанья. Межъ тѣмъ, когда всѣ сѣли, Государь позвалъ одного изъ своихъ служителей и далъ ему два длинныхъ ломтя хлѣба, со словами: «Дай Графу Леонарду и Сигизмунду этотъ хлѣбъ». Служитель, взявъ съ собою толмача, по порядку поднесъ этотъ хлѣбъ тому и другому изъ насъ съ такими словами: «Графъ Леонардъ, Великій Государь Василій, Божіею милостію Царь и Государь всея Руссіи и Великій Князь, являетъ тебѣ свою милость и посылаетъ тебѣ со своего стола». Толмачъ отчетливымъ голосомъ переводилъ эти слова. Мы стоя слушали милость Государеву. Ради нашего почета встали и другіе, кромѣ братьевъ Государевыхъ. Но за подобную милость и почетъ не надо никакого другого отвѣта, кромѣ того, чтобы принять предложенный хлѣбъ, положить его на столъ и воздать благодарность Государю наклоненіемъ головы, а затѣмъ точно также и остальнымъ совѣтникамъ его, поводя кругомъ во всѣ стороны головою и наклоняя ее.

«Этимъ самымъ хлѣбомъ Государь выражаетъ свою милость кому нибудь, а солью — любовь. И онъ не можетъ оказать кому либо высшаго почета на своемъ пиру, какъ посылая кому либо соль со своего стола.

«Наконецъ, стольники вышли за кушаньемъ, не оказавъ снова почета Государю, и принесли водку, которую они всегда пьютъ въ началѣ обѣда, а затѣмъ жареныхъ лебедей, которыхъ они обычно почти всегда, когда имъ не запрещено вкушать мяса, подаютъ гостямъ въ качествѣ перваго блюда. Трехъ изъ этихъ лебедей, поставленныхъ предъ Государемъ, онъ прокалывалъ ножикомъ, изслѣдуя, который изъ нихъ лучше и долженъ быть предпочтенъ другимъ; тотчасъ затѣмъ онъ велѣлъ ихъ унести. Немедленно всѣ вышли въ такомъ же порядкѣ, въ какомъ вошли, и положили разрѣзанныхъ и раздѣленныхъ на части лебедей на меньшія блюда, по четыре отдѣльныхъ куска на каждое. Войдя, они поставили предъ Государемъ пять блюдъ, остальныя они распредѣлили по чину между его братьями, совѣтниками, послами и другими.

«При Государѣ стоитъ одно лицо, которое подаетъ ему чашу: черезъ него также Государь посылаетъ отдѣльнымъ лицамъ хлѣбъ и другія кушанья. Государь обыкновенно даетъ отвѣдать предварительно частицу разносителю кушаній, затѣмъ отрѣзаетъ съ различныхъ сторонъ и кушаетъ, послѣ чего онъ посылаетъ брату или какому нибудь совѣтнику или посламъ одно блюдо, отъ котораго кушалъ самъ. Посламъ подобныя яства посылаются всегда съ гораздо большей торжественностью, какъ это сказано о хлѣбѣ; при полученіи ихъ надлежитъ встать не только тому, кому они посылаются, но и каждому изъ остальныхъ, такъ что при неоднократномъ оказаніи

---

* Климентъ Адамъ (1553 г.) пишетъ, что въ теченіи обѣда царскаго 140 слугъ, облитые золотомъ, три раза перемѣняли свое платье.

Государевой милости, иной можетъ не мало утомиться* отъ вставанія, стоянія, принесенія благодарности и частаго наклоненія головы во всѣ стороны.

«Когда мы начали затѣмъ ѣсть жареныхъ лебедей, то они прибавляли къ нимъ уксуса, присоединяя къ нему соль и перецъ; это употребляютъ они въ качествѣ подливки или приправы. Кромѣ того, кислое молоко, поставленное для того же употребленія, точно также соленые огурцы и, кромѣ нихъ, сливы, приготовленныя такимъ же способомъ, во время обѣда не снимаются со стола. Тотъ же самый порядокъ наблюдается и при принесеніи другихъ кушаній, за исключеніемъ того, что они не выносятся обратно, какъ жаркое. Подаютъ разные напитки: мальвазію, греческое вино и также разные меды. Государь вообще велитъ подавать себѣ чашу одинъ или два раза и, когда пьетъ изъ нея, подзываетъ къ себѣ по порядку пословъ, говоря: «Леонардъ, Сигизмундъ, ты прибылъ отъ великаго государя къ великому государю, сдѣлалъ большой путь; и послѣ того какъ ты видѣлъ нашу милость и наши ясныя очи, добро тебѣ будетъ. Пей и выпивай и ѣшь хорошенько до сытости, а потомъ отдохнешь, чтобы ты могъ, наконецъ, вернуться къ своему государю.»

«Есть четыре лица, каждое изъ которыхъ стоитъ съ одной изъ сторонъ горки и держитъ по одной чашѣ. Изъ нихъ обычно пьетъ Государь и очень часто обращается къ посламъ, внушая имъ, чтобы они ѣли. Иногда даже онъ спрашиваетъ у нихъ что нибудь, выказывая себя очень вѣжливымъ и обходительнымъ. Между прочимъ онъ спрашивалъ меня, брилъ ли я бороду, что выражается однимъ только словомъ, а именно: брилъ? (Brill). Когда я сознался въ этомъ, онъ сказалъ: «И это по нашему» то-есть какъ бы желая сказать: «И мы брили». Именно, когда онъ женился на другой женѣ, то сбрилъ всю бороду, чего, какъ они утверждали, не дѣлалъ никогда ни одинъ Государь.

«Раньше прислужники за столомъ одѣвались въ далматики на подобіе Левитовъ, прислуживающихъ при богослуженіи, но только были подпоясаны; нынѣ же они имѣютъ различныя платья, называемыя терликъ, тяжелыя отъ драгоцѣнныхъ камней и жемчуговъ. Государь обѣдаетъ три или четыре часа. Въ первое мое посольство мы обѣдали даже вплоть до перваго часа ночи. Ибо, какъ на совѣщаніи о сомнительныхъ дѣлахъ они тратятъ часто цѣлый день и расходятся только тогда, когда зрѣло обсудятъ и рѣшатъ дѣло, точно также на пиршества или попойки они употребляютъ иногда цѣлый день и, наконецъ, расходятся только съ наступленіемъ тьмы. Государь часто чтитъ пирующихъ и кушаньями и напиткомъ.

«Когда начался вечеръ, то были зажжены восковыя свѣчи въ серебряныхъ подсвѣчникахъ, а около стола съ посудою по обѣ стороны стояли 18 человѣкъ съ большими восковыми факелами, вообще было такъ устроено, что въ залѣ было очень свѣтло.»

Вся церемонія угощенія заканчивалась заздравной чашей изъ собственныхъ рукъ Государя. Герберштейнъ говоритъ: «Въ первое посольство, когда по окончаніи дѣлъ Государь отпускалъ меня послѣ обѣда, на который я былъ позванъ, (ибо у нихъ въ обычаѣ угощать какъ отъѣзжающихъ, такъ и прибывающихъ пословъ) онъ всталъ и, стоя у стола, велѣлъ подать себѣ чашу, со словами: «Сигизмундъ, я хочу выпить эту

* Барберини по поводу этого говоритъ, что вмѣсто того, чтобы наѣсться, «отъ безпрестаннаго вставанья часъ отъ часу только усиливается аппетитъ».

чашу въ знакъ любви, которую питаю къ брату нашему Максимиліану, избранному Римскому Императору и наивысшему Королю, и за его здоровье; ее выпьешь и ты и всѣ другіе по порядку, чтобы ты видѣлъ нашу любовь къ брату нашему Максимиліану и пр., и изложилъ ему, что ты видѣлъ.» Затѣмъ онъ подаетъ мнѣ чашу и говоритъ: «Выпей за здоровье брата нашего Максимиліана, избраннаго Римскаго Императора и наивысшаго Короля». Онъ подавалъ ее и всѣмъ другимъ участникамъ обѣда или стоявшимъ тамъ по какому либо иному случаю и каждому говорилъ тѣ же самыя слова. Получивъ чаши, мы отступали немного назадъ и, преклонивъ голову предъ Государемъ, выпивали. По окончаніи этого онъ призываетъ меня къ себѣ, протягиваетъ руку и говоритъ: «Теперь ступай». Кромѣ того у Государя есть обыкновеніе по разсмотрѣніи и рѣшеніи нѣкоторой части дѣлъ съ послами приглашать ихъ на охоту и забаву.»

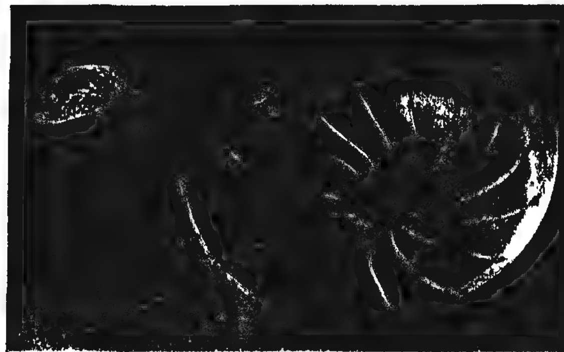

Рис. 185. Ковшъ серебряный 1535 года.

По краямъ надпись: «лѣта седмь тысящь четыредь третиаго ковшь княжа иванова ивановича Кубенскаго, а хто станетъ его пити, тому на здравие.» Вѣсу 3 ф. 68 зол., дл. 9¼ верш.

[Московская Оружейная Палата. № 735].

Болѣе подробныя свѣдѣнія о порядкахъ, усвоенныхъ Московскимъ дворомъ при торжественныхъ столахъ и при пріемѣ почетнаго гостя даютъ Дворцовые Разряды XVII вѣка. Изъ нихъ видно, между какими придворными чинами были распредѣлены столовыя должности и въ чемъ онѣ состояли.

Подробную картину царскаго пиршества возстановляетъ запись объ обѣдѣ, данномъ 19 февраля 1664 года царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ англійскому послу Карлу Говорту, графу Карлейлю. (Дворц. Разр. Т. III, стр. 561—579).

Въ назначенный для обѣда день, рано утромъ, за посломъ были высланы съ Государевой конюшни нѣсколько саней, въ которыхъ расположились посолъ, его сынъ и провожатые отъ Государя—окольничій, думный дворянинъ и дьяки.

Во время проѣзда посла отъ самаго его двора на Покровкѣ до Краснаго крыльца «по обѣ стороны дороги стояли стрѣльцы съ ружьемъ, а у Благовѣщенья въ паперти стояли подъячіе въ цвѣтномъ платьѣ, а отъ Благовѣщенья на Красномъ крыльцѣ до Отвѣтныя полаты стояли жильцы, въ терликахъ въ бархатныхъ и въ объяринныхъ да шапкахъ золотныхъ, съ пратацаны и съ олебарды, 62 человѣка.» Посолъ пріѣхалъ во дворецъ около полудня. У паперти Благовѣщенья, отъ бояръ изъ Отвѣтной палаты «которые были въ отвѣтѣ», его встрѣтили князь Никита Ивановичъ Одоевскій «съ товарищи»—дьяками Грибоѣдовымъ и Безсоновымъ, которые и проводили посла въ Отвѣтную палату, гдѣ ему было назначено ожидать обѣда.

Вскорѣ послѣ полудня Царь вышелъ въ Грановитую Палату, сѣлъ за столъ и послалъ звать къ столу посла. «Звать ходилъ стольникъ Никита Ивановичъ Шереметевъ, да дьякъ Василей Бреховъ». Предъ сѣнями Грановитой Палаты, подъ шатромъ Краснаго Крыльца и у дверей Грановитой Палаты послу были вновь оказаны встрѣчи. «А въ встрѣчахъ», какъ при пріѣздѣ посла, такъ и при шествіи его въ Грановитую Палату, дьяки говорили слѣдующую рѣчь: «Великій Государь, Царь и Великій Князь

Алексѣй Михаиловичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, и многимъ государствамъ и землямъ восточнымъ и западнымъ и сѣвернымъ отчичь, и дѣдичь, и наслѣдничь, и Государь и Обладатель, любя брата своего Карлуса, короля Божіею милостію Аглицкаго и Шкотцаго и иныхъ, а тебя великаго посла князя Чарлуса Говорта жалуя, велѣлъ для почести встрѣтить ближнему своему боярину» такому-то. Та же рѣчь съ измѣненіемъ конца на «велѣлъ тебѣ у своего государева стола быти» была сказана послу, когда онъ вошелъ въ Грановитую Палату, ударилъ челомъ Государю и былъ спрошенъ о здоровьѣ отъ имени Государя думнымъ дьякомъ Алмазомъ Ивановымъ.

Послѣ этого посолъ и всѣ участники пира заняли мѣста за назначенными имъ столами.

Посолъ, ударя челомъ Великому Государю, «сѣлъ за столъ въ лавкѣ подъ другимъ окномъ, что отъ Благовѣщенья; а сынъ его и королевскіе чиновные люди сѣли за другимъ столомъ. Рядомъ съ посломъ на скамьѣ сѣли: стольникъ Никита Ивановичъ Шереметевъ да думный дворянинъ Иванъ Аѳанасьевичъ Прончищевъ.

«Посла жъ и сына его потчивали стольники, кн. Иванъ Козловскій да Григорій Бояшевъ.

«Тарелки и ложки и ножики роскладывалъ кн. Яковъ княжь Семеновъ сынъ Борятинской, а подносили на разныхъ блюдахъ подклѣтники.

«А скатерть и сутки и солонки и колачи положены были на столы до посольскаго приходу.»

Бояре: кн. Никита Ивановичъ Одоевскій, кн. Юрій Алексѣевичъ Долгоруковъ, окольничій Василій Семеновичъ Волынской, думный дьякъ Алмазъ Ивановъ, сѣли за большой столъ. Бояре были въ бѣлыхъ тафтяныхъ шубахъ.

«А на Государѣ было платья: шуба—тафта бѣла* съ кружившмъ; кафтанъ становой—отласъ виницѣйской золотной по червчатой земли травы кубы; тесьма; зипунъ—тафта бѣла съ большою обнизью; шапка горлотная съ колпакомъ; посохъ индѣйской съ каменьи.»

Кругомъ расположилась почетная стража.

При Великомъ Государѣ стояли съ мечами стольники, два князя Прозоровскіе.

На рундукахъ по обѣ стороны дверей—по 12 человѣкъ жильцовъ съ протозанами и съ алебардами въ червчатыхъ и въ объяринныхъ терликахъ.

Столовыя должности были распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

«За Государевымъ поставцемъ сидѣлъ и Великому Государю ѣсть отпущалъ» окольничій Ѳедоръ Михаиловичъ Ртищевъ.

«У Государева стола стояли» кравчій кн. Петръ Семеновичъ Урусовъ и стольникъ Дмитрій Никитичъ Наумовъ.

«Вина наряжалъ» стольникъ кн. Юрій Михаиловичъ Одоевскій.

«Пить наливалъ» стольникъ кн. Иванъ Борисовичъ Троекуровъ.

«Въ столы смотрѣли» т. е. наблюдали за порядкомъ: въ большой—кн. Михаилъ Семеновичъ Прозоровскій и кн. Борисъ Лукичъ Львовъ, въ кривой—кн. Петръ Семеновичъ Прозоровскій и кн. Петръ Лукичъ Львовъ.

«За поставцемъ сидѣлъ и бояромъ и посломъ ѣсть отпускалъ» стольникъ Василій Григорьевъ Нечаевъ.

---

* Бѣлый цвѣтъ одежды, по свидѣтельству Рейтенфельса, означалъ дружественное расположеніе къ гостю.

«Передъ Великаго Государя пить носили» чашники 27 человѣкъ.
«Передъ Великаго Государя ѣсть ставили» стольники 58 человѣкъ.
«Передъ бояръ пить носили» стольники 6 человѣкъ и стряпчіе 21 человѣкъ.
«Передъ бояръ ѣсть ставили» стольники 22 человѣка и стряпчіе 23 человѣка.
«Передъ пословъ пить носили» стольники 22 человѣка и стряпчіе 27 человѣкъ.
«Передъ пословъ ѣсть ставили» стольникъ и стряпчихъ 26 человѣкъ.
«У поставца стояли въ золотахъ» 2 дьяка, 3 путныхъ ключника, 1 чарочникъ, 5 стряпчихъ и 2 вѣкошника.

Всѣхъ чиновъ 235 человѣкъ.

Передъ началомъ обѣда, лишь Государь сѣлъ за свой столъ, всѣ чашники и стольники, одѣтые «въ золотные», были «явлены» Царю окольничимъ Ѳедоромъ Михаиловичемъ Ртищевымъ. Они пришли съ правой стороны и постоявъ недолго предъ Великимъ Государемъ, пошли по два человѣка въ рядъ около столпа за поставецъ, откуда исходили всѣ распоряженія для обѣда и приносились кушанья и напитки.

По случаю сырной недѣли столъ былъ постный и состоялъ изъ 125 разныхъ кушаній, поданныхъ на 1999 блюдахъ, и около 142 ведеръ разныхъ напитковъ, а именно. *Кушанія:* рыба—плотица, окунь, лососина, стерлядь, лодуга, сельдь, бѣлуга, бѣлорыбица, севрюга, осетръ, щука, (разныя части этихъ рыбъ—теша, тѣло, труба, ступица оханная, схибъ, бамка, звено). Уха—карасевая, пискаревая, линевая, щучья, судачья, лещевая, окуневая. Пироги разные, оладьи, перепечи, караваи, блины, сырники, сочники, всевозможныя печенія, сдобныя и сладкія. *Напитки:* Вина—романея, бастръ, ренское, алканъ, малмазея, кинерея, церковное французское, всего 17 ведеръ 7 третниковъ. Водка—анисовая, коричная, винная, тройная, боярская, всего 1 ведро 23 кружки. Медъ—малиновый, вишневый, смородиновый, костеничный, черемуховый, можжевельный, красный, паточный, съ гвоздцы, старый, цыженый и княжій, всего 84 ведра. Квасу 19 ведеръ; браги 17 ведеръ; воды брусничной 3 ведра.

Обѣдъ начался вскорѣ послѣ полудня и продолжался до ночи. Карлейль утверждаетъ, что онъ длился не менѣе полныхъ девяти часовъ.

Въ теченіи обѣда Государь посылалъ «подачи» съ своего стола послу и другимъ лицамъ, а въ концѣ, по обычаю, подозвалъ къ себѣ посла и угощалъ его изъ собственныхъ рукъ. Посолъ «замѣтивъ легкость, съ какою царь осушалъ большіе бокалы и подозрѣвая, что напитокъ у Его Величества не столь крѣпокъ, какъ тотъ, который подносили ему, сказалъ объ этомъ царю откровенно и «de bonne grâce», что онъ желалъ бы съ нимъ помѣняться, на что царь, бывшій въ хорошемъ расположеніи духа, отвѣчалъ ему, смѣясь отъ всей души. Немного спустя, однако, царь почувствовалъ себя настолько разгоряченнымъ, что у него пошла носомъ кровь.» Лишь послѣ этого онъ распрогился и пиръ во дворцѣ былъ оконченъ, чтобы продолжаться еще долго на дому, въ посольскомъ подворьѣ.

Угощеніе пословъ у нихъ на дому. Подробный наказъ, какъ полагалось чествовать пословъ на дому, находится въ Дворцовыхъ Разрядахъ. Въ томѣ II, на страницѣ 358 читаемъ: «лѣта 7142 (1634) генваря въ 12 день государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи велѣлъ стольнику Никифору Сергѣевичю Собакину ѣхать ему къ Якову Руселю (нѣмчину короля Шведскаго Густава) съ своимъ государевымъ жалованіемъ съ столомъ, съ ѣствою и съ питьемъ. И стольнику Никифору Сергѣевичю, пріѣхавъ къ Якову на дворъ, вытти изъ саней у лѣсницы и итти къ Якову въ хоромы, а за собой велѣть несть скатерть и судки (солонку, уксусницу и перечницу) и ѣству и питье. А пришедъ въ хоромы, молвить рѣчь толмачемъ: Божіею милостію великій

государь, царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь, всеа Русіи Самодержецъ и многихъ Государствъ Обладатель, тебя Якова жалуя, прислалъ къ тебѣ своего государскаго стола ѣству и питье, да велѣль на столъ скатерть послать и судки поставить и вина и ѣству и питье велѣть подать по росписи. А подавъ вина и поставя ѣству на столъ по росписи, взявъ ковшъ питья, молвить: Чаша Великаго Государя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича, и многихъ Государствъ Государя и Обладателя: дай Господи, Великій Государь нашъ Царь и Великій Князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи самодержецъ, здоровъ былъ. Да ковшъ выпить напередъ, да поднести Якову и приставу Ѳедору Рагозину, и дворянамъ, которые съ Яковомъ Руселемъ, подати. А послѣ того пить чашу про царевичевы здоровья, а молвить: Чаша Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи Самодержца и многихъ Государствъ Государя и Обладателя, Его Царскаго Величества дѣтей, Государя Царевича Князя Алексѣя Михайловича и Государя Царевича Ивана Михайловича, дай Господи, они государи здравы были на многія лѣта. А выпивъ, Якову и приставу и дворянамъ подать. И будетъ Яковъ Русель учнетъ говорить, чтобъ онъ (Собакинъ) съ нимъ вмѣстѣ сѣлъ за столъ и государева жалованья ѣлъ и пилъ, и стольнику Никифору Собакину за столъ сѣсти, поконецъ стола, и подноситъ послу вино и меды, и ѣству велѣть ставить по росписи. А будетъ Яковъ напередъ станетъ пить чашу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи, и ему подати, а подавъ чашу, ѣхать къ Государю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи. А будетъ Яковъ учнетъ его чѣмъ дарити, и ему подарки принять. А о чемъ съ нимъ Яковъ поговоритъ и ему съ нимъ противъ его спросу говорить, что будетъ пригоже, чтобъ государеву имени къ чести и къ повышенію и Московскому Государству къ добру. А пріѣхавъ сказати про то Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи.»

Рис. 186. Стоканъ работы Венцеля Ямницера [1508—1586].

Вѣнчикъ древній, остальныя накладныя украшенія позднѣйшія, вѣсу—35 зол., выш.—1¾ верш., шир.—2 верш.

[Московская Оружейная Палата № 2252].

Государева чаша.* Упомянутый обычай пить чашу за здравіе царя, употреблявшійся у многихъ древнихъ народовъ, существовалъ на Руси искони. Еще въ XI столѣтіи преподобный Ѳеодосій Печерскій ограничилъ питіе за трапезой тремя чашами: во славу Господа, въ честь Богородицы и за здравіе князя. Впослѣдствіи въ монастыряхъ для застольныхъ заздравныхъ чашъ былъ составленъ особый «чинъ и уставъ на трапезѣ за приливокъ» о здравіи царю и великому князю. Чинъ совершался иногда съ пѣніемъ по нотамъ. Государева чаша, которая справлялась послѣ царскихъ столовъ, также была сопровождаема молитвословіемъ о здравіи и благоденствіи Государя и его семейства. Этому обряду придавалось высокое значеніе, какъ выраженію вѣрноподданности, и потому онъ неотмѣнно совершался при всѣхъ праздничныхъ столахъ, брачныхъ, родильныхъ, крестинныхъ, именинныхъ, коронаціонныхъ, посольскихъ и проч.

* А. С. Орловъ. Чаши Государевы. Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Росс. М. 1913 г.

Текстъ заздравной государевой чаши измѣнялся сообразно обстоятельствамъ, быть можетъ, при каждомъ новомъ царствованіи. Вотъ древнѣйшій изъ сохранившихся:

Чаша Цр҃я, Іѡана Васи҃еви҃.

Чаша Гд҃рва, Цр҃я, Великаго Кн҃зя Іѡана Васи҃еви҃ всеа Россіи. Дай Бг҃ъ здра҃ бы҃ Цр҃ь Гд҃рь на҃, Кня҃ Великіи Іва҃ Васи҃еви҃, Самодержецъ всея Росіи, на мнѡга лѣта и съ его Бл҃говѣрною Цр҃цею, Великою Кн҃гнѣю Марьею, и своими Бг҃омъ дарованными чады, а с нашими Гд҃ри Цр҃евичи, Іѡано҃, и Федоро҃, и своими бра҃ею, Бл҃говѣрными Кн҃зи Георге҃ и Владимеро҃, и с боляры, и съ хр҃толюбивы҃ воинство҃, и з доброхоты и со всѣми православ҃ными хр҃тіяны. Подаи же ему, Гд҃и, Гд҃рю, чего оу Гд҃а Бг҃а желае҃ бл҃гы҃, иже к по҃зѣ душевны҃ и тѣлесны҃, по вся дни цр҃тва его на мнѡга лѣта. Чтобы Гь҃ Бг҃ъ избави҃ и Пр҃чтая Бц҃а, и великіе Чю҃тво҃цы, Цр҃я Гд҃ря Великого Кн҃зя и все православіе ѿ латыньства, ѿ бесе҃мѣства, и ѿ все҃ враго҃ видимы҃ и невидимы҃. А Цр҃я Гд҃ря бы нашего рука высока была на҃ всѣми супостаты и цр҃тво бы его Гд҃рво испо҃нилъ Бг҃ъ всякія бл҃гті. А кто ему Гд҃рю добра хоче҃, тѣ бы все с Гд҃ре҃ здравы были и сп҃сены на мнѡгіе лѣта. А недоброхота бы Гд҃рю и не было. Все бы Гд҃рю бл҃гая и поле҃ная мыслили. А хто про Гд҃рво здравье чашу изопіетъ, то҃ бы здра҃ бы҃ и сп҃се҃, а оу кого в дому, и домъ его всякоя бл҃гти.

Во многолѣтный живо҃ и здравіе, и во бл҃годѣньство, бл҃поспѣшеніе, и еже на враги побѣда, бл҃гочт҃ивому и хр҃толюбивому Цр҃ю, Великому Кн҃зю Іѡану Васи҃еви҃, Самоде҃жцю всеа Росіи, сотвори Гд҃и по мл҃ти твоеи, и даруи мнѡгое бл҃годѣньство Цр҃ю нашему.

Бл҃годать Бж҃іа буди съ тобою Цр҃ю ст҃ый православный, яко да оутверди҃ тя и сохранитъ и во҃двигнетъ к добродѣтелемъ дѣиственымъ, купно храненію, и исправленію вѣры и оукрѣпи҃ и споспѣши҃ на сопротивныя наша. Ст҃ый Цр҃ю цр҃твуи, и здра҃ствуи на мнѡга лѣта.—

И гл҃ютъ единогласно: Сотвори Гд҃и по мл҃ти твоеи, и даруи многое бл҃годѣньство Цр҃ю нашему.

Царскій обѣдъ, начинавшійся молитвою и кончавшійся заздравной чашею съ молитвословіемъ, совершался истово и чинно. Будучи проявленіемъ Государева быта, по существу неразрывнаго съ народнымъ религіознымъ культомъ, онъ носилъ характеръ священнаго обряда. Обстоятельство, котораго, конечно, не могъ замѣтить иноземецъ Герберштейнъ—его наблюденія были не полны, ибо молитва, которою начинался и оканчивался обѣдъ, («Достойно» и др.) творилась до прихода иноземцевъ въ обѣденную палату и послѣ ихъ ухода.

Рис. 187. Чаша серебряная.
По наружному вѣнцу надпись: «Князь Володимеръ Івановичь Воротынской.»
Вѣсу 75 зол., выш. ½ верш., ширина 4¼ верш.
[Московская Оружейная Палата, № 1804.]

О томъ, какъ происходило угощеніе пословъ на дому во времена великаго князя Василія Ивановича, Герберштейнъ разсказываетъ слѣдующее:

«Послѣ отпуска пословъ, тѣ самые, которые сопровождали ихъ во дворецъ, снова отводятъ ихъ обратно въ гостинницы, говоря, что они имѣютъ порученіе остаться тамъ и повеселить пословъ. Приносятъ серебряныя чаши и много сосудовъ, каждый съ опредѣленнымъ напиткомъ, и всѣ стараются о томъ, чтобы сдѣлать пословъ пьяными. А они прекрасно умѣютъ приглашать людей къ попойкѣ, и когда у нихъ нѣтъ другого повода къ выпивкѣ, они начинаютъ,

наконецъ, пить за здоровье Цесаря, брата его, Государя и напослѣдокъ, за благополучіе тѣхъ, кто, по ихъ мнѣнію, обладаетъ какимъ нибудь достоинствомъ и почетомъ. Они думаютъ, что при произнесеніи имени такихъ лицъ никто не долженъ отказываться отъ чаши и даже не можетъ. Пьютъ же такимъ образомъ. Тотъ, кто начинаетъ, беретъ чашу и выходитъ на середину жилища; стоя съ непокрытой головой онъ излагаетъ въ торжественной рѣчи за чье здоровье пьетъ и чего ему желаетъ. Затѣмъ, осушивъ и опрокинувъ чашу, онъ касается ею своей макушки, чтобы всѣ видѣли изъ этого, что онъ выпилъ и желаетъ здоровья тому господину, чье имя онъ назвалъ при питьѣ. Затѣмъ онъ идетъ на высшее мѣсто, велитъ наполнить нѣсколько чашъ, вслѣдъ затѣмъ подаетъ каждому его чашу и присоединяетъ имя того лица, за чье здоровье надлежитъ пить. И каждый бываетъ принужденъ такимъ образомъ выйти на середину покоя и осушивъ чашу, вернуться на свое мѣсто. Тотъ же, кто желаетъ избѣгнуть болѣе продолжительной выпивки, долженъ по необходимости притвориться пьянымъ или заснувшимъ, или пусть онъ напоитъ ихъ самихъ или, по крайней мѣрѣ, осушивъ много кубковъ, пусть увѣряетъ, что онъ никоимъ образомъ не можетъ больше пить, ибо они не вѣрятъ, что гости получили хорошій пріемъ и обильное угощеніе, если ихъ не сдѣлать пьяными. Этотъ обычай наблюдается вообще у дворянъ и у тѣхъ, кому позволено пить медъ и пиво.»

Такъ ласкали и чествовали иноземныхъ пословъ при Московскомъ дворѣ. Многіе изъ нихъ не выдерживали такого гостепріимства и послѣ угощенія оказывались неспособными выполнить въ предназначенный срокъ то дѣло, за которымъ пріѣхали.

Въ 1503 году посолъ короля чешскаго Владислава, Сигизмундъ Сантай, такъ былъ употчиванъ у себя на подворьѣ, что пьяный упалъ, расшибся и даже на слѣдующій день не могъ вести переговоровъ, для которыхъ пріѣхалъ въ Москву.

Въ 1656 году цесарскіе послы до того упились на прощальномъ обѣдѣ въ самомъ дворцѣ, что порядокъ пира былъ нарушенъ и обычныя формальности пріема не могли быть выполнены. Послѣ чаши за здоровье цесаря и царя слѣдовало посламъ обмѣняться тостами съ боярами. «И послы про бояръ, а бояре про пословъ не пили, потому что послы, обрадовався Государевы милости, упились пьяни и пошли изъ полаты вскорѣ безпамятно.» Послѣ стола надо было дать посламъ подарки и отпускную грамоту. «И посламъ Государева жалованья не явлено и рѣчи не говорено и грамоты не дано, для того, что послы упились гораздо; а отложенъ имъ отпускъ до иного дня. А какъ послы пошли изъ полаты вонъ, и по Государеву указу провожалъ пословъ до кореты бояринъ Семенъ Лукъяновичъ Стрѣшневъ: а въ корету посадилъ пословъ стольникъ и московскій ловчій Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; а корета была посломъ для того, что они были пьяны.»

Но и этого было мало для безграничнаго русскаго гостепріимства. Къ посламъ на ихъ подворье было послано, по обычаю, еще угощеніе, чтобы потчивать ихъ тамъ. Но стольникъ Петръ Шереметевъ, которому это было поручено, «пріѣхалъ назадъ, совсѣмъ не потчивавъ пословъ, для того, что послы были пьяны».

Барберини, описывая обѣдъ у Грознаго, на которомъ онъ присутствовалъ (1565 г.), говоритъ, что на немъ «пили столько, что многіе бояре были совершенно пьяны». А когда послѣ всего посламъ и ему Царь собственноручно подалъ по кубку вина, то «какъ посламъ такъ и мнѣ хмѣль сильно разобралъ голову, такъ что, позабывъ все приличіе и скромность, бросились мы всѣ скорѣе къ двери. Съ такою поспѣшностью не выбѣгали, быть можетъ, изъ храма Божьяго даже книжники и фарисеи, съ какою мы выбѣжали оттуда. Тутъ съ трудомъ должны мы были проходить черезъ покои, по причинѣ толпы придворныхъ, хмѣльныхъ, шумѣвшихъ и тѣснившихся въ безпорядкѣ и въ потьмахъ, пока, наконецъ, не добрались до большого дворцоваго крыльца.... Но, чтобы дойти до того мѣста, гдѣ стоятъ лошади, мы должны были въ темную ночь брести въ грязи по колѣна; ибо здѣшній обычай запрещаетъ вблизи Дворца какъ садиться на лошадь, такъ и сходить съ нея....»

Дипломатическіе переговоры съ иноземными послами. Отпускъ ихъ.

Переговоры съ послами вели бояре—«большіе люди, совѣтники, которые у великаго князя въ избѣ живутъ», т. е. входящіе въ составъ Боярской Думы. На засѣданіяхъ съ послами они присутствовали обыкновенно въ числѣ двухъ, трехъ, съ дьяками. Иногда бывалъ одинъ казначей съ дьяками и лишь изрѣдка комиссія изъ 6, 7 бояръ.

Переговоры происходили въ одной изъ Набережныхъ палатъ. Введя туда пословъ, дьякъ «объявлялъ» пословъ боярамъ, а бояръ посламъ, т. е. называлъ ихъ имена и званіе. Затѣмъ садились на скамьи и начинали обсужденіе дѣла по статьямъ. Каждый бояринъ говорилъ и отвѣчалъ посламъ по одной статьѣ; если являлся вопросъ, выходящій изъ его полномочія, пословъ просили подождать, пока «донесутъ государю и каковъ его государя указъ будетъ, объявятъ». Затѣмъ шли къ Государю,* иногда приносили отвѣтъ, а иногда назначали для этого другое засѣданіе. Всѣ дипломатическіе переговоры съ послами заканчивались «отпускомъ» — послѣднимъ засѣданіемъ, на которомъ присутствовалъ самъ Государь. Когда посольство оканчивалось заключеніемъ договора или мира, при отпускѣ царь давалъ присягу и цѣловалъ крестъ. Въ этомъ случаѣ съ иноземными послами, обыкновенно, отправлялись послы Московскіе, для приведенія къ присягѣ государя, съ коимъ былъ заключенъ договоръ. Вотъ какъ происходилъ обрядъ заключенія перемирія съ Польскимъ королемъ въ 1526 году, о чемъ сохранилась какъ оффиціальная запись, такъ и разсказъ извѣстнаго Герберштейна, участвовавшаго тамъ въ качествѣ посредника:

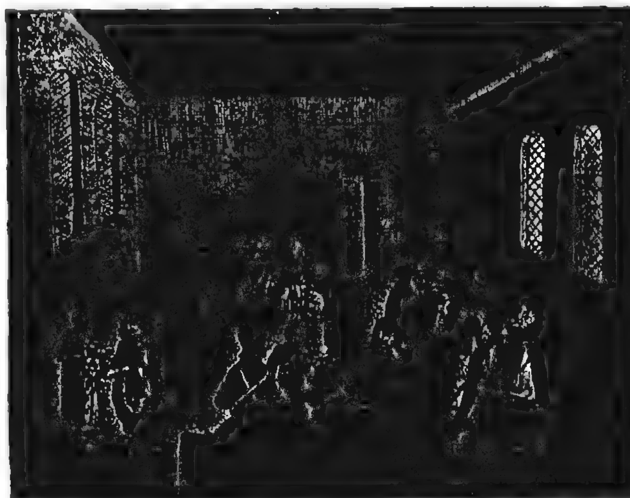

Рис. 188. Совѣщаніе пословъ въ Отвѣтной палатѣ.
[Олеарій. Описаніе путешествія въ Московію].

«Ноября 4, пріѣхалъ на дворъ грамотъ писати Богушъ; а князь великій зъ Богушемъ велѣлъ у грамотъ сидѣти діакомъ своимъ, Меншому Путятину да Труфану. И какъ грамоты написали, и князь великій велѣлъ быти на дворѣ посломъ, папину и цесаревымъ и литовскимъ, ноября 5. И послалъ на подворье по папина посла князя Бориса княжъ Дмитреева сына Щепина Оболенскаго да дьяка Третьяка Ракова, а по цесаревыхъ пословъ посылалъ на подворье князя Ивана Засѣкина да Семена Трофимова, а по литовскихъ пословъ посылалъ князь великій ихъ приставовъ, Юшка Кокошкина съ товарищы. И какъ послы пріѣхали на дворъ, а князь великій сидѣлъ въ середней избѣ, и велѣлъ князь великій встрѣтити папина посла и цесаревыхъ пословъ всѣхъ вмѣстѣ у болшые избы въ сѣнехъ, какъ они взошли на лѣсницу зъ двора, князю

* Обыкновенно во время переговоровъ бояръ съ послами Государь сидѣлъ по близости, въ Столовой избѣ, но иногда онъ уходилъ въ одинъ изъ соборовъ, что не мѣшало ему руководить переговорами. Такъ, въ 1566 году, іюня 19, бояре отправились къ Государю передать рѣчи пословъ, «а государь былъ въ тѣ поры у Благовѣщенія у обѣдни и говорилъ государь зъ бояры.... и приговорилъ государь съ бояры...» Подобные случаи обсужденія дѣлъ Государемъ въ церкви были обычны.

Ивану Палетцкому да діяку Елизару Цыплетеву; а какъ ступили съ того мѣста ступени двѣ, и князь великій велѣлъ встрѣтить литовскихъ пословъ Микитѣ Иванову сыну Карпова, да діаку Труфану Ильину; а какъ взошли послы на переходы отъ болшіе избы къ середней избѣ, и тутъ велѣлъ князь великій встрѣтить папина посла и цесаревыхъ пословъ всѣхъ же вмѣстѣ князю Василью Даниловичу Пѣнкову, да Михайлу Юріеву сыну Захарьина, да Ѳедору Ивановичу сыну Карпова, да дьяку Меншому Путятину; да какъ поступили мало по переходомъ папинъ посолъ и цесаревы послы, и литовскихъ пословъ встрѣтилъ околничей Иванъ Васильевичь Лятцковъ, да Яковъ Ивановъ сынъ Чеботова, да дьякъ Оѳонасей Курицынъ. И какъ послы вошли къ великому князю, и князь велѣлъ имъ сѣсти. И посидѣвъ мало, велѣлъ имъ итти въ болшую избу; да высылалъ къ нимъ князя Ивана Шуйскаго съ товарищы, а велѣлъ говорити папину послу и цесаревымъ посломъ: «великій государь Василей, Божіею милостію царь и государь всеа Русіи и великій князь, велѣлъ вамъ говорити: говорили есте намъ, ты бискупъ Иванъ Френчюшко (Іоаннъ Францискъ, епископъ Скаренскій) отъ Климента папы Седьмаго, а ты Леонардъ комитъ и Жигимонтъ говорили намъ отъ Карола, цесаря и навышшего короля, и отъ брата его архидука Фердинанда, чтобъ намъ, для ихъ, зъ Жигимунтомъ королемъ помиритись и быти намъ съ нимъ въ вѣчномъ миру, и то межи насъ нынѣ не ссталось; и вы насъ просили отъ своихъ государей, чтобъ намъ съ Жигимонтомъ королемъ взяти перемиріе. И мы для Климента папы Седмаго и брата своего для Карола, цесаря и навышшего короля, и архидука Фердинанда, зъ Жигимонтомъ королемъ взяли есмя перемирье на шесть лѣтъ, и грамоту есмя перемирную велѣли написати и печать свою къ той грамотѣ привѣсили и хотимъ на той грамотѣ брату своему Жигимонту королю правду учинити, а вамъ у насъ у того дѣла быти и то видѣти.»

Такая же рѣчь слово въ слово была сказана и королевскимъ посламъ, Петру и Богушу. При этомъ имъ было предложено привѣсить свою печать къ перемирной грамотѣ, что тѣ и сдѣлали.

Затѣмъ всѣ пошли къ Государю, который лично повторилъ посламъ то, что было имъ только что сказано отъ его имени княземъ Шуйскимъ.

Послѣ этого, разсказываетъ Герберштейнъ, «великій князь призываетъ совѣтника Михаила Георгіевича и велитъ ему взять со стѣны напротивъ позолоченный крестъ, висѣвшій на шелковомъ шнуркѣ. Совѣтникъ тотчасъ взялъ чистое полотенце, лежавшее на рукомойномъ кувшинѣ, поставленномъ въ тазу, досталъ съ великимъ благоговѣніемъ крестъ и держалъ его въ правой рукѣ. Равнымъ образомъ секретарь держалъ обѣими руками сложенныя перемирныя грамоты и притомъ такъ, что грамота литовцевъ, положенная подъ другую, выдавалась на столько, поскольку могла быть видна заключительная статья, которая содержала обязательство литовцевъ. Лишь только Михаилъ положилъ на эти грамоты правую руку, которой онъ держалъ крестъ, какъ Государь всталъ и, обратя свою бесѣду къ литовскимъ посламъ, въ длинной рѣчи сталъ излагать имъ, что онъ не уклонялся отъ мира, въ знакъ особой просьбы и увѣщанія столь великихъ государей, послы которыхъ, какъ видятъ литовцы, присланы къ нему съ этою именно цѣлью, если бы этотъ миръ могъ совершиться на какихъ либо выгодныхъ для него условіяхъ; и разъ онъ не можетъ заключить съ ихъ королемъ вѣчнаго мира, то, во вниманіе къ ходатайству присутствующихъ здѣсь пословъ, онъ, въ

силу грамоты (причемъ онъ указалъ пальцемъ на грамоту), заключилъ съ ними пятилѣтнее перемиріе. «Будемъ соблюдать его», прибавилъ онъ, «пока угодно будетъ Богу, и будемъ оказывать нашу справедливость брату нашему королю Сигизмунду, подъ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы король далъ намъ одинаковую во всемъ грамоту, написанную по тому же самому образцу, и утвердилъ ее въ присутствіи нашихъ пословъ, чтобы онъ оказалъ намъ свою справедливость и, наконецъ, озаботился переслать эту грамоту къ намъ черезъ нашихъ пословъ. Межъ тѣмъ вы также обяжетесь клятвою, что вашъ Король исполнитъ и соблюдетъ все это и каждое въ отдѣльности.» Потомъ онъ взираетъ на крестъ и трижды осѣняетъ себя знаменіемъ креста, столько же разъ наклоняя голову и опуская руку почти до земли; затѣмъ, подойдя ближе и шевеля губами, какъ будто бы онъ произносилъ молитву, онъ вытираетъ уста полотенцемъ, плюетъ на землю и, поцѣловавъ наконецъ крестъ, прикасается къ нему сперва челомъ, а потомъ тѣмъ и другимъ глазомъ. Отступивъ назадъ онъ снова осѣняетъ себя крестомъ, наклоняя голову. Послѣ этого онъ предлагаетъ Литовцамъ подойти и сдѣлать то же самое. Прежде чѣмъ послы исполнили это, одинъ изъ нихъ, по имени Богушъ, Русскій по вѣрѣ, читалъ запись, которою они давали обязательство; запись эта была составлена и сочинена очень многословно, но не содержала однако ничего или очень мало сверхъ высказанныхъ выше мыслей. Каждое слово Богуша повторялъ его товарищъ Петръ, который былъ Римской вѣры. Равнымъ образомъ толмачъ Государя передавалъ то же самое слово въ слово и намъ. Затѣмъ, по прочтеніи и переводѣ записи, Петръ и Богушъ цѣлуютъ по порядку тотъ же самый крестъ, при чемъ Государь стоялъ. По окончаніи этого, Государь сталъ сидя говорить въ слѣдующихъ словахъ: «Вы видѣли, что по особой просьбѣ Климента, Карла и Фердинанда, мы оказали нашу справедливость брату нашему Сигизмунду, Королю Польскому. Итакъ, скажите вашимъ государямъ: ты, Іоаннъ Францъ—Папѣ, ты, Графъ Леонардъ—Карлу и ты, Сигизмундъ—Фердинанду, что мы сдѣлали это по любви къ нимъ и чтобы христіанская кровь не проливалась во взаимныхъ войнахъ.»

«Когда онъ высказалъ это въ длинной рѣчи съ прибавкою обычныхъ титуловъ, то мы въ свою очередь принесли ему благодарность за его особое уваженіе къ нашимъ государямъ и обѣщали со тщаніемъ исполнить его порученіе. Затѣмъ онъ призываетъ къ себѣ двухъ изъ своихъ главныхъ совѣтниковъ и секретарей и указуетъ Литовцамъ, что эти люди уже назначены Послами къ Королю Польскому. Наконецъ, по его приказу принесено было много чашъ и онъ собственноручно подавалъ ихъ намъ, Литовцамъ и даже всѣмъ и каждому какъ изъ нашихъ, такъ и изъ Литовскихъ дворянъ. («Да подалъ князь велики посломъ вина въ черахъ въ золотыхъ»). Наконецъ, назвавъ поименно Литовскихъ пословъ, онъ сказалъ имъ: «Вы изложите брату нашему Королю Сигизмунду о томъ, что мы нынѣ сдѣлали и что вы узнали въ другое время отъ нашихъ совѣтниковъ». Сказавъ это, онъ всталъ и прибавилъ еще: «Петръ, и ты, Богушъ, вы поклонитесь отъ нашего имени (при этомъ онъ слегка шевельнулъ головой) брату нашему Сигизмунду, Королю Польскому и Великому Князю Литовскому». Вслѣдъ затѣмъ онъ сѣлъ, подозвалъ того и другого изъ нихъ и, протянувъ по порядку правую руку имъ, и даже дворянамъ ихъ, сказалъ имъ: «Теперь ступайте» и такимъ образомъ отпустилъ ихъ.»

Прощаніе это было послѣднимъ эпизодомъ придворнаго посольскаго церемоніала.

Отъѣздъ пословъ къ себѣ на родину обставлялся такъ же, какъ и ихъ пріѣздъ. Наряжался прежній или новый приставъ для сопровожденія пословъ до границы, а воеводамъ городовъ, черезъ которые они слѣдовали, приказывалось кормить ихъ и чествовать.

Происхожденіе Московскаго посольскаго церемоніала.

Посольскій церемоніалъ при Московскомъ дворѣ, сложившійся при великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ въ опредѣленныя формы, вырабатывался постепенно, по мѣрѣ развитія сношеній съ иноземцами и, несомнѣнно, образовался подъ вліяніемъ этихъ сношеній.

Въ нѣкоторыхъ его чертахъ видно вліяніе Византіи—чествованіе пословъ и одновременно лишеніе ихъ свободы, показываніе имъ множества войскъ и народа совпадаетъ съ пріемами, употреблявшимися въ Византіи. Въ excerpta de legationibus gentium ad Romanos, сборникѣ свѣдѣній объ иноземныхъ сношеніяхъ Византійскаго двора, составленномъ при императорѣ Константинѣ Багрянородномъ, въ статьѣ «Πῶς δεῖ πρεσβεύεσθαι καὶ πρεσβεύειν» (какъ надо посылать и принимать посольства) сказано: «Чужеземныхъ пословъ слѣдуетъ принимать съ почетомъ и щедростью, со слугами ихъ надо быть осторожными, чтобы они путемъ разспросовъ не пріобрѣли какихъ либо свѣдѣній. Посламъ сосѣднихъ державъ надо показывать не богатства свои и красоту женщинъ, но свою многочисленность и боевыя силы.»

На этомъ, повидимому, все вліяніе Византіи на Московскій посольскій церемоніалъ и ограничилось. Заимствовать оттуда ритуалъ аудіенціи Москва не могла, ибо тамъ онъ былъ основанъ на идеѣ главенства Византійскаго императора надъ всѣми остальными государями и потому былъ обставленъ сообразно съ этимъ горделивымъ представленіемъ.

Въ 15-й главѣ II книги De ceremoniis aulae Byzantinae такъ описывается этотъ пріемъ: «При входѣ посолъ поклоняется императорамъ, падая ницъ и тотчасъ играютъ органы. Послѣ этого онъ идетъ далѣе и становится на нѣкоторомъ разстояніи отъ императорскаго трона, органы же опять играютъ...... Когда Логофетъ (министръ почтъ и иностранныхъ дѣлъ) дѣлаетъ обычные вопросы послу, львы начинаютъ рычать и птицы, находящіяся на тронѣ и деревьяхъ, начинаютъ гармонично пѣть, звѣри же подымаются со ступеней на тронѣ. Въ это время протонаріемъ дрома вносится даръ посла, и снова немного времени спустя играютъ органы, львы же умолкаютъ, птицы перестаютъ пѣть и звѣри садятся на свои мѣста. Посолъ, послѣ осмотра дара, побужденный Логофетомъ, падаетъ ницъ и выходитъ. Въ то время, когда посолъ дѣлаетъ движеніе, чтобы уйти, органы играютъ, львы и птицы издаютъ свойственные имъ звуки, звѣри поднимаются съ своихъ мѣстъ. Когда посолъ выходитъ за завѣсу, органы играютъ, птицы же и звѣри садятся на свои мѣста.»

Въ Византіи императоръ даже не удостаивалъ посла вопросомъ лично—это дѣлалъ его вельможа; все было проникнуто высокомѣріемъ, недоступностью, представлено какое-то нечеловѣческое величіе.

Высокомѣріе было не свойственно Московскому двору, гдѣ по одному этому описанный ритуалъ не могъ служить первоисточникомъ.

По той же причинѣ не могло быть прямого заимствованія и отъ Золотой Орды, ибо и татарскій посольскій обрядъ былъ проникнутъ непомѣрною гордынею. При семъ идея о міровомъ владычествѣ соединялась у татаръ съ природной грубостью и языческимъ складомъ души.

Вліяніе татаръ сказалось весьма незначительно. Ханская ставка передала Московскому двору лишь отдѣльныя черты, напримѣръ, недопущеніе пословъ являться ко двору, имѣя при себѣ оружіе.

При сравненіи пріема пословъ европейскихъ государей Московскимъ дворомъ съ пріемомъ, оказываемымъ Московскимъ посламъ, обнаруживается полная тожественность

церемоніала. Но это было не заимствованіе, а взаимодѣйствіе. Москва сообразовалась съ относительнымъ достоинствомъ иноземныхъ государей, распространяла на нихъ взгляды мѣстничества и соотвѣтственно съ этимъ устанавливала пріемы и обращеніе съ ихъ послами.

Московскіе Самодержцы остерегались воздавать другимъ государямъ больше почета, чѣмъ по ихъ положенію тѣ заслуживали.

Въ 1532 году, при пріемѣ Хозеи Уссеина, посла Индійскаго хана Бабуры, великій князь Василій Ивановичъ «не приказывалъ хану о братствѣ», ибо не зналъ равенъ ли ему этотъ Индійскій государь, самодержецъ ли онъ или просто «урядникъ» Индійскаго царства.

Царь Иванъ Грозный также отказывалъ въ названіи брата королямъ Польскому и Шведскому, считая ихъ ниже себя, какъ государей не по «Божьему изволенію, а по многомятежному человѣческому хотѣнію», т. е. не прирожденныхъ, а избираемыхъ подданными.

На томъ же основаніи мѣстническихъ счетовъ азіатскихъ пословъ при Московскомъ дворѣ принимали иначе, чѣмъ европейскихъ.

По мѣрѣ того, какъ мѣнялось взаимное отношеніе государей, измѣнялся и церемоніалъ пріема ихъ пословъ.

Во времена владычества татаръ Московскій князь, по словамъ путешественника Михалона Литвина, долженъ былъ встрѣчать посланца хана за Москвою; пѣшимъ вести за уздцы его коня, съ котораго тотъ не слѣзалъ; ввести посла во дворецъ, посадить его на свой престолъ и колѣнопреклоненно слушать его посольство.

Повидимому, самому Ивану III приходилось продѣлывать, если не такую, то все же унизительную церемонію. Онъ выходилъ, по свидѣтельству Герберштейна, за городъ на встрѣчу татарскаго посла и выслушивалъ его стоя, тогда какъ тотъ сидѣлъ.

Послѣ освобожденія отъ татарскаго ига и паденія Золотой Орды, Московскій князь сталъ смотрѣть на бывшихъ владыкъ какъ равный имъ и въ пріемѣ пословъ Крымскихъ хановъ не осталось и слѣда прежняго униженія.

Однако ихъ принимали съ почетомъ, ибо въ Крымскомъ ханѣ нуждались.

Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ возвеличенія Московскихъ Государей, съ крымцами стали обращаться съ меньшимъ почетомъ. Еще менѣе церемонились съ послами ногайскими, калмыцкими и прочими азіатами.

Въ XVII вѣкѣ Московскіе цари чувствовали себя неизмѣримо выше и Крымскаго хана и другихъ азіатскихъ владыкъ, съ которыми приходилось имъ имѣть дѣло; соотвѣтственно съ этимъ и весь обрядъ пріема вылился именно въ формы отношенія высшаго съ низшимъ.

Пословъ Крымскаго хана и другихъ второстепенныхъ мусульманскихъ государей встрѣчалъ на границѣ приставъ и привозилъ ихъ въ Москву, гдѣ никакихъ встрѣчъ, которыми честили европейскихъ пословъ, не было.

Въ Москвѣ при нихъ состоялъ дворянинъ; въ день пріема каждому члену посольства выдавалась шуба, кафтанъ, однорядка, шапка и сапоги, которые они надѣвали отправляясь на царскихъ лошадяхъ на Казенный дворъ (впослѣдствіи—Посольскую избу). Тамъ они показывали свои грамоты, послѣ чего, по приказанію царя, приставъ вводилъ ихъ во дворецъ.

Истинное Изображеніе посольства или пословъ Великаго Князя Московскаго къ Его Императ
Его Императорскому Римскому Величеству представили вѣрющую грамоту

Warhafftige Contrafactur/ der Legation oder gesandten/ des Groß Fürsten auß Moscaw/ an den

Въ 1576 году, въ Регенсбургѣ, когда тамъ былъ Имперскій Сеймъ, появились разные народы. Но удивительно то, что Великій Князь Московскій, смѣлый и отважный, 12-го марта отправилъ своихъ пословъ въ Германію. Они, (какъ я узналъ) пріѣхали въ Регенсбургъ въ прошломъ Іюлѣ мѣсяцѣ, и были приняты самымъ блистательнымъ образомъ. Его Императорское Римское Величество, извѣстившись о ихъ прибытіи, отправилъ имъ на встрѣчу свои экипажи, вмѣстѣ съ придворными особами, чтобъ ихъ привезли самымъ великолѣпнымъ образомъ, какъ Его Величество признавалъ то приличнымъ. И такъ, они скоро и живо были привезены въ ихъ помѣщеніе. Послѣ того 18-го Іюля, послы пожелали представиться Его Императорскому Величеству, и онъ опять послалъ за ними свои собственныя кареты, вмѣстѣ съ придворными особами. Такимъ образомъ они вскорѣ и поспѣшно были привезены къ ЕгоИмператорскому Величеству. Тутъ-то всѣ видѣли, какъ алебардщики и драбанты стояли въ порядкѣ отъ Императорскаго дворца до Московскаго посольскаго дома. Когда же послы пріѣхали ко дворцу, они, какъ я слышалъ, вышли изъ экипажей, и попарно пошли, въ порядкѣ, пѣшкомъ. И кто пожелаетъ, увидитъ ихъ представленными здѣсь воочію, на рисункѣ. А самые знатные между ними будутъ названы здѣсь по именамъ.

Московское Посольство къ Его Императорскому Римскому Величеству.

Главный посолъ, князь Захарій Ивановичъ Сугорскій, дворянинъ и намѣстникъ Бѣлозерскій, идетъ впереди, въ червленномъ золотномъ платьѣ и мѣховой шапкѣ. Рядомъ съ нимъ шелъ его товарищъ, Андрей Гавриловичъ Арцыбашевъ, дьякъ, въ синемъ золотномъ платьѣ.

Во второй парѣ шли принадлежащіе къ посольству дворяне или бояре, какъ-то: Третьякъ Дмитріевичъ Зубатый старшій,

Оригиналъ, гравированный

честву· также въ какихъ одеждахъ и въ какомъ видѣ каждый явился ко двору, когда они ргѣ, на нынѣшнемъ имперскомъ сеймѣ, 18 Іюля настоящаго 1576 года.

dung vnd gestalt/ ein jeder gen Hof gezogen/ da sie der LXXVI. Jars.

Beschluß.

Gedruckt zu Prag/ durch Michael Petterle.

шли пятеро пословъ къ Его Императорскому Величеству, о томъ даетъ понятіе этотъ рисунокъ. Тотчасъ за этими послами слѣдовало двадцать особъ менѣе знатныхъ.

Между ними было также два мальчика, прислуживавшихъ имъ. Изъ числа помянутыхъ особъ, болѣе важныя несли подарки, которыми Великій Князь почтилъ Его Императорское Величество.

Подарки были слѣдующіе:

Во-первыхъ, главный посолъ поднесъ отъ имени своего Государя, Великаго Князя Московскаго Его Императорскому Величеству сорокъ соболей, и отъ себя также сорокъ соболей. Дьякъ поднесъ Его Императорскому Величеству также сорокъ соболей. Дворяне также по сорока соболей.

Подъячій поднесъ Его Императорскому Величеству пару соболей и обоимъ принцамъ, сыновьямъ Его Императорскаго Величества, каждому также по парѣ соболей.

Когда означенное посольство поднесло свои подарки и исполнило свое порученіе, оно было отвезено домой по прежнему, со всѣми почестями. И потомъ Его Императорское Величество угощалъ ихъ обѣденнымъ столомъ. А 15-го сентября они все совершенно покончили и получили отъ Императора, съ удовольствіемъ, подарки.

17-го числа они собрались и всѣ вмѣстѣ поѣхали обратно домой.

Заключеніе.

И такъ, послѣ того какъ Великій Князь пожелалъ обратиться къ Римской Имперіи для пользы и блага христіанства и чтобы мужественно дать крѣпкій отпоръ турку, мы должны теперь просить Бога, чтобъ Онъ соизволилъ помилосердствовать о насъ и своею могучею десницею защитилъ насъ отъ турка и всего его войска и далъ намъ спасти славу своего имени.

Также, чтобы онъ отечески призрѣлъ свое бѣдное христіанство и сохранилъ насъ повсюду при своемъ благомъ Словѣ, дабы мы могли, наконецъ, черезъ его святое имя быть вѣчно блаженны. Аминь.

Печатано въ Прагѣ Михаиломъ Петтерле.

По привилегіи Его Императорскаго Римскаго Величества не перепечатывать и не воспроизводить или копировать въ маломъ или большомъ видѣ,

въ Висбаденскомъ Музеѣ.

Царь принималъ ихъ въ повседневномъ одѣяніи, о здоровьѣ ихъ государя спрашивалъ сидя и не снимая шапки; послы же кланялись ему въ землю.

Грамоту отъ нихъ принималъ и говорилъ имъ рѣчь не Царь, а думный дьякъ, послѣ чего съ пословъ снимали однорядки и надѣвали на нихъ золотныя шубы.* Они подходили къ Царю, который не допускалъ ихъ къ рукѣ, а возлагалъ ее имъ на голову (карашевался)**. Затѣмъ имъ давали кубки романеи и ковши меду. Они выпивали ихъ и тѣмъ кончался пріемъ.

Рис. 190. Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ, посолъ Римскаго императора, въ подаренной ему Московскимъ великимъ княземъ русской шубѣ.

А «иные исъ тѣхъ пословъ, сообщаетъ Котошихинъ, выпивъ романѣю и медъ, суды берутъ къ себѣ и кладутъ за пазуху, а говорятъ они, послы: когда де царь пожаловалъ ихъ платьемъ і питьемъ—и тѣмъ судамъ годитця быті у нихъ же; и у нихъ тѣхъ судовъ царь отниматі не велитъ, потому что спороваться зъ бусурманомъ въ стыдъ; и для такихъ безстыдныхъ пословъ дѣланы нарочно въ Англинской землѣ сосуды мѣдные, посеребряные и позолочены.»

При отпускѣ Крымскихъ пословъ изъ Москвы имъ давалась отпускная грамота—«ихоиръ», при врученіи которой назначался и самый день отъѣзда. Такъ въ 1508 году получилъ «ихоиръ» Крымскій посолъ Янгура и ему было наказано передать хану поклонъ (челобитье) отъ великаго князя.

Таково было обращеніе съ послами второстепенныхъ, незначительныхъ государствъ. Къ посламъ государей равнаго достоинства примѣнялись основы равенства отношеній. Въ Москвѣ зорко слѣдили, чтобы при пріемѣ Московскаго посла иноземнымъ дворомъ достоинство Московскаго Государя ничѣмъ не было умалено. Если это было допущено какимъ-либо государемъ, съ нимъ расплачивались въ Москвѣ той же монетой.

Князь Мосальскій, присланный въ Москву Польскимъ королемъ въ 1487 году, не спросилъ Московскаго великаго князя объ его здоровьѣ и не привезъ ему отъ короля подарковъ—за это и Михаилу Еропкину, посланному въ 1488 году, не было наказано спросить Польскаго короля Казиміра объ его здоровьѣ и поднести ему подарки.

Отпуская Еропкина, король не передалъ великому князю поклона. Тогда и Иванъ III, отпуская послѣ того Мосальскаго, также не передалъ поклона королю. То же

* Подарки платьемъ получали также и послы европейскихъ государей. Графу Нугаролю и Герберштейну были пожалованы каждому: подбитая соболями шуба изъ золотой парчи съ голубыми разводами, съ широкими рукавами, пуговицами и петлицами; бѣлая шапка, окаймленная краснымъ сукномъ и собольимъ мѣхомъ и сапоги краснаго цвѣта (рис. 190). Кромѣ того, мѣха—два сорока соболей, 300 горностаевъ и 1500 бѣлокъ.

** В. Д. Смирновъ (Крымское Ханство, 363, прим. 1) сближаетъ слово *карашеваться* съ турецко-татарскимъ словомъ Кôрюшмâкъ—видѣться.

было и съ королемъ Римскимъ, Максимиліаномъ: въ 1492 году Иванъ III, отправляя къ нему посла, не приказалъ передавать ему поклона, такъ какъ его посолъ не правилъ поклона отъ короля. А наоборотъ, въ 1490 г., когда Траханіотъ, отправленный Иваномъ III къ Максимиліану, донесъ, что тотъ оказалъ ему великую честь, выслалъ за 5 верстъ встрѣчу, а на аудіенціи король и императоръ «сами встрѣчали его, ступивъ съ своего мѣста ступени три, четыре, да руку подавали стоя», а затѣмъ «посадили противъ себя на скамейкѣ близко», то и Иванъ III пріѣхавшаго отъ нихъ посла Георга фонъ-Турна честилъ совершенно такимъ же способомъ: выслалъ ему на встрѣчу посадника Юрія Хозяка, стоя подалъ послу руку и посадилъ его около себя на скамейкѣ, близко.

Равнымъ образомъ, Василій Ивановичъ принималъ Герберштейна и Нугароля совершенно такъ же, какъ ранѣе, въ 1518 году, Московскаго посла, Племянникова, принялъ въ Инспрукѣ Германскій императоръ. И въ XVII вѣкѣ, при царяхъ новой династіи, продолжали строго слѣдить за отношеніемъ къ нашимъ представителямъ за границей и принимали мѣры, чтобы обращеніемъ съ ними ни въ чемъ не была умалена честь пославшаго ихъ Государя. Въ 1613 г. императоръ, принимая нашихъ посланниковъ, Степана Ушакова съ дьякомъ Заборовскимъ, при имени Государя не всталъ, а лишь «маленко приклонился и шляпу сымалъ», а отпуская ихъ, «приказывалъ къ Государю челобитье сидя». То, что Ушаковъ и Заборовскій не возразили противъ этого, было имъ въ Москвѣ поставлено

Рис. 191. Представленіе пословъ великаго князя Василія Ивановича, Племянникова и Истомы Малаго, императору Максимиліану.

Гравюра Ганса Бургкмайера въ книгѣ «Der Weiss Kunig. Eine Erzehlung von den Thaten Kaiser Maximilian des Ersten. Von Marx Treitzsaurwein auf dessen Angeben Zusammen getragen, nebstden von Hannsen Burgmaier dazu verfertigen Holz schnitten. Wien 1775. *

* Гравюры Бургкмайера и рукописный текстъ этой книги, диктованный самимъ императоромъ Максимиліаномъ своему секретарю Трейтзауервейну, за смертью императора оставались неизданными до 1775 года, когда были найдены въ Вѣнской Королевской Придворной Библіотекѣ Курцбекомъ и напечатаны. Дьякъ Племянниковъ, Владиміръ Семеновичъ, былъ отправленъ 24 ноября 1517 г. съ толмачомъ Истомой Малымъ къ императору Максимиліану. Представлялся ему въ Инспрукѣ 23-го марта 1518 г. Цѣль посольства была объяснить императору, хлопотавшему чрезъ Герберштейна о прекращеніи войны съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ и объ освобожденіи Глинскаго, нашу справедливость и требовать обѣщаннаго имъ ранѣе содѣйствія противъ поляковъ.

въ вину, а посланному къ императору въ слѣдующемъ, 1614 году, Ивану Ѳомину, былъ данъ подробный наказъ, что̀ дѣлать и что̀ говорить, чтобы не допустить подобнаго умаленія чести Московскаго Государя.

Въ силу данныхъ инструкцій наши послы съ упорствомъ отстаивали свои права и честь, какъ представители Московскаго Государя, и были неумолимы въ дѣлѣ соблюденія подобающаго этикета, добиваясь своего, иногда послѣ продолжительнѣйшихъ пререканій, предпочитая совсѣмъ прервать сношенія, чѣмъ поступиться честью Царя. Это приводило иногда къ страннымъ положеніямъ. Напримѣръ, въ 1615 году, при съѣздѣ русскихъ и шведскихъ пословъ, расположившихся на мѣстѣ встрѣчи въ палаткахъ, возникъ споръ, къ кому изъ нихъ являться для переговоровъ. Въ виду равной неуступчивости обѣихъ сторонъ, было рѣшено поставить столъ такъ, чтобы одна часть его находилась въ палаткѣ русскихъ, другая — въ палаткѣ шведовъ, а середина — въ палаткѣ посредниковъ, причемъ русскіе согласились на это лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы бо̀льшая часть стола была вдвинута въ ихъ палатку.

Такимъ образомъ, въ Москвѣ точно повторяли тотъ посольскій обрядъ, который соблюдался при европейскихъ дворахъ по отношенію къ нашимъ представителямъ. Полное сходство нашего посольскаго церемоніала съ обрядомъ при европейскихъ дворахъ долженствовало указывать на равенство Московскаго Государя съ европейскими.

Устойчивость посольскаго церемоніала.

При великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ посольскій церемоніалъ выработался уже въ настолько опредѣленныя формы, что и въ послѣдующее время, въ XVI и XVII вѣкахъ, употреблялся безъ какихъ-либо существенныхъ измѣненій.

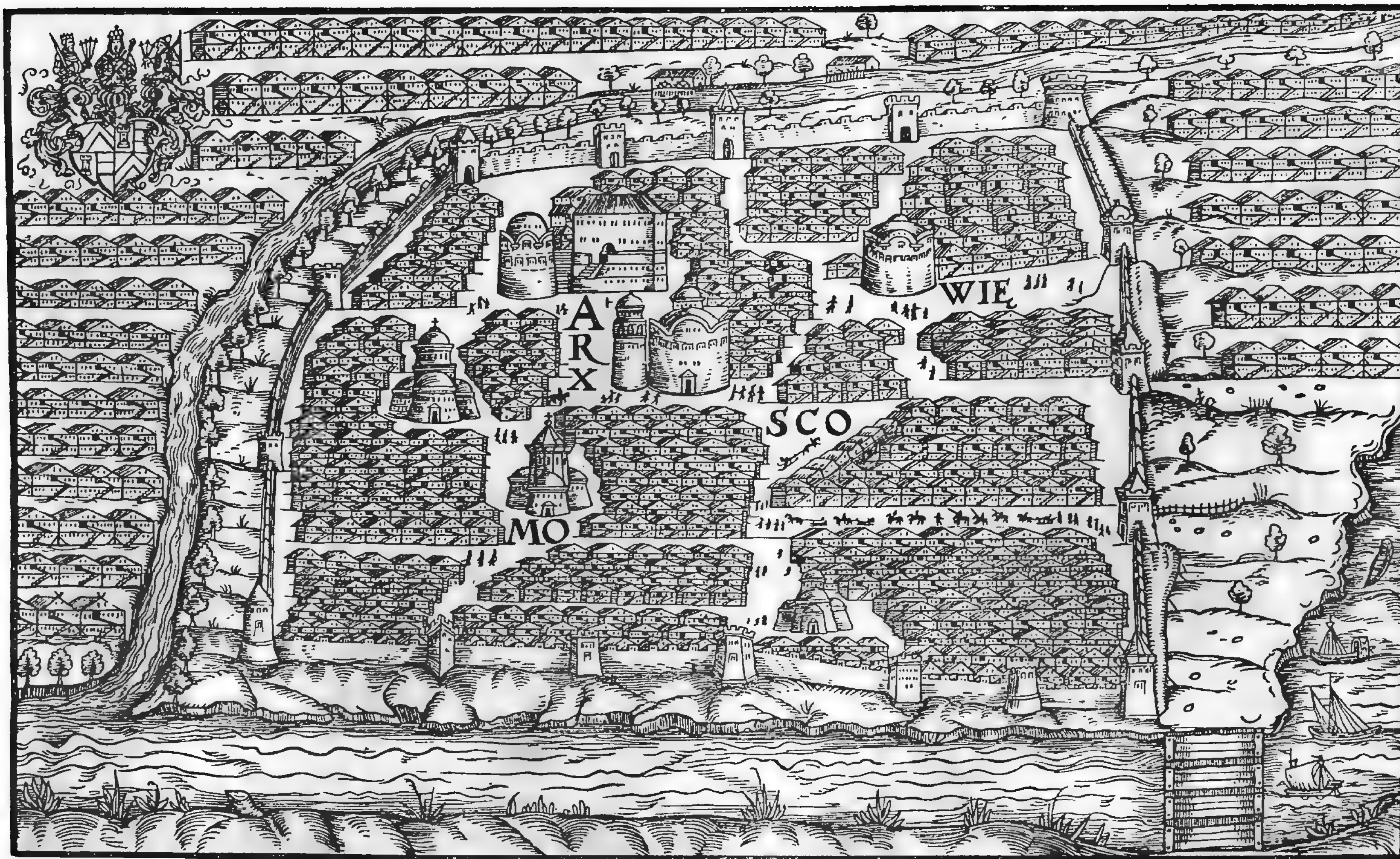
Противъ того, какъ принимали Герберштейна, оставившаго намъ первое обстоятельное описаніе данной ему аудіенціи, дѣлались лишь самыя незначительныя отступленія. Такъ, напримѣръ, Кобенцель и принцъ Бухарскій подносили Ивану Грозному подарки, чего Герберштейнъ не дѣлалъ; спрашивая пословъ о здравіи императора, царь Иванъ Грозный только вставалъ, но не сходилъ съ возвышенія трона, какъ дѣлалъ Василій Ивановичъ.

Отъ Герберштейна до Олеарія прошелъ цѣлый вѣкъ, но въ способѣ обращенія съ послами Олеарій могъ отмѣтить только двѣ перемѣны: первая — что пословъ перестали содержать какъ плѣнниковъ: послѣ торжественнаго пріема у Царя имъ предоставлялось право выходить, куда они хотятъ; вторая — что въ XVII вѣкѣ вмѣсто обѣда во дворцѣ жалованные царскіе кушанья и напитки стали приноситься, обыкновенно, къ посланникамъ на домъ. Все остальное оставалось до самаго конца XVII вѣка по старинѣ, нерушимо.

Посольскіе дьяки до 1613 года.

	Упоминаются въ документахъ между годами:		
Ѳедоръ Васильевичъ Курицынъ	1484 – 1501	Андрей Васильевъ (Игнатьевъ?) (думный)	1561—1570
Андрей Одинецъ	1488 – 1490	Иванъ Тимоѳеевичъ Клобуковъ .	1562
Андрей Ѳедоровичъ Майко.	1494 – 1501	Дружина Володимеровъ.	1566
Данило Кипріановъ сынъ Мамыревъ.	1497—1503	Казаринъ Юрьевичъ Дубровской	1559 – 1566
Болдырь Паюсовъ.	1494 – 1508	Андрей Яковлевичъ Щелкаловъ .	1563 – 1594
Лука Семеновъ. .	1508 – 1511	Василій Яковлевичъ Щелкаловъ (думный).	1571 – 1601
Губа Никита Семеновичъ Моклоковъ.	1508 – 1515	Иванъ Дорофеевъ сынъ Собакинъ .	1576
Григорій Меньшой Никитичъ Путятинъ.	1515 – 1539	Иванъ Андреевъ сынъ Трифоновъ .	1582
Труфанъ Ильинъ.	1517 – 1529	Посникъ Дмитріевъ сынъ Лодыгинъ. .	1589 – 1592
Ѳедоръ Мишуринъ.	1533 – 1538	Аѳанасій Ивановичъ Власьевъ (думный)	1600 – 1605
Матвѣй Третьякъ Михайловъ сынъ Раковъ.	1542 – 1543	Иванъ Тарасьевичъ Грамотинъ (думный) .	1602 – 1611
Григорій Захаровъ или Захаринъ .	1542	Василій Григорьевичъ Телепневъ (думный)	1606 – 1611
Иванъ Бакака Митрофановъ сынъ Карочаровъ	1548 – 1549	Андрей Ивановъ.	1594 – 1608
Иванъ Михайловичъ Висковатый (думный) .	1542 – 1563	Маркъ Поздѣевъ	1610

MOSCOVIA, QVATENVS MOENIBVS INCLV-
DITVR, ARX VOCATVR EXTRA MOENIA INGENS LIGNEA-
rum ædium numerus, ciuitas dicitur.

HOC FLVVIO EIVSDEM NOMINIS NAVIGATVR IN
Occam, Rha, et Caspivm mare.

Рис. 192. Видъ Москвы въ началѣ XVI вѣка.

[Изъ сочиненія Герберштейна — Записки о Московскихъ дѣлахъ.]

ГОСУДАРЕВЪ ДВОРЪ ВЪ КРЕМЛѢ ПРИ ВЕЛИКОМЪ КНЯЗѢ ВАСИЛІИ ИВАНОВИЧѢ.

Рис. 193. Планъ Кремля XVI вѣка (варіантъ плана Герберштейна). Изъ собранія Д. Я. Дашкова.

Кончина Московскаго Великаго Князя.

Болѣзнь великаго князя Василія Ивановича. Составленіе имъ духовнаго завѣщанія. Заботы о Государствѣ и наставленіе боярамъ. Благословеніе наслѣдника престола. Прощаніе съ супругой. Принятіе схимы. Смерть. Погребеніе.

Описанныя стороны оффиціальнаго быта Московскихъ Государей — коронованіе, бракосочетаніе, посольскій церемоніалъ и торжественные пріемы во дворцѣ, какъ и зданія Государева Кремлевскаго двора, при великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ приняли настолько законченныя формы, что остались неизмѣнными и въ послѣдующее время существованія Московскаго Государства. Равнымъ образомъ, при великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ создался уже основной характеръ Московскихъ Государей — тѣсное соединеніе двухъ началъ разнаго порядка: государственнаго, проявлявшагося иногда въ мѣрахъ суровыхъ, и личнаго, исполненнаго благодушія и благородства.

Эта сторона личности Московскаго Государя, какъ частнаго человѣка, ясно проявляется въ письмахъ великаго князя Василія Ивановича къ женѣ и въ лѣтописномъ* описаніи послѣднихъ дней его жизни.

Въ эти дни, когда душа готовится разстаться со всѣми земными условностями, когда человѣкъ стремится стать по преимуществу человѣкомъ, обнаружилось, до чего тѣсно слились въ Василіи Ивановичѣ человѣкъ съ Государемъ. Его заботы о государственныхъ дѣлахъ, которыхъ Василій Ивановичъ не забываетъ при изнурительной болѣзни даже въ день смерти, неразрывно связаны съ нѣжнѣйшимъ попеченіемъ о женѣ и дѣтяхъ.

---

* Софійская вторая Лѣтопись П. С. Р. Л. VI, 267.

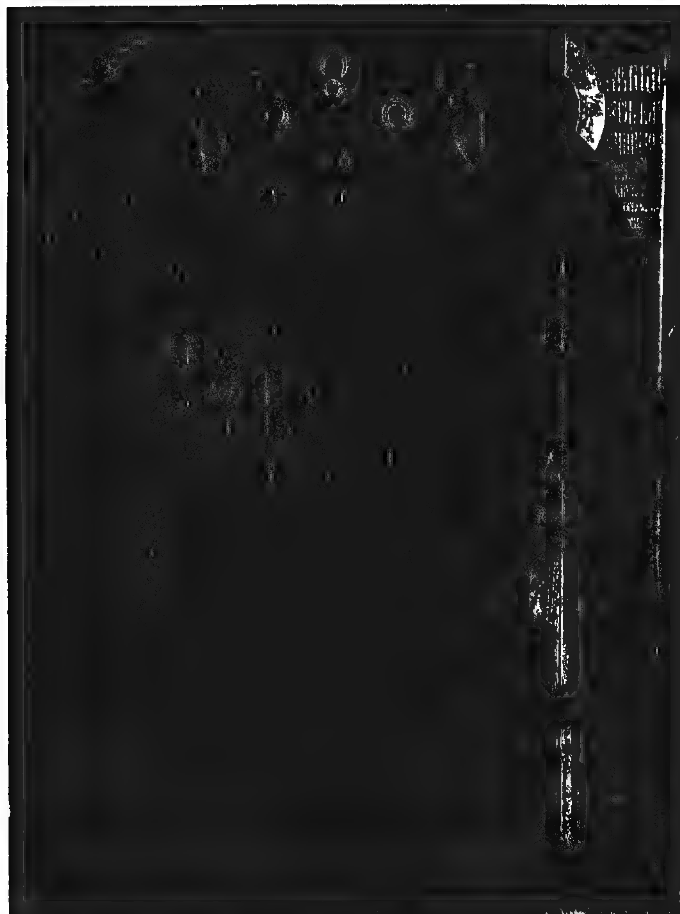

Рис. 194. Образъ Св. Василія Великаго и изображеніе великаго князя Василія Іоанновича въ схимѣ.
Изъ Московскаго Архангельскаго Собора.
(Императорскій Россійскій Историческій Музей).

Смерть застала великаго князя совершенно неожиданно, во цвѣтѣ лѣтъ. Въ сентябрѣ 1533 года онъ былъ вполнѣ здоровъ и, по обычаю, отправился съ супругой и двумя малолѣтними дѣтьми помолиться къ Троицѣ и оттуда въ свою вотчину, Волокъ Ламскій, на охоту. Дорогой появилась у него «мала болячка на лѣвой странѣ на стегнѣ, на сгибѣ, съ булавочную голову, връху же у нея нѣсть, ни гною въ ней нѣсть же, а сама багрова.» Вскорѣ этотъ маленькій прыщикъ на сгибѣ ноги сталъ давать себя чувствовать, и великій князь продолжалъ путь «нужно обдержимъ болѣзнію». По пріѣздѣ на Волокъ, въ недѣлю послѣ Покрова, великій князь присутствовалъ на пиру, данномъ въ его честь Тверскимъ дворецкимъ, Иваномъ Юрьевичемъ Шигоною-Поджогинымъ. Но уже на слѣдующій день, въ понедѣльникъ, онъ «великою нужею доиде до мылни; и за столомъ сѣдѣ во постельныхъ хоромѣхъ нужею». Тѣмъ не менѣе, на другое утро, во вторникъ, «бысть погодіе велико тѣшитися Государю» и онъ послалъ за своими ловчими, Ѳедоромъ Михайловичемъ Нагимъ, Борисомъ Васильевичемъ Дятловымъ, да за Бобрищемъ Пушкинымъ, «и не унявся, хотя тѣшитися», и поѣхалъ въ свое село Колпь,

«болѣзнью же обдержимъ скорбяще; до села же того ѣдучи мало бысть потѣхи». Пріѣхавъ въ Колпь, великій князь послалъ за своимъ братомъ, княземъ Андреемъ Ивановичемъ, «на потѣху къ собѣ». Тотъ вскорѣ пріѣхалъ и оба князя вмѣстѣ выѣхали въ поле съ собаками; но Василій Ивановичъ уже чувствовалъ себя такъ плохо, что проѣхавъ всего двѣ версты, возвратился назадъ и сѣлъ за столъ «изнемогающи». Съ тѣхъ поръ стола у него больше не было, но «вкушающи мало на постели» Пришлось вызвать изъ Москвы кн. Михаила Львовича Глинскаго (дядю великой княгини Елены) и докторовъ, Николая Булева (Луева) да Феофила. Врачи, по совѣту съ Михаиломъ Львовичемъ Глинскимъ, «начаша прикладывати къ болячкѣ муку пшеничную съ медомъ прѣснымъ и лукъ печеный.»*

Рис. 195. Поѣздка великаго князя Василія Ивановича въ село Колпь на охоту.
[Патріаршая Библіотека Царственная Книга.]

«Отъ того болячка нача рдѣтися; они же начаша болѣ прикладывати и учинися на болячкѣ аки прыщь малъ и появися въ ней мало гною.» Двѣ недѣли прожилъ великій князь въ Колпи и когда захотѣлъ вернуться на Волокъ, не могъ уже сѣсть верхомъ; его понесли на носилкахъ пѣши боярскіе люди и княжата. Въ Волокѣ болѣзнь усилилась: «А изъ болячки мало гною изсякаючи, верху же у нея нѣсть; рана же у нее аки иглою уткнута, а не прибудетъ ея, ни убудетъ. И повелѣ же князь велики прикладывати масть къ болячкѣ, и нача изъ болячки итти гною помалу, и поелику болши, яко до полутаза и по тазу; и бысть же князь велики въ скорби и въ болѣзни въ велицѣ. И тогда же въ грудѣхъ ему бысть тягость, и того ради взяша горошки и сѣмянники, и съ того пронесе ему на низъ, а болѣзнь его тяжка; и послѣ того порушися ему ѣства, не нача ѣсти.»

Видя плохой оборотъ болѣзни, великій князь рѣшилъ составить новое завѣщаніе, но прежде того озаботился объ уничтоженіи стараго, которое онъ написалъ еще въ 1510 году, до своего второго брака: существованіе его могло бы подать поводъ къ раздорамъ и привести даже къ роковымъ для великой княгини и малолѣтнихъ дѣтей послѣдствіямъ. Времена Шемяки были хорошо въ памяти. Посему Василій Ивановичъ

* Средство и до сихъ поръ употребляемое народомъ въ подобныхъ случаяхъ.

началъ дѣйствовать съ великой осторожностью. Онъ послалъ въ Москву за опаснымъ документомъ своего стряпчаго Якова Мансурова и дьяка Меншого Путятина, наказавъ имъ никому не говорить, даже великой княгинѣ и митрополиту, о цѣли своего пріѣзда. Посланные вскорѣ привезли духовныя его и его отца, соблювъ полную тайну. «И крыющеся и отъ братіи своей, отъ князя Юрья и отъ князя Ондрея, и отъ бояръ своихъ и отъ князя Михайла Лвовича Глинскаго; и слушавъ духовныхъ, свою духовную велѣлъ сжещи.» Тайна была соблюдена полнѣйшая: «и до Москвы же князь велики доѣде, а того у него не вѣдалъ никто, развѣе Шигоны и Меншого Путятина», двухъ преданнѣйшихъ слугъ.

Къ составленію новой духовной Василій Ивановичъ приступилъ какъ къ дѣлу великой важности, давъ его на обсужденіе своей Государевой Думы: «повелѣ къ собѣ принести тайно Меншому Путятину духовные грамоты и пусти въ думу къ собѣ къ духовнымъ грамотамъ дворецкого своего Тферскаго Ивана Юрьевича Шигону и дьяка своего Меншого Путятина, и нача мыслити князь велики кого пустити въ ту думу и приказати свой государевъ приказъ; а бояръ тогда бысть на Волоцѣ съ великимъ княземъ: князь Дмитрей Ѳедоровичь Бѣлской, да князь Иванъ Васильевичь Шуйской, да князь Михайло Лвовичь Глинской и дворецкіе его, князь Иванъ Ивановичь Кубенской, Иванъ Юрьевичь Шигона.» Тогда, вѣроятно прослышавъ про болѣзнь великаго князя, пріѣхалъ братъ его князь Юрій Ивановичъ. «Князь же велики таяше отъ него болѣзнь свою» и постарался его поскорѣй спровадить—«онъ же не хотѣ ѣхати; князь же велики отпусти его». Видимо, присутствіе брата, какъ претендента на престолъ, до составленія и утвержденія завѣщанія, обезпечивающаго жену и дѣтей, казалось великому князю если не опаснымъ, то во всякомъ случаѣ нежелательнымъ.

Тѣмъ временемъ болѣзнь шла своимъ ходомъ: «И тогда же передъ Чюдотворцевою памятью Варлаама Хутынского (6 Ноября) въ нощи тое много у него выиде изъ болячки гною, яко болѣ таза, и выиде изъ нее стержень болѣ полуторы пяди, но еще не весь стержень выиде изъ нее; князь же велики о томъ обвеселися, чая болѣзни своея облегченія.» Онъ послалъ въ Москву за своимъ гетманомъ Яномъ Малымъ; тотъ вскорѣ пріѣхалъ и началъ прикладывать къ болячкѣ «масть обычную, отъ Яновы же масти мало отокъ поляже». Тогда же великій князь послалъ въ Москву за бояриномъ своимъ Михаиломъ Юрьевичемъ Захарьинымъ (братомъ прадѣда будущаго царя Михаила Ѳеодоровича) и по его пріѣздѣ собралъ Боярскую Думу для обсужденія «какъ ему ѣхати къ Москвѣ и приговорилъ ѣхати» съ заѣздомъ въ Осифовъ (Волоколамскій) монастырь. Въ виду большой слабости «понеже изнеможе отъ зѣлные болѣзни» въ каптанѣ, въ которой ѣхалъ великій князь, вмѣстѣ съ нимъ находились кн. Димитрій Ивановичъ Шкурлятевъ и кн. Димитрій Щереда Ѳеодоровичъ Палецкой, чтобы дорогой переворачивать больного съ бока на бокъ. Они же, по пріѣздѣ въ монастырь, гдѣ великаго князя встрѣтилъ игуменъ съ братіею, взявъ подъ руки, довели до храма. Но великій князь не имѣлъ уже силы стоять въ церкви и принужденъ былъ лечь во время литургіи на одрѣ на паперти церковной. Всѣ были подавлены состояніемъ Государя. Діаконъ, начавъ «ектенію творити за Государя и не можаху въ слезахъ проглаголати, а игуменъ и братія горцы плачуще.

Во время этого путешествія присутствовалъ другой братъ великаго князя, Андрей Ивановичъ. Но, не доѣзжая до Москвы, великій князь отпустилъ его въ свой

удѣлъ. Тщательно избѣгая огласки о своемъ положеніи, великій князь рѣшилъ въѣхать въ Москву «не явно, понеже бо тогда на Москвѣ люди многые иноземцы и послы». Тѣмъ не менѣе извѣстіе о болѣзни Государя быстро распространилось. Когда великій князь до въѣзда въ городъ остановился на два дня въ своемъ пригородномъ селѣ Воробьевѣ, туда къ нему пріѣхалъ митрополитъ Даніилъ и тѣ бояре и дѣти боярскіе, которые не были съ нимъ на Волокѣ, въ числѣ ихъ кн. Василій Васильевичъ Шуйскій, Михаилъ Васильевичъ Воронцовъ и казначей Петръ Ивановичъ Головинъ. Состояніе Государя повергло всѣхъ въ смятеніе: «Много же бысть тогда во всѣхъ людехъ слезъ и рыданія, видяще такова государя въ немощи лежаща». Но больной крѣпился, не терялъ бодрости и распоряжался всѣмъ. Онъ повелѣлъ намостить мостъ черезъ Москву-рѣку противъ Новаго монастыря, такъ какъ ледъ на рѣкѣ еще недостаточно окрѣпъ, это и было исполнено подъ наблюденіемъ Московскихъ городничихъ Димитрія Ивановича Волынскаго и Алексѣя Хозникова. При переправѣ, лишь только лошади — два санника, запряженные въ каптану великаго князя, вступили на мостъ, какъ тотъ обломился; лошади провалились въ воду, но каптану удержали на рукахъ дѣти боярскіе, слѣдовавшіе за ней. Чтобъ освободить ее, обрѣзали у лошадей гужи. Пришлось вернуться назадъ. Великій князь «покручинился на городничихъ, а опалы на нихъ не положилъ и поѣде на поромъ подъ Дорогомиловымъ и въѣде въ славный свой градъ въ Москву въ ворота Боровицкіе, и внесоша его въ постелныя хоромы.»

Въ тотъ же день пріѣхалъ въ Москву къ великому князю и братъ его князь Андрей Ивановичъ. Великій князь спѣшилъ окончить дѣло съ составленіемъ духовнаго завѣщанія. Для того, чтобы обсудить его всесторонне, онъ созвалъ Боярскую Думу въ иномъ, чѣмъ въ Колпи, составѣ: изъ бояръ были позваны кн. Василій Васильевичъ Шуйскій, Михаилъ Юрьевичъ, Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, казначей Петръ Ивановичъ Головинъ и дворецкій Иванъ Юрьевичъ Шигона; изъ дьяковъ—Меншой Путятинъ и Ѳедоръ Мишуринъ. Обсудивъ съ ними всѣ обстоятельства, онъ приказалъ дьякамъ писать духовную и тогда же прибавилъ къ ранѣе позваннымъ боярамъ «къ собѣ въ Думу къ духовной грамотѣ» еще бояръ—Михаила Васильевича Тучкова и бывшихъ на Думѣ въ Колпи кн. Ивана Васильевича Шуйскаго, да Михаила Львовича Глинскаго; послѣдняго (посовѣтовавшись напередъ съ боярами), какъ родственника жены.

Къ тому времени подоспѣлъ въ Москву и другой братъ великаго князя, князь Юрій Ивановичъ. «И нача же князь велики думати съ тѣми же бояры и приказывати о своемъ сыну великомъ князѣ Иванѣ, и о великой княгинѣ Еленѣ, и о своемъ сыну князи Юрьи Васильевичи и о своей духовной грамотѣ.» Заботясь о земномъ, великій князь одновременно думалъ и о своей душѣ: «нача же думати со отцемъ своимъ Даниломъ митрополитомъ, и со владыкою Коломенскимъ Васьяномъ, и со отцемъ своимъ духовнымъ Алексѣемъ протопопомъ, чтобы ему во иноческій образъ облещися; понеже бо давно мысль его предлежаше въ чернечество.» Слѣдуя наслѣдственному тяготѣнію къ духовной жизни князей Русскихъ, потомковъ святого Владиміра и святого Александра Невскаго, онъ хотѣлъ умереть схимникомъ и готовился къ тому съ самаго начала болѣзни; даже платье схимника велѣлъ взять съ Волока; говорилъ о своемъ намѣреніи и Шигонѣ и Путятину и «тайно веземъ святые дары и масломъ священся». Теперь, «въ недѣлю предъ Николинымъ днемъ» (6 Декабря) велѣлъ служить литургію въ ц. Рождества Богородицы, чтобы пріобщиться св. Таинъ. Ослабѣвшій до того, что не

могъ самъ повернуться на постели, великій князь при этомъ сѣлъ въ придвинутое къ постели кресло, а для принятія св. Даровъ, которые ему принесъ его духовникъ Алексѣй протопопъ, «воста самъ на ноги своя и пріимъ честные дары честно и прослезися, дору же и пречистые хлѣба мало веземъ, и укропу же и кутіи и просфиры мало вкуси, и возлеже на постелю». Пріобщившись, великій князь призвалъ къ себѣ митрополита и своихъ обоихъ братьевъ, князей Юрія и Андрея, всѣхъ бояръ, которые, узнавъ о болѣзни Государя, съѣхались на Москву изъ своихъ вотчинъ, и сталъ говорить имъ: «Приказываю своего сына великого князя Ивана Богу и Пречистые Богородицы и святымъ чюдотворцомъ, и тебѣ отцу своему Данилу митрополиту всея Руси и даю ему свое государьство, которымъ мене благословилъ отецъ мой государь князь велики Иванъ Васильевичь всея Руси; а вы бы моя братія, князь Юрьи и князь Андрей, стояли крѣпко въ своемъ словѣ, на чемъ есмя крестъ цѣловали и крѣпости промежь нами, и о земскомъ бы есте строеніи и о ратныхъ дѣлѣхъ противу недруговъ моего сына и своихъ стояли общо, была бы православныхъ хрестьянъ рука высока надъ бесерменьствомъ.» И обратившись къ боярамъ, онъ убѣждалъ ихъ «прямо и неподвижно» безъ розни служить юному Государю. «Мы вамъ государи прирожденные», говорилъ онъ, «а вы наша извѣчная бояре»; «а ты бы, молвилъ онъ Глинскому, за моего сына великаго князя Ивана, и за мою великую княгиню Елену, и за моего сына князя Юрья кровь свою проліялъ и тѣло свое на раздробленіе далъ.»

Такъ говорилъ и убѣждалъ своихъ сподвижниковъ по правленію Русской землею отходящій Государь, указуя на главное—единеніе и вѣрность. Удрученный заботой о благѣ Государства и своихъ родныхъ, великій князь «своей болѣзни не чуяше, а раны у него не прибываше, токмо духъ отъ нея тяжекъ. Идуще же отъ нея нежди смертные.»

Это удручало больного. Призвавъ князя Глинскаго, да Михаила Юрьевича и докторовъ своихъ Николая Булева да Фефила, великій князь просилъ пустить въ рану водки или мази, чтобъ отъ нея не было духу. Михайло Юрьевичъ утѣшалъ страждущаго, совѣтовалъ ему отдохнуть сначала дня два и затѣмъ уже пустить въ рану водки. Князь же великій подозвалъ врача Николая и спросилъ его: «братіе Миколае! видѣлъ еси мое великое жалованье къ собѣ; можно ли тобѣ что сотворити, мasть или иное что, чтобы облегченіе болѣзни моей? «Видѣлъ я, государь, отвѣчалъ врачъ, къ себѣ твое великое жалованіе и если бы могъ, ради тебя тѣло бы свое раздробилъ, но моя мысль не иметъ опричь Божіей помощи.» Услышавъ это и понявъ, что надежды на выздоровленіе нѣтъ, великій князь началъ говорить дѣтямъ боярскимъ и стряпчимъ, бывшимъ тутъ: «братіе! гораздо Миколай надо мною позналъ мою болѣзнь, нѣчто непособная; надобѣ, братіе, промышляти, чтобы душа не погибла въ вѣкы.»

Стряпчіе и дѣти боярскіе горько заплакали, но тихо, чтобы не разстроить умирающаго, а, вышедъ вонъ, зарыдали горько и были «какъ мертвые».

Къ ночи больной затихъ и началъ какъ въ сновидѣніи пѣть: «аллилуя, аллилуя, слава тебѣ Боже»; потомъ, пробудясь, произнесъ «како Господеви годѣ, тако и бысть; буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка.»

Въ эту ночь (3 декабря), готовясь разстаться съ жизнью, великій князь приказалъ своему духовнику имѣть при себѣ запасные св. Дары. Тогда же пришелъ къ умирающему Троицкій игуменъ Іоасафъ, и великій князь просилъ его молиться за оставляемую жену и сына и не уѣзжать изъ Москвы до его кончины. Днемъ великій князь пріобщился

опять, но уже не имѣлъ силъ подняться съ постели; его приподняли подъ плечи. По причащеніи же «мало возвару вкуси». И опять призвавъ бояръ, онъ снова имъ давалъ указанія и о сынѣ, великомъ князѣ Иванѣ и объ устроеніи земскомъ и какъ править послѣ него Государствомъ. Бояре пробыли у больного цѣлыхъ 4 часа, отъ третьяго до седьмого часа. Затѣмъ ушли. Остались одни ближайшіе люди—Михайло Юрьевъ, да кн. Михайло Глинскій, да Шигона; они пробыли до самой ночи, и имъ снова и снова говорилъ великій князь о своей Государевой заботѣ—приказывалъ о своей великой княгинѣ Еленѣ «и како ей безъ него быти, и како къ ней бояромъ ходити, и о всемъ имъ приказа, како безъ него царству строитися.»

И тогда пришли къ великому князю его братья и стали уговаривать что нибудь поѣсть. Князь же великій «вкуси единые миндалные каши мало, токмо ко устомъ принесе». Братья ушли. Государь велѣлъ вернуть брата Андрея и выразилъ присутствующимъ желаніе благословить сына и жену: «вижу самъ, говорилъ онъ, что животъ мой къ смерти приближается, и хощу послати по сына своего Ивана и хощу его благословити крестомъ Петра чюдотворца, и хощу послати по жену мою по великую княиню, и хощу ей наказати, какъ ей по моемъ животѣ быти.» И сейчасъ же: «не хощу послати по сына по своего по великого князя по Ивана, понеже сынъ мой малъ, а язъ лежу въ великой своей немощи, и нѣчто бы отъ мене не дрогнулъ сынъ мой.» Но князь Андрей и бояре стали «притужати», говоря великому князю: «государь, князь велики! пошли по сына по своего по князя Ивана и благослови его; и пошли, государь, по великую княиню.»

Рис. 196. Рожденіе царя Ивана Васильевича Грознаго. [Императорская Публичная Библіотека. Лицевая Лѣтопись.]

Тогда больной послалъ за великой княгиней брата своего Андрея да князя Глинскаго. А напередъ велѣлъ принести своего сына, а самъ на себя положилъ крестъ Петра чудотворца. И принесъ къ нему младенца на рукахъ шуринъ его кн. Иванъ Глинской, а за нимъ пришла мамка младенца, Аграфена Васильевна.

Князь же великій, снявъ съ себя крестъ Петра чудотворца приложилъ къ нему сына своего и благословилъ его крестомъ, сказавъ ему: «буди на тобѣ милость Божія и пречистые Богородицы и благословеніе Петра чюдотворца, какъ благослови Петръ чюдотворецъ прародителя нашего великаго князя Ивана Даниловича, и донынѣ, и буди на тобѣ благословеніе Петра чюдотворца

и на твоихъ дѣтехъ и на внучатехъ отъ рода въ родъ; и буди на тобѣ мое грѣшнаго благословеніе, и на твоихъ дѣтехъ и внучатехъ отъ рода въ родъ.» И приказалъ тогда мамкѣ: «чтобы еси Огрофена, отъ сына моего Ивана не оступила ни пяди». И отпустилъ сына. Тогда же пришла великая княгиня къ великому князю. Ее едва могли удерживать князь Андрей Ивановичъ и боярыня Елена Челяднина: «бъющижеся великая княгиня и плачася горко, слезы же ея непрестанно текущи отъ очію ея яко источникъ велій». Видя ея горе, умирающій старался утѣшить ее, говоря: «жено, престани, не плачи, болѣзнь ми есть легче, не болитъ ми ничто, благодарю Бога». Дѣйствительно, великій князь не чувствовалъ болѣе своей болѣзни. Великая княгиня успокоилась немного, перестала плакать и начала говорить: «государь, князь велики! на кого мене оставляешь и кому, государь, дѣти приказываешь?» «Благословилъ есми, отвѣчалъ ей великій князь, сына своего Ивана государьствомъ и великимъ княженіемъ; а тобѣ есми написалъ въ духовной своей грамотѣ, какъ въ прежнихъ духовныхъ грамотахъ отець нашихъ и прародителей, по достоянію, какъ прежнимъ великимъ княгинямъ.»

Тогда начала просить великая княгиня за своего сына Юрія. Малютку, который былъ лишь одного года, принесли и отецъ благословилъ его и далъ ему крестъ Паисѣйнскій—и велѣлъ тотъ крестъ по своей кончинѣ отнести боярину Михаилу Юрьевичу. Благословивъ Юрія, онъ удостовѣрилъ супругу, что позаботился о его вотчинѣ и въ духовной «написалъ по достоянію».

Далѣе великій князь хотѣлъ «наказывати великой княгинѣ о житьѣ ея, но въ еѣ кричаньѣ не успѣ ни единаго слова ей наказати», она не хотѣла отъ него итти, но великій князь отослалъ ее насильно изъ за ея непрестаннаго вопля, давъ ей послѣднее цѣлованіе свое. «Жалостно бѣ тогда видѣти и слезъ и рыданія исполнено то время!» Окончивъ свои дѣла земныя, отходящій Государь не помышлялъ болѣе ни о чемъ, какъ о достойномъ переходѣ въ будущую жизнь—принятіи передъ смертію схимы. Онъ послалъ за Васьяномъ, Коломенскимъ владыкою и за старцемъ Мисаиломъ Сукинымъ, а также за игуменомъ Кирилловскаго монастыря, гдѣ первоначально хотѣлъ постричься. Но того въ Москвѣ не оказалось. Тогда призвалъ Троицкаго игумена Асафа и велѣлъ ему принести черное платье. Пришли къ нему и Даніилъ митрополитъ и братья, князья Андрей и Юрій и всѣ бояре и дѣти боярскіе. Принесли Московскія святыни—св. икону Владимірской Божіей Матери и образъ св. Николая Гостунскаго. Желая пріобщиться еще разъ передъ самой смертью, великій князь послалъ Шигону за духовникомъ своимъ о. Алексѣемъ, велѣвъ ему принести изъ церкви служебные Дары. И велѣлъ спросить его: «во обычай ли ему то дѣло, егда разлучается душа отъ тѣла». Тотъ отвѣчалъ, что ему «мало того бывало». Тогда великій князь приказалъ ему стоять противъ себя съ Дарами, а рядомъ поставилъ стряпчаго Ѳедла Кучецкаго, присутствовавшаго при смерти отца его, великаго князя Ивана III. Когда все было готово, велѣлъ своему крестовому дьяку Данилку пѣть канунъ великой мученицѣ Екатеринѣ, и канонъ на исходъ души и отходную читать. И какъ начали пѣть канонъ, забылся немного, затѣмъ очнувшись отъ сна, сталъ говорить, какъ будто видя видѣніе: «великая Христова мученица Екатерина, пора царствовати, ино госпожа царствовати». Взялъ образъ св. Екатерины, приложился къ нему и коснулся до образа правой рукой, которая болѣла. Тогда принесли мощи вел. муч. Екатерины. Великій князь приложился къ мощамъ и коснулся ихъ правой рукой. И призвалъ къ себѣ боярина М. С. Воронцова,

поцѣловался съ нимъ и простилъ его. Затѣмъ долго лежалъ. Къ нему подошелъ его духовникъ о. Алексѣй, желая дать Дары, «онъ же унявъ его рече ему: видиши самъ, что лежу боленъ, а въ разумѣ своемъ; и егда станетъ душа отъ тѣла разлучатися, тогда ми дай Дары; смотри же мя разумно и береги.»

Спустя немного, подозвалъ брата своего князя Юрья и сказалъ ему: «помниши ли, брате, коли отца нашего великаго князя Ивана не стало назавтрѣе Дмитреева дня, въ понедѣлникъ, понеже бо немощь его томила день и нощь? а мнѣ, брате, такоже смертный часъ и конецъ приближается.» Подождавъ немного, подозвалъ къ себѣ митрополита и всѣхъ: «видите сами, обратился онъ къ нимъ, изнемогохъ и къ концу приближихся, а желаніе мое давно бысть постричися; постригите мене.»

Митрополитъ и бояринъ Михайло Юрьевичъ одобрили это рѣшеніе, но имъ стали возражать кн. Андрей Ивановичъ и Воронцовъ и Шигона, говоря: «князь велики Владимеръ Кіевскій умре не въ чернцехъ, не сподобися ли праведного покоя? и иные великіе князи не въ чернцехъ преставилися, не съ праведными ли обрѣли покой?»

Рис. 197. Постриженіе великаго князя Василія Ивановича.
(Московская Синодальная библіотека. Царственная Книга.)

«И бысть промежу ими пря велика». Между тѣмъ великій князь настоятельно просилъ выполнить обрядъ постриженія. «Исповѣдалъ есми тебѣ», говорилъ онъ митрополиту, «всю свою тайну, еже желаю чернечества: чего тако долежати? но сподоби мя облещися во мнишескій чинъ, постриги мя.»

И опять, мало подождавъ, просилъ: «тако ли ми, господине митрополитъ, лежати?» Началъ креститься и говорить: «Аллилуя, аллилуя, слава тебѣ Боже и начатъ говорити изъ Икосовъ словеса выбираючи, а иные словеса тихо въ собѣ глаголати, и крестящеся рече: радуйся, утробо божественнаго воплощенія; и потомъ начатъ глаголати: ублажаемъ тя, преподобне отче Сергіе, и чтемъ святую память твою, наставниче инокомъ и събесѣдниче ангеломъ.» Душа умирающаго отошла отъ земного и вся мысль сосредоточилась на иномъ мірѣ. Конецъ его приближался. Уже языкъ пересталъ ему повиноваться, умирающій не могъ произнести слова, но взглядомъ, движеніемъ руки продолжалъ просить постриженія—цѣловалъ простыню. Уже рука правая отказыва-

лась служить. Ее поддерживалъ бояринъ Михайло Юрьевичъ и великій князь не переставалъ творить на лицѣ своемъ крестное знаменіе «зряще горѣ направо, на образъ Пречистые Богородицы, висѣвшій предъ нимъ на стѣнѣ». Послѣднія минуты приближались, колебаться не оставалось времени. Митрополитъ послалъ старца Мисаила принести въ комнату черническое платье. Еще при первомъ причащеніи по пріѣздѣ въ Москву, великій князь исповѣдовалъ митрополиту свое желаніе постричься, говоря: «аще ли не дадутъ мене постричи, но на мертваго меня положите платіе черническое; бѣ бо издавна желаніе мое». Теперь, когда настало время, исполненію желанія было оказано сопротивленіе. Митрополитъ былъ принужденъ пригрозить князю Андрею, препятствовавшему постриженію: «не буди на тобѣ наше благословеніе, ни въ си вѣкъ, ни въ будущи; занеже сосудъ сребрянъ добро, а позлащенъ того лутши». Тогда князь Андрей смирился и пересталъ препятствовать. Великій князь кончался, спѣшили совершить обрядъ постриженія. Митрополитъ положилъ на Троицкаго игумна епитрахиль, а самъ постригъ умирающаго Государя, положилъ на него перемонатку и ряску; а манатіи не оказалось, такъ какъ въ попыхахъ ее по дорогѣ выронили. И взялъ съ себя манатью Троицкій келарь Серапіонъ Курцовъ и возложили на него и схиму ангельскую и Евангеліе на грудь. Вблизи стоялъ Шигона; лишь только положили Евангеліе на грудь умирающаго «и видѣ Шигона духъ его отшедше аки дымець малъ: бѣ же въ тѣ поры плачъ и рыданіе во всѣхъ людехъ и зѣлное стенаніе..... и просвѣтися лице его аки свѣтъ и бысть бѣлъ аки свѣтъ, по преставленіи же его отъ раны духу не бысть и исполнися храмъ той благоуханія.»

Была полночь. Митрополитъ самъ омылъ скончавшагося—«веземъ бумагу хлопчату и воды мало возпусти на нее, и отре его отъ пояса»; тѣло облекли во всю иноческую одежду. «Тогда же бысть плачъ и рыданіе неутѣшно во всѣхъ людехъ». Митрополитъ и бояре унимали людей отъ плача, но изъ за крика не было слышно словъ. Унималъ же митрополитъ ради великой княгини, которая еще не знала о смерти мужа.

Тогда митрополитъ взялъ князей Андрея и Юрія въ переднюю избу и привелъ ихъ къ крестному цѣлованію въ томъ, «что служити великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и его матери великой княгинѣ Еленѣ; а жити имъ на своихъ удѣлѣхъ, а стояти имъ въ правдѣ, на чемъ цѣловали крестъ великому князю Василію Ивановичу всея Руси и крѣпости промежу ими съ великимъ княземъ Васильемъ, а государьства имъ подъ великимъ княземъ Иваномъ не хотѣти, ни людей имъ отъ великого князя Ивана къ собѣ не отзывати; а противу недруговъ великого князя и своихъ, Латынства и Бесерменства, стояти имъ прямо вобчи заодинъ.»

Затѣмъ цѣловали крестъ бояре, боярскіе дѣти и княжата въ томъ, чтобы «имъ великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и его матери великой княгинѣ Еленѣ и всей земли, хотѣти имъ добра вправду, и отъ недруговъ великого князя и всея земли, отъ Бесерменства и отъ Латынства, стояти вобчи заодинъ, а иного имъ государя мимо великого князя Ивана не искати.»

Послѣ принесенія присяги всѣ двинулись къ великой княгинѣ. Увидѣвъ это шествіе, она поняла въ чемъ дѣло, упала безъ чувствъ и лежала часа два какъ мертвая, едва очнулась. Всѣ утѣшали ее. Тѣмъ временемъ около тѣла великаго князя оставались Троицкій игуменъ Іоасафъ, да старецъ Мисайло Сукинъ. Они наряжали его сообразно монашескому чину. Расчесали бороду, положили подъ него постелю черну тафтяну,

принесли изъ Чудова монастыря одръ и положили тѣло на него. Всѣ эти обряды, какъ надъ лицомъ духовнымъ, совершали старцы Осифовскіе (т. е. изъ Волоколамскаго монастыря); стряпчихъ же великокняжескихъ отослали. Великокняжескіе дьяки крестовые съ протопопомъ отпѣли заутреню и часы и каноны, какъ было и при жизни великаго князя. И тогда пошелъ къ тѣлу прощаться народъ, и боярскіе дѣти и княжата и гости и всѣ люди. Поутру, въ первомъ часу дня, митрополитъ велѣлъ звонить въ большой колоколъ, бояре же, «поговоря съ митрополитомъ и братьею великого князя, повелѣша во Архангелѣ ископати гробъ ему подлѣ отца его....» И послали шатерничаго Русина Иванова Семенова, снявъ мѣру съ усопшаго, привезти каменный гробъ. Тѣмъ временемъ въ комнатѣ почившаго собрались митрополитъ и всѣ духовныя власти, оказавшіяся въ Москвѣ. Пришли братья, бояре и весь народъ «плачуще и рыдающе горко, и повелѣша тогда пѣти діакомъ его пѣвчимъ болшой станицѣ стати въ дверехъ у комнаты.» И начали пѣть «Святый Боже». Тогда же взяли тѣло великаго князя—инока Варлаама, старцы Троицкіе и Осифовскіе и понесли его на головахъ и вынесли его въ переднюю избу, оттуда на крыльцо. За гробомъ шли со свѣчами и кадилами, съ пѣніемъ «Святый Боже». И какъ снесли его на площадь «ино бысть слезъ и кричанія отъ народа, яко же и звону въ колоколы не слышати, якоже и земли возстенати». Великую же княгиню несли изъ ея хоромъ въ саняхъ на себѣ дѣти боярскіе. За нею слѣдовали бояре кн. Василей да кн. Иванъ Васильевичъ Шуйскіе, Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, кн. Михаилъ Львовичъ Глинскій. Боярыня же была тогда съ великой княгиней княгиня Настасья, жена Ѳедора Мстиславскаго.»

Рис. 198. Выносъ тѣла великаго князя Василія Ивановича.

[Патріаршая библіотека. Царственная Книга.]

Такъ умиралъ великій князь Московскій съ непреложнымъ, яснымъ сознаніемъ своего долга Государя, съ живой вѣрой въ Бога, любовію и заботой о ближнихъ.

Служилые люди при Московскомъ великокняжескомъ дворѣ, назначенные великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ.

Бояре:

Кн. Василій Васильевичь Шуйской. 1506 † 1539 г.
Григорій Ѳедоровичь Давыдовъ. 1506 † 1518 г.
Кн. Василій Семеновичь Одоевской. 1506 † 1533 г.
Юрьи Константиновичь Сабуровъ. 1506 † 1512 г.
Кн. Михайло Ивановичь Голица-Булгаковъ. 1510 † 1558 г.
Иванъ Андреевичь Челяднинъ. 1510 † 1515 г.
Кн. Михайло Васильевичь Кислой (Кислица) Горбатой-Суздальскій. 1513 † 1535 г.
Кн. Михайло Даниловичь Щенятевъ. 1513 † 1534 г.
Кн. Борисъ Ивановичь Горбатой-Суздальской. 1513 † 1536 г.
Кн. Иванъ Михайловичь Репня-Оболенской. 1513 † 1523 г.
Кн. Никита Хромой Васильевичь Оболенской. 1513 † 1540 г.
Ѳедоръ Никитичь Бутурлинъ. 1513 † 1520 г.
Василій Андреевичь Челяднинъ. 1513 † 1518 г.
Иванъ Никитичь Бутурлинъ. 1513 † 1538 г.
Андрей Никитичь Бутурлинъ. 1513 † 1538 г.
Кн. Юрьи Дмитріевичь Пронской. 1514 † 1523 г.
Кн. Александръ Андреевичь Хохолковъ-Ростовской. 1514 † 1530 г.
Кн. Иванъ Дмитріевичь Пронской. 1514 † 1523 г.
Ѳедоръ Юрьевичь Щука-Кутузовъ. 1514 † 1531 г.
Кн. Иванъ Васильевичь Бѣлевской. 1514 † 1523 г.
Михайло Семеновичь Воронцовъ. 1514 † 1539 г.
Кн. Иванъ Андреевичь Лугвица-Микулинской. 1514 † 1525 г.
Кн. Семенъ Ѳедоровичь Курбскій. 1515 † 1527 г.
Кн. Иванъ Васильевичь Теляшъ-Романовскій. 1515 † 1520 г.
Кн. Василій Даниловичь Пенько. 1517 † 1532 г.
Кн. Юрьи Андреевичь Хохолковъ Ростовской. 1517 † 1529 г.
Кн. Иванъ Ивановичь Щетина-Оболенской. 1519 † 1538 г.
Кн. Петръ Лобанъ Семеновичъ Реполовской. 1519 † 1524 г.
Кн. Ѳедоръ Лопата Васильевичъ Телепневъ-Оболенской. 1519 † 1530 г.
Кн. Дмитрій Ѳедоровичь Бѣльской. 1521 † 1550 г.
Михайло Юрьевичь Захарьинъ-Юрьевъ. 1521 † 1538 г.
Кн. Андрей Борисовичь Горбатой. 1521 † 1532 г.
Кн. Иванъ Ѳедоровичь Бѣльской. 1522 † 1539 г.
Кн. Семенъ Ѳедоровичь Бѣльской. 1522 г.
Кн. Михайло Львовичь Глинской. 1524 † 1534 г.
Кн. Иванъ Нѣмой Васильевичъ Телепневъ-Оболенской. 1524 † 1534 г.
Кн. Семенъ Дмитріевичь Серебряный. 1524 † 1535 г.
Кн. Иванъ Даниловичь Пенько. 1524 † 1543 г.
Иванъ Васильевичь Хабаръ-Симской-Образцовъ. 1524 † 1534 г.
Кн. Михайло Ивановичь Кубенской. 1526 † 1550 г.
Кн. Ѳедоръ Ивановичь Одоевской. 1528 † 1547 г.
Кн. Иванъ Ивановичь Барбашинъ Суздальской. 1529 † 1541 г.
Кн. Иванъ Васильевичь Шуйской. 1531 † 1546 г.
Кн. Василій Андреевичь Микулинской. 1531 † 1540 г.
Иванъ Григорьевичь Морозовъ-Поплевинъ. 1531 † 1549 г.
Михайло Васильевичь Тучковъ. 1531 † 1535 г.
Кн. Иванъ Ѳедоровичь Овчина Телепневъ-Оболенской. 1532 † 1539 г.
Андрей Васильевичь Сабуровъ. 1532 † 1534 г.
Кн. Иванъ Андреевичь Катыревъ-Ростовской. 1532 † 1543 г.
Василій Григорьевичь Морозовъ. 1532 † 1538 г.
Кн. Романъ Ивановичь Одоевской. 1532 † 1536 г.

Окольничіе:

Кн. Константинъ Ѳедоровичь Ушатый. 1506 † 1522 г.
Константинъ Григорьевичь Заболоцкой. 1506 † 1515 г.
Михайло Константиновичь Беззубцевъ. 1510 † 1511 г.
Иванъ Григорьевичь Морозовъ-Поплевинъ. 1510–1531 г.
Андрей Васильевичь Сабуровъ. 1510 – 1532 г.
Кн. Петръ Васильевичь Великой. 1510 – 1513 г.
Иванъ Васильевичь Хабаръ-Симской-Образцовъ. 1510 – 1524 г.
Кн. Василій Ивановичь Ноздреватый. 1510 † 1512 г.
Петръ Яковлевичь Захарьинъ. 1510 † 1522 г.
Иванъ Андреевичь Жулебинъ. 1510 † 1520 г.
Петръ Ивановичь Житовъ. 1510 † 1516 г.
Иванъ Лобанъ Андреевичъ Колычевъ. 1512 † 1515 г.
Андрей Никитьевичь Бутурлинъ. 1513–1513 г.
Василій Яковлевичь Захарьинъ. 1514 † 1528 г.
Иванъ Васильевичь Лядской. 1514 г.
Дмитрій Васильевичь Китаевъ. 1514 † 1520 г.
Ѳедоръ Муса Пѣшковъ-Сабуровъ. 1516 † 1519 г.
Василій Григорьевичь Морозовъ. 1516–1532 г.
Ѳедоръ Ивановичь Карповъ. 1517 † 1530 г.
Михайло Васильевичь Тучковъ. 1518–1531 г.
Михайло Андреевичь Плещеевъ. 1522 † 1531 г.
Кн. Иванъ Ѳедоровичь Ушатый. 1522 † 1524 г.
Кн. Семенъ Дмитріевичь Оболенской-Серебряной. 1522 г.
Кн. Иванъ Нѣмой Васильевичь Телепневъ-Оболенской. 1522–1524.
Кн. Михайло Ивановичь Кубенской. 1523–1526.
Кн. Андрей Петровичь Великой. 1523 † 1529 г.
Кн. Иванъ Ѳедоровичь Палецкой. 1524 † 1531 г.
Ѳедоръ Ивановичь Беззубцевъ. 1525 † 1534 г.
Яковъ Григорьевичь Морозовъ-Поплевинъ. 1538 † 1538 г.

Дворецкіе:

Бояринъ Василій Андреевичь Челяднинъ. 1513 † 1518 г.
Бояринъ кн. Ѳедоръ Лопата Васильевичь Оболенской. 1519 † 1530 г.
Бояринъ Михайло Васильевичь Тучковъ. 1531 † 1535 г.

Конюшій:

Иванъ Ѳедоровичь Овчина Телепневъ-Оболенской. 1533 † 1539 г.

Ясельничіе:

Иванъ Ивановичь Суковъ. 1509 † 1517 г.
Ѳедоръ Семеновичь Хлоповъ. 1518 † 1529 г.

Крайчіе:

Иванъ Юрьевичь Сабуровъ. 1414–1524 г.
Кн. Юрьи Михайловичь Голицынъ-Булгаковъ. 1525–1530 г.
Кн. Иванъ Ивановичь Кубенской. 1531–1535 г.

Казначеи:

Юрьи Дмитріевичь Малой Траханіотъ. 1511 † 1513 г.
Петръ Ивановичь Головинъ. 1514 † 1525 г.
Иванъ Ивановичь Третьяковъ. 1526 † 1543 г.

Оружничіе:

Андрей Михайловичь Салтыковъ. 1511 † 1522 г.
Никита Ивановичь Карповъ. 1523 † 1532 г.
Кн. Юрьи Ивановичь Щстининъ. 1533 † 1549 г.

Постельничіе:

Михайло Семеновичь Яробкинъ. 1508 † 1513 г.
Яковъ Мансуровъ. 1514 † 1520 г.
Казаринъ Алексѣевичь Буруновъ. 1521 † 1532 г.

Ловчіе:

Михайло Ивановичь Нагой. 1509 † 1525 г.
Михайло Васильевичь Дятловъ.
Давидъ Григорьевичь Проѣстевъ. 1526 † 1534 г.

Сокольничій:

Михайло Степановичь Кляпикъ-Яробкинъ.

Печатники:

Юрьи Дмитріевичь Траханіотовъ.–1506 г.
Микула Ивановичь Ангеловъ.–1509 и 1510 г.
Андрей Ивановичь Кертмазовъ. 1510 г.
Иванъ Дмитріевичь Бобровъ. 1510 г.
Яковъ Ивановичь Мансуровъ. 1513 г.
Ѳедоръ Васильевичь Кучинской. 1513 г.
Иванъ Ивановичь Третьяковъ. 1523 г.

Рис. 199. **Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный** (1533—1584).

Великій Государь, царь и великій князь, всея Русіи Самодержецъ, Владимерскій, Московскій, Новгородскій, царь Казанскій, царь Астраханскій, Государь Псковскій и великій князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермьскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ, Государь и великій князь Новгорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Полотцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны повелитель, и Государь отчинный земли Лифляндскіе и инымъ многимъ землямъ Восточнымъ и Западнымъ и Сѣвернымъ отчичь и дѣдичь и наслѣдничь. *

[Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Титулярникъ.]

---

* Для приданія титулу особой торжественности Іоаннъ сталъ предпосылать ему такъ называемое «богословіе», что было усвоено и его преемниками. Это религіозное обоснованіе царскаго достоинства не имѣло установленнаго содержанія. Оно измѣнялось каждымъ Государемъ произвольно. Послѣдніе года своего царствованія Грозный начиналъ его въ нѣкоторыхъ грамотахъ къ Европейскимъ государямъ слѣдующей молитвой Святой Троицѣ: «Троице пресущественная и пребожественная и преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя, истиннымъ хрестьяномъ дателю премудрости пресвѣдомый и пресвѣтлій крайній Верхъ! направи насъ на истину твою и настави насъ на повелѣнія твоя, да возглаголемъ о людѣхъ твоихъ по волѣ твоей. Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію и хотѣніемъ удрьжахомъ скифетръ россійскаго царствія мы великій Государь, царь и т. д.

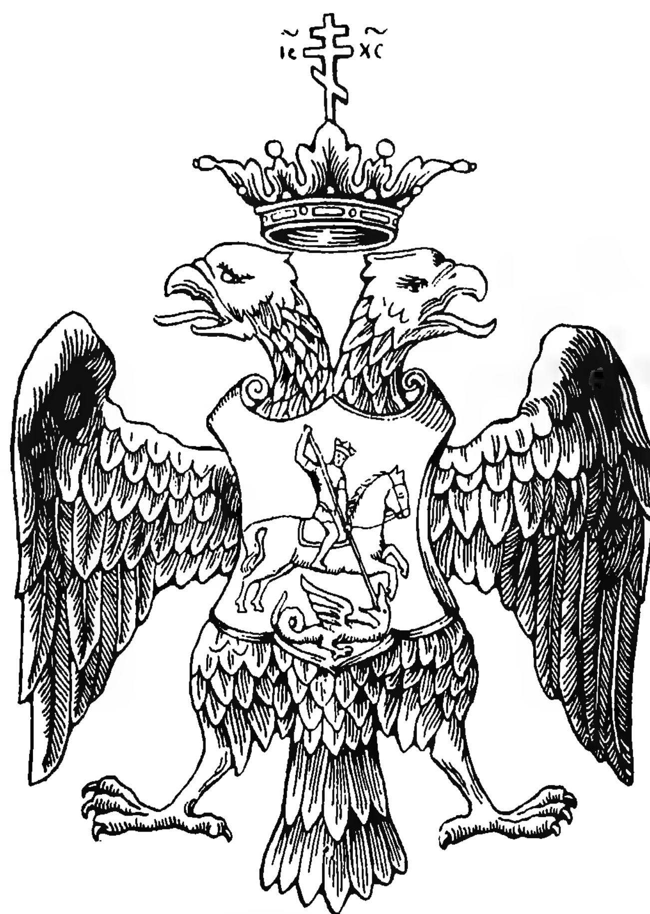

Рис. 200. Съ золотой буллы 1562 года царя Іоанна IV Васильевича.

(П. И. Бѣлавенецъ. Труды Высочайше учрежденной Трофейной Комиссіи.)

Государевъ дворъ въ Кремлѣ
при царѣ Іоаннѣ IV Васильевичѣ Грозномъ.

Обновленіе дворца послѣ пожара 1547 года. Новая стѣнопись Золотой палаты.

Скончавшійся Государь, достойный завершитель дѣла Ивана III, великаго строителя Кремля и Государства Московскаго, оставилъ своему преемнику все готовое—и царственный Кремль, и выработанныя правила придворной жизни.

Кремлевскій царскій дворецъ былъ вполнѣ готовъ, убранъ всѣмъ необходимымъ для Государева обихода, содержался въ образцовомъ порядкѣ, какъ и все дворцовое хозяйство въ Москвѣ и во всѣхъ великокняжескихъ имѣніяхъ.

Созидать что либо заново въ дворцовомъ хозяйствѣ не было надобности, достаточно было поддерживать уже созданное. Расширеніе и украшеніе было дѣломъ не необходимости, а избытка и роскоши. Поэтому въ первые годы новаго царствованія въ Кремлевскомъ великокняжескомъ дворѣ, по всей вѣроятности, не предпринималось ничего новаго. При жизни великой княгини Елены приходилось заботиться объ обезпеченіи столицы отъ внѣшняго врага (постройка Китая-города поглощала значительныя средства), а по ея смерти царскій дворъ представлялъ собою бушующее море внутренней борьбы, что всегда не благопріятствуетъ домоустройству. Какія либо новыя постройки могли быть начаты лишь съ того времени, какъ установилось твердое правленіе, что̂ совпало съ пожаромъ 1547 года, вызвавшимъ необходимость строительства.

Пожаръ этотъ произвелъ громадныя опустошенія. Въ царскомъ дворѣ «погорѣли на полатахъ кровли и избы древяные и полаты украшеные златомъ и казенной дворъ съ царскою казною, и церковь на царскомъ дворѣ у царскіе казны Благовѣщеніе злато-

верхая; дѣисусъ Андрѣева письма Рублева златомъ обложенъ и образы украшенныя златомъ и бисеромъ многоцѣнныя греческаго письма прародителей его отъ много лѣтъ собранныхъ и казна великаго царя погорѣ, и оружничая полата вся погорѣ съ воинскимъ оружіемъ, и постелная полата съ казною выгорѣ вся и въ погребѣхъ на царскомъ дворѣ подъ полатами выгорѣ вся древяная въ нихъ и конюшня царская....» (Царственная книга л. 297 об.)

Юный царь бѣжалъ въ свое подмосковное село Воробьево и жилъ тамъ послѣ пожара, пока шли работы по возобновленію Кремлевскаго дворца.

Рис. 201. Кубокъ серебряный работы Ганса Брабанта 1535 г. [поддонъ и крыша позднѣйшіе]. Вѣсу 1 ф. 25 зол., выш. $5\frac{1}{2}$ верш. [Московская Оружейная Палата, № 2169.]

Для замѣны по дворцовымъ церквамъ и палатамъ сгорѣвшихъ иконъ и стѣнописи «Государь послалъ по иконописцемъ въ Новгородъ и Псковъ и въ иные города, и иконописцы съѣхались, и царь Государь велѣлъ имъ иконы писать, а инымъ повелѣлъ полаты подписывать.»

При этомъ возобновленіи пріемная Средняя Золотая палата была расписана новымъ стѣннымъ бытейскимъ письмомъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ знаменитаго Благовѣщенскаго попа Сильвестра, имѣвшаго такое спасительное вліяніе на нравственное перерожденіе юнаго царя.

Возмущеніе противъ новаго письма. По своему содержанію и по способу его изображенія новая стѣнопись настолько отличалась отъ прежней, что, какъ и новыя иконы, написанныя въ Благовѣщенскомъ Соборѣ взамѣнъ погорѣвшихъ, она возбудила у многихъ рѣзкое осужденіе.

Заядлымъ ревнителемъ старины и руководителемъ оскорбленныхъ въ своихъ чувствахъ приверженцевъ ея объявился извѣстный посольскій дьякъ Иванъ Михайловичъ Висковатовъ. Онъ дѣятельно выступилъ на борьбу съ новшествомъ и его виновникомъ—Сильвестромъ; его возмущало, что «Сильвестръ изъ Благовѣщенія образы старинныя выносилъ, а новыя своего мудрованія поставилъ»..... что «иные иконы писаны не по существу и въ полатѣ (Средней Золотой) притчи написаны не по подобію». Да къ тому же тамъ написанъ образъ Спасовъ «да туто же близко него написана жонка, спустя рукова кабы пляшетъ, а подписано надъ нею: блуженіе, а иное ревность, а иные глумленіа».

Это сопоставленіе казалось оскорбленіемъ святыни. Изображеніе въ символахъ невидимаго Божества и безплотныхъ силъ и писаніе священныхъ предметовъ въ разныхъ мѣстахъ не на одинъ образецъ также приводило Висковатаго въ сомнѣніе. Возмущенный всѣмъ этимъ Висковатый въ ревности своей «вопилъ на весь народъ» и смущалъ многихъ. При этомъ онъ открыто, устно и письменно обвинялъ главныхъ виновниковъ допущеннаго неподобнаго новшества, Благовѣщенскихъ поповъ Сильвестра и Симеона, въ общеніи съ осужденными Соборомъ еретиками Башкинымъ и бывшимъ Троицкимъ игуменомъ Артемьемъ.

Висковатый не оставлялъ въ покоѣ и властей предержащихъ—митрополита Макарія и самого царя. Митрополитъ старался его вразумить и убѣдить, «что онъ говоритъ и мудрствуетъ о святыхъ иконахъ не гораздо» и въ заключеніе бесѣды сказалъ съ досадою: «Зналъ бы ты свои дѣла, которые на тебѣ положены, не розроняй списковъ».

Но Висковатый не унялся. Вскорѣ онъ явился къ Владыкѣ съ пространной запиской о томъ же вопросѣ, прося митрополита «чтобы пожаловалъ, тотъ его списокъ извидѣтельствовалъ отъ божественнаго писанія съ всѣмъ священнымъ соборомъ»

Рис. 202—203. Разсольникъ серебряный, работы 1537 года.
Вѣсу 2 ф. 18 зол., выш. 3½ верш., діаметръ 4 верш.
[Московская Оружейная Палата, № 1325.]

Митрополитъ прочелъ записку и отослалъ ее царю. Волненіе и смута, возбужденныя новымъ письмомъ, были столь велики, что ради успокоенія умовъ царь призналъ полезнымъ созвать Соборъ, чтобы «тотъ списокъ соборнѣ выслушати и свидѣтельствовати».

Къ этому Собору Сильвестръ представилъ свою «жалобницу», въ коей, излагая взводимыя на него Висковатымъ обвиненія, рѣшительно опровергалъ вліяніе еретиковъ и то новшество, въ которомъ его упрекалъ Висковатый: «И ты, Государь, святый митрополитъ и освященный соборъ, просилъ онъ, обыщите и разсудите, аще едину черту язъ приложилъ своего разума: всѣ отъ древняго преданія, какъ иконники пишутъ по образцомъ, каковы будутъ у насъ есть святыя и честныя иконы и бытѣйскія дѣянія и иныя многія притчи, неприкосновенъ есми ни которому дѣлу; писали иконники всѣ со старыхъ образцовъ своихъ....»

На Соборѣ (въ январѣ 1554 г.) Митрополитъ, дѣлая Висковатому «наказаніе» (наставленіе), изложилъ содержаніе стѣнописи Золотой палаты слѣдующимъ образомъ: «Писано въ полате въ болшей въ небѣ на срединѣ спасъ на херувимѣхъ, а подпись: Премудрость Іисусъ Христосъ, съ правые стороны у спаса дверь, а пишеть на ней: 1) мужество, 2) разумъ, 3) чистота, 4) правда, а съ лѣвыя страны у спаса же другая, а пишеть на ней: 1) блуженіе, 2) безуміе, 3) нечистота, 4) неправда, а межю дверей, высподи дьяволъ седмиглавый, а стоить на нимъ жизнь, а держитъ свѣтилникъ въ правой руцѣ, а въ лѣвой копье, а натъ тѣмъ стоить ангелъ, духъ страха Божія,

а за дверью, съ правые стороны, писано земленое основаніе и море, и преложеніе тому въ скровенная его, да ангелъ, духъ благочестіа, да около того четыре вѣтры, а около того всего вода, а надъ водою твердь, а на ней солнце, въ землю падая, и приведе, да ангелъ, духъ благоумія, держить солнце, а подъ нимъ о полудни ганяется послѣ дни нощь, а подъ тѣмъ добродѣтель да ангелъ, а подписанъ: рачeніе, да ревность, да адъ, да заецъ. А на лѣвой сторонѣ, за дверью, писано тоже твердь, а на ней написанъ господь, аки ангелъ, а держитъ зерцало да мечъ, ангелъ возлагаетъ венецъ на него, и тому попись: благословиши венецъ лѣту благости твоея, а подъ нимъ колесо годовое, да у году колесо, съ правую сторону любовь, да стрѣлецъ, да волкъ, а съ лѣвыя стороны году зависть, а отъ ней слово къ зайцу: Зависть лютъ вредъ, отъ того бо наченся и прискочи братоубійць, а зависть себѣ пронзе мечемъ, да смерть, а около того все твердь, да ангели служатъ звездамъ, и иныя вся утвари божіа, да 4 ангелы по угломъ: 1) духъ премудрости, 2) духъ свѣта, 3) духъ силы, 4) духъ разума.»

При этомъ митрополитъ говорилъ, что смыслъ этой символической живописи тотъ же, какой былъ явленъ Василіемъ Великимъ своему учителю, философу Еввулу, ради его обращенія ко Христу.

Онъ изобразилъ ему «приточнѣ спасово, еже о насъ ради покаянія человѣколюбіе», во образахъ, объяснивъ, что суть «не образи, ниже гаданія, но самая явѣ истина, наставляющи къ спасенію»....

Висковатый на Соборѣ, искренне или нѣтъ, но со всѣмъ согласился, «каялся и прощался» (просилъ прощенья); однако былъ отлученъ отъ церкви и принятъ обратно въ ея лоно лишь съ наложеніемъ трехгодичной эпитиміи—все за то, что «не испытавъ божественнаго писаніа о тѣхъ святыхъ честныхъ иконахъ сумнѣніе имѣлъ, и вопилъ, и возмущалъ народъ православныхъ христіанъ, въ соблазнъ и въ поношеніе многымъ.»

Такъ было затушено то возмущеніе, которое произвели новыя иконы и новое бытейское письмо въ Государевой Золотой Средней палатѣ, написанныя псковскими и новгородскими мастерами.

Противникъ новаго письма былъ посрамленъ и наказанъ, а предметъ его горячаго протеста остался нерушимо на стѣнахъ одной изъ главныхъ палатъ Кремлевскаго дворца.

Стѣнопись эта просуществовала до конца XVII вѣка; содержаніе ея дошло до насъ благодаря подробнѣйшей описи,* сдѣланной въ 1672 году иконописцемъ Симономъ Ушаковымъ, по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича.

Такимъ образомъ и теперь, по прошествіи болѣе чѣмъ трехъ съ половиною вѣковъ, возможно вновь пересмотрѣть вопросъ, говорилъ ли о ней Висковатый «безлѣпицу» и судилъ ли «не гораздо» просто въ силу умственной косности и слѣпого идолопоклонства предъ застывшей въ мертвомъ формализмѣ стариной, или, наоборотъ, по своему уму и ревности къ истинѣ онъ ясно усматривалъ въ изображенныхъ на сводахъ палаты символахъ нѣчто несогласное съ русскимъ православіемъ, навязанное Новгородскими еретиками, но столь прикровенно, что осталось не понятымъ ни царемъ, ни митрополитомъ.

---

* Подлинная рукопись поступила въ Императорскую Публичную Библіотеку въ 1867 году съ собраніемъ рукописей, принадлежавшихъ исторіографу Н. М. Карамзину, и значится тамъ подъ Q XIII № 8.

Опись * стѣнописныхъ изображенiй (притчей) въ Золотой Палатѣ Государева Дворца, составленная въ 1672 году.

Въ нынѣшнемъ во 180-мъ году марта въ 20 день, Великiй Государь Царь и Великiй Князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великiя и Малыя и Бѣлыя Росiи Самодержецъ указалъ, въ своей Великого Государя Золотой Полатѣ и передъ Золотою въ Сѣняхъ списать подписи и описать подлинно, какiе на стѣнахъ и на сводахъ притчи написаны и сдѣлать тому всему книги.

И по сему Великого Государя указу на стѣнахъ и на сводахъ подписи списаны, а какiе притчи и что надъ ними въ подписяхъ написано, и то писано въ сихъ книгахъ подлинно.

А у описи тѣхъ притчей были: Приказу Болшого Дворца подьячей Никита Клементьевъ да иконописецъ Симанъ Ушаковъ.

Въ Золотой Полатѣ написано: Въ верху, въ сводѣ, въ самой срединѣ написанъ кругъ, а въ кругу Еммануилъ сѣдитъ на небесныхъ дугахъ, а подъ ногами колеса многоочитыя; въ лѣвой руцѣ держитъ потиръ златъ, а въ правой руцѣ держитъ палицу, а у рукъ локти обнажены, а въ вѣнцѣ седмь клиновъ. А подпись: «Исусъ Христосъ Еммануилъ».

Около того круга другiй кругъ, а въ томъ кругу написано 4 Евангелиста прообразованныхъ. А около Еммануила и того круга кругомъ—половина золотая, а другая празеленая. На золотомъ кругу, надъ главою Еммануиловою подпись: «Богъ Отецъ Премудростiю Своею основа землю и утверди вѣки», и «Благослови венецъ лѣту благости Твоея, Господи». А по празеленному кругу другая подпись кругомъ въ двѣрядъ: «Превѣчное Слово Отчее, иже во образѣ Божiи сый и составляяй тварь отъ небытiя въ бытiе, иже времена и лѣта своею областiю положей, благослови вѣнецъ лѣту благостiю своею, даруй миръ церквамъ твоимъ, побѣды вѣрному Царю, благоплодiе же земли и намъ велiю милость.»

А около того круга, во весь сводъ, болшой кругъ, ниско, по самые шолыги. И въ томъ кругу написано, отъ западные страны свода, отъ Еммануилова круга, отъ ногъ Еммануиловыхъ до болшого круга, врата, а во вратѣхъ написанъ Ангелъ Господень (съ) скипетромъ, въ лѣвой руцѣ держитъ свитокъ, а въ свиткѣ написано связью:

А около Ангела написано во вратѣхъ облако раздвоилось. А подъ Ангеломъ и подъ облакомъ написанъ среди тѣхъ же вратъ человѣкъ стоящи съ посохомъ, а подъ ногами ево кругъ.

А отъ круга внутрь въ кругъ шесть крылъ, а среди круга солнце. А межу тѣхъ крылъ сверху лице человѣче, обвито змѣинымъ хоботомъ, конецъ хобота къ солнцу. Направую сторону лице лвово, межъ крылъ же, обвито также хоботомъ, конецъ хоботу къ тому же солнцу. На лѣвую сторону глава змiина, окружена хоботомъ, къ тому жъ солнцу. Съ правую жъ сторону межъ крылъ же глава орля обвита хоботомъ, а конецъ хобота къ тому жъ солнцу. По лѣвую жъ сторону глава змiина жъ окружена хоботомъ, конецъ хобота къ тому жъ солнцу. Внизу глава лвова окружена хоботомъ, конецъ хобота къ тому жъ солнцу, между тѣхъ же крылъ.

А по правую сторону человѣка во вратѣхъ написана подпись: «Ускимъ бо путемъ вводятца душа праведныхъ во врата въ царство небесное.» А по лѣвую сторону человѣка того надъ Змiинымъ кругомъ подпись въ тѣхъ же вратѣхъ: «Широкимъ бо путемъ вводятца душа грѣшныхъ во врата лютого ада.» А на правой сторонѣ тѣхъ же вратъ, на затворѣхъ, написано Цѣломудрiе, стоящая образомъ

Рис. 204. Славянская рукописная Псалтирь 1485 г. а) солнце и луна, б) изображенiе притчи «Древо житiя человѣческаго».

[Буслаевъ. Историческiе Очерки, стр. 207.]

* Правописанiе и описки рукописи сохранены точно.

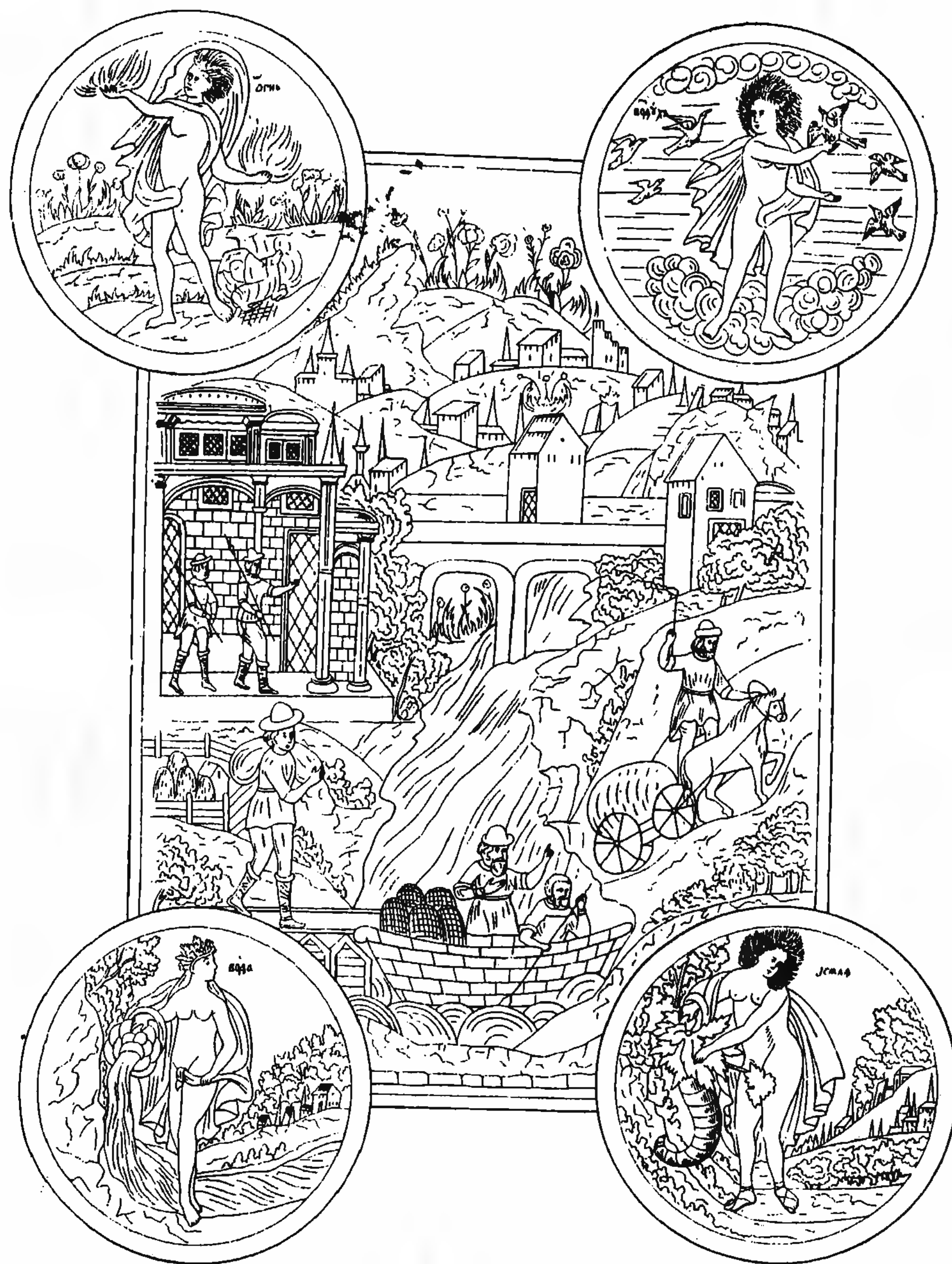

Рис. 205. Мѣсяцесловъ Сійскаго Монастыря XV вѣка. Мѣсяцъ Сентябрь съ аллегорическими изображеніями четырехъ стихій по угламъ.

[Буслаевъ. Историческіе Очерки, стр. 386.]

дѣвичьимъ: въ правой руцѣ держитъ палицу, а лѣвую руку положила на стоящего лва, на главу. А подпись: «Цѣломудріе». На той же затворѣ написано ниже: Дѣвица стояща, мало преклонна, пишетъ въ свитцѣ:

NHЅЛIЭYЛOÏЅЧI

А подпись надъ нею: «Разумъ». Ниже того написано на той же затворѣ: Жена стояща, власы главные косами сошлися о персѣхъ вмѣсто и роздвоилися, долги до полуколѣна; въ лѣвой руцѣ держитъ книгу, а въ книгѣ написано:

VOHZSVSNЛÒ ЛVЛЛNIYSVЛV

А подпись надъ нею: «Чистота». А ниже того написано: Дѣвица стояща, въ руцѣ держитъ вѣсы, а подпись: «Правда». А та вся затвора золотая.

По лѣвую сторону тѣхъ же вратъ другая затвора золотая жъ, а на ней написано: Жена, малонаклонная, обратилася вспять, а подпись надъ нею «Влужениі». Ниже тое жены написанъ мужъ нагъ, ризы съ себя поверхъ долу, а подпись: «Безуміе». Ниже того, на той же затворѣ, написана жена простовласа, въ лѣвой руцѣ держитъ, что кропило, а подпись: «Нечистота». Ниже того написано: Мужъ изъ лука стрѣляетъ во врата, обратяся вспять; а подпись: «Неправда».

По правую сторону вратъ написанъ Земной Кругъ, а въ томъ кругу написана дѣвица простерта, а надъ дѣвицею солнце; а подъ тѣмъ кругомъ полкруга: Воды и рыбы. И около того круга и полукруга кругъ, а въ немъ написаны четыре Вѣтры во Ангельскихъ образѣхъ съ трубами. А выше надъ ними въ томъ же кругу Ангелъ благословляетъ землю. Въ томъ же кругу надъ землею полкруга малово, а въ немъ подпись: «Солнце позна заподъ свой, положи тму и бысть нощь». Въ Земляномъ Кругу подпись: «Солнце въ землю впадая».

Подлѣ того округу, къ середнему окну, написанъ Огненной Кругъ, держатъ четыре Ангела подъ кругомъ, а въ кругу написано: Кони впрежены въ одноколесную колесницу, и, въ колесницѣ сѣдя, Ангелъ держитъ солнце. Отъ того круга къ прежнему болшому кругу полкруга, а въ немъ меншій, Лунный Кругъ. А въ Лунномъ, меншемъ кругу написано: въ одноколесную колесницу впрежены волы, а въ той колесницѣ дѣва держитъ луну и погоняетъ плетью волы. А того Огненного, Солнечного и Лунного кругу кони и волы текутъ къ заподу. А выподи Лунный кругъ держитъ Ангелъ. И около того круга въ полукругу болшомъ написаны у тварей Ангелы къ снѣгу и къ грому, и къ дожжу.

Подлѣ вратъ осреди написано дѣвичьимъ образомъ Воздухъ. Надъ тѣмъ Воздухомъ и подлѣ того Ангелъ летящъ въ клинѣ огненномъ. А отъ того клина къ затворѣ вратной къ низу написанъ дьяволъ, палимъ огнемъ; а огнь написанъ клиномъ. А отъ того дьявола по земли бѣжитъ заецъ, а на діявола изъ полукругу болшого стрѣляетъ изъ лука Ангелъ. А по лѣвую сторону вратъ написанъ, къ печи, къ углу, Кругъ Временный крылатъ: четыре крыла внутрь, а около четырежъ крыла. А въ томъ кругу четыре круга—написано времены: Весна, Лѣто, Есень, Зима.

Весна написана дѣвичьимъ оброзомъ въ вѣнцѣ царскомъ и порфирѣ, на престолѣ сѣдяща. Лѣто написано: мужъ средовѣченъ въ вѣнцѣ царскомъ и порфирѣ, сѣдящъ на престолѣ. Есень написана: мужъ въ вѣнцѣ царскомъ и въ порфирѣ, сѣдящъ на престолѣ, въ руцѣ сосудъ. Зима написана: мужъ старъ простой одежды, сѣдитъ на маломъ престолѣ, а лохти обнажены.

А около того Временного круга кругъ, краемъ ко вратомъ приткнутъ, а въ томъ кругу написано: Ангели тваремъ. Въ томъ же кругу написанъ мужъ младъ, нагъ, крылатъ, мало ризы черезъ плечо перекинуты. А подпись ему «Годъ». А тотъ Годъ стоитъ на Временномъ кругу. Съ правую сторону, противъ Года, Ангелъ изъ лука стрѣляетъ. Въ томъ же кругу ниже того, по лѣвую сторону, Ангели тваремъ. Ниже тѣхъ Ангеловъ написанъ мужъ нагъ, младъ, стоящей съ мечомъ, а мечъ уставилъ концомъ противъ Временного круга. Передъ нимъ Ангелъ обращенъ къ Временному кругу. Ниже Ангела сѣдитъ Смерть, держитъ въ обоихъ рукахъ трубу, и ту трубу положила, широкой конецъ въ половину, во Временной кругъ. И около того всего кругу кругъ же, и въ кругу написаны Ангели тваремъ; а межу Ангеловъ въ обоихъ кругахъ писаны облоки. А ниже того кругу, у вратъ, по лѣвую сторону, написанъ мужъ, изъ лука стрѣляетъ на врата, а позади его подпись: «Зависть лютъ вредъ; отъ того гордитца и прискочи во братоубійцу.» А подъ тѣмъ мужемъ написана земля.

И того стало половина свода написано слишкомъ.

На другой половинѣ свода, того жъ болшого круга—отъ востока, отъ Еммануилова круга поблиску, написанъ въ кругу Богородиченъ оброзъ съ Превѣчнымъ Младенцемъ, сѣдяща на престолѣ, по обѣ стороны Херувимъ и Серафимъ. А тотъ кругъ окруженъ въ три пояса.

По правую сторону круга подпись: «Премудрость созда себѣ храмъ и утверди столпъ седмь; закла своя жертвенная и черпа въ чаши своей вино.» А подъ подписью написана церковь и полаты; а тѣ полаты написаны отъ угла и подъ Богородиченъ Кругъ. А въ тѣхъ полатахъ написана трапеза, а на той трапезѣ поставлены сосуди злати всякими обрасцами, а среди тѣхъ сосудовъ чаша златая. А около той трапезы многіе люди, піюще и наливающе изъ сосудовъ, а сосуды же въ рукахъ держаще. А внизу подлѣ трапезы телцовъ и овновъ закалаютъ. Съ правую сторону той же трапезы написано Израильтяновъ много, приходящихъ з женами и з дѣтми. Да съ правую жъ сторону того жъ храма и полатъ написанъ стоящъ Іоаннъ Домоскинъ, зритъ на храмъ и на полаты, а держитъ обоими руками за оба конца свитокъ; а въ свиткѣ подпись: «Зачало премудрости страхъ Господень и святъ святыхъ разумъ, а еже разумѣти.—Симъ бо образомъ много поживеши лѣтъ и приложатъ ти ся лѣта животу». А подъ Іоанномъ и подъ полатами написана гора.

По лѣвую сторону круга Богородичня образа написано рядомъ седмь Ангеловъ стоящихъ. Межъ ихъ столбики поперегъ до самыхъ полатъ и трапезы, а на столбикахъ закомары съ кровлями; а на закомарахъ закомары жъ съ кровлями. А надъ первымъ Ангеломъ подпись въ закомарѣ: «Ангелъ Ефескіе церкви.» А у него свитокъ въ лѣвой руцѣ, а въ свиткѣ написано: «Тако глаголетъ держай седмь звѣздъ въ десницѣ своей». Надъ вторымъ подпись: «Ангелъ Измирскіе церкви.» У него свитокъ въ лѣвой руцѣ, а въ свиткѣ написано: «Тако глаголетъ первый и послѣдній бывый и мертвый и живетъ». Надъ третьимъ подпись: «Ангелъ Пергамасійскіе церкви». У него свитокъ въ обоихъ рукахъ; и въ свиткѣ написано: «Тако

Рис. 206. Лицевой большой сводъ.

[Императорскій Историческій Музей].

глаголетъ имѣей мечь обоюду остръ: вѣмъ гдѣ». Надъ четвертымъ Ангеломъ подпись: «Ангелъ Іармирскіе церкви.» У Ангела свитокъ въ лѣвой рукѣ, а въ свиткѣ написано: «Тако глаголетъ Сынъ Божій, имѣяй очи свои яко пламень.» Надъ пятымъ подпись: «Ангелъ Сардискіе церкви.» А свитокъ у него въ обоихъ рукахъ обо концы, а въ свиткѣ написано: «Тако глаголетъ имѣяй седмь духъ Божіихъ и седмь звѣздъ.» Надъ шестымъ подпись: «Ангелъ Ѳиладелвскіе церкви.» У Ангела свитокъ въ лѣвой рукѣ, а въ свиткѣ написано: «Тако глаголетъ Святый, святыни имѣяй ключь Давыдовъ, отверзаяй никтоже.» Надъ седмымъ Ангеломъ подпись: «Ангелъ Лаодикискіе церкви.» У Ангела въ рукахъ свитокъ, а въ свиткѣ написано: «Глаголетъ аминь, свидѣтель Господь вѣчный и властель созданію Божію.»

А надъ закомарами написаны полаты, а въ полатахъ написанъ царь Соломонъ, зритъ къ Богородичню Кругу; въ лѣвой руцѣ къ Богородичню Кругу держитъ свитокъ, а свиткѣ написано: «Премудрость созда себѣ храмъ и утверди столпъ седмь.» А надъ Соломономъ и надъ полатами подпись: «И посланіе седми церквамъ сущимъ возсія благодать вамъ и миръ отъ Бога, иже сый и бѣ, грядый отъ седми духовъ, яже предъ престоломъ его.»

Да подъ кругомъ написано въ шалыгахъ:

Идучи въ Золотую полату, на лѣвой сторонѣ въ шалыгѣ подпись подписана: «Воставъ Гедеонъ и изби Зивіа и Армона и умолча земъля четыредесятъ лѣтъ во дни Гедеоновы». Да подъ тою жъ подписью на горѣ Гедеонъ сѣчетъ Аммаликовъ. А по правую сторону Гедеона подпись же подписана: «И яша два князя Мойавля Орава и Зива и весь полкъ избиша». А подъ тою подписью конница побитая. Да по лѣвою сторону Гедеонъ сидитъ на златомъ стулѣ, предъ нимъ стоятъ воины, держатъ головы Аммаликовы, а за нимъ воины вооружены. А надъ ними подпись подписана: «Принесоша главы Модіамли передъ Гедеона».

Отъ Красного крылца надъ первымъ окномъ въ шалыжкѣ подпись подписана: «Гедеонъ пріиде посреди полка въ полунощи и вструби въ триста роговъ и сокруши ѳонари и взяша свѣщу въ руки и погнаша вслѣдъ Модіамля и побиша сто пятдесятъ тысещъ». А подъ подписью написанъ Гедеонъ, въ правой руцѣ держитъ трубу, а въ лѣвой ѳонарь, а подъ нимъ воиское на коняхъ вооружены, а посреди войска Гедеонъ вооруженъ же въ доспѣхѣ. А позади войска, въ щипцѣ, ѳонари. А по правую сторону войска и Гедеона подпись же подписана: «Возопиша Гедеонъ Господеви и тече въ полкъ Мадіамли и другъ друга прободе копіи».

Надъ другимъ окномъ, отъ Красного жъ крылца подпись подписана: «Помолися Гедеонъ Господеви и роздѣли триста мужей на три чины и дастъ трубы и ѳонари». А подъ подписью Гедеонъ на горѣ стоитъ на колѣнкахъ и зритъ къ небу, и з горы Гедеонъ сшелъ къ войску и глагола къ нимъ. А по лѣвою сторону войска ѣдутъ на колесницахъ многіе мужи и вооружены.

А надъ третьимъ окномъ, что отъ Благовѣщенія, подпись подписана: «Рече Господь Гедеону: Аще спастися рукою моею.—И взя на лони руно волняно.—И на гумнѣ будетъ роса, и по всей земли.—Помолившася Гедеонъ Господеви и рече: Господи, Господи! Видѣ Ангела лицемъ къ лицу. И рече ему Господь: Миръ тебѣ, не бойся, не умреши.—Сего ради Господеви олтарь». А подъ тою подписью стоятъ два Гедеона: единъ Гедеонъ руно несетъ Господеви, а другій стоитъ у престола въ церкви, передъ нимъ на престолѣ стоитъ патиръ златъ да евангеліе лежитъ. А по лѣвою сторону Гедеона стоитъ Ангелъ, а у того Ангела подпись подписана: «Явися Ангелъ Гедеону и рече: Возми мяса и хлѣбы прѣсные и положи у камени и коснувъ жезломъ камень, возгорѣ и мяса и хлѣбъ». А подъ тою подписью, въ щипцѣ, стоитъ Гедеонъ, принесши жертву Богу овня. А по правою сторону стоитъ Ангелъ, а подлѣ Ангела царь ѣдетъ съ войскомъ и войска вооружено.

Надъ первымъ окномъ отъ Понахидной полаты, надъ царскимъ мѣстомъ, написанъ Господь Савоѳъ, въ руцѣ держитъ державу, а изо устъ пускаетъ Духъ на Исуса Христа. А подъ нимъ подпись подписана: «Рече Господь притчу сію: Изыде

человѣкъ сѣети да сѣетъ; ова паде при пути, другое паде на камени, третіе паде въ теренніе, четвертое паде на доброй землѣ и дасть плодъ». А подъ подписью написано: Идетъ Христосъ со Опостолы, держитъ въ руцѣ свитокъ, а противъ ево стоятъ Святители. А подъ Христомъ человѣкъ сидитъ за столомъ, а на столѣ кубцы золотые, а подъ нимъ гора, а но горѣ дрова горятъ; а подъ Светителми сѣетъ человѣкъ. А позади того Исуса Христа сидитъ Исусъ же Христосъ на престолѣ златѣ, а около ево Апостоли, а подъ Христомъ человѣцы сидятъ, а птицы подбираютъ пшеницу.

Надъ другимъ окномъ отъ Понохидной же полаты подпись подписана: «Бесѣда Іосаѳа царевича съ Ворламомъ. Пріиде Ворламъ ис пустони къ царевичю, измѣнивъ свою одежду». А подъ подписью написано: Въ полатѣ сидитъ Іосаѳъ царевичъ на престолѣ златѣ, а передъ нимъ сидитъ Ворламъ на престолѣ же златѣ, а за Ворламомъ рабъ, а за рабомъ пришелъ Ворламъ въ кнеженецкой шубѣ, а за царевичемъ стоятъ воини въ златокованыхъ доспѣхахъ вооружены.

Надъ третьимъ окномъ отъ Понохидной же полаты, въ щипцахъ, подпись подписана: «Паки посланные рабы рцыте званнымъ: Се обѣдъ мой уготованъ, и юнцы мои уготованные закланы, и вся готова. Они же не брегоше: овъ же на село свое, овъ же на куплю». А подъ подписью написано: Христосъ сидитъ на престолѣ златѣ, а передъ нимъ рабы и рабыни въ полатахъ, а выcподи рабовъ и рабынь написанъ Петръ въ горѣ. Да въ томъ же мѣстѣ написана подпись: «Рече Господь притчю сію: Уподобися царьство небесное человѣку царю и сотвори бракъ сыну своемъ и посла рабы своя призвати званныя на бракъ и хождаху предъ нимъ». А подъ подписью написано: Христосъ сидитъ на престолѣ златѣ и возлехъ руку на чашу, а передъ нимъ сидитъ царь, а за царемъ рабы сидятъ за столомъ, а на столѣ стоятъ златы кубцы и чаши. А за робами рабы же жертву колютъ, а подъ закланіемъ человѣкъ попалъ въ ровъ.

Отъ Столовой полаты въ первомъ окнѣ, въ шалыгѣ, написанъ Спасовъ обрзъ, а къ нему несетъ Ангелъ летящъ душу Лазоря убогого. А подъ Спасовымъ обрзомъ подпись подписана: «Человѣкъ богатый облочаеся въ порфиру и виссонъ, веселяся на всякъ день свѣтло». А подъ подписью: Въ полатахъ сидитъ богатой за столомъ, пьетъ и веселитца со отроки своими, а передъ нимъ стоятъ на столѣ кубцы и чаши златые. А у вратъ у богатого лежащу убогому Лазорю и пьсы нози ево лижуща. А надъ убогимъ Лазоремь подписана подпись: «Нищій же нѣкто, именемъ Лазорь, лежащу предъ враты богатого, и пьсомъ приходяху и облизаху нозѣ ево». Въ томъ же мѣстѣ подписано: «Бысть умрети нищему и несену быхъ Ангеломъ на лони Овраамли». А подъ тою подписью: Лежаще убогой Лазорь и Ангели принимаютъ душу ево и несутъ на небо. А противъ убогого Лазоря: Умре богатый и Ангелъ Господень ударилъ его скипетромъ, и душа изъ него пошла внизъ, и подъ нимъ: Принесли душу ево бѣси во адъ—по конецъ щипца. А надъ душею ево подпись: «Умре богатый и несено бывшу въ муку вѣчную».

Отъ Столовой же полаты надъ окномъ въ шалыгѣ, что у печи, подпись подписана: «Богатый, въ мукахъ, узре Авраама и Лазоря и возглагола: Аврааме, помилуй мя, посли Лазоря». А подъ подписью написано: Авраамъ и Исакъ и Яковъ и убогой Лазорь и въ нѣдрахъ души праведныхъ въ раи. Да пониже тое подписи, по конецъ щипца, надъ мукою, на лѣвой сторонѣ подписано: «Да омочитъ конецъ перста своего и устудитъ языкъ мой, яко стражду во пламени семъ». А подъ тою подписью подписано: «Богатый во пламени».

Да надъ печью подпись подписана: «Разболѣвся царь Езикія и пріиде Исаія пророкъ и рече ему: Умираеши бо ты и не будеши живъ. И обративъ царь лицо свое къ стѣнѣ и помолився Господу и глагола: Помяни мя Господи, работохомъ предъ тобою истиною». А подъ тою подписью написано: Полата и въ полатѣ лежитъ на одрѣ царь Езикія, у главы ево надъ нимъ стоитъ Ангелъ. А подлѣ того же одра стоитъ царь молитца, а передъ нимъ Исаія пророкъ указываетъ перстомъ вверхъ. А надъ перстомъ подпись, написано: «Бысть слово Господне ко Исаію и глаголя: Иди прорцы Езикію: Услыша молитвы твоя и се предлажи животу твоему пятнадцать лѣтъ». А подъ подписью стоитъ Исаія и зритъ къ облоку.

Да въ томъ же мѣстѣ, надъ дверми подпись подписана: «Спящу же царю Анастасіи и виде во снѣ мужа страшна, держаще хоротію въ руку и разгнувъ и обрѣте въ ней вся своя злые дѣла. Ангелъ къ нему рече съ лютостію: Благочестіе виде Езикіево, приложи Богъ лѣта; тво же видѣ много согрѣшеніе, отсѣцаетъ лѣта,—и порози ево скипетромъ». А подъ подписью: Въ полатѣ лежитъ на одрѣ царь и ангелъ Господень надъ царемъ держитъ свитокъ, а въ свиткѣ написано связью:

ИМV ХХОЛ VЛW ИЛА ХХНЭ VMI

А за Ангеломъ Господнимъ Смерть. А у того царя сидятъ за столомъ люди, а но столѣ стоятъ кубцы и чарки златые.

Идучи въ Золотую полату на лѣвой сторонѣ дверей въ шалыжкѣ подпись подписана: «Рече Господь: Аще будетъ нѣкоему человѣку сто овецъ и заблудися единая отъ нихъ; и оставя тѣхъ, ищетъ заблуджшую на взысканія» и «Жена нѣкая имуща два драхма и погуби едину отъ нихъ». А подъ подписью написано: Сидитъ въ полатахъ Исусъ Христосъ за тропезою, а съ нимъ два мужа, а передъ нимъ стоятъ три сосуда златыхъ. А по правую сторону, ниже Христа, Христосъ же, а передъ нимъ стоятъ сто овецъ. А подлѣ тропезы внизу жена ищетъ изгибшую драхму. А посторонь тропезы и мужей, внизу, Исусъ Христосъ заблуджшую овцу несетъ на рамѣ своей.

Подъ великимъ кругомъ и межь шалыгъ кругомъ на сводѣхъ на щипцахъ написано:

Отъ государьского мѣста по лѣвую сторону —благовѣрьной великій князь Владимеръ. По пра-

вою сторону государьского мѣста написанъ благовѣрный великій князь Борисъ. А по лѣвую сторону, на второмъ щипцѣ написанъ благовѣрный великій князь Глѣбъ. На третьемъ шипцѣ къ заподной сторонѣ написанъ благовѣрный великій князь Андрѣй Боголюбскій. На той же сторонѣ на второмъ щипцѣ написанъ благовѣрный великій князь Александръ Невьскій. А противъ того, на другой сторонѣ, отъ великого князя Бориса на второмъ щипцѣ написанъ благовѣрный великій князь Михайло Ерославичь Тверской. На полуношной сторонѣ свода отъ дверей на щипцѣ написанъ благовѣрный великій князь Василей Ивановичь, во иноцехъ Ворламъ. На второмъ щипцѣ той же стороны написанъ благовѣрный царь и великій князь Иванъ Васильевичь.

Да въ Золотой же полатѣ, на прямыхъ стѣнахъ написано: на 1-й, что идучи въ Золотую полату на лѣвой сторонѣ и что на Красное крыльцо:

Надъ 1-мъ окномъ подписана подпись: «Пріидоша къ великому князю Владимеру Срацыни и Нѣмцы и Жиды, кійждо хваляще свою вѣру. Срацыни рѣша: Вѣруемъ Богу, имуще ученіе Бахметево, и обрѣза тайныя уды. Нѣмцы рѣша: Мы кланяемся Богу, еже сотвори небо и землю, а служимъ опрѣсноки. Жиды рѣша: Вѣдый бо, вѣруютъ Христіане во Исуса Христа, того распяша отцы наши». А по другую сторону подпись же: «Пріидоша ѳилосоѳіи Христіанстіи къ великому князю Владимеру и сказа ему о скверныхъ вѣрахъ, о латынскихъ, и о жидовскихъ, и о нѣмецкихъ, какова ихъ вѣра. И нача глаголати князь Владимеръ о христіанстей вѣрѣ. И сказа ему о бытіи Евангелія и Апостола, и показа ему на законѣ Страшный судъ Господень». А подъ подписью написано: Сидитъ князь Владимеръ на престолѣ, а противъ ево иновѣрцы съ свитками стоятъ, а въ свиткахъ написано: «Жиды жь рѣша: Вѣдый бо, вѣруютъ Христіане во Исуса Христа, того распяше отцы наши». Въ другомъ свиткѣ написано: «Татари рѣша: Свиныхъ мясъ не яста и женъ имать доволно». А позади князя Владимера стоятъ Христіанстіи ѳилосоѳіи, зрятъ на него, а князь Владимеръ на нихъ зритъ. А ниже ѳилосоѳовъ полаты, а въ полатахъ стоитъ князь Владимеръ на высокомъ мѣстѣ, а передъ нимъ стоятъ Нѣмцы и держатъ свитокъ, а въ свиткѣ написано: «Мы вѣруемъ Богу, яже сотвори небо и землю, а поста не имать». А позади великого князя Владимера стоятъ бояре. А подъ княземъ Владимеромъ и подъ бояры и подъ иновѣрцы и подъ христіанскими ѳилосоѳы—море.

Надъ 2-мъ окномъ подписана подпись: «Пріидоша посланники отъ великого князя Владимера съ самобратныма царема Василью и Костянтину и воспрошенны быша воини пришествія. Они же: Пришедъ молимъ, о царіе, присланныи быхомъ и видѣти вѣру вашу и видѣ же службу Бога вашего. И цари наказаша имъ Божественную службу и патріархи и епископы служаща Господеви. Рустіи же Христіани, видѣвше Божественую службу въ церкви, мнится имамъ сына на небеси стояху». А подъ подписью написана церковь, а въ церкви въ закомарѣ написана Святая Троица; а подъ Троицею стоитъ патріархъ и поставляетъ въ попы и благословляетъ ево рукою. А у патріарха въ лѣвой рукѣ Евангеліе, а въ Евангеліѣ написано связью:

ШНІТЖ2ѠДЅІНЩХ

А позади попа два дьякона стоятъ, а позади и ниже дьяконовъ написана церковь, а въ церкви написаны образы: Знаменія Пресвятыя Богородицы да Іоанна Предотечи. Да въ то же церкви, около престола стоятъ священницы съ Евангиліи. А позади патріарха стоятъ два подьяка. А позади подьяковъ стоятъ два царя на царскихъ мѣстахъ, а около ихъ бояре.

Надъ 3-мъ окномъ подписана подпись: «Крещеніе великого князя Владимера: Внегда возложи на нь руку епископъ и виде Владимеръ руку съ небеси, и прикоснувшеся ему, и абіе прозрѣ очима, и тѣломъ и исцѣлѣ и изыде отъ купѣли весь чистъ и здравъ, яко николи же болѣвъ». А подъ подписью написана церковь, а въ церкви образъ Пресвятыя Богородицы Знаменіе да Іоанна Предотечи. А изъ неба благословенная рука Господня сниде во облацѣхъ на великого князя Владимера; а князь Владимеръ въ купѣли. А позади ево стоятъ бояре и держатъ вѣнецъ и всю одежду царскую. А передъ нимъ стоитъ епископъ и благословляетъ ево въ купѣли, великого князя Владимера, ручнымъ крестомъ, а въ лѣвой рукѣ держитъ Евангеліе. А позади епископа стоятъ священницы и дьяконы и весь народъ.

Да надъ тѣмъ же окномъ подписана подпись: «Видѣвъ же бояре чюдеса Божія, возопиша единогласно: Воистинно великъ Богъ Христіанскій». А подъ подписью написана церковь, а въ церкви въ закомарѣ написанъ образъ Пресвятыя Троицы; а подъ образомъ епископъ благословляетъ великого князя Владимера благословеннымъ крестомъ. А позади епископа стоятъ священницы и дьякони. А позади великого князя Владимера стоятъ, воздѣвъ руцѣ на небо, бояре.

На 2-й стѣнѣ, что отъ Понохидной полаты:

Надъ 1-мъ окномъ, что подлѣ государева мѣста, подписана подпись: «Домъ Господа Бога святая ограда». А подъ подписью написано: Святая Богородица на престолѣ. А по правую сторону Богородицы написанъ Ангелъ Господень летящъ къ облаку. А подъ Богородицею стоитъ царь Соломанъ, зритъ къ Богородицѣ; а у него свитокъ въ лѣвой рукѣ, а въ свиткѣ написано: «Премудрость созда себѣ храмъ и утверди столпъ седмь и закла своя жертвенная». А за нимъ написанъ апостолъ Петръ, стоящей, изъ облака пріимаетъ рукою ключь, а въ правой рукѣ держитъ свитокъ, а въ свиткѣ написано: «Ты еси Христосъ, Сынъ Бога Живаго, пришедый въ миръ грѣшники спасти». А за нимъ царь Давыдъ зритъ къ Бого-

родицѣ жь; а у него свитокъ, а въ свиткѣ написано: «Слыши дщи и виждь и приклони ухо твое и забуди домъ отца твоего». А надъ Петромъ Апостоломъ написана церковь, а въ церкви престолъ, а на престолѣ сосудъ стоитъ.

Надъ 2-мъ окномъ подписана подпись: «Благовѣрный великій князь Владимеръ по сотвореніи благовѣрные царевны Анны, взять мощи Святаго Климанта и Ѳива ученика ево и сосуды церковныя и иконы Херсонь и къ намъ взять первого митрополита Михаила и пріидохъ х Кіеву и сокруши болваны и кумирницы испровержені, крести всѣхъ, яже о дусѣ всею властію имѣяше. А подъ подписью написано: Стоитъ князь Владимеръ з бояры; и повелѣ благовѣрный князь Владимеръ на полатахъ избить болваны и кумиры. И несутъ мощи святыхъ Климанта и Ѳива, а за ними идетъ князь Владимеръ съ народомъ. А подъ мощми священный митрополитъ креститъ народъ, а за митрополитомъ стоятъ священницы и дьякони.

Надъ 3-мъ окномъ подписана подпись: «князь Владимеръ нача совѣтовати з бояры своими, хотя итти на Царьградъ». А подъ подписью написано: Князь Владимеръ сидитъ въ полатахъ на престолѣ, а около ево стоятъ бояре; а съ правой стороны бояринъ держитъ свитокъ, а въ свиткѣ написано: «Отвѣщавъ же бояринъ: Сердце царево въ руцѣ Божіи, а мы въ твоей руцѣ». А подъ бояры стоятъ велможи, и по лѣвую сторону стоятъ бояре.

На 3-ей стѣнѣ, что отъ Столовой полаты: надъ 1-мъ окномъ подписана подпись: «Князь Владимеръ совокупляетъ войско и устрояетъ тысящники и сотники и пятидесятники, а надъ розрядчики войско. И плѣниша доволно и возвратишася здравъ во-своясы.» А подъ подписью написано: Великій князь Владимеръ сидитъ на престолѣ въ полатахъ, а за нимъ стоятъ бояре; и князь Владимеръ посла раба своего къ войску съ свиткомъ, а въ свиткѣ написано: «Князь Владимеръ устрояетъ войско итти на Царьградъ». А противъ того раба, что посланъ съ свиткомъ къ войску, стоятъ велможи, а за велможи войско совокупляется. А за воискомъ стоитъ градъ, а во градѣ войско, конница. Надъ 2-мъ окномъ подписана подпись: «Идущу князю Владимеру съ воеводы на Царь-градъ». А подъ подписью написано: Князь Владимеръ ѣдетъ въ доспѣхѣ на конѣ, а за нимъ и передъ нимъ воиско конница. А подъ переднею конницею градъ, а подъ градомъ море, а въ морѣ корабли. А позади конницы пѣхота. Въ 3-мъ мѣстѣ, что подлѣ печи, подписана подпись: «Тогда бѣ во Царѣ-градѣ царь Костянтинъ Манамахъ, и въ то время имѣя брань съ Персы и съ Латыни; и посла царь Костянтинъ къ великому князю Владимеру Неоѳита митрополита и два епископа, Митулинского и Митійскаго, и стратига Антіохійскаго Августа Александрѣйскаго и Симана Еросалимскаго и Евѳимія.» А подъ подписью написано: царь Костянтинъ сидитъ въ полатѣ на престолѣ, а передъ нимъ стоятъ митрополитъ и епископы; а за нимъ идетъ ко граду войско конница, а подъ конницею пѣхота, а изъ града пѣхота жъ. А около града и пѣхоты и конницы—море, а въ морѣ корабли.

На 4-й стѣнѣ, по другую сторону печи, надъ дверью, въ 1-мъ мѣстѣ подписана подпись: «И посылаетъ съ ними къ великому князю крестъ отъ животворящаго древа и снемъ отъ своея главы вѣнецъ царскій, имянуется Манамахова шапка, и дробницу сердоликову, изъ нея же царь Римскій веселяшеся, Августъ, и чѣпи златыя и многія царьскія дары». А подъ подписью написано: Царь сидитъ на престолѣ, въ церкви, и митрополитъ и архіепископы пришли ко царю въ церковь, и царь въ церкви снимаетъ съ себя вѣнецъ царскій и крестъ и діадиму и полагаетъ на блюдо и отпускаетъ съ тѣми властьми къ великому князю Владимеру въ дарѣхъ. И царь Костянтинъ митрополита и епископовъ и протчихъ съ нимъ з дары отпустилъ ко князю Владимеру. И митрополитъ и епископы и протчіе съ ними поѣхали изъ града на коняхъ верхами, а съ ними колесницы.

Да на той же стѣнѣ, подлѣ дверей, въ 2-мъ мѣстѣ въ закоморѣ подписана подпись: «И пріиде Неоѳитъ митрополитъ со епископы къ великому князю Владимеру, нача молить отъ царя великаго князя: «Проситъ царь твоего благородія мира и любве». А подъ подписью написано: Князь Владимеръ сидитъ въ полатахъ на престолѣ, а передъ нимъ стоятъ бояре. И князь Владимеръ всталъ со престола и вышедъ изъ полатъ, встрѣчаетъ митрополита и епископовъ, принесшихъ дары: крестъ и вѣнецъ и діадиму.

А подлѣ того въ третьемъ мѣстѣ, въ болшой закоморѣ написано Отечество, а по обѣимъ сторонамъ Отечества подписана подпись: «Благоволеніемъ Богъ, изволеніемъ Сына, поспѣшеніемъ Святаго Духа великія Росіи самодержавный князь Владимеръ вѣнчанъ бысть симъ вѣнцемъ царскимъ рукою святѣйшаго митрополита Киръ-Неоѳита и епископы.» А подъ Отечествомъ написана церковь, а въ церкви подписана подпись: «Святый митрополитъ Неоѳитъ и два епископа, Митулинскій и Митискій, стратигъ Антіохійскій, Августъ Александрѣйскій и Симанъ Еросалимскій». А подъ подписью написано: митрополитъ благословляетъ великого князя Владимера, а стоятъ на высокомъ мѣстѣ. А позади митрополита стоятъ два епископи и держатъ на блюдѣхъ крестъ и вѣнецъ и діадиму. А позади епископовъ и ниже стоятъ священницы и дьяконы со кресты и съ иконы, а иконъ: образъ Пречистыя Богородицы Владимерскія запрестолныя, да передъ нею образъ же Нерукотворенного Спаса, да два креста запрестолые же, да двѣ репиды; а позади Богородична образа Спасовъ же образъ, да Николы чюдотворца. А позади великого князя Владимера стоятъ бояре и протчіе съ ними.

На первой стѣнѣ, что на Красное крылцо, въ окнѣхъ написаны въ кругу поясные: въ 1-мъ—благовѣрный великій князь Всеволодъ; во 2-мъ—благовѣрный царь и великій князь Владимеръ Манамахъ; въ 3-мъ—благовѣрный царь и великій князь Василей Васильевичь. На 2-й стѣнѣ, что отъ Понахидной полаты, написаны въ окнѣхъ поясные жъ:

въ 1-мъ—что отъ Благовѣщенія, святый мученикъ Христовъ Ѳеодоръ Стратилатъ; во 2-мъ—благовѣрный великій князь Дмитрей Ивановичь Донской; въ 3-мъ—благовѣрный царь и великій князь Иванъ Ивановичь. На 3-ей стѣнѣ, что отъ Столовой полаты, написаны въ окнахъ въ кругу поясные жъ: въ 1-мъ—царь и великій князь Данило Александровичь; во 2-мъ—благовѣрный великій князь Дмитрей Ивановичь Углецкой. На 4-й стѣнѣ надъ дверью написаны: Благовѣрный великій князь Ѳеодоръ и чада его Давыдъ и Костянтинъ, Ярославскіе Чюдотворцы.

А въ окнахъ во всѣхъ по сторонамъ написаны разные травы з золотомъ.

Передъ Золотою полатою въ Сѣнѣхъ, въ небѣ написано: Кругъ, а въ кругу написанъ Господь Саваоѳъ на престолѣ сѣдящь, въ нѣдрѣхъ Сынъ, сверху Сына Духъ Святый; а престолъ подножіемъ написанъ къ Столовой.

Около того круга другой кругъ ниже по самые шелыги.

А того круга 1-мѣсто, отъ Красного крылца, подлѣ дверей, на сводѣ подпись: «Благословеніе Господне на главѣ праведнаго». Подъ подписью написано: Молятся 2 мужа, около ихъ древеса; сверху Ангелъ Господень летящъ благословляетъ.

2-е мѣсто—подпись: «Сердце царево въ руцѣ Божіи». Подъ писмомъ написанъ въ полатахъ на престолѣ сѣдящь царь-младъ, въ правой рукѣ держитъ скипетръ, въ лѣвой яблоко державное, обращенъ лицемъ къ лѣвой странѣ. Съ лѣвой страны: въ кругѣ во облацѣ Спасовъ образъ: обѣими руками на обѣ стороны благословляетъ, правая рука благословенная возложена на яблоко державное царское. По обѣ стороны престола царева стоятъ велможи, на главахъ клобучки опушены платы бѣлыми.

3-е мѣсто—подпись: «Путіе праведныхъ подобны свѣту свѣтятся». Подъ подписью написано: Храмъ, а во храмѣ кіотъ Завѣта и жертвенникъ и завѣсы; предъ кіотомъ свѣщникъ и стоитъ царь Соломонъ, обращенъ къ кіоту. Подлѣ храма полаты; съ лѣвую страну въ полатахъ Израилтяне въ чашахъ держатъ дары и несутъ во храмъ ѳиміанъ.

4-е мѣсто—подпись: «Духъ страха Божія». Подъ подписью написано: Ангелъ Господень стоящь на облацѣхъ, въ правой рукѣ сосудъ держитъ, а въ лѣвой вѣнецъ царскій; изъ сосуда ліетъ воду. Подъ тѣмъ сосудомъ ниже стоитъ царь Соломонъ, а за царемъ велможи. Царь держитъ въ лѣвой рукѣ державу, правою рукою даетъ милостыню нищимъ, златицы. А вода отъ сосуда пущена межъ царя и нищихъ; а за ними полаты.

5-е мѣсто—подпись: «Зачало премудрости страхъ Господень. Стяжи разумъ Вышняго и вознесетъ тя и почтетъ тя и обыметъ тя и дастъ главѣ твоей вѣнецъ нетлѣнный и гривну злату на выю твою». Подъ тѣмъ другая подпись: «Правда же избавляетъ отъ смерти». Подъ 1-ю подписью написана полата, а въ полатѣ Ангелъ Господень возвелъ на высокое мѣсто царя млада и возлагаетъ на главу его вѣнецъ царскій и гривну злату о выи его. И Ангелъ Господень въ царскомъ же вѣнцѣ. Подъ ними высокое мѣсто золоченое. По лѣвую сторону, подъ другою подписью, на горѣ написанъ Ангелъ Господень, въ правой рукѣ держитъ вѣсы, въ лѣвой мечь.

6-е мѣсто—подпись: «Наказаніе пріемлетъ источникъ безсмертіа, изо устъ праведнаго каплетъ премудрость». Подъ тою подписью написано: Царь сѣдитъ на престолѣ младъ, въ полатахъ. Ангелъ Господень летящь на главу цареву вѣнецъ налагаетъ. Изъ правой руки царевы вода пущена; въ той водѣ стоятъ люди нагія, препоясаны платами, обращены къ царю, мало преклонны. Съ лѣвую страну престола стоятъ велможи.

7-е мѣсто—подпись: «Сынъ премудръ веселитъ отца и матерь». Подъ тою подписью написано: Полаты; въ полатахъ царь обымаетъ сына, а у сына царева въ рукахъ книга; за царемъ царица; предъ ними столъ; а за царицею боярыни.

Да въ тѣхъ же Сѣнѣхъ, на щипцахъ написаны: Въ щипцѣ, что подлѣ дверей, противъ Красного крылца, написанъ стоящь прямо пророкъ и царь Давыдъ, въ рукѣ держитъ свитокъ, а въ свиткѣ

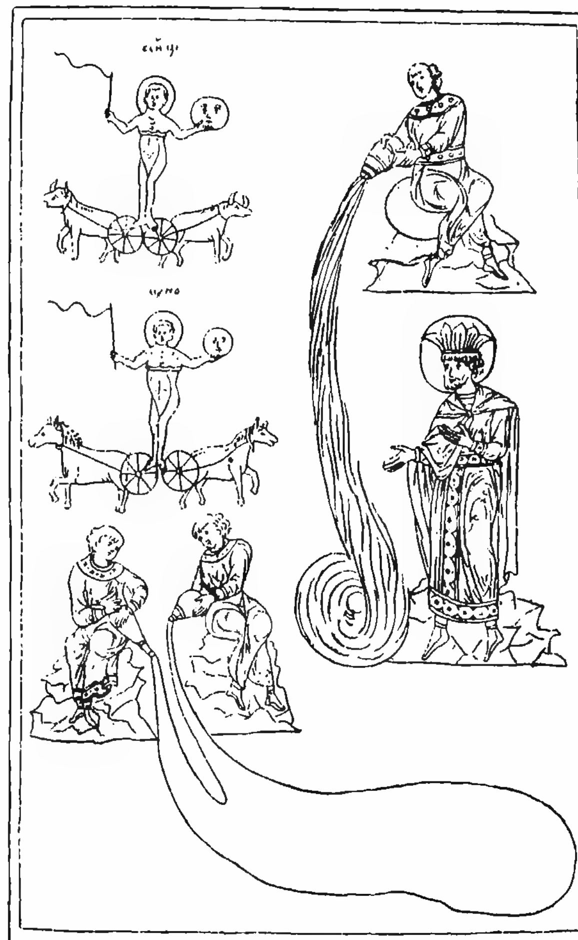

Рис. 207. Годуновская рукописная Псалтирь 1600 года.

[Буслаевъ. Историческіе Очерки, стр. 214].

Рис. 208. Лицевой большой сводъ.

[Императорскій Историческій Музей].

написано: «Слыши дщи и виждь и приклони ухо твое и забуди люди твоя». На другомъ шипцѣ, отъ Золотой полаты,—прямо стоящей царь Соломонъ. На той же стѣнѣ, въ 3-мъ шипцѣ написанъ прямо стоящей царь Ровоамъ. Отъ Столовой, на 4-мъ щипцѣ написанъ прямо стоящей царь Авія. Въ 5-мъ щипцѣ, отъ Шатерной, написанъ прямо стоящей царь Ассъ. На той же стѣнѣ, въ 6-мъ щипцѣ написанъ прямо стоящей царь Іоасафатъ.

Да въ Сѣняхъ же, подъ кругомъ, въ шалыгахъ написано:

Въ 1-й въ полушалыгѣ, что отъ Красного крыльца, надъ окномъ подписана подпись: «Рече Господь къ Моисею: Что есть въ руцѣ твоей? Онъ же рече: жезлъ. И рече ему: Поверзи его на землю. И верже на землю и бысть змій; отбѣжа Моисей отъ него. Рече же Господь къ Моисеови: Простри руку твою и ими за овинъ. И простре Моисей руку и ятъ, и бысть аки жезлъ въ руцѣ его». А надъ подписью написанъ Господь Саваоѳъ. А подъ подписью написано: Предъ Саваоѳомъ Моисей стоитъ съ жезломъ, другій наклонился и беретъ змію въ руку, а третій идетъ з жезломъ, а въ четвертомъ мѣстѣ отбѣжалъ Моисей отъ зміи.

Въ 2-й шалыгѣ отъ дверей, что съ Красного крылца, надъ окномъ подписана подпись: «Внидоста Моисей и Аронъ предъ Ѳараона и предъ мужи его и сотвориста тако, яко заповѣда имъ: поверже Аронъ жезлъ предъ Ѳараономъ и предъ мужи его, и бысть змій. Созва же Ѳараонъ вся мудрыя Египта и волхвы, сотвори волхвы Египетскія чарованіемъ своимъ такоже и повергоша кождо жезлъ свой и быша зміеве и пожрѣ жезлъ Аароновъ онѣхъ жезлъ». А подъ подписью написаны полаты, а въ полатахъ сидитъ царь на престолѣ, а передъ нимъ и за нимъ стоятъ мужіе з жезлами. А пришли къ нему Моисей и Аронъ и стоятъ предъ нимъ з жезлами, а за ними стоятъ два мужа: единъ указываетъ на нихъ перстомъ, а другой стоитъ ниже, воздѣвъ руцѣ. Да въ той же шалыгѣ, подлѣ того, подписана подпись же: «Пріидоша сынове Израилеви сквозь Чермное море. Богъ бо вождаше ихъ въ день столпомъ облачнымъ, показа имъ путь нощію столпомъ огненнымъ и не оскудѣ столпъ облачный во дни, столпъ огненный въ нощи предъ всѣми людми. Ѳараонъ же царь Египетскій услыша сія, поятъ пятьсотъ колесницъ избранныхъ и вся коня Египетскія и тристаты надо всѣми и погнавъ сзади сыновъ Израилевыхъ; егда же погнаша Египтеня, простре Моисей руку на море и роступися вода и проидоша сынове Израилеви посреди моря по суху, Египтены жь истрясе Господь и покры вода колесница и всадники и всю силу Ѳараонову». А подъ подписью написано: Море, а въ морѣ царь сидитъ на конѣ, а за нимъ сила ево на коняхъ и колесницы; а предъ нимъ стоитъ столпъ огненный. А подлѣ моря и столпа берегъ, а на бер(ег)у стоитъ Моисей и ударилъ жезломъ въ море, а за нимъ сыны Израилевы; а подъ ними несутъ людіе во гробницѣ Іосиѳа Прекрасного.

Въ 3-й малой шалыгѣ подписана подпись: «Пріидоша сынове Израилеви въ Мерру и не можаху пити воды: горка бо бѣ, и показа ему Господь древо Моисею и вложи въ воду и усладися вода». А подъ подписью написанъ Господь Саваоѳъ; да подъ подписью жъ написанъ Ангелъ Господень даетъ Моисею древо, а позади Моисея стоитъ Аронъ и леввитіи; и Моисей, взявъ древо, и омочи въ воду и людіе піяху.

Въ 4-й шалыгѣ, надъ дверми, что въ Золотую полату, въ шелые подписана подпись: «Моисей и Аронъ взыдоша верху горы; егда убо воздвигнеша Моисей и одолѣваша Израиль, егда пригнаша и одолѣваша Аммаликъ. Ааронъ же и Ору держаще Моисея подъ руцѣ, и быста Моисей—не руцѣ укрѣпленіе, и одолѣ Израиль Аммалика». А подъ подписью написано: Моисей сидитъ на горѣ, а посторонь стоятъ Моисея: Захарій и Аронъ. А подъ ними Исусъ Наввинъ ѣдетъ на конѣ съ войскимъ и побиша, царя и всю силу Аммоликову. А по другую сторону Исусъ же Наввинъ біяшеся съ Аммаликомъ. Да въ той же шалыгѣ на дверми, что ходятъ изъ Столовой полаты, подписана подпись: «Воздвигъ Моисей руку свою и удари въ

Рис. 209. Лицевой большой сводъ.

[Императорскій Историческій Музей].

камень дважды, и изыде вода много и напіися весь сонмъ и скоты ихъ». А подъ подписью написано: Моисей стоитъ з жезломъ, а позади его Аронъ, а позади Арона гора, а на горѣ Моисей ударяетъ въ камень жезломъ и исъ каменя течетъ вода и народъ воду піяху и скоты ихъ.

А по другую сторону дверей, на лѣвой сторонѣ, въ 5-й шалыгѣ написанъ Господь Саваоѳъ, а въ лѣвой руцѣ держитъ державу, а правою благословляетъ. А подъ нимъ подписана подпись: «Глаголаху людія на Моисея х Богу: скую изведеные изъ Египта на ученіе въ пустыню: яко нѣсть хлѣба ни воды; и пусти Господь змія уморяющая люди. Пришедше же къ Моисею люди и глаголаша: согрѣшихомъ яже глаголахомъ; и моли Моисей о людѣхъ; и рече Господь къ нему: сотвори змію мѣдену. И сотвори Моисей тако. Бысть же егда уѣдяше змія человѣка, онъ же бо ря на ню и оживяше». А подъ подписью написано: Моисей на горѣ стоитъ и зритъ на Господа къ верху, а передъ нимъ людіе. А на лѣвой сторонѣ въ углу стоитъ Моисей, а предъ нимъ люди пали на землю. Да на той же сторонѣ стоитъ Моисей, а противъ Моисея стоитъ древо, а на древѣ змія мѣдная и инныи зміи поѣдаютъ людей.

Въ 6-й шалыгѣ, въ углу, межъ дверей, что отъ Столовой полаты и въ Шатерную полату, надъ дверми подписана подпись: «Рече Моисей къ людемъ: вооружайте отъ себе мужа и вополчитеся предъ Господемъ на Мадіама; и сочтоша отъ всепленениі дванадесять тысящъ. И пусти Моисей тысящу отъ племяни съ силою ихъ и Ѳинеосъ, сына Елеазорца, сына Аамрона, и сосуды священныи въ руки и трубы знаменныя въ рукахъ ихъ». А подъ подписью написано: Моисей стоитъ на горѣ, а передъ нимъ стоятъ Аронъ и Захарій, а въ рукахъ держатъ трубы, а за нимъ воини на коняхъ вооружены.

Въ 7-й шалыгѣ, что идучи въ Шатерную полату, на правой сторонѣ подписана подпись: «Вополчаша же ся Израилтеня на Мадіама, яко же повелѣ Господь Моисею, избиша весь мужескій полъ и царя Мадіамля: Иеупа, пророка, и Суинъ и Уинъ, и Уна и Рекова, пять царь Мадіамъ и Валама, сына Боорова, убиша.» А подъ подписью написано: на горѣ сѣкутъ воиновъ и людей.

Въ углу надъ окномъ, что на Красное крылцо, во 8-й полушалыгѣ подписана подпись: «Плѣниша же жены Мадіамля и имѣнія ихъ и скоты ихъ и силу ихъ плѣниша и вся грады ихъ и имѣнія ихъ въ полчище сыновъ Израилевъ, во Арамаѳъ Моавль, иже есть у Іордана скрай Ерихона.» А подъ подписью написаны грады Мадіамли, а изъ градовъ воини женъ ведутъ, и имѣніе везутъ на колесницахъ, и скоты ходятъ. А по другую сторону стоятъ мужи жъ и жены сидятъ з дѣтми.

Передъ Золотою жъ полатою, въ Сѣняхъ, на прямыхъ стѣнахъ написано: На 1-й стѣнѣ отъ Красного крылца, надъ окномъ, что отъ Постелного крылца: Въ 1-мъ мѣстѣ подписана подпись: «Взя Исусъ Иакидъ (приписано на полѣ: Макиданъ) и изби оружіемъ и царя ея и потребиша ю, и не оста никто же въ ней цѣлъ». А надъ подписью написанъ Господь Саваоѳъ во облацѣ. А подъ подписью написанъ градъ, а во вратѣхъ градныхъ Исусъ Наввинъ вооруженъ съ воинствомъ избиваетъ воевъ, а многіе вои подъ ногами коней попраны. А во градѣ Исусъ стоитъ на мѣстѣ, предъ нимъ посѣкаемый царь и людей. На той же стѣнѣ, на дверми и окномъ во 2-мъ мѣстѣ, подписана подпись: «Преда Господь Ахиль (приписано на полѣ: Ляхиль) въ руцѣ Исусу, и взя его и избиша». А надъ подписью написанъ Господь Саваоѳъ во облацѣ. А подъ подписью написанъ градъ, а во вратѣхъ градныхъ съ воинствомъ Исусъ, а подъ ногами попраны вои съ конми. А во градѣ стоитъ Исусъ, а передъ нимъ воинство посѣкаютъ людей. На 2-й стѣнѣ, что на Золотой полатѣ, въ 1-мъ мѣстѣ, что отъ Красного крылца, подписана подпись: «Тогда жъ взыде Елеванъ (на полѣ приписано: Іарамъ) царь Герескъ и помогая Ляхису, и уби его Исусъ мечемъ и взя люди его». А подъ подписью написано: Исусъ Наввинъ въ доспѣхѣ на конѣ и воинство его вооружены на коняхъ, подъ конми ихъ потоптаны кони ихъ и люди, а передъ Исусомъ потоптанъ царь и воин-

ство его бѣжатъ прочь, а Исусово жь воинство посѣкаетъ ихъ. А позади воинства гора, а на горѣ градъ стоитъ.

На той же стѣнѣ, во 2-мъ мѣстѣ, подлѣ дверей подписана подпись: «Пріиде Исусъ во Аламъ (на полѣ: во Алонъ) и преда Господь градъ Исусу и взя его въ той день.» А подъ подписью написано: Исусъ Наввинъ ѣдетъ на конѣ, а передъ нимъ градъ, и у града врата отворенны, а за нимъ воинство на коняхъ, а подъ Исусомъ и подъ воинствомъ потоптаны воини съ конми, а во градѣ воини Исусовы сѣкутъ людей; а вверху надъ подписью и надъ градомъ изо облака рука благословенная.

На той же стѣнѣ по другую сторону дверей, въ 3-мъ мѣстѣ, подписана подпись: «Обсѣде Исусъ и Хевронъ и взя его и изби мечемъ.» А подъ подписью написано: Исусъ съ воинствомъ, вооруженъ, на конѣхъ идутъ во градъ и во градѣ Исусъ сѣчетъ людей, а передъ градомъ гора.

На 3-й стѣнѣ, что отъ Столовой полаты, въ 1-мъ мѣстѣ отъ дверей, что идучи изъ сѣней къ Столовой полатѣ, по лѣвую сторону, подписана подпись: «Пріиде Исусъ въ Давиръ и обсѣдше и взяша градъ, и царя его и вся вои его избиша мечемъ.» А подъ подписью написано: Исусъ Наввинъ сидитъ на конѣ, а подъ нимъ попранъ царь на конѣ и вои его иссѣкаеміи, а за нимъ Исусово воинство, а за нимъ и передъ нимъ градъ съ полатами.

На той же стѣнѣ, по другую сторону дверей, во 2-мъ мѣстѣ, подписана подпись: «И изби Исусъ всю землю горскую и Нагевъ и равную и Асидоѳа и вся цари ихъ и не остави ихъ ни единъ уцѣлѣлъ, и все дышущее потребиша, якоже заповѣда Господь Богъ Израилю; и изби ихъ Исусъ отъ Кадис-Варни даже до Газы и всю землю Есемъ до Гаваона и вся цари сія и землю ихъ взя Исусъ единую, яко Господь Богъ помогаше Израилю.» А подъ подписью написано: «Исусъ съ воинствомъ на конѣхъ, а подъ конми попраны людіе съ конми жъ; а передъ Исусовымъ воинствомъ другое воинство посѣкаемыя и бѣжащія, а за ними горы.»

На 4-й стѣнѣ, что отъ Шатерной полаты, подлѣ дверей и надъ дверми, въ 1-мъ мѣстѣ подписана подпись: «Взя Исусъ иногодою (на полѣ приписано: единою) яже яко Господь Богъ помогаша Израилю». А надъ подписью написанъ вверху Господь Саваоѳъ во облацѣ, въ лѣвой рукѣ держава. А подъ подписью написанъ градъ, а во вратѣхъ градныхъ посѣкаеми воинство отъ воинства Исусова. А Исусъ съ войскомъ на коняхъ, а подъ конми попраны воини и кони ихъ; а во градѣ Исусъ стоитъ на высокомъ мѣстѣ, а за нимъ и передъ нимъ воинство стоятъ. А передъ градными враты гора.

Да на той же стѣнѣ, по другую сторону дверей во 2-мъ мѣстѣ, подписана подпись: «Прія Исусъ Іассоръ и царя его, Іассоръ держа бѣ прежъ обладающія всѣ царствы.» А подъ подписью написано: Градъ, а во врата градные ѣдетъ Исусъ съ войскомъ, а подъ ногами попрани людіе и кони ихъ. А во градѣ Исусъ на конѣ сидитъ, а за нимъ воинство на коняхъ, а передъ Исусомъ воини держатъ царя.

На той же стѣнѣ, въ 3-мъ мѣстѣ, подписана подпись: «Запалиша Іассоръ огнемъ и поятъ Исусъ царя ихъ и изби мечемъ, яко же повелѣ Мосей, рабъ Божій.» А подъ подписью написано: Исусъ стоитъ на высокомъ мѣстѣ, а за нимъ воинство ево, а подлѣ ево коня ево держитъ рабъ передъ Исусомъ, царь посѣкаетъ, а около ево воинство-жъ а за ними градъ запаленъ и съ людми.

Да въ окнѣхъ и въ дверѣхъ написаны въ сводѣхъ поясные, въ кругахъ: въ 1-мъ, что на Красное крыльцо, царь Іозія; во 2-мъ окнѣ, что на Красное жъ крыльцо,—царь Іоахасъ. Въ дверѣхъ, что идучи изъ Сѣней къ Столовой полатѣ,—царь Ахазъ.»

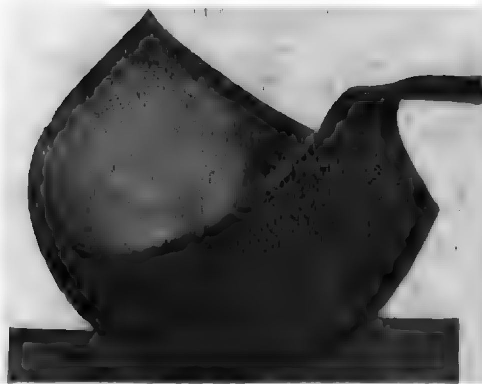

Рис. 210. Ковшъ серебряный, съ финифтью. *

[Московская Оружейная Палата, № 783.]

* На ручкѣ, по припаянному вѣнцу золоченая надпись: Божіею милостію Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь, Государь всеа Русіи, Володимерскиї, Московскиї, Великоноугородцкиї, Царь Казанскиї, и иныхъ. Подъ надписью золоченыя украшенія въ видѣ двухъ птицъ, спиной одна къ другой и соединенныхъ хвостами. Внутри ковша, на днѣ, золотое клеймо съ изображеніемъ бычьей головы съ рогами, пятиугольной звѣздой, мордой и розеткой. Вѣсу 58 зол., длина $4\frac{3}{4}$ верш.

Содержаніе и значеніе стѣнописи Золотой палаты.

Стѣнопись Золотой палаты и ея сѣней представляетъ собою своего рода обширную космогонію, столь характерную для средневѣкового мышленія, проникнутаго стремленіемъ подвести итогъ всѣмъ жизненнымъ явленіямъ, привнести въ него объединяющую, руководящую идею и наглядно изобразить свое міровоззрѣніе. *

Въ молодомъ Московскомъ Государствѣ такою идеею были чаянія о побѣдоносномъ надъ «нечестивыми агарянами» православномъ мірѣ, руководимомъ благочестивымъ и высоконравственнымъ Самодержцемъ, защитникомъ и отцомъ народа. Міръ съ невидимыми силами въ своемъ движеніи воплощался въ умахъ авторовъ этой живописи въ идеальное человѣческое общество съ идеальнымъ царемъ во главѣ.

Рис. 211. Чара серебряная, мѣстами золоченая,
на верху надпись: Божию милостию царь и велики князь Иванъ Васильевичъ, государь всея Русіи, и т. д.
Вѣсу 1 ф. 24 зол., дл. $4\frac{3}{8}$ верш., шир. 4 верш., выш. $1\frac{3}{4}$ верш.
[Московская Оружейная Палата, № 1805.]

Стѣнопись Золотой палаты имѣла назначеніе укрѣпить благородные порывы души Іоанна, въ образахъ воплощая то, что должно было руководить имъ и направлять его въ дальнѣйшей дѣятельности, какъ человѣка и Государя. Она наглядно изображала его покаяніе въ прежнихъ грѣхахъ (притча объ Индійскомъ царевичѣ), выражала завѣты будущаго и являлась путеводнымъ свѣточемъ для настоящаго.

Ради вящей убѣдительности нравственные и политическіе идеалы, изображенные въ притчахъ и аллегоріяхъ, были подкрѣплены примѣрами изъ событій ветхаго и новаго завѣтовъ и дѣяній русскихъ князей, доблестныхъ подвижниковъ идеализируемой государственности, а дѣла сего міра связаны символами съ явленіями высшаго порядка, «безплотными силами и невидимымъ божествомъ», какъ своимъ первоисточникомъ. Эта существеннѣйшая часть всей стѣнописи была помѣщена въ главномъ, центральномъ мѣстѣ—сводѣ Золотой палаты.

Повидимому, именно она вызывала возмущеніе приверженцевъ истинной православной старины, выразителемъ коихъ былъ Висковатый. Ибо, наряду съ символами чисто христіанскими, тамъ помѣщены были и языческіе, напримѣръ, изображенія Феба и Діаны, а также и другіе, выражающіе міровоззрѣніе, основанное не на Божественномъ

* То было время героическихъ порывовъ и богатырскихъ подвиговъ не только въ политическихъ и военныхъ дѣлахъ, но и въ художественно-научныхъ предпріятіяхъ, подобныхъ описанной стѣнописи. Именно, въ это время создались такія капитальныя произведенія, какъ Четьи Минеи митрополита Макарія и Лицевой Сводъ всемірной исторіи съ тысячами рисунковъ. Часть его уцѣлѣла до нашего времени въ видѣ Большого Лицевого Свода. (Имп. Росс. Ист. Муз.), Царственной Книги (Синод. Библ.), Царственной Лѣтописи (2 книги въ Библ. Акад. Наукъ), Лицевой Лѣтописи (2 книги въ Имп. Публ. Библ.).

писанiи, а на человѣческомъ мудрованiи. Въ этомъ явно сказывалось суемудрiе Новгородскихъ еретиковъ, а потому для богобоязненныхъ Москвичей, ревнителей «древляго благочестiя», вся стѣнопись могла казаться сомнительной, какъ зараженная опаснымъ новшествомъ.

Способъ изображенiя. Что касается способа изображенiя, то, внѣ сомнѣнiя, роспись Золотой палаты не отличалась отъ традицiоннаго шаблоннаго письма XVI вѣка, образцы котораго наполняютъ Лицевые Сборники, составленные при Грозномъ. Существующая нынѣ стѣнопись Царицыной Золотой палаты въ Кремлевскомъ дворцѣ является удостовѣренiемъ, что палатное письмо тождественно по своему характеру съ этими рисунками. Дѣйствительность въ нихъ отражена весьма слабо. Лишь отдѣльные предметы, какъ утварь, части одеждъ и нѣкоторыя зданiя, приблизительно отвѣчаютъ натурѣ; большинство же изображенiй списаны съ древнихъ образцовъ и весьма сходны съ рисунками, помѣщенными въ такихъ иноземныхъ рукописяхъ, какъ напримѣръ Menologium Graecorum Albani 1000 года.

Наружныя украшенiя дворца. При возобновленiи послѣ пожара 1547 года великокняжескаго Кремлевскаго дворца, кромѣ его внутренней отдѣлки, были сдѣланы и новыя наружныя украшенiя. Барберини (1565 г.) свидѣтельствуетъ, что кровли дворца Грознаго были покрыты золотомъ, а Михалонъ Литвинъ—что дворецъ былъ украшенъ каменными изваянiями, по образцу Фидiевыхъ.

Можно повѣритъ этому свидѣтельству: Грозный, будучи «мужемъ чуднаго разсужденiя и всякой словесной премудрости риторомъ», могъ знать о Фидiевыхъ горельефахъ Парѳенона и приказать, кромѣ обычныхъ подзоровъ и цвѣтныхъ поясовъ, украсить карнизы дворцовыхъ прiемныхъ палатъ также и рѣзными фигурами.

Извѣстно, что въ XVII вѣкѣ Золотая палата имѣла по карнизу слѣдующую, сдѣланную изъ подзорныхъ штукъ, надпись:

„в лѣто ҂зѯд҃. (1561) авгꙋста. повелѣниемъ благочестиваго и христолюбиваго. царя и великаго кн҃зя иоанна васильевича всея россiи. владимерскаго. московскаго. новгородского. царя казанскаго. и царя астраханскаго. гд҃ря псковскаго и великого князя тверскаго. югорского. пермского. вяцкаго. болгарскаго ї иныхъ гд҃ря земли ливонские. града юрьева ї иныхъ. и прiего благородныхъ чадехъ. царевиче їване: и царевиче феодоре иоановиче всея россiи самодержце:“ *

Сохраненiемъ текста этой надписи мы обязаны любознательности барона Черкасова. Прiѣхавъ въ Москву вмѣстѣ съ Дворомъ, въ маѣ 1753 года, когда Золотая палата была уже сломана, онъ пожелалъ видѣть эту надпись. Но она была уже увезена изъ Кремля вмѣстѣ съ кровельнымъ матерiаломъ Золотой палаты (720 пуд. 21¼ фун. мѣдныхъ листовъ и разныхъ украшенiй, въ числѣ коихъ было и 63 подзорныхъ штуки съ буквами надписи, два желѣзныхъ коня съ флюгеровъ и 54 подзорныхъ штуки расписанныхъ травами): 200 пудовъ желѣза были отвезены въ Московскiй Донской монастырь на кровлю колокольни, а вся мѣдь вмѣстѣ съ надписью отправлена въ Петербургъ, въ Воскресенскiй Новодѣвичiй монастырь, для обиванiя церковныхъ главъ.

Вслѣдствiе поднятаго барономъ Черкасовымъ вопроса, завѣдывавшiй Кремлевскими постройками, генералъ Давыдовъ, поспѣшилъ увѣдомить генерала Фермора въ Петербургѣ, чтобы «оную надпись тамъ приказать отыскивать и никуда въ дѣло ее не употреблять, понеже можетъ быть оная спрошена будетъ сюда; а оная надпись была вокругъ той палаты по карнизамъ.»

Въ силу того требованiя Ферморъ 3 iюня 1753 года прислалъ въ Москву точную копiю надписи, извѣстивъ, что листы съ нею будутъ сохранены.
(Моск. Отд. Арх. Мин. Имп. Дв. дѣло № 69294, годъ 1753).

Упомянутая надпись и другiя украшенiя Золотой палаты были сдѣланы въ XVII вѣкѣ, но, весьма вѣроятно, они существовали въ томъ или иномъ видѣ и во времена Грознаго.

Не мало красоты и особенности придавали дворцу окна съ разноцвѣтными стеклами. Существованіе ихъ удостовѣряется извѣстіемъ о посылкѣ (1556 г.) Грознымъ оконничника Ивана Москвитина въ Новгородъ съ наказомъ «стеколъ оконничныхъ разныхъ цвѣтовъ» купить «сколько мочно» и тотчасъ прислать ихъ въ Москву. (Дополненія къ Актамъ. Ист. I, 144).

Внутренняя обстановка. Внутренняя обстановка дворцовыхъ покоевъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, какъ и въ-старь, сохраняла величавую простоту и состояла изъ небольшого количества предметовъ. Лавки вдоль стѣнъ, въ переднемъ (красномъ) углу подъ образами простой дубовый или липовый крашенный столъ, иногда съ точеными ножками, да царскій тронъ въ пріемныхъ палатахъ. Никакихъ ненужныхъ, служащихъ для украшенія, предметовъ.

Рис. 212. Перечница серебряная, съ надписью: «Перечинца цр҃ѧ гд҃рѧ великаго кнѧзѧ Ивана Васильевича всеѧ руси сн҃а црвича Федора.» Вѣсу 61 зол., выш. 3¼ верш. [Московск. Оружейн. Палата, № 1518.]

Однако, такими дворцовые палаты оставались лишь въ обыкновенное время. Въ торжественные дни все преображалось. Суровая, почти монашеская простота смѣнялась царственнымъ, ослѣпляющимъ блескомъ и великолѣпіемъ. Палаты наполнялись рѣдчайшими сокровищами Востока и Запада, убирались расшитыми шелкомъ и золотомъ запонами, драгоцѣнными коврами и полавочниками, обставлялись золотыми и серебряными сосудами и разными диковинными вещами, вродѣ замысловатыхъ часовъ. Все сверкало золотомъ, самоцвѣтными камнями, яркими красками чудесныхъ тканей. Въ большихъ пріемныхъ, Грановитой и Золотой палатахъ, среди всей этой роскоши и богатства, выдѣлялось своей драгоцѣнностью царское мѣсто.

Образцомъ царскаго престола времени Грознаго служитъ существующее нынѣ въ Успенскомъ соборѣ царское мѣсто, сооруженное въ 1551 году. Оно даетъ, впрочемъ, понятіе о формѣ древняго царскаго трона, но не объ его драгоцѣнности.

Костяной тронъ Ивана III (рис. 132) и тронъ Бориса Годунова (рис. 312) тоже не могутъ дать полнаго представленія о драгоцѣнности троновъ, украшавшихъ пріемныя палаты Кремлевскаго дворца въ XVI вѣкѣ. Судить о нихъ возможно по описанію, оставленному намъ въ дневникѣ Марины Мнишекъ, которое, вѣроятно, соотвѣтствуетъ дѣйствительности, ибо согласуется съ описаніями другихъ очевидцевъ, напр. Георга Паэрле.

«Весь тронъ, говорится въ этомъ дневникѣ, былъ изъ чистаго золота, вышиною въ три локтя, подъ балдахиномъ изъ четырехъ щитовъ, крестообразно составленныхъ, съ круглымъ шаромъ, на коемъ стоялъ орелъ великой цѣны. Отъ щитовъ надъ колоннами висѣли двѣ кисти изъ жемчугу и драгоцѣнныхъ каменьевъ, въ числѣ коихъ находился топазъ величиною болѣе грецкаго орѣха. Колонны утверждались на двухъ лежащихъ серебряныхъ львахъ,* величиною съ волка. На двухъ золотыхъ подсвѣчникахъ стояли грифы, касаясь колоннъ. Къ трону вели три ступени, покрытыя золотой парчей.»

* Эти львы и грифоны заимствованы изъ Византіи. Троны тамъ украшались, по описанію нашихъ хронографовъ, рыкающими львами и звѣрями, подымающимися на лапы. У троновъ были: «Органы, любо художества златокованны, извасно хитростью дыханіе, доброгласная и сладкая пѣнія возглашаху. Съ нимиже и златая древеса, на нихъ же птицы златокованны сѣдяху, яко на вѣтвяхъ тополныхъ, сирѣчь древесныхъ или певговъ островерхихъ, хитростью издающе пѣсни медовныя.»

Рис. 213. Коверъ восточный бархатный XV—XVI в.
Длина 5 арш. 11 вершк., ширина 2 арш. 9 верш.
[Московская Оружейная Палата].

Расширеніе Кремлевскаго царскаго двора.

Возобновивъ и вновь украсивъ послѣ пожара 1547 года свой царскій дворъ, царь Иванъ Васильевичъ съ тѣхъ поръ, повидимому, не переставалъ дѣлать въ немъ разныя передѣлки и украшенія. На это указываетъ слѣдующее мѣсто изъ записей о посольскихъ дѣлахъ (Сборникъ Имп. Ист. Общ. Т. 59, стр. 532): въ 1556 году 7 октября «велѣлъ царь и великій князь Литовскому посланнику быти на дворѣ..... а царь и великій князь сидѣлъ въ середней полатѣ того дѣля, что избу столовую въ то время дѣлали».....

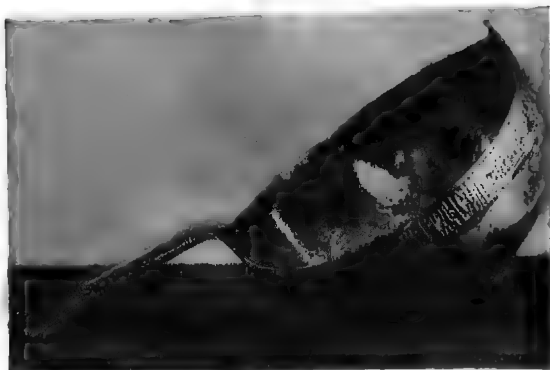

Рис. 214. Ковшъ серебряный съ финифтью, въ разныхъ мѣстахъ надписи имени и титула царя Ивана Васильевича.
Вѣсу 1 ф. 74 зол., дл. 5¼ верш.
[Московская Оружейная Палата, № 734.]

Въ 1560 году царскій дворъ былъ увеличенъ постройкой «особнаго двора», предназначеннаго для царевичей Ивана и Ѳедора, съ храмомъ Срѣтенія Господня и отдѣльными хозяйственными службами. Жилыя хоромы этого двора примыкали съ юга къ Набережнымъ дворцовымъ палатамъ и были выстроены на «взрубѣ», т. е. на срубахъ, укрѣпляющихъ откосъ Кремлевской горы.

Въ 1565 году, послѣ учрежденія опричнины, Іоаннъ рѣшилъ покинуть свой прежній дворецъ и построить себѣ «особный опричный дворецъ».

Для этого дворца онъ «повелѣлъ мѣсто чистити, гдѣ были хоромы Царицыны и Великой Княгини позади Рождества Пречистые и Лазаря Святаго и погребы и ледники и поварни всѣ и по Курятные ворота, также и княже Володимерова двора Андреевича мѣсто принялъ, и Митрополича мѣсто.»

Однако, на этихъ мѣстахъ дворецъ выстроенъ не былъ, и въ 1566 году «повелѣлъ царь и великій князь дворъ себѣ ставити за городомъ, за Неглимою».

Этотъ дворъ былъ устроенъ противъ Ризъ-Положенскихъ (Троицкихъ) Кремлевскихъ воротъ, на Воздвиженкѣ, близъ Арбата, и царь перешелъ въ него 12 января 1567 года.

Арбатскій дворецъ погорѣлъ въ 1571 году при нашествіи Девлетъ-Гирея. Памятникомъ его являются соотвѣтствующія хозяйственнымъ дворамъ названія улицъ—Поварская, и переулковъ—Хлѣбный, Скатертный, Столовый.

Въ 1574 году Грозный построилъ дворецъ на Петровкѣ, гдѣ и жилъ, предоставивъ свою царскую резиденцію въ Кремлѣ Касимовскому хану Симеону Бекбулатовичу.

Въ Кремлевскомъ дворцѣ, вѣроятно уже по уничтоженіи опричнины, Грозный выстроилъ себѣ *Постельныя* хоромы на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ранѣе были терема его первой супруги, царицы Анастасіи, т. е. со стороны церкви Спаса на Бору, позади Золотой палаты. Эти новыя хоромы Грознаго были несомнѣнно деревянныя и состояли всего изъ четырехъ комнатъ: *переднихъ сѣней*, *передней* и еще *двухъ* покоевъ, вѣроятно *комнаты*, т. е. кабинета и *опочивальни*.

Постройка отдѣльнаго зданія Приказовъ. Еще при Иванѣ III подклѣты дворца, гдѣ сосредоточивалось управленіе государственными дѣлами, не могли уже вмѣщать разросшихся и умножившихся Приказовъ. Посему Казенный дворъ, при его новой постройкѣ, былъ вынесенъ изъ прежней черты дворцовыхъ зданій.

Постепенно и другіе Приказы стали помѣщаться внѣ предѣловъ великокняжескаго двора. Въ 1-й половинѣ XVI-го вѣка въ посольскихъ книгахъ упоминаются дьячьи избы, стоявшія на дворахъ, прилегающихъ къ великокняжескому, напримѣръ, на дворѣ князя Юрія Васильевича, брата царя.

Въ 1565 году между Архангельскимъ Соборомъ и церковью «Ивана Святаго, что подъ колоколы» (см. кн. 1, ист. схему), была построена отдѣльная посольская палата, просуществовавшая до 1591 года, когда ее замѣнило двухъэтажное зданіе посольскаго приказа, выстроенное вмѣстѣ со зданіемъ другихъ Приказовъ.

Домашнее имущество царя Ивана Васильевича Грознаго.

по неполной описи, составленной изъ списковъ 90 и 91 годовъ XVI вѣка.

[Напеч. въ 7-й кн. 1850 г. Временника Имп. Моск. О-ва Ист. и Древн. Росс., смѣсь, стр. 1—46.]

36 образовъ, обложеныхъ жемчугомъ, въ серебряныхъ окладахъ съ драгоцѣнными камнями. Изъ нихъ 18—Пречистые (Милостивые, Одегитрея, Умиленіе); 4—Спаса; 2—Благовѣщенія; 1—Богоявленіе; 1—Покрова Пречистые; 1—Рождества Христова; 1—Снятіе со креста; 1—Положеніе во гробъ; 1—Четыредесятъ мученикъ; 1—девять мученикъ иже въ Кизицѣ; 1—Алексѣй чудотворецъ; 1—Архангелъ Михаилъ; 1—Максимъ да Андрей; 1—Иванъ Богословъ съ Прохоромъ.

2 складня рѣзаны на бѣлой кости, исподнія цки (доски) серебряны, золочены, гладки, а на заднихъ цкахъ рѣзано распятіе; по полемъ окладъ сканной золоченъ; на одной цкѣ—о тебѣ радуетца, а на другой—хвалите Господа съ небеси. У однихъ складней чепь серебряна золочена витая.

11 крестовъ золотыхъ съ яхонтами, сапфирами и жемчугомъ.

12 книгъ съ расписанными золотомъ заставками, въ переплетахъ изъ красной кожи съ жуками и мѣдными застежками въ замокъ: потребникъ, треодь постная, треодь цвѣтная, стихоралъ, лѣтописецъ, травникъ и 6 евангелій.

59 ферязей—изъ шелка и бархата (атласъ; тафта шамская бѣлая; зендень; пестредь александрійская, мѣлкіе полоски, полосы бѣлы сини; камка бурская, венедитцкая, кизильбашская разныхъ цвѣтовъ на золотой и серебряной землѣ; бархатъ венедитцкій на червцѣ шелкъ рудожелтъ, птицы; мурамно зеленъ двоеморхъ съ золотомъ и проч..) Образцы (родъ бляхъ) простые или тройные изъ червчатаго, черная или синяго бархата по зеленому или синему атласу; аксамичены золотомъ, репьеваты по черному бархату, низаны жемчугомъ и т. д. Круги. Репейки. Разводы-золотые и серебряные. Ворворки (подвижной шарикъ надъ втулкой кисти) низаны жемчугомъ. Круживо съ золотомъ. Завязки изъ зеленагo, чернаго, синяго шелка или бархата съ золотомъ.

8 терликовъ—изъ шелковыхъ матерій, украшенныхъ образцами: на голуби розные шелки мужики и птицы. Пуговицы серебряныя, золоченыя и съ чернію.

22 кафтана—изъ шелка и бархата, съ золотомъ; травки листейцо; земля клѣтчата; пуговицы золоты, круглы, рѣзаны съ чернью; въ закрѣпкахъ жемчуги.

10 кафтанцевъ—короткихъ бархатныхъ съ золотомъ и съ петлями. Круги и листья; образцы. Петли и кисти серебряны.

1 зипунъ—зендень синя, стеганъ; пуговки вкалыванные; шелкъ вишневъ; ожерелье бархатъ венецейской чернъ.

2 чуги—камка бурская на бѣли; шелкъ червчатъ шаморханской, цвѣтъ звѣски золоты; образцы въ пяти мѣстѣхъ долгіе; низаны жемчугомъ по червчатому бархату, зъ завязки; шелкъ червчатъ.

10 ормяковъ—изъ тонкаго полотенца съ атласной подпушкой и изъ мухояра нѣмецкаго, бѣлаго и червчатаго. Образцы по лазоревому бархату шиты золотомъ и низаны жемчугомъ; по червчатому атласу шиты золотомъ орлы, инроги, звѣри.

11 тегиляевъ—изъ шелка и бархата съ золотомъ и петлями, съ горностаемъ и безъ него. Пуговицы золоты продолговаты, сѣнчаты, съ жемчуги, съ рѣзьбой травками и съ черню и другіе. Украшенія—розные шелки мужики съ робята и птицы.

1 епанча—бѣла съ строкою; подкладка зуфь червчата, на ней пять пуговицъ серебряны гладки.

2 опашня—зуфь зеленая и синяя. Петли серебряныя съ желтымъ шелкомъ.

2 однорядки: 1)—сукно бѣло съ золотымъ пояскомъ; пуговицы серебряныя, сканныя. 2)—сукно черно.

2 шубы: 1)—бархатъ венедитцкой гвоздиченъ, на горлахъ на лисьихъ на красныхъ; круживо плетено золото да серебро кружчато; пугвицы серебряны, золочены, чешуйчаты. 2)—сукно черно съ строкою на черевѣхъ на песцовыхъ на бѣлыхъ съ тафтяными пугвицы.

9 спорковъ шубныхъ—изъ такого же матеріала, какъ на ферезяхъ. Пуговицы канютельны съ жемчуги и золоты чешуйчаты шишкою, рѣзаны съ черныю и кралковыя; сверху и исподи цвѣтки серебряны золочены.

3 тафьи—камка бурская на черни; шелкъ лазоревъ да бѣлъ съ золотомъ, деревцо и листки или листья какъ ручки, а межъ листье извѣстки и копытца золоты.

8 наурузовъ: изъ нихъ одинъ—7-го наряду пуховой съ плацы (бляхами) и съ запонами и съ золотыми, а въ запонахъ и въ плащѣхъ 31 яхонтъ червчатыхъ и лаловъ, 4 яхонты лазоревыхъ, 29 алмазовъ да тумпазъ, 4 изумрудцы, 8 берюзъ, 6 зеренъ вислыхъ жемчужныхъ на прорѣзахъ; 4 пуговицы золоты, а яхонты на нихъ лазоревы. Другіе наурузы изъ шелка и бархата разныхъ цвѣтовъ съ золотомъ; репья золоты съ червчатомъ шелкомъ, на золотой землѣ розные шелки мелкій узоръ; запаны золоты съ драгоцѣнными камнями, а въ нихъ въ середкѣ по образинѣ литой бѣлы; веревки серебряны и жемчужные; ворворки канютельные; кисти шелковыя съ золотомъ; подпушка бѣла съ золотомъ.

36 шапокъ: изъ нихъ одна—скорлатна о двухъ прорѣхахъ съ собольемъ пухомъ; полицы и на прорѣхахъ репьи низаны великимъ жемчугомъ съ запоною, а въ запонахъ и въ репьяхъ и въ круживѣ 15 яхонтовъ лазоревыхъ, 8 алмазовъ и изумрудъ, на прорѣхахъ 6 пуговицъ яхонты лазоревы, на закрѣпкахъ зерны жемчужны. Другіе шапки—скорлатны, рысьи, лисьи, шелковые разныхъ цвѣтовъ съ золотомъ, низаны жемчугомъ, шиты узоромъ травами; кисти шелковыя съ золотомъ, съ лисьимъ чернымъ околомъ.

4 колпака: изъ нихъ одинъ—12-го наряду съ червчатымъ отласомъ; пѣтли и выводъ низанъ жемчугомъ съ лалики; на немъ 32 лалика; на прорѣхѣ 5 пугвицъ жемчужныхъ да 3 пуговки золоты, а у нихъ по 2 жемчуга. Другіе колпаки—изъ камки; веревки и петли низаны жемчугомъ; запона золота съ изумрудомъ, на прорѣхахъ дерево низано жемчугомъ.

9 кушаковъ: изъ нихъ одинъ—95-го наряду, объяринной на бѣли; шелкъ червчатъ да чернъ мелкіѣ полоски; по концомъ полосы зелены. Другіе кушаки—съ полосками, змѣйки и копытца золоты.

14 опоясокъ шелковыхъ, по концамъ ворворки обнизаны золотомъ и серебромъ.

3 пояса, тесма шелкъ разныхъ цвѣтовъ съ золотомъ, пряжа и наконечникъ серебряны золочены, рѣзаны травами съ черною.

8 натесемниковъ золоты съ петлями. У 4-хъ—травы литые, рѣзаны; на 4-хъ—люди литые стоячіе.

1 чеботы сафьянные рудожелтые.

5 плащей (бляхъ) золоты; рѣзаны травы, звѣрки и птицы на проемъ. На 2-хъ—человѣкъ съ копьемъ колетъ змѣя въ главу. У одного—крюкъ наведенъ чернью; около пупыша поясочекъ насѣкиванъ, слова татарскія. На другомъ—буквы зило (з) да иже (и).

42 пуговицы: 22—золоты, уголчаты, рѣзаны съ черныо. 9—серебряны склинчаты, желобчаты въ закрѣпахъ; въ цвѣтахъ жемчуги на синѣхъ. 11—сизовы съ лазоревымъ нацвѣтомъ.

1 ожерелье бархатъ венедитцкой съ золотомъ, змѣйки, и копытца; 4 пуговицы золоты; отъ кафтанца камка двоелична шелкъ синь да желтъ.

10 чепей золоты: одна—4-го наряду, двойная, половина плетена столбцомъ; а другіе колца коробчаты, по концомъ колодки круглые. У другихъ чепей—кольцы репьеваты; съ чернымъ финифтомъ, кумофарены, воблые, гладкіе.

11 ножей булатныхъ. У одного—черенъ сердолечной красенъ; а у другого—черенъ лимонной; отъ желѣза у обоихъ оковы золоты, рѣзаны съ черною; ножны гзовые (сафьяновые); оковы и обоймицы золоты рѣзаны съ черню; поцѣпка шелкъ голубь съ золотомъ. У другихъ ножей черенъ—рыбій зубъ чернъ или бѣлъ; оковъ серебрянъ.

1 клепикъ Муромской; черенъ серебрянъ, рѣзанъ съ чернью; мѣсты золочены; отъ желѣза и сверху околъ дѣланъ сканью; ножны гзовые; оковы и обомицы серебряны рѣзаны съ черныо.

1 кувшинъ серебрянъ съ покрышкой и съ рукоядью; по краю кувшина и у рукояди сверху золочено; краи дорожены; на горлѣ у кувшина обручъ серебрянъ, золоченъ, гладокъ, воблъ, по краемъ дороженъ, а у него чепь серебряна; колца воблые гнутые, гладки; по бокомъ у кувшина въ 4-хъ кругахъ рѣзано имя царя государя и великаго князя; наверху покрышки яблочко бѣло гладко; вѣсу въ немъ 16 гривенокъ 37 золотниковъ.

1 бочка серебряна бѣла; края по бочкѣ въ трехъ мѣстахъ и обручи золочены; наверху у бочки на обручикахъ змѣйки золочены, а въ нихъ на шеѣ чепь серебряна, колца воблые гнутые; а съ концовъ у бочки по клеину съ червчатымъ да съ лазоревымъ финифтомъ, а покрышка завертная золочена; чепочка у покрышки серебряна колца воблые продолговаты; стоянцо продолговато золочено, рѣзано на проемъ; вѣсу въ ней 19 гривенокъ.

2 яндовы серебряны съ носкомъ; по венцу рѣзаны травы золочены.

1 достаканъ серебрянъ съ образиной человѣчьей; краи разложистъ; по вѣнцу рѣзаны травы золочены; рукоять змѣя, поясъ золоченъ; рѣзаны слова нѣмецкіе.

1 мушерма серебряна съ покрышкой и съ рукоядью и съ носкомъ; носокъ змѣй крылатъ золоченъ чешуйчатъ; по пузу рѣзаны мишени золочены, а въ нихъ звѣри розные и люди на конѣхъ; на покрышкѣ подпись—имя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи, наверху у покрышки сидитъ орелъ.

5 братинъ золотыхъ съ черные, съ лалы и съ яхонты, гладкихъ и съ рѣзьбою травами.

5 мисъ золотыхъ, по полемъ въ 4-хъ кругѣхъ рѣзаны слова: «Иванъ Божїю милостїю государь всея Русїи и великїй князь».

79 ложекъ серебряныхъ золоченыхъ съ подписью имени царя Ивана Васильевича.

1 лахань серебряна золочена; по ней люди и звѣри и образины и рыбы морскіе и раки чеканены, а на нихъ 5 человѣкъ чеканены; вѣсу 16 гривенокъ и 36 золотникъ.

22 кубка серебряныхъ золоченыхъ съ покрышками; чеканены травы и люди; образины литыя; пупыши, мѣстами кумофарены и съ финифтомъ.

9 стопъ серебряны бѣлы гладки съ рукоятьми; по покрышкамъ чеканены травы и образины.

20 ковшовъ золотыхъ чистыхъ образцомъ; по пелюстямъ середи какъ полоски; подъ пелюстью и подъ стрѣлкою въ дву кругахъ корунныхъ да съ сторонъ въ дву огнивцѣхъ коронныхъ слова съ чернью.

64 корцовъ серебряныхъ (изъ нихъ одинъ корчикъ) внутри золочены; рѣзаны травы; подпись имя царевича Ѳедора.

13 чарокъ—9 золотыхъ, 4 серебряныхъ. Подпись имя царя государя и великаго князя; рѣзаны травы съ чернью и съ финифтью; у одной на полкѣ яхонты лазоревы, у другой въ клеинѣ орелъ двоеглавъ.

20 чаръ золотыхъ на стоянцахъ съ надписями.

5 рукомойниковъ серебряны золочены; у одного чеканены люди и образины.

1 часы мѣдяны золочены книжкою.

1 рогъ буйволовъ, обложенъ серебромъ золоченъ съ покрышкою; на покрышкѣ вырѣзаны слова золочены; наверхъ покрышки коруны литые золочены; по вѣнцу и по пузу рѣзаны травы золочены.

1 сова орѣхъ индѣйскій, обложена серебромъ, вся золочена; по шеѣ въ двѣ ряди слова латынскіе.

Библіотека царя Ивана IV Васильевича Грознаго и его архивъ.

Въ составъ имущества Грознаго входили его архивъ и библіотека. Уже въ первой половинѣ XVI вѣка книги и рукописи составляли необходимую часть сокровищъ русскихъ богатыхъ людей. Курбскій пишетъ, что русскіе вельможи «писаніе священное и отеческое кожами красными и златомъ съ драгоцѣнными камнями украсивъ и въ казнахъ за твердыми заклепы положи, и тщеславнующеся ими и цѣны слагающе, толики и толики сказуютъ приходящимъ.» Поэтому нѣтъ сомнѣнія, что библіотека Московскаго царя должна была заключать много драгоцѣнныхъ книгъ.

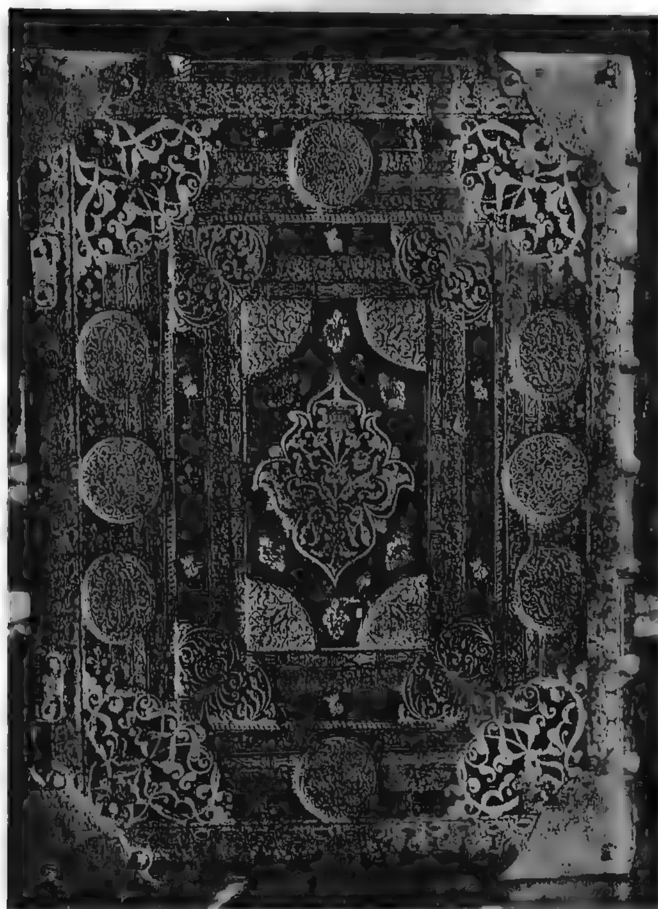

Рис. 215. Годуновская Псалтирь Успенскаго собранія.
[Патріаршая Библіотека, № 19.]

Однако не одно такое предположеніе вызвало представленіе объ исключительной цѣнности библіотеки Ивана Грознаго и возбудило мечты о возможности существованія ея и теперь гдѣ-то въ невѣдомыхъ тайникахъ подземнаго Кремля. О литературномъ сокровищѣ Московскихъ Государей, унаслѣдованномъ Грознымъ, сохранились въ памятникахъ письменности XVI и XVII вѣковъ хотя и скудныя, тѣмъ не менѣе заманчивыя свидѣтельства.

Свидѣтельство Максима Грека. Въ «Сказаніи о Максимѣ философѣ, иже бысть инокъ святыя горы Афонскія преславныя обители Ватопедьскія, еже здѣ пострада довольна лѣта за истину» (подлинникъ въ библіотекѣ Троицко-Сергіевской Лавры), составленномъ во второй половинѣ XVI вѣка, находятся слѣдующія строки: «Не по колицѣхъ убо лѣтъ державы царства своего.... Государь великій князь Василей Иванович отверзе царьская сокровища древнихъ князей прародителей своихъ и обрѣте въ нѣкоторыхъ полатахъ безчисленное множество греческихъ книгъ, словеньскимъ же людемъ отнюдь неразумны».... великій князь «божественною ревностью подвигся» и послалъ къ патріарху за ученымъ грекомъ, вслѣдствіи чего въ 1518 году состоялся пріѣздъ съ Аѳона въ Москву Максима Грека, который «бѣ велми хитръ еллинскому и римскому наказанію и словенскому отъ внѣш-

нихъ ученій ничто же не утаися от него» и имѣлъ «о божественнѣй философіи несытно рачительство.»

Когда великій князь показалъ Максиму свои книги, «сей инокъ въ удивленіи бысть о толикомъ множествѣ безчисленнаго трудолюбнаго собранія и съ клятвою рече передъ благочестивымъ государемъ, яко ни въ Грецѣхъ толикое множество книгъ сподобихся видѣти.»

Извѣстіе хроники Ніенштедта. Другое извѣстіе о царской библіотекѣ XVI вѣка находится въ хроникѣ Рижскаго бургомистра Франца Ніенштедта — это разсказъ пастора Веттермана, котораго Ніенштедтъ лично зналъ и, слѣдовательно, могъ получить приводимое ниже извѣстіе изъ устъ самого очевидца: «Великій князь, говорится въ этой хроникѣ, отмѣнно уважалъ Іоганна Веттермана, какъ мужа ученаго, и даже велѣлъ показать ему свою библіотеку находящуюся въ Москвѣ и полученную отъ Патріарха изъ Константинополя въ давнія времена, когда предки его приняли христіанскую вѣру. Эта библіотека состояла изъ Еврейскихъ, Греческихъ и Латинскихъ книгъ и хранилась подлѣ его покоя, въ двухъ каменныхъ сводахъ, какъ драгоцѣнное сокровище. Наслышавшись много хорошаго о семъ ученомъ мужѣ, великій князь велѣлъ *разломать* каменные своды съ книгами, которые цѣлые сто лѣтъ не открывались, (hat er die stattlichen Bûchergewôlbe, die in hûndert Jahren nicht geôffnet gewesen, aûfbrechen lassen), и чрезъ своего верховнаго канцлера и дьяка Андрея Солкана* и Никиту Визровоту** или Юнику*** (ûnd dûrch seinen obersten Canzler ûnd Djak Andreas Solkan ûnd Nikitas Wysrowota oder Iûnika), призвать Іоганна Веттермана и другихъ разумѣвшихъ по русски, какъ-то: Томаса Шрёффера, Іоахима Шрёдера и Даніила Бракеля. Въ ихъ присутствіи было вынуто изъ сводовъ нѣсколько книгъ, которыя и отданы Веттерману для просмотрѣнія; онъ нашелъ между оными нѣкоторыхъ значительныхъ авторовъ, на коихъ ссылаются у насъ многіе писатели, но коихъ творенія уже не видны болѣе въ нашихъ странахъ, потому что оныя, вѣроятно, погибли и сгорѣли въ прежнія войны. Веттерманъ, несмотря на свою бѣдность, охотно согласился бы отдать все, что имѣлъ, дабы эти книги достались протестантскимъ университетамъ, потому что онъ,

Рис. 216. Евангеліе 1537 года.

[Патріаршая Библіотека, № 62.]

---

* Щелкаловъ. ** Висковатый. *** Фуниковъ.

безъ сомнѣнія, принесли бы много пользы роду христіанскому. Но канцлеръ и дьякъ великаго князя требовали, чтобы онъ перевелъ на русскій языкъ какую-нибудь изъ этихъ книгъ, обѣщая придать ему въ помощь для сего труда вышенаименованныхъ трехъ мужей и нѣсколькихъ писцовъ и искусныхъ людей, служащихъ у великаго князя, и увѣряя, что постараются доставить имъ въ изобиліи все, что для нихъ потребно: содержаніе, жилище и вознагражденіе, и что вообще согласіе ихъ на желаніе великаго князя принесетъ немалую выгоду какъ имъ самимъ, такъ и единоземцамъ ихъ. На слѣдующій день совѣщались они о семъ предложеніи и разсудили, что, окончивъ одну книгу, имъ должно будетъ начинать переводъ другой, такъ что этой работѣ не будетъ конца до самой смерти ихъ. Сверхъ того благочестивому Веттерману пришлось бы забыть и нерадѣть о своей паствѣ, а имъ о своихъ ремеслахъ и промыслахъ. Поэтому выдумали они хитрую уловку и сказали въ отвѣтъ, что когда первосвященникъ Ананія послалъ изъ Іерусалима къ Египетскому Птоломею 72-хъ Толковниковъ, то при этомъ должны были присутствовать мужи самые ученѣйшіе, которые вѣдали смыслъ и разумъ Писанія—для изслѣдованія и повѣрки всего, что тѣ дѣлали; а потому, чтобъ это предпріятіе приведено было въ дѣйство какъ можно основательнѣе, должны участвовать въ ономъ не они одни, люди простые, но и мужи самые разумные, самые свѣдущіе въ Писаніи и самые начитанные. Получивъ такой отвѣтъ, Солканъ и Вызровота стали толковать между собою и начали опасаться, чтобъ великій князь, если они донесутъ ему такимъ образомъ объ отзывѣ Веттермана, не назначилъ ихъ самихъ для надзора и присутствія при этомъ дѣлѣ, гдѣ не достанется имъ богатой поживы, и они будутъ какъ на цѣпи прикованные. Для того уговорились они донести великому князю, что пасторъ и другіе трое недовольно свѣдущи въ языкахъ и потому не въ состояніи произвести ничего хорошаго, чрезъ что они счастливо и освободились отъ работы, какъ сказывали мнѣ и увѣряли меня во всемъ этомъ, господинъ Томасъ Шрефферъ и господинъ Іоганнъ Веттерманъ. Книги же были опять отнесены въ своды и тщательно сокрыты.»

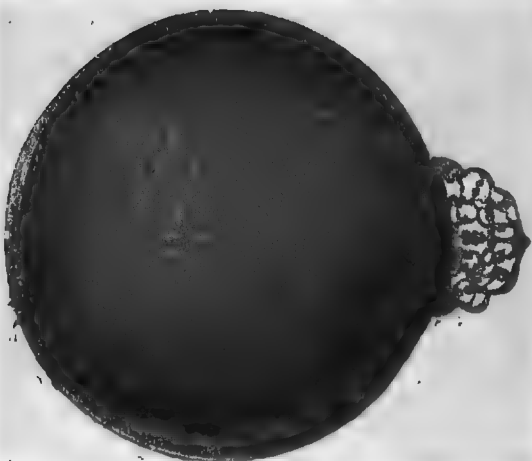

Рис. 217. Чаша каповая, нізкая, въ серебрѣ.
[Московская Оружейная Палата, № 2752].

Списокъ Дабелова. Третье, еще болѣе поразительное извѣстіе о библіотекѣ Грознаго, было найдено въ 1822 году профессоромъ Дерптскаго Университета, Христофоромъ Христіаномъ фонъ-Дабеловымъ (род. 19 іюля 1768 г. въ герцогствѣ Мекленбургъ-Шверинскомъ, былъ приглашенъ профессоромъ въ новооткрытый Дерптскій Университетъ въ 1818 г., умеръ 28 апрѣля 1830 года).

Вотъ что разсказываетъ объ этомъ открытіи товарищъ Дабелова, проф. Фридрихъ

---

* По вѣнцу надпись: «Бж҃нею мл҃остию црь и великїи кнзь иванъ васильевичь гсдарь всеа руси владимирьскии московскии ноугороцкии казанскии астраханскии псковскии югорскии и иныхъ». Выш. ¾ верш., діаметръ 3¼ верш.

Клоссіусъ, въ своей статьѣ «Библіотека великаго князя Василія Ивановича и царя Іоанна Васильевича» (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1834 г., № 7):

«Дабеловъ, прибывшій въ 1819 году въ Дерптъ, занимался розысканіями о Лифляндскомъ Правѣ и, какъ увѣрялъ меня, получалъ съ разныхъ сторонъ документы, которые сообщались ему частію изъ Архивовъ городовъ Риги, Ревеля и Нарвы, частію отъ разныхъ постороннихъ лицъ. Между этими бумагами, по описанію оныхъ, сдѣланному имъ мнѣ въ 1826 году, находились четыре связки или тетради, которыя онъ означилъ такъ: Coll. Per. (Collectanea Pernaviensia) и изъ коихъ особенно много пользовался связкою подъ № 4. Эта тетрадь была писана не одною рукою, а разными почерками, на бумагѣ разныхъ форматовъ, большаго и меньшаго, и, повидимому, состояла изъ документовъ, которые были сшиты вмѣстѣ безъ всякаго порядка, какъ случилось.

Рис. 218. Воронокъ серебряный, золоченый, вѣсу 4 ф. 62 зол., выш. 9 верш. [Московская Оружейная Палата, № 707.]

«Посреди разныхъ документовъ относительно Дерпта и Пернова (Collect. Dorpatensia et Pernaviensia), которые приводятся проф. Дабеловымъ такъ: Coll. Per. 4, 249, находилось на $1^1/_2$ или на 2 листахъ (чего онъ не могъ уже вспомнить съ точностью) извѣстіе одного Дерптскаго пастора, который имѣлъ въ своихъ рукахъ рукописи Московскаго Царя. Это извѣстіе было написано на простонародномъ нѣмецкомъ нарѣчіи (Platteûtsch) мелкими буквами и чрезвычайно нечетко, желтыми, некрасивыми чернилами и на бумагѣ также совсѣмъ пожелтѣлой.

«По пріѣздѣ моемъ въ Дерптъ, мое первое желаніе было получить этотъ замѣчательный документъ, ибо я предполагалъ, вмѣстѣ съ г. профессоромъ Дабеловымъ, что оный находится въ Архивѣ Перновскаго Городоваго Совѣта. Однако, не взирая на всѣ розысканія со стороны тамошнихъ чиновниковъ (1826 г.), означенныя выше связки не могли быть тамъ отысканы......» «Но чтобъ никто не сомнѣвался болѣе въ достовѣрности извѣстія, сообщеннаго профессоромъ Дабеловымъ, представляется здѣсь, слово въ слово сдѣланное имъ и мнѣ оставленное извлеченіе изъ сего документа. Профессоръ Дабеловъ не могъ вспомнить имени пастора, думалъ, однако, что онъ назывался не Веттерманомъ.»

Далѣе идетъ списокъ на Platteütsch и слѣдующій его русскій переводъ:

Сколько у Царя рукописей съ Востока.

Таковыхъ всего до 800, которыя частію онъ купилъ, частію получилъ въ даръ.

Большая часть суть Греческія; но также много и Латинскихъ. Изъ Латинскихъ видѣны мною:

Ливіевы Исторіи, которыя я долженъ былъ перевести.

Цицеронова книга de republica и 8 книгъ historiarum.

Светоніевы Исторіи о Царяхъ, также мною переведенныя.

Tacitus sine Historien.

Dat. Corpus Ulpiani, Papiniani, Pauli и т. д.

Книга римскихъ законовъ.

Юстиновы исторіи.

Codex Constitut. Imper. Theodosii.

Virgilii Aeneid. и Ith.

Calvi orationes at poëmate.

Justiniani Cod. Constitut. и Codex Novellar.

Сіи манускрипты писаны на тонкомъ пергаментѣ и имѣютъ золотые переплеты. Мнѣ сказывалъ также Царь, что они достались ему отъ самого Императора и что онъ желаетъ имѣть переводъ оныхъ, чего, однако, я не былъ въ состояніи сдѣлать.

Саллюстіева война Югурты и сатиры Сира.

Caesar. Comment. de bello gallico и Codri Epithaläm.

Греческіе рукописи, которыя я видѣлъ, суть:

Полибіевы исторіи.

Аристофановы комедіи.

Basilica и Novellae Constitutiones, каждая рукопись въ переплетѣ.

Pindari Carmina.

Heliothrop. gynothaet.

Haephestion geographica.

Theodori, Athanasii, Zamoreti и др. Inferpretationes Novellarum.

Iustin. leg. agrar.

Zamolei Mathematica.

Эфановъ (Aephani) переводъ Пандектовъ.

Orat. и Hydr.

.... pili Historiae.

Cedr.... (?) Char. и Epigr.

Baphias (?) Hexapod и Evr. (?).

Рис. 219. Рукомой серебряный. *

[Московская Оружейная Палата, № 1466.]

«Черезъ это собраніе, восклицаетъ Клоссіусъ, могла бы Россія возобновить для Европы времена князей Медичи, Петрарки и Боккачіо, когда изъ пыли библіотекъ были извлечены невѣдомыя сокровища древности....»

Дѣйствительно, многія изъ приведенныхъ въ спискѣ сочиненій существуютъ лишь въ отрывкахъ, а Геліотропъ, Заморетъ, Замолей, Эфанъ и Бафіасъ утрачены вполнѣ и извѣстны лишь по именамъ.

Письмо Паисія Лигарида. Всѣ три приведенныя извѣстія о существованіи царской библіотеки съ безцѣнными сокровищами письменности классическаго міра относятся къ XVI вѣку. Но они не пропадаютъ окончательно и въ XVII вѣкѣ.

Глубокое, гасящее надежды молчаніе о ней въ этомъ вѣкѣ, внезапно прерывается голосомъ ученаго грека Паисія Лигарида, весьма извѣстнаго по дѣлу патріарха Никона.

Его письмо, написанное въ іюнѣ 1663 г. (напечатано въ Собр. Гос. Грам. и Догов. IV, № 28) къ царю, содержитъ просьбу получить доступъ къ книгамъ царскаго книгохранилища. Въ немъ указывается на двѣ вещи—

* Работы мастера Христофора Риттера 1550 года. Снизу поддона надпись: «Гд-рю чело Удри жрославцы посац люди.» Вѣсу 1 фунтъ 54 золотника, вышина 10¼ вершковъ.

на сокровенность библіотеки, которая по своей недоступности почитается какъ бы несуществующей и объ ея давнишней славѣ, что̀ отдѣляетъ ее отъ книгъ новокупленныхъ Арсеніемъ Сухановымъ на Аѳонѣ въ 1645—1655 годахъ.

Вотъ часть этого письма въ переводѣ указавшаго на этотъ важный документъ академика А. И. Соболевскаго:

«О священнѣйшій и благочестивѣйшій Императоръ!

Вертоградъ, заключенный отъ алкающихъ и источникъ, запечатленный отъ жаждущихъ, по справедливости почитаются несуществующими. Я говорю сіе къ тому, что давно уже извѣстно о собраніи Вашимъ Величествомъ изъ разныхъ книгохранилищъ многихъ превосходныхъ книгъ; почему нижайше и прошу дозволить мнѣ свободный входъ въ Ваши книгохранилища, для разсмотрѣнія греческихъ и латинскихъ сочиненій. Кромѣ вѣрной пользы сіе не принесетъ никакого предосужденія святой Божьей церкви, ни Августѣйшей Вашей Имперіи, которую да покроетъ, возвыситъ и утвердитъ Всевышнее Провидѣніе. Аминь. Буди, буди!»

Рис. 220. Братина серебряная *
[Московская Оружейная Палата, № 683].

Отвѣтъ на эту просьбу неизвѣстенъ.

Такимъ образомъ, молва о царской библіотекѣ, содержащей какія-то особенныя, исключительной цѣнности сочиненія на латинскомъ и греческомъ языкахъ и въ XVII вѣкѣ не давала покоя ученымъ. Какъ сказочная мечта, она не переставала тревожить ихъ и впослѣдствіи, до нашихъ дней.

20 лѣтъ тому назадъ вопросъ объ отысканіи этого книгохранилища, сокрытаго гдѣ-то въ тайникахъ подземнаго Кремля, возникъ съ полной остротой, возбудивъ горячую полемику среди ученыхъ (Н. П. Лихачевъ, И. Е. Забѣлинъ, С. А. Бѣлокуровъ, А. И. Соболевскій) и страстные поиски (докторъ Тремёръ), окончившіеся въ 1894 году раскопками въ Кремлѣ (кн. Н. С. Щербатовъ). Полемика не выяснила дѣла, ибо, за неимѣніемъ неопровержимыхъ данныхъ, не могла ни установить непреложно, ни отвергнуть рѣшительно и единогласно истинности вышеприведенныхъ извѣстій. Раскопки же не дали искомаго. Однако онѣ обнаружили существованіе въ Кремлевской почвѣ невѣдомыхъ тайниковъ, смутные слухи о которыхъ не угасали никогда.

Поиски подземелья съ царскими сокровищами. Эти слухи о существованіи въ нѣдрахъ Кремля подземелья, гдѣ скрыты невѣдомо какія царскія драгоцѣнности, приводили къ поискамъ уже въ XVIII столѣтіи.

Въ Декабрѣ 1724 года бывшій пономарь Московской церкви Іоанна Предтечи, что за Прѣснею, Кононъ Осиповъ, подалъ въ Канцелярію Фискальныхъ дѣлъ, въ Петербургѣ, доношеніе, въ которомъ заявилъ: «Есть въ Москвѣ подъ Кремлемъ городомъ *тайникъ*, а въ томъ тайникѣ есть *двѣ палаты* полны наставлены сундуками до стропу (до сводовъ). А тѣ палаты за великою укрѣпою; у тѣхъ палатъ двери желѣзныя, поперегъ чѣпи въ кольца проемныя, замки вислые превеликіе, печати на проволокѣ свинцовыя; и у тѣхъ палатъ по одному окошку, а въ нихъ рѣшетки безъ затворокъ.

* На вѣнцѣ надпись: «Бжнею мл̃тию цр̃ь и велики кн̃зь иванъ Васильевичъ гсдрь всеа Русии». Вѣсу 1 фунтъ 92 зол., выш. 3 вершка, шир. 4 вершка.

«А нынѣ тотъ тайникъ заваленъ землею за невѣденіемъ, какъ веденъ ровъ подъ Цехаузной дворъ и тѣмъ рвомъ на тотъ тайникъ нашли на своды, и тѣ своды проломали и проломавши, насыпали землею накрѣпко.

«И о тѣхъ онъ полатахъ доносилъ въ 1718 году ближнему стольнику князю Ивану Ѳедоровичу Ромодановскому на словахъ, въ Москвѣ, въ Преображенскомъ Приказѣ. И велѣно его допросить, почему

Рис. 221. Кубокъ работы Эліаса Ленкера 1562 г.

[Московская Оружейная Палата, № 1044].

сталъ онъ о тѣхъ палатахъ свѣдомъ? И онъ сказалъ: сталъ свѣдомъ Большія Казны отъ дьяка Василья Макарьева; сказывалъ онъ, былъ де онъ по приказу благовѣрныя царевны Софіи Алексѣевны посыланъ подъ Кремль-городъ въ тайникъ и въ тотъ тайникъ пошелъ близь Тайницкихъ воротъ, а подлинно не сказалъ, только сказалъ подлинно куды вышелъ,—къ рѣкѣ Неглинной въ круглую башню, что бывалъ старый Точильный рядъ. И дошелъ оный дьякъ до вышепомянутыхъ палатъ и въ тѣ окошка онъ смотрѣлъ, что наставлены сундуковъ полны палаты: а что въ сундукахъ, про то онъ не вѣдаетъ; и доносилъ обо всемъ благовѣрной царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, и благовѣрная царевна до государеву указу въ тѣ палаты ходить не приказала...

«А нынѣ въ тѣхъ палатахъ есть ли что или нѣтъ, про то онъ невѣдаетъ, потому что оный дьякъ былъ посланъ въ 90 (1682) году....

«И кн. Иванъ Ѳедоровичъ, по допросу, приказалъ его съ подьячимъ послать подъ тайникъ осмотрѣтъ и, приказавши, изъ Москвы отбылъ въ С.Петербургъ. И дьяки Василій Нестеровъ, Яковъ Былинскій, послали съ нимъ подьячаго Петра Чичерина для осмотра того выхода; и оной подьячій тотъ выходъ осмотрѣлъ и донесъ имъ дьякамъ, что такой выходъ есть, токмо заваленъ землею. И дали ему капитана для очистки земли и 10 человѣкъ солдатъ; и оной тайникъ обрыли и 2 лѣстницы обчистили и стала земля валиться сверху; и оной капитанъ видитъ, что пошелъ ходъ прямой и послалъ отписку, чтобъ дали дьяки такихъ людей, чтобъ подвесть подъ тое землю доски, чтобъ тою землею людей не засыпало. И дьяки людей не дали и далѣе идти не велѣли, и по сю пору не изслѣдовано.

«И чтобъ указомъ повелѣно было ему изслѣдить и дать бы указъ, у кого ему быть подъ вѣдѣніемъ, чтобъ ему къ той земляной очисткѣ требовать людей только 6 человѣкъ, о которыхъ будетъ требовать впредъ; также, чтобы было ему невозбранно требовать кирокъ, ломовъ, лопатокъ, кульковъ или что къ тому дѣлу пристойно будетъ.»

Это доношеніе было доложено самому Государю, который далъ дѣлу ходъ, написавъ на немъ собственноручно: «Освидѣтельствовать совершенно вице-губернатору».

Пономарь былъ отправленъ въ Москву, ему даны прогонныя и кормовыя деньги и посланъ указъ Московскому вице-губернатору Воейкову «чтобы онъ освидѣтельствовалъ о той поклажѣ безъ всякаго замедленія, дабы пономарю кормовыя деньги даваны туне не были.»

О томъ, какъ производились поиски и къ какому они привели результату извѣстно изъ донесенія Сенату того же пономаря Конона Осипова, поданнаго имъ уже 13 мая 1734 года.

Онъ снова просилъ «дать ему повелительный указъ, чтобы отыскать полаты съ казною, дабы напрасно оный интересъ не пропалъ втуне, потому что онъ, пономарь, уже при старости»....

О поискахъ своихъ, произведенныхъ 10 лѣтъ тому назадъ, онъ писалъ слѣдующее:

«Повелѣно было мнѣ подъ Кремлемъ городомъ въ тайникѣ оные двѣ палаты великія, *наставлены полны сундуковъ*, отыскать; и оному тайнику входъ я сыскалъ и тѣмъ ходомъ итить стало быть нельзя, потому что какъ веденъ ровъ подъ Цехаузной дворъ и на тотъ ходъ тѣмъ цехаузнымъ рвомъ на оной тайникъ найдено, на верхъ его; и оной тотъ ходъ проломали и задѣлали каменными столпами до меня нижайшаго. И по тому ходу итить мнѣ стало нельзя. И я о томъ докладывалъ господину Воейкову, и оный Воейковъ приказалъ быть у того дѣла архитектору, чтобъ итить ходомъ потайнымъ показаннымъ прямо подлѣ города (подлѣ стѣны). И оный господинъ Воейковъ приказалъ для охраненія стѣны, также и Цехаузнаго двора, какъ покажетъ идти, архитектору. И оной архи-

Рис. 222. Кубокъ серебряный. *

[Московская Оружейная Палата, № 1027.]

текторъ приказалъ новые столпы пробивать срединою, а подлѣ стѣны итить не далъ, какъ тотъ ходъ шелъ и вышелъ въ материкъ прямо къ городу. А тотъ вышепоказанный ходъ, что вышелъ изъ круглой башни, тѣми столпами уничтожилъ, потому что тѣ двери подъ городъ тѣми новыми столпами задѣланы; и не далъ въ томъ потаенномъ ходѣ оной архитекторъ позволенія. И той пробивкѣ было съ полгода и больше, а мнѣ было въ томъ его архитекторскомъ запрещеніи и вице-губернаторскомъ Воейковымъ непозволеніи учинилось продолженіе не малое, а мнѣ причитали въ вину и отказали.»

Сенатъ разрѣшилъ произвести новые поиски таинственныхъ подземелій и «пономарь Осиповъ въ Кремлѣ городѣ поклажи искалъ и по его указанію отъ Губернской Канцеляріи рвы копаны: 1) у Тайницкихъ воротъ на Житномъ Дворѣ подлѣ Набережныхъ всѣхъ палатъ; 2) на площади противъ Иностранной Коллегіи (за Архангельскимъ Соборомъ), гдѣ и погребы каменные нашлись; 3) противъ Ивановской колокольни вдоль площади; 4) у Цейгаузной стѣны въ круглой башнѣ; 5) въ Тайницкихъ воротахъ близъ Рентереи. И той работы было не мало, но токмо поклажи никакой не отыскалъ.» (Арх. Мин. Юстиціи, дѣла Прав. Сената по Монетной Канцеляріи. 4/1418).

Зерцаловъ, посвятившій описанному дѣлу цѣлое изслѣдованіе, утверждаетъ, что вся исторія выдумана самимъ пономаремъ, человѣкомъ хитрымъ и пронырливымъ, съ цѣлью увернуться отъ казеннаго долга, въ который онъ впалъ, ставъ подрядчикомъ.

Какъ это ни тяжело, но ради правды историкъ не долженъ бояться разсѣивать чарующій туманъ, за которымъ скрывается, быть можетъ, будничная, сѣрая дѣйствительность.

Это и дѣлаетъ съ непоколебимымъ спокойствіемъ извѣстный ученый С. А. Бѣлокуровъ. Въ своемъ обширномъ сочиненіи «о библіотекѣ Московскихъ государей въ XVI столѣтіи» (336 стр. текста и 520 стр. приложеній) онъ подробно разбираетъ всѣ вышеприведенныя свидѣтельства, указываетъ на ихъ недостовѣрность и дѣлаетъ слѣдующіе печальные выводы: такъ какъ свидѣтельство Максима Грека о библіотекѣ великаго князя Василія Ивановича сдѣлано не имъ, а приписано ему и явилось лишь въ XVII вѣкѣ, то 1) мы не имѣемъ ни одного современнаго русскаго свидѣтельства о существованіи въ XVI вѣкѣ царской библіотеки, состоявшей изъ громаднаго количества иноязычныхъ рукописей (греческихъ, латинскихъ и еврейскихъ), 2) свидѣтельство хроники Ніенштедта, какъ наименѣе, по отзыву знатоковъ (проф. Форстенъ), достовѣрнаго изъ всѣхъ ливонскихъ лѣтописцевъ, по многимъ причинамъ весьма сомнительно, 3) списокъ проф. Дабелова—поддѣльный, 4) письмо Паисія Лигарида, несомнѣнно, относится къ патріаршей библіотекѣ, въ то время вслѣдствіи суда надъ патріархомъ Никономъ запечатанной царскими печатями и недоступной безъ особаго разрѣшенія царя.»

* Работы мастера Ганса Петцольта 1578 года. На краю поддона надпись: «Прислалъ Государю, челомъ ударилъ Дацкой Крестьянусъ Король рнв Ген. ки день (28 января 1644 года).» Вѣсу 4 фунта 53 золотника, вышина 10 вершковъ.

Въ противовѣсъ свидѣтельствамъ Ніенштедта, Лигарида и Дабелова, С. А. Бѣлокуровъ приводитъ слѣдующія письма ученаго грека Петра Аркудія и польскаго посла Льва Сапѣги:

Письмо Петра Аркудія къ кардиналу Санъ-Джоржо.

«О греческой библіотекѣ, о которой нѣкоторые ученые люди подозрѣваютъ, что она находится въ Москвѣ,—при великомъ стараніи, которое мы употребили, и также съ помощью авторитета г. канцлера, не было никакъ возможно узнать, чтобы она находилась когда нибудь здѣсь. Ибо когда г. канцлеръ спросилъ ихъ первыхъ сенаторовъ, имѣется ли у нихъ большое количество книгъ, то москвичи, имѣя обычай обо всемъ отвѣчать, что у нихъ его великое изобиліе, сказали также, что у нихъ много книгъ у патріарха; а когда спросилъ: какія книги, сказали: псалтыри, посланія, евангелія, минеи и вообще церковныя служебныя книги; когда же г. канцлеръ настаивалъ, есть ли у ихъ великаго князя дѣйствительно греческая библіотека, они опредѣленно отрицали существованіе таковой. Я также въ домѣ спрашивалъ не малое число изъ стражи (свиты) своей, черезъ переводчика, и также многіе греки по происхожденію, служащіе князю, мнѣ говорили, что, по правдѣ, нѣтъ такой библіотеки.

Рис. 223. Кубокъ серебряный. *
[Московская Оружейная Палата, № 1104.]

И я считаю это весьма правдоподобнымъ, ибо если московиты и исповѣдаютъ сохраненіе греческой религіи, то тѣмъ не менѣе они во многомъ отличаются отъ нея, а въ нравахъ расходятся со всѣмъ свѣтомъ. Не могу повѣрить, чтобы императоръ греческій, миновавъ латинъ, образованность и свѣтскость которыхъ была отлично засвидѣтельствована, пожелалъ бы прибѣгнуть почти къ варвару.

Затѣмъ, извѣстно, что и ученые и значительные греки того времени, какъ Ѳеодоръ Газа, Аргиропуло, Трапезунтій, Хризолора и другіе подобные имѣли убѣжище въ Италіи. Такъ и братъ импертора, именующійся этимъ титуломъ *деспота*, который значитъ по преимуществу господинъ, несетъ съ собою главу славнаго апостола Андрея и съ нею уходитъ въ Римъ. То же сдѣлали во время папы Льва два брата Ласкари, Музуро и другіе ученые люди.

Далѣе, въ то время великій князь Московскій не былъ въ такомъ величіи, какъ можно ясно видѣть изъ исторіи, но былъ данникомъ татарскаго хана, который недавно явился въ тѣ страны и навелъ ужасъ на всю Европу, и былъ данникомъ со столь низкимъ рабствомъ, что выходилъ навстрѣчу посланника ханскаго и предлагалъ ему пить кобылье молоко, такъ какъ это питье весьма любимо татарами и, если посланникъ нечаянно проливалъ нѣсколько капель, то (князь) собственнымъ языкомъ подлизывалъ ихъ въ знакъ почета и страха. Кромѣ того, обыкновенно постилали соболій мѣхъ, на который посланникъ становился, читая письмо своего государя; а Московскій государь обязанъ былъ давать людей, даже когда ханъ воевалъ противъ христіанскихъ князей.

Первый освободился отъ подобнаго рабства

*) Работы мастера Генриха Гонаса 1580 г. На бортѣ крыши вырѣзано: «Сулешова», вѣсу 2 фунта 81 золотникъ, вышиною 10½ вершковъ.

Рис. 224. Шлемъ царя Іоанна IV. *

Иванъ Васильевичъ, который впервые, для защиты отъ татаръ, воздвигъ крѣпость Московскую, каковая все же была построена въ 1491 году нѣкіимъ Петромъ Антоніемъ Соляріемъ, миланцемъ, какъ явствуетъ изъ надписи латинскими буквами надъ воротами этой крѣпости. И Константинополь былъ взятъ также въ это время. Такъ какъ же правдоподобно, чтобы императоръ греческій ввѣрилъ драгоцѣнныя вещи или библіотеку подобному государю (Duca), который жилъ въ столь великомъ и почти постоянномъ страхѣ?

Отсюда я думаю, что добрая часть греческихъ книгъ въ то время была перенесена въ Италію, въ особенности, что Сикстъ IV, который былъ подвигнутъ кардиналомъ Виссаріономъ и былъ его θеологомъ въ болѣе скромномъ положеніи, по убѣжденію сего кардинала собралъ или по меньшей мѣрѣ въ великой степени увеличилъ библіотеку Ватиканскую, которая называлась также Сикстіанской. Не безъ причины написанъ въ ней кардиналъ Виссаріонъ....

Изъ Можайска, 16 марта 1601.»

Письмо Льва Сапѣги къ Клавдію Рангони, нунцію въ Польшѣ.

«Въ дѣлѣ свѣтлѣйшаго кардинала Санъ-Джоржо, возложенномъ на достопочтеннаго Петра Аркудія, справиться у Москвичей о нѣкоей греческой библіотекѣ, я приложилъ въ этомъ дѣлѣ крайнее стараніе, но, какъ слышалъ отъ самихъ главныхъ сенаторовъ, никакой такого рода библіотеки въ Москвѣ никогда не было. Сначало то они, по своему обычаю, хвастали, что очень много греческихъ книгъ у ихъ патріарха, но когда я тщательнѣе настоялъ, то опредѣленно отрицали, чтобъ у нихъ была какая либо знаменитая библіотека, ни какія либо греческія книги, кромѣ немногихъ церковныхъ, какъ, конечно, псалтырь, книга посланія Павла, евангелій и другихъ этого рода. Ибо въ Москвѣ нѣтъ никакихъ общественныхъ школъ и академій, и знающихъ какъ слѣдуетъ греческій языкъ не находится совсѣмъ или очень мало, да и то перебѣжчики.... писано въ Можайскѣ 16-го Марта 1601 года.»

Отвергнувъ свидѣтельство Максима Грека, Веттермана и списокъ Дабелова, и основываясь лишь на безспорныхъ данныхъ, какъ оффиціальныя описи царскаго имущества и Архива, Бѣлокуровъ (на стр. 323) говоритъ: «Такимъ образомъ книжное собраніе у московскихъ царей въ самомъ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка состояло изъ 41 русской рукописи, одной книги московской печати, одной нѣмецкой (травникъ), 10 книгъ литовской печати и 5 тетрадей польскихъ (всего 58 №№). По содержанію книги, находившіяся въ сей библіотекѣ, были: книги свящ. Писанія вмѣстѣ съ толкованіями или безъ оныхъ (7), книги содержавшія творенія св. отцовъ церкви (3), богослужебныя (4), минеи мѣсячныя (14) и вообще книги религіознаго содержанія (8), лѣтописцы (2), Александрія (1). «5 тетрадей выписано изъ звѣздочетья», 13 книгъ неизвѣстнаго содержанія и единственная иноязычная—«Травникъ нѣмецкой печати».

* По окружности инкрустированная золотомъ надпись: «шеломъ кнѧзѧ ивана василиевичѧ и великаго кнѧзѧ сна василїа ивановича господарѧ всеѧ р҃ѹси самодержца». Выше этой надписи арабская узорчатая надпись, ниже широкая кайма арабесковъ. Орнаментація, выведенная золотомъ, покрываетъ остріе каски и продольныя (черезъ одну) полосы ея боковъ. Съ одной стороны шлемъ пробитъ. Высота 38 сентиметровъ, ширина 19,5–21,5 сентиметровъ, контуръ 65 сентиметровъ. (Находится въ Стокгольмѣ въ Королевской Оружейной. Въ Швецію попалъ, вѣроятно, послѣ ограбленіе царской Казны въ междуцарствіе). См. Шлемъ Ивана Грознаго. Сообщеніе гр. А. А. Бобринскаго изъ 10 тома Записокъ Имп. Русск. Археол. Общества, Труды отдѣла слав. русской археологіи.

Отсутствіе греческихъ и латинскихъ рукописей въ царской библіотекѣ Бѣлокуровъ находитъ вполнѣ естественнымъ. Онъ дѣлаетъ обзоръ всѣхъ свидѣтельствъ о существованіи ихъ въ древней Руси, начиная съ до-монгольскаго періода, разбираетъ составъ библіотекъ царей и царевичей XVII вѣка по нѣкоторымъ сохранившимся ихъ перечнямъ и дѣлаетъ заключеніе, что «иностранныя книги въ царскихъ библіотекахъ появляются лишь во второй половинѣ XVII столѣтія и то въ небольшомъ количествѣ, слѣдовательно, нельзя предполагать ихъ присутствія въ значительномъ размѣрѣ и въ библіотекѣ Грознаго.»

Такимъ образомъ, ученый, наиболѣе потрудившійся надъ вопросомъ о царской библіотекѣ Ивана Грознаго, обслѣдовавшій составъ и исторію всѣхъ современныхъ библіотекъ, въ коихъ могли бы оказаться отдѣльныя ея части, приходитъ (стр. 336) къ выводу, что собранія подобнаго тому, о которомъ говоритъ хроника Ніенштедта и списокъ Дабелова, никогда не существовало, остатковъ его въ современныхъ библіотекахъ не оказывается и «въ Московскомъ Кремлѣ подъ землею никакой библіотеки царской нѣтъ».

Однако, правильность такого заключенія далеко не безспорна. Документы, приведенные въ опроверженіе мнѣнія о существованіи византійской библіотеки у Московскихъ Государей допускаютъ не одно вышеизложенное, а нѣсколько толкованій. Такъ, письма Аркудія и Сапѣги удостовѣряютъ съ несомнѣнностью, что слава библіотеки Грознаго гремѣла въ далекомъ Римѣ, и нисколько не доказываютъ отсутствія въ ней описанныхъ выше драгоцѣнностей. Московскіе бояре достаточно извѣстны своей изворотливостью и хитростью. Возможно, что они получили приказъ свыше отдѣлаться отъ назойливыхъ иноземцевъ такъ, чтобы разъ навсегда обезопасить царское сокровище отъ всякихъ посягательствъ.

Царскій Архивъ. Царское книжное собраніе тѣсно соприкасается съ царскимъ архивомъ, часть описи котораго дошла до насъ (Акты Археогр. Эксп. Т. I, № 289).

Въ этой описи поименовано содержаніе 231 ящика, въ которыхъ хранились разнообразнѣйшіе документы съ древнѣйшихъ временъ русской исторіи. Среди нихъ находились: а) дѣла, касающіяся внѣшнихъ дипломатическихъ сношеній, б) акты, относящіеся до царскаго семейства, удѣльныхъ и служилыхъ князей, царей и царевичей, в) документы удѣльныхъ Государственныхъ Архивовъ, г) дѣла по Государственному управленію (судебники, акты соборовъ, построеніе городовъ, крестоприводныя записи, сыскныя и судныя дѣла, дѣла объ ересяхъ), д) матеріалы для оффиціальной лѣтописи и пр.

Архивъ этотъ много пострадалъ и отъ своихъ, и отъ иноземцевъ—часть его въ смутное время увозилась въ Польшу; въ 1627 г. онъ горѣлъ и т. п. Все уцѣлѣвшее изъ него хранится нынѣ въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Среди ящиковъ съ упомянутыми документами въ описи значится «коробья Наугородцкая, а въ ней книги Латынскіе». То, что книги латинскія хранились въ коробьѣ Новгородской, т. е. въ сундукѣ* тщательной работы, въ казнѣ, вмѣстѣ съ важнѣйшими документами, показываетъ, что книги эти были особенно цѣнны и могли быть (по замѣчанію Н. П. Лихачева) тѣ «значительные авторы», о которыхъ говоритъ Веттерманъ. Но это одни предположенія.

---

* Сочиненія, перечисленныя въ спискѣ Дабелова, вполнѣ могли помѣститься въ одномъ сундукѣ.

Рис. 225. Царь Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный.

[Съ нѣмецкой гравюры на деревѣ XVI вѣка.]

Власть Ивана Грознаго. Борьба съ боярствомъ.

Иванъ IV вступилъ на престолъ Государей, коихъ два поколѣнія уже пользовались неограниченной властью надъ своими подданными. Но юный наслѣдникъ ихъ державы, даже въ то время, когда былъ вѣнчанъ на царство и прославился такимъ подвигомъ, какъ покореніе Казани, не только не обладалъ властью своего отца и дѣда, но едва не утратилъ принадлежавшія имъ державныя права. Пользуясь своимъ вліяніемъ на молодого Государя, руководители его, Сильвестръ и Адашевъ, такъ поставили дѣло правленія, что въ верховномъ государственномъ учрежденіи—Государевой Боярской Думѣ—царь являлся не полновластнымъ хозяиномъ, а лишь предсѣдателемъ. Совѣтъ оспаривалъ мнѣнія царя, рѣшалъ все по своему усмотрѣнію, раздавалъ должности и награды по своей волѣ. Но этимъ руководители правленія не ограничились. Они позаботились возвести такое положеніе въ законъ. Въ 97-й статьѣ Судебника Грознаго (1550 г.) было постановлено: «А которые будутъ дѣла новые, а въ семъ судебникѣ не писаны, и какъ тѣ дѣла съ государева докладу і со всѣхъ бояръ приговору вершатца, і тѣ дѣла въ семъ судебникѣ приписывати.» Такой порядокъ законодательства былъ безспорнымъ ограниченіемъ царской власти.

Все это совершилось въ то время, когда державный вѣнценосецъ вынашивалъ въ душѣ сознаніе своего высокаго призванія, какъ помазанника Божія, чувство Богодаро-

Рис. 226. Іоаннъ объявляетъ боярамъ о своемъ рѣшеніи вѣнчаться на царство. Митрополитъ его благословляетъ на это.

ванности своей власти и рѣшимость осуществить въ своемъ Государствѣ идеалъ царя въ смыслѣ, принятомъ въ Византіи и Римѣ.

Стремленія юнаго царя не были безпочвеннымъ мечтаніемъ; они зиждились на исторіи русской государственной жизни и имѣли твердую опору въ народныхъ упованіяхъ о цѣлости земли и единствѣ власти. Московскіе книжники, ученые сторонники единовластія, облекшіе смутныя народныя чаянія въ ясное представленіе о Божественномъ происхожденіи царской власти, чтобы установить ея права на незыблемыхъ основахъ исторической преемственности*) не только по женской, но и по мужской линіи, вывели родъ Рюрика отъ Пруса, брата Римскаго императора Августа. Такимъ образомъ и дѣйствительность русской жизни и сознаніе лучшихъ умовъ вѣка питали настроеніе царя, укрѣпляли его убѣжденія.

Но на пути осуществленія его идеаловъ стояло боярство, не желавшее забыть своихъ прежнихъ правъ. Въ средѣ этого боярства, несмотря на объединеніе Московскаго Государства, удѣльные порядки и понятія сохраняли еще свою силу, чему отчасти содѣйствовало само Московское правительство. Присоединяя Удѣлы къ Москвѣ, оно избѣгало производить ломку ихъ внутренняго управленія, особенно когда князья добровольно переходили на Московскую службу. Поэтому многіе изъ князей (Одоевскіе,

---

*) По мысли русскихъ книжниковъ царство не является результатомъ одного естественнаго роста Государства, но должно быть «повынесено». Московское Государство получило «царство» отъ Византіи, второго Рима послѣ ея паденія, какъ и въ Римъ (первый) оно было передано послѣдовательно изъ Греціи, Персіи и Вавилона. Исторія преемства царствъ подробно изложена въ сочиненіи В. Малинина. Старецъ Филоѳей, стр. 383—442.

Воротынскіе, Микулинскіе, Ряполовскіе и др.), сдѣлавшись Московскими боярами, продолжали сохранять власть въ своихъ вотчинахъ и управляли тамъ по прежнему, не давая даже отчета царю въ своихъ дѣйствіяхъ.

Такое положеніе было историческимъ пережиткомъ, тѣнью прошлаго. Но этотъ призракъ обольщалъ воображеніе и побуждалъ властолюбцевъ оспаривать то, что давно уже стало дѣйствительностью. Жажда вернуть прошлое еще при Иванѣ III и Василіи Ивановичѣ приводила къ трагическимъ столкновеніямъ царя съ боярами. Теперь положеніе обострилось. Притязанія бояръ, укоренившіяся долгимъ своеволіемъ ихъ въ малолѣтство царя и окрыленныя указаннымъ успѣхомъ во времена Сильвестра и Адашева, натолкнулись, наконецъ, на исключительную силу, характеръ и непоколебимое убѣжденіе въ правотѣ своего дѣла. «Тщусь со усердіемъ», объяснялъ Грозный свое жестокое утвержденіе царской власти, «люди на истину и на свѣтъ наставити, да познаютъ единаго истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго и отъ Бога даннаго имъ Государя, а отъ междоусобныхъ браней и строптиваго житія да престанутъ, ими же царствія растлѣваются. Аще убо царю не повинуются подовластные, никогда же междоусобныхъ браней не престанутъ.»

Рис. 227. Шествіе Іоанна въ Успенскій Соборъ.

Негодованіе противъ своеволія бояръ, накоплявшееся въ душѣ царя съ дѣтства,*

* Іоаннъ живо чувствовалъ обиду на это своеволіе и никогда не забылъ чинимыхъ боярами во время его дѣтства продерзостей. Онъ вспоминаетъ о нихъ цѣлыхъ 30 лѣтъ спустя, когда ему понадобилось въ отвѣтъ на упреки князя Курбскаго въ несправедливой къ боярамъ жесткости выставить неопровержимое доказательство своей правоты. Перечисляя измѣны и «злобѣсные обычаи» бояръ, онъ приводитъ такіе случаи: «и казну матери нашея (послѣ ея кончины) перенесли въ Большую Казну, неиство ногами пхающе и осны (острый конецъ трости) колюще, а иное жъ себѣ разъяша»... Князь Иванъ Шуйскій позволялъ себѣ въ его присутствіи сидѣть «на лавкѣ локтемъ опершись, ногу на постель (его отца) положивъ.» Держалъ его съ братомъ въ проголодь «яко убожайшую чадь», а самъ съ своими пособниками «казну дѣда и отца нашего безчисленную себѣ поимаша; и тако въ той нашей казнѣ исковавши себѣ сосуды златы и сребряни и имена на нихъ родителей своихъ подписаша, будто ихъ родительское стяжаніе.» «А всѣмъ людемъ вѣдомо, язвительно добавляетъ Грозный, «при матери нашей у князя Ивана Шуйскаго шуба была мухояръ зеленъ на куницахъ, да и тѣ ветхи: коли бы то ихъ было старина, ино лучше бы шуба перемѣнити.»

Рис. 228. Возложеніе діадимы и благословеніе крестомъ.

[Патріаршая Библіотека. Царственная Книга.]

долго, упорно, мучительно, разразилось небывалой грозой, которая къ неописанному ужасу современниковъ и изумленію потомковъ перевернула все вверхъ дномъ въ государствѣ, вырвала съ корнемъ множество славныхъ генеалогическихъ древъ, привела къ истребленію самого царскаго рода и едва не разметала по частямъ все государственное зданіе, воздвигнутое трудами нѣсколькихъ поколѣній.

Ожесточеніе не знало предѣловъ. Достаточно послушать взаимныя обвиненія: «Подобно бѣсамъ отъ юности моей вы поколебали благочестіе и Богомъ данную мнѣ державную власть себѣ похитили», гремитъ негодующій голосъ царя.

«Обычай у Московскихъ князей издавна желать братій своихъ крови и губить ихъ убогихъ ради и окаянныхъ вотчинъ несытства ради своего», жжетъ нестерпимымъ упрекомъ Курбскій.

«Вражіимъ навѣтомъ и злыхъ людей чародѣйствомъ и отравами царицу Анастасію извели. Совокупился вторымъ бракомъ, взялъ за себя изъ Черкасъ Пятигорскую дѣвицу и жилъ съ нею восемь лѣтъ, но и та вражіимъ коварствомъ отравлена была.... Избралъ себѣ невѣсту, Марѳу, дочь Василія Собакина; но врагъ воздвигъ ближнихъ многихъ людей враждовать на царицу Марѳу, и они отравили ее....» обвиняетъ бояръ Іоаннъ.

«Святую кровь вѣрныхъ воеводъ своихъ въ церквахъ Божіихъ пролилъ, мученическою ихъ кровью пороги церковные обагрилъ.... Единоплеменныхъ князей, потомковъ Владиміра Великаго, различными смертями поморилъ и отнялъ имущества движимыя и недвижимыя.... до послѣднихъ срачицъ—жестокосердъ вельми и неумолимъ; множество народу отъ мала и до велика въ царствѣ своемъ погуби, и многія града своя поплѣни, и многія святительскія чины заточи, и смертію немилостивною погуби....» коритъ царя защитникъ бояръ, Курбскій.

Рис. 229. Вѣнчаніе Іоанна IV на царство. Выходъ изъ Собора. Осыпаніе царя золотыми.

[Патріаршая Библіотека. Царственная Книга].

Начавъ борьбу, Грозный не надѣялся одержать побѣду иначе какъ совершенно исключительными мѣрами.

Такою мѣрой была опричнина.

Каковы бы ни были взгляды на опричнину—какъ на сумасбродство кровожаднаго и робкаго тирана (Н. М. Карамзинъ, Д. И. Иловайскій) или наоборотъ, какъ на геніальную политику для сокрушенія феодализма (С. Ѳ. Платоновъ), та ея сторона, которая относится непосредственно къ исторіи царскаго двора, ясна совершенно. Съ учрежденіемъ опричнины дворцовое управленіе не только отдѣлилось отъ общегосударственнаго, но и самъ царскій дворъ раскололся. Изъ общаго состава придворныхъ выдѣлилась часть приближенныхъ къ царю людей, нужныхъ для его личной безопасности и обихода. Опричнина дѣйствовала въ направленіи того же самаго историческаго процесса, въ силу котораго образовались Приказы. Она завершила обособленіе дворцовой администраціи отъ государственной. Совершившееся раздѣленіе не сгладилось уже никогда, и въ XVII-мъ вѣкѣ придворные, ближніе къ государю люди, составляли отдѣльную администрацію, переплетающуюся съ общегосударственной, но не сливающуюся съ ней: нѣкоторые ближніе придворные чины входили въ составъ высшаго правительственнаго учрежденія, Государевой Боярской Думы, и стояли во главѣ Приказовъ, но не всѣ бояре, члены Думы, исправляли дворцовыя должности и были ближними (комнатными) людьми. Наше современное дѣленіе на придворные чины и рядовое чиновничество, а также соединеніе того и другого въ одномъ лицѣ беретъ свое происхожденіе изъ этого служебнаго строя.

Рис. 230. Съ старинной нѣмецкой гравюры на деревѣ.

[Изъ собранія Д. Я. Дашкова].

Величіе и пышность царскаго двора. Высокое понятіе Грознаго о достоинствѣ царской власти естественно должно было отразиться на внѣшней сторонѣ его двора. Дѣйствительно, увеличеніе свиты Грознаго совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда онъ пришелъ къ зрѣлому и законченному воззрѣнію на высоту своего сана.

Въ 1549 году, при походѣ на Казань, личную свиту царя составляло: 7 бояръ, 3 дворецкихъ (Московскій, Рязанскій, Дмитровскій), 1 конюшій, 2 окольничихъ, 1 оружничій, 2 дворцовыхъ воеводы, 1 казначей, 1 постельничій, 1 печатникъ, 3 дьяка, 6 рындъ, 9 поддатней, 1 ясельничій и 10 дѣтей боярскихъ у коня—*всего 49 человѣкъ.* А въ 1563 году, при походѣ на Полоцкъ: 11 бояръ, 2 дворцовыхъ воеводы, 4 окольничихъ, 1 казначей, 1 постельничій, 1 постельный стряпчій, 14 дьяковъ, 1 дворцовый дьякъ, 7 рындъ, 21 поддатень, 15 дѣтей боярскихъ за Государемъ ѣздити и 1 при знамени, *всего 92 человѣка.*

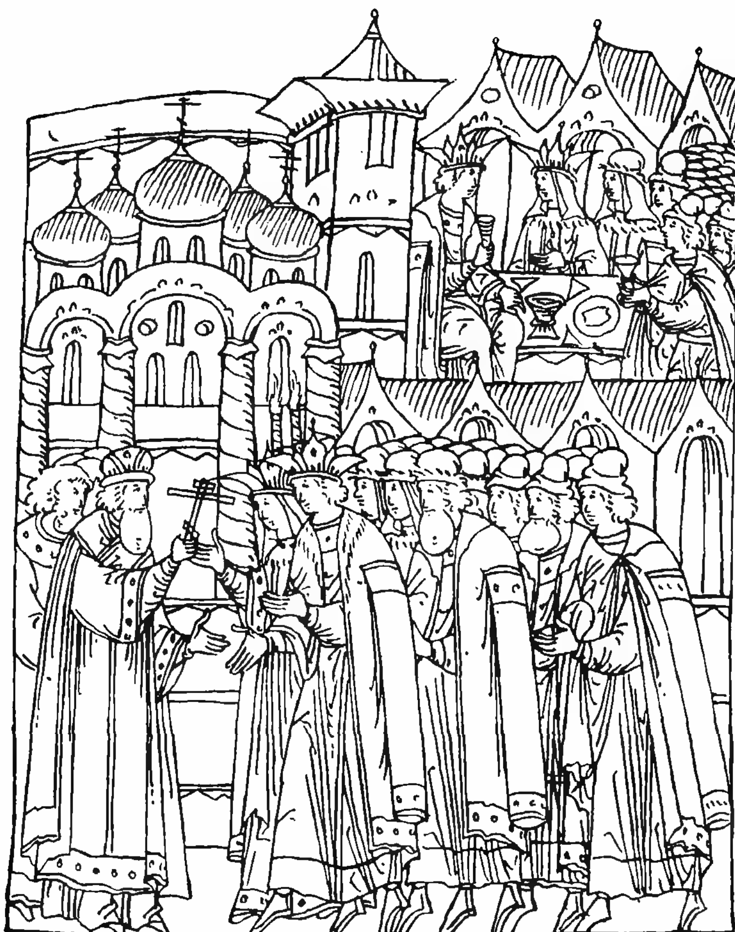

Рис. 231. Бракосочетаніе царя Іоанна Васильевича съ Анастасіей Романовной.

При этомъ, въ разрядныхъ книгахъ называются должности, которыхъ не было ни при Иванѣ III, ни при Василіи Ивановичѣ, а именно: *дворцовые воеводы* (должность важная, такъ какъ въ ней значатся только бояре), а также *рынды* разнаго назначенія — рынды съ большимъ саадакомъ, рынды съ писаннымъ саадакомъ, съ нахтарьмяннымъ (изъ кожи, мездрою на лицо) саадакомъ, съ копьемъ, съ рогатиной и т. д. Въ этомъ распредѣленіи рындъ, очевидно, не вызываемомъ необходимостью, ясно сказывается стремленіе придать особѣ царя возможно большій блескъ и значеніе.

Особенно торжественно обставлялъ Грозный свои оффиціальные выходы, когда онъ являлся народу въ качествѣ Государя, въ величіи своего царскаго сана. Вотъ какъ описываетъ подобный выходъ царя (въ 1565 году) знатный путешественникъ, итальянецъ, Р. Барберини: «Отпустя пословъ, Государь собрался къ обѣднѣ. Пройдя залы и другіе дворцовые покои, онъ сошелъ съ дворцоваго крыльца, выступая тихо и торжественно и опираясь на богатый серебряный вызолоченный жезлъ. За нимъ слѣдовало болѣе осьмисотъ человѣкъ свиты въ богатѣйшихъ одеждахъ. Шелъ онъ посреди четырехъ молодыхъ людей, имѣвшихъ отъ роду лѣтъ по тринадцати, но сильныхъ и рослыхъ: это были сыновья знатнѣйшихъ бояръ; двое изъ нихъ шли впереди его, а двое другихъ позади, но въ нѣкоторомъ отдаленіи и на равномъ разстояніи отъ него. Они одѣты были всѣ четверо одинаково: на головахъ у нихъ были высокія шапки изъ бѣлаго бархату, съ жемчугомъ и серебромъ, подбитыя и опушенныя вокругъ большимъ рысьимъ мѣхомъ. Одежда на нихъ была изъ серебряной ткани, съ большими серебряными же пуговицами до самыхъ ногъ; подбита она была горностаями; на ногахъ сапоги бѣлые съ подковами; каждый на плечѣ несъ красивый большой топоръ, блестѣвшій серебромъ и золотомъ.»

Рис. 232. Походъ на Казань.
Іоаннъ молится предъ иконой Владимірской Богоматери.

Рис. 233. Походъ на Казань.
Прощаніе Іоанна съ супругою.

[Патріаршая Библіотека. Царственная Книга.]

Картину торжественнаго собранія во дворцѣ, именно открытіе царемъ засѣданій всероссійскаго духовнаго собора 1551 года, рисуетъ Стоглавъ слѣдующими краткими, но сильными чертами: «Елма жъ (когда) церквѣ въ царскихъ сѣдшу молчанію глубоку, устроивъшуся всѣмъ очи нань (т. е. на царя) взирающе бяху. Благочестивый же царь великій князь иванъ васильевичь всея руси, самодержецъ зря окрестъ себе отеческій ликъ, о пришествіе ихъ зѣло веселяшеся и всякоя чести тѣхъ сподобляше. Отцем же всѣмъ купно мирная гонящимъ и единомысленнѣ о духовныхъ бесѣдующе, абіе благочестивый царь, въставъ со престола своего и посредѣ святительскаго лика ставъ, свѣтлымъ возрѣніемъ и веселымъ лицемъ на всѣхъ възрѣвъ, сицевая собору изглагола:»...

Въ этихъ строкахъ не замѣтно впечатлѣнія отъ придворной роскоши, ибо ея проявленію на собраніи подобнаго рода не было мѣста, за то ясно чувствуется особо повышенное настроеніе собравшихся, обаяніе Высочайшаго присутствія.

Царскій дворъ во время опричнины. Во время опричнины, какъ это видно изъ выхода, описаннаго Барберини, оффиціальная придворная жизнь шла своимъ чередомъ, и торжественность, чинность ея, соблюдалась вполнѣ, если еще не въ большей степени, чѣмъ раньше. Образованіе цѣлаго войска царскихъ тѣлохранителей опричниковъ (сначала въ 1000, а потомъ до 6000 человѣкъ) увеличило пышность и блескъ царской обстановки.

И о всѣданіи црьскомъ на конь И выхо
дитъ гдрь на конь всѣд и шествуетъ
а може бгомъ наставленъ и поиде гдрь
к селу своему Коломеньскому тотъ

Рис. 234. Походъ на Казань. Выступленіе Іоанна изъ Москвы.
[Патріаршая Библіотека. Царственная Книга.]

Но, на ряду съ этимъ соблюденіемъ этикета, въ эпоху опричнины въ жизнь царскаго двора стали врываться небывалыя раньше бурныя, подобныя кошмару, явленія. Вообще дворъ сталъ вести неровную, какую-то судорожную жизнь. Перетасовка служилыхъ людей, дворовыхъ должностей, земельной собственности, постоянные переѣзды съ мѣста на мѣсто, должны были внести разстройство и хаосъ въ дворцовое хозяйство и придворный обиходъ. А полная ломка общественныхъ отношеній, безчинства и насилія опричниковъ, этихъ «человѣковъ скверныхъ и всякими злостьми исполненныхъ», казни, грабежи и простыя убійства, помутили нравы и ниспровергли всѣ обычаи пристойнаго человѣческаго общества. Въ палатахъ Кремлевскаго дворца, со стѣнъ котораго глядѣли свв. иконы и картины высоко нравственнаго содержанія, шумѣли буйные пиры, гремѣли оргіи со всѣми мерзостями преступнаго распутства—съ шутовскими плясками, убійствами, съ похищеніями изъ домовъ мирныхъ жителей юныхъ жертвъ для удовлетворенія необузданнаго сладострастія пирующихъ. Этотъ грохотъ бѣшеныхъ забавъ смѣнялся безмолвіемъ запустѣнія. Въ обыкновенное время Кремлевскій дворецъ, оставленный дворомъ, былъ тихъ и безжизненъ. Въ Москвѣ Грозный жилъ въ своемъ новомъ дворцѣ на Арбатѣ. Большую же часть времени онъ проводилъ не въ Москвѣ, а въ Александровской слободѣ. И тамъ велъ такую жизнь, какая не пригрезилась бы никому изъ его державныхъ предковъ. Перерядившись въ монашескія скуфейки и черныя рясы, какъ игуменъ съ иноками, царь съ своими приближенными продѣлывалъ какую-то злую и кощунственную пародію на монашеское житіе. Церковныя службы смѣнялись пирами, а пиры шли подъ чтеніе молитвъ; то и другое перемѣшивалось съ казнями и пытками. Изъ Александровской слободы дѣлались наѣзды въ столицу не какъ въ дорогое наслѣдіе отцовъ, а какъ во вражескій станъ.

Рис. 235. Рожденіе царевича Θеодора.

Рис. 236. Пожаръ Москвы и кончина царицы Анастасіи.

Рис. 237. Погребеніе царицы Анастасіи.

Рис. 238. Государева Дума царя Іоанна Васильевича.

[Патріаршая Библіотека. Никоновская Лѣтопись.]

Рис. 239. Царь Московскій верхомъ въ тегиляѣ и вооруженіи.
[Съ старинной гравюры на деревѣ изъ собранія Д. Я. Дашкова].

Венеціанецъ Джеріо, духовное лицо, сопровождавшее пословъ короля польскаго Сигизмунда, такъ описываетъ въѣздъ Грознаго въ Москву послѣ разгрома Новгорода: «Царь въѣзжалъ при насъ въ Москву новою улицей, сдѣланной въ четыре дня, для чего надобно было сломать множество домовъ. Впереди ѣхало 3000 стрѣльцовъ; за стрѣльцами шутъ на быкѣ, а другой въ золотой одеждѣ; тутъ самъ Іоаннъ (за спиной у него лукъ, а къ шеѣ коня была привязана собачья голова); позади 4000 всадниковъ. Онъ сказалъ нашимъ посламъ: «поляки! поляки! вы не хотите мириться со мной, я изрублю васъ въ куски.» Взявъ соболью шапку одного изъ нашихъ дворянъ, Іоаннъ надѣлъ ее на своего шута и сказалъ ему: кланяйся по польски! Шутъ отвѣчалъ, что не умѣетъ; царь сталъ учить его — самъ кланялся и смѣялся.»

Въ довершеніе всего Грозный отдалъ свой Кремлевскій дворецъ, пепелище отцовъ и дѣдовъ, Касимовскому хану Симеону Бекбулатовичу, и сдѣлалъ этого татарина царемъ всея Руси, торжественно вѣнчавъ его на царство:

«Произволилъ царь Иванъ Васильевичъ и посадилъ царемъ на Москвѣ Симеона

Бекбулатовича и царскимъ вѣнцомъ его вѣнчалъ, а самъ назвался Иваномъ Московскимъ и вышелъ изъ города, жилъ на Петровкѣ; весь свой чинъ царскій отдалъ Симеону, а самъ ѣздилъ просто, какъ бояринъ, въ оглобляхъ и какъ пріѣдетъ къ царю Симеону ссаживается отъ царева мѣста далеко, вмѣстѣ съ боярами.» Несмотря на свидѣтельство лѣтописи, трудно было бы всему этому повѣрить, но сохранились подлинныя челобитныя Грознаго къ новопоставленному царю, въ которыхъ соблюдена обычная въ тѣ времена для челобитныхъ подданнаго царю форма и выраженія.

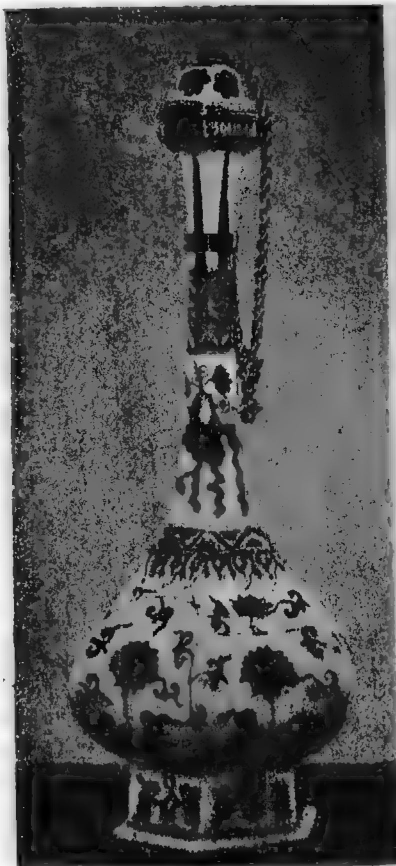

Рис. 241. Сулея китайскаго фарфора, шестигранная, съ крышкой на цѣпочкѣ. * [Московская Оружейная Палата, № 2699].

Такъ, въ одной изъ этихъ челобитныхъ отъ 30-го октября 1575 года (Государственный Архивъ, столбцы Приказа Тайныхъ Дѣлъ, № 32), Грозный пишетъ:

«Великому Князю Симіону Бекбулатовичу всеа Русcіи сю челобитную подалъ князь Иванъ Васильевичъ Московскій и дѣти его, князь Иванъ и князь Өедоръ Ивановичи Московскіе, а въ челобитной пишетъ: Государю великому князю Симіону Бекбулатовичу всеа Руссіи Иванецъ Васильевъ с своими дѣтишками сыванцомъ да с Өеодорцомъ челомъ бьютъ: чтобъ еси государь милость показалъ; ослободилъ людишокъ перебрать бояръ и дворянъ и дѣтей боярскихъ и дворовыхъ людишокъ иныхъ бы еси ослободилъ отослать, а иныхъ бы еси пожаловалъ ослободилъ принять, а с твоими государевыми приказными людьми ослободилъ о людишкахъ памятьми ссылатися, а ослободилъ бы еси пожаловалъ изо всякихъ людей выбирать и принимать, и которыя намъ не надобны, и намъ бы тѣхъ пожаловалъ еси государь ослободилъ прочь отсылати. И какъ государь переберемъ людишка, и мы къ тебѣ ко государю имяна ихъ списки принесемъ, и отъ того времени безъ твоего государя вѣдома ни одного человѣка не возмемъ, а которыхъ людишокъ примемъ, и ты бъ государь милость показалъ вотчинишокъ у нихъ отнимать не велѣлъ какъ прежь сего велось у удѣльныхъ князей, а изпомѣстишокъ ихъ имъ хлѣбишко и денженка и всякое ихъ рухлядишко пожаловалъ велѣлъ отдати и людишокъ ихъ не ограбя велѣлъ выпустити, и которые похотятъ къ намъ, и ты бы государь милость показалъ ослободилъ ихъ быти у насъ безопально и отъ насъ ихъ имати не велѣлъ, а которые отъ насъ поѣдутъ и учнутъ тебѣ государю бити челомъ, и ты бъ государь пожаловалъ, милость показалъ по ихъ челобитью къ себѣ къ государю тѣхъ нашихъ людишокъ, которые учнутъ отъ насъ отходити, пожаловалъ не принималъ. Да покажи государь милость, укажи свой государской указъ какъ намъ своихъ мелкихъ людишокъ держати, по нашихъ ли дьячишковъ запискамъ и по жалованьишку нашему, или велишь на нихъ полные имати, какъ государь указъ свой учинишь, и о всемъ тебѣ государю челомъ бьемъ: Государь смилуйся пожалуй.»

Какъ видно изъ этого документа, Грозный, выселившись изъ Кремлевскаго дворца и предоставивъ свой прежній дворъ новопоставленному царю, набиралъ себѣ новый штатъ служащихъ.

Однако, это безпримѣрное въ исторіи политическое юродство продолжалось не долго. Года черезъ два Іоаннъ возвратился на житье въ свой Кремлевскій дворецъ, выславъ царя Симеона въ Тверь.

Вскорѣ исчезла и опричнина. Особаго указа объ ея уничтоженіи не было. Порядокъ, произведенный ея учрежденіемъ не ломался, но само наименованіе—*опричнина,* вслѣдствіе ненависти, которую оно возбуждало, было изъято изъ употребленія. Оно было замѣнено словомъ *Дворъ. Земскій*—стало означать Государственный.

* По краю горлышка по золоченой оправѣ надпись: «Оулож царевича кнѧзѧ Ивана Ивановича.» Внизу пробки втулка съ рѣзнымъ изображеніемъ единорога. Вышиною 8 вершковъ.

Рис. 243. Грамота царя Іоанна IV Васильевича отъ 12 Ноября 1581 года.

[Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. См. Лихачевъ. Дѣло о пріѣздѣ Поссевина, стр. 58.]

«От великаго кн҃зя Ивана Васильевича всеа Русіи боярину нш҃ему Миките Романовичю Юреву да діяку нш҃ему Ондрѣю Щелкалову—кото рог вы дня от нас поѣхали и того дни Иван сн҃ъ разнемогся и нн҃ече конечно боленъ и что есмя с вами приговорили что было нам ѣхати къ Москве в Середу заговѣвши и нн҃ече намъ для сн҃овни Ивановы немочи ѣхати в середу нелзя и вы б о томъ помыслили какъ тому быти что король гонца своего прислал а велит дѣлати наскоро и вы б к нам отписали какъ о гонцѣ о королеве быти а нам докудова Бог помилует Ивана сн҃а ѣхати отсюды невозможно. Писан в Слободѣ лѣта ҂з҃ч Ноября въ в҃і д҃н.

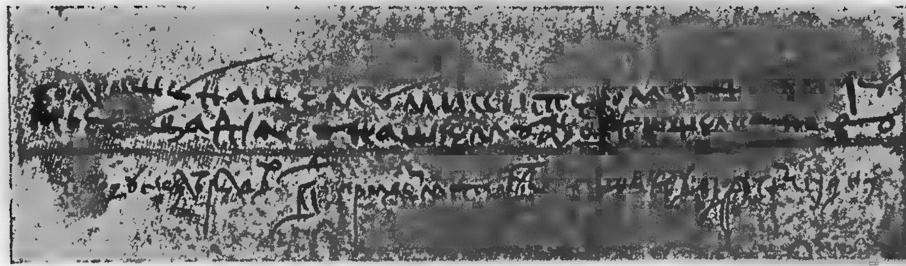

Рис. 243. Надпись на царской грамотѣ 10 ноября 1581 года (б м. руки самого царя) «боярину нашему Миките Романовичу Юрьеву и діяку нашему Ондрѣю Щелкалову».

Въ Москвѣ на грамотѣ было помѣчено: «90 году Ноября въ 12 д. привез Матвѣй Мокшеевъ в другомъ часу дни».

Послѣдніе годы Грознаго. Вздутая царемъ политическая буря затихла. Но воцарившаяся тишина не знаменовала наступленія ясныхъ дней. Содѣянное наложило свою неизгладимую печать и жизнь не могла пойти по старому: привычка Іоанна къ необузданности и кровавымъ расправамъ привела его къ убійству сына и въ концѣ концовъ къ собственной и всего его рода погибели. Грозный предчувствовалъ бѣду, метался, собирался бѣжать въ Англію. Крамола чудилась ему повсюду и въ его больномъ воображеніи дѣйствительная опасность бросала преувеличенную, чудовищную тѣнь. Относясь подозрительно къ своимъ русскимъ боярамъ, ожидая отъ нихъ ежеминутно измѣны и всякой напасти, Грозный съ особой охотой приближалъ къ себѣ иноземцевъ, какъ людей, благополучіе которыхъ всецѣло зависѣло отъ его милости. Поэтому въ послѣдніе годы его жизни засиліе иноземцевъ приняло такіе размѣры, что по словамъ дьяка Тимоѳеева «вся внутреняя его въ руку варваръ быша». Особеннымъ расположеніемъ пользовались англичане. Ихъ положеніе было таково, что когда Грозный скончался, дьякъ Андрей Щелкаловъ послалъ сказать англійскому послу Боусу: «вашъ англійскій царь умеръ».

Грозный рѣшилъ жениться на одной изъ англійскихъ принцессъ и проживи онъ дольше, Кремлевскій дворецъ увидѣлъ бы, вѣроятно, въ своихъ стѣнахъ царицу англичанку съ многочисленной свитой чистокровныхъ англичанъ, принесшихъ изъ своей родины вмѣстѣ съ внѣшней обстановкой свое развитіе, свой стойкій бытъ, стальной молотъ котораго началъ бы выковывать изъ русской жизни новыя формы на англійскій образецъ.

Смерть Грознаго. Но страстное желаніе Грознаго осуществить этотъ союзъ поскорѣе и во что бы то ни стало, было для него роковымъ. Горсей довольно прозрачно на это намекаетъ. Вотъ какія подробности передаетъ онъ о послѣднихъ дняхъ Грознаго.

Для рѣшенія вопроса о женитьбѣ царя на племянницѣ королевы Елизаветы въ Москву пріѣхалъ сэръ Джеромъ Боусъ. Іоаннъ, воспламененный желаніемъ брака «обѣщалъ, что если состоится супружество съ родственницей королевы, то дѣти ея будутъ наслѣдниками Русскаго престола. Князья и бояре, въ особенности тѣ, которые были въ близкомъ родствѣ съ женою царевича, изъ фамиліи Годуновыхъ, были очень опечалены и оскорблены этимъ: они изыскивали тайныя средства и сговорились помѣшать всѣмъ подобнымъ замысламъ. Между тѣмъ царь въ ярости, сильно разстроенный и мучимый разными сомнѣніями, послалъ за колдуньями на сѣверный берегъ, гдѣ жили многія изъ нихъ, между Холмогорами и Лапландіею.

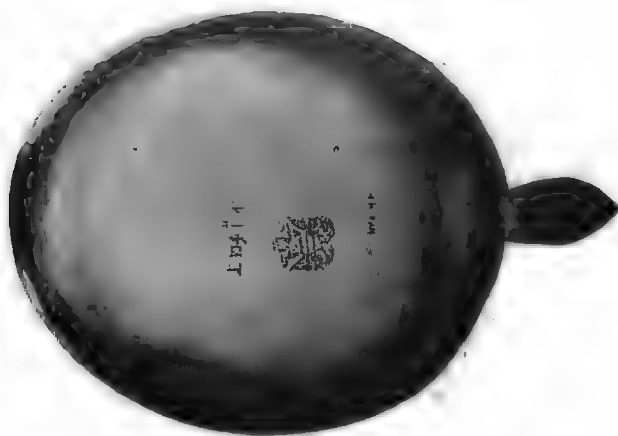

Рис. 244. Ковшъ гладкій, сплошь золоченый.
По борту надпись такая же, какъ и въ № 2752. Вѣсу 1 ф. 41 зол., длина отъ носка съ ручкой 7 верш.

[Московская Оружейная Палата, № 788.]

«Ихъ привезли на почтовыхъ въ Москву, помѣстили подъ стражей и давали постную пищу. Любимецъ царя, Богданъ Бѣльскій, ежедневно ходилъ съ ними совѣщаться; царь ему одному только довѣрялъ выслушивать и передавать ихъ откровенія и предсказанія на предложенные вопросы. Преданность этого любимца царю поколебалась: онъ утомился наблюдать и слѣдить за поворотами солнечнаго восхода; ему надоѣли дьявольски деспотическія выходки, изъявленія страха и злобныя выдумки этого Геліогабала. Вѣщуньи сообщили ему, что важнѣйшія созвѣздія, могущественнѣйшія небесныя планеты противъ царя и приключится ему смерть въ такой-то день. Но Бѣльскій не осмѣлился передать это царю и съ гнѣвомъ сказалъ имъ, что именно въ этотъ день всѣ онѣ будутъ навѣрно сожжены. Царь и въ самомъ дѣлѣ сталъ страшно пухнуть, потому что онъ злоупотреблялъ собою въ теченіе 50-ти лѣтъ....

«Каждый день его приносили на креслахъ въ ту комнату, гдѣ находились его сокровища. Однажды Борисъ Ѳедоровичъ сдѣлалъ мнѣ знакъ слѣдовать за собою. Я стоялъ вмѣстѣ съ прочими, какъ пришлось, и слышалъ какъ царь называлъ дорогіе камни и драгоцѣнности. Онъ объяснялъ царевичу и присутствующимъ боярамъ свойство такого и такого-то камня; я слѣдилъ за нимъ и передамъ его слова, какъ помню; прошу извиненія, если не по порядку: «Вы всѣ знаете, что въ магнитѣ великая и тайная сила; безъ него нельзя было бы плавать по морямъ, окружающимъ міръ, и знать положенные предѣлы и кругъ земной. Стальной гробъ Магомета, персидскаго пророка, дивно виситъ на воздухѣ посредствомъ магнита въ Дербентѣ въ ропатѣ.» Тутъ царь приказалъ слугамъ принести цѣпь изъ намагниченныхъ иголокъ, висѣвшихъ цѣпью одна на другой.... «Видите этотъ прекрасный кораллъ и эту прекрасную бирюзу, возьмите ихъ на руку; я отравленъ болѣзнью: вы видите — они теряютъ свое свойство, перемѣняютъ свой яркій цвѣтъ на блѣдный; они предсказываютъ мнѣ смерть. Достаньте мнѣ мой царскій посохъ; это рогъ однорога, украшенный прекраснѣйшими алмазами, рубинами, сапфирами, изумрудами и другими рѣдкими дорогими каменьями, купленными за семьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ отъ Давида Говера, выходца изъ Аугсбурга.

Рис. 245. Кубокъ серебряный, чеканный.*

[Московск. Оружейн. Палата, № 959.]

---

* Работы 1550 года, марка города Данцига. По борту — пораженіе Аполлономъ Коринды, похищеніе Европы, избавленіе Андромеды. По тулову — сюжеты изъ Метаморфозъ Овидія. Вѣсъ 6 фунтовъ, вышина 1 аршинъ.

«Отыщите нѣсколько пауковъ». При этомъ царь приказалъ своему доктору Іогану Лоффу выцарапать на столѣ кругъ, положить въ него одного паука, потомъ другого,— и они замерли; но нѣкоторые изъ пауковъ быстро убѣжали прочь изъ круга:—«Уже слишкомъ поздно; это меня не спасетъ», сказалъ царь. «Взгляните теперь на эти драгоцѣнные камни: вотъ алмазъ, самый драгоцѣнный изъ восточныхъ камней. Я никогда не любилъ его; онъ удерживаетъ ярость и сластолюбіе и даетъ воздержаніе и цѣломудріе, малѣйшая частица его можетъ отравить лошадь, если дать его въ питьѣ, а тѣмъ болѣе человѣка.» Указывая на рубинъ, онъ добавилъ: «О, какъ этотъ камень оживляетъ сердце, мозгъ, даетъ бодрость и память человѣку, очищаетъ застывшую испорченную кровь.» Потомъ, обращаясь къ изумруду, онъ сказалъ: «А вотъ этотъ драгоцѣнный камень радужной породы врагъ всякой нечистоты. Испытайте его: если мужчина и женщина живутъ другъ съ другомъ въ распутствѣ и около нихъ этотъ камень—онъ лопается при злоупотребленіи природою. Вотъ сапфиръ: я очень люблю его; онъ охраняетъ, даетъ храбрость, веселитъ сердце, услаждаетъ всѣ жизненныя чувствованія, плѣняетъ глаза, прочищаетъ зрѣніе, удерживаетъ приливы крови, укрѣпляетъ мускулы, возстановляетъ силы.» Потомъ, взявъ ониксъ въ руку, онъ сказалъ: «Все это удивительные дары Божіи, тайны природы, открываемыя людямъ, имъ на пользу и созерцаніе. Они покровители милосердія и добродѣтели и враги порока. Я слабѣю, уведите меня.... До слѣдующаго раза....»

Рис. 246. Кубокъ изъ перламутровой раковины, оправленный серебромъ.
Работы Нюренбергскаго мастера Эліаса Ленкера 1562 года. Выш. 5 верш.
[Московская Оружейная Палата, № 2388.]

Пополудни Іоаннъ прочиталъ свое завѣщаніе; но еще не думалъ умирать; его нѣсколько разъ околдовывали и расколдовывали; но теперь діаволъ сталъ безсиленъ. Іоаннъ приказалъ своему главному аптекарю и медикамъ приготовить баню ему въ облегченіе и наблюдать: на добро ли ему складываются примѣты; и послалъ снова

своего любимца къ колдуньямъ узнать объ ихъ вычисленіяхъ. Бѣльскій пришелъ къ нимъ и сказалъ: «Царь зароетъ васъ всѣхъ въ землю живьемъ или сожжетъ за ложныя предсказанія и обманъ. День наступилъ, а царь такъ же крѣпокъ и невредимъ, какъ прежде былъ.»—«Бояринъ, не гнѣвайся», отвѣчали колдуньи; «день только что наступилъ, а тебѣ извѣстно, что онъ кончается съ солнечнымъ закатомъ.»

Рис. 247. Кубокъ агатовой съ серебрянымъ золоченымъ поддономъ. **
[Московская Оружейная Палата, № 2468.]

«Бѣльскій поспѣшилъ къ царю: дѣлались большія приготовленія къ банѣ. Около третьяго часа царь пошелъ въ баню, мылся въ свое удовольствіе и, по своему обыкновенію, тѣшился пріятными пѣснями. Вышелъ онъ оттуда около семи часовъ и чувствовалъ себя свѣжѣе; его привели и усадили на постель. Іоаннъ подозвалъ Родіона Биркена (Rodovon Boerhen), дворянина, котораго онъ любилъ, приказалъ ему принести шахматный столикъ и самъ сталъ разставлять шахматы.*

«Главный любимецъ его, Борисъ Годуновъ, и другіе стояли кругомъ стола.

«Царь былъ въ широкомъ платьѣ, рубахѣ и холщевыхъ штанахъ. Вдругъ онъ ослабѣлъ и упалъ навзничъ. Поднялся крикъ, смятеніе: кто посылалъ за водкой, кто въ аптеку за розовой водой и золотоцвѣтомъ, кто—за духовникомъ и медиками.

«Тѣмъ временемъ онъ испустилъ дыханіе и окостенѣлъ. Чтобы возстановить сколько нибудь тишину, стали говорить, что есть надежда на его выздоровленіе.

«Богданъ Бѣльскій и Борисъ Годуновъ, братъ жены будущаго царя Ѳедора Ивановича, главные изъ четырехъ другихъ бояръ, которымъ царь передалъ завѣщаніе,—однимъ словомъ, все правительство, вышло на террассу въ сопровожденіи внезапно образовавшейся толпы, множества знати и приближенныхъ покойнаго царя.

«Видъ былъ поразительный. Они закричали головамъ и стрѣльцамъ, чтобы тѣ крѣпче стерегли и заперли всѣ ворота во дворцѣ и держали на готовѣ орудія съ зажжеными фитилями. Всѣ ворота Кремля тотчасъ были заперты. Стѣна установлена стражей. Я предложилъ себя, людей, порохъ и пистолеты къ услугамъ новаго правителя; онъ принялъ меня въ число своихъ домашнихъ и слугъ и, проходя мимо, съ веселымъ видомъ, сказалъ: «Будь вѣренъ мнѣ и не бойся».

Рис. 248. Стоканъ серебряный. ***
[Московская Оружейная Палата, № 1598.]

---

* Одного шахматнаго короля ему никакъ не удавалось поставить на свое мѣсто, тогда какъ другіе шахматы были уже всѣ разставлены.

** Работы Эліаса Ленкера 1562 года. Вышина 2 вершка.

*** Съ надписью: «От купил сътвори Лунихуру и подружи его Крастина и даде ея дщерѣ своей Грозака, да здравь ка лѣто зпи [1580] мца Августа кв и день.» Вѣсу 76 золотниковъ, вышина 4 вершка. Стаканъ сей подносимъ былъ Государю Императору Николаю Александровичу при коронаціонномъ обѣдѣ съ медомъ, по церемоніалу.

«Митрополиты, епископы и бояре собрались во дворецъ—день этотъ былъ для нихъ днемъ торжества и избавленія. Всѣ наперерывъ тѣснились къ Евангелію и кресту присягать на вѣрность новому царю, Өедору Ивановичу.

«Все это совершилось быстро, въ какіе нибудь шесть или семь часовъ: запечатали казну, и новыя должностныя лица прибавлены въ помощь къ старымъ. Двѣнадцать тысячъ стрѣльцовъ и головы ихъ расположились гарнизонами вокругъ стѣнъ обширнаго города Москвы....»

Такъ закатился грозный вѣкъ Іоанна, вѣкъ титанической*) борьбы царя съ «самовластіемъ» бояръ, этимъ роковымъ заклятьемъ удѣльной усобицы.

Рис. 249. Печать (перстная) царя Іоанна IV Васильевича 1587 года съ правой грамоты Троице-Сергіевскому монастырю.

Рис. 250. Печать Государственная малая двойная кормчая царя Іоанна IV Васильевича съ жалованной грамоты 1577 года князю Ив. Юр. Мордкину.

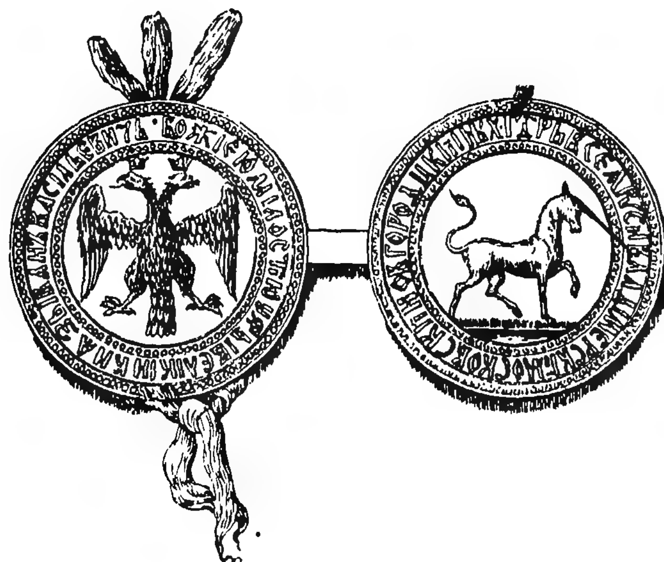

Рис. 251. Печать Государственная малая двойная кормчая царя Іоанна IV Васильевича съ жалованной грамоты 1577 года князю Ив. Юр. Мордкину.

[Архивъ Министерства Юстиціи.]

*) Чтобы представить себѣ событія того времени правильно, не надо забывать, что при Грозномъ все населеніе Московскаго Государства не превышало трехъ, четырехъ мильоновъ человѣкъ (П. Смирновъ. Движеніе населенія Московскаго Государства) и, слѣдовательно, всѣ проявленія этой борьбы—массовыя казни (18000 человѣкъ въ Новгородѣ), гибель сотенъ тысячъ народа (при наведеніи на Москву Крымскаго хана) получаютъ соотвѣтственно съ тогдашнимъ малолюдствомъ исполинскіе размѣры.

Государевы служилые люди, назначенные царемъ Іоанномъ IV Васильевичемъ.

Бояре:

Кн. Иванъ Михайловичь Шуйской, 1535 г. † 1559 г.
Кн. Андрей Ивановичь Холмской, 1535 г. † 1543 г.
Кн. Андрей Михайловичь Шуйской, 1535 г. † 1543 г.
Кн. Андрей Дмитріевичь Ростовской, 1535 г. † 1550 г.
Кн. Петръ Ивановичь Репнинъ-Оболенской, 1535 г. † 1546 г.
Кн. Семенъ Ивановичь Трубецкой, 1535 г. † 1558 г.
Кн. Иванъ Ивановичь Кубенской, 1535 г. † 1546 г.
Кн. Юрьи Михайловичь Голицынъ-Булгаковъ-Патрикѣевъ, 1540 г. † 1561 г.
Кн. Юрьи Васильевичь Глинской, 1540 г. † 1547 г.
Кн. Михайло Михайловичь Курбской, 1540 г. † 1546 г.
Юрьи Дмитріевичь Шеинъ, 1540 г. † 1546 г.
Кн. Михайло Васильевичь Глинской, 1541 г. † 1559 г.
Иванъ Фока Семеновичь Воронцовъ, 1543 г. † 1561 г.
Кн. Александро Борисовичь Горбатой, 1544 г. † 1566 г.
Кн. Өедоръ Ивановичь Скопинъ-Шуйской, 1544 г. † 1557 г.
Өедоръ [Демидъ] Семеновичь Воронцовъ, 1544 † 1546 г.
Кн. Василій Михайловичь Щенятевъ, 1544 г. † 1547 г.
Василій Михайловичь Воронцовъ, 1544 г. † 1546 г.
Василій Дмитріевичь Шеинъ, 1544 г. † 1550 г.
Иванъ Петровичь Өедоровъ-Челядинъ 1544 г. † 1567 г.
Кн. Василій Васильевичь Чулокъ-Ушатой, 1544 г. † 1549 г.
Иванъ Ивановичь Хабаровъ, 1547 г. † 1558 г.
Иванъ Михайловичь Юрьевъ, 1547 г. † 1547 г.
Кн. Константинъ Ивановичь Курлетевъ, 1547 † 1552 г.
Григорій Юрьевичь Захарьинъ, 1547 г. † 1556 г.
Кн. Данило Дмитріевичь Пронской, 1547 г. † 1551 г.
Кн. Дмитрій Өедоровичь Щереда-Палецкой, 1547 г. † 1561 г.
Кн. Өедоръ Андреевичь Куракинъ-Булгаковъ, 1547 г. † 1567 г.
Кн. Дмитрій Ивановичь Оболенской-Курлятевъ, 1549 г. † 1562 г.
Григорій Васильевичь Морозовъ, 1549 г. † 1556 г.
Кн. Иванъ Шемяка Васильевичь Пронской-Нелюбовъ, 1549 г. † 1550 г.
Кн. Юрьи Ивановичь Темкинъ-Ростовской, 1549 г. † 1561 г.
Василій Михайловичь Юрьевъ, 1549 г. † 1559 г.
Григорій Злобинъ Петровичь Яковля, 1549 г. † 1551 г.
Кн. Петръ Михайловичь Щенятевъ, 1549 г. † 1568 г.
Кн. Семенъ Ивановичь Щенятевъ, 1549 г. † 1549 г.
Кн. Семенъ Ивановичь Микулинской-Пунковъ, 1549 г. † 1562 г.
Кн. Иванъ Ивановичь Турунтай-Пронской, 1549 г. † 1569 г.
Данило Романовичь Захарьинъ-Юрьевъ, 1549 † 1566 г.
Михайло Яковлевичь Морозовъ, 1549 г. † 1573 г.
Кн. Петръ Ивановичь Шуйской, 1550 г. † 1564 г.
Кн. Василій Семеновичь Оболенской-Серебряной, 1550 г. † 1570 г.
Иванъ Большой Васильевичь Шереметевъ, 1550 г. † 1570 г.
Кн. Петръ Семеновичь Оболенской-Серебряной, 1551 г. † 1571 г.
Захаръ Петровичь Яковля-Челядинъ, 1551 г. † 1557 г.
Кн. Володимеръ Ивановичь Воротынской, 1551 г. † 1558 г.
Юрьи Михайловичь Воронцовъ, 1551 г. † 1558 г.
Кн. Михайло Яковлевичь Воротынской, 1552 г. † 1573 г.
Семенъ Константиновичь Заболоцкой, 1552 г. † 1559 г.
Кн. Дмитрій Ивановичь Нѣмой-Оболенской 1552 г. † 1565 г.
Кн. Семенъ Васильевичь Ростовской, 1553 г. † 1567 г.
Өедоръ Григорьевичь Адашевъ, 1553 г. † 1556 г.
Василій Юрьевичь Малой Траханіотовъ, 1553 г. † 1568 г.
Иванъ Дмитріевичь Шеинъ 1553 г. † 1556 г.
Кн. Юрьи Ивановичъ Пронской-Шемякинъ, 1553 г. † 1554 г.
Петръ Васильевичь Морозовъ, 1554 г. † 1580 г.
Иванъ Михайловичь Воронцовъ, 1554 г. † 1567 г.
Кн. Иванъ Васильевичь Оболенской-Горенской, 1555 г. † 1562 г.
Алексѣй Даниловичь Басмановъ-Плещеевъ, 1556 г. † 1569 г.
Кн. Юрьи Ивановичь Кашинъ, 1556 г. † 1565 г.
Кн. Иванъ Андреевичь Куракинъ-Булгаковъ, 1556 г. † 1567 г.
Кн. Андрей Михайловичъ Курбской, 1556 г. –1564 г.
Кн. Иванъ Михайловичь Троекуровъ, 1556 г. † 1564 г.
Кн. Дмитрій Андреевичь Куракинъ-Булгаковъ, 1557 г. † 1570 г.
Кн. Андрей Ивановичь Катыревъ-Ростовской, 1557 г. † 1567 г.
Кн. Дмитрій Ивановичь Хилковъ, 1557 г. † 1564 г.
Семенъ Васильевичь Шереметевъ, 1557 г. † 1562 г.
Иванъ Петровичь Яковля-Челядинъ, 1558 г. † 1570 г.
Никита Васильевичь Шереметевъ, 1558 г. † 1565 г.
Кн. Иванъ Дмитріевичь Бѣльской, 1559 г. † 1571 г.
Иванъ Меньшой Васильевичь Шереметевъ, 1559 г. † 1577 г.
Семенъ Васильевичь Яковля-Челядинъ, 1559 † 1569 г.
Михайло Ивановичь Вороной-Волынской, 1559 † 1567 г.
Кн. Петръ Андреевичъ Куракинъ-Булгаковъ, 1559 г. † 1575 г.
Кн. Михайло Петровичь Репнинъ-Оболенской, 1559 г. † 1565 г.
Иванъ Яковлевичь Чоботовъ, 1559 г. † 1566 г.
Кн. Александро Ивановичь Воротынской, 1560 г. † 1567 г.
Кн. Андрей Ивановичь Ногтевъ, 1560 г. † 1578 г.
Кн. Дмитрій Семеновичь Шестуновъ, 1560 г. † 1563 г.
Кн. Василій Михайловичь Глинской, 1562 г. † 1565 г.
Володимеръ Васильевичь Морозовъ, 1562 г. † 1564 г.
Кн. Петръ Ивановичь Телятевской, 1563 г. † 1566 г.
Өедоръ Ивановичь Умной-Колычовъ, 1563 г. † 1567 г.
Яковъ Андреевичь Салтыковъ, 1563 г. † 1572 г.
Кн. Өедоръ Михайловичь Черной-Оболенской, 1563 г.
Кн. Иванъ Өедоровичь Мстиславской, 1563 г. † 1586 г.
Никита Романовичь Захарьинъ-Юрьевъ, 1563 г. † 1585 г.
Левъ Андреевичь Салтыковъ, 1564 г.
Василій Дмитріевичь Даниловъ, 1565 г.
Өедоръ Ивановичь Сукинъ, 1566 г. † 1567 г.
Андрей Ивановичь Шеинъ, 1567 г. † 1569 г.
Кн. Петръ Даниловичь Пронской, 1567 г. † 1577 г.
Иванъ Андреевичь Бутурлинъ, 1567 г. † 1575 г.
Кн. Михайло Темрюковичь-Черкаской, 1568 г. † 1572 г.
Василій Петровичь Яковля, 1568 г. † 1573 г.
Кн. Василій Андреевичь Сицкой 1568 г. † 1578 г.
Кн. Василій Ивановичь Темкинъ-Ростовской, 1568 г. † 1571 г.

Захаръ Ивановичъ Очинъ-Плещеевъ, 1568 г. † 1571 г.
Кн. Иванъ Андреевичъ Шуйской, 1569 г. † 1573 г.
Кн. Никита Романовичъ Одоевской, 1572 г. † 1573 г.
Кн. Семенъ Даниловичъ Пронской, 1572 г. † 1584 г.
Кн. Өедоръ Михайловичъ Трубецкой, 1572 г. † 1601 г.
Богданъ Юрьевичъ Сабуровъ-Вислоуховъ, 1572 г. † 1598 г.
Василій Борисовичъ Сабуровъ-Вислоуховъ, 1572 г. † 1578 г.
Василій Большой Степановичъ Собакинъ, 1572 г. † 1575 г.
Кн. Иванъ Юрьевичъ Голицынъ-Булгаковъ, 1574 г. † 1583 г.
Кн. Өёдоръ Ивановичъ Мстиславской, 1577 г. † 1622 г.
Кн. Василій Юрьевичъ Голицынъ, 1577 г. † 1585 г.
Кн. Василій Өедоровичъ Скопинъ-Шуйской, 1577 г. † 1595 г.
Кн. Иванъ Петровичъ Шуйской, 1577 г. † 1587 г.
Кн. Василій Ивановичъ Мстиславской, 1577 г. † 1583 г.
Григорій Никитичъ Борисовъ, 1577 г. † 1584 г.
Дмитрій Ивановичъ Годуновъ, 1578 г.
Борисъ Өедоровичъ Годуновъ, 1581 г.
Петръ Ивановичъ Татевъ, 1583 г. † 1586 г.

Окольничіе:

Кн. Семенъ Васильевичъ Кривой-Шестуновъ, 1535 г. † 1538 г.
Иванъ Семеновичъ Брюховъ-Морозовъ, 1535 г. † 1539 г.
Кн. Василій Васильевичъ Чулокъ-Ушатой, 1535 г.—1544 г.
Иванъ Фока Семеновичъ Воронцовъ, 1536 г.—1543 г.
Дмитрій Даніиловичъ Ивановъ, 1538 г. † 1543 г.
Иванъ Ивановичъ Большой-Жулебинъ, 1538 г. † 1554 г.
Семенъ Семеновичъ Епанчинъ-Беззубцовъ, 1539 г. † 1545 г.
Өедоръ Михайловичъ Нагой, 1539 г. † 1558 г.
Кн. Иванъ Стригинъ-Ряполовской, 1540 г. † 1542 г.
Өедоръ Михайловичъ Плещеевъ, 1542 г. † 1546 г.
Иванъ Ивановичъ Беззубцовъ, 1543 г. † 1547 г.
Иванъ Дмитріевичъ Шеинъ, 1544 г.—1553 г.
Иванъ Ивановичъ Рудаковъ-Колычовъ, 1547 г. † 1551 г.
Данило Романовичъ Юрьевъ, 1548 г. † 1566 г.
Григорій Васильевичъ Морозовъ, 1548 г.—1549 г.
Иванъ Ивановичъ Умной Колычовъ, 1548 г. † 1555 г.
Өедоръ Григорьевичъ Адашевъ, 1548 г.—1553 г.
Михайло Яковлевичъ Морозовъ, 1548 г.
Иванъ Большой Васильевичъ Шереметевъ, 1549 г. —1550 г.
Андрей Алексѣевичъ Квашнинъ, 1549 г. † 1557 г.
Долматъ Өедоровичъ Карповъ, 1549 г. † 1571 г.
Яковъ Андреевичъ Салтыковъ, 1550 г.—1563 г.
Володимеръ Васильевичъ Морозовъ, 1550 г.—1562 г.
Иванъ Өедоровичъ Карповъ, 1550 г. † 1554 г.
Семенъ Дмитріевичъ Пѣшковъ-Сабуровъ, 1550г. † 1561 г.
Семенъ Константиновичъ Заболоцкой, 1550 г.—1552 г.
Петръ Васильевичъ Морозовъ, 1550 г.—1554 г.
Семенъ Ивановичъ Морозовъ, 1552 г. † 1557 г.
Иванъ (Өома) Петровичъ Головинъ, 1552 г. † 1562 г.
Алексѣй Даниловичъ Басмановъ-Плещеевъ, 1552 г. —1556 г.
Иванъ Михайловичъ Воронцовъ, 1552 г.—1554 г.
Иванъ Яковлевичъ Чоботовъ, 1552 г.—1559 г.
Левъ Андреевичъ Салтыковъ, 1553 г.—1564 г.
Кн. Иванъ Дмитріевичъ Хворостининъ, 1554 г. † 1571 г.
Михайло Васильевичъ Яковля, 1555 г. † 1558 г.
Алексѣй Өедоровичъ Адашевъ, 1555 г. † 1561 г.
Дмитрій Андреевичъ Чеботовъ, 1555 г. † 1561 г.
Василій Петровичъ Борисовъ, 1555 г. † 1560 г.
Дмитрій Михайловичъ Плещеевъ, 1556 г. † 1561 г.
Василій Дмитріевичъ Даниловъ, 1556 г.—1565 г.
Иванъ Петровичъ Яковля-Челяднинъ, 1557 г.—1558 г.
Никита Васильевичъ Шереметевъ, 1557 г.—1558 г.
Семенъ Васильевичъ Яковля-Челяднинъ, 1557 г.—1559 г.
Кн. Дмитрій Семеновичъ Шестуновъ, 1558 г.—1560 г.
Иванъ Меньшой Васильевичъ Шереметевъ, 1558 г. —1559 г.
Өедоръ Ивановичъ Умной Колычовъ, 1559 г.—1563 г.
Никита Романовичъ Захарьинъ-Юрьевъ, 1559 г.—1563 г.
Данило Өедоровичъ Адашевъ, 1559 г.
Василій Петровичъ Яковля, 1559 г.—1568 г.
Кн. Василій Андреевичъ Сицкой, 1559 г.—1568 г.
Михайло Петровичъ Головинъ, 1562 г. † 1564 г.
Аөанасій Андреевичъ Бутурлинъ, 1563 г. † 1571 г.
Петръ Петровичъ Головинъ, 1563 г. † 1556 г.
Петръ Васильевичъ Зайцевъ, 1563 г. † 1575 г.
Иванъ Андреевичъ Бутурлинъ, 1563 г.—1567 г.
Захаръ Ивановичъ Очинъ-Плещеевъ, 1563 г.—1568 г.
Михайло Михайловичъ Тучковъ, 1565 г. † 1567 г.
Кн. Михайло Матвѣевичъ Лыковъ, 1565 г. † 1571 г.
Иванъ Ивановичъ Чулковъ, 1565 г. † 1567 г.
Василій Ивановичъ Умной-Колычовъ, 1565 г. † 1575 г.
Михайло Ивановичъ Колычовъ, 1567 г. † 1571 г.
Никита Васильевичъ Борисовъ, 1567 г. † 1576 г.
Дмитрій Андреевичъ Бутурлинъ, 1568 г. † 1575 г.
Кн. Василій Ивановичъ Вяземской, 1568 г. † 1571 г.
Кн. Дмитрій Ивановичъ Хворостининъ, 1569 г.
Кн. Осипъ Михайловичъ Щербатой, 1572 г. † 1576 г.
Григорій Степановичъ Собакинъ, 1572 г. † 1575 г.
Василій Меньшой Степановичъ Собакинъ, 1572 † 1575 г.
Дмитрій Ивановичъ Годуновъ, 1573 г.—1578 г.
Кн. Петръ Ивановичъ Татевъ, 1573 г.—1583 г.
Кн. Юрьи Ивановичъ Токмаковъ, 1573 г. † 1578 г.
Василій Өедоровичъ Воронцовъ, 1573 г. † 1578 г.
Василій Григорьевичъ Колычовъ, 1573 г. † 1579 г.
Кн. Борисъ Даниловичъ Тулуповъ, 1573 г. † 1575 г.
Степанъ Васильевичъ Годуновъ, 1576 г.
Борисъ Васильевичъ Шеинъ, 1576 г. † 1580 г.
Өедоръ Васильевичъ Шереметевъ, 1577 г.
Өедоръ Өедоровичъ Нагой, 1577 г. † 1583 г.
Михайло Тимоөеевичъ Петровъ, 1577 г.
Кн. Тимоөей Ивановичъ Долгорукой, 1579 г. † 1580 г.
Иванъ Васильевичъ Годуновъ, 1581 г.
Кн. Өедоръ Михайловичъ Троекуровъ, 1581 г.
Дмитрій Ивановичъ Годуновъ, ?—1578 г.
Кн. Давидъ Өедоровичъ Палецкой, ? † 1561 г.
Кн. Петръ Ивановичъ Телятевской, ?—1563 г.
Кн. Дмитрій Петровичъ Елецкой, ? † 1586 г.

Дворецкіе:

Бояринъ кн. Иванъ Ивановичъ Кубенской, 1535г. † 1546 г.
Бояринъ Иванъ Ивановичъ Хабаровъ, 1547 г.—1549 г.
Бояринъ Данило Романовичъ Юрьевъ, 1549 г. † 1566 г.
Бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ, 1566 г.—1577 г.
Думный дворянинъ кн. Өедоръ Ивановичъ Хворостининъ, 1577 г.—1585 г.

Конюшіе-бояре:

Иванъ Ивановичъ Челяднинъ, 1539 г.—1541 г.
Кн. Михайло Васильевичъ Глинской, 1541 г.—1547 г.
Кн. Василій Васильевичъ Чулокъ-Ушатый, 1549 † 1549 г.
Иванъ Петровичъ Өедоровъ-Челяднинъ, 1550 г. † 1567 г.

Ясельничіе:

Василій Григорьевичъ Дровнинъ, 1540 г. † 1556 г.
Василій Өедоровичъ Ошанинъ, 1571 г. † 1582 г.

Крайчіе:

Кн. Юрьи Васильевичъ Глинской, 1536 г.—1540 г.
Кн. Иванъ Өедоровичъ Мстиславской, 1541 г.—1548 г.
Кн. Юрьи Ивановичъ Шемякинъ-Пронской, 1549 г. —1553 г.
Кн. Иванъ Дмитріевичъ Бѣльской, 1554 г.—1559 г.
Кн. Петръ Ивановичъ Горенской, 1560 г. † 1565 г.
Өедоръ Алексѣевичъ Басмановъ, 1566 г. † 1571 г.
Каллистъ Васильевичъ Собакинъ, 1572 г. † 1574 г.
Кн. Өедоръ Ивановичъ Мстиславской, 1575 г.—1577 г.
Борисъ Өедоровичъ Годуновъ, 1578 г.—1579 г.
Кн. Дмитрій Ивановичъ Шуйской, ?—1586 г.
Василій Александровичъ Бѣлой.
Иванъ Петровичъ Новосильцевъ.

Казначеи:

Ѳедоръ Ивановичь Сукинъ, 1544 г.—1566 г.
Никита Аѳанасьевичь Курцевъ, 1567 г. † 1572 г.
Кн. Василій Васильевичь Мосальской, 1573 г. † 1577 г.
Иванъ Ивановичь Головинъ, 1578 г. † 1585 г.

Думные дворяне:

Романъ Васильевичь Олферьевъ, 1572 г. † 1590 г.
Михайло Андреевичь Безнинъ, 1573 г. † 1586 г.
Баимъ Васильевичь Воейковъ, 1577 г. † 1592 г.
Василій Григорьевичь Зюзинъ, 1577 г. † 1585 г.
Деменша Ивановичь Черемисиновъ, 1577 г.—1594 г.
Аѳанасій Ѳедоровичь Нагой, 1578 г. † 1585 г.
Романъ Михайловичь Пивовъ, 1579 г. † 1592 г.
Игнатъ Петровичь Татищевъ, 1581 г.

Оружничіе:

Левъ Андреевичь Салтыковъ, 1550 г.—1564 г.
Кн. Аѳанасій Ивановичь Вяземской, 1564 г.—1572 г.
Кн. Иванъ Деветелевичъ, 1573 г.—1577 г.
Кн Богданъ Яковлевичь Бѣльской, 1578 г. † 1610 г.

Постельничіе:

Андрей Володимеровичь Мансуровъ, 1542 г. † 1551 г.
Игнатъ Михайловичь Вешняковъ, 1552 г. † 1561 г.
Яковъ Васильевичь Волынской, 1562 г. † 1568 г.
Степанъ Степановичь Ярцовъ, 1569 г.—1570 г.
Дмитрій Ивановичь Годуновъ, 1571 г.—1573 г.
Иванъ Дмитріевичь Овцынъ, 1574 г. † 1581 г.
Истома Осиповичь Безобразовъ, 1582 г. † 1604 г.

Ловчіе:

Ѳедоръ Михайловичь Нагой, 1535 г. † 1539 г.
Иванъ Жукла Ѳедоровичь Наумовъ [Сокольничій], 1550 г. † 1582 г.
Григорій Дмитріевичь Ловчиковъ, 1563 г. † 1567 г.
Иванъ Ивановичь Бобрищевъ-Пушкинъ, (Сокольничій) 1568 г. † 1582 г.
Иванъ Михайловичь Бобрищевъ-Пушкинъ, 1574 г.—1583 г.
Дмитрій Андреевичь Замыцкой, 1584 г.

Печатники:

Юрій Дмитріевичь Траханіотовъ, 1535 г.
Николай Ѳедоровичь Курцовъ, 1539 г.
Борисъ Ивановичь Сукинъ, 1542 г.
Никита Фуниковъ Курцовъ, 1549 г. † 1553 г.
Иванъ Михайловичь Висковатый, 1561 г. † 1570 г.
Борисъ Сукинъ, 1570 г.
Романъ Васильевичь Олферьевъ, 1571 г., 1572 г.
Петръ Ивановичь Шетневъ, 1577 г.
Истома (Василій Осиповичь) Безобразовъ, 1584 г.
Иванъ Ивановичь Мятлевъ.
Кн. Семенъ Коркодиновъ.
Яковъ Гавриловичь Наумовъ.
Ѳедоръ Пучко Молвениковъ.

Рис. 252. Дьякъ Андрей Клобуковъ.
Съ гравюры на деревѣ XVI вѣка.
[Осада Вендена. Чтенія 1847 г. №№ 3, 4.]

Рис. 253. **Өеодоръ Іоанновичъ** (1584—1598).

Великій Государь, царь и великій князь всея Русіи Самодержецъ, Владимерскій, Московскій, Новгородскій, царь Казанскій, царь Астраханскій, Государь Псковскій, и великій князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и иныхъ. Государь и великій князь Новгорода Низовскіе земли, Черниговскій, Резанскій, Полотцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лиөлянскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всея Сибирскіе земли и Сѣверные страны повелитель и Государь Иверскіе земли, Грузинскихъ царей и Кабардинскіе земли, Черкаскихъ и Горскихъ князей и иныхъ многихъ государствъ Государь и обладатель.

[Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Титулярникъ].

Государевъ дворъ въ Кремлѣ при царѣ Өеодорѣ Іоанновичѣ.

Въ царствованіе Өеодора Іоанновича страна, руководимая геніальнымъ правителемъ, Годуновымъ, отдохнула отъ непрерывныхъ бѣдствій времени Грознаго. Прекратились изнурительныя войны. Русская земля поустроилась—упрочилось благосостояніе, пріумножилось богатство. На Царскомъ дворѣ водворились тишина и благочестіе.

Роспись Грановитой Палаты. Золотая царицына палата. Въ Кремлевскомъ Дворцѣ были сдѣланы новыя постройки и украшенія. Грановитая Палата и ея сѣни были расписаны бытейскимъ письмомъ и аллегорическими картинами, содержаніе коихъ сохранено и въ современной намъ росписи этихъ дворцовыхъ помѣщеній.

Для царицы Ирины, на мѣстѣ бывшей Наугольной палаты, была построена (до 1589 года) каменная пріемная палата, сохранившаяся до нашего времени. Палата эта назы-

Рис. 254. Грановитая Палата, расписанная при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ.
[Въ ся современномъ видѣ].

валась именемъ царицы—«*палатою царицы Ирины, Золотою царицыной палатою*, иногда—*Меньшею Золотою палатою* въ отличіе отъ пріемной царя—Средней Золотой палаты.

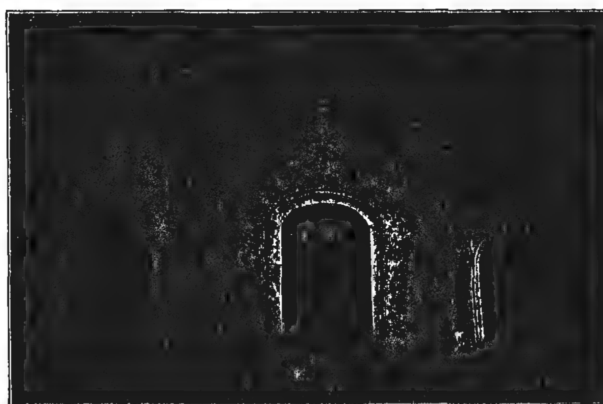

Рис. 255. Окна Золотой царицыной палаты снаружи.

Царицына палата была украшена съ особеннымъ великолѣпіемъ. «Чистѣйшимъ золотомъ сіяла вся сферообразная храмина», говоритъ о ней очевидецъ, архіепископъ Элассонскій Арсеній, «и по хитрому устроенію художника звонко отзывались въ ней тихія слова. Сводъ былъ облитъ золотомъ, и украшенъ драгоцѣнными изображеніями. На немъ видны были многія роскошныя украшенія—деревья, виноградныя кисти, Родосскія ягоды и разнаго рода птицы. Стѣны украшены драгоцѣнною мозаикою съ изображеніемъ дѣяній Святыхъ и ликовъ Ангельскихъ, Мучениковъ, Іерарховъ, а надъ великолѣпнымъ престоломъ драгими каменьями ярко горѣла большая икона Пречистой Дѣвы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ въ рукахъ и вокругъ ея лики св. Угодниковъ, увѣнчанные златыми вѣнцами, по коимъ разсыпаны жемчугъ и яхонтъ и сапфиръ. Хитротканными коврами устланъ помостъ съ живымъ изображеніемъ соколиной ловли, и другія изваянія птицъ и звѣрей изъ драгаго металла сіяли вокругъ всей храмины; а на срединѣ свода искусно изваянный левъ держалъ въ пасти своей кольцемъ свитаго змѣя, съ котораго спускались златыя лампады.»

Рис. 256. Золотая царицына палата, построенная при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, въ ея современномъ видѣ, съ желѣзными связями и каменными перететивьями, устроенными въ 1683 году для укрѣпленія ея сводовъ. Южная сторона.

Царская казна. Богатство царскаго обихода.

Государева казна въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича значительно пополнилась не только въ силу улучшенія общаго положенія Государства, но и вслѣдствіе умѣреннаго образа жизни, установившагося при Московскомъ дворѣ. Роскошные пиры и необузданныя потѣхи Грознаго, пожиравшіе множество средствъ, прекратились. Не было больше и частыхъ перемѣнъ должностныхъ лицъ, ломки управленія и неизбѣжной при семъ путаницы, столь зловредной для всякаго хозяйства.

Въ умѣлыхъ рукахъ Григорія Васильевича Годунова, начальника Приказа Большого Дворца, управлявшаго дворцовыми вотчинами, дѣла шли отлично и доходы значительно увеличились. Такъ, напримѣръ, ежегодная выручка отъ продажи остатковъ натуральныхъ податей, выражавшаяся въ прошлое царствованіе суммою въ 60.000 рублей, возросла теперь до 230.000.

По словамъ Флетчера «сумма, поступающая каждый годъ въ царскую казну однѣми деньгами, такова: 1) Изъ Дворцоваго приказа, за расходами для дворца, 230.000 руб., 2) изъ четырехъ Четвертей сошныхъ и подушныхъ денегъ 400.000 руб., 3) изъ приказа Большого Прихода пошлинъ и другихъ сборовъ 800.000 руб.»

Насколько вообще состояніе Государевой казны при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ было блестяще, можно судить по производимымъ изъ ея свободной наличности выдачамъ и пышности дворцоваго обихода. Такъ, въ 1589 году императору австрійскому

Рудольфу, въ видѣ вспомоществованія было послано—три милліона въ серебряныхъ слиткахъ, 40.360 соболей, 20.760 куницъ, 120 черныхъ лисицъ, 537.235 бѣлокъ и 3.000 бобровъ.

Что же касается придворной роскоши, то Варкочъ говоритъ о 1800 золотыхъ блюдахъ за царскимъ обѣдомъ, кромѣ чашъ и нетронутой посуды на поставцѣ.

Горсей свидѣтельствуетъ, что во время коронаціи на царѣ было платье, украшенное драгоцѣнными камнями всякаго рода и множествомъ жемчуга, вѣсящее 200 фунтовъ, а въ рукѣ посохъ изъ кости единорога, купленный за 7.000 фунтовъ стерлинговъ. Попона царскаго коня, вышитая жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, съ такимъ же сѣдломъ и со всѣмъ приборомъ, оцѣнивалась въ 300.000 фунтовъ стерлинговъ.

Великолѣпіе одежды царицы на пріемѣ Константинопольскаго патріарха, по описанію Арсенія Элассонскаго, вызвало у всѣхъ родъ *тихаго ужаса*: «omnes blandus quidam horror perstrinxit».

«Царица имѣла ослѣпительнаго блеска корону, которая была искусно составлена изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ и раздѣлена жемчугами на 12 равныхъ башенокъ, по числу 12 Апостоловъ. Въ ней находилось множество карбункуловъ, брильянтовъ, топазовъ и круглыхъ жемчуговъ, а кругомъ она была унизана большими аметистами и сапфирами, съ обѣихъ же сторонъ спускались три длинныя цѣпи, составленныя изъ столь драгоцѣнныхъ каменьевъ и покрытые столь большими и блестящими изумрудами, что ихъ достоинство и стоимость были выше всякой оцѣнки.

«Одежда Государыни, съ длинными рукавами, достигавшими пальцевъ, была сдѣлана съ рѣдкимъ искусствомъ изъ толстой шелковой матеріи съ многими изящными украшеніями. Она была усажена драгоцѣнными жемчугами и посреди украшеній блистали превосходные драгоцѣнные каменья и яркіе карбункулы. Сверхъ этой одежды на царицѣ была мантія, съ виду очень простая и безыскусственная, на самомъ же дѣлѣ чрезвычайно дорогая и замѣчательная по множеству сапфировъ, алмазовъ и драгоцѣнныхъ камней всякаго рода, которыми она была покрыта. Такою же пышностью отличались башмаки, цѣпь и діадема великой княгини. Малѣйшей части этого великолѣпія достаточно было бы для украшенія десяти Государей.»

О томъ, какого рода предметы были при дворѣ въ употребленіи въ то время, узнаемъ изъ разсказа Горсея. Ему было поручено закупить въ Англіи, кромѣ всякаго вооруженія: «позолоченныхъ алебардъ, пистолей, ружей, львовъ, быковъ, собакъ, еще и разнороднаго аптекарскаго снадобья, вина, органовъ, клавикордовъ и другихъ музыкальныхъ инструментовъ, алыхъ тканей, нитокъ жемчуга, вычурной посуды и разныхъ другихъ цѣнныхъ вещей.» Горсей разсказываетъ и о произведенномъ впечатлѣніи этими вещами. «Царь и царица изъ оконъ дворца смотрѣли на львовъ и собакъ, привезенныхъ бирючемъ и его провожатыми. За нимъ шло вслѣдъ тысячъ пять народа, изъ любопытства: отличный бѣлый быкъ съ черными природными пятнами, съ висячимъ до колѣнъ зобомъ, съ позолоченными, привязанными рогами, въ зеленомъ бархатномъ ошейникѣ, украшенномъ гвоздиками, на красной веревкѣ, всталъ на колѣни передъ царемъ и царицей, потомъ поднялся, пристально и свирѣпо посматривая на всѣ стороны. Народу онъ показался необыкновеннымъ звѣремъ и былъ принятъ за буйвола. Затѣмъ двѣнадцать людей вывели двѣнадцать превосходной породы собакъ въ ошейникахъ и съ бантами. Два льва, привезенные въ саняхъ, были выпущены изъ клѣтокъ маленькимъ

татариномъ съ жезломъ въ рукѣ, которому они повиновались. Все это было выставлено предъ дворцомъ для зрителей.....

«Правитель, Борисъ Ѳедоровичъ, провелъ цѣлый день въ разсматриваніи камней, жемчуга, блюдъ, позолоченнаго вооруженія, алебардъ, пистолей, ружей, бѣлыхъ, красныхъ и пунцевыхъ бархатовъ и другихъ рѣдкихъ дорогихъ вещей, доставленныхъ мною: все это ему необыкновенно понравилось.

«Царицу, сестру его, также пригласили смотрѣть на вещи: она особенно удивлялась органамъ и клавикордамъ, позолоченнымъ и разукрашеннымъ финифтью, чего она никогда прежде не видывала. Она дивилась и восхищалась ихъ громкому и музыкальному звуку.

«Народъ тысячами толпился около дворца; ему также хотѣлось послушать музыки. Мои люди, которые умѣли играть на инструментахъ, допускались часто въ такое общество, куда я и самъ не могъ входить. Настолько понравились всѣ привезенные мною вещи и мой собственный портретъ, который попалъ туда же, что правитель заплатилъ мнѣ сполна за ихъ стоимость, именно около 4.000 ливровъ.»

Рис. 257. Княгиня Марія Владиміровна, вдова титулярнаго ливонскаго короля Магнуса.

[Московская Оружейная Палата].

Составъ Государева двора при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ.

При царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ въ составѣ царскаго двора существенныхъ перемѣнъ не произошло. При немъ дѣйствуютъ тѣ же придворные чины, какъ и въ предшествующее царствованіе, за исключеніемъ лишь дворцоваго воеводы. Должность эта, учрежденная Грознымъ, вѣроятно въ цѣляхъ усиленной охраны, при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ не упоминается.

Флетчеръ, описывая царскій дворъ, даетъ слѣдующую чиновную лѣствицу: 1-я должность—конюшаго (Бор. Ѳед. Годуновъ), 2-я—дворецкаго (Гр. Вас. Годуновъ), 3-я—казначея (Ст. Вас. Годуновъ), 4-я—контролера (Андр. Петр. Клешнинъ), 5-я—постельничьяго (Истома Безобразовъ), 6-я—крайчихъ (Ѳед. и Ив. Вас. Годуновы), 7-я—фурьеровъ (которыхъ трое, изъ лицъ высшаго сословія).

Названныя Флетчеромъ должности фурьеровъ и контролера возбуждаютъ недоумѣніе. Фурьерами названы, вѣроятно, дворцовые пристава. Что касается контролера, то ни въ какомъ другомъ источникѣ о должности, соотвѣтствующей этому понятію, извѣстій нѣтъ. Наоборотъ, имѣются положительныя указанія, что контроль, какъ постоянное учрежденіе въ нашемъ придворномъ и приказномъ строѣ, отсутствовалъ. Названный въ этой должности контролера, Андрей Петровичъ Луппъ-Клешнинъ, былъ окольничимъ и клевретомъ правителя Бориса Годунова. Молва приписывала ему организацію убійства царевича Дмитрія въ Угличѣ. Былъ ли онъ виновенъ — неизвѣстно, но въ розыскѣ по этому дѣлу онъ принималъ дѣятельное участіе. Весьма вѣроятно, правитель давалъ ему и другія требующія испытанной преданности порученія; напримѣръ, провѣрку денежныхъ сборовъ и расходовъ. Быть можетъ, во время пребыванія Флетчера въ Москвѣ Клешнинъ исполнялъ именно такое временное порученіе, что и было принято этимъ случайнымъ наблюдателемъ Московскихъ порядковъ за особую придворную должность.

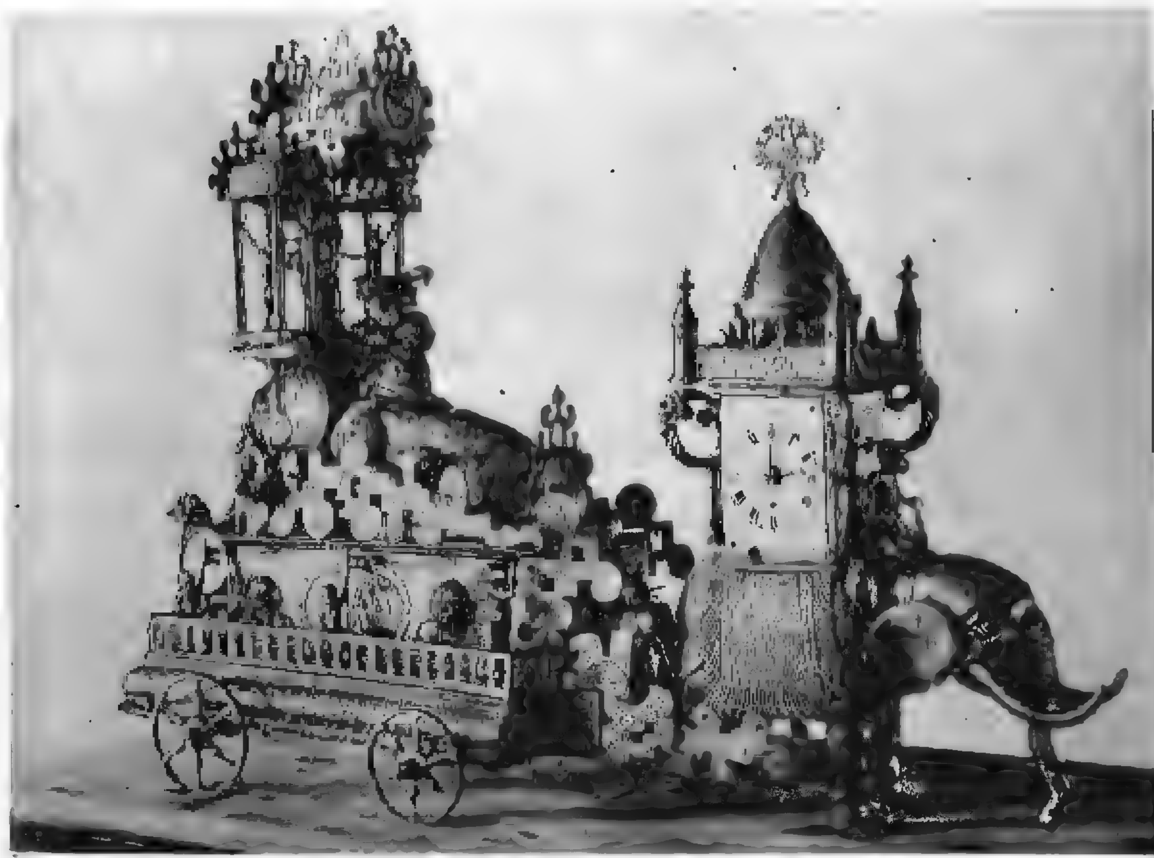
Въ остальномъ свѣдѣнія Флетчера правильны, лица, дѣйствовавшіе въ названныхъ должностяхъ, указаны вѣрно.

Обязанности придворныхъ должностей. Помимо иноземцевъ, о придворныхъ должностяхъ конца XVI вѣка даетъ свѣдѣнія извѣстная «Записка о Царскомъ Дворѣ» (Акты Ист. Т. II, стр. 422).

Эта «Записка», какъ и помѣщаемая ниже «Роспись Царскимъ Кушаніямъ» составлена въ 1610—1613 гг. вѣроятно для новоизбраннаго на Московскій престолъ польскаго королевича Владислава съ цѣлью ознакомленія его съ Московскими порядками.

Вотъ тѣ мѣста сего драгоцѣннаго документа, которыя касаются непосредственно царскаго двора: «*Конюшенный Приказъ.* Конюшей бываетъ началной бояринъ, а съ нимъ Яселничій да два діака; у нихъ всѣ Государьскіе лошади и наряды. Въ томъ чину конюхи стремянные; повинность ихъ всегды быть съ Государемъ, и какъ гдѣ походъ Государевъ близко или къ мосту, то они всѣ у стремяни Государьского; и они дѣти боярскіе добрые.

«Конюхи стадные, тѣ лошади завѣдаютъ; а какъ Государь похочетъ куды ѣхати, прикажетъ конюшей яселничему, а яселничей прикажетъ стремяннымъ конюхамъ осѣдлати подъ Государя по повелѣнью, и осѣдлавъ, объѣздятъ перво стремянные конюхи, потомъ яселничей самъ, а передъ Царьскимъ сѣденьемъ конюшей; и какъ станетъ Государь на лошадь садиться, конюшего повинность за стремя держати, такъ же какъ и ссадиться станетъ.

«*Казенный дворъ*, гдѣ всякая Государева казна, платье и вѣнцы Царьскіе, суды золотые и серебряные, бархаты, и отласы, и камки золотные, соболи, и лисицы черные, и денги; а надъ ними казначей да два діака; а печатаютъ, кого Государь пришлетъ отъ себя съ малою Царьскою печатью; а печать болшую держитъ, кому Государь пожалуетъ велитъ.

Ловчій приказъ. Ловчей бываетъ изъ дворянъ добрыхъ; у него въ приказѣ всякіе потѣшные, собаки борзые и гончіе и Меделянскіе и волкодавы, и медвѣди и волки, и лисицы, и зайцы; а псарня устроена великая. И у него въ приказѣ охотники изъ добрыхъ дѣтей боярскихъ, потомъ псари конные и пѣшіе, будетъ ихъ всѣхъ до трехъ сотъ человѣкъ; а повинность ихъ: гдѣ Государь поѣдетъ тѣшиться, всѣ при Государѣ, ловчей, и охотники, и конные псари и пѣшіе. Да у него жъ въ приказѣ оступы, гдѣ звѣринцы, лосинные и еленные, и серны, и гдѣ медвѣди и волки, вездѣ то ловчего путь. А какъ Государь тѣшится, ловчей на сворѣ хорты къ Государю подводитъ и держитъ, а иншіе хорты держатъ псари пѣшіе; а устроены у дву собакъ пѣшей псарь; сколко ихъ ни будетъ.

«*Сокольничій приказъ*. Соколничей также изъ добрыхъ дворянъ; въ приказѣ у него кречаты, соколы, ястребы, и у нихъ кречатники, соколники, ястребники; а коли Государь тѣшится кречеты и соколы и ястребы, тогды соколничей подноситъ Государю рукавочку, а потомъ сокола или ястреба поднесетъ къ Государю. *

«*Дворецъ*. На Дворцѣ дворетцкой, да съ нимъ два діака, вѣдаютъ дворцовые села, и хлѣбъ, и всякой дворцовой доходъ, что Государю на обиходъ надобѣтъ на весь годъ, и хлѣбъ стрѣлцомъ и пушкаремъ и всякимъ оброчникомъ. А во дворцѣ роздѣлены: дворецъ Хлѣбенной, дворецъ Кормовой, дворецъ Сытной, а у нихъ по ключнику степенному, да по ключнику путному, да по подключнику, а у нихъ сытники, и приспѣшники, и повары.

«Повинность ключникомъ и подключникомъ входить къ Государю съ скатертью и съ кушаніемъ. Дворетцкой, а за нимъ ключникъ, наславъ передъ Государя скатерть, и въ сѣнѣхъ поставятъ дворетцкому столъ, и скатерть, и судки; и ключники приносятъ на тотъ столъ, передъ дворетцкого, всякую ѣству, которую посылаетъ передъ Государя; и сами передъ дворетцкимъ покушаютъ, а послѣ ихъ дворетцкой покушаетъ и даетъ столнику несть предъ государя; и крайчей у стола, принявъ, покушаетъ всякой ѣствы и ставитъ на столъ. А на всякой день, изъ-за стола, посылаетъ Государь всѣмъ думнымъ людемъ отъ себя на подворье по одному блюду; то розбирая, посылаетъ крайчей. А чашникъ какъ поднесетъ пить Государю, самъ отольетъ въ ковшъ и выпьетъ, потомъ поднесетъ къ Государю.

---

* Въ грамотѣ царя Бориса 1601 года (Акты Истор. II № 20) въ сокольничемъ пути упомянуты также *трубники* и *сурначеи*.

«Столники маютъ повинность передъ Государя за столъ ѣству носить; а Крайчей, стоя у стола, у нихъ ѣству принимаетъ и передъ Государя ставитъ. Чашникъ пить подноситъ. Стряпчіе съ стряпнею ходятъ: куды Государь пойдетъ, посохъ принимаютъ, а иншой шапочку, а иншой полотенечко, а иншой стулъ, на чемъ Государь садится; а какъ Государь розбирается и убирается, повинны они съ Постелничимъ платейцо у Государя пріимать и подавать. А къ ночи всѣ столники, и стряпчіе, и жилцы сберутся, и ночуютъ всѣ у Государя въ полатахъ; а на всякую ночь стерегутъ, на постелномъ крылцѣ, по столнику да по стряпчему, да по пяти человѣкъ жилцовъ. А на дворцѣ, и въ день и въ ночь, безотступно, стерегутъ сотникъ да съ нимъ сто человѣкъ стрѣлцовъ. А на Дворѣ Государевѣ столниковъ, и стряпчихъ, и жилцовъ дозираетъ и росказываетъ Постелничей; а имяна ихъ, и куды кого послать, тѣмъ владѣетъ Розрядъ.»

Рис. 260. Стрѣлецкій офицеръ
[Дневникъ Эрика Пальмквистъ. 1674.]

Рис. 261. Стрѣлецъ
[Дневникъ Эрика Пальмквистъ. 1674.]

Рис. 262. Стрѣлецкій офицеръ
[Дневникъ Эрика Пальмквистъ.]

Рис. 263. Стрѣлецъ
[Дневникъ Эрика Пальмквистъ.]

Охрана. Объ охранѣ особы Государя и покоевъ дворца Флетчеръ даетъ болѣе опредѣленныя данныя: «Въ комнатахъ царскихъ, говоритъ онъ, и при его особѣ находятся двѣсти человѣкъ (называемые *жильцами-стряпчими*), всѣ дѣти дворянъ. Постоянныхъ тѣлохранителей его составляютъ 2.000 стрѣльцовъ, стоящіе день и ночь съ заряженными ружьями, зажженными фитилями и другими нужными снарядами. Они не входятъ во дворецъ и сторожатъ на дворѣ, гдѣ живетъ царь.

«Въ ночное время подлѣ царской спальни находится главный постельничій (Chamberlaine) съ однимъ или двумя другими, наиболѣе приближеными къ царю. Въ смежной съ его комнатѣ помѣщаются еще шестеро другихъ лицъ, извѣстныхъ своею вѣрностію и преданностію. Въ третьей комнатѣ ложатся нѣсколько молодыхъ дворянъ изъ числа означенныхъ выше двухъ сотъ, называемыхъ *жильцами-стряпчими*, которые чередуются по сорока человѣкъ каждую ночь. Кромѣ этихъ, есть еще нѣсколько молодыхъ людей, называемыхъ *истопниками* и находящихся на стражѣ у каждыхъ воротъ и каждой двери во дворцѣ.

«Стрѣльцы, коихъ числомъ 2.000 (какъ было сказано выше), сторожатъ дворецъ царскій или опочивальню по двѣсти пятидесяти человѣкъ въ ночь; другіе двѣсти пятьдесятъ человѣкъ караулятъ на дворѣ и около казначейства.»

Объ образѣ жизни и прохожденіи придворной службы бояръ и прочихъ членовъ Государевой Думы даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія Маржеретъ. «Дворяне, говоритъ онъ, т. е. такіе люди, коимъ дается отъ казны жалованье и помѣстья, наблюдаютъ слѣдующій образъ жизни: встаютъ лѣтомъ обыкновенно при восхожденіи солнца и отправляются во дворецъ, (разумѣется, живущіе въ Москвѣ), гдѣ присутствуютъ въ Думѣ отъ перваго часа до шести часовъ дня; потомъ идутъ съ Государемъ въ церковь, гдѣ онъ слушаетъ литургію отъ 7 до 8 часовъ (т. е. съ 11 до полудня). По выходѣ Государя изъ церкви, возвращаются домой обѣдать; послѣ обѣда отдыхаютъ и спятъ часа два или три. Въ 11 часовъ, по звону колокола, снова посѣщаютъ Дворецъ, гдѣ проводятъ около 2 или 3 часовъ вечера; потомъ удаляются, ужинаютъ и ложатся спать. Сіи господа не любятъ ходить: лѣтомъ ѣздятъ верхомъ, а зимою въ саняхъ, и никогда пѣшкомъ не прогуливаются.* Сидячая жизнь производитъ въ нихъ непомѣрную тучность, которою они впрочемъ гордятся: ибо человѣка съ огромнымъ брюхомъ народъ наиболѣе уважаетъ, называя его дородный человѣкъ. Дворяне одѣваются обыкновенно весьма просто, исключая праздничныхъ дней, торжественныхъ Царскихъ выходовъ, или пріема пословъ иноземныхъ.»

Рис. 264. Бояринъ въ опашнѣ и шапкѣ столбунцѣ.

[Съ заглавнаго листа сочиненія Олеарія.]

Дополненіемъ къ этому разсказу можетъ служить слѣдующее сообщеніе Исаака Массы о Борисѣ Годуновѣ, когда тотъ былъ еще бояриномъ:

«Борисъ былъ не высокаго роста, дороденъ, лице имѣлъ круглое, бороду и волоса на головѣ— посѣдѣвшіе. Онъ ходилъ съ трудомъ по причинѣ подагры, отъ которой часто страдалъ. Эта болѣзнь обыкновенно бываетъ у московскихъ бояръ, которые много стоятъ и ходятъ, ибо они постоянно должны находиться при Дворѣ и тамъ цѣлые дни стоятъ около царя, не отдыхая иногда въ теченіи 3 или 4 дней. Такую тяжелую жизнь ведутъ московскіе бояре. Чѣмъ выше они поставлены, тѣмъ менѣе имѣютъ покоя и тѣмъ болѣе живутъ въ страхѣ и стѣсненіи. Впрочемъ они не перестаютъ стремиться къ возвышенію.»

* Когда бояринъ ѣхалъ верхомъ, у арчака его сѣдла висѣлъ маленькій набатъ (около фута въ поперечникѣ), въ который онъ ударялъ рукояткой плети, чтобы встрѣчные сторонились съ дороги.

Рис. 265. Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ.

[Изъ Архангельскаго Собора. Императорскій Историческій Музей.]

Образъ жизни царя Ѳеодора Іоанновича.

Что касается самого царя, послѣдняго отпрыска Московскихъ Государей Рюрикова Дома, то онъ, властвуя неограниченно надъ столь великимъ множествомъ людей, обитая въ палатахъ, изукрашенныхъ всякими рѣдчайшими драгоцѣнностями, велъ среди неимовѣрнаго изобилія и баснословной роскоши, однообразную, можно сказать, иноческую жизнь,—жизнь, всю проникнутую дѣлами благочестія и помыслами объ иной жизни въ царствіи не сего міра съ его величіемъ и ничтожествомъ.

Вотъ какъ описываетъ повседневное время препровожденіе Ѳеодора Іоанновича Флетчеръ (1588 г.):

«Домашняя жизнь царя, сколько она извѣстна, состоитъ въ слѣдующемъ: Обыкновенно встаетъ онъ около четырехъ часовъ утра. Когда одѣнется и умоется, къ нему приходитъ его *отецъ духовный*, или придворный священникъ съ крестомъ, которымъ благословляетъ его, прикасаясь сперва ко лбу, потомъ къ ланитамъ царя, и даетъ ему поцѣловать конецъ креста. Затѣмъ такъ называемый *крестовый дьякъ* вноситъ въ ком-

Рис. 266. Разсольникъ серебряный.
Работы мастера Ганса Ауфдербурга ~~1698~~ года. 1598
Вѣсу 1 фунтъ 24 золотника, вышина 7 вершковъ. †1615
[Московская Оружейная Палата, № 1312.]

нату живописную икону съ изображеніемъ Святаго, празднуемаго въ тотъ день, ибо каждый день у нихъ имѣетъ своего Святого, какъ бы своего патрона. Образъ этотъ онъ ставитъ къ прочимъ образамъ, которыми установлена вся комната, сколько можно помѣстить на стѣнѣ, съ горящими передъ ними лампадами и восковыми свѣчами. Образа богато и пышно украшены жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Когда поставятъ образа на мѣсто, царь начинаетъ креститься по русскому обычаю, осѣняя сперва голову, потомъ обѣ стороны груди и произнося: *«Господи помилуй, помилуй мя, Господи, сохрани меня грѣшнаго отъ злаго дѣйствія.»* Съ этими словами онъ обращается къ образу, или къ Святому того дня, котораго поминаетъ въ молитвѣ, вмѣстѣ съ Богородицею (называемою у нихъ *Пречистою*), Св. Николаемъ, или другимъ Святымъ, въ котораго болѣе вѣруетъ, падая предъ нимъ на землю и ударяя объ нее головою. Такой молитвѣ царь посвящаетъ четверть часа или около того.

Рис. 267. Кубокъ серебряный.
Работы 1585 года.
Вѣсу 1 фунтъ 37 золотниковъ, выш. 4¼ верш.
[Московская Оружейная Палата, № 1011.]

«Затѣмъ входитъ опять духовникъ или придворный священникъ съ серебряною чашею, наполненною святою водою и кропиломъ св. Василія (какъ они его называютъ), которымъ окропляетъ сперва образа, потомъ царя. Святую воду приносятъ каждый день свѣжую изъ дальнихъ и ближнихъ монастырей, такъ что присылаетъ ее царю игуменъ отъ имени того Святаго, въ честь котораго построенъ монастырь, въ знакъ особеннаго благоволенія его къ царю.

Рис. 268. Кубокъ изъ кокосоваго орѣха, работа города Эмдена 1600 г., выш. 6 вершк. [Московская Оружейная Палата, № 2719.]

«Окончивъ этотъ религіозный обрядъ, царь посылаетъ къ царицѣ спросить, хорошо ли она почивала и проч., и чрезъ нѣсколько времени самъ идетъ здороваться съ нею въ средней комнатѣ, находящейся между ея и его покоями. Царица почиваетъ особо и не имѣетъ ни общей комнаты, ни общаго стола съ царемъ, исключая какъ въ заговѣнье или наканунѣ постовъ, когда обыкновенно раздѣляетъ съ нимъ и ложе и столъ. Послѣ утренняго свиданія идутъ они вмѣстѣ въ свою домовую церковь или часовню, гдѣ читается или поется утренняя служба, называемая заутренею, которая продолжается около часу.

Возвратясь изъ церкви домой, царь садится въ большой комнатѣ, въ которой для свиданія съ нимъ и на поклонъ являются тѣ изъ бояръ, которые въ милости при дворѣ. Здѣсь царь и бояре, если имѣютъ что сказать, передаютъ это другъ другу. Такъ бываетъ всякій день, если только здоровье царя или другой случай не заставятъ его измѣнить принятому обыкновенію.

«Около девяти часовъ утра идетъ онъ въ другую церковь въ Кремлѣ, гдѣ священники съ пѣвчими отправляютъ полное богослуженіе, называемое обѣднею, которая продолжается два часа и въ это время царь обыкновенно разговариваетъ съ членами Думы своей, съ боярами или военачальниками, которые о чемъ-либо ему докладываютъ, или же самъ отдаетъ имъ свои приказанія.

Бояре также разсуждаютъ между собою, какъ будто бы они находились въ Думѣ. По окончаніи обѣдни царь возвращается домой и отдыхаетъ до самаго обѣда.»

---

* Въ большіе праздники, когда литургію служилъ митрополитъ, царь посылалъ ему подарокъ. Такъ «Декабря въ 25 день, у государя царя и великаго князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи, на празникъ, на Рождество Христово, Деонисей митрополитъ всеа Русіи ѣлъ и, послѣ стола, государь царь и великій князь Деонисья митрополита дарилъ, дано ему государева жалованья десять аршинъ камки венедицкой багровой, цѣна по десяти алтынъ аршинъ, итого шесть рублевъ; да явленъ ему кубокъ, орѣхъ индѣйской окованъ серебромъ, и за кубокъ даны изъ Болшого Приходу девять рублевъ денегъ. А рѣчь была: «а—су преосвященный Деонисей митрополитъ всеа Русіи, государь царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи велѣлъ тебѣ говорить: «сегодня еси у празника у Рожества Христова, служилъ литоргѣю Божію и о нашемъ здравьѣ, и о нашей царицѣ и великой княгинѣ Иринѣ Бога и Пречистую Его Матерь и великихъ чюдотворцовъ молилъ, и о всѣхъ православныхъ хрестьянѣхъ и государь царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи даритъ тебя. А рѣчь говорилъ и дары являлъ казначей Деменша Ивановичь Черемисиновъ.»—(Дополненія къ Актамъ Историческимъ I, 189 1584—1585 годовъ. Расходная книга объ отпускѣ изъ Казеннаго двора вещей, по царскимъ указамъ. *Книги, а въ нихъ писанъ расходъ казенный.*)

Примѣчательно, что тотъ же кубокъ, окованный серебромъ индѣйскій орѣхъ, явленъ и замѣненъ деньгами, какъ это значится въ указанномъ документѣ, нѣсколько разъ въ теченіи какого-нибудь полугода, а именно 25 декабря, 25 марта, на Великой день и 9 іюня. Изъ дополненій къ Дворцовымъ разрядамъ (собраннымъ Ив. Забѣлинымъ) видно, что и въ XVII вѣкѣ каждый разъ, какъ служилъ для царскихъ требъ патріархъ, въ числѣ другихъ вознагражденій ему постоянно подавался кубокъ—тоже окованный серебромъ индѣйскій орѣхъ, который неукоснительно брался обратно и замѣнялся деньгами въ размѣрѣ 9-ти рублей.

Государевъ столъ. Роспись кушаній.

«За обѣдомъ, говоритъ Флетчеръ, прислуживаютъ царю слѣдующимъ образомъ:

«Во-первыхъ, каждое блюдо (какъ только оно отпускается къ накладчику) долженъ прежде отвѣдывать поваръ въ присутствіи главнаго дворецкаго или его помощника.

«Потомъ принимаютъ его дворяне-слуги (называемые *жильцами*) и несутъ къ царскому столу, при чемъ идетъ впереди ихъ главный дворецкій или его помощникъ. Здѣсь кушанье принимаетъ *крайчій*, который каждое блюдо даетъ отвѣдывать особому для того чиновнику, а потомъ ставитъ его передъ царемъ. Число блюдъ, подаваемыхъ за обыкновеннымъ столомъ у царя, бываетъ около семидесяти.»*

Рис. 269. Солонка серебряная, работы 1594 года.

Вѣсу 3 фун., выш. съ крышей 9¼ вершк., шир. 3¼ вершк.

[Московская Оружейная Палата, № 1491.]

* «Роспись царскимъ кушаньямъ» (1610—1613 г.) (Акты Ист. II, 426—438) переименовываетъ всѣ блюда, которые полагалось подавать къ царскому столу въ разное время года—въ праздники, будніи дни, въ мясоѣдъ, мясопустъ и посты (съ пропускомъ поста Оспожинокъ, т. е. Успенскаго и Великаго).

Вотъ что, напримѣръ, подавалось Государю на столъ.

Въ Оспожинскій мясоѣдъ: «перепеча, а въ ней 6 лопатокъ муки крупичатые, 30 яицъ. Хлѣбецъ, а въ немъ 6 лопатокъ муки крупичатые. Колачь болшой, а въ немъ 6 лопатокъ муки крупичатые. Колачикъ братцкой, а въ немъ лопатка муки толченые. Хлѣбецъ ржаной, а въ немъ лопатка муки ржаные ситные. Ѣствы: 2 лебеди, а къ лебедемъ наскрыли. 2 перепечи, а въ нихъ 6 лопатокъ муки крупичатые, 40 яицъ, да во взваръ 2 ковша бастру. Отъ 2 лебедей потрохъ, а на лебеди вовзваръ и въ потрохи лебяжьи 30 золотникъ шафрану, да въ потрохи жъ 12 частей говядины. 2 груди бораньи съ шафраномъ, а въ нихъ 4 бораны да 30 золотникъ шафрану.»

Далѣе слѣдуютъ кушанія съ такимъ же обозначеніемъ количества и качества муки, яицъ и разныхъ припасовъ, которые употреблены на ихъ приготовленіе; а также и способъ приготовленія (разсольное, верченое, шестное). А именно: куры (куря нарожное, куря рафленое), середка свиная, разныя части говядины, баранины (почки, печень, грудинка, плечо и т. д.); заяцъ, рубцы, колбасы, желудокъ съ лукомъ и проч. Разные ухи и шти курячьи и съ ветчиною. Пироги подовые и пряженные (съ сахаромъ, съ сиропомъ, съ мясомъ разнымъ). Короваи, оладьи, налитки, сырники, караси съ мясомъ, котломы, кундумы, кисель, сыръ, горшечникъ.

Всего 73 разныхъ блюдъ.

Въ Филипповъ постъ: хлѣбцы, колачи. Рыбаея разныя части (спина, звѣно, схабъ и проч.) и разнаго приготовленія (паровая, тѣльная); сельди переяславскіе, лососина корѣльская, стерлядь, сигъ, лодога, сыртъ, щука, осетрина. Разныя ухи—мневая (налимья), съ телѣсы, лещевая, съ молоки, карасевая, снитковая. Пироги подовые съ разной рыбой, визигой, горохомъ, пшеномъ и проч. Курбы въ тѣстѣ, караси съ рыбою, вѣкошникъ (блюдо) ягодъ, оладьи.

Всего 57 разныхъ блюдъ.

Рис. 270. Кубокъ серебряный, вѣсу 1 ф. 94 зол., выш. 7½ верш. [Московская Оружейная Палата, № 1141.]

Рис. 271. Кубокъ серебряный. Работы Томаса Штоера 1597 г. Вѣсу 42 зол., выш. 4½ верш. [Московская Оружейная Палата, № 1146.]

«Но приготовляютъ ихъ довольно грубо, съ большимъ количествомъ чесноку и соли, подобно тому, какъ въ Голландіи. Въ праздникъ или при угощеніи какого-либо посланника приготовляютъ гораздо болѣе блюдъ (см. стр. 152). За столомъ подаютъ вмѣстѣ по два блюда и никогда болѣе трехъ, дабы царь могъ кушать ихъ горячіе—сперва печенья, потомъ жареное, наконецъ похлебки. Въ столовой есть еще другой столъ, за коимъ сидятъ нѣкоторыя изъ знатнѣйшихъ лицъ, находящихся при дворѣ, и духовникъ царскій или капеланъ. По одну сторону комнаты стоитъ столъ съ прекрасною и богатою посудою и большимъ мѣднымъ чаномъ, наполненымъ льдомъ и снѣгомъ, въ коихъ поставлены кубки, подаваемые къ столу. Чашу, изъ которой пьетъ самъ царь, въ продолженіи всего обѣда, держитъ особый чиновникъ (taster) и подноситъ ее царю съ привѣтствіемъ всякій разъ, какъ онъ ее потребуетъ. Когда поставятъ кушанье на столъ, то, обыкновенно, раскладываютъ его на нѣсколько блюдъ, которыя потомъ отсылаетъ царь къ тѣмъ дворянамъ и чиновникамъ, кому онъ самъ заблагоразсудитъ. Это почитается великимъ благоволеніемъ и честью.

Рис. 272. Чаша серебряная, внутри бѣлая.* [Московская Оружейная Палата, № 1809].

«Послѣ обѣда царь ложится отдыхать и, обыкновенно, почиваетъ три часа, если только не проводитъ одинъ изъ нихъ въ банѣ или на кулачномъ бою. Спать послѣ обѣда есть обыкновеніе общее какъ царю, такъ и всѣмъ Русскимъ. Послѣ отдыха идетъ онъ къ вечернѣ и, возвратясь оттуда, большею частью проводитъ время съ царицею до ужина. Тутъ увеселяютъ его шуты и карлы мужескаго и женскаго пола, которые кувыркаются передъ нимъ и поютъ пѣсни по-русски, и это самая любимая его забава между обѣдомъ и ужиномъ.»

* Снаружи по золоченому вѣнцу, въ четырехъ клеймахъ, вычеканена надпись: «Чарка Василія Матвѣевича Дорроканова, пити изъ нея на здоровіе.» Между ними и по тулову мелкотравчатый орнаментъ. Снаружи дна вырѣзано: «Чарка конюшева болярина Дмитрея Ивановича Годунова, далъ къ дому живоначальной Троицы выпацкой монастырь.» Внутри ея еще надпись: «отдати Матьдею Михайловичу Годунову».

Шуты, скоромохи и всякіе смѣхотворцы, (глумотворцы) такъ называемые *веселые люди*, вмѣстѣ съ бахарями (сказочниками) и разными игрецами—гусельниками, домрачеями и проч., составляли въ древней Руси, какъ въ наше время книга, театръ и концерты, необходимую потребность.

Въ Государевомъ дворцѣ они были обычными спутниками досуга и отдохновенія, сподручнымъ средствомъ развлеченія и неизсякаемымъ источникомъ потѣхи и веселья. Шутовъ и бахарей весьма любилъ царь Іоаннъ Васильевичъ. Временами, удрученный тягостными впечатлѣніями и думами, онъ не могъ засыпать иначе, какъ подъ ихъ разсказы и пѣсни.

Во дворцѣ уже въ XVI вѣкѣ была особая «*потѣшная палата*» (первообразъ «комидійной полаты» XVII вѣка и позднѣйшаго театра), гдѣ сосредоточивались орудія *скоморошнаго дѣла*—шутовскія и акробатическія принадлежности, музыкальные инструменты и разныя игры (шахматы, шашки, тавлеи, саки, бирки) и производилась всякая *смѣхотворная хитрость*.

«Другая особенная потѣха есть бой съ дикими медвѣдями, которыхъ ловятъ въ ямахъ и тенетами и держатъ въ желѣзныхъ клѣткахъ, пока царь не пожелаетъ видѣть это зрѣлище. Чтобы пользоваться этимъ удовольствіемъ, царь содержитъ нѣсколько ловчихъ, опредѣленныхъ для ловли дикихъ медвѣдей. Травлею царь забавляется, обыкновенно, по праздникамъ.

«Иногда проводитъ онъ время разсматривая работу своихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ и ювелировъ,* портныхъ, швей, живописцевъ и т. п., а потомъ идетъ ужинать. Когда приходитъ время спать, священникъ читаетъ нѣсколько молитвъ, и царь молится и крестится какъ и по утру, около четверти часа, послѣ чего ложится.»

* Зрѣлище медвѣжьяго, какъ и пѣтущьяго боя было общепринятымъ развлеченіемъ въ древней Руси. Иногда противъ дикаго медвѣдя выпускали другого, ручного. Такъ, 20 февраля 1585 года нѣкто Ѳедоръ Пучокъ Молвениковъ привелъ для потѣхи Государю «медвѣдя съ хлѣбомъ да солью въ саадакѣ», т. е. вооруженнаго лукомъ и стрѣлами, и «спущалъ» его съ дикимъ медвѣдемъ. Зрѣлище такъ понравилось царю, что Молвениковъ былъ щедро награжденъ. Ему дано: камка добрая въ 5 руб., зуфь костоманская въ 3 руб., сукно доброе въ 2 руб., да человѣкъ его получилъ суконце въ 4 гривны. Обыкновенная же награда за бой съ медвѣдемъ, если изъѣлъ или ободралъ бойца, была въ то время—сукно доброе въ 2 рубля. (Доп. къ Акт. Ист. I. № 131).

Кромѣ медвѣжьяго боя устраивались бои и съ другими звѣрями. Такъ, въ имянины Государыни было дано сукно доброе въ 2 рубля охотнику Глазову—«тѣшился государь медвѣдями, волками и лисицами, и медвѣдь Глазова ободралъ.»

Бои происходили въ обнесенномъ стѣною кругу, который устраивался обыкновенно въ Крѣмлѣ на *дворцѣ*, т. е. на одномъ изъ заднихъ дворовъ, гдѣ нибудь подъ горою или около конюшенъ. Въ XVII вѣкѣ такія потѣхи давались на Цареборисовомъ дворѣ, близъ палатъ патріарха, и кромѣ того внѣ Кремля, на *Жаренномъ дворѣ*, находившемся на мѣстѣ кулачныхъ боевъ, на старомъ Ваганковѣ (гдѣ теперь Румянцовскій музей) и на новомъ Ваганковѣ, на *Трехъ Горахъ* (нынѣшнее Ваганьково кладбище). Кромѣ медвѣдей для царской *потѣхи* употреблялись и львы (съ конца XVI вѣка), а также слоны (въ XVII вѣкѣ).

Рис. 273. Кубокъ серебряный.
Работы мастера Евстафія Гохмана 1587 года. Вѣсу 3 ф. 24 зол., выш. 10¼ верш.
[Московская Оружейная Палата, № 1156.]

* При царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ у насъ были свои весьма искуссные золотыхъ дѣлъ мастера. Кромѣ того, въ Кремлѣ, неподалеку отъ дворца, близъ Успенскаго Собора, была устроена шелковая и парчевая фабрика, которая выдѣлывала драгоцѣнную матерію, подъ руководствомъ нарочито для того выписаннаго итальянскаго мастера Марко Чинопи.

Рис. 274. Кафтанъ XVI в. венеціанскаго атласа, стеганый по хлопчатой бумагѣ.

Рис. 275. Кафтанъ XVI в. суконный изъ индо-персидской матеріи.

[Московская Оружейная Палата, № 136 и № 3671].

Древне-русская одежда.

Для правильнаго представленія Московскаго царскаго двора, со стороны его внѣшняго вида, необходимо имѣть понятіе о древней русской одеждѣ.

Описаніе одеждъ, употреблявшихся въ Россіи въ до-Петровское время, представляетъ весьма большую трудность. Въ памятникахъ, въ которыхъ встрѣчаются ихъ изображенія (въ лицевыхъ сборникахъ, сочиненіяхъ иностранцевъ, иконахъ, парсунахъ и проч.), не указаны ихъ названія, а находящіяся въ другихъ источникахъ (кроильныхъ книгахъ, описяхъ имущества и проч.) описанія ихъ не настолько точны, чтобы по нимъ можно было безошибочно подыскать соотвѣтствующее изображеніе. Къ тому же, названій одеждъ осталось множество и неизвѣстно, означаютъ ли онѣ одѣянія разнаго покроя или одна и та же одежда называлась разно и посколько та же самая одежда мѣняла съ теченіемъ времени свой покрой и названіе. Вслѣдствіе указанной неясности и отрывочности источниковъ нижеслѣдующій очеркъ древне-русскихъ одеждъ можетъ дать лишь приблизительно вѣрныя свѣдѣнія. Краткость же его обусловливается относительнымъ значеніемъ самого предмета къ главному содержанію этой книги.

Древне-русскія одежды по своему назначенію дѣлились на нѣсколько разрядовъ, а именно: платье становое (городское), ѣздовое (дорожное), запасное (взятое на случай), столовое (при столѣ), смирное (траурное), панихидное (при поминкахъ), чистое (новое, малоношенное), вседневное (комнатное, ходильное, хоромное), причастное, брачное, военное и проч.

Вотъ названія одеждъ съ краткимъ ихъ описаніемъ, поясненіями ихъ происхожденія и указаніями способа ихъ употребленія.

Одежды. Мужскія: *Сорочка* (рубашка) — изъ полотна, шелка, миткаля, бязи и другихъ легкихъ матерій; отдѣлывалась иногда богато шитьемъ съ золотомъ и жемчугомъ; выпускалась сверхъ портовъ и подвязывалась поясомъ. *Чехолъ*—родъ сорочки безъ отдѣлки. *Порты*—изъ полотна и шелка; подвязывались гашникомъ. *Штаны, нагавки*—изъ камки и сукна; надѣвались на порты. *Зипунъ, зипунецъ* (татарское зубунъ)—коротк͡ій кафтанъ; надѣвался поверхъ сорочки; иногда съ стоячимъ воротникомъ (ожерельемъ) изъ бархата, атласа, низаннымъ жемчугомъ. *Сарафанъ* (персидское сарапай)—въ одеждѣ царя замѣнялъ иногда зипунъ. *Кафтанъ, кафтанецъ*—надѣвались на ферезь или на зипунъ; по покрою различались на турскіе и становые (въ талію); по назначенію были—столовые, ѣздовые, дождевые, смирные, причастные; были исподними и верхними; верхніе надѣвались иногда на исподніе. *Кабатъ* (греческое καβάδιον)—въ XVII вѣкѣ царская одежда, вродѣ саккоса. *Тегиляй* (монгольское тэгэлэй)—родъ стёганнаго кафтана съ короткими рукавами, высокимъ и стоячимъ воротникомъ. *Ферезь, ферезецъ* (латинское forensia)—обыкновенно надѣвались на зипунъ и кафтанъ; были холодныя и теплыя; комнатныя и ѣздовыя *(ферезья)*. *Тѣлогрѣя* мужская. *Доломанъ, долматика*—длинная одежда, убранная пуговицами, шнурами, узорами и разводами. *Юпа*—родъ теплаго кафтана. *Куртa*—короткій кафтанъ. *Бешметъ. Чекмень. Сукня, сукманъ*—суконный кафтанъ. *Шеболтасъ. Чуфай. Кожухъ*—кафтанъ подбитый мѣхомъ; съ нашивками кружливомъ и жемчугомъ; надѣвался на зипунъ. *Гуня* (γοῦνα, gunna)—широкая верхняя одежда съ круглымъ башлыкомъ. *Азямъ*—родъ широкополаго армяка съ узкими рукавами, безъ пуговицъ, носился съ кушакомъ. *Дылья. Кожанъ*—родъ охабня изъ кожи. *Терликъ*—платье съ короткими рукавами, вродѣ узкаго ѣздового кафтана и чуги, съ перехватомъ; бывалъ и парадной золотной одеждою на мѣху для придворныхъ среднихъ чиновъ, напр. для рындъ при стояніи у трона. *Чюга*—ѣздовое, походное платье, подпоясывалось поясомъ и кушакомъ. *Платно*—богатое одѣяніе съ ожерельемъ вродѣ опашня, подбитое горностаемъ; въ XVII вѣкѣ получило значеніе царской порфиры. *Однорядка*—опашень безъ подкладки (въ одинъ рядъ); всегда суконная; нарядныя отдѣлывались кружевомъ, золоченою строкою и нашивкою. *Ферезья*—ѣздовая теплая ферезь, безъ рукавовъ; въ XVII вѣкѣ на царскихъ выходахъ иногда надѣвалась сверхъ ферези. *Армякъ*—родъ кафтана изъ армячины (верблюжьей шерсти). *Кобенякъ. Котуля*—родъ тулупа. *Сермяга*—родъ чапана, суконнаго кафтана, съ прямыми короткими рукавами. *Опашень*—покрой въ родѣ платна, но съ болѣе длинными рукавами. *Охабень*—вродѣ однорядки съ длиннымъ четвероугольнымъ отложнымъ воротникомъ. *Шуба*—столовая, нагольная, санная или ѣздовая, становая, чистая и русская; русская надѣвалась только на свадьбѣ, причемъ ея полы закидывались назадъ за плечи. *Бугай*—родъ шубы. *Корзно*—княжеская парадная одежда. *Коцъ, кочь*—парадная княжеская одежда, вѣроятно, замѣнившая корзно. *Котыга. Емурлукъ* (турецкое aikmurlug)—суконная накидка отъ дождя. *Скутъ*—вѣроятно то же, что и корзно. *Луда* (хорватское luda)—покровъ. *Свита*—широкая, долгая, запашная одежда безъ перехвата. *Приволока*—укороченное корзно. *Епанча, епанечка, епанчица* (греческое Ἐπωμίς)—широкій плащъ, въ подолѣ 1 аршинъ. *Вотола. Фофудья* (еврейское Ephod). *Ментеня* (греческое Μαντήλιον)—родъ епанчи. *Мятль.*

Женскія: *Сорочка* бѣлая, нижняя. *Надраги*—остегна, панталоны. *Сорочка* верхняя—соотвѣтствовала нашему домашнему платью, съ длинными рукавами (до 1¾ аршинъ), собиравшимися въ складки; носилась съ поясомъ. *Тѣлогрѣя* холодная и теплая—длинное распашное платье, застегивающееся спереди, съ проймами подъ рукавами, въ которыя продѣвали руки; рукава всегда оставались висящими или связывались на спинѣ. Шилась изъ камки, атласа, объяри, тафты, зуфи; окаймлялась кружевомъ. *Шуба, шубка* накладная (надѣваемая черезъ голову) или столовая—шилась какъ сорочка, безъ разрѣза на полы; этимъ разнилась отъ тѣлогрѣи; шилась изъ дорогой ткани; богато украшалась; носилась съ ожерельемъ и въ быту царицы получила значеніе платна, царской порфиры. *Лѣтникъ*—одежда накладная, безъ разрѣза на полы, съ накапками вмѣсто рукавовъ; украшалась вошвами и передцами. *Распашница*—лѣтникъ разрѣзанный спереди. *Душегрѣя*—короткая одежда, сборчатая, большею частью безъ рукавовъ. *Опашница*—короткая мантія изъ золотной матеріи. *Приволока*—лѣтняя опашница. *Опашень* или *охабень*—верхнее лѣтнее платье изъ червчатаго сукна или шелковой золотной матеріи; съ парчевымъ ожерельемъ. *Кортель*—одежда зимняя, мѣховая; соболья, бѣлая, горностайная, кунья, иногда нагольная; покрывалась шелковою тканью; украшалась всегда вошвами и подольникомъ. *Торлопъ*—разновидность кортели.

Наголовья. Мужскія: *Тафья, скуфья*—шапочка, прилегающая къ макушкѣ головы. *Колпакъ*—высокая съуживающаяся шапка съ узкимъ мѣховымъ отворотомъ, имѣющимъ прорѣху спереди. Украшался пуговицами и запонами, иногда съ драгоцѣнными каменьями. *Клобукъ* (турецкое калабакъ)—колпакъ съ мѣховымъ околомъ. *Кучма*—шапка съ мѣховымъ верхомъ и исподомъ. *Наурузъ*—наголовье съ полями, наугольникомъ, прорѣхами, пуговицами и кистями. *Столбунецъ*—высокая мѣховая шапка. *Треухъ*—шапка съ тремя лопастями; дѣлалась изъ дорогихъ тканей и украшалась кружевомъ и драгоцѣнными камнями. *Мурмолка*—высокая шапка съ плоскою тульею, съ мѣховыми лопастями; украшалась запонами съ жемчугомъ или бѣлымъ перомъ (страусовымъ). *Шляпа*—бывала изъ бархата съ шелковой подкладкой;

съ обручикомъ, пряжкою. *Шапка*—дѣлалась изъ шерстяныхъ, скарлатная—изъ шелковыхъ матерій; были шапки зимнія и лѣтнія, съ мѣховыми околами и заворотами, горлатныя (мѣхъ горла), черевьи (мѣхъ съ черева); въ царскомъ быту горлатныя и бархатныя шапки дѣлились на наряды: 1)—шапка большая, 2)— шапка другая, 3)—шапка третья.

Женскія: *Каптуръ*—теплая шапка вродѣ камилавки (капоръ). *Треухъ*—иного покроя, чѣмъ мужской. *Шляпа. Шапка. Столбунецъ. Кика*—уборъ, состоявшій изъ *цки* и *чела* кичнаго, украшалась *поднизью* и *рясами*. *Коруна*—принадлежность достоинства царицы. *Убрусъ*—платокъ, головная повязка изъ тонкаго полотенца. *Подъубрусникъ*—родъ повойника, шапочки. *Подзатыльникъ*—небольшой платъ, закрывающій затылокъ. *Волосникъ*—родъ чепца, головной сѣтки изъ волоченаго или пряденаго золота или серебра, съ *ошивкою* и *очельемъ*.

Обувь. *Чулки. Онучи. Сапоги. Башмаки. Чеботы*—башмаки съ загнутыми кверху острыми носками, изъ сафьяна, бархата и атласа; бывали съ вышивкой и украшеніями изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ каменьевъ. *Ичетыги*—сафьяные мягкіе сапоги безъ каблуковъ. *Черевики*.

Принадлежности одѣянія и его части. *Поясъ. Опояска. Гашникъ*—поясъ для штановъ. *Татауръ*—ременный поясъ съ металлическимъ наконечникомъ. *Кушакъ. Тесьма. Ширинка*—платокъ носовой; роскошно вышивался шелками, серебромъ и золотомъ, иногда жемчугомъ; бывалъ «накищенъ» (обшитъ по краямъ золотыми кистями). *Рукавъ*—муфта женская и мужская. *Рукавки. Рукавицы. Опястье*—часть рукава у запястья. *Запястье, зарукавье*—рукавная обшивка; низалось по атласу и бархату жемчугомъ и украшалось запонами съ драгоцѣнными камнями. *Оплечье, передцы, нарамки*—наплечное украшеніе, мѣховое или изъ матеріи, низанное жемчугомъ. *Ожерелье, діадима*—воротникъ стоячій или отложной; пристегивалось къ сорочкѣ, ферези и другимъ одеждамъ и украшалось богато шитьемъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Въ царскомъ быту ожерелья раздѣлялись на 4 наряда: 1-го наряду ожерелье было изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней (съ 1660 года алмазное). *Обнизь*—ожерелье, украшенное жемчугомъ. *Бармы*—царское ожерелье. *Козырь*—воротникъ. *Накапка*—рукавъ сшитый отъ плеча до локтя, а далѣе разрѣзанный снизу и спускающійся косяками. *Вошва*—вшивавшійся въ женскія одежды лоскутъ изъ дорогой матеріи съ вышивкой и украшеніями, иногда съ драгоцѣнными камнями. *Передцы*—косыя вошвы на груди и воротѣ (напримѣръ у лѣтника). *Кишень*—карманъ. *Зепь*—внутренній карманъ. *Калита*—наружный карманъ. *Петлицы. Лопатки. Наплечки*—часть отложного ожерелья, прикрывающая плечи. *Пуговицы. Кляпышки*—костыльки для застегиванія, вмѣсто пуговицъ. *Поднарядъ*—подкладка. *Подольникъ*—обшивка на подолѣ. *Запушье*—обшивка. *Круживо. Поднизь*—жемчужная бахрома у женскихъ головныхъ уборовъ. *Челка кичная*—передняя часть кики. *Цка* кичная—околъ, огибавшій голову широкой лентой и соединенный на затылкѣ. *Кругъ. Наузольникъ*—бляха на поясѣ для прикрѣпленія помочей. *Плащъ*—родъ бляхи. *Аламъ* (татарское alam—значекъ)—а) бляха, образецъ; б) пристяжное ожерелье, украшенное образцами, жемчугомъ, драгоцѣнными камнями, съ лопастями впереди, на плечахъ и сзади. *Кузулукъ*—украшеніе у пояса. *Капторга*—металлическое украшеніе у пояса. *Пряжка. Наконечникъ. Крюкъ. Клеймо. Запоны*—а) металлическія застежки, замѣняющія пуговицы, б) золотыя и серебряныя съ драгоцѣнными камнями бляхи для украшенія. *Образцы*—украшенія на одеждахъ, круглыя или продолговатыя; фигуры круженвыя, кованныя, литыя, расшитыя, саженныя жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. *Рясы*—плетешки изъ жемчужныхъ зеренъ съ серебряными пронизками и драгоцѣнными камнями; привѣшивались въ видѣ бахромы къ женскимъ головнымъ уборамъ. *Переперы*—рѣшетки; украшались иногда жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. *Столбецъ*—шнуръ. *Обручикъ*—шнуръ у шапки. *Канитель. Кисти. Ворворка*—шарикъ у кисти. *Галуны. Наушки*—лопасти у шапокъ. *Ошивка или шамшура*—часть волосника по его вѣнцу или околу; украшалась золотомъ и драгоцѣнными камнями. Къ ней присоединялись *паворозы*—снурокъ или кайма со сборками, идущая перекрестно по темени волосника и кругомъ по его околу, гдѣ служила для стягиванія всего головного убора.

Матерія, изъ которой дѣлалось платье, за исключеніемъ простыхъ суконъ и полотна, привозная изъ разныхъ странъ Европы и Азіи (кизильбашская, индійская, турская, венедитцкая, бурская, англійская и т. д. *Шелковая*: камка (куфтерь, соломанка, адамашка, кармазинъ)—ткань разныхъ цвѣтовъ съ узорами; атласъ, ѳараузъ, бархатъ, зуфь, зендень. *Золотная:* парча, зарфарбъ, алтабасъ, аксамитъ, объярь, дараги, байберекъ. *Шерстяная*: армячина (изъ верблюжьей шерсти); сукна—скорлатъ (écarlate), настрафиль, стамедь, утрофимъ, еренга, колтырь, багрецъ, порпіянъ и проч. *Шелковая съ бумагой*: кутня, пестредь. *Бумажная*: киндякъ, шида или шита (ситецъ)—индійская набивная ткань, бязь. *Льняная:* полотно, мели.

Рис. 276. Ѣздовая ферезѣя, опушенная мѣхомъ.
Портретъ царя Михаила Ѳеодоровича.

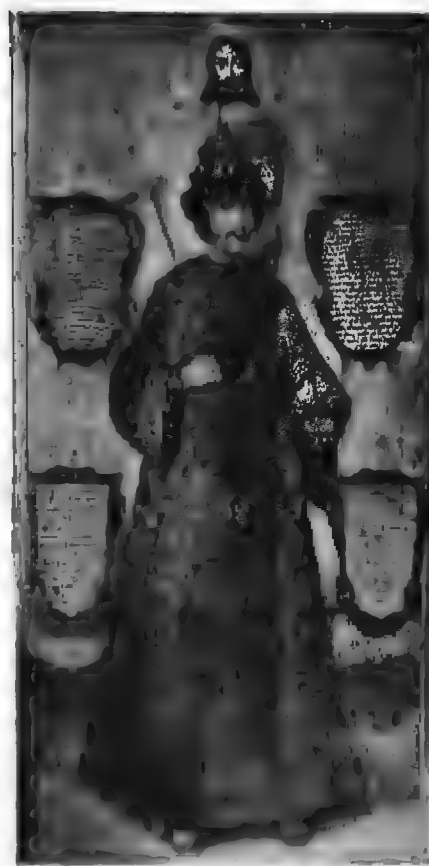

Рис. 277. Царское платно, съ ожерельемъ.
Портретъ царя Ѳеодора Алексѣевича.

[Императорскій Московскій Историческій Музей.]

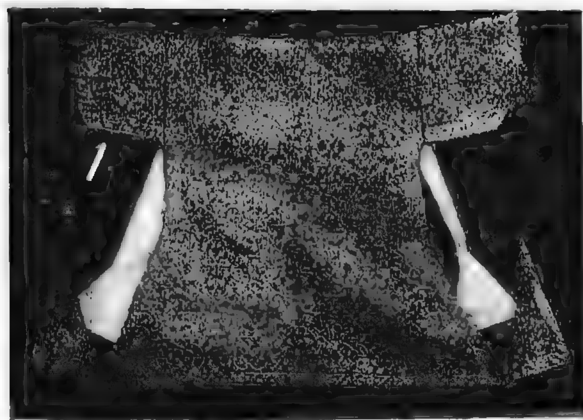

Рис. 278. Кабатъ царя Алексѣя Михайловича.
[Московская Оружейная Палата, № 141.]

Рис. 279. Княжеская парадная одежда.
Гравюра XVI вѣка.
[Осада Вендена.]

Рис. 280. Царскій сапогъ.

Рис. 281. Вышитая перчатка.

[Древности Государства Россійскаго. Отд. IV.]

Историческія замѣчанія. Нѣтъ сомнѣнія, что древне-русская одежда, по крайней мѣрѣ парадная, выходная, была заимствована отъ болѣе богатыхъ и развитыхъ сосѣдей, а наиболѣе дорогія ткани для нея привозились изъ разныхъ странъ востока и запада. Такъ, корзно, въ которомъ изображены русскіе князья на древнихъ иконахъ, одинаково съ плащемъ императора Оттона III (985—991) на современномъ ему окладѣ Евангелія и съ плащемъ Рудольфа Швабскаго (1080 г.) на бронзовой статуѣ въ соборѣ г. Мерзебурга. Тожественъ и самый способъ его носить съ запоной у праваго плеча, съ перекинутой лѣвой полой на согнутую руку. Въ XV вѣкѣ французскій король Карлъ VII носилъ такую же шубу съ откидными рукавами, какъ и Московскій великій князь Иванъ III. Ожерелье, носимое Московскими царями во время большихъ выходовъ, совершенно той же формы, какое надѣвалъ въ подобныхъ же случаяхъ Альбрехтъ III Бранденбургскій (см. Hefner. Trachten des cristlichen Mittelalters) и король французскій Людовикъ XV (см P. Lacroix—XVIII Siècle).

Рис. 282. Корзно и долматика.
[Съ иконы XIII вѣка.]

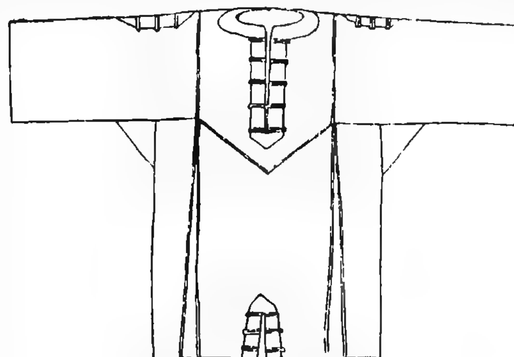

Рис. 283. Древняя русская сорочка
[Московскій Румянцевскій музей.]

Даже такая характерная часть древне-русской одежды, какъ накапка—употреблялась повсемѣстно на западѣ уже въ XV-мъ вѣкѣ.

На иноземное происхожденіе древне-русскихъ одеждъ указываютъ и названія нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Въ древней Руси способъ одѣваться, покрой одежды и названія ея не были столь устойчивы, какъ другія стороны русскаго быта.

Лишь самая малая часть одеждъ XI—XIII вѣковъ сохранилась до XVII вѣка, именно—сорочка, кожухъ, мятль, епанча и шуба.

Извѣстія объ остальныхъ одеждахъ XVI и XVII вѣковъ не восходятъ раньше второй половины XIV вѣка.

Въ русскихъ памятникахъ письменности за время отъ 1346 по 1490 г. упоминаются слѣдующія одежды: съ 1377 г.—охабень, сарафанъ мужской; съ 1380 г.—приволока; съ 1382 г.—онучи; съ 1412 г.—терликъ; съ 1428 г.—кабатъ (нѣмчина); съ 1469 г.—однорядка, сермяга; съ 1490 г.—платно.

Остальныя одежды—кафтанъ, зипунъ, ферезь, чехолъ, чуга, армякъ, тегиляй, дылѣя, азямъ, вошли въ употребленіе въ продолженіе XVI вѣка и перешли (за исключеніемъ чехла и азяма) въ XVII вѣкъ.

Исключительно къ XVII вѣку относятся: кабатъ царскій, емурлукъ, сарафанъ царскій, кобенякъ, кожанъ, ферезѣя.

Рис. 284. Кафтанъ.
[Съ стариннаго портрета Бориса Годунова, хранящагося у А. Н. Оленина.]

Рис. 285. Опашень съ козыремъ и запонами.
[Съ портрета князя Прозоровскаго.]

Рис. 286. Кобенякъ.
Съ современной малороссійской одежды.

Въ самомъ концѣ XVII вѣка появляются: бешметъ, чекмень, чуфай, сукня, шеболтасъ.

Со времени двоецарствія наступаетъ господство кафтановъ (верхнихъ, нижнихъ, дождевыхъ, однорядошныхъ, шубныхъ и др.), которые почти совершенно вытѣсняютъ всѣ остальныя соотвѣтствующія кафтану одежды.

Способъ ношенія. Въ концѣ XV и началѣ XVI вѣковъ носили длинныя одежды съ рукавами, не достигавшими подола. Затѣмъ начали одѣвать сверхъ длинной одежды другую, верхнюю,

Рис. 287. Плащъ. Рубашка съ поясомъ. Шапка съ околомъ.*

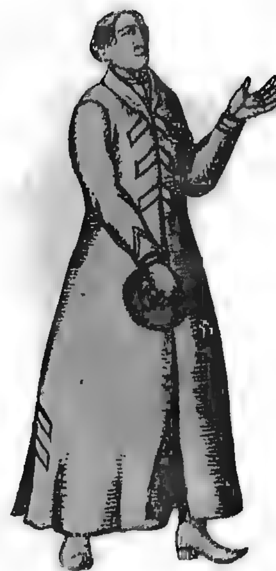

Рис. 288. Однорядка и шапка. **

болѣе короткую, что для XVI вѣка можетъ служить отличительнымъ признакомъ. Напримѣръ, въ посольствѣ Сугорскаго (рис. 189) послы изображены въ кафтанахъ, болѣе длинныхъ, чѣмъ надѣтыя на нихъ ферези.

Въ XVII вѣкѣ наоборотъ, верхнія одежды стали дѣлаться гораздо длиннѣе нижнихъ, а рукава верхнихъ одеждъ достигали подола.

И въ XVI и въ XVII вѣкахъ въ ношеніи верхней одежды было характерно то, что руки продѣвались не въ рукава, а въ проймы, сдѣланныя подъ ними, такъ что сами рукава болтались сбоку или завязывались позади, на спинѣ.

Вообще же въ древней Руси въ теченіи всего времени до XVIII вѣка былъ принятъ восточный способъ ношенія одеждъ, одной на другую.

О томъ, какъ одѣвались въ концѣ XV вѣка бояре и боярыни, мы имѣемъ свидѣтельство Флетчера:

«На голову, говоритъ онъ, бояре надѣваютъ т а ф ь ю, или небольшую ночную шапочку, которая закрываетъ немного поболѣе маковки и обыкновенно богато вышита шелкомъ и золотомъ и украшена жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Волосы на головѣ стригутъ плотно до самой кожи, кромѣ того, когда кто бываетъ въ опалѣ у Царя. Тогда отращиваетъ онъ волосы до плечъ, закрывая ими лицо, какъ можно уродливѣе и безобразнѣе. Сверхъ т а ф ь и носятъ большую шапку изъ мѣха чернобурой лисицы (почитаемаго за лучшій мѣхъ) съ т і а р о ю или длинною тульею, которая возвышается изъ мѣховой опушки на подобіе п е р с и д с к о й или в а в и л о н с к о й шапки. На шею (всегда голую) надѣвается ожерелье изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней, шириною въ три, четыре пальца. Сверхъ рубахи (изукрашенной шитьемъ, потому что лѣтомъ они дома носятъ ее одну) надѣвается з и п у н ъ или легкая шелковая одежда, длиною до колѣнъ, которая застегивается спереди, и потомъ к а ф т а н ъ или узкое застегнутое платье, съ п е р с и д с к и м ъ кушакомъ, на которомъ вѣшаютъ ножи и ложку. Кафтаны шьются, обыкновенно, изъ золотой парчи и спускаются до самыхъ лодыжекъ. Сверхъ кафтана надѣваютъ распашное платье изъ дорогой шелковой матеріи, подбитое мѣхомъ и обшитое золотымъ галуномъ: оно называется ф е р е з ь ю. Другая верхняя одежда изъ камлота или подобной матеріи есть о х а б е н ь, весьма длинный, съ рукавами и воротникомъ, украшеннымъ каменьями и жемчугомъ. При выходѣ изъ дому набрасывается сверхъ всей этой одежды (которая очень легка, хотя состоитъ изъ нѣсколькихъ платьевъ) такъ называемая о д н о р я д к а, похожая на о̀хабень, съ тою разницею, что шьется безъ воротника; она бываетъ, обыкновенно, изъ тонкаго сукна или камлота. Сапоги, которые носятъ вмѣсто исподняго платья, съ заправленными въ нихъ о н у ч к а м и (вмѣсто носковъ), дѣлаются изъ п е р с и д с к о й кожи, называемой с а ф ь я н ъ, и вышиваются жемчугомъ. Нижнее платье обыкновенно изъ золотой парчи. Со двора они всегда выѣзжаютъ верхомъ, хотя бы на самое близкое разстояніе, что соблюдается и б о я р с к и м и дѣтьми или дворянами.

Рис. 289. Опашень. Кафтанъ. Колпакъ съ околомъ ***

Рис. 290. Чуга. ****

Б о я р с к і е дѣти или дворяне одѣваются точно такъ же, употребляя только другую матерію

* По изображенію на шитой иконѣ XVI в., хранящейся въ Императорскомъ Московскомъ Историческомъ Музеѣ.

** Одежда низшихъ придворно-служителей XVII в. [По книгѣ Бракосочетанія царя Михаила Ѳеодоровича.]

*** По рисунку, составленному Е. Пономаревымъ на основаніи описей XVII в.

**** По рисунку, составленному Е. Пономаревымъ, на основаніи описей XVII в.

Рис. 291 Лѣтникъ съ накапками, украшенными вошвами. *

на платья, но кафтанъ или верхнее платье и у нихъ бываетъ иногда изъ золотой парчи; а прочее платье суконное или шелковое.

Рис. 292. Шуба, тѣлогрѣя и (?) шапка. [по рис. Мейерберга.]

Благородныя женщины (называемыя женами боярскими) носятъ на головѣ тафтяную повязку (обыкновенно красную), а сверхъ нея шлыкъ, науруса (abrosa) бѣлаго цвѣта. Сверхъ этого шлыка надѣваютъ шапку (въ видѣ головного убора изъ золотой парчи), называемую шапкою земскою, съ богатою мѣховою опушкою, съ жемчугомъ и каменьями, но съ недавняго времени перестали унизывать шапки жемчугомъ, потому что жены дьяковъ и купеческія стали подражать имъ. Въ ушахъ носятъ серьги въ два дюйма и болѣе, золотыя, съ рубинами, сапфирами или другими драгоцѣнными каменьями. Лѣтомъ часто надѣваютъ покрывала изъ тонкаго бѣлаго полотна или батиста, завязываемое у подбородка, съ двумя длинными висящими кистями. Все покрывало густо унизано дорогимъ жемчугомъ. Когда выѣзжаютъ верхомъ или выходятъ со двора въ дождливую погоду, то надѣваютъ бѣлыя шляпы съ цвѣтными завязками (называемыя шляпами земскими). На шеѣ носятъ ожерелье въ три и четыре пальца шириною, украшенное дорогимъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Верхняя одежда широкая, называемая опашень, обыкновенно красная, съ пышными и полными рукавами, висящими до земли, застегивается спереди большими золотыми или, по крайней мѣрѣ, серебряными вызолоченными пуговицами, величиною почти съ грецкій орѣхъ. Сверху, подъ воротникомъ, къ ней пришитъ еще другой большой широкій воротникъ изъ дорогого мѣха, который виситъ почти до половины спины. Подъ опашнемъ, или верхнею одеждою, носятъ другую, называемую лѣтникомъ, шитую спереди безъ разрѣза, съ большими широкими рукавами, коихъ половина до локтя дѣлается, обыкновенно, изъ золотой парчи, подъ нею же ферязь земскую, которая надѣвается свободно и застегивается до самыхъ ногъ. На рукахъ носятъ весьма красивое запястье, шириною пальца въ два изъ жемчуга и дорогихъ каменьевъ. У всѣхъ на ногахъ сапожки изъ бѣлой, желтой, голубой или другой цвѣтной кожи, вышитые жемчугомъ. Такова парадная одежда знатныхъ женщинъ въ Россіи.

Рис. 293. Тѣлогрѣя и опашница (?), на головѣ треухъ. **

Платье простыхъ дворянскихъ женъ отличается только матеріей, но покрой одинъ и тотъ же.»

Одежды младшихъ чиновъ двора были отличны отъ одеждъ бояръ.

Что касается царской одежды, то, по свидѣтельству Самуила Коллинса (1659 г.), «одежда царя была такая же, какъ и боярская». Разница заключалась не въ покроѣ и способѣ носить, а въ богатствѣ тканей и отдѣлки. Лишь нѣкоторыя одежды, какъ кабатъ и сарафанъ царскіе, опашень, кожухъ, а также платно въ XVII вѣкѣ, какъ и бармы, составляли принадлежность исключительно царскаго одѣянія.

Приведенное описаніе Флетчера даетъ свѣдѣнія самыя краткія и относящіяся лишь ко времени наблюдателя.

Способъ ношенія каждой одежды въ соотвѣтствіи съ другими, одновременно надѣваемыми, мѣнялся съ теченіемъ времени и въ одно и то же время сообразно съ обстоятельствами. Такъ, ферезь въ XVI вѣкѣ была выходной одеждой и надѣвалась

Рис. 294. Шубка золоченая, ожерелье бобровое и жемчужное. ***

* На головѣ убрусъ. Въ рукѣ ширинка [съ рис. Мейерберга].

** По рис. въ книгѣ «Бракосочетаніе царя Михаила Ѳеодоровича».

*** На головѣ убрусъ съ волосникомъ. Въ рукахъ жезлъ и ширинка [съ изобр. Мейерберга царицы Маріи Ильиничны].

Рис. 287—294 исполнены ученикомъ Строгановскаго училища А. Варгинымъ.

Рис. 295.

Рис. 296.

сверхъ кафтановъ, въ XVII вѣкѣ она сдѣлалась второй домашней будничной одеждой и никогда на кафтаны не надѣвалась.

Платно въ XVI вѣкѣ было мужской и женской одеждой, употреблялось обыкновенными людьми и надѣвалось подъ опашень. Въ XVII вѣкѣ оно сдѣлалось параднымъ царскимъ одѣяніемъ и никогда подъ опашень не надѣвалось. Въ XVI вѣкѣ среди царскаго имущества значатся терлики и тегиляи. Въ XVII же вѣкѣ терликъ, тегиляй, какъ азямъ, чехолъ и сермяга совершенно изчезаютъ изъ царскаго обихода.

Способъ ношенія той или другой одежды вызывался иногда не прямымъ назначеніемъ ея — такъ, въ 1597 году въ іюлѣ, во время посольскаго стола нѣкоторые придворные были въ нагольныхъ шубахъ, хотя самъ царь вышелъ въ опашнѣ (Пам. дипл. снош. II, 578). Въ 1604 году, въ іюнѣ, при подобномъ же пріемѣ пословъ царь Борисъ, съ сыномъ были тоже въ шубахъ (Пам. диплом. снош. II, 826).

Рис. 297.

Рис. 298.

Рис. 295—298. Крестьянскіе костюмы и головные уборы XVIII вѣка (тѣлогрѣи, душегрѣи, ожерелья, кики), какъ пережитокъ древнихъ боярскихъ одеждъ.

«L'art rustique en Russie par la princesse Sidamon Erisstoff et m-lle Schabelsky. Numéro Spécial du «Studio» automne 1912.

Одѣяніе царя при выходахъ.

Судя по выходнымъ книгамъ XVII вѣка, царской верхней одеждой съ 1 сентября по конецъ октября или начала ноября была *однорядка;* затѣмъ ее смѣняла *шуба.* Позднѣе 24 марта шубу царь никогда не надѣвалъ и вмѣсто нея до 1 сентября носилъ *опашень.* Подъ всѣми верхними одеждами (шубой, однорядкой и опашнемъ) надѣвался *кафтанъ* или *ферезь,* одѣтые на *зипунъ.* Подъ опашнемъ иногда бывалъ *сарафанъ.*

При большомъ выходѣ (въ нарядѣ Большой казны) на Государѣ было *платно;* подъ нимъ неизмѣнно *кафтанъ, зипунъ и сорочка съ наряднымъ ожерельемъ.* Когда наголовьемъ была *шапка-вѣнецъ,* при ней находилась и *діадима* (бармы), *крестъ на цѣпи, жезлъ или скипетръ и держава.*

При маломъ выходѣ одѣяніе оставалось то же, но наголовьемъ служила шапка горлатная съ колпакомъ, причемъ діадима съ крестомъ и скипетромъ отсутствовали.

При обыкновенныхъ выходахъ, когда царь былъ въ верхней одеждѣ и ферези, поверхъ зипуна съ сорочкою (иногда одна ферезь или одинъ зипунъ) надѣвались *шапки суконныя и бархатныя.*

При выходѣ къ столу царь бывалъ въ шапкѣ черевьей, съ мѣховымъ горлатнымъ околомъ.

Такимъ образомъ степень выхода большого или малаго можно опредѣлить по тому наголовью, которое было надѣто на царѣ.

Вотъ оффиціальныя записи, какъ въ XVII вѣкѣ былъ одѣтъ царь во время выходовъ: 6 января 1654 г.—«А на Государѣ былъ нарядъ Большія казны: *крестъ, діадима* перваго наряду, *шапка Царьская* большая съ лаломъ, на камени крестъ золотъ съ алмазы; *платно,* отласъ червчатъ золотной, аксамичено золотомъ, короткіе рукава, круживо жемчюжное съ каменьемъ, исподъ горностайной; *кафтанъ становой,* отласъ золотной по червчатой земли, исподъ горностайной съ пухомъ, круживо низано жемчюгомъ съ канитѣлью и съ трунцаломъ, въ шахмоты низаны; *жезлъ. Стулъ* зеленой, зголовье низано жемчюгомъ; *подножье* бархатъ червчатъ, исподъ соболей. Да изъ Мастерскія полаты *зипунъ* тафта желта, безъ обнизи; *сорочка* съ ожерельемъ; *тесма* меншая; *рукавъ,* отласъ золотной аксамиченъ золотомъ, исподъ (чорныхъ лисицъ) опушенъ соболемъ; *ичетыги,* отласъ бѣлъ, нашиванъ бархатъ червчати травами, пришито золотомъ; *башмаки* низаны жемчюгомъ. 1 марта 1665 г.—А на Государѣ было платья: *шуба,* камка клинчета серебрена, исподъ соболей; *кафтанъ становой,* камка кизылбаская по серебреной земли съ кованымъ золотнымъ круживомъ; тесма; *зипунъ* тафта бѣла, съ середнею обнизью; *шапка* горлатная съ колпакомъ; *посохъ* индѣйской съ каменьи. 6 января 1675 г.—«А въ Соборѣ подано Великому Государю нарядъ царской: *крестъ, діадима* первого наряду, перевезь золота колчата, *шапка* царская съ лаломъ, *платно* царское, объярь золотная по рудожелтой землѣ травы золоты съ серебромъ, исподъ горностайной; *кафтанъ* царской становой, отласъ виницѣйской по алой землѣ травы шолкъ розныхъ цвѣтовъ съ золотомъ, исподъ песцевой; *ферези* безъ рукавъ, отласъ червчатъ, исподъ пупки собольи; *тесма; зипунъ* тоже; *жезлъ* царской; *ожерелье* пристѣжное третьего наряду; *ичетыги башмаки,* сафьянъ желтъ.»

Въ XVI вѣкѣ, судя по описаніямъ иноземцевъ, царскій нарядъ во время выходовъ былъ таковымъ же.

---

* Все царское платье и наголовья дѣлились на разные наряды, что существовало и въ XVI вѣкѣ, судя по описи имущества Ивана Грознаго [стр. 199].

Приказы. Отдѣльное зданіе 1591 года.

Въ концѣ XVI вѣка можно предположить существованіе почти всѣхъ учрежденій — дворцовыхъ и недворцовыхъ, дѣйствовавшихъ и въ XVII столѣтіи, въ эпоху полнаго расцвѣта стараго до-Петровскаго Московскаго строя*. Производство безчисленнаго количества дѣлъ, устремлявшихся со всѣхъ сторонъ Государства въ Кремль, въ правительственныя центральныя учрежденія не могло уже вмѣщаться въ подклѣтахъ дворца и въ разбросанныхъ близъ него небольшихъ избахъ. Являлась настоятельная потребность въ сооруженіи особаго большого помѣщенія.

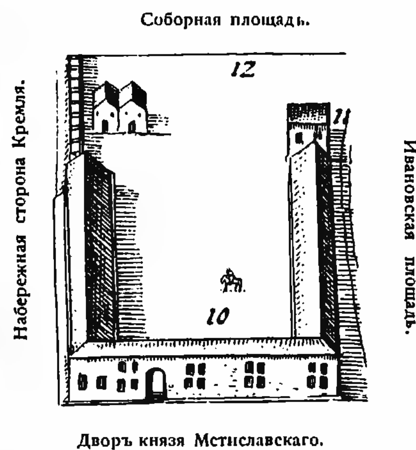

Рис. 299. Приказы, построенные въ 1591 году.

[Съ плана Годунова, см. Книга I, рис. 33.]

Поэтому въ 1591 году было воздвигнуто двухъэтажное зданіе Приказовъ, на томъ же самомъ мѣстѣ, у Архангельскаго Собора и церкви Ивана Святого подъ Колоколы, гдѣ въ 1565 году была построена Посольская палата.

Теперь ее замѣнила новая двухъэтажная постройка Посольскаго приказа, составившая крайнюю часть всего Приказнаго зданія, выведеннаго въ формѣ буквы П.

Это зданіе было шириною въ 6 сажень и длиною со стороны двора боярина Мстиславскаго $29^1/_2$ саж., со стороны Ивановской площади 30 саж., съ набережной стороны или подольной части Кремля 29 саженъ. Ко двору Мстиславскаго съ внутренняго двора Приказовъ, открытаго со стороны Соборной площади, шли проѣздные ворота въ $1^1/_2$ саж. шириною.

Расположеніе палатъ. О расположеніи палатъ въ этомъ зданіи и о распредѣленіи по нимъ отдѣльныхъ Приказовъ для XVI вѣка не имѣется (за исключеніемъ Посольскаго) опредѣленныхъ данныхъ. Но, по всему вѣроятію, оно было таково же, какъ это обозначено на прилагаемомъ планѣ XVII вѣка. (См. рис. 303.). Въ сѣверной части зданія находились: *Посольскій приказъ и Новгородская четь* въ двухъ этажахъ одного помѣщенія, (имѣвшаго по Ивановской площади 7 саж., со стороны Соборной площади $9\frac{1}{4}$ саж. и внутри двора 11 саж.). Рядомъ съ ними—*Разрядный приказъ* (12 саж. длины) въ нижнемъ этажѣ и надъ нимъ—*Малороссійскій приказъ съ Галицкой четью* (6 саж.) и *Рейтарскій приказъ* (6 саж.). Далѣе—въ обоихъ этажахъ *Помѣстный приказъ* (11 саж. × 6 саж.). Восточную часть зданія занимали внизу: къ сѣверу отъ воротъ—*приказъ Казанскаго дворца* (11 саж.), съ юга—*приказъ Большого прихода* (11 саж.), наверху—*«полаты Сибирскіе казны»* (11 и $1\frac{1}{4}$ саж.) и *Сибирскій приказъ* (11 саж.). Въ южной части зданія помѣщались приказы: *Стрѣлецкой* (7 саж.), надъ нимъ *Иноземный* (7 саж.), далѣе—*«Чорная полата Стрелецкаго приказа»* (5 саж.), надъ нею *Челобитный приказъ;* и *«Чорная полата Разбойная»* ($5\frac{1}{4}$ саж.), надъ нею—*Ямской приказъ,* надъ нимъ *Розбойной* (6 саж.) и *Пушкарскій* (6 саж.) приказы. Далѣе слѣдовали отдѣльныя постройки—*«Изба розбойнаго Приказа»* и *Скорняшная палата* съ *Новой четью* наверху.

* Изъ недворцовыхъ Приказовъ въ концѣ XVI вѣка извѣстны слѣдующіе: военные—Стрѣлецкій, Бронный или Оружейный и Пушкарскій; административные: Разрядъ, Помѣстный, Казанскаго дворца, Земскій Дворъ или Московская Управа, Посольскій, Иноземскій, Холопій Судъ; финансовые—Ямской, Большой Приходъ или Государственное Казначейство, Казенный и, наконецъ, Четверти, вѣдавшія сборы податей и налоговъ.

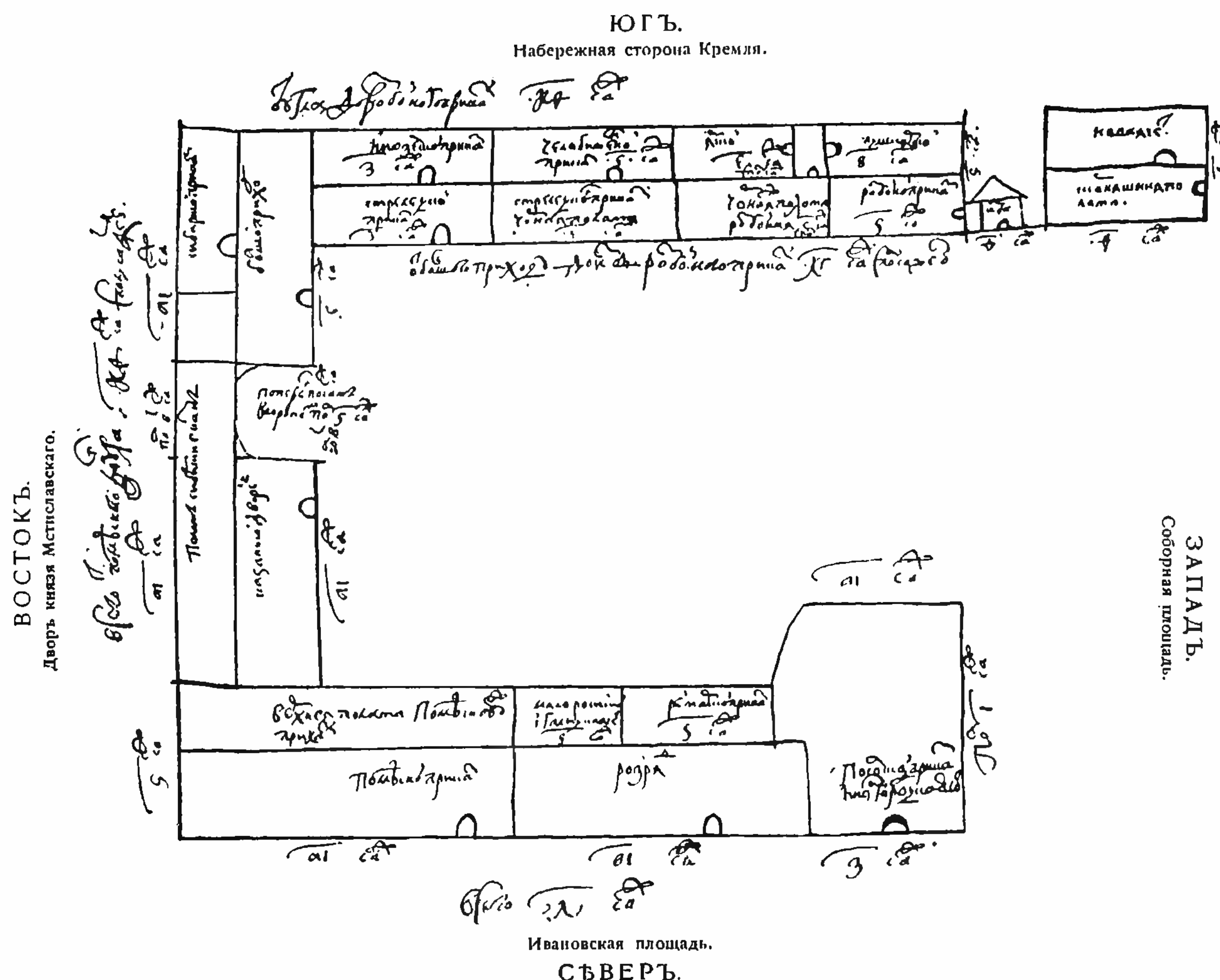

Рис. 300. Зданіе Приказовъ въ Кремлѣ, построенное въ 1591 году.

[Рукописный чертежъ XVII в. изъ дѣлъ Тайнаго Приказа].

Внутреннее убранство приказовъ. Обстановка помѣщеній была самая простая. Досчатые полы, глиняная печь, слюдяныя окна, дверь, обитая для тепла войлокомъ; сосновые столы и скамьи, лубяныя и осиновыя коробья для храненія дѣлъ, мѣдный или глиняный рукомойникъ, привѣшанный у печи; на столахъ сальныя свѣчи въ желѣзныхъ «шенданахъ», чернильницы, гусиныя перья, свитки заморской бумаги, да красное или зеленое сукно на столѣ дьяковъ. Вотъ и вся обстановка мѣста, откуда ворочали дѣлами всего обширнаго Государства, куда сходились нити изъ отдаленнѣйшихъ его частей.

Устройство управленія. Зданіе Приказовъ, отдѣленное отъ помѣщеній Дворца, являлось вещественнымъ выраженіемъ дальнѣйшаго обособленія общегосударственныхъ дѣлъ отъ собственно дворцовыхъ, и потому постройка его можетъ служить какъ бы вѣхой въ исторіи царскаго двора. Но это раздѣленіе не нарушало живой и непосредственной связи Государева дома съ Государствомъ. Царскій дворъ и при этомъ разграниченіи продолжалъ жить общей и неразрывной жизнью со всей страной, будучи связанъ съ нею многими, переплетающимися артеріями и въ лицѣ Государя давая всему движеніе и цѣль.

Все приказное управленіе было устроено въ предположеніи именно личнаго участія въ немъ самого царя. Конечно, при громадномъ количествѣ дѣлъ, Государь не могъ, какъ въ прежнія, удѣльныя времена, лично вникать во всѣ дѣла управленія; до него доходили лишь важнѣйшіе или наиболѣе сомнительные вопросы: «А котораго дѣла зачѣмъ вершить не мочно, и о томъ дѣлѣ, выписавъ, докладывать царя и бояръ.» Такимъ правиломъ руководствовалась приказная практика. Тѣмъ не менѣе и всякое дѣло, по челобитью заинтересованныхъ въ томъ сторонъ, могло дойти до самого Государя и быть имъ рѣшено лично. Такимъ образомъ, душей управленія и главнымъ его вершителемъ оставался именно Государь.

Дѣлопроизводство. Обыкновенно порядокъ дѣлопроизводства въ Приказахъ былъ таковъ: дѣловая отписка приказныхъ людей, полученная

изъ какого либо города, читалась дьяками и судьей «заодинъ», то есть сообща. Если она не требовала отвѣта, на ней ставилась помѣта «чтена, въ столпъ», или «деньги принять, а отписка въ столпъ», что означало—принять къ свѣдѣнію и подклеить въ столбецъ къ полученнымъ ранѣе бумагамъ. Въ другомъ случаѣ дьякъ писалъ къ ней то, что надо было отвѣтить (всегда въ сжатыхъ и ясныхъ выраженіяхъ). Тогда подъячіе составляли, руководствуясь прежними отпусками, т. е. исходящими бумагами, черновую грамоту. Грамота эта, если то требовалось, *чернилась*, т. е. исправлялась дьякомъ; затѣмъ она переписывалась на бѣло. Бѣловикъ свѣрялся съ черновикомъ и получалъ на оборотѣ (грамоты всегда писались на одной сторонѣ бумаги) помѣту: «справилъ подьячій такой-то»; затѣмъ дьяки скрѣпляли его, тоже на оборотѣ по склейкамъ, своими подписями и посылали въ Печатный приказъ, гдѣ къ нему привѣшивалась восковая печать. Такимъ образомъ документъ вступалъ въ силу отправлялся по назначенію.

Таковъ былъ немудреный порядокъ приказнаго дѣлопроизводства, посредствомъ котораго Московскіе Государи держали въ своихъ рукахъ весь починъ, всю власть и управляли сложной и разнообразной жизнью своего обширнаго Государства такъ, что даже ничтожная мелочь, вродѣ небольшой починки городовой стѣны или назначенія на маленькую должность въ далекомъ городкѣ, могла осуществиться не иначе, какъ по предписанію изъ Москвы, то есть изъ подъ самаго Государева ока.

Приказный бытъ. Бытовая сторона приказнаго строя лежитъ на нашей старинѣ темнымъ, почти позорнымъ пятномъ. Произволъ, неправда и крючкотворство свили себѣ неискоренимое гнѣздо подъ кровлями Приказовъ. Мало обезпеченные Государевымъ жалованьемъ, приказные занимались вымогательствомъ съ населенія. Пресловутая «московская волокита» служила тому отличнымъ орудіемъ. Она разоряла «пуще турскихъ и крымскихъ басурмановъ». Жалобы царю отъ нея не спасали. Въ самомъ дѣлѣ, царь принималъ челобитную и передавалъ ее челобитному дьяку. Тотъ ставилъ на ней помѣту царскаго указа и челобитчикъ для исполненія его долженъ былъ вернуться съ своей «подписной» челобитной въ тотъ самый Приказъ, на который жаловался. И тамъ его безбоязненно волочили пуще прежняго. Ибо милостивые царскіе указы, во избѣжаніе ошибокъ, дѣлались большею частію въ условныхъ выраженіяхъ, напримѣръ: «будетъ такъ, какъ бьетъ челомъ— учинить указъ по Государеву указу», или: «будетъ инымъ такимъ давано, ино и ему дать». Подходятъ ли указанныя условія къ просителю, рѣшали его же обидчики. Вторичная челобитная возвращала дѣло все въ тотъ же Приказъ. Получался безысходный кругъ. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ бывали случаи подачи 30—40 челобитныхъ по одному и тому же дѣлу и все безъ толку.

Посему, чтобы подвинуть дѣло, оставалось, бросивъ надежду на свою правоту, искать милости тѣхъ, отъ которыхъ оно непосредственно зависѣло—ходить на поклонъ къ дьякамъ и подъячимъ, задаривать ихъ. Какъ производились такія «ходатайства», живописуетъ слѣдующій наказъ нѣкоего стольника Колонтаева своему слугѣ: «Сходить бы тебѣ къ Петру Ильичу, и если Петръ Ильичъ скажетъ, то идти тебѣ къ дьяку Василію Сычину; пришедши къ дьяку, въ хоромы не входи, прежде развѣдай, веселъ ли дьякъ, и тогда войди, побей челомъ крѣпко и грамотку отдай; приметъ дьякъ грамотку прилежно, то дай ему три рубля, да обѣщай еще, а куръ, пива и ветчины самому дьяку не отдавай, а стряпухѣ. За Прошкинымъ дѣломъ сходи къ подъячему Степкѣ Ремизову, и попроси его, чтобъ сдѣлалъ, а къ Кириллѣ Семенычу не ходи: тотъ проклятый Степка все себѣ въ лапы забралъ; отъ моего имени Степки не проси: я его, подлаго вора, чествовать не хочу; понеси ему три алтына денегъ, рыбы сушеной, да вина, а Степка жаждущая рожа и пьяная.» Подобныя добровольныя даянія не избавляли, конечно, отъ множества оффиціальныхъ поборовъ: всякое соприкосновеніе съ приказными, всякое даже самое мелкое ихъ дѣйствіе подлежало оплатѣ. Даже заключеніе въ тюрьму было обложено пошлиной—колодникъ платилъ «влазное» и «пожелѣзное».* Немудрено, что Приказы были для народа пугаломъ, а приказные заклеймены прозвищами: «чернильная душа», «приказная строка», «крючокъ» и пр.

Несмотря на сказанное, не слѣдуетъ, по мнѣнію знатока вопроса—С. Б. Веселовскаго, преувеличивать недостатковъ приказнаго строя и злоупотребленія его дѣятелей. Отрицательныя стороны приказнаго управленія стали особо ощутительны лишь во второй половинѣ XVII вѣка, когда Приказы умножились. Ибо при этомъ происходило не внутреннее развитіе, а простое нагроможденіе учрежденій. Однако Московское Государство сдѣлало за XVI и XVII столѣтія, когда дѣйствовали Приказы, громадные успѣхи, и нѣтъ основаній утверждать, что вопреки, а не благодаря, приказной системѣ. Во всякомъ случаѣ, въ пользу приказнаго строя говоритъ его долговѣчность, которой нѣтъ ни за «регулярно сочиненными» учрежденіями Петра Великаго, ни за послѣдующими нашими Государственными установленіями.

---

* См. С. Б. Веселовскій. Приказный строй Московскаго Государства, стр. 33.

Государевы служилые люди, назначенные царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ.

Бояре:

Кн. Григорій Андреевичъ Куракинъ, 1584 г., † 1595 г.
Степанъ Васильевичъ Годуновъ, 1584 г., † 1605 г.
Ѳедоръ Васильевичъ Шереметевъ, 1584 г., † 1589 г.
Кн. Дмитрій Ивановичъ Хворостининъ, 1584 г., † 1590 г.
Григорій Васильевичъ Годуновъ, 1584 г., † 1598 г.
Кн. Василій Ивановичъ Шуйской, 1584 г.
Иванъ Васильевичъ Годуновъ, 1584 г., † 1602 г.
Кн. Никита Романовичъ Трубецкой, 1584 г., † 1607 г.
Кн. Андрей Ивановичъ Шуйской, 1584 г., † 1587 г.
Кн. Ѳедоръ Дмитріевичъ Шестуновъ, 1584 г., † 1597 г.
Кн. Андрей Петровичъ Куракинъ, 1584 г., † 1615 г.
Кн. Тимоѳей Романовичъ Трубецкой, 1585 г., † 1603 г.
Кн. Иванъ Васильевичъ Сицкой, 1585 г.
Кн. Ѳедоръ Михайловичъ Троекуровъ, 1586 г., † 1597 г.
Кн. Иванъ Михайловичъ Глинской, 1586 г.
Ѳедоръ Микитичъ Юрьевъ-Захарьинъ, 1587 † 1633 г.
Кн. Ѳедоръ Ивановичъ Хворостининъ, 1589 г., † 1608 г.
Кн. Дмитрій Ивановичъ Шуйской, 1591 г.
Кн. Иванъ Ивановичъ Голицынъ, 1592 г., † 1607 г.
Кн. Борисъ Канбулатовичъ Черкасской, 1592 г.
Кн. Иванъ Михайловичъ Воротынской, 1592 г., † 1627 г.
Кн. Александро Ивановичъ Шуйской, 1596 г., † 1601 г.
Кн. Иванъ Ивановичъ Шуйской, 1596 г.
Кн. Андрей Ивановичъ Голицынъ, † 1603 г.

Окольничіе:

Иванъ Ивановичъ Сабуровъ, 1584 г., † 1591 г.
Кн. Ѳедоръ Ивановичъ Хворостининъ, 1584 г.—1589 г.
Иванъ Большой Петровичъ Головинъ, 1584 г.
Кн. Дмитрій Петровичъ Елецкой, 1584 г., † 1586 г.
Кн. Иванъ Васильевичъ Гагинъ, 1584 г.
Иванъ Михайловичъ Бутурлинъ, 1585 г., † 1604 г.
Кн. Борисъ Петровичъ Засѣкинъ, 1585 г., † 1589 г.
Иванъ Крюкъ Ѳедоровичъ Колычовъ, 1585 г.
Кн. Петръ Семеновичъ Лобановъ-Ростовской, 1587 г., † 1595 г.
Андрей Петровичъ Клешнинъ, 1587 г., † 1600 г.
Никита Ивановичъ Очинъ-Плещеевъ, 1587 г.
Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ, 1590 г.
Семенъ Ѳедоровичъ Сабуровъ, 1591 г.
Кн. Иванъ Самсоновичъ Туренинъ, 1592 г., † 1597 г.
Кн. Андрей Ивановичъ Хворостининъ, 1592 г., † 1604 г.
Яковъ Михайловичъ Годуновъ, 1592 г., † 1607 г.
Дмитрій Ивановичъ Обеняковъ-Вельяминовъ, 1596 г., † 1604 г.

Дворецкій:

Григорій Васильевичъ Годуновъ, 1585 г., † 1598 г.

Конюшій:

Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, 1584 г.—1598 г.

Ясельничій:

Михайло Игнатьевичъ Татищевъ, 1596 г.

Ловчій:

Дмитрій Андреевичъ Замыцкой, 1584 г.

Думные дворяне:

Андрей Петровичъ Клешнинъ, 1585 г.—1587 г.
Ѳедоръ Андреевичъ Писемской, 1587 г., † 1592 г.
Елизарій Левонтьевичъ Ржевской, 1590 г., † 1599 г.

Казначеи:

Иванъ Васильевичъ Траханіотовъ, 1586 г., † 1593 г.
Деменша Ивановичъ Черемисиновъ, 1594 г., † 1599 г.

Крайчій:

Александро Никитичъ Юрьевъ, 1587 г., † 1601 г.

Сокольничій:

Иванъ Алексѣевичъ Жеребцовъ, 1590 г., † 1600 г.

Печатники:

Истома Безобразовъ, 1584 г.
Василій Яковлевичъ Щелкаловъ, 1586 г.—1601 г.
Романъ Васильевичъ Олферьевъ, 1593 г. и 1596 г.

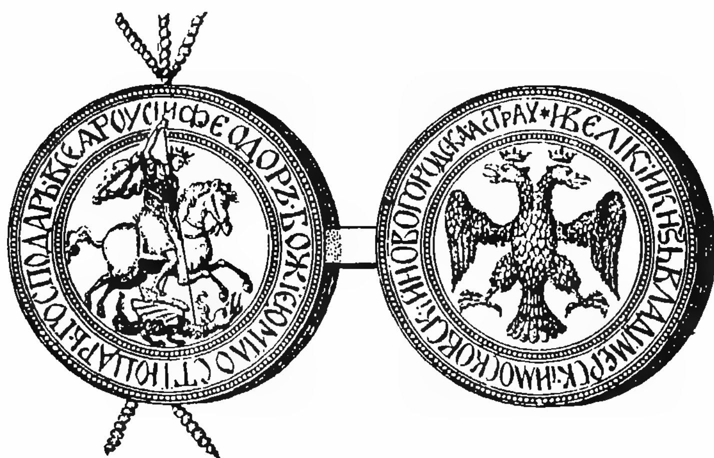

Рис. 301. Печать Государственная малая царя Ѳеодора Іоанновича.

[Привѣшана къ приговорной грамотѣ 1584 года всего духовного чина, о неотбираніи и невыкупѣ монастырскихъ вотчинъ.]

Рис. 302. Царь **Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ.** (1598—1605.)

[Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Титулярникъ].

Царскій дворъ въ Кремлѣ при царѣ Борисѣ Ѳеодоровичѣ Годуновѣ.

Строительство Годунова. При Борисѣ Годуновѣ царскій дворъ достигъ небывалой степени благоустройства и великолѣпія.

Сдѣлавшись царемъ, Годуновъ блескомъ своего царствованія какъ будто намѣревался затмить всѣхъ своихъ предшественниковъ—съ такимъ рвеніемъ заботился онъ объ украшеніи своей столицы, о возвеличеніи ея новыми постройками.* Даже бѣдствія народныя были имъ использованы въ этомъ направленіи.

Такъ, во время сильнѣйшаго голода (1601 г.), «чтобы людемъ питатися», онъ повелѣлъ «дѣлать каменное дѣло многое». Тогда и были сооружены существующій нынѣ Ивановскій столпъ (Иванъ Великій) и Запасный дворецъ (сломанный въ 1770 году передъ

* По свидѣтельству архіепископа Елассонскаго Арсенія, Годуновъ возобновилъ и украсилъ многія церкви и монастыри, храмъ Богородицы и Патріархію покрылъ желѣзною крышей, построилъ большой мостъ со многими каморами (лавками) черезъ Неглинную у Воскресенскихъ воротъ, воздвигъ большой храмъ Николая Чудотворца на Арбатѣ, возобновилъ и украсилъ Новодѣвичій монастырь близъ Москвы и «совершилъ многочисленныя другія прекрасныя дѣла и украшенія».

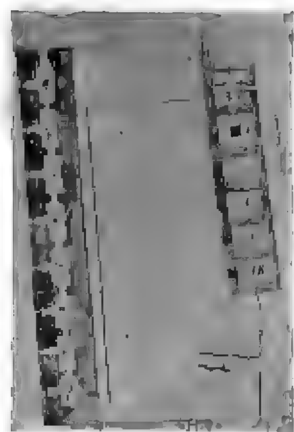
закладкой неосуществленнаго громаднаго Екатерининскаго дворца). Запасный дворецъ былъ построенъ на мѣстѣ двора сыновей Грознаго и представлялъ собою двухъэтажное каменное зданіе съ подвалами, длиною по южному фасаду въ 52 сажени. Такимъ образомъ, онъ былъ всего на 4 сажени короче существующаго нынѣ Большого Кремлевскаго Дворца и являлся въ тѣ времена самой большой постройкой въ Россіи.

На рис. 307 Годуновскій Запасной дворецъ имѣетъ форму глаголя. Къ главному южному фасаду, крытому общей двускатной кровлей, съ сѣвера примкнуты палаты (по всей вѣроятности деревянныя) съ отдѣльными покрытіями, среди которыхъ видны два осьмигранныхъ шатра. На рис. 303 вмѣсто крыши—садъ, огороженный стѣною съ пролетами, что было устроено уже въ XVII вѣкѣ.

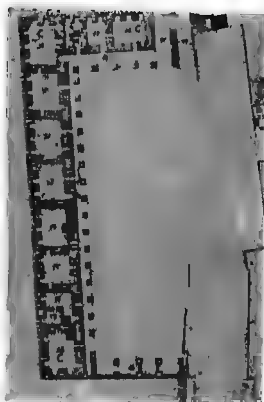

Рис. 303. Запасной дворецъ въ Кремлѣ,
построенный царемъ Борисомъ Ѳеодоровичемъ Годуновымъ въ 1601 году.

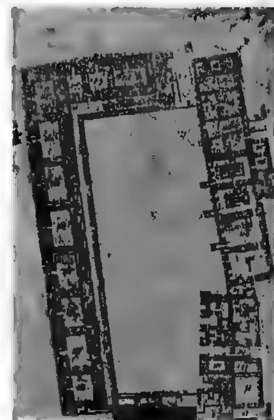
[Съ гравюры Пикара, сдѣланной до 1715 года.]

1 этажъ.

2 этажъ.

3 этажъ.

Рис. 304, 305, 306. Планы Запасного дворца.

[Съ плановъ Кремлевскаго дворца, составленныхъ архитекторомъ К. Бланкомъ въ 1753 году].

[Моск. Отд. Общаго Архива Императорскаго Двора.]

По близости отъ этого громаднаго сооруженія, предназначеннаго, какъ это видно изъ названія, для хозяйственныхъ надобностей царскаго двора, Годуновъ построилъ для себя, въ какомъ именно году—неизвѣстно, жилыя деревянныя хоромы на каменномъ фундаментѣ.

О постройкѣ этихъ хоромъ нѣтъ прямого указанія. Но что такія хоромы существовали и находились близъ Запасного дворца, явствуетъ изъ извѣстія іезуита А. Лавицкаго объ уничтоженіи ихъ Самозванцемъ (стр. 292), а также изъ разсказа польскихъ пословъ, Оленицкаго и Гонсѣвскаго, объ его убіеніи (стр. 314). Быть можетъ, украшенное вышками трехчастное зданіе, видное на рисункѣ 307 между Конюшеннымъ дворомъ (у Городской стѣны) и корпусомъ, около котораго стоитъ цифра 16, и есть ничто иное, какъ эти жилыя Годуновскія хоромы.

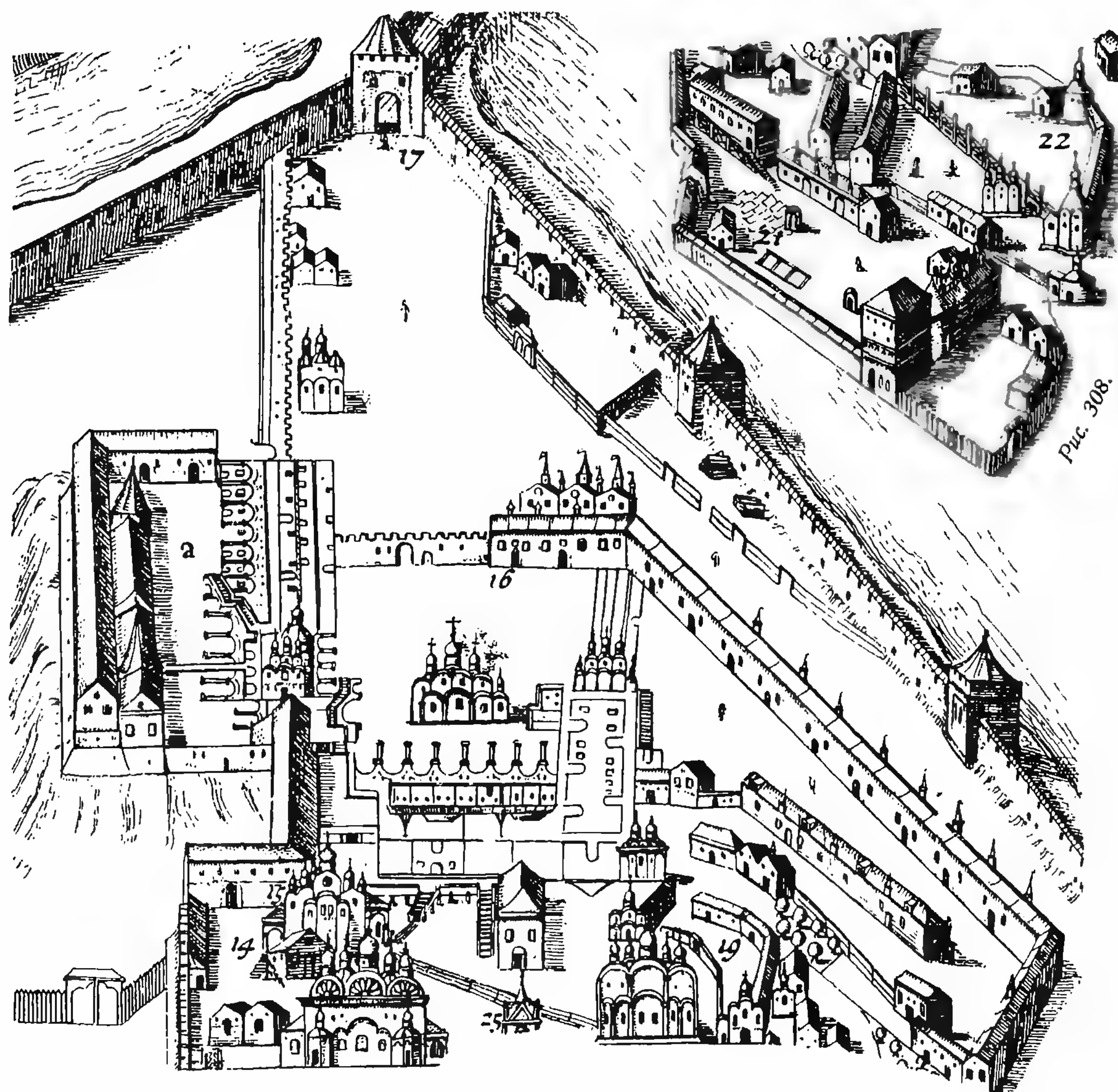

Рис. 307. Царскій дворъ въ Кремлѣ.* *Рис. 308.* Царереборисовъ дворъ въ Кремлѣ.

[Часть плана Годунова 1602 года; книга I, рис. 33].

* На рис. 307 и 308 фасады зданій показаны: одни—какъ они глядятъ со стороны Соборной площади, другіе—съ перпендикулярнаго къ нимъ направленія. Въ Теремахъ у ц. Рождества Богородицы и въ Набережныхъ теремахъ, а также въ Средней Золотой палатѣ изображены лишь очертанія дверей и оконъ обѣихъ сторонъ зданія. Въ Золотой Царицыной палатѣ начертана и крыша.

Казна Московскихъ Государей въ началѣ XVI вѣка.

Драгоцѣнности, накопляемыя изъ году въ годъ нѣсколькими поколѣніями Московскихъ Государей, представляли собою въ началѣ XVII столѣтія несмѣтныя богатства. Маржеретъ, видѣвшій царскую казну въ годъ кончины Годунова, говоритъ о сокровищахъ ея слѣдующее:

«Они содержатъ безчисленное множество драгоцѣнныхъ вещей всякаго рода, но особенно изъ жемчугу, котораго въ Россіи употребляютъ болѣе, чѣмъ во всей остальной Европѣ, вмѣстѣ взятой. Я самъ видѣлъ тамъ (т. е. въ царской казнѣ) по малой мѣрѣ 50 облаченій царскихъ; однихъ края унизаны драгоцѣнными камнями, другія совершенно вышиты жемчугомъ кругомъ на футъ, полфута, или на четыре пальца унизаны имъ. Тутъ же видѣлъ я съ полдюжины покрывалъ, совершенно вышитыхъ жемчугомъ, и много вещей въ томъ же родѣ.... Тамъ же показываютъ еще четыре короны или вѣнца, именно: три царскихъ и тотъ, которымъ нѣкогда вѣнчались великіе князья. Тамъ же (т. е. въ царской казнѣ) видѣлъ я еще два золотыхъ шара. Далѣе видѣлъ я два цѣнныхъ единорожьихъ рога и посохъ, что носятъ цари: онъ во всю длину изъ цѣльнаго куска единорога, но поперечный кусокъ, на что опираются, сдѣланъ изъ другаго куска единорога; видѣлъ половину единорога, отъ коего безпрестанно берутъ на лѣкарство,* другой посохъ изъ золота: онъ, ради тяжести, внутри немного пустъ. Тутъ же хранятся въ огромномъ количествѣ блюда большія и малыя, чаши для питья, а также несмѣтное число серебряной посуды, позолоченной и непозолоченной. О числѣ ея можно составить себѣ понятіе изъ слѣдующаго обстоятельства: очевидцы, присутствовавшіе при сборѣ войскъ у Серпухова, бывшемъ тотчасъ по избраніи Бориса Ѳедоровича въ цари, сказываютъ, что онъ въ теченіи шести недѣль почти ежедневно угощалъ до 10.000 человѣкъ на серебряной посудѣ и подъ шатрами. Видалъ еще я въ казнохранилищѣ полдюжины серебряныхъ бочекъ: ихъ велѣлъ сдѣлать Иванъ Васильевичъ изъ серебряной посуды, захваченной въ Ливоніи; одна изъ этихъ бочекъ будетъ въ полторы тонны, а другія были нѣсколько поменьше; далѣе, большое число огромныхъ и глубокихъ серебряныхъ чашъ съ ручками. Обыкновенно ихъ, числомъ три или четыре, полныя меду, приносятъ на столъ четыре человѣка; съ ними же приносятъ большія серебряныя чашки, чтобъ ими черпать: иначе 200 и 300 человѣкъ прислуги не было бы достаточно подчивать какъ слѣдуетъ гостей за всѣми столами. Вся эта

* Въ описяхъ расходовъ царской казны на содержаніе польскихъ войскъ и утратъ въ 1611 и 1612 г.г. въ росписи № 4 («роспись, что цѣнилъ Николай, единорожцовы два рога при Адамѣ Жолкевскомъ, который пріѣзжалъ отъ Королевскаго Величества къ Москвѣ посломъ») сказано: «единорожцовъ рогъ цѣлой—цѣна 140.000 рублей, а польскими золотыми 465.333 зол. 10 грош. Другой единорожцовъ рогъ не цѣлой, съ обоихъ концовъ утертъ.... А Польскими золотыми 209.000 золотыхъ.» А Адамъ Жолкѣвскій сказалъ, что таковъ «единорожецъ, какъ другой початый, видалъ де я въ иныхъ Государствахъ, а цѣнили де его купцы 200 тысячъ золотыхъ угорскихъ; а такова, каковъ цѣлой, якъ живу, не видалъ ни въ которомъ Государствѣ.» «И всего обѣимъ единорожцамъ, какъ цѣнилъ Николай, 674.333 золотыхъ польскихъ и грош. 10.»

[О сохранности утварей царскаго чина или регалій во время бытности польскихъ и литовскихъ войскъ въ Москвѣ въ 1610—1612 годахъ. А. Вельтмана. Чтенія, г. 1848, кн. 5.]

посуда русской работы, но, кромѣ нея, много серебряной посуды изъ Германіи, Англіи и Польши; она или прислана въ подарокъ иностранными Государями чрезъ своихъ пословъ или куплена за особенно изящную работу....»

Кромѣ упомянутыхъ Маржеретомъ вещей въ царской казнѣ находились, по свидѣтельству архіепископа Елассонскаго Арсенія, сооруженная Борисомъ Годуновымъ «плащаница съ изображеніями Господа Христа съ Божіею Матерью, двѣнадцатью апостолами и Іосифомъ и Никодимомъ, изъ чистаго кованнаго золота тонкой работы. На изображеніе Господа Христа пошло чистаго золота 200 литръ и на каждаго апостола по 200 литръ», а также множество украшенныхъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями серебряныхъ золоченыхъ ковчеговъ для мощей Святыхъ. Объ этихъ ковчегахъ Маскѣвичъ, видѣвшій ихъ, разсказываетъ слѣдующее: «они хранятся въ склепѣ, длиною 5 саженъ, съ окнами въ двухъ противоположныхъ стѣнахъ, и вложены въ шкапы столярной работы, занимающіе три стѣны отъ пола до потолка. Эти ковчеги золотые, длиною поллоктя, съ литерами на концѣ, означающими чьи мощи въ себѣ заключаютъ. Среди склепа идутъ еще два шкапа, отъ пола до потолка, съ подобными же золотыми ящиками по обѣимъ сторонамъ. Такимъ образомъ, ковчеги занимаютъ 7 стѣнъ, нигдѣ не оставляя пустаго мѣста.» Исаакъ Масса передаетъ, что, по приказанію Бориса, ювелиромъ Яковомъ Ганомъ были вылиты также «изъ чистаго золота изваянія 12 Апостоловъ, Іисуса Христа и Архангела Гавріила. Для помѣщенія этихъ изваяній Борисъ намѣревался воздвигнуть большой храмъ во имя Всѣхъ Святыхъ,» для котораго было уже выбрано мѣсто въ Кремлѣ.

Рис. 309. Лохань серебряная.

Работа 1600 года. Вѣсу 4 фунта 58 золотн., длиною 10¾ верш., шириною 8 верш.

[Московская Оружейная Палата, № 1215.]

О богатствѣ Конюшенной казны въ описываемое время можно судить отчасти по свидѣтельству Императорскаго посла, Стефана Какаша (1602 г.). Лошади, на которыхъ были привезены ко двору члены посольства, говоритъ онъ, были богато убраны, «изъ нихъ отличнѣйшая была покрыта попоною краснаго бархата, вышитою золотомъ; вся збруя была сдѣлана изъ золота и унизана драгоцѣнными каменьями.» Объ уборѣ царской лошади, стоимостью въ 300.000 фунтовъ стерлинговъ, уже упомянуто.

Съ воцареніемъ Годунова царская казна увеличилась всѣмъ его имуществомъ, о которомъ Горсей отзывается какъ о «сокровищѣ неимовѣрной стоимости.»

34

«Пожитки» Бориса Ѳеодоровича Годунова.

[Составлено по описи 1588 г. (185 листовъ), хранящейся въ Моск. Отд. Арх. Мин. Императорскаго Двора.]

Платье,

изъ бархата, шелка, съ золотой и серебряной отдѣлкой, низаное жемчугомъ, съ золотыми и серебряными пуговицами и золотыми петлями, круживомъ и пр.

19 ѳерезей.
2 однорядки.
5 шубъ.
8 опашней.
4 ормячка.
19 каѳтановъ.
2 терлика.
14 чюгъ.
104 чюги людскихъ.
97 приволокъ.
1 кучма [шапка] соболья, съ драгоцѣнными камнями.
1 колпакъ саженой съ драгоцѣнными камнями.
12 шапокъ скорлатныхъ, отдѣланныхъ золотомъ и жемчугомъ.
4 наруза скорлатныхъ, отдѣланныхъ золотомъ и жемчугомъ.
2 тегиляя.
157 шапокъ людскихъ песцовыхъ и лисьихъ.
5 таѳей [скуѳья, шапочка].
1 шляпа нѣмецкая, бархатная.
6 кушаковъ шелковыхъ.
5 чеботковъ саѳьяновыхъ.
14 башмачковъ саѳьяновыхъ.
13 ичетышковъ саѳьяновыхъ.
2 чюлокъ суконныхъ.

Мягкая и мелкая рухлядь.

7 ковровъ.
15 полавочниковъ.
8 запонокъ.
Сукно разнаго цвѣта (скорлатъ, луидышъ, порпіянъ, настраѳиль, шебединское, англійское, бурнатное).
шелковая матерія.
мѣха.
пуговицы.
плащи [бляхи].
перья струцовы.
чепочки.
клейна.
серженки.
кляпышки [костыльки].
репейки и проч.

Суды серебряные,

чеканенные травами и фигурами, съ финифтью, черныо и позолотой.

25 кубковъ.
1 суденко.
3 стопы.
1 жбанчикъ.
4 братины.
4 ковша.
3 чарочки.
2 судка.
1 росолникъ.
21 блюдо.
12 ложекъ.
1 солонка.
1 сулея.
2 рукомойника.
2 лохани.

Суды оловянные.

1 миса.
53 блюда.
17 стопъ.
9 стопокъ.
15 кувшиновъ.
8 чарокъ.
7 достокановъ.
2 кружечки.
1 корчяшка.
1 кріулка винная.
2 росолника.

Суды деревянные.

5 ендовъ полуведерныхъ [широкій сосудъ съ носкомъ].
9 ендовъ по ¼ ведра.
8 братинъ троецкихъ.
7 братинъ корельскихъ.
13 достокановъ.
5 ковшей.
79 блюдъ и мисокъ.
6 блюдечекъ.
1 кувшинъ троецкой.
2 кувшинца.
1 чарочка троецкая.

Оружіе и ратный доспѣхъ,

отдѣланное шелкомъ и бархатомъ съ золотой и серебряной рѣзьбой и разными украшеніями.

6 саадаковъ [приборъ съ лукомъ и стрѣлами] бухарскихъ и нахтермянныхъ.
30 саадаковъ людскихъ.
76 стрѣлъ черкасскихъ и крымскихъ, 3 томары [стрѣла съ тупымъ концомъ], 3 кайдалика [стрѣла].
22 лука турскихъ, черкасскихъ, бухарскихъ, единскихъ, крымскихъ и московскій.
15 сабель турскихъ и кизильбашскихъ.
2 брусн [каменная граненая булава — знакъ военачалія].
1 клевецъ [остроконечный молотъ — знакъ военачалія].
1 шестоперъ [родъ булавы].
2 топора турскихъ.
13 ножей турск., бухарск. и литовскихъ.
4 рогатины — англійская, 2 нѣмецкихъ и московская.
2 копья — черкасское и московское.
6 самопаловъ.
1 аркобузъ литовской.
2 самострѣла.
4 щита турскихъ и бухарскихъ.
53 шелома шамохейскихъ, кизильбашскихъ, черкасскихъ, московскихъ, щелканскій и литовскій.
25 шапокъ англійскихъ и нѣмецкихъ.
68 пансырей нѣмецкихъ и московскихъ.
17 зерцалъ московскихъ.
14 юшмаковъ [броня изъ пластинокъ].
16 бехтерцовъ [доспѣхъ изъ пластинокъ и колецъ].
3 латъ литовскихъ и нѣмецкихъ.
2 оплечья.
21 чемоданецъ зерцальный.
4 наручей.
1 бадана [кольчатая рубаха].
1 полубодана.
100 кольчугъ.
2 набата — турской и кадной, расписные красками.
1 литавры.
7 накръ большихъ и малыхъ.
18 трубъ литовскихъ и московскихъ.
2 мистюга.
2 омагили [ѳляжка на цѣпи].
1 чокма [чашка у кисти].
1 порошница.

Конюшенная и возничья рухлядь,

отдѣланная золотомъ и серебромъ, шелкомъ, бархатомъ, сафьяномъ и разными украшеніями.

16 сѣделъ крымскихъ и бухарскихъ.
4 деревца крымскихъ и бухарскихъ.
4 тебеньки [кожа у сѣдла, для ноги].
16 уздъ, паперстей [тесьма узды на груди лошади] и похвей [петли для хвоста лошади] крымскихъ, бурскихъ и литовскихъ.
7 ошеекъ.
3 чепи.
5 наузовъ [шнуръ съ кистями подъ шеею лошади].
5 ухватовъ [уборъ, прикрывавшій узду].
14 морховъ [кисть у переносья лошади].
1 лысинка [бляха на уздѣ].
1 настилка.
5 подпругъ.
2 пуслища [путлище — ремень соединяющій стремена].
11 тулунбасовъ [бубенецъ] бухарскихъ и турскихъ, деревянныхъ, желѣзныхъ и мѣдяныхъ.
2 полсти бурнатныхъ.
16 кутазовъ [кисть на шнурѣ, подъ шеею лошади].
2 попоны катурскіе.
3 барса.
3 епанчи.
1 боранъ.
войлоки
3 терлика.
1 шапка.
1 рукавки.

Прилагаемая таблица «Пожитковъ Годунова» (стр. 266) не даетъ представленія объ его богатствѣ, собранномъ главнымъ образомъ позднѣе составленія этой описи, именно тогда, когда онъ сталъ всевластнымъ правителемъ и обладателемъ громадныхъ доходовъ.*

Въ царствованіе Годунова собраніе царскихъ сокровищъ продолжало постоянно увеличиваться, между прочимъ, также и драгоцѣнными подарками, подносимыми ему послами всѣхъ странъ востока и запада, среди которыхъ, судя по описанію ихъ, были высоко художественныя издѣлія.

Рис. 310. Кубокъ серебряный. **
[Московская Оружейная Палата, № 862].

Въ 1603-мъ году, напримѣръ, посольствомъ города Любека были поднесены царю Борису слѣдующія вещи: большой серебряный и позолоченный орелъ; такіе же точно страусъ, пеликанъ, грифъ, левъ, единорогъ, лошадь, олень и носорогъ. Царевичу Ѳедору—серебряный и позолоченный орелъ; такіе же Фортуна, Венера, павлинъ и лошадь.

Подарки Римскаго Императора, переданные Борису его посломъ, барономъ Генрихомъ фонъ-Логау (1604 г.), состояли изъ слѣдующихъ вещей:

1) 15 драгоцѣнныхъ оружій, выложенныхъ перламутромъ.
2) большой серебряный и вызолоченный кубокъ.
3) четыре тяжелыя золотыя цѣпи.
4) отличной работы кубокъ, «на которомъ была изображена водяная мельница».
5) серебряная позолоченная рука (Arm), на которой находились три кубка и райская птичка.
6) драгоцѣнный письменный столъ изъ слоновой кости, обдѣланный въ золото.
7) три серебряныхъ чаши вышиною болѣе нежели въ 2 локтя, каждую изъ нихъ должны были нести 2 человѣка.
8) съ большимъ искусствомъ сдѣланный и совершенно снаряженный корабль изъ серебра въ 2 локтя длины.
9) серебряный олень, на которомъ сидѣла Діана; на шеѣ у него было драгоцѣнное узорочье и оленьи рога, сдѣланные изъ рѣдкой, всегда зеленой, жимолости. Много регалій, корона, держава и скипетръ, а также крѣпость или зáмокъ, сдѣланный изъ чистаго золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ.

Рис. 311. Кубокъ серебряный. ***
[Московская Оружейная Палата, № 890].

О количествѣ и цѣнности подарковъ, присылаемыхъ Годунову, говорится и въ сказаніи Авраамія Палицына: «Кизильбашскій шахъ велики и многоцѣнны дары присла и мѣсто, мнѣе (меньше) престола царьска, но отъ злата чиста изваянно и драгимъ каменіемъ многимъ многоцѣннымъ украшено; и таково прежнимъ господствующимъ

* По словамъ Флетчера Годуновъ въ эту пору получалъ ежегоднаго дохода: съ своихъ вотчинъ въ Вязьмѣ и въ Дорогобужѣ 6.000 рублей; отъ конюшенныхъ слободъ, луговъ и пчельниковъ Москвы-рѣки (вверхъ на 30 и внизъ на 40 верстъ) 12.000 рублей; пенсіи отъ царя сверхъ жалованія по должности 15.000 рублей; съ уѣзда и города Ваги 32.000 рублей, съ Рязани и Сѣверы 30.000 рублей, съ Твери и Торжка 8.000 рублей, съ Московскихъ бань 1.500 рублей, не говоря уже о помѣстьяхъ и земляхъ, данныхъ ему царемъ. Въ общемъ, на наши деньги, доходъ его достигалъ многихъ милліоновъ.

** По краю золоченаго поддона надпись: Царю челомъ ударилъ бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ рнв генваря ді дня (19 янв. 1648 г.). Работа Фишера 1606 г. Вѣсу 6 фунтовъ, выш. 15½ вершковъ.

*** Вѣсу 5 ф. 67 зол., выш. 1 арш. 2 верш.

Рис. 312. Тронъ царя Бориса Годунова, присланный въ 1603 г. шахомъ Аббасомъ.*

Рис. 313. Сѣдло царя Бориса Годунова (начало XVII в.)**

* [Московская Оружейная Палата, № 410, № 8496.]

въ Россіи не бысть почествованіе оттуду. Отъ Нѣмцевъ же безъ образа къ зрѣнію ихъ смысловъ не мощно представити, каковыми вещми почитаху его.»

Сокровища царя умножались еще и отъ усиленной конфискаціи имущества опальныхъ бояръ. По словамъ Палицына, Борисъ «домы великихъ бояръ, сосланныхъ, вся истощивъ, и пренесе въ царьскія полаты, и древняя царьскія сокровища неправеднымъ хищеніемъ вся оскверни.»

Рис. 314. Братина серебряная. ***

[Московская Оружейная Палата, № 661.]

Роскошь царскаго обихода. Обладая громадными сбереженіями прежнихъ лѣтъ, получая такіе неограниченные доходы, Годуновъ имѣлъ полную возможность, не истощая казны, увеличить пышность придворнаго обихода. При немъ, какъ ни при одномъ изъ его предшественниковъ, Государевъ дворъ былъ преисполненъ истинно царской роскошью. Всѣ проявленія придворной жизни, всѣ движенія царя совершались съ торжественнымъ величіемъ, съ ослѣпляющимъ богатствомъ. Великолѣпно обставлены были не только пріемы иноземныхъ пословъ, но и обычныя, такъ сказать, свои домашнія церемоніи, напримѣръ, повторяющіеся изъ года въ годъ выѣзды въ монастыри на богомолье.

* Обложенъ тонкою золотою басмою и украшенъ драгоцѣнными камнями. Всего красныхъ камней 663, бирюзъ 741, жемчужныхъ зеренъ 303; обитъ внутри аксалитомъ.

** Крытое вишневымъ травчатымъ бархатомъ съ серебряной золоченой оправой, съ рѣзными травами и слѣдами финифти. Луки украшены серебряными литыми изображеніями львиныхъ головъ.

*** По золоченому вѣнцу надпись «Братина боярина Ивана Васильевича Годунова, из нее на здоровіе.» Вѣсу 68 зол., выш. 2 вершка.

Выѣзды царскіе.

Одинъ изъ такихъ выѣздовъ былъ совершенъ во время пребыванія въ Москвѣ датскаго принца Іоанна, благодаря чему мы имѣемъ его описаніе. Вотъ какую картину рисуетъ намъ иностранный наблюдатель:

1) «Впереди ѣхало около 600 человѣкъ верхомъ, по 3 въ рядъ. На нѣкоторыхъ изъ переднихъ всадниковъ одежда была покрыта золотыми бляхами въ видѣ панцыря.

2) «Вслѣдъ за ними шли 25 статныхъ лошадей, которыхъ вели 25 разукрашенныхъ всадниковъ. На лошадяхъ были богатые чепраки съ золотыми и серебряными бляхами.

3) «Затѣмъ—пустая карета, вродѣ нѣмецкой висячей, обитая краснымъ сукномъ; весь передокъ позолоченъ; около нея нѣсколько конвойныхъ верховыхъ, состоящихъ при молодомъ господинѣ (царевичѣ).

4) «Великій князь или Государь—въ каретѣ, бархатомъ обитой, запряженной шестеркой бѣлыхъ лошадей. Верхъ кареты держался на четырехъ шестахъ, наверху которыхъ находились четыре серебряныхъ верхушки, одна въ серединѣ. По обѣимъ сторонамъ кареты шли пѣшкомъ нѣсколько господъ или бояръ.

5) «Ѣхалъ верхомъ молодой Царевичъ, очень видный. Лошадь его вели подъ уздцы бояре.

Затѣмъ шли пѣшкомъ и ѣхали верхомъ нѣкоторые господа и бояре со множествомъ весьма красиваго народа.

Рис. 315. Карета англійская; предположительно, даръ англійской королевы Елисаветы царю Борису Годунову, въ 1603 году, съ Московскимъ гербомъ, рѣзными изображеніями, представляющими битвы христіанъ съ мусульманами.

[Московская Оружейная Палата, № 9189.]

Выѣздъ Государыни и великой княжны.

1) «Черезъ полчаса по выѣздѣ царя вышла царица. Ея Величеству предшествовали 40 прекрасныхъ лошадей, сопровождаемыхъ 40 красиво одѣтыми людьми.

2) «Затѣмъ ѣхала царица въ красивой каретѣ, подобной той, въ которой ѣхалъ молодой царевичъ, но столь широкой, что въ ней могли помѣститься три человѣка въ рядъ. Карету везли 10 прекрасныхъ бѣлыхъ лошадей.

3) «Слѣдовала великая княжна въ красивой каретѣ, запряженной восемью красивыми лошадьми. Карета была совсѣмъ закрыта, такъ что внутри ея ничего не было видно.

4) «Ѣхали женщины, всѣ верхомъ, какъ и мущины; на головахъ у нихъ были бѣлоснѣжныя шляпы, подбитыя тафтою тѣлеснаго цвѣта съ желтыми шелковыми завязками; при этомъ золотыя пуговицы съ перекинутыми кистями, висящими по плечамъ. Лица ихъ до рта были закрыты бѣлыми платками; одѣты онѣ были въ длинныя юбки и желтые башмаки. Ѣхали эти женщины и дѣвушки на бѣлыхъ лошадяхъ, числомъ двадцать четыре.

5) «Возлѣ каретъ царицы и царевны, а также вокругъ женщинъ всадницъ шли около 300 приставовъ (подобно тому какъ въ Германіи лакеи или тѣлохранители) разукрашенныхъ, съ бѣлыми палочками въ рукахъ. Кромѣ того, при государыняхъ, въ нѣсколько рядовъ, по три человѣка въ рядъ, ѣхали верхомъ старые люди, большею частью съ длинными сѣдыми бородами, но красивые на видъ.

«Въ концѣ слѣдовало еще много бояръ и большая толпа простого народа. Такимъ образомъ, во всемъ поѣздѣ было до 5.000 лошадей.

«Вслѣдъ за царемъ бѣжала огромная толпа народа, несшая прошенія и кричавшая Его Величеству. Прошенія были приняты и положены въ красный ящикъ; ихъ несли вслѣдъ за Государемъ.»

Увеличеніе гвардіи и жалованье придворнымъ.

Борисъ усилилъ свою гвардію и увеличилъ содержаніе придворнымъ.

Маржеретъ говоритъ, что боярамъ было назначено отъ 500 до 1.200 рублей ежегоднаго жалованія, 1.200 рублей получалъ первый бояринъ, князь Мстиславскій; окольничіе, въ числѣ 15 человѣкъ, получали отъ 200 до 400 рублей въ годъ и отъ 1.000 до 2.000 четвертей земли; думные дворяне (6 человѣкъ) имѣли отъ 100 до 200 рублей жалованія и до 1.000 четвертей земли.

Повидимому такое увеличеніе придворной роскоши исходило не изъ однихъ династическихъ соображеній—желанія придать новому царствующему дому наибольшее значеніе, но лежали въ самомъ духѣ времени. Къ концу XVI вѣка въ русскихъ людяхъ произошелъ упадокъ нравственной силы, напряженіемъ которой такъ долго злоупотребляли историческія судьбы Московской земли.

Всѣхъ охватило стремленіе къ сладостямъ жизни, жажда богатства, желаніе чувствовать свое достоинство: «хотяще широцѣ и пространнѣ величатися въ суетѣ міра сего», говоритъ Авраамій Палицынъ, «и во всемъ подобящеся перьвымъ велможамъ и сродичемъ царевымъ украшеніемъ злата, сребра и одеждей и коней и яздилъ и рабовъ множествомъ—не токмо же таковіи, но и отъ купцовъ сущіи и отъ земледѣлецъ, и толико гордѣніе бысть, яко не познати во украшеніихъ женъ и чадъ, чьи суть: въ блещаніихъ злата и сребра и бисерѣхъ ходяще, вси бо боярствоваху. Въ чревоутѣшителныхъ же трапезахъ, аще не отъ многихъ драгихъ брашенъ состроена, то мерзяху отъ таковыхъ, не токмо могущіи, но и нищіи.»

Иноземцы; блестящее положенiе ихъ при дворѣ.

Въ этомъ стремленiи къ роскоши, блеску, къ жизни не только обильной, но и красивой, несомнѣнно сказывалось также влiянiе иноземцевъ. Годуновъ поощрялъ подражанiе ихъ манерамъ и внѣшности:

«Ереси Арменстѣй и Латынстѣй», жалуется тотъ же Авраамiй Палицынъ, «послѣдствующимъ добръ потаковникъ бысть; и въ женскоподобныхъ образѣхъ любящеи бровити, зѣло таковiи любимы отъ него быша, и старiи мужи въ юноши премѣняхуся.»

Слѣдуя примѣру Грознаго, Борисъ привлекалъ на службу и приближалъ къ себѣ иноземцевъ, при чемъ на людей ученыхъ не щадилъ никакихъ издержекъ.

Еще въ царствованiе Ѳедора Ивановича онъ усердно приглашалъ изъ Англiи знаменитость того времени—математика, астролога и алхимика Джона Ди (Dee), желая поручить ему воспитанiе своего сына и предлагая царскаго жалованiя по 2.000 фун. стерл. въ годъ и отъ себя еще по 1.000 рублей, а также столъ, помѣщенiе и продовольствiе.

Ди отказался, какъ будто предвидя будущее.

Почти съ такой же неимовѣрной щедростью Борисъ, уже будучи царемъ, оплачивалъ знанiя нѣмецкихъ врачей, бывшихъ у него на службѣ (Христофора Ритлингера—родомъ изъ Угрiи, Давида Васмара и Генриха Шредера изъ Любека, Iоанна Гильшенiя изъ Риги, Каспара Фидлера изъ Кенигсберга и Эразма Бевока изъ Праги).

Бусовъ сообщаетъ подробныя данныя объ этомъ истинно царскомъ содержанiи:

Рис. 316. Серебряный барсъ, издѣлiе 1600 г., повидимому, подарокъ англiйской королевы Елисаветы царю Борису Годунову. Вѣсу 1 пудъ 31 фунтъ, выш. 1 арш. 6¼ верш., шир. поддона 7 вершк.

[Московская Оружейная Палата, № 1922.]

«Каждый изъ врачей имѣетъ жалованья 200 рублей. Всякой мѣсяцъ—хлѣбную провизiю, т. е. столько, сколько нужно для прокормленiя его особы, семейства и людей: 16 возовъ дровъ, четыре бочки меду, четыре бочки пива. Ежедневно около полторы кварты водки и ежедневно столько же уксусу.

Всякой день сторону свинаго сала. Отъ всякаго обѣда царскаго подачки (Bodatshen), состоящія въ отличнѣйшихъ кушаніяхъ, три или четыре блюда, столько, сколько сильный человѣкъ съ трудомъ поднять можетъ на одномъ блюдѣ. Всякой мѣсяцъ 12, а иногда 14 рублей деньгами, чтобы закупить на нихъ свѣжую столовую провизію.

«Царь подарилъ каждому по пяти отличныхъ лошадей съ своей конюшни, на содержаніе которыхъ имъ ежемѣсячно выдаютъ столько сѣна и соломы, что его достало бы на содержаніе 7 лошадей. Еще имѣютъ они по доброму коню, чтобы лѣтомъ каждое утро отправляться въ Кремль и по аптекамъ. Притомъ еще имѣютъ они особую лошадь, чтобы зимою впрягать ее въ сани. Далѣе, двѣ экипажныхъ лошади для супруги врача, съѣздить въ церковь ея исповѣданія. Еще одна чернорабочая лошадь, таскать воду. Сверхъ того, царь каждаго надѣлилъ помѣстьемъ отъ 30 до 40 крестьянъ. И всякой разъ, когда они дадутъ царю лѣкарство и оно подѣйствуетъ хорошо, каждый получаетъ въ подарокъ или хорошій кусокъ камки или бархату на кафтанъ или прекрасный сорокъ соболей. Также, если имъ по повелѣнію царскому удастся вылѣчить какого нибудь знатнаго князя или боярина, то и тутъ не обходится безъ знатнаго подарка.» Положеніе придворныхъ медиковъ было тѣмъ болѣе блестяще, что царь охотно и часто бесѣдовалъ съ ними о всякихъ дѣлахъ, государственныхъ и иныхъ. Въ этихъ бесѣдахъ Годуновъ особенно любилъ затрогивать религіозные вопросы, причемъ всегда, въ заключеніе, просилъ о себѣ молиться.

Насколько щедръ былъ Борисъ по отношенію къ иноземцамъ, видно изъ того, какъ онъ принялъ и облагодѣтельствовалъ нѣмцевъ, покинувшихъ Ливонію изъ за поляковъ. Хроника Мартина Бэра передаетъ, что онъ самъ вызвалъ (1601 г.) ихъ въ Москву и по пріѣздѣ ихъ приказалъ «немедленно отвести имъ боярскіе домы, недалеко отъ дворца на Арбатѣ, и снабдить всѣмъ необходимымъ для хозяйства: дровами, рыбою, мясомъ, солью, масломъ, сыромъ, виномъ, пивомъ, медомъ, хлѣбомъ. Сверхъ того, каждому назначенъ былъ приставъ для разныхъ покупокъ.»

Затѣмъ Годуновъ позвалъ нѣмцевъ къ себѣ во дворецъ, угостилъ ихъ роскошнымъ обѣдомъ, ласкалъ всячески, называлъ своими дѣтьми, себя же—ихъ отцемъ, причемъ, тряся свое жемчужное ожерелье, обѣщалъ и его раздѣлить съ ними. На слѣдующій день принялъ всѣхъ въ число служащихъ, одарилъ каждаго платьемъ, деньгами (отъ 50 до 15 рублей), землею (отъ 800 до 300 четвертей), крестьянами (отъ 200 до 100 человѣкъ) и назначилъ годовое жалованіе (отъ 50 до 15 рублей), такъ что, замѣчаетъ Бэръ, «иной бѣднякъ сразу сдѣлался богачемъ».

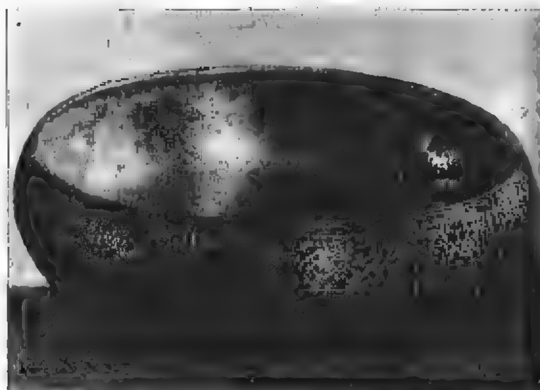

Рис. 317. Чаша серебряная.

[Московская Оружейная Палата, № 1809.]

Пребываніе въ Москвѣ иноземныхъ принцевъ, жениховъ царевны Ксеніи. Чествованіе принца Іоанна. Его смерть.

Пребываніе въ Кремлевскомъ дворцѣ на царебарисовѣ дворѣ жениховъ Ксеніи,— западно-европейскихъ принцевъ, дѣлало сближеніе съ иноземцами еще болѣе тѣснымъ и способствовало ихъ наплыву въ составъ царскаго двора.

Первый женихъ, принцъ Густавъ Шведскій велъ необузданный и непристойный образъ жизни, къ которому привыкъ у себя дома и вскорѣ былъ сосланъ изъ Москвы въ Угличъ, съ жалованіемъ въ 4.000 рублей въ годъ. Но всѣ иноземцы, находившіеся при немъ въ Москвѣ, были приняты на службу къ Борису.

Другой женихъ царевны, принцъ Іоаннъ Датскій въѣхалъ въ Москву 19-го сентября 1602 года. Ему оказана была торжественная встрѣча и отведено помѣщеніе въ Кремлѣ на цареборисовомъ дворѣ.

На другой день по пріѣздѣ герцогу былъ присланъ царскій обѣдъ на 100 тяжелыхъ золотыхъ блюдахъ, множество кубковъ и чашъ съ драгоцѣнными медами и винами.

25-го числа вечеромъ царь посѣтилъ пріѣхавшаго въ отведенныхъ ему покояхъ, пройдя туда крытымъ ходомъ, соединявшимъ эти покои съ дворцовыми помѣщеніями. Свиданіе было самое дружественное. Борисъ нѣсколько разъ обнималъ дорогого гостя и все повторялъ, что «потерялъ одного изъ сыновей и хочетъ взять Іоанна на его мѣсто, любить и цѣнить какъ своего собственнаго оставшагося въ живыхъ сына, который тоже долженъ почитать и любить его, какъ своего любезнѣйшаго брата.»

28 сентября было назначено оффиціальное представленіе во дворцѣ.

Вдоль пути отъ дома принца до Краснаго крыльца стояли богато одѣтые воины, площадь была запружена народомъ, среди котораго тѣснилась вся иноземная Московская колонія—литва и нѣмцы.

У крыльца принца встрѣтили князья Трубецкой и Черкасскій, на лѣстницѣ—Василій Шуйскій и Голицынъ, въ сѣняхъ—Мстиславскій съ окольничими и дьяками.

Царь и царевичъ ожидали въ Золотой палатѣ, одѣтые въ бархатныя порфиры, унизанныя крупнымъ жемчугомъ, съ украшеніями изъ алмазовъ и яхонтовъ.

При входѣ Іоанна, Борисъ и Ѳедоръ встали и съ нѣжностью обняли его, посадили рядомъ съ собою и долго съ нимъ бесѣдовали. Всѣ были очарованы его юностью и красотою.

За обѣдомъ въ Грановитой Палатѣ Іоаннъ сидѣлъ за однимъ столомъ съ Государемъ. Во время обѣда царь и царевичъ сняли съ себя драгоцѣннѣйшія алмазныя цѣпи и надѣли ихъ на шею Іоанна; за этимъ первымъ даромъ слѣдовали другіе—2 золотые, украшенные яхонтами ковша, нѣсколько серебряныхъ сосудовъ, драгоцѣнныя англійскія ткани, сибирскіе мѣха, 3 богатыя русскія одежды. «Никто не видалъ царицы и царевны, но можетъ быть, онѣ были въ скрытомъ мѣстѣ», замѣчаетъ составитель описанія путешествія принца и его пріема во дворцѣ. Сему иноземцу не указывали, конечно, на «смотрильное окно» подъ сводами Грановитой Палаты, откуда, несомнѣнно, съ волненіемъ были устремлены на юнаго красавца взоры невѣсты и ея матери. Въ теченіе

слѣдующихъ свиданій установившіяся между будущими родственниками сердечныя отношенія, укрѣплялись все болѣе. Счастіе Ксеніи и радость всего царскаго дома, казалось, были обезпечены. Но судьба готовила иное. 5-го октября принцъ тяжко занемогъ.

«Когда царь о томъ узналъ, говорится въ описаніи путешествія принца, онъ тотчасъ послалъ своихъ врачей Каспера Фидлера, Генриха Шротера, Давида Христофоруса и Іоганна Хильке, лѣчить Его Высочество. 19-го числа Его Высочество навѣстилъ молодой царевичъ. Онъ ѣхалъ весьма опечаленный, на прекрасномъ конѣ; впереди его шло много бояръ, позади также множество бояръ. Пробывъ приблизительно болѣе получаса у Его Высочества, освѣдомившись объ его положеніи и слабости, онъ снова вернулся во дворецъ. Когда царь услыхалъ, что слабость такъ велика, онъ, грустный, пріѣхалъ навѣстить Его Высочество 27 октября на нашъ дворъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала одинъ изъ придворныхъ несъ позолоченное кресло, покрытое холстомъ тѣлеснага цвѣта; за нимъ шла куча бояръ, а затѣмъ ужъ ѣхалъ онъ самъ въ саняхъ снаружи позолоченныхъ, а внутри обитыхъ зеленымъ бархатомъ. Сверху была полость, подбитая соболями. Когда онъ вышелъ изъ саней и пожелалъ пойти въ аппартаменты Его Высочества, впереди его пошли бояре, затѣмъ патріархъ съ золотымъ крестомъ и кадиломъ, крестя и кадя по всему пути до покоевъ Его Высочества.

«Возлѣ царя и позади его шли канцлеръ и ландмаршалъ; среди другихъ шли родственники царя, знатныя особы со своими боярами и слугами. Войдя въ покой Его Высочества и увидавъ, что рѣчь принца была уже слаба, Его Величество горько опечалился; онъ выражалъ мнѣ свои соболѣзнованія и мрачныя предчувствія. Возлагая все на волю Всемогущаго, онъ вышелъ погруженный въ печаль. Взойдя на лѣстницу, онъ клялъ и бранилъ толмача за то, что тотъ не сообщилъ Его Величеству правду о положеніи принца. Его величество приказалъ спросить насъ, хорошо ли нашимъ людямъ? Мы благодарили Его Величество и отвѣчали, что намъ хорошо, выразили пожеланіе, чтобы Господь возстановилъ здоровье нашего господина. Послѣ этого Его Величество со всѣми сопровождавшими его вернулся во дворецъ. На слѣдующій день, 28 октября, въ день Симона Іуды, наступилъ конецъ жизни Его Высочества.

«Узнавъ о томъ, Его Величество пришелъ къ вечеру, разстроенный и опечаленный. Когда онъ увидалъ Его Высочество, то началъ стонать и молить Бога о признакѣ жизни; но усмотрѣвъ, что никакого признака жизни не было, а была лишь смерть, онъ началъ жалобно плакать, говоря: О, ты, юная кровь! ты оставилъ отца и мать, пріѣхалъ ко мнѣ и такъ безвременно умеръ! Съ подобными же словами, плача, онъ вышелъ, а такъ какъ въ то время было темно, то 40 человѣкъ Русскихъ зажгли каждый по большой восковой свѣчѣ и несли ихъ передъ Его Величествомъ. Такимъ образомъ опечаленный царь вернулся во дворецъ.

«Когда объ этомъ узнали царица и царевичъ, они глубоко опечалились. Также и весь Дворъ былъ опечаленъ. А среди нѣмцевъ поднялся ужасъ и вопль, ибо они надѣялись быть еще разъ освобожденными черезъ посредство принца. До кончины принца царь просилъ молиться за спасеніе принца всѣхъ датчанъ, всѣхъ нѣмцевъ; обѣщалъ выпустить изъ темницъ заключенныхъ, которыхъ около 4.000.

«Борисъ пошелъ самъ утѣшать Ксенію и на своемъ родномъ языкѣ сказалъ ей: «дочь моя, мы потеряли твою радость и мою сердечную отраду».

«Услышавъ это, Ксенія лишилась чувствъ и упала къ ногамъ отца. Придворныя женщины ее подняли и вынесли.»

Рис. 318. Царь Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ.

(Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ).

Положеніе Годунова на престолѣ. Борьба его съ боярствомъ.

Роковой исходъ борьбы.

Смерть жениха Ксеніи явилась для царской семьи началомъ несчастій, источникомъ которыхъ было сіяніе вѣнца и величіе престола.

Годуновъ, несмотря на мудрое правленіе, благодаря которому Россія «всѣми благами цвѣтяше», несмотря на неусыпныя попеченія «о всякомъ благочестіи и о исправленіи всѣхъ нужныхъ царству вещей», не примирилъ съ собою своихъ враговъ. Наоборотъ, въ ихъ ряды перешли и его прежніе друзья—Романовы, Бѣльскіе, Мстиславскіе, съ той поры, какъ они изъ равныхъ ему превратились въ простыхъ подданныхъ. Борисъ на высотѣ власти очутился одинокимъ—безъ друзей, безъ преданныхъ слугъ. Между тѣмъ его положеніе на престолѣ было лишено той прочности, какую даетъ кровное право, наслѣдованіе изъ рода въ родъ. Бояре смотрѣли на новаго царя какъ на похитителя престола и готовили отмщеніе.

Непрочность своего положенія Борисъ чувствовалъ уже въ самомъ началѣ царствованія. Это видно изъ того, что онъ счелъ необходимымъ пополнить форму присяги вставкой, которая была бы иначе совершенно излишней: «Мнѣ мимо государя своего, царя Бориса Ѳедоровича, его царицы, ихъ дѣтей и тѣхъ дѣтей, которыхъ имъ впередъ Богъ дастъ, царя Симеона Бекбулатова и его дѣтей и никого другого на Московское Государство не хотѣть, ни думать, ни мыслить, ни семьиться, ни дружиться, ни ссылаться съ царемъ Симеономъ, ни грамотами, ни словомъ не приказывать на всякое лихо; а кто мнѣ станетъ объ этомъ говорить или кто съ кѣмъ станетъ о томъ думать, чтобъ царя Симеона или другого кого на Московское Государство посадить и я объ этомъ узнаю, то мнѣ такого человѣка схватить и привести къ государю» и т. д.

Очевидно, при избраніи царя противъ Годунова выдвигался царь Симеонъ, какъ законный Государь, вѣнчанный на царство самимъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Но, конечно, именемъ полуслѣпого престарѣлаго Бекбулатовича свергнуть Годунова съ престола было нельзя. Для это нужно было иное, болѣе могучее слово. Такимъ явилось «Димитрія воскреснувшее имя».

Вѣроятно, уже около 1600 года у Годунова явилось подозрѣніе, что бояре готовятъ противъ него «страшилище» во образѣ сына Грознаго.

Именно въ эту пору съ нимъ произошла перемѣна, быть можетъ, еще болѣе крутая, чѣмъ съ Грознымъ послѣ смерти супруги его Анастасіи.

Борисъ, который былъ дотолѣ «естествомъ свѣтлодушенъ, нравомъ милостивъ», вдругъ сталъ подозрителенъ. Снѣдаемый тревогой, истинную причину которой онъ избѣгалъ объявить, ибо назвать имя Дмитрія значило усугубить опасность, пока еще скрытно таящуюся, Борисъ сталъ пытливо доискиваться гнѣзда крамолы. Чтобы отыскать его, онъ сталъ поощрять доносы щедрыми наградами. Корысть помутила сознаніе, сковала совѣсть. Начались мерзости, какихъ не знавали даже лихія времена опричнины.

«Жены на мужей своихъ доводиша, а дѣти на отцовъ; якоже отъ такія ужасти мужіе отъ женъ своихъ таяхуся; и въ тѣхъ окаянныхъ доводѣхъ многія крови пролишася неповинныя и многіе отъ пытокъ помроша: иныхъ казняху, иныхъ по темницамъ разсылаху и домы ихъ разоряху; ни при которомъ государѣ такихъ бѣдъ никто не видалъ.» Но и положеніе самого царя было тяжко. Настроеніе, овладѣвшее въ ту пору всѣмъ дворомъ царскимъ, было тревожно до крайности, полно зловѣщихъ предчувствій. Всѣ ждали бѣды и ловили всякіе слухи, искали знаменій, видѣли чудеса.

Масса разсказываетъ, что «въ это время происходило много ужасныхъ чудесъ и знаменій, большею частію ночью, близъ царскаго дворца, такъ что солдаты, стоявшіе на караулѣ, часто пугались до смерти и прятались. Они клялись въ томъ, что однажды ночью видѣли, какъ проѣхала по воздуху колесница, запряженная шестью лошадьми. Въ ней сидѣлъ полякъ, который, проѣзжая мимо Кремля, хлопалъ кнутомъ и кричалъ такъ ужасно, что многіе караульные убѣжали со страху въ комнаты. Объ этомъ видѣніи солдаты каждое утро разсказывали своимъ капитанамъ, которые передавали своимъ начальникамъ и эти разсказы доходили до царя, вслѣдствіе чего страхъ его день ото дня увеличивался. Болѣе всего боясь поляковъ, Борисъ ожидалъ появленія чего то необыкновеннаго именно въ Польшѣ.»

Годуновъ не обманывался. Скоро до него достигли слухи о появившемся въ Польшѣ царевичѣ Димитріи. Борисъ смутился, будучи самъ неувѣренъ. Онъ не былъ въ

Угличѣ, не видалъ собственными глазами убитаго Дмитрія и уже не могъ спросить у лицъ, которымъ довѣрялъ, ибо клевреты его были растерзаны народомъ на мѣстѣ происшествія.

Чтобы убѣдиться въ истинѣ, Годуновъ вызвалъ въ Москву мать Дмитрія.

Когда бывшая супруга Грознаго была приведена въ царскую спальню, Годуновъ съ своею женою, разсказываетъ Масса, «строго допрашивалъ (Марѳу), какъ она думаетъ— живъ ея сынъ или нѣтъ. Сначала она отвѣчала, что этого не знаетъ. Тогда жена Бориса возразила: «говори б[illegible] то, что ты хорошо знаешь». Говоря это, она ткнула ей въ глаза горящею свѣчею и выжгла бы ихъ, если бы царь не защитилъ (Марѳу).»

Отвѣтъ матери Дмитрія былъ неопредѣленъ и не могъ убѣдить Годунова ни въ чемъ положительномъ.

Его неувѣренность сказывается въ той нерѣшительности, съ какою онъ дѣйствовалъ. Предъ именемъ Дмитрія Борисъ потерялъ самообладаніе, свой ясный разумъ, и вмѣсто того, чтобы создавать себѣ друзей милостью и прямодушіемъ, онъ ожесточалъ и тѣхъ, кои еще не были его смертельными врагами. Казни, ссылки, пытки только усиливали обоюдное ожесточеніе, обострили его еще сильнѣе, чѣмъ при Грозномъ. Стоитъ только сравнить обвиненія, предъявляемыя Грозному, съ тѣми, которыми осыпали несчастную голову Годунова. Его обвиняли въ удушеніи Грознаго, въ коварномъ заточеніи въ монастырь вдовы короля ливонскаго Магнуса, дочери князя Владиміра Андреевича и въ отравленіи ея дочери Евдокіи, въ отравленіи царскаго дяди Никиты Романовича Юрьева, въ убійствѣ царевича Дмитрія, въ сожженіи Москвы и умышленномъ наведеніи хана на Москву съ тѣмъ, чтобы отвлечь негодованіе, вызванное этимъ убійствомъ; въ умерщвленіи отравой царской дочери Ѳеодосіи, самого царя Ѳедора Ивановича, родной своей сестры — царицы Ирины, и, наконецъ, жениха Ксеніи — принца Іоанна, послѣдняго изъ боязни, какъ бы онъ, такъ какъ всѣ его сильно полюбили, не взошелъ на престолъ помимо сына Ѳедора.

«Борисъ Годуновъ», говоритъ сказаніе о царствѣ царя Ѳедора Ивановича, «злолестный и лукавый святоубица, убилъ неповиннаго отрока, младого благовѣрнаго царевича Дмитрія Іоанновича, и отравилъ злымъ зеліемъ великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Іоанновича, и пресѣкъ царскій корень, и восхитилъ престолъ Россійскаго Государства лукавствомъ своимъ.... «Хитростными пронырствы престолъ царства.... восхити», говоритъ хронографъ 1617 года.

Смерть Бориса Годунова. Мучительства и казни, къ которымъ прибѣгъ Борисъ, не только не спасли его, но ускорили его гибель.

«Борисъ жизнь суетнаго сего свѣта зѣло возлюби, говоритъ о происшедшемъ хронографъ 1617 года, и къ себѣ вся приправливая, аки ужемъ привлачаше; сего ради и отъ клевещущихъ нѣкія извѣты нечестиваго совѣта на неповинныя въ ярости суетно пріимаше и сего ради на ся отъ всѣхъ Русскіа земли чиноначальниковъ негодованіе наведе и многыхъ напастныхъ волнъ злобурныя вѣтры восташа нань и доброцвѣтущую его царства красоту внезапу низложиша.»

Борисъ избѣгъ позора встрѣтиться лицомъ къ лицу съ побѣдоноснымъ, торжествующимъ врагомъ.

13 апрѣля 1605 года, вставъ изъ за стола, онъ внезапно почувствовалъ себя дурно. Кровь хлынула у него изо рта, ушей и носа и черезъ два часа онъ отдалъ Богу душу, успѣвъ принять монашество подъ именемъ Боголѣпа.

О смерти его пошли разные слухи, но всѣ они сводились къ тому, что царь погибъ отъ отравы. Погибъ ли онъ отъ приверженцевъ Самозванца—точно не установлено.

Исаакъ Масса разсказываетъ слѣдующее: «13-го Апрѣля, по старому стилю, Борисъ былъ, или можетъ быть представлялся, очень веселымъ: за обѣдомъ ѣлъ очень много и былъ веселѣе, чѣмъ обыкновенно бывалъ въ присутствіи своихъ приближенныхъ. Послѣ обѣда онъ отправился въ высокій Теремъ, откуда могъ видѣть всю Москву съ ея окрестностями, и тамъ-то, какъ думаютъ, онъ принялъ ядъ. Сойдя въ залу, Борисъ почувствовалъ приближеніе смерти, послалъ за патріархомъ и епископами, велѣлъ подать себѣ монашескій клобукъ и тотчасъ же остричь волосы. Какъ только сотворили молитву и остригли волосы царю и надѣли на него клобукъ, Борисъ скончался. Это было около 3-хъ часовъ пополудни.»

«Въ продолженіи двухъ часовъ, повѣствуетъ далѣе Масса, пока не распространился во дворцѣ и въ Москвѣ слухъ о смерти Бориса, было тихо. Затѣмъ услышали сильный шумъ: Вооруженные люди и стрѣльцы мчались верхами ко дворцу, но никто еще ничего не говорилъ и никто не зналъ, зачѣмъ они такъ быстро скачутъ въ Кремль. Мы однако же подозрѣвали, что царь скончался, но никто еще не смѣлъ говорить объ этомъ. На слѣдующій день, когда всѣ служилые люди и придворные въ траурѣ отправились въ Кремль, повсюду узнали о смерти Бориса. Доктора, бывшіе наверху, тотчасъ же узнали, что онъ умеръ отъ яду. Они сказали объ этомъ одной только царицѣ и болѣе никому. Затѣмъ народъ Московскій былъ призванъ въ Кремль принести присягу царицѣ и ея сыну. Бояре, дворяне, купцы и простой народъ принесли присягу. Во всѣ города, оставшіеся вѣрными Москвѣ, послали для приведенія къ присягѣ царицѣ.»

Борисъ былъ погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ, рядомъ со всѣми Московскими Государями. При погребеніи, какъ свидѣтельствуетъ очевидецъ Масса, «народъ, по обычаю, громко вопилъ и плакалъ. Въ теченіи 6-ти недѣль послѣ смерти Бориса давали милостыню и роздали 70.000 рублей.... Во всѣхъ монастыряхъ служили по немъ панихиды.»

Рис. 319. Булава, по преданію, царя Бориса Годунова.

[Московская Оружейная Палата, № 5195.]

Государевы служилые люди, назначенные царемъ Борисомъ Ѳеодоровичемъ Годуновымъ.

Бояре:

Кн. Михайло Петровичь Катыревъ-Ростовской, 1599 г., † 1606 г.
Александро Никитичь Юрьевъ, 1599 г., † 1601 г.
Кн. Василій Кандаруковичъ Черкасской, 1599 † 1607 г.
Кн. Андрей Васильевичь Трубецкой, 1599 г., † 1605 г.
Степанъ Васильевичь Годуновъ, 1599 г., † 1605 г.
Кн. Ѳедоръ Андреевичь Ноготковъ, 1599 г., † 1603 г.
Дмитрій Ивановичь Годуновъ, 1599 г., † 1605 г.
Кн. Андрей Андреевичь Телятевской, 1600 г., † 1612 г.
Михайло Глѣбовичь Салтыковъ, 1601 г.
Кн. Василій Васильевичь Голицынъ, 1602 г., † 1619 г.
Семенъ Никитичь Годуновъ, 1603 г.
Кн. Петръ Ивановичь Буйносовъ-Ростовской, 1603 г., † 1607 г.
Степанъ Александровичь Волоской, 1603 г., † 1607 г.
Матвѣй Михайловичь Годуновъ, 1604 г.
Степанъ Никитичь Годуновъ, ? † 1605 г.

Окольничіе:

Ѳома Аѳанасьевичь Бутурлинъ, 1599 г., † 1602 г.
Михайло Никитичь Юрьевъ, 1599 г., † 1601 г.
Семенъ Никитичь Годуновъ, 1599 г.
Степанъ Степановичь Годуновъ, 1599 г., † 1614 г.
Матвѣй Михайловичь Годуновъ, 1599 г.
Кн. Василій Дмитріевичь Хилковъ, 1599 г., † 1602 г.
Никита Васильевичь Годуновъ, 1599 г., † 1622 г.
Михайло Михайловичь Кривой-Салтыковъ, 1599 г., † 1608 г.
Богданъ Яковлевичь Бѣльской, 1599 г.
Петръ Ѳедоровичь Басмановъ, 1601 г.
Василій Петровичь Морозовъ, 1601 г.
Иванъ Ивановичь Годуновъ, 1603 г., † 1510 г.
Петръ Никитичь Шереметевъ, 1603 г.
Иванъ Ѳедоровичь Басмановъ, 1603 г., † 1604 г.
Кн. Иванъ Дмитріевичь Хворостининъ, 1603 г., † 1614 г.
Кн. Василій Петровичь Туренинъ, 1604 г.

Дворецкій

Степанъ Васильевичь Годуновъ, 1599 г., † 1605 г.

Конюшій-бояринъ

Дмитрій Ивановичь Годуновъ, 1599 г., † 1605 г.

Сокольничій

Иванъ Алексѣевичь Жеребцовъ, 1590 г.,—1600 г.

Ловчій

Дмитрій Андреевичь Замыцкій, 1590 г.

Думные дворяне:

Игнатій Петровичь Татищевъ.
Кн. Василій Ивановичь Бѣлоголовъ [Буйносовъ] Ростовской, 1598 г., † 1602 г.
Кн. Петръ Ивановичь Буйносовъ-Ростовскій, 1598 г.
Михайло Игнатьевичь Татищевъ, 1600 г.
Остафій Михайловичь Пушкинъ, 1600 г., † 1603 г.
Василій Борисовичь Сукинъ, 1603 г.,—1613 г.

Крайчіе:

Иванъ Ивановичь Годуновъ, 1600 г., † 1603 г.
Иванъ Михайловичь Годуновъ, 1603 г.

Казначей

Игнатій Петровичь Татищевъ, 1600 г., † 1604 г.

Печатникъ

Игнатъ Михайловичь Татищевъ, 1598 г.

Рис. 320. Золотая булла царя Бориса Годунова.

Привѣшана къ договору 10 апрѣля 1605 г. между Россіей и Даніей.

[Королевскій Архивъ въ Копенгагенѣ].

Рис. 321. Царь Ѳеодоръ Борисовичъ Годуновъ (1605)

[Лицевой Лѣтописецъ XVII вѣка. Изданіе Общества Любителей Древней Письменности, CIV.]

Государевъ дворъ въ Кремлѣ при царѣ Ѳеодорѣ Борисовичѣ Годуновѣ.

Восшествіе на престолъ. Юный царь Ѳедоръ Борисовичъ безъ затрудненій вступилъ на престолъ. Москва принесла ему присягу безъ признаковъ сопротивленія или нерѣшительности. Цѣловали крестъ: «Государынѣ своей царицѣ и великой княгинѣ Марьѣ Григорьевнѣ всея Руси, и ея дѣтямъ, Государю царю Ѳедору Борисовичу и Государынѣ царевнѣ Ксеніи Борисовнѣ.»

Форма присяги была та же, что̀ и Борису, съ сдѣланными имъ добавленіями, которыя расширили обязательствомъ: «И къ вору, который называется княземъ Дмитріемъ Углицкимъ, не приставать, съ нимъ и его совѣтниками не ссылаться ни на какое лихо, не измѣнять, не отъѣзжать, лиха никакого не дѣлать, государства не подъискивать, не по своей мѣрѣ ничего не искать, и того вора, что называется царевичемъ Дмитріемъ Углицкимъ, на Московскомъ Государствѣ видѣть не хотѣть.»

Положеніе на престолѣ царя Ѳедора Борисовича. Его безсиліе утишить смуту. Воспитанный для престола еще при жизни отца, посвященный въ дѣла правленія, заслужившій своимъ умомъ и нравомъ общее расположеніе, Ѳедоръ по всѣмъ этимъ дан-

нымъ имѣлъ возможность удержать въ своихъ рукахъ скипетръ Московскихъ Самодержцевъ.* Но.... онъ остался безъ опоры вѣрныхъ и сильныхъ помощниковъ. Вельможи, имѣвшіе вліяніе на народъ, низведены были въ могилу и разметаны по тюрьмамъ: трое Романовыхъ—умерли, старшій Романовъ, Филаретъ—сидѣлъ въ далекомъ монастырѣ, Бѣльскій былъ тоже въ ссылкѣ, Шуйскіе, Голицыны, Мстиславскіе—сведены на нѣтъ.

Вокругъ юнаго Царя стояли лица, не имѣвшія большого значенія въ глазахъ московскихъ людей: Сабуровы, Вельяминовы, Петръ Басмановъ, да близкіе родственники Годуновы. Они менѣе чѣмъ кто либо были годны противостоять надвигавшейся бурѣ.

«Въ Москвѣ, пишетъ Масса, послѣ смерти Бориса повсюду начали распространяться волненія, и народъ становился все болѣе и болѣе требовательнымъ. Толпы бѣжали ко дворцу: одни кричали о сосланныхъ при Борисѣ боярахъ, другіе—о томъ, чтобы старую царицу, мать Димитрія, посадить у городскихъ воротъ, дабы каждый могъ узнать отъ нея, живъ ея сынъ или нѣтъ. Народъ ежедневно ропталъ и требовалъ возвращенія прежней царицы и старыхъ вельможъ, въ изгнаніи скитавшихся по разнымъ мѣстамъ. На это принуждены были обѣщать, что всѣ оставшіеся въ живыхъ вельможи будутъ въ скоромъ времени возвращены въ Москву; относительно же матери Димитрія царица ничего не хотѣла слышать. Она, напротивъ, приказала крѣпко сторожить ее, опасаясь, чтобы изъ желанія избавиться отъ заточенія и отомстить своимъ врагамъ, она не сказала бы, что Димитрій живъ. Народъ, однако, угрожая силою, продолжалъ очень твердо настаивать на возвращеніи матери царевича. Явный страхъ овладѣлъ дворомъ. Тогда вышелъ къ народу князь Василій Ивановичъ Шуйскій и обратился къ нему съ рѣчью.»

Онъ успокаивалъ народъ и въ подтвержденіе того, что Димитрій умеръ, произносилъ страшныя клятвы, показывая свои руки, которыми онъ полагалъ во гробъ тѣло царевича, похороненнаго въ Угличѣ. Убѣжденія Шуйскаго подѣйствовали, народъ немного успокоился.

Тѣмъ не менѣе измѣнить хода событій было уже нельзя.

Броженіе въ умахъ и шаткость въ вѣрности законному Государю усиливались. Измѣна Басманова, посланнаго къ войску, дѣйствовавшему противъ Самозванца, и переходъ войска 7-го мая на его сторону, передали власть въ руки сего загадочнаго вершителя судебъ Московскаго царства.

Только немногіе не присоединились къ измѣнившимъ. Съ князьями Ростовскимъ и Телятовскимъ они побѣжали въ Москву.

Среди оставшихся вѣрными царю Ѳедору было около 70 человѣкъ нѣмцевъ. Когда они пришли въ Кремль, Ѳедоръ, «очень опечаленный, сердечно благодарилъ ихъ и жаловался на угрожающее ему несчастіе, при чемъ нѣкоторые бояре, сидѣвшіе около него, потихоньку смѣялись въ кулакъ. Но Годуновы размышляли о своей судьбѣ.»

* До насъ дошла изданная въ 1614 году нѣмцемъ Герардомъ (Hessel Gerard) (см. Blaenwisch Atlass, t. I) ландкарта Россіи, начертанная царевичемъ Ѳедоромъ Борисовичемъ, что указываетъ на его занятія географіей страны, которою онъ готовился управлять.

Однако поправить дѣло было уже невозможно. Всѣ дѣйствія, предпринимаемыя Московскимъ правительствомъ, оказывались безсильными. Гонцы Самозванца безпрерывно появлялись въ Москвѣ. Ихъ хватали и замучивали до смерти. Но это не могло отвратить неизбѣжнаго конца.

Судить о томъ настроеніи, въ какомъ находились тогда москвичи—народъ, вельможи и царская семья, можно по слѣдующему разсказу очевидца (Массы):

«30 мая, около 10 часовъ утра, приблизились къ городу, къ Серпуховскимъ воротамъ, двое юношей. День былъ жаркій и дорога была покрыта пылью. Этимъ юношамъ показалось, что пыль происходитъ отъ движенія телѣгъ и людей, которыхъ они приняли за непріятеля. Войдя въ городъ, они тотчасъ закричали: люди, люди! Жители города, думая, что наступаетъ непріятель, бросились бѣжать, кто только могъ, и кричали: войско, войско! По разнымъ улицамъ Москвы одни бѣжали за другими такъ быстро, что въ одно мгновеніе по всему городу распространилось смятеніе. Каждый бѣжалъ, полагая, что непріятель гонится по пятамъ. Москва стала походить на улей, въ которомъ жужжатъ пчелы. Одинъ бѣжалъ домой за оружіемъ, другой на рынокъ за солью и хлѣбомъ, съ которымъ торопился идти на встрѣчу (вступившимъ въ городъ), чтобы быть милостиво принятымъ. У москвитянъ существуетъ такой обычай: если они хотятъ кого нибудь встрѣтить, то подносятъ ему хлѣбъ-соль. Вообще, вся Москва была въ волненіи; каждымъ овладѣлъ страхъ, о защитѣ никто не помышлялъ, и всѣ были готовы впустить непріятеля. Сами вельможи, царица и молодой царь не знали, что дѣлать, и были въ оцѣпенѣніи отъ страха. Чтобы узнать, что происходитъ (въ городѣ), они посылали изъ Кремля людей, которые, видя, что народъ волнуется и кричитъ, пугались и обращались въ бѣгство....»

Когда народъ, не видя никого, поуспокоился и на улицахъ стало тихо, «нѣкоторые изъ вельможъ вышли на большую площадь передъ Кремлемъ, на которой стояла огромная толпа народа и спрашивали, что побуждаетъ народъ ежедневно производить такое смятеніе? Въ Москвѣ есть избранный царь, которому жители ея, какъ прилично христіанамъ, присягнули оставаться вѣрными до самой смерти и быть послушными, такъ какъ они сами его признали. Если бы была надобность въ какой либо перемѣнѣ, то они могли бы это сказать, а не производить такого шума. Далѣе вельможи, говорившіе съ народомъ, приказали каждому вернуться домой и заявили, что, если кто нибудь еще разъ возбудитъ смятеніе, то будетъ схваченъ и понесетъ заслуженное наказаніе....»

Водворилась тишина.... передъ бурею!

Возстаніе народа. Паденіе Годуновыхъ. Разграбленіе ихъ домовъ и Кремлевскаго дворца.

Прошло два дня.

1-го іюня 1605 года, около 9 часовъ утра, въѣхали въ Москву два гонца Димитрія, Наумъ Плещеевъ и Гаврила Пушкинъ, съ грамотами для прочтенія народу. Ихъ провожали шумною толпою жители подмосковнаго Краснаго села, которыхъ они уже переманили на свою сторону.

Отрядъ стрѣльцовъ, высланный на встрѣчу, чтобы не допустить ихъ на Красную площадь, испугался и повернулъ назадъ. Гонцы безпрепятственно взошли на Лобное мѣсто и прочли посланіе Лжедимитрія народу.

Поднялось несказанное волненіе. Патріархъ выслалъ бояръ унять мятежъ—тѣ вышли и ничего не сдѣлали.

Между тѣмъ толпа «съ чрезвычайною яростію устремилась въ Кремль», ворота котораго не были заперты, «и схватила всѣхъ Годуновыхъ. Царицу съ сыномъ и дочерью посадили на водовозную телѣгу и повезли изъ дворца въ домъ, въ которомъ они жили до воцаренія Бориса. (Этотъ домъ тоже находился въ Кремлѣ и постоянно оставался до этого времени пустымъ, потому что Борисъ никого не считалъ достойнымъ жить въ немъ). Толпа ворвалась туда. Крича, что все было осквернено злодѣемъ, она начала бросать и ломать вещи въ куски и истреблять все, что только попадалось. Все было ею или разграблено или разломано. Потомъ она побѣжала къ домамъ Годуновыхъ и разграбила ихъ такъ, что не осталось ни одного гвоздя въ стѣнѣ. Лошади, платья, деньги, мебель и другія вещи—все было похищено. Всѣхъ противниковъ Димитрія схватили. Нѣкоторые невинные, въ числѣ которыхъ были доктора, аптекари и хирурги царя, также сдѣлались жертвою грабежа, хотя имъ самимъ не причинили никакого вреда. Въ это время каждый могъ скоро отыскать своего врага. Но вельможи, не принадлежавшие ни къ одной партіи, тотчасъ приняли мѣры, и все было приведено въ порядокъ, хотя награбленное у невинныхъ невозможно было отыскать, потому что грабежъ производила цѣлая толпа. Напослѣдокъ всѣхъ Годуновыхъ связали и размѣстили отдѣльно по тюрьмамъ, равно какъ и Вельяминовыхъ, Сабуровыхъ и всѣхъ ихъ сообщниковъ. Дома ихъ опустошали и грабили съ такою яростію, что грабители даже убивали другъ друга. Нѣкоторые изъ нихъ забрались въ погреба, въ которыхъ стояло вино, перевернули бочки, выбили изъ нихъ дно и начали пить. Доставая вино шапками, сапогами и башмаками, они пили—какъ это у нихъ всегда бываетъ—съ такою жадностію, что потомъ нашли около 50 человѣкъ, перепившихся до смерти. Послѣ грабежа стали расходиться по домамъ. Грабители почти не находили денегъ, потому что онѣ были спрятаны или розданы по монастырямъ, ибо пострадавшіе ожидали постигшей ихъ участи и думали пожертвованіями очистить отъ грѣховъ свои души. Къ вечеру волненіе стало утихать. Многіе невинные мужчины и женщины пострадали и были до нага ограблены.»

Всѣхъ Годуновыхъ и друзей ихъ «раздѣли до нага, оковали цѣпями и съ женами и дѣтьми отвезли на навозныхъ телѣгахъ въ темницы другихъ городовъ за нѣсколько миль отъ Москвы. Нѣкоторые изъ нихъ умерли жалкою смертію въ дорогѣ....», такъ какъ ихъ везли въ ненастную погоду безъ покрова и тюфяковъ.

Расправившись съ Годуновыми, народъ собирался разграбить царскіе погреба. Но, вернувшійся въ Москву, Бѣльскій убѣдилъ поберечь ихъ ради пріѣзда царя Дмитрія и натравилъ грабителей на дома своихъ недруговъ, докторовъ нѣмцевъ, которые на службѣ у Бориса скопили себѣ большое имущество, а погреба свои наполнили хорошими медами и винами. Чернь кинулась туда, осушила всѣ бочки и разграбила имущество.

Въ сей день народнаго самоуправства кончилось царство Годуновыхъ. Изъ Кремля первостепенные бояре устремились къ Дмитрію въ Тулу; въ числѣ ихъ Ѳ. И. Мстиславскій и Шуйскіе. Тѣ самые, которые цѣловали Годуновымъ крестъ и клялись служить имъ вѣрою и правдою, отправились увѣрить Дмитрія въ своей преданности и принести ему присягу на вѣрность.

Между тѣмъ въ Кремлѣ происходили необыкновенныя событія. Считая тѣло Бориса недостойнымъ лежать въ Архангельскомъ Соборѣ, его выкопали и похоронили въ Варсонофьевскомъ монастырѣ на Срѣтенкѣ.

«Послѣ всего совершившагося на нашихъ глазахъ, говоритъ Масса о дальнѣйшихъ событiяхъ, всемогущiй Богъ навелъ на Москвитянъ еще новое ослѣпленiе: многiе начали говорить, что Борисъ въ дѣйствительности не умеръ, хотя два раза хоронили его. Одни говорили, что онъ убѣжалъ и вмѣсто него погребенъ другой; другiе—что онъ, вѣроятно, бѣжалъ въ Татарiю; третьи—въ Швецiю; большинство же вѣрило тому, что англiйскiе купцы увезли Бориса вмѣстѣ съ громадными сокровищами въ Англiю.

«Во время сильнаго смятенiя, когда грабили царскiй дворецъ, нѣкоторые нашли въ немъ вылѣпленную изъ воска статую ангела, которую покойный царь велѣлъ сдѣлать какъ образецъ для отлитiя потомъ такого же изваянiя изъ чистаго золота, подобно изваянiямъ 12 апостоловъ, предназначеннымъ для церкви «Святая Святыхъ», которую Борисъ хотѣлъ воздвигнуть. Нѣкоторые, никогда не видавшiе подобной статуи ангела, вытащили ее и кричали: «смотрите, вотъ что мы нашли въ гробу, въ которомъ предполагали найти тѣло Бориса. Не подлежитъ сомнѣнiю, что онъ бѣжалъ.» Они нѣсколько разъ подтверждали клятвою свои слова и всякiй, волей или неволей, долженъ былъ имъ вѣрить. Нѣкоторые клялись, что видѣли Бориса сидящимъ за бочками въ одномъ подвалѣ Годуновыхъ, что тамъ у него была и пища и питье.

«Ослѣпленiе было такъ велико, что по всѣмъ дорогамъ, на разстоянiе 300 и 400 миль отъ Москвы, разослали гонцовъ, чтобы оповѣстить народъ о бѣгствѣ Бориса; и вся земля взволновалась. Народъ нисколько не сомнѣвался въ томъ, что Борисъ живъ, и даже такъ былъ увѣренъ въ этомъ, что нѣкоторые казаки искали Бориса по приволжскимъ деревнямъ и лѣсамъ.»

Убiенiе царя Ѳеодора и его матери. Участь царевны Ксенiи. Черезъ нѣсколько дней послѣ заключенiя царской семьи и разграбленiя Годуновскихъ домовъ, въ Москву прибыли, чтобы покончить съ Годуновыми, князья Василiй Голицынъ и Василiй Мосальскiй съ дьякомъ Сутуповымъ. Они начали съ главнаго приверженца Годуновыхъ, патрiарха Iова; извлекли его изъ Успенскаго Собора въ то время, какъ онъ совершалъ тамъ службу, сорвали съ него патрiаршую одежду и какъ простого монаха выслали въ Старицкiй монастырь. Всѣхъ близкихъ Ѳедору бояръ—Сабуровыхъ, Вельяминовыхъ и др. также разослали по далекимъ мѣстамъ. Послѣ того Голицынъ, Мосальскiй съ Молчановымъ, Шефердиновымъ и тремя стрѣльцами вошли въ домъ, гдѣ сидѣли въ заключенiи царь Ѳедоръ съ матерью и сестрой.... развели ихъ по разнымъ покоямъ.... Царицу быстро задушили. Ѳеодоръ мужественно сопротивлялся: «Злодѣи ужасошася, яко единъ съ четверьмя боряшеся».... Послѣ многихъ часовъ борьбы, чтобы одолѣть его, прибѣгли къ гнуснымъ прiемамъ борьбы, затѣмъ повергли на полъ и задушили подушками. Ксенiю оставили въ живыхъ *.

---

* Ксенiя умерла только въ 1622 году (30 августа). Вступивъ въ Москву, Самозванецъ взялъ ее во дворецъ и отпустилъ лишь послѣ того, какъ слухъ о ней дошелъ до его будущаго тестя Мнишка, и тотъ написалъ ему укоризненное письмо. Тогда онъ отослалъ ее въ монастырь, приказавъ постричь...: «и оттуда на лѣта къ болшему безчестiю продолжися животъ ея».... «отъ мѣста на мѣсто и отъ лавры въ лавру она превожденiе подья, и до толика безславiя жизнь ея протяжеся, даже и до еже,—егда всему царску граду объяту отъ противныхъ и во облежанiи бывшу, въ немъ той съ прочими затворенѣ—всякаго безчестiя скудость и нужду претерпѣти, даже и до сего, яко и иноплеменныхъ языкъ, самыхъ враговъ отцу ея, ту уничиженѣ руки осязаша.»

Убитыхъ «безъ отпѣванія» зарыли въ землю въ Варсонофьевскомъ монастырѣ, гдѣ было похоронено и тѣло Бориса. Народу сказали, что царь и царица покончили самоубійствомъ, принявъ яду.

Такъ въ нѣсколько дней отъ власти и величія Годуновыхъ не осталось ничего— «яко буря велія разсѣя ихъ яко прахъ».

Рис. 322. Царевичъ Дмитрій Іоанновичъ.

[Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Титулярникъ.]

Рис. 323. Печать царевича Ѳеодора Борисовича Годунова, приложенная къ грамотѣ 1604 г.

[Императорскій Королевскій Архивъ въ Вѣнѣ.]

Рис. 324. Царь Дмитрій Іоанновичъ (Самозванецъ).
[Императорскій Историческій Музей].

Государевъ дворъ въ Кремлѣ при царѣ Дмитріи Іоанновичѣ (Самозванцѣ).

Вступленіе Дмитрія на престолъ. 20-го іюня 1605 года Дмитрій въѣзжалъ въ столицу*. Звонъ колоколовъ всѣхъ храмовъ Московскихъ наполнялъ воздухъ торжественными звуками. Все населеніе Москвы вышло на встрѣчу своему царю, густой толпой пере-

* По свидѣтельству очевидца, въѣздъ Дмитрія совершался въ слѣдующемъ порядкѣ: «Впереди ѣхала польская кавалерія, сверкая оружіемъ; за ней слѣдовали въ большомъ количествѣ московскіе стрѣльцы, литаврщики, колесница (царская) и много коней, причемъ послѣдніе были повсюду роскошно украшены золотыми ожерельями и драгоцѣнными камнями; далѣе слѣдовала въ большомъ количествѣ московская конница; позади ея—множество священниковъ со своими епископами, владыками и патріархомъ.... Передніе священники несли два четыреугольныя знамени, которыя были высоко подняты; на этихъ знаменахъ было изображеніе Богоматери. Остальные священники несли также разные священные предметы, или Евангелія, или писанныя на деревянныхъ доскахъ изображенія Богоматери и Св. Николая, при чемъ двѣ большихъ размѣровъ иконы, которыя несли передъ патріархомъ, съ изображеніемъ Пресв. Богородицы и Св. Николая, были болѣе замѣтны вслѣдствіе золотыхъ украшеній и драгоцѣнныхъ камней. Наконецъ, сенаторы, поддерживая подъ руки Свѣтлѣйшаго Государя нашего Димитрія, украшеннаго золотомъ и драгоцѣнными камнями, подвели его къ главнѣйшему храму Пресвятой Богородицы....

(Письмо о. Андрея Лавицкаго Высокопреподобному отцу во Христѣ, Клавдію Аквавивѣ, Генералу Ордена Іисуса, въ Римъ, 21 сентября 1605 г. Архивъ Ватиканскій. Отдѣлъ Боргезе II. 499. Старина и Новизна, кн. XIV).

полняя лежащія на пути его шествія улицы, громоздясь на колокольняхъ и крышахъ домовъ. Ни одного Московскаго Государя, при вступленіи его на престолъ, не встрѣчалъ народъ съ такой любовью и восторгомъ. Петръ Петрей, очевидецъ этого въѣзда, разсказываетъ, что московскіе люди «въ радостномъ умиленіи припадали лицами къ землѣ и громко кричали Дмитрію: «Дай тебѣ Боже счастія, здоровья и долгоденствія! Богъ, такъ чудесно сохранившій и спасшій тебя въ этомъ свѣтѣ, и впередъ защититъ и управитъ тебя на всѣхъ твоихъ стезяхъ и путяхъ! Ты настоящее солнце, свѣтозарная утренняя звѣздочка, проглянувшая на Руси!»—«Дай Боже, отвѣчалъ Димитрій, здоровья вамъ, моимъ вѣрнымъ подданнымъ: встаньте и молитесь за меня Богу!»

Сердца царя и народа были преисполнены взаимною любовію и, окрыленныя надеждою на свѣтлое будущее, трепетали радостью. Сама природа, казалось, участвовала въ общемъ ликованіи. День былъ прекрасный, тихій. Весеннее солнце играло въ лазури яснаго неба.

Но внезапно все замутилось.

Когда Дмитрій, проѣхавъ «живой мостъ» (положенный чрезъ Москву-рѣку на бочкахъ), выѣзжалъ рѣчными воротами на Красную площадь, «поднялся такой сильный вихрь, что въ одну минуту ронялъ и коня и всадника: онъ погналъ на народъ такую пыль и песокъ, что нельзя было открыть глазъ. Русскіе пришли въ ужасъ, крестились и говорили: «Сохрани насъ, Боже, отъ всякаго зла! Этотъ входъ предвѣщаетъ какое-нибудь несчастіе.»

Въѣхавъ на Красную площадь и обративъ взоры на Кремль, куда стремились его пылкія мечты такъ долго, такъ упорно, гдѣ его ожидали золотые сны юности, чудомъ превратившіеся въ дѣйствительность, Дмитрій не выдержалъ и разрыдался. Предъ лицемъ всего множества народа съ горючими слезами благодарилъ онъ Всевышняго, Который неисповѣдимыми путями Своими привелъ его въ родную землю, сподобилъ увидѣть Москву и удостоилъ царскаго наслѣдія.

Народъ, растроганный до глубины души, прославлялъ Бога, сохранившаго царя, и съ умиленіемъ дивился его необыкновенной судьбѣ.

Въ Кремлѣ, соблюдая древніе обычаи, Дмитрій прежде всего направился въ Успенскій Соборъ, затѣмъ въ церковь Іоанна Лѣствичника и въ Архангельскій Соборъ, гдѣ со слезами молился у гроба родителя.

Тѣмъ временемъ, пока въ соборахъ совершалась церковная служба, на площади Соборной прибывшіе съ Дмитріемъ латыне-литовцы поступали, нисколько не сообразуясь съ этимъ. Они «сидѣли на лошадяхъ, трубили въ трубы и били въ бубны.» О. Лавицкій говоритъ: «происходила столь сильная игра на литаврахъ, что я, присутствуя здѣсь въ качествѣ зрителя, едва не оглохъ.»

Вообще, пришельцы вели себя какъ въ завоеванномъ городѣ. По словамъ Исаака Массы «они были разставлены въ Кремлѣ съ заряженными ружьями и въ полномъ вооруженіи. Они никого не боялись и были такъ надменны, что даже съ вельможами говорили грубо.»

Изъ Соборовъ Дмитрій прослѣдовалъ во дворецъ. Тамъ его «посадили на царскій тронъ и всѣ вельможи поклонились ему до земли, какъ своему истинному прирожденному Государю, сыну царя Ивана Васильевича Грознаго.»

Строительная дѣятельность царя Дмитрія Ивановича.

Сѣвъ на престолъ царскій, Дмитрій остался неудовлетвореннымъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ довольствовались прежніе Московскіе Государи, что они созидали вѣками и что такъ поражало богатствомъ и великолѣпіемъ не однихъ только пришельцевъ съ востока, но и видавшихъ виды европейцевъ—дворецъ ему казался тѣснымъ и некрасивымъ, убранство его убогимъ, придворно-служители грубыми и негодными, казна недостаточно обильной.

Ожиданіе пріѣзда невѣсты, Марины Мнишекъ, усугубляло требовательность Дмитрія.

Построеніе новаго дворца. Онъ спѣшно началъ строить новый дворецъ, выбравъ для него мѣсто, откуда открывался лучшій видъ въ Кремлѣ—крышу Годуновскаго запасного дворца.

Новое зданіе было выстроено въ то же лѣто и отдѣлано въ теченіи зимы. По словамъ Исаака Массы, оно состояло изъ двухъ строеній, расположенныхъ одно подлѣ другого и сходившихся подъ угломъ въ видѣ глаголя. Одно изъ нихъ предназначалось для царя, другое для будущей царицы.

Судя по прилагаемому изображенію (рис. 325), дворецъ этотъ представлялъ собою довольно сложное сооруженіе, состоявшее изъ строеній разной формы и размѣровъ, расположенныхъ по южному и западному фасадамъ Годуновскаго запасного дворца. Оно простиралось во всю ихъ длину и, слѣдовательно, было весьма обширно.

Внѣшній видъ новаго дворца не отличался чѣмъ либо новымъ, для русскаго глаза непривычнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, на рисункѣ Исаака Массы мы видимъ знакомыя намъ древне-русскія формы—низкія двускатныя и высокія многостороннія крыши съ закомарами, палаты изъ соединенія нѣсколькихъ срубовъ, покой какъ въ хоромахъ Строгановыхъ (рис. 2).

Что касается внутренней отдѣлки дворца, то въ ней сказались знакомство Самозванца съ западно-европейской жизнью, жажда къ блеску, отрава впечатлѣніями надменнаго, показного богатства. Онъ рѣзко разошелся съ Московской стариной, цѣломудренно

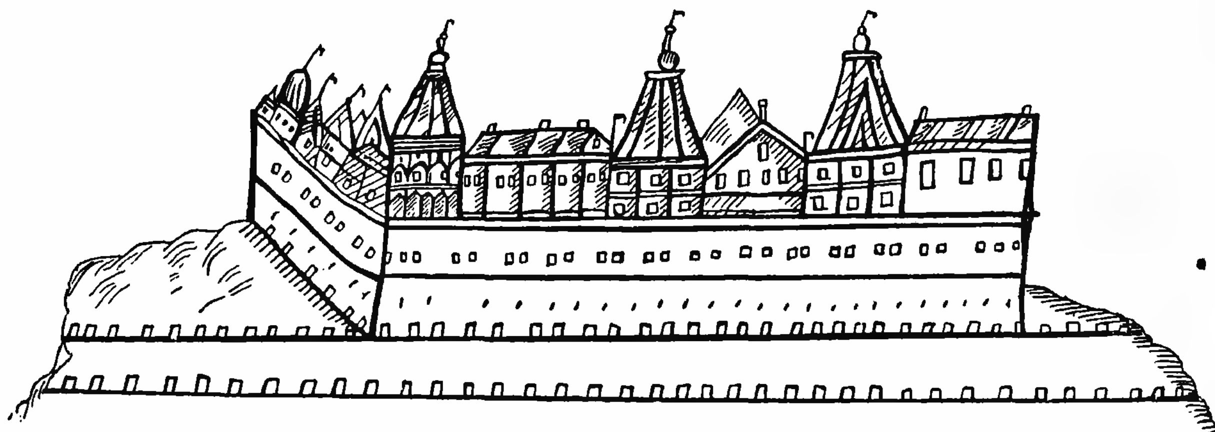

Рис. 325. Дворецъ Лжедмитрія, построенный имъ въ 1605 году на верху запасного дворца Годунова.

[Съ современнаго рисунка изъ сочиненія Исаака Массы—Сказанія о Смутномъ времени].

сохранявшей суровую простоту обстановки царскихъ покоевъ, украшаемыхъ блестящимъ нарядомъ лишь въ особыхъ, торжественныхъ случаяхъ. Роскошное убранство новаго жилища Московскаго царя было постояннымъ, присущимъ повседневному обиходу царской жизни.

«Въ этомъ дворцѣ, пишетъ Масса, Дмитрій велѣлъ вызолотить очень дорогіе балдахины, стѣны обить дорогою парчею и рытымъ бархатомъ; всѣ гвозди, крюки, цѣпи и петли дверныя покрыть очень толстымъ слоемъ позолоты; внутри сдѣлать превосходныя печи и украсить ихъ разнообразными произведеніями искусства; занавѣсы у оконъ сдѣлать изъ отличной ткани алаго цвѣта.»

Другой очевидецъ, составитель дневника Марины, говоритъ, что «печи были зеленыя и нѣкоторыя изъ нихъ обведены серебряными рѣшетками. Столовая обита персидскою тканью; занавѣсы у оконъ и дверей парчевые. Постельныя комнаты были наряжены богатой вышитой золотомъ матеріей, и одна парчей, а комната Марины гладкимъ краснымъ бархатомъ.»

Въ вышеописанномъ дворцѣ Дмитрій устроилъ «множество потаенныхъ дверей и ходовъ», выстроилъ роскошныя бани и красивыя башни и поставилъ рядомъ со своими покоями конюшню, отдѣльную отъ большой царской конюшни, находившейся близъ Боровицкихъ воротъ.

Одновременно съ возведеніемъ новыхъ построекъ Дмитрій, по словамъ о. Лавицкаго, «боясь чародѣйства, озаботился совершенно уничтожить чертоги Годунова».

Рѣчь идетъ, несомнѣнно, о тѣхъ покояхъ, которые Годуновъ, сдѣлавшись царемъ, выстроилъ для себя за Набережными палатами и Теремами, близъ ц. Рождества Предтечи (см. стр. 267).

Насколько извѣстно, сказанное исчерпываетъ всю строительную дѣятельность Дмитрія въ Кремлѣ. Это все, что онъ успѣлъ сдѣлать за короткое время своего царствованія. Но нѣтъ сомнѣнія, что, утвердись онъ на престолѣ Московскомъ, Кремль украсился бы чудесами зодчества. Порукой тому служитъ пылкая фантазія и неукротимая страсть къ забавамъ сего недавняго бездомнаго скитальца, неугомонно мастерившія всякія выдумки и затѣи. *

* Напримѣръ, какъ разъ передъ новопостроеннымъ дворцомъ, уже за стѣнами Кремля, на Москвѣ-рѣкѣ, Дмитрій поставилъ небольшую подвижную крѣпость, сооруженіе, знакомое въ Россіи издавна (Гуляй-городъ, см. кн. I, стр. 49). Но Дмитрій придалъ этой крѣпости видъ адскаго чудовища. Масса говоритъ: «Она была прекрасно сдѣлана и вся раскрашена; на дверяхъ были изображены слоны, на окнахъ—входъ въ адъ, извергавшій пламя, въ нижней части, на небольшихъ окнахъ, имѣвшихъ видъ чертовыхъ головъ, были поставлены маленькія орудія.» Такая внѣшность была столь чужда русскимъ, что произвела немалое удивленіе, а во многихъ возбудила даже мистическій ужасъ и негодованіе: «И сотвори себѣ Самозванецъ, пишетъ одинъ изъ хронографовъ, въ маловременней жизни потѣху, а въ будущій вѣкъ знаменіе превѣчнаго своего домовища, его же въ Россійскомъ государствѣ и во иныхъ ни въ которыхъ странахъ не бывало и никто его не видѣ на земли: адъ превеликъ зѣло, имѣющъ у себе три главы, и содѣла обоюду челюстей его отъ мѣди бряцало веліе, егда же разверзаетъ челюсти своя и изъ зѣву его яко пламя предстоящимъ ту являшеся, и веліе бряцаніе исходитъ изъ гортани его, зубовъ же осклабленіе страшно, и ногти готовы на ухапаніе, и постави его, проклятый онъ, прямо себе на Москвѣ-рѣкѣ во обличеніе, даже ему изъ превысочайшихъ своихъ обиталищъ зрѣти на него всегда и готову быти въ него на вселеніе и со единомысленники своими.»

Царскій дворъ при Дмитріи Самозванцѣ.

Перемѣны въ личномъ составѣ. Новые придворные чины. Стремленіе Московскаго Вѣнценосца къ жизни лучшей во всѣхъ отношеніяхъ проявилось въ его дѣятельности немедленно же по вступленіи его на престолъ. «Не успѣлъ онъ взойти во дворецъ, говоритъ Масса, какъ тотчасъ же всѣ прежніе дворцовые чиновники—дьяки, подьячіе, стольники, повара и слуги были удалены и замѣщены людьми, которымъ царь болѣе довѣрялъ. Правителей по всѣмъ областямъ, городамъ и другимъ владѣніямъ также смѣнили.

«Въ придворные служители и пажи Дмитрій назначилъ только поляковъ, которые были способнѣе, расторопнѣе, а также образованнѣе и умнѣе, чѣмъ московскіе придворные и дворяне, нигдѣ кромѣ своей родины не бывавшіе, большею частью не умѣвшіе ни читать, ни писать.» Распредѣливъ старыя дворцовыя должности между новыми людьми, Дмитрій ввелъ въ составъ Московскаго двора новые придворные чины, какіе существовали при польскомъ королевскомъ дворѣ—*подчашія, подскарбія и великаго мечника*, поставивъ этотъ послѣдній чинъ выше всѣхъ придворныхъ должностей.

Царская гвардія. Затѣмъ онъ преобразовалъ и увеличилъ свою гвардію. Вотъ какія подробности передаетъ объ этомъ Масса: «Онъ выбралъ 300 человѣкъ, самыхъ рослыхъ и храбрыхъ, и учредилъ отрядъ алебардщиковъ, состоявшій изъ 200 человѣкъ и отрядъ конныхъ стрѣлковъ изъ 100 человѣкъ. Онъ назначилъ имъ большое жалованье и поручалъ имъ высшія должности, приказавъ также одѣть ихъ въ нѣмецкое платье. Надъ конными стрѣлками, между которыми было много шведскихъ и лифляндскихъ дворянъ, былъ назначенъ начальникомъ капитанъ Іаковъ Маржеретъ, бывшій прежде начальникомъ нѣмецкаго отряда. Эти конные стрѣлки получали громадное жалованье и носили очень роскошную одежду нѣмецкаго покроя изъ бархата и золотой парчи, дорогіе плащи и золоченые протазаны съ древками, покрытыми краснымъ бархатомъ и увитыми серебряною проволокою.

«Каждая сотня алебардщиковъ имѣла своего капитана. Одинъ изъ нихъ былъ шотландецъ, по имени Альбрехтъ Лантонъ. Воины, находившіеся въ его отрядѣ, носили одежду фіолетоваго цвѣта съ зелеными бархатными обшивками. Другой капитанъ былъ Матвѣй Кнутсенъ, родомъ изъ Даніи, поступившій на царскую службу во время царствованія Бориса, послѣ смерти герцога Іоанна. Воины, находившіеся въ отрядѣ Кнутсена, носили одежду изъ сукна фіолетоваго цвѣта съ красными бархатными обшивками. Эти три капитана, вмѣстѣ съ ихъ лейтенантами, были пожалованы деревнями и землями и сверхъ того ежегодно получали большое жалованье. Алебардщики и конные стрѣлки, будучи также щедро одарены, должны были всегда окружать царя, а нѣкоторые изъ нихъ обязаны были поочередно содержать ночной караулъ во дворцѣ. Когда царь выѣзжалъ верхомъ, конные стрѣлки слѣдовали за нимъ верхомъ—у каждаго изъ нихъ была лошадь, а алебардщики сопровождали царя пѣшкомъ до воротъ, у которыхъ и ожидали его возвращенія. Конные стрѣлки каждый разъ выѣзжали съ заряженными пистолетами.

Рис. 326. Сулея. Издѣліе 1606 г.
Вѣсу 11 фунтовъ, выш. 13 верш., шир. 5 вер.
[Московская *Оружейная Палата*, № 1539.]

«Это казалось москвитянамъ чрезвычайно страннымъ, потому что они ничего подобнаго не видали и не знали, что объ этомъ думать, ибо Московскіе прирожденные цари выѣзжали верхомъ въ сопровожденіи однихъ стрѣльцовъ. Послѣднихъ Дмитрій держалъ постоянно при себѣ, въ числѣ двухъ или трехъ тысячъ человѣкъ, вооруженныхъ длинными ружьями.»

Царская казна.

На ряду съ украшеніемъ и увеличеніемъ дворца, и образованіемъ двора болѣе многочисленнаго и блестящаго, Дмитрій обратилъ особое вниманіе на приведеніе въ порядокъ и пополненіе царской казны.

«Онъ приказалъ, пишетъ Масса, пересмотрѣть всѣ царскія сокровищницы и сдѣлать для драгоцѣнностей новые ящики.» Не довольствуясь несмѣтнымъ имуществомъ прежнихъ Государей, Дмитрій началъ закупать множество цѣнныхъ вещей у англичанъ, голландцевъ, польскихъ евреевъ и другихъ чужеземцевъ, съѣхавшихся со всѣхъ сторонъ въ Москву ради наживы. Царскія кладовыя вслѣдствіе этого наполнились вещами новыми и часто совершенно не нужными, за которыя деньги платились немедленно.

Особенно умножились покупки ко времени свадьбы царя. Тогда въ Москву нахлынула цѣлая толпа купцовъ съ разными драгоцѣнностями.

Главнѣйшіе изъ пріѣзжихъ были: «полякъ Неметскій (Nevesk) старинный дворянинъ, присланный Анною, сестрою короля Польскаго, имѣвшій у себя на 200.000 талеровъ цѣнныхъ вещей; родственникъ королевскаго маршала, Вольскій, привезшій дорогіе обои и ткани для шатровъ, проданные за 100.000 талеровъ; Амвросій Челари изъ Милана, имѣвшій товаровъ на 6.000 флориновъ; двое слугъ Филиппа Гольбейна изъ Аугсбурга съ товарами на 35.000 флориновъ; Андрей Натанъ изъ Аугсбурга съ драгоцѣнными вещами на 300.000 флориновъ; Николай Демистъ изъ Лемберга, также привезшій много товара. Сверхъ того, весьма много другихъ купцовъ и евреевъ со множествомъ разныхъ вещей.»

Рис. 327. Дмитрій Самозванецъ.

[Съ гравюры Н. Уткина 1831 года, сдѣланной съ современной медали.]

Жизнь въ Кремлевскомъ дворцѣ во время царствованія Дмитрія Самозванца.

Перемѣна образа жизни.

Такимъ образомъ, со вступленіемъ Дмитрія на престолъ на царскомъ дворѣ ничто не осталось по старому; все передѣлывалось на новый, болѣе блестящій и утонченный образецъ, въ которомъ не только сказывалось, но кричало западное, преимущественно польско-литовское вліяніе. Образъ жизни самого царя былъ совсѣмъ не похожъ на принятый Московскими Государями. Дмитрій нисколько не сообразовался со старыми, давностью освященными обычаями, явно пренебрегалъ ими и велъ себя безъ той торжественности, которая почиталась для царя обязательной.

Петръ Петрей, хорошо освѣдомленный о всемъ происходившемъ при Московскомъ дворѣ, разсказываетъ про царя, что «за обѣдомъ приказывалъ онъ играть и показывать свое искусство музыкантамъ, какъ водится въ другихъ странахъ у высокихъ лицъ. Отмѣнилъ много обрядовъ, принятыхъ москвитянами, напримѣръ, креститься, кланяться и нагибаться передъ образомъ, послѣ обѣда обмываться. Послѣ обѣда не ложился спать, какъ водилось у прежнихъ великихъ князей и всѣхъ русскихъ, а прохаживался въ казначейство, аптеки, лавки серебренниковъ; смотрѣлъ, что они работали и чѣмъ торговали; часто имѣлъ при себѣ не больше одного или двухъ молодыхъ дворянъ, не рѣдко также отсылалъ отъ себя камеръ-юнкеровъ и боярскихъ дѣтей и они иногда не знали, куда онъ дѣвался, должны были бѣгать и искать его по всѣмъ комнатамъ во дворцѣ. При выѣздахъ на богомолье по церквамъ и монастырямъ онъ не садился въ большую колымагу или коляску, но приказывалъ подводить себѣ самую горячую лошадь, которая была лютѣе всѣхъ. Бралъ въ руку поводья и, быстро бросившись въ сѣдло, гналъ ее точно ловкій рыцарь; а терпѣть не могъ, если конюхи выносили ему стулъ, чтобы ставить на него ногу, когда хотѣлъ ѣхать верхомъ, какъ обыкновенно дѣлали прежніе великіе князья. Каждый день онъ находилъ удовольствіе въ прогулкѣ, скачкѣ верхомъ и охотѣ съ соколами и собаками.» По свидѣтельству Исаака Массы, для удовлетворенія его страсти къ охотѣ и бою съ дикими звѣрями, «по всей странѣ велѣно было отъискивать самыхъ злыхъ и лучшихъ собакъ и ими почти каждое воскресенье травили медвѣдей на заднемъ дворцовомъ дворѣ, куда ихъ въ большомъ числѣ привозили въ клѣткахъ.»

Тутъ же происходили, уже описанные при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, единоборства людей съ медвѣдями, причемъ часто Дмитрій порывался самъ идти одинъ на одинъ противъ медвѣдя, но придворные, обыкновенно, неотступными мольбами удерживали его отъ этого. Необузданная энергія царя не знала удержу, и на охотѣ онъ въ одинъ день загонивалъ по нѣсколько дорогихъ лошадей, которыми управлялъ въ совершенствѣ, а самыхъ дикихъ укрощалъ своими руками.

Таково было поведеніе и образъ жизни царя, не мало смущавшіе москвичей. Съ пріѣздомъ его высоконареченной невѣсты на царскомъ дворѣ стали происходить вещи совершенно невозможныя и съ точки зрѣнія православныхъ русскихъ людей глубоко возмутительныя.

Пріѣздъ царской невѣсты Марины Мнишекъ, ея отца, брата и польской свиты. Съ пріѣздомъ польскихъ гостей, во дворцѣ Кремлевскомъ, по народному выраженію, «дымъ пошелъ коромысломъ».

Ихъ понаѣхало такое множество, что Кремль не могъ вмѣстить всѣхъ и многимъ, даже придворнымъ людямъ, пришлось поселиться на Никитской и другихъ прилегающихъ къ Кремлю улицахъ. Переполохъ, надѣланный пріѣздомъ буйной шляхты, подобенъ былъ чуть не вражескому разгрому. Великій князь .... «повелѣ и литву и ляховъ ставити по большимъ боярскимъ и по княжескимъ дворамъ, и по подьячимъ, и по владычнымъ, и гостинныхъ и торговыхъ людей, по большимъ, и по добрымъ, и по богатымъ дворамъ. И бысть мятежъ великой, и крикъ и вопль многъ, и изъ дворовъ добрыхъ людей метаху и выбиваху насильно, на дворѣхъ же имаху всякіе запасы, и грабляху до конца, и насиліе бысть великое всѣмъ добрымъ людемъ.»

Рис. 328. Обрученіе Марины Мнишекъ съ дьякомъ Власьевымъ, замѣстителемъ царя Дмитрія Ивановича.
[Императорскій Историческій Музей.]

Рис. 329. Вѣнчаніе Марины Мнишекъ.
[Императорскій Историческій Музей.]

24 апрѣля, за нѣсколько дней до пріѣзда Марины, ея отецъ, воевода Сендомирскій, оставивъ дочь въ Можайскѣ, отправился въ Москву въ сопровожденіи многочисленной свиты и московскаго посла Афанасія Ивановича Власова. Здѣсь бояре, дворяне и народъ встрѣтили его такъ же торжественно, какъ недавно встрѣчали датскаго герцога Іоанна въ царствованіе Бориса. Точно такъ же, какъ нѣкогда герцогъ, и Мнишекъ въѣзжалъ въ Москву на царской лошади. Для него былъ отведенъ домъ Бориса въ Кремлѣ, гдѣ ему прислуживали по царски.

Празднества. На слѣдующій по пріѣздѣ день Сендомирскій былъ торжественно принятъ царемъ и съ этого же времени начались пиршества, всякія потѣхи, балы, слѣдовавшіе одинъ за другимъ безъ перерыва. Шумъ, крики, пѣніе, звукъ музыкальныхъ инструментовъ, пушечная и ружейная стрѣльба не прекращались ни днемъ, ни ночью. Угаръ необузданнаго веселія стоялъ надъ Кремлемъ все время, пока внезапно не настало ужасное отрезвленіе. Отчетъ современной лѣтописи, извѣстный подъ названіемъ «Дневника Марины», даетъ намъ достаточное понятіе, какъ проводили время въ Кремлѣ еще до пріѣзда царской невѣсты.

26 апрѣля, на другой же день послѣ представленія царю и слѣдовательно на третій по своемъ пріѣздѣ въ Кремль, Мнишекъ, «отобѣдавъ у себя дома, отправился во дворецъ, гдѣ нашелъ царя весьма веселымъ. 40 музыкантовъ брата Марины, пана старосты Саноцкаго, играли въ царскихъ комнатахъ, изъ коихъ одна была обита тканью, шитою золотомъ, другая парчею, а третья, гдѣ сидѣлъ самъ царь, также богато вышитою золотомъ тканью. Русскіе чрезвычайно удивлялись музыкѣ. Въ сѣняхъ, предъ первымъ покоемъ, стояли золотые и серебряные сосуды, изображавшіе баснословныхъ боговъ и птицъ, только въ другомъ порядкѣ и въ гораздо большемъ количествѣ, нежели въ столовой. Тамъ и въ сѣняхъ столовой, среди прочихъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, загромождавшихъ стѣны покоевъ съ полу до потолка, находились семь серебряныхъ съ вызолоченными обручами бочекъ, огромный величиною въ ростъ человѣка серебряный съ позолотою рукомойникъ, изъ крановъ котораго лилась вода въ три таза и множество изваяній золотыхъ и серебряныхъ звѣрей и чудищъ—львовъ, драконовъ, единороговъ, оленей, грифовъ, ящерицъ, лошадей и проч. Напитковъ подавали очень много. Царь выслалъ къ намъ Басманова, приглашая веселиться. Самъ онъ нѣсколько разъ переодѣвался, то по гусарски, то по-Московски. Гусарскій нарядъ состоялъ изъ парчеваго полукафтанья, изъ краснаго бархатнаго доломана, унизаннаго жемчугомъ, съ краснымъ исподнимъ платьемъ и сафьянными башмаками. Такъ онъ веселился до самаго вечера. Музыкантамъ выдано сей день, по его приказанію, 2.000 злотыхъ. Князь Вишневецкій танцовалъ предъ нимъ съ паномъ старостою Саноцкимъ. Панъ же воевода, съѣздивъ на свою квартиру и посѣтивъ царскую мать въ ея монастырѣ, возвратился къ царю на ужинъ и пробылъ во дворцѣ до бѣлаго дня.»

Черезъ день послѣ этого ночного кутежа царь поѣхалъ съ Сендомирскимъ на охоту и здѣсь показалъ свою богатырскую удаль. «Въ числѣ разныхъ звѣрей, выпустили и медвѣдя; когда никто изъ пановъ не отваживался вступить съ нимъ въ бой, вышелъ самъ царь и, однимъ ударомъ рогатины убивъ медвѣдя, саблею отсѣкъ ему голову, при радостныхъ восклицаніяхъ москвитянъ. Ударъ рогатиной былъ такъ силенъ, что рукоятка оной разлетѣлась въ дребезги.»

Послѣ охоты былъ данъ роскошный пиръ въ царскихъ палаткахъ.

Приготовленія къ встрѣчѣ царской невѣсты. Такъ шло время въ веселіи и безпрерывныхъ забавахъ, на которыхъ разливаннымъ моремъ лились изъ царскихъ погребовъ дорогіе меды и вина, сыпались изъ кладовыхъ всякіе запасы. Очевидно, царь намѣревался баснословнымъ богатствомъ ослѣпить своихъ гостей, знавшихъ его въ Польшѣ въ униженіи и бѣдности.

Роскошь, съ какою принимали на царскомъ дворѣ прибывавшихъ гостей, превышала все, когда либо видѣнное и вызвала у лѣтописца горестныя восклицанія: «вся сокровища древняя истощи.... воду черплюще ношаху сребряными сосуды и въ баняхъ моющеся отъ златыхъ же и серебряныхъ сосудовъ».....

Въ самомъ дѣлѣ, расточительность царя приняла безумные размѣры.

О свадебныхъ расходахъ въ связи съ его женитьбою можно судить по прилагаемому списку подарковъ, сдѣланныхъ имъ своей невѣстѣ, ея отцу и брату.

Но стоимость перечисленныхъ подарковъ была ничтожна въ сравненіи съ тѣмъ, что было истрачено на пріемы и свадебныя пиршества.

Для встрѣчи Марины готовилось сказочное великолѣпіе и деньги сыпались безъ счета. Между прочимъ царь «приказалъ сдѣлать множество красивыхъ шатровъ и каретъ и всѣмъ капитанамъ, ротмистрамъ и придворнымъ выдать деньги для того, чтобы они могли сдѣлать себѣ самую дорогую одежду.»

Для пріѣзда любимой женщины Дмитрій, можно сказать, поставилъ ребромъ чуть ли не всѣ наличныя средства своего государства съ его неисчислимыми богатствами, въ видѣ дорогихъ одеждъ, вещей, лошадей и, наконецъ, населенія—войска, избранной гвардіи и придворной высшей знати. Всѣ должны были встрѣчать молоденькую польку и составлять декорацію для ея въѣзда.

Рис. 330. Марина Мнишекъ, съ гравюры Н. Уткина (1834 г.)
(Съ портрета изъ сочиненія. U. Niemcewicza «Dzieie panowania Zygmunta III».)

Списокъ свадебныхъ подарковъ царя Дмитрія Самозванца.

Маринѣ Мнишекъ:

1) Образъ св. Троицы въ золотомъ окладѣ съ драгоцѣнными камнями—200.000 флориновъ, [отъ царицы Мареы].
2) Золотой перстень съ алмазомъ—14.000 фл.
3) Крестъ алмазный съ 3 великими жемчужинами. Его обвиваетъ змій изъ рубиновъ, подъ нимъ Моисей со множествомъ драгоцѣнныхъ камней.
4) Перо въ рубиновой оправѣ, у него висятъ 3 большія дорогія жемчужины.
5) Запястье большое съ алмазами, рубинами и большою жемчужиною, величиною съ грушу.
6) Сосудъ на подобіе птицы, съ крыльями изъ драгоцѣннаго камня.
7) Гіацинтовая чарка въ золотой оправѣ—32.000 фл.
8) Золотой съ драгоцѣнными камнями волъ въ лежачемъ положеніи; на хребтѣ его можно писать, внутри разныя принадлежности хозяйства.
9) Крестикъ, усаженный 7 большими рубинами и жемчужинами.
10) Большая золотая чара, усаженная камнями и жемчугомъ,
11) Серебряный вызолоченный пеликанъ, вѣс. въ 50 мар.—1.600 фл.
12) Серебряный вызолоченный сосудъ—Діана, сидящая на оленѣ, у котораго огромные коралловые рога—7.000 фл.
13) Корабль, отдѣланный золотомъ, каменьемъ и жемчугомъ—5.600 фл.
14) Золотой павлинъ съ распущеннымъ и поднятымъ хвостомъ, у котораго перья колеблются какъ у живого.
15) Часы изъ чернаго дерева, на нихъ слонъ съ башней. Они играли по московскому обычаю, слышны были разные громкіе отчетливые звуки, удары въ бубны, трубили 12 трубъ, потомъ играли на флейтахъ, а затѣмъ ударили 2 часа—10.000 фл.
16) *Коралловая чарка.*
17) Золотая чаша, наполненная драгоцѣнными камнями—16.000 фл.
18) Платье—16.000 фл.
19) Ожерелье—48.000 фл.
20) 16 сороковъ соболей.
21) 40 фунтовъ крупнаго жемчуга—48.128 фл.
22) 3 узды и дорогія сабли—60.000 фл.
23) 12 кусковъ дорогого бархата и атласа—4.000 фл.
24) Узорочье съ изображеніемъ на одной сторонѣ имени Іисуса, а на другой—Маріи, въ брилліантахъ, коихъ было на обѣихъ сторонахъ 96.
25) Цѣпь червоннаго золота, осыпанная 136 брилліантами.
26) Четки изъ жемчужинъ, величиною въ большой горохъ.
27) Браслеты изъ алмазовъ, переплетенные жемчугомъ.
28) Золотой ларчикъ съ жемчугомъ.
29) 3 слитка золота, цѣною въ 15.000 фл.
30) 2 большихъ золотыхъ блюда и 12 малыхъ.
31) Гіацинтовая солонка, оправленная золотомъ.
32) Золотой рукомойникъ и тазъ, съ искусными изображеніями.
33) Перстень съ 3 алмазами.
34) Алмазная корона.
35) Брилліантовая повязка на шляпу.
36) Алмазная запона.
37) 4 шнурка крупнаго восточнаго жемчуга.
38) 2 золотыхъ часовъ: одни въ баранѣ, другіе въ верблюдѣ.
39) 8 драгоцѣнныхъ ожерельевъ.
40) 8 кусковъ самой лучшей парчи.
41) 16 сороковъ соболей.
42) 4.018 лотовъ жемчужинъ.
43) *Крестикъ съ надписью—Марина, усаженный алмазами,* изъ которыхъ средній цѣною 12.000 злотыхъ, и 7 жемчужинами величиною съ вишню.
44) Большое старинное ожерелье изъ золота, усаженное алмазами, рубинами, сапфирами, смарагдами, шпинатами.
45) Наручникъ съ драгоцѣнными камнями, усаженными на алмазныхъ дощечкахъ, съ перегородками изъ большихъ круглыхъ уріанскихъ жемчужинъ.
46) Четки изъ *очень большихъ жемчужинъ.*
47) Дюжина большихъ уріанскихъ жемчужинъ.
48) Золотой ящикъ, отдѣланный финифтью.
49) Тазъ изъ чистаго золота, въ серединѣ его, гдѣ вырѣзываются гербы, выдѣлана лазуревой финифтью рощица, въ которой, *если хоть немного тронуть или тряхнуть* тазъ, двигались различныя змѣи.
50) Ковшикъ изъ чистаго золота, отдѣланный финифтью и усаженный разными каменьями.
51) Большой золотой кубокъ усаженный каменьями, съ крышкой изъ очень прозрачнаго камня, оправленнаго золотомъ.
52) Солонка изъ очень краснаго камня, обдѣланная чистымъ золотомъ съ очень тонкою финифтью.
53) Двѣ *большихъ золотыхъ мисы; у каждой по четыре колеса;* по краямъ на крестъ мисы отдѣланы финифтью съ московскими буквами.
54) 12 малыхъ гладкихъ глубокихъ блюдъ изъ чистаго золота.
55) Погребецъ съ золотыми тарелками.
56) [illegible] золотыхъ кирпичей, очень тяжелыхъ, такъ что и одинъ кирпичъ не легко было нести холопу.
57) Сто тысячъ чистыми деньгами.

Отцу Марины, пану воеводѣ Сендомирскому:

1) Чубарый конь.
2) Красное бархатное сѣдло съ отдѣлкой золотомъ и у него стальныя съ золотой насѣчкой стремена.
3) Чепракъ изъ краснаго бархата съ золотомъ и усаженный жемчугомъ.
4) Такое же чудное у лошади украшеніе, подпруга, карманы.
5) Бунчукъ съ золотымъ яблокомъ.
6) Поводья изъ золотыхъ колецъ.
7) Золотая булава съ каменьями.
8) Янчарь изъ золота съ каменьям
9) Рукоятка изъ яшмы.
10) Ножъ въ оправѣ изъ яшмы съ золотой отдѣлкой и камнями.
11) Золотая чара съ камнями.
12) 4 персидскихъ ковра съ золотой обшивкой.
13) Эпанча изъ чернобурой лисицы.
14) Шлыкъ изъ чернобурой лисицы.
15) [illegible] сороковъ соболей.
16) 3 кречета съ золотыми колокольчиками и шапочками, усаженными жемчугомъ, къ нимъ рукавицы турецкія съ отдѣлкой.
17) Чернолисья шуба и шапка.
18) Золотая чарка, осыпанная жемчугомъ и драгоцѣнными камнями.
19) Конь въ яблокахъ, сѣдло, арчакъ и узда, украшенные золотомъ и каменьями; вмѣсто поводовъ золотыя цѣпи.
20) Часы въ хрусталѣ съ золотою цѣпью.
21) [illegible] ножа; одинъ осыпанный алмазами, другой разными дорогими каменьями.
22) [illegible] персидскіе ковра, вышитые золотомъ.
23) *6 сороковъ самыхъ лучшихъ* соболей, *одинъ соболь и одна* куница живые.
24) 3 кречета.
25) 300.000 злотыхъ.
26) 100.000 злотыхъ.
27) Сани, обитыя пестрымъ бархатомъ; покрывало на нихъ красное, по угламъ вышитое жемчугомъ; коверъ и одѣяло подбиты соболями; крылья и оглобли увиты бархатомъ; по мѣстамъ *серебромъ; у хомута развѣшено* сорокъ соболей; лошадь запряжена бѣлая, козлы серебромъ окованы, капоръ унизанъ жемчугомъ.
28) Вызолоченныя сани, обитыя внутри парчею, съ парчевыми подушками, съ алымъ суконнымъ верхомъ на парчевомъ подбоѣ. Въ нихъ бѣлый жеребецъ, упряжь на немъ красная бархатная, дуга и оглобли обтянуты серебряною проволокою съ серебряными посерединѣ бляхами, съ такими же по концамъ шишками и съ красными шелковыми кистями. Хомутъ по обѣимъ сторонамъ увѣшанъ по сороку красивыхъ самыхъ лучшихъ соболей. Попона богато унизана жемчугомъ.

Брату Марины, Старостѣ Саноцкому.

1) Сабля и большой мечъ, оправленный въ золото съ драгоцѣнными камнями.
2) Дорогой бокалъ.
3) 6 сороковъ соболей, 3 черныхъ лисицы и 1 кречетъ съ золотымъ окольчикомъ.
4) 100 тысячъ золотыхъ.

* Для составленія послужили: Отрывки изъ Польскаго Сейма 1605 г., относящіеся къ Смутному времени. (Рус. Ист. Библ. I.) Дневникъ Марины Мнишекъ и пословъ Польскихъ. Исаакъ Масса—Сказанія о Смутномъ времени въ Россіи.

Рис. 341. ВИДЪ МОСКВЫ изъ альбома, приложеннаго къ «Сказаніямъ Исаака Массы», нарисованный однимъ изъ русскихъ дворянъ и подаренный автору.

О сходствѣ его Масса (стр. 189) говоритъ: «Поистинѣ, если бы вамъ самимъ случилось видѣть Москву, вы бы нашли ее именно такою, какою она представлена здѣсь». На правой сторонѣ этого вида изображенъ, очевидно, въѣздъ Марины Мнишекъ.

Въѣздъ въ Москву Марины Мнишекъ. Очевидецъ событій царствованія Дмитрія, Исаакъ Масса, такъ описываетъ этотъ торжественный въѣздъ царской невѣсты:

«Черезъ Москву-рѣку, съ той стороны, откуда должна была прибыть будущая царица, построили новые мосты и тамъ, на лугу близь берега, поставили два роскошныхъ шатра, у которыхъ ее должны были встрѣтить и пересадить изъ ея дорожной кареты въ колесницу, приготовленную для торжественнаго въѣзда.

«Всѣ дворяне и вельможи, выѣхавшіе верхомъ, были одѣты въ платья, залитыя золотомъ и жемчугомъ, а на лошадяхъ были надѣты позолоченыя и посеребреныя сѣдла, золотыя и серебряныя цѣпи, унизанныя драгоцѣнными камнями. Каждаго сопровождало множество пѣшихъ и конныхъ слугъ, одѣтыхъ почти такъ же роскошно, какъ и ихъ господа. Царская колесница «очень красивая, отдѣланная такъ же искусно, какъ театръ», была позолочена и украшена золотою парчею. Внутри ея лежали подушки, унизанныя жемчугомъ; даже колеса ея были вызолочены. Въ ней сидѣлъ красивый маленькій арабъ, державшій на золотой цѣпочкѣ обезьяну, съ которой онъ игралъ. Эту карету везли 12 бѣлыхъ лошадей съ круглыми чорными пятнами.

«Сзади колесницы шло 100 конныхъ стрѣлковъ, роскошно одѣтыхъ, съ капитаномъ, который точно такъ, какъ и два капитана алебардщиковъ, ѣхалъ верхомъ; по сторонамъ ея—200 алебардщиковъ, составлявшихъ какъ бы два крыла, съ каждой стороны по 100 и двое знатныхъ бояръ, одежда которыхъ была унизана жемчугами и драгоцѣнными камнями. Такъ сопровождали колесницу до двухъ выше упомянутыхъ шатровъ. Здѣсь алебардщики въ нѣмецкомъ одѣяніи были выстроены въ рядъ по обѣимъ сторонамъ, а конные стрѣлки поставлены за ними.

«На встрѣчу царицѣ выѣхала также рота польскихъ всадниковъ съ своимъ ротмистромъ Домарацкимъ. Всѣ они были великолѣпно одѣты, имѣли раскрашенныя копья и знамена.

«При встрѣчѣ Марины они очень громко играли на трубахъ, затѣмъ присоединились къ двумъ ротамъ всадниковъ царицы и поѣхали вмѣстѣ съ ними.

«Когда поѣздъ приблизился къ шатрамъ, выѣхалъ впередъ королевскій посолъ съ большой свитою, потомъ всѣ дворяне и охотники, прибывшіе вмѣстѣ съ невѣстою изъ Польши. Они ѣхали въ нѣсколькихъ красивыхъ каретахъ, въ которыхъ запряжено было по 6, 8 и 10 лошадей одной масти.

«Когда началось шествіе, царь, одѣтый въ очень простое платье, въ красной простой шапочкѣ, тайно выѣхалъ изъ дворца, въ сопровожденіи князя Василія Шуйскаго и одного слуги поляка, ѣхавшихъ верхомъ. Для того, чтобы царь не былъ узнанъ, запрещено было отдавать ему честь. Онъ объѣхалъ всѣ польскія и другія войска, не будучи никѣмъ узнанъ, самъ разставилъ въ извѣстномъ порядкѣ всѣхъ дворянъ-конниковъ, равно какъ и стрѣльцовъ, которые, въ числѣ 4.000 человѣкъ, ѣхали на царскихъ лошадяхъ. Будучи по большей части одѣты въ суконное платье алаго цвѣта, они держали значки и ружья при сѣдлахъ. Лжедмитрій выстроилъ ряды стрѣльцовъ отъ рѣки къ городскимъ стѣнамъ такъ искусно, что издали казалось ихъ втрое болѣе, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. Онъ приказалъ имъ тотъ часъ же, какъ только царица въѣдетъ въ Москву, ѣхать къ другимъ воротамъ и въ такомъ же порядкѣ построиться на пространствѣ, огражденномъ второю большою стѣною, что было исполнено. Все устроивъ, царь возвратился.

«Царица-невѣста, между тѣмъ, подъѣхала къ шатрамъ, гдѣ ее съ большимъ почетомъ и торжествомъ привѣтствовали отъ имени царя Дмитрія, затѣмъ ее посадили въ царскую колесницу и повезли въ Москву. Поѣздъ двигался медленно, въ продолженіе почти цѣлаго дня.

«Впереди очень стройно шли два отряда гайдуковъ или польскихъ стрѣлковъ. У каждаго изъ нихъ было на плечѣ ружье, а съ боку висѣла турецкая сабля; нѣкоторые изъ нихъ имѣли бердыши. Всѣ гайдуки были одѣты въ суконное платье голубого цвѣта съ серебряными бляхами; на шапкахъ у нихъ были бѣлыя перья. Они были очень представительны и, по большей части, высокаго роста. Ихъ знаменоносецъ шелъ въ срединѣ: около него шли трубачи и флейтщики, которые очень хорошо играли и барабанили.

«Затѣмъ шли двѣ роты польскихъ конниковъ съ разноцвѣтными копьями и значками и рота Домарацкаго. Конники, по большей части одѣтые очень красиво, съ позолоченными турецкими и персидскими щитами, на которыхъ находились изображенія драконовъ и змѣй, съ дорогими колчанами и луками, были статные молодые люди, очень громко игравшіе на трубахъ во время шествія. Но занимательнѣе всего того, что я видѣлъ, были прекрасныя величественныя лошади, на которыхъ сидѣли польскіе конники. Эти лошади, по большей части венгерскія, въ красивомъ уборѣ, безпрестанно рѣзвились. Нѣкоторыя были украшены крыльями и, казалось, не шли, а летѣли.

«Потомъ вели трехъ коней такихъ красивыхъ, какихъ я еще не видалъ, хотя мнѣ случалось видѣть много красивыхъ лошадей. Этихъ трехъ коней вели на длинныхъ золотыхъ поводахъ, концы которыхъ держали турки. Хотя всѣ ноги этихъ коней были перетянуты золотыми подвязами и ихъ вели на поводахъ, тѣмъ не менѣе ихъ не могли удержать: они скакали и ржали такъ, что пѣна стекала съ ихъ золотыхъ удилъ. На этихъ коняхъ были надѣты очень красивыя сѣдла, украшенныя бирюзою.

«Многіе ѣхали на лошадяхъ, очень искусно окрашенныхъ въ желтый, красный и оранжевый цвѣта. Краска, которою были покрыты эти лошади, никогда не сходила, даже отъ воды; эту краску, называемую китайскою, привозятъ изъ Персіи.

«Затѣмъ шло много вельможъ и дворянъ, очень нарядно одѣтыхъ; у каждаго были свои слуги. За ними ѣхала тріумфальная царская колесница, окруженная алебардщиками и конными стрѣлками съ ихъ капитанами. По обѣимъ сторонамъ ея шло 4 знатныхъ бояръ съ обнаженными головами. За ними 6 слугъ, одѣтыхъ въ бархатное платье зеленаго цвѣта съ золотыми обшивками, съ золотыми цѣпями на шеѣ и алыми шитыми золотомъ плащами. Затѣмъ много дворянъ.

«За ними цѣлая толпа московскихъ бояръ, вельможъ, чиновниковъ и дворянъ съ ихъ слугами; тутъ же были и купцы со всѣми прочими. Улицы были наполнены толпами людей, одѣтыхъ въ праздничныя платья. Все пространство, занятое народомъ, походило на поле, покрытое самыми красивыми цвѣтами.

«Когда царица проѣхала третью городскую стѣну и въѣхала на большую площадь передъ Кремлемъ, съ помоста, нарочно устроеннаго для торжества, раздались звуки флейтъ, трубъ и литавръ. Въ то же время музыканты, помѣщенные надъ кремлевскими воротами, играли на различныхъ инструментахъ.

«Невѣста была одѣта, по французскому обычаю, въ бѣлое атласное платье, все унизанное драгоцѣнными камнями и жемчугомъ.

«Противъ царицы сидѣли двѣ польскія графини, ея родственницы. За колесницею царицы ѣхало множество каретъ съ дамами и знатными дѣвицами. Эти кареты съ золоченными столбиками были очень красивы; въ каждую было запряжено 6 или 8 лошадей.

«По въѣздѣ въ Кремль кареты разъѣхались—дамъ отвезли въ приготовленныя для нихъ помѣщенія, причемъ нѣкоторыя изъ дѣвицъ очень горько плакали.

«Невѣсту отвезли въ Вознесенскій монастырь, къ старой царицѣ, матери Дмитрія. Скоро онъ самъ тайно прибылъ туда.»

Въ сказаніи и повѣсти, «еже содѣяся въ царствующемъ градѣ Москвѣ и о растригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ и о похожденіи его» (изд. М. 1847 г., стр. 21) имѣются слѣдующія подробности: во время этого торжественнаго шествія царь «велѣлъ въ тѣ поры по накрамъ и литаврамъ бити, и въ трубы трубити въ разные, и въ сурны играти во многія. И ѣхалъ Сендомирской съ панною съ Маринкою площадью гораздо тихо, а въ тѣ поры для прелести, игра была многая немѣрная до тѣхъ мѣстъ, какъ вошли въ Кремль городъ, а на Фроловскихъ воротѣхъ по тому жъ была игра въ музыки, и поставлены были подъ накры и подъ сурначе многія трубы, отъ Никольскихъ воротъ ко Фроловскимъ воротамъ, подлѣ церквей. А у Сендомирскаго воеводы, у Юрья Мнишка, и у дочери его, панны Маринки, въ полку литовскіе люди, и поляки, и Лютеры, и иные многіе, тако жъ играли ѣдучи, били по накрамъ и по литаврамъ, въ трубы, и въ свирѣли, и въ венгерскія дуды, и въ рожки, и въ иныя многія игры литовскаго и польскаго обычая играли.»

Однако, этотъ радостный и шумный въѣздъ желанной невѣсты не обошелся безъ зловѣщихъ предзнаменованій: когда поѣздъ въѣхалъ на Красную площадь, поднялся страшный вихрь, такой же, какъ и тогда, когда въѣзжалъ на нее первый разъ (20 іюня 1605 г.) самъ Дмитрій.

Описанный въѣздъ состоялся 2 мая 1606 года.

На слѣдующій день царь далъ своимъ будущимъ родственникамъ великолѣпный обѣдъ во дворцѣ.

Бракосочетаніе. Между тѣмъ шли дѣятельныя приготовленія къ свадебнымъ торжествамъ.

Передъ Грановитой Палатой устроили помостъ для музыкантовъ: трубачей, флейтщиковъ и барабанщиковъ. Были распредѣлены караулы нѣмецкихъ алебардщиковъ и конныхъ стрѣлковъ. Имъ, какъ и стрѣльцамъ 8.000 ч., велѣно было быть въ полномъ вооруженіи съ заряженными ружьями. По пути слѣдованія царскаго шествія была постлана на красномъ сукнѣ золотая парча въ двѣ полосы.

6-го мая, во избѣжаніе давки, Марину перевезли изъ Вознесенскаго монастыря во дворецъ во второмъ часу ночи.

8-го мая раздался колокольный звонъ и бирючи въ праздничной одеждѣ возвѣстили по городу о царскомъ торжествѣ. Въ день этотъ всѣмъ жителямъ было запрещено работать и велѣно одѣться по праздничному. Въ Кремлѣ толпились вельможи русскіе и польскіе. Поляки были съ саблями и въ сопровожденіи слугъ, вооруженныхъ ружьями.

Кремль оцѣпленъ стрѣльцами и входъ въ него для всего множества народа былъ закрытъ. Пускали не всѣхъ, а только по выбору.

Рис. 342. Марина Мнишекъ.

[Императорскій Историческій Музей.]

«Наканунѣ свадьбы Дмитрій имѣлъ жаркій споръ съ своими боярами: поляки хотѣли нарядить невѣсту въ польское платье, говоря, что къ иноземному она не привыкла; россіяне же требовали, чтобы какъ царь, такъ и царица вѣнчались по старинѣ, въ русскомъ. Послѣ долговременнаго пренія, Дмитрій сказалъ: «Хорошо! Я согласенъ исполнить желаніе бояръ и обычай народный, чтобы никто не жаловался, будто я замышляю великія перемѣны. Одинъ день ничего не значитъ.» (Хроника Мартина Бэра).

Дмитрій уступилъ, и весь обрядъ бракосочетанія былъ выполненъ вполнѣ согласно старинному русскому свадебному чину. Но при этомъ была проявлена небывалая, поразительная роскошь и расточительность. «Марина была въ русскомъ платьѣ и въ

сапогахъ съ высокими каблуками. Нарядъ ея былъ великолѣпенъ. Она сіяла въ золотѣ, жемчугѣ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ, такъ что не видно было матеріи на платьѣ, ни сафьяну на сапогахъ. Головной уборъ ея состоялъ также изъ золота, жемчуга и драгоцѣнныхъ каменьевъ, которые, будучи переплетены волосами, по обычаю знатныхъ полекъ, представляли небольшую корону.»

Это головное украшеніе, по оцѣнкѣ царскихъ ювелировъ, стоило 70.000 рублей, т. е. около милліона на наши деньги.

Въ Успенскомъ Соборѣ для царицы былъ приготовленъ стулъ изъ чистаго золота, сплошь выложенный драгоцѣнными камнями (600 алмазовъ, 600 рубиновъ, 600 сапфировъ, 600 смарагдовъ, 600 бирюзовыхъ камней).

По выходѣ новобрачныхъ изъ церкви «бросили народу нѣсколько тысячъ золотыхъ монетъ, нарочно для того приготовленныхъ, съ изображеніемъ, на обѣихъ сторонахъ, орла двуглаваго. Нѣкоторыя изъ медалей стоили 2 венгерскихъ червонца, другія—менѣе.» (Петръ Петрей).

Въ Соборъ, для присутствія на вѣнчаніи, Марину сопровождала вся пріѣхавшая съ нею изъ Польши свита.

Поведеніе поляковъ. Здѣсь иноземцы забыли всякую пристойность и уваженіе къ русской святыни. «И внидоша за нею (Мариною) многіе литовскіе люди во святую церковь, ляхи, люторы, и калвинцы, и иныхъ многихъ вѣръ люди, и римскаго закону панове въ саблѣхъ, и въ магиркахъ, какъ кто ходитъ по своей вѣрѣ, и жены ихъ, и Божіимъ образомъ ругалися, и прикладывающися цѣловали во уста, и безчинствоваху во святѣй церкви. Сами ляхове у святыхъ образовъ преклоняхуся и спали, а иные и лежали во время святого пѣнія, а жены ихъ безчинствоваху мочію въ церкви; не бѣ бы зрѣти скверно и смрадно отъ поганыхъ беззаконниковъ.»

Поляки безчинствовали и внѣ церкви—на Соборной площади, на самихъ церковныхъ папертяхъ «по три дни игра всякая была, и по накрамъ били на площади, на струбахъ, что поставлены были по его Ростригину велѣнію для той игры съ трубы, отъ Соборныя церкви и до Архангела, противъ самыхъ церковныхъ дверей и образа Пречистыя Богородицы, что въ кіотѣ надъ дверьми, и крикъ и вопль, и всякой безмѣрной неподобной говоръ, и игра на папертѣхъ и около церкви была многая.»

Безчинный разгулъ распространился и по городу: «по дворамъ стрѣляху безпрестанно нощію и по три нощи бысть шумъ и крикъ великъ, и стрѣльба; днемъ же хождаху по рядомъ и по улицамъ со оружіемъ и съ самопалы, и стрѣляху въ христіянъ, и грабляху, и біяху, и жены, и дщери сильно у мужей отнимаху, и насиліе зло творяху.»

Негодованіе народа. Все это поведеніе польской челяди возбудило негодованіе въ народѣ, особенно въ той его части, которая была избрана орудіемъ въ рукахъ лицъ, жаждавшихъ переворота.

Наѣздъ множества иноземцевъ, ихъ буйство и насилія надъ мирными жителями, подлили масла въ огонь ненависти къ пришельцамъ, что было на руку противникамъ царя, который, какъ говорили, былъ за одно съ «еретиками погаными». И дѣйствительно, на царскомъ дворѣ происходили вещи, ранѣе невозможныя.

Мартинъ Бэръ, авторъ знаменитой хроники о событіяхъ смутнаго времени, по его собственному свидѣтельству, съ дозволенія Государя говорилъ во дворцѣ 1-го мая лютеранскую проповѣдь для капитановъ, докторовъ и другихъ нѣмцевъ.

У Мнишка на Цареборисовскомъ дворѣ, т. е. въ предѣлахъ царскаго двора, ежедневно совершалась католическая месса, и народъ слышалъ звуки органа въ самомъ Успенскомъ Соборѣ, куда они доносились.

Все это глубоко возмущало русскихъ православныхъ людей и подготовляло почву для мятежа, создавало угрожающее настроеніе, готовое разразиться открытымъ возстаніемъ.

Между тѣмъ свадебныя торжества слѣдовали одинъ за другимъ. Обѣды, представленія царицѣ, поздравленія, поднесенія подарковъ ежедневно наполняли царскій дворецъ праздничной толпой. Лазурное небо счастья сіяло надъ юной царской четою. Но, въ воздухѣ уже носились какіе-то зловѣщіе признаки.

Масса говоритъ: «въ понедѣльникъ и вторникъ 11-го, 12-го мая громко играли музыканты на разныхъ инструментахъ, въ числѣ которыхъ были и барабаны, и трубы. Въ это время была назначена охота внутри Кремля и приготовлена маленькая крѣпость, которую для потѣхи намѣревались штурмовать. Но все это не состоялось по причинѣ дурныхъ непонятныхъ предзнаменованій, замѣченныхъ на небѣ и на другихъ предметахъ. Самая свадьба происходила не такъ, какъ бы слѣдовало; всѣ дѣла къ удивленію шли медленно и дурно.»

Дурныхъ предзнаменованій, кромѣ вихря при въѣздѣ невѣсты въ Кремль, было нѣсколько: во время свадебнаго пиршества царь потерялъ съ своего пальца бриліантовое кольцо, цѣною въ 30.000 талеровъ; отцу царицы, Мнишеку, за обѣдомъ послѣ вѣнчанія сдѣлалось дурно и его отвезли домой; наканунѣ, когда онъ ѣхалъ во дворецъ въ великолѣпныхъ, подаренныхъ ему царемъ саняхъ, лошадь его упала на совершенно ровномъ мѣстѣ.

Заговоръ и гибель царя. Предзнаменованія эти смущали многихъ, но только не самого царя. Настроеніе его оставалось яснымъ и царственнымъ. Ни одинъ изъ прежнихъ прирожденныхъ Московскихъ Государей не чувствовалъ власть свою столь законной и не держалъ стягъ ея такъ высоко. Самъ подвижникъ идеологіи верховной власти, царь Иванъ Васильевичъ Грозный, не имѣлъ столь высокаго понятія о ней, какъ этотъ его названный сынъ. Вотъ что сказалъ Дмитрій польскимъ посламъ, отказывавшимъ ему въ титулѣ Императора: «Королю Польскому уже извѣстно, что мы не только Царь, но также Императоръ въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ. Самъ Богъ даровалъ намъ сей титулъ, и мы носимъ его не одними словами, подобно другимъ, но самымъ дѣломъ, по всей справедливости, ибо ни ассирійскіе, ни мидійскіе монархи, ни самые цесари римскіе не имѣли на оный болѣе насъ права и преимущества. Мы не можемъ довольствоваться титуломъ Княжескимъ или Господарскимъ: ибо не только князья и господари, но Божіею милостію и короли состоятъ подъ скипетромъ нашимъ и намъ служатъ. Намъ нѣтъ равнаго въ краяхъ полночныхъ; никто нами не управляетъ, кромѣ Бога и насъ самихъ.»

Это не было хвастовствомъ и неосуществимымъ притязаніемъ.

Дѣйствительно, самъ Римскій папа черезъ своего кардинала Рангони давалъ Дмитрію требуемый имъ титулъ: «Serenissimo et invictissimo Monarcho Demetrio Ioannis, Caesari ac Magno Duci totius Russiae, atque universorum tartariae regnorum aliorumque plurimorum dominiorum, Monarchiae Moscoviticae Subjectorum Domino et Regi», т. е. «Наи-

Рис. 344. Пріемъ польскаго посольства царемъ Дмитріемъ Ивановичемъ въ 1606 г.
[Подлинникъ находится въ Краковѣ.]

яснѣйшему и непобѣдимѣйшему Самодержцу Дмитрію Іоанновичу Императору и великому князю всея Россіи, также всѣхъ царствъ Татаріи и другихъ многихъ государствъ, подданныхъ Московской державѣ, Государю и Царю.»

Признаніе папы, въ виду его высокаго авторитета, равносильно было признанію указанныхъ правъ всѣми европейскими государями.

Но опасность грозила царю не извнѣ, не отъ иноземныхъ властителей, а отъ своихъ «холоповъ», какъ называли себя предъ Государемъ московскіе бояре.

Эти двуликіе ратоборцы власти, свергнувъ Годунова именемъ Дмитрія и не получивъ отъ названнаго сына Грознаго выгодъ, на которыя они расчитывали, рѣшили ниспровергнуть съ престола не оправдавшаго ихъ надеждъ царя, отнявъ у него то имя, которое его возвело на эти недосягаемыя для простыхъ смертныхъ ступени.

Шуйскій, еще до вступленія Дмитрія въ Москву, подымалъ противъ него народъ, но былъ схваченъ и отданъ въ руки царю. Дмитрій не поколебался отдать обличителя на гласный судъ Собора, на которомъ, кромѣ бояръ и духовенства, были и простые люди. На Соборѣ никто не «пособствовалъ» Шуйскому, но «кричаху и ругахуся» на него, и мятежникъ былъ приговоренъ къ смертной казни.

Тогда Дмитрій поступилъ съ истинно царскимъ величіемъ—онъ простилъ опаснаго свидѣтеля угличскаго дѣла уже тогда, когда палачъ готовъ былъ отрубить ему голову съ ея ядовитымъ языкомъ. Съ той поры для великодушнаго царя опасность не прекращалась. Шуйскій не простилъ ему своего позора и сталъ немедленно же готовить новый заговоръ, но только болѣе осторожно.

Чтобы возбудить народъ, онъ прибѣгъ къ распространенію всевозможныхъ порочащихъ царя слуховъ.

Если на Годунова возводились обвиненія въ содѣянныхъ преступленіяхъ, то Дмитрія обличали не въ дѣлахъ, а въ злыхъ намѣреніяхъ. Заговорщики увѣряли народъ, что царь хочетъ погубить православную вѣру, истребить русскихъ бояръ, отдать землю русскую полякамъ; нарекали его обманщикомъ, самозванцемъ, проклятымъ еретикомъ, продавшимъ сатанѣ свою душу, исчадіемъ ада и проч.

Одновременно съ распространеніемъ подобныхъ слуховъ, повидимому, дѣлались и покушенія на жизнь царя.

«8 января 1606 года, ночью поднялась большая тревога въ Кремлѣ: оказалось, что кто-то ходилъ близь царскихъ покоевъ. Самъ царь, взявъ оружіе, отправился въ Большую комнату съ двумя капитанами стрѣлецкими, стоявшими на караулѣ, Ѳедоромъ Брензинымъ и Романомъ Дуровымъ. Виновниковъ этой тревоги, однако, не нашли. Схватили двухъ или трехъ человѣкъ, которые, несмотря на пытку, ни въ чемъ не сознались и были казнены.»

Между тѣмъ, усиленные навѣты и неосторожность самого Дмитрія дѣлали свое дѣло. Уже многіе были глубоко убѣждены въ самозванствѣ царя и готовы были пострадать за правду. Масса разсказываетъ: «даже нѣкоторые стрѣльцы говорили, что царя нельзя считать за истиннаго Дмитрія. Узнавъ объ этомъ, Басмановъ, подъ начальствомъ котораго находилось до 8.000 стрѣльцовъ, донесъ царю и предупреждалъ его, въ виду угрожавшей великой опасности, быть осторожнѣе. Послѣ долгаго, тайнаго слѣдствія изъ всѣхъ заговорщиковъ открыли только 7 человѣкъ. Они были схвачены такъ, что никто объ этомъ не зналъ. На другой день собрали всѣхъ стрѣльцовъ на задній дворъ, гдѣ по воскресеніямъ обыкновенно происходила травля медвѣдей, приказавъ имъ быть безъ оружія. Царь, окруженный алебардщиками, сопровождаемый Басмановымъ, Мстиславскимъ, Нагими и многими польскими дворянами, тотчасъ же вышелъ къ стрѣльцамъ, взошелъ на высокое крыльцо, находившееся на заднемъ дворѣ, и приказалъ затворить всѣ ворота.

«Стрѣльцы, увидѣвъ царя, тотчасъ пали ницъ, по московскому обычаю, и, обнаживъ головы, обратили свои взоры на царя. Смотря на ихъ обнаженныя головы, онъ не могъ удержаться отъ смѣха и сказалъ: «о, еслибы онѣ всѣ были умны».

«Усѣвшись, царь обратился къ стрѣльцамъ съ рѣчью. Сначала онъ привелъ нѣсколько текстовъ изъ Священнаго Писанія относительно провидѣнія Господняго, потомъ сталъ жаловаться на упорство и сомнѣніе стрѣльцовъ, говоря: «сколь долго хотите вы поддерживать раздоръ и несчастье. Не довольно ли того, что вся земля разорена въ конецъ и неужели она должна совершенно погибнуть». Далѣе онъ разсказалъ имъ о всѣхъ предательскихъ дѣйствіяхъ Годуновыхъ, о томъ, какъ онъ истребилъ всѣ знатнѣйшіе роды въ Московіи и беззаконно овладѣлъ царскимъ престоломъ, вслѣдствіе чего, говорилъ онъ, страна была такъ наказана. И теперь, послѣ того какъ Богъ сохранилъ меня и избавилъ отъ всѣхъ покушеній на мою жизнь, вы всетаки не можете успокоиться и хотите снова меня умертвить, изыскиваете всѣ средства для того, чтобы снова завести крамолу.» Онъ спрашивалъ ихъ, не имѣютъ ли они чего сказать противъ него, могутъ ли они чѣмъ нибудь доказать, что онъ не истинный Дмитрій. Если они могутъ это сдѣлать, то онъ готовъ лишить себя жизни на томъ мѣстѣ, гдѣ находится. «Моя мать и всѣ эти вельможи могутъ быть моими свидѣтелями. Былъ ли бы въ состояніи кто нибудь овладѣть почти безъ войска такимъ могущественнымъ госу-

дарствомъ, если бы онъ не основывался на правдѣ и правѣ. Богъ никогда не допустилъ бы того. Я не щадилъ своей жизни не для собственнаго моего возвеличенія, но для того, чтобы освободить васъ отъ крайняго бѣдствія и рабства, въ которое вы были ввержены измѣнникомъ, вами правившимъ и васъ угнетавшимъ. Всемогущій Богъ, Который своею мощною рукою возвратилъ мнѣ царство, по праву мнѣ принадлежащее, побудилъ меня съ ревностью исполнить свое назначеніе.» Затѣмъ Дмитрій спросилъ стрѣльцовъ, зачѣмъ они противъ него злоумышляли, и требовалъ, чтобы они прямо въ его присутствіи высказали причину своего недовѣрія. Они были такъ поражены этими словами, что со слезами пали ницъ, моля о помилованіи, клялись, что ничего не знаютъ, и просили царя оказать имъ милость указать тѣхъ, которые такъ несправедливо ихъ обвинили. Царь тотчасъ велѣлъ Басманову вывести передъ сборищемъ вышепомянутыхъ 7 человѣкъ. Это было исполнено.

«Какъ только они явились, Лжедимитрій сказалъ: «смотрите, вотъ тѣ, которые говорили, что вы всѣ измѣнники, что вы преисполнены самыми предательскими замыслами противъ вашего царя-государя.» Всѣ мгновенно бросились на этихъ людей и растерзали ихъ на куски съ яростью, описаніе которой каждому покажется невѣроятнымъ. Ничего не имѣя въ рукахъ, ни оружія, ни палки, толпа стрѣльцовъ бросилась на этихъ 7 несчастныхъ и разорвала ихъ въ куски.

«Нѣкоторые стрѣльцы какъ собаки, которыя рвутъ оленя, зубами вырывали у несчастныхъ своихъ товарищей куски мяса. Одинъ стрѣлецъ откусилъ ухо, которое онъ отъ ярости жевалъ такъ долго, какъ будто хотѣлъ проглотить и, наконецъ, искрошилъ его на мелкіе куски. Однимъ словомъ, голодные львы не могли наброситься на молодыхъ ягнятъ съ такою яростью, съ какою эти люди напали на своихъ братьевъ. По совершеніи казни, стрѣльцы громко закричали: «такъ должно поступать со всѣми врагами и измѣнниками нашего царя».

«Димитрій не могъ смотрѣть на это кровавое избіеніе и на это время ушелъ въ комнаты. Снова выйдя къ стрѣльцамъ, онъ старался увѣрить ихъ, что онъ истинный Димитрій и распустилъ ихъ по домамъ. Они еще разъ пали на землю, молили о помилованіи и разошлись.

«Остатки труповъ были собраны, навалены въ телѣгу и выброшены на съѣденіе собакамъ. Ничѣмъ не покрытую телѣгу съ трупами везли по городу и у всѣхъ, видѣвшихъ ее, поднимались волоса на головѣ. Это происшествіе навело такой великій страхъ на жителей Москвы, что они даже мало говорили о немъ и каждый боялся проронить лишнее слово. Впрочемъ, нѣкоторые были до такой степени тверды, что не обращали вниманія ни на смерть, ни на пытки.»

Находились обличители, желавшіе за правду принять смерть. Дьякъ Тимоѳей Осиповъ, приготовясь постомъ и причастившись св. Тайнъ, явился во дворецъ и предъ всѣми сталъ обвинять царя въ самозванствѣ. Его казнили, но народъ остался спокоенъ и не вѣрилъ ничему.

Такимъ образомъ оказывалось, что однимъ распространеніемъ клеветы и слуховъ о самозванствѣ царя вызвать народнаго движенія было невозможно. Поэтому кн. Василій Ивановичъ Шуйскій съ своими сообщниками, кн. Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ и кн. Иваномъ Семеновичемъ Куракинымъ, рѣшили дѣйствовать своими людьми и приверженцами, число которыхъ значительно возрасло вслѣдствіе недовольства поляками.

Подъ страшными клятвами заговорщики условились сначала убить царя и затѣмъ уже выбрать новаго, который долженъ будетъ управлять Русскимъ царствомъ не самовластно, а по общему ихъ совѣту.

Между тѣмъ, пока заговорщики дѣйствовали, Дмитрій пировалъ и не только не принималъ особыхъ мѣръ предосторожности, но, наскучивъ предупрежденіями своихъ вѣрныхъ нѣмцевъ о грозящей опасности, велѣлъ даже наказывать тѣхъ, кто впредь станетъ ему докучать доносами. Онъ былъ покоенъ, какъ человѣкъ съ чистой совѣстью. Услышавъ, что юродивая Елена, предсказавшая смерть Годунову, теперь предвѣщаетъ скорую смерть и ему, Дмитрій только разсмѣялся. Такимъ образомъ Шуйскій съ заговорщиками остались невредимы и успѣли все приготовить для исполненія своего плана.

Въ ночь съ 16-го на 17-е мая, по ихъ приказу, именемъ царя, вѣрная Дмитрію стража изъ 300 нѣмцевъ-алебардщиковъ была распущена по домамъ. Во дворцѣ, для охраны, изъ нея осталось всего 30 человѣкъ.

«Въ эту же самую ночь въ царскихъ палатахъ было веселье: польскіе дворяне танцовали съ дамами, а царица со своими фрейлинами была занята приготовленіемъ костюмовъ для маскарада, назначеннаго въ честь царя въ слѣдующее воскресеніе. Никто не думалъ ни о чемъ дурномъ и всѣ утопали въ наслажденіяхъ.»

Въ ту же ночь въ Москву взошелъ отрядъ войска, привлеченный на свою сторону заговорщиками. Онъ занялъ всѣ ворота Кремля и не пропускалъ никого ни туда, ни оттуда.

Около 4-хъ часовъ утра, когда послѣ веселья царь и поляки покоились глубокимъ сномъ, заговорщики «повелѣша ударити въ колокола, первое у святаго пророка Иліи въ рядѣхъ, потомъ же по Ильинской улицѣ у святыхъ церквей, такоже въ Соборѣ у Пречистыя Богородицы, потомъ же и въ набаты градные, тако же и по всему царствующему граду Москвѣ у всѣхъ святыхъ Божіихъ церквей и въ честныхъ монастырѣхъ, и бысть звонъ великъ и шумъ, и крикъ.»

Незнавшимъ въ чемъ дѣло и выскочившимъ изъ домовъ на тревогу, говорили, что Литва бьетъ бояръ и хочетъ убить царя. «И пойдоша Московскіи народы и все православное христіанство, конные и пѣшіе, князи, и бояре и воеводы, и дворяне, и дѣти боярскіе, и дьяки, и всѣ приказные люди, гости же и торговые, и черныхъ слободъ, и всякіе люди, и стрѣльцы и пушкари, и боярскія люди, съ снарядомъ и самопалы, и съ копьи, и съ рогатины, въ доспѣсѣхъ, и въ латѣхъ, и въ шеломахъ, и со всякимъ браннымъ оружіемъ и глаголюще другъ другу: Богъ на помощь и сила Пречистыя и Преславныя Госпожи Богородицы! Пресвятая Богородица, помогай намъ! И поступиша на поганую Литву, и побивающе ихъ по улицамъ, и по переулкамъ, и по рядомъ, и по хрестцамъ, и по дорогамъ, гдѣ кто кого застигъ, сѣкуще и колюще, и побивающе ихъ всякими обычаи. Князь же Иванъ Шуйской, скачуще на конѣ по площади, по рядомъ, вопіяше: отцы и братія, православною христіанскою вѣрою побѣждайте враговъ своихъ христіанскихъ! И тогда православные христіане, скачуще и рыщуще по всему граду, яко львы рыкающе, яко серны побивающе поганыхъ еретиковъ».

Между тѣмъ, заговорщики сосредоточились въ Кремлѣ и окружили царскій дворецъ плотнымъ кольцомъ.

«Дмитрій, изумленный тревогою, приказалъ своему любимцу, Басманову, узнать о причинѣ смятенія. Но коварные бояре отвѣчали ему, что имъ неизвѣстно, отчего волнуется народъ, и что, вѣроятно, случился гдѣ нибудь пожаръ. Когда же съ громомъ набатовъ соединились неистовые крики, достигшіе внутреннихъ царскихъ покоевъ, Дмитрій выслалъ Басманова вторично, съ повелѣніемъ удостовѣриться, точно ли открылся пожаръ, а самъ поспѣшилъ одѣться. Басмановъ, видя весь дворъ наполненный людьми вооруженными, спросилъ ихъ, чего они хотятъ? что значитъ колокольный звонъ? Народъ завопилъ.... выдай Самозванца, тогда узнаешь отвѣтъ нашъ!

«Не сомнѣваясь въ бунтѣ, Басмановъ бросился назадъ, приказалъ копьеносцамъ не впускать ни одного человѣка, а самъ въ отчаяніи прибѣжалъ къ царю, рвалъ на себѣ волосы и говорилъ ему: «Бѣда, Государь! Народъ требуетъ головы твоей! Ты самъ виноватъ: зачѣмъ не послушалъ вѣрныхъ нѣмцевъ.» Между тѣмъ, одинъ изъ бояръ ворвался сквозь толпу тѣлохранителей въ царскій покой и закричалъ Дмитрію: «Ну, безвременный царь! проспался ли ты? Зачѣмъ не выходишь къ народу и не даешь ему отчета?» Басмановъ, схвативъ царскій палашъ, срубилъ наглецу голову. Самъ Димитрій вышелъ въ переднюю, гдѣ были его алебардщики, выхватилъ мечъ у курляндскаго дворянина Вильгельма Шварцгофа и, грозя онымъ народу, кричалъ: я вамъ не Борисъ! и тутъ же закололъ нѣсколько человѣкъ. Но, встрѣченный выстрѣлами, поспѣшилъ удалиться. Басмановъ же подошелъ къ толпѣ бояръ и просилъ ихъ не выдавать Государя. Тогда одинъ изъ нихъ, именно Татищевъ, обругалъ его и ударилъ своимъ длиннымъ ножемъ такъ, что онъ палъ мертвый. Бояре сбросили его съ крыльца вышиною въ 12 саженъ.»

Эта первая кровь охмѣлила толпу; заговорщики стали напирать на нѣмецкихъ алебардщиковъ. Дмитрій вышелъ снова, пробовалъ разогнать народъ, рубя палашемъ направо и налѣво, но видя, что сопротивленіе противъ такого множества невозможно, бросилъ палашъ, схватилъ себя въ отчаяніи за волосы и кинулся во внутреннія комнаты. Прибѣжавъ къ Маринѣ, онъ сказалъ ей, чтобы спасалась, а самъ выскочилъ изъ окна на мостки, устроенные для брачнаго торжества. Черезъ нихъ онъ хотѣлъ пробраться въ старый каменный дворецъ. На бѣгу, прыгая съ однихъ мостковъ на другіе, онъ оступился и упалъ внизъ на Житный дворъ. Какъ сказано выше, его дворецъ стоялъ на крышѣ зданія, построеннаго Годуновымъ, и возвышался надъ землею саженъ на 15. Сорвавшись съ такой высоты, Дмитрій вывихнулъ ногу и потерялъ сознаніе.

Тѣмъ временемъ заговорщики, взявъ въ плѣнъ тѣлохранителей, сколько ихъ было во дворцѣ, и приставивъ къ нимъ такъ много сторожей, что ни одному нельзя было уйти, бѣгали, ища царя. Часть ихъ грабила княжескія комнаты и тащила все, что ни попадало въ руки: золото, серебро, драгоцѣнные камни, кубки, жемчугъ, платья, ковры и другія дорогія вещи.

Между тѣмъ Марина, предупрежденная Дмитріемъ, кинулась сперва въ подвалъ; затѣмъ, считая это убѣжище не вѣрнымъ, снова стала подниматься въ свои покои, но по пути встрѣтила уже ворвавшуюся во дворецъ толпу, которая, не узнавъ ея, столкнула съ лѣстницы. Она насилу добралась до своихъ комнатъ и едва успѣла туда войти, какъ мятежники, сразивъ Яна Осмульскаго, вѣрнаго тѣлохранителя царицы, защищавшаго входъ, шумно ворвались къ женщинамъ.

Марина успѣла скользнуть подъ юбку своей старой и толстой гофмейстерины и спрятаться тамъ.

Не видя ея и не нашедши еще царя, заговорщики приступили къ женщинамъ съ допросомъ, гдѣ царь и царица. Гофмейстерина и фрейлины увѣряли, что царица ушла къ отцу, а гдѣ царь — имъ знать лучше.

Они были осыпаны непристойными ругательствами, затѣмъ подверглись издѣвательствамъ и насилію.

Тѣмъ временемъ въ комнату приспѣли главари заговора. Они положили конецъ не поддающимся описанію безобразіямъ, выгнали толпу и приставили стражу, чтобы никого не впускать къ женщинамъ. Тогда Марина вышла изъ своего убѣжища и ее проводили въ отдѣльную комнату.

Потомъ бросились искать царя. Пока это происходило, Дмитрій лежалъ безъ сознанія. Стоны его привлекли вниманіе стрѣльцовъ, стоявшихъ вблизи. Они подошли, узнали царя, отлили его водой и перенесли на каменный фундаментъ сломаннаго Годуновскаго дома. Здѣсь Дмитрій пришелъ въ себя и сталъ просить стрѣльцовъ отстоять его отъ заговорщиковъ, обѣщая отдать имъ имѣнія и женъ крамольныхъ бояръ. Тѣ дали клятву защищать его до послѣдняго издыханія. Они окружили его и приготовились оборонять отъ подступавшей уже толпы измѣнниковъ, которые, видя царя подъ защитой стрѣльцовъ, почувствовали смертельную опасность. Шуйскій ободрялъ ихъ и убѣждалъ немедля покончить начатое дѣло. Но подойти къ царю было невозможно: при первой попыткѣ приблизиться, стрѣльцы начали стрѣлять изъ ружей. Дѣло повернулось для заговорщиковъ плохо; они очутились сами на краю гибели. Ихъ выручила находчивость. Чтобы сломить сопротивленіе стрѣльцовъ, они начали кричать: «пойдемъ въ Стрѣлецкую слободу, истребимъ ихъ женъ и дѣтей, если они не хотятъ намъ выдать измѣнника, плута и обманщика». Испуганные этой угрозой, стрѣльцы отступили, и царь попалъ въ руки злодѣевъ. Тѣ схватили его и поволокли во дворецъ.

«Его внесли въ комнаты, прежде великолѣпно убранныя, теперь—уже разграбленныя и изгаженныя. Въ прихожей было нѣсколько тѣлохранителей подъ стражей, обезоруженныхъ и печальныхъ. Царь взглянулъ на нихъ и слезы потекли изъ его глазъ; онъ протянулъ къ одному изъ нихъ руку, но не могъ выговорить ни слова.».

«Принеся Дмитрія въ комнату, повѣствуетъ Мартинъ Бэръ, заговорщики поступали съ нимъ не лучше жидовъ... тотъ щипнетъ, другой кольнетъ... вмѣсто царской одежды, нарядили его въ платье пирожника и осыпали насмѣшками. «Поглядите на Царя Всероссійскаго, сказалъ одинъ,—у меня такой на конюшнѣ». А я бы этому царю далъ знать, говорилъ другой... Третій, ударивъ его по лицу, закричалъ: «Говори, к... с... кто ты, твой отецъ и откуда ты родомъ». «Вы всѣ знаете, отвѣчалъ Димитрій, что я царь вашъ, сынъ Іоанна Васильевича. Спросите мать мою — она въ монастырѣ, или выведите меня на Лобное мѣсто и дозвольте мнѣ объясниться.» Тутъ выскочилъ съ ружьемъ одинъ купецъ, по имени Валуевъ, и со словами: «чего толковать съ еретикомъ? Вотъ я благословлю этого польскаго свистуна—прострѣлилъ его насквозь.»

Тогда вырвались наружу звѣрскіе инстинкты. Дмитрія стали сѣчь и рубить куда попало. Ему нанесли 21 рану и разрубили черепъ. Затѣмъ вытащили трупъ въ сѣни и сбросили его съ крыльца на лежащаго внизу Басманова съ крикомъ. «Ты любилъ его живого, не разставайся и съ мертвымъ!»

Тутъ чернь овладѣла трупами, обнажила ихъ и поволокла на Красную площадь. У Вознесенскаго монастыря она остановилась и въ безсмысленной дикости спрашивала

царицу Мароу: «Твой ли это сынъ?» «Вы бы спрашивали меня объ этомъ, когда онъ былъ живъ, послѣдовалъ уклончивый отвѣтъ, теперь онъ уже, разумѣется, не мой.»

Трупы Дмитрія и Басманова выставили на Красной площади. Дмитрій былъ положенъ на столѣ съ шутовскою маскою, волынкою и дудкою, со свисшею головою и ногами, у которыхъ на скамьѣ лежалъ Басмановъ. Бояре сѣкли убитыхъ плетьми и глумились надъ ними. Бабы московскія вторили ихъ ругательствамъ и за одно поносили и Марину.

Тѣмъ временемъ толпа, разнузданная и озвѣрѣвшая, избивала поляковъ и придворныхъ. Первыми жертвами злобы народной были музыканты и пѣсенники: всѣ они—человѣкъ до 100, были побиты въ Кремлѣ, въ монастырскихъ домахъ, пожалованныхъ имъ Дмитріемъ. За ними послѣдовали другіе. Толпа стала грабить и избивать уже безъ разбору всѣхъ иноземцевъ и разрушать дома тѣхъ, которые сопротивлялись.

Дворецъ царскій, полный драгоцѣнностей и благолѣпія, былъ опустошенъ и загаженъ. «Фрейлины были ограблены и опозорены. Ихъ повели, какъ добычу, по улицамъ раздѣтыхъ до нага, наносили имъ всевозможныя оскорбленія. Нѣкоторыхъ даже продавали во время мятежа.» Грабежъ переходилъ въ оргію. Чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе разгорались низкіе инстинкты толпы, почувствовавшей свою силу и несдерживаемой никѣмъ. Въ разбойномъ угарѣ перестали разбирать своихъ отъ чужихъ, изъ за добычи убивали другъ друга. Разнузданная алчность грабителей достигла нелѣпыхъ размѣровъ. Не брезгали ничѣмъ и обирали своихъ жертвъ до чиста, до послѣдней рубашки: «Миланецъ Амвросій Челари, говоритъ очевидецъ этого ужаса, Исаакъ Масса, отдавъ грабителямъ золото, деньги и все свое имущество, остался въ одной рубашкѣ, для прикрытія своей наготы, и не хотѣлъ ее отдавать. Тогда грабители, чтобы снять съ него рубашку, вонзили ему ножъ въ животъ. Челари на томъ мѣстѣ палъ мертвымъ и съ него сняли рубашку.» Толпа овладѣла конюшней Сендомирскаго (находившейся черезъ улицу отъ Цареборисова двора), убила 25 кучеровъ, увела 95 лошадей. Одна лошадь была хромая—ее убили, содрали кожу и, разсѣкши на четыре части, унесли съ собою.

«Странно было видѣть, замѣчаетъ Масса, какъ бѣжалъ народъ съ постелями, одѣялами, сѣдлами и всевозможною домашнею утварью, похищенною у поляковъ, какъ будто все это спасали отъ пожара.»

Въ короткое время, въ какихъ нибудь 7, 8 часовъ, Кремль съ окружающими его улицами, гдѣ были помѣщены поляки, представилъ изъ себя картину разрушенія, какъ будто буря пронеслась надъ нимъ.

Вотъ приблизительный подсчетъ жертвъ этого утра гнѣва и буйства. Всего «побито было 5 воеводъ польскихъ, да 2 воеводы литовскихъ, 8 бурмистровъ угорскихъ, 3 ротмистровъ римскихъ и нѣмецкихъ, да дворянъ королевскихъ ближнихъ, поляковъ и ляховъ 65 человѣкъ; да римскихъ учителей побито, которые, было, пріѣхали съ Ростригою и съ Сендомирскимъ съ Юріемъ Мнишкомъ учити въ Россійскомъ Государствѣ римскому закону—3 человѣка гординала, да 4 каплана, да 2 студента, что апостольскія платья носили; да всякихъ людей польскихъ, и ляховъ, и угрянъ, и римлянъ, и нѣмецъ побито того дни 2.062 человѣка, да раненыхъ 1.307 человѣкъ, а послѣ того и тѣ помроша, не мнози осташася, да побитыхъ ослопы и грабленныхъ донага лежали покинуты за мертво 2.273 человѣка, опричь тѣхъ, которыхъ побили по доро-

гамъ, кои бѣжали изъ Москвы и которые побиты въ стадихъ конскихъ, и кои гуляли по лугомъ, и тѣхъ невѣдомо сколько побито, а грабленыхъ и худыхъ выбрано и отпущено въ Литву 1.970 человѣкъ, а на Москвѣ оставлено польскихъ людей 2.073 человѣка, среди нихъ: воевода Юрья Мнишка съ товарищи, 14 воеводъ, да 13 старостъ грацкихъ, да 75 человѣкъ дворянъ Королевскихъ, да шляхтовъ оставлено и поляковъ 670 человѣкъ, да Ростригина жена, Марюха, литовка, съ паньями и дѣвками, по головамъ 75, да посолъ Королевской и дворянъ Александра Гасевской засаженъ, а съ нимъ всякихъ людей 450 человѣкъ.»

«Когда мятежъ затихъ, повѣствуетъ хроника Бэра, измѣнники бояре и князья собрались предъ покоями царицы и велѣли ей сказать, что имъ извѣстно ея знатное присхожденіе; кто же былъ тотъ воръ и обманщикъ, который выдалъ себя за Дмитрія, должна вѣдать она, ибо знала его еще въ Польшѣ; и что если ей угодно возвратиться къ отцу, то выдала бы всѣ вещи, присланныя бездѣльникомъ самозванцемъ къ ней на родину и подаренныя въ Москвѣ. Царица, немедленно отдавъ имъ не только свой гардеробъ, всѣ драгоцѣнные каменья, жемчугъ, золотыя издѣлія, но и послѣднее платье, которое носила (она осталась въ одномъ спальномъ капотѣ), обѣщала заплатить за всѣ издержки, если бояре тотчасъ отправятъ ее къ отцу. Не говоря ни слова объ издержкахъ, россіяне требовали только 55.000 рублей со всѣми вещами, подаренными ей Самозванцемъ. Царица сказала въ отвѣтъ: «Для чести москвитянъ и въ удовольствіе моему Государю, всѣ сіи деньги я истратила на путешествіе, прибавивъ къ нимъ столько же своихъ. Бояре все добро мое отобрали: у меня нѣтъ болѣе ничего.» Вмѣстѣ съ тѣмъ она просила прислать къ ней одного изъ отцовскихъ служителей.»

Отецъ Марины, Сендомирскій, уцѣлѣлъ. Чернь и стрѣльцы начали уже штурмовать его домъ, навели на него пушку, но на выручку подоспѣли бояре и послѣ долгихъ переговоровъ передали ему за выкупъ дочь.

Къ дому приставили стражу и Московская царица очутилась въ заключеніи.

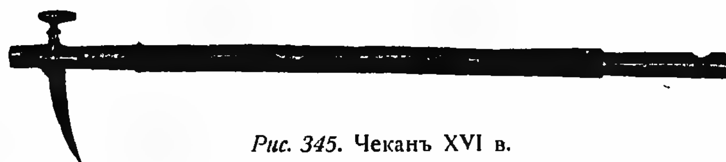

Рис. 345. Чеканъ XVI в.
На клевцѣ надпись о принадлежности
князю Телятевскому.
Черенъ ящеровой бѣлый, въ серебряной оправѣ.

[Московская Оружейная Палата, № 5246.]

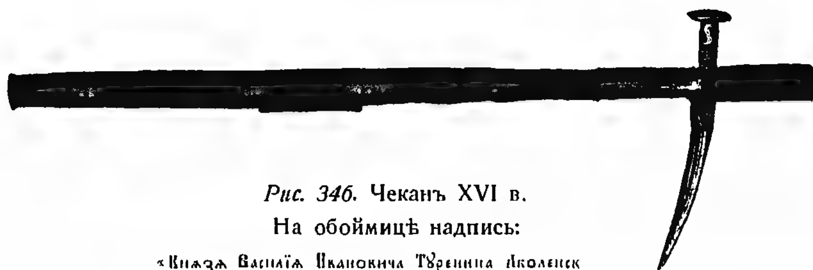

Рис. 346. Чеканъ XVI в.
На обоймицѣ надпись:
«Кнѧзѧ Василїѧ Ивановича Тѹренина Аколенск

[Московская Оружейная Палата, № 5245.]

Служилые люди при Московскомъ царскомъ дворѣ, назначенные царемъ Димитріемъ Іоанновичемъ (Самозванцемъ).

Бояре.

Петръ Ѳедоровичь Басмановъ, 1605 г., † 1606 г.
Кн. Петръ Михайловичь Шаховской, 1605 г., † 1605 г.
Кн. Иванъ Васильевичь Голицынъ, 1605 г., † 1627 г.
Кн. Василій Михайловичь Рубецъ-Масальской, 1605 г., † 1611 г.
Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, 1605 г.
Кн. Ѳедоръ Тимоѳѣевичь Долгорукой, 1605 г., † 1612 г.
Кн. Борисъ Петровичь Татевъ, 1605 г., † 1607 г.
Кн. Иванъ Семеновичь Куракинъ, 1605 г.
Борисъ Яковлевичь Бѣльской, 1605 г., † 1610 г.
Михайло Ѳедоровичь Нагой, 1605 г., † 1612 г.
Петръ Никитичь Шереметевъ, 1605 г., † 1610 г.
Кн. Михайло Ѳедоровичь Кашинъ, 1605 г., † 1611 г.
Иванъ Никитичь Романовъ, 1605 г.
Андрей Александровичь Нагой, 1606 г., † 1618 г.
Михайло Александровичь Нагой, 1606 г., † 1618 г.
Аѳанасій Александровичь Нагой, 1606 г., † 1610 г.
Григорій Ѳедоровичь Нагой, 1606 г., † 1608 г.
Кн. Володимеръ Васильевичь Кольцовъ-Масальской, 1606 г., † 1610 г.
Кн. Андрей Васильевичь Голицынъ, 1606 г.
Кн. Данило Борисовичь Пріимковъ-Ростовской, 1606 г., † 1607 г.
Кн. Семенъ Андреевичь Куракинъ, 1606 г., † 1606 г.
Кн. Иванъ Большой Никитичь Одоевской, 1606 г., † 1616 г.
Михайло Богдановичь Сабуровъ, 1606 г., † 1607 г.
Кн. Борисъ Михайловичь Лыковъ, 1606 г.

Окольничіе.

Михайло Борисовичь Шеинъ, 1605 г.
Кн. Григорій Роща Борисовичь Долгорукой, 1605 г., † 1613 г.
Кн. Дмитрій Васильевичь Туренинъ, 1605 г.
Андрей Александровичь Нагой, 1605 г.
Григорій Ѳедоровичь Нагой, 1605 г.
Алексѣй Романовичь Плещеевъ, 1606 г., † 1607 г.
Кн. Григорій Петровичь Ромодановской, 1606 г.
Кн. Володимеръ Шаня Ивановичь Мосальской, 1606 г.
Кн. Александръ Ѳедоровичь Жировой-Засѣкинъ, 1606 г., † 1610 г.
Василій Петровичь Головинъ, 1606 г.
Василій Яковлевичь Щелкаловъ, 1606 г., † 1610 г.
Кн. Василій Ивановичь Хворостининъ, 1606 г., † 1606 г.

Дворецкій.

Кн. Василій Михайловичь Рубецъ-Мосальской, 1605 г.,–1606 г.

Конюшій—бояринъ.

Михайло Ѳедоровичь Нагой, 1605 г.,–1606 г.

Оружничіе.

Богданъ Яковлевичь Бѣльской, 1605 г.
Михайло Ѳедоровичь Нагой, 1605 г.,–1606 г.
Петръ Николаевичь Шереметевъ, 1605 г.
Кн. Михайло Ѳедоровичь Кашинъ, 1605 г.
Иванъ Никитичь Романовъ, 1605 г.

Крайчіе.

Кн. Борисъ Михайловичь Лыковъ, 1605 г.,–1606 г.
Кн. Иванъ Андреевичь Хворостининъ, 1606 г., † 1606 г.

Казначей.

Василій Петровичь Головинъ, 1605 г.

Ясельничій.

Андрей Матвѣевичь Воейковъ, 1605 г., † 1606 г.

Думные дворяне.

Гаврила Григорьевичь Пушкинъ, 1605 г.
Артемъ Васильевичь Измайловъ, 1605 г.
Яковъ Васильевичь Зюзинъ, 1606 г., † 1607 г.
Иванъ Филипповичь Стрешневъ, 1606 г.,–1613 г.
Григорій Ивановичь Микулинъ, 1606 г., † 1608 г.

Постельничій.

Семенъ Ивановичь Шапкинъ, 1605 г.,–1606 г.

Печатникъ.

Богданъ Ивановичь Судаковъ, 1605 г.

Рис. 346. Печать Государственная малая царя Дмитрія Ивановича.

Приложена къ записи, данной 25 мая 1606 г. Юрію Мнишку.

Рис. 347. **Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій** (1606—1610).
[Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Титулярникъ.]

Государевъ дворъ въ Кремлѣ при царѣ Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ.

Два дня спустя послѣ описанныхъ событій зачинщикъ и устроитель цареубійства, князь Василій Ивановичъ Шуйскій, собравшейся на Красной площади толпой своихъ приверженцевъ былъ „выкрикнутъ“ царемъ и поспѣшилъ пріять державу Московскихъ Вѣнценосцевъ, не дожидаясь пріѣзда выборныхъ отъ городовъ людей, которые узаконили бы его избраніе.

Уничтоженіе дворца Лжедмитрія и постройка новыхъ жилыхъ царскихъ хоромъ.

Сдѣлавшись Московскимъ Государемъ и переселившись на царскій дворъ въ Кремлѣ, Шуйскій приказалъ сломать дворецъ Самозванца, теперь опустошенный и окровавленный. На его мѣстѣ онъ воздвигъ новыя деревянныя жилыя хоромы. Масса говоритъ, будто Шуйскій боялся, что въ покояхъ, гдѣ жилъ Дмитрій, ему приснится дьяволъ, такъ какъ убитый слылъ за чародѣя и жилище его было осквернено. Но, конечно, уничтоженіе только что съ большими издержками выстроеннаго зданія вызывалось болѣе вѣскими соображеніями. Шуйскому было неприлично поселиться въ помѣщеніи, гдѣ совершилось то, о чемъ надо было, по возможности, изгладить всякое воспоминаніе съ его опаснымъ соблазномъ.

Указанной постройкой новыхъ жилыхъ покоевъ, сколько извѣстно, ограничилось все строительство Шуйскаго на Кремлевскомъ царскомъ дворѣ. Вообще, царствованіе его не было временемъ созиданія и пріобрѣтеній; наоборотъ, все вѣками накопленное достояніе прежнихъ Московскихъ Вѣнценосцевъ, и матеріальное, и духовное, при немъ начало разрушаться неудержимо, пока не пришло въ конечное разореніе.

И это явилось неотвратимымъ слѣдствіемъ всего совершившагося.

Ослабленіе царской власти. Вступивъ на престолъ не по наслѣдственному праву, какъ прежніе Московскіе Государи и не по выбору всей земли, какъ Годуновъ, Шуйскій съ самаго начала не имѣлъ ихъ власти. И бояре и народъ были развращены всѣмъ происшедшимъ. Люди, которые распоряжались по своему произволу вѣнцомъ царскимъ, не могли испытывать предъ вѣнценосцемъ прежняго чувства благоговѣнія. Бояре возъимѣли гораздо больше власти, чѣмъ самъ царь. Они ссорились съ нимъ и дѣлали что хотѣли. А народъ все легче поддавался всякимъ подговорамъ къ своеволію и расправамъ. И такъ какъ довѣріе къ власти было поколеблено, то смутьянство и заговоры завелись съ самаго начала новаго царствованія.

Вскорѣ послѣ коронаціи* на многихъ домахъ бояръ и иноземцевъ ночью было написано, что Шуйскій велитъ народу избивать этихъ измѣнниковъ и грабить ихъ дома. Толпы черни собрались въ намѣреніи исполнить это. Насилу ихъ усмирили и разогнали. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, въ воскресеніе, именемъ Шуйскаго, но безъ его вѣдома, созвали жителей Москвы на дворцовую площадь подъ предлогомъ, что царь желаетъ поговорить съ ними. «Случайно», пишетъ Маржеретъ, «я находился тогда подлѣ Государя, шедшаго къ обѣднѣ. Узнавъ о созваніи народа, онъ весьма удивился и приказалъ изслѣдовать, кто дерзнулъ на такой поступокъ. Между тѣмъ, не трогаясь съ мѣста, въ присутствіи многихъ людей, устремившихся со всѣхъ сторонъ, Шуйскій началъ плакать и, укоряя окружавшихъ въ непостоянствѣ, говорилъ, что имъ не нужно было выдумывать коварныхъ средствъ, если хотятъ отъ него избавиться, что избравъ его царемъ, имѣютъ власть и низложить его, если онъ имъ не угоденъ и что онъ оставитъ корону безъ сопротивленія. Потомъ, отдавъ царскій жезлъ и шапку, продолжалъ: «если такъ, выбирайте, кого хотите». Но въ ту же минуту снова принялъ жезлъ и сказалъ: «мнѣ уже надоѣли сіи козни: то меня хотите умертвить, то вельможъ и самыхъ иноземцевъ, по крайней мѣрѣ думаете ограбить ихъ; если вы признаете меня царемъ, я требую казни виновныхъ. Тогда всѣ окружавшіе Государя воскликнули, что они клялись ему въ вѣрности и повиновеніи, хотятъ умереть за него и просятъ наказать преступниковъ. Между тѣмъ, народу уже велѣно было разойтись по домамъ, при чемъ поймали пятерыхъ злоумышленниковъ. Думаютъ, что если бы Шуйскій вышелъ изъ дворца или вся чернь собралась бы на площадь, ему бы не миновать участи Дмитрія.»

Подобныя рѣчи въ устахъ царя, признаніе имъ за толпой права возводить и низводить на тронъ по своему произволу, еще больше усиливали броженіе въ народѣ и въ средѣ придворныхъ.

---

* Шуйскій короновался 1-го іюня (1606 г.), спустя всего нѣсколько дней послѣ восшествія на престолъ, то есть когда едва успѣла остыть пролитая кровь и не улеглось всеобщее возбужденіе и негодованіе противъ безстыднаго обмана бояръ, въ ночь на 20 мая призывавшихъ защищать царя отъ поляковъ, а вмѣсто того убившихъ его.

Рис. 348. Царь Василій Ивановичъ Шуйскій.

[Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.]

Между тѣмъ Шуйскій всячески пытался укрѣпить свою власть и удержаться на престолѣ. Чтобы пресѣчь растущую смуту въ самомъ началѣ, онъ примѣнялъ не только мѣры строгости, но употреблялъ и нравственныя воздѣйствія на населеніе: разсылалъ по городамъ увѣщательныя грамоты, торжественно перенесъ мощи царевича Димитрія изъ Углича въ Архангельскій Соборъ; съ цѣлью «оправить» царскую семью Годуновыхъ перенесъ ихъ гробы изъ Варсонофьевскаго монастыря въ Троице-Сергіевскую лавру*; затѣмъ, въ 1607 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, призвалъ сверженнаго мятежниками патріарха Іова и устроилъ 20-го февраля въ Успенскомъ Соборѣ торжественное всенародное покаяніе въ содѣянныхъ грѣхахъ. Московское населеніе—гости, торговые и черные люди, изъ среды коихъ вышли повинные въ совершенномъ надъ патріархомъ насиліи, просили у него прощенія съ великимъ плачемъ и неутѣшнымъ воплемъ.

Но тотъ, кто самъ достигъ власти путями лукавыми и преступными, кто не носилъ въ себѣ высшаго начала истинной добродѣтели—основы нравственнаго вліянія на окружающихъ, тотъ не могъ укрѣпить колеблющагося зданія людского общежитія и предотвратить его разрушенія, а тѣмъ болѣе удержать свое въ немъ главенство.

Лишенный самъ нравственной силы, Шуйскій не могъ исправить русскихъ людей, которые дошли до крайнихъ предѣловъ нравственной расшатанности..... «осуетишася

* Царевна Ксенія провожала ихъ и по обычаю громко вопила о своихъ несчастіяхъ.

помышленіемъ и обьюродиша умомъ и малодушествомъ обязашася, отъ головы до ногу вся неисцѣльными струпы обязашася....»

Броженіе, охватившее всѣ слои общества, подняло со дна его осадки, которые выплыли наверхъ и замутили русскую жизнь всякой нечистью.

Появленіе новыхъ самозванцевъ. Однако, эти отбросы людскіе, нахлынувшіе на Русскую землю съ окраинъ и изъ-за рубежа ея, имѣли силу дѣйствовать лишь общеустановленнымъ, освященнымъ историческою давностью началомъ—именемъ царя. Отрицать сидѣвшаго въ Московскомъ дворцѣ Государя было возможно лишь силою болѣе законною, но того же порядка. Посему и боярамъ, чтобы держать Шуйскаго въ своихъ рукахъ, и черни, желавшей пограбить и пожить на чужой счетъ—нуженъ былъ Дмитрій,* все равно какой—настоящій или поддѣльный. И вотъ гигантская тѣнь перваго Самозванца отразилась въ смрадной мути народной разнузданности, дробясь на множество лжецарей. Уже не одинъ исключительно одаренный и дерзкій человѣкъ, «но мнози воздвигошася врази и тмочисленное изліяся лукавство. И мнози отъ грабителей и несытныхъ кровоядцевъ царьми именоваша себѣ и различныя имена на ся возложиша: инъ наречеся Петръ инъ Иваннъ нарѣчіемъ Августъ, инъ Лаврентей, инъ Гурей.» (Плачъ о плѣненіи. 228. Ист. Библ. XIII).

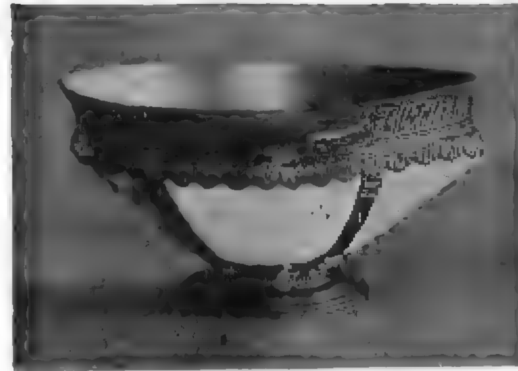

Рис. 349. Чарка изъ бѣлой раковины.
По серебряному вѣнцу надпись: Бжиею милостїю Гдрѧ Црѧ и Великаго кнзѧ Василїѧ Ивановича всеѧ Руси его црицы и великїѧ Кнѧгини Марїи здѣлана рзї (1609) году
Выш. $1\frac{1}{2}$ верш., дл. $2\frac{3}{4}$ верш.
[Московская Оружейная Палата, № 2387.]

Въ степныхъ юртахъ появились царевичи—все якобы сыновья царя Өедора Ивановича: Өедоръ, Клементій, Савелій, Семенъ, Василій, Ерошка, Гаврилка, Мартынка. Другіе производили себя отъ царевича Ивана, сына Грознаго, отъ Дмитрія Ивановича и т. д. **

Самозванцы выскакивали тамъ и сямъ и лопались какъ зловонные пузыри, отравляя мѣста своего пребыванія. Отъ нихъ Русской землѣ стало горше, чѣмъ отъ татарскихъ насилій, ибо разнуздавшійся сбродъ, отребье рода человѣческаго, именемъ ихъ захватывавшее силу, неудержно предавался всякимъ злодѣяніямъ и разврату. Ужасы и гну-

---

* Еще когда трупъ Дмитрія лежалъ на Красной площади и всѣмъ можно было его видѣть (онъ оставался тамъ цѣлыхъ 2 дня), прошелъ слухъ, что Дмитрій живъ, что убитый—не царь, а кто-то другой. Это убѣжденіе раздѣляли даже и близкіе царю люди. Въ фамильномъ архивѣ графа Браге находится донесеніе нѣкоего И. Хвалибога, поляка, одного изъ камердинеровъ Дмитрія, въ которомъ говорится, что Дмитрій не убитъ, а тайно убѣжалъ вмѣстѣ съ исчезнувшимъ бояриномъ Михаиломъ Молчановымъ, взявъ съ собою 25 лошадей и своего любимаго турецкаго коня «Дьявола» (этихъ лошадей не досчитались на царской конюшнѣ), и что въ лежащемъ на площади убитомъ человѣкѣ нѣтъ сходства съ царемъ. Послѣднее удостовѣрялъ и извѣстный Маржеретъ, одинъ изъ начальниковъ нѣмецкой царской гвардіи, хорошо знавшій Дмитрія въ лицо и убѣжденный въ его царскомъ происхожденіи.

** Этотъ рядъ самозванцевъ окончился лишь въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, когда былъ казненъ послѣдній изъ нихъ.

сности творились тамъ, гдѣ хозяйничали ихъ шайки. А они расползлись по всей Руси и утвердились близъ самой Москвы, въ селѣ Тушинѣ, гдѣ второй Лжедмитрій основалъ свою столицу.

«Сей злобѣсный кроволакательный песъ», какъ его именуетъ современный лѣтописецъ, построилъ себѣ тамъ дворецъ, завелъ дворъ, даже поставилъ своего патріарха, силой притащивъ въ Тушино Ростовскаго митрополита Филарета Никитича Романова, и началъ править, карать и миловать, смѣнять и ставить по городамъ должностныхъ лицъ, распоряжаться Россіей какъ своей вотчиной, опровергая власть сидѣвшаго въ Кремлѣ царя.

Дворъ Лжедмитрія II, устроившійся рядомъ со дворомъ Шуйскаго, представлялъ собою величайшій соблазнъ для Московскаго служилаго люда. Самозванецъ переманивалъ къ себѣ на службу москвичей. Перешедшіе къ нему хвастались, что находятся тамъ въ великой чести, что получили много даровъ и имѣній. Въ домахъ и на площадяхъ въ Москвѣ громко хвалили Тушинскаго вора и радовались его успѣхамъ. Выгоды, получаемыя за переходъ отъ одного государя къ другому, разлакомили недостойныхъ: «всякъ отъ своего чину, внеже званъ бысть, выше нача восходити: раби убо господіе хотяше быти, и неволніи къ свободѣ прескачюще, воинственный же чинъ болярствовати начинаху. Царемъ же играху яко дѣтищемъ и всякъ вышши мѣры своея жалованія хотяще; имъ же не довлѣющи ни пять кратъ, ни десять даяній....» но, принявъ присягу Шуйскому и получивъ отъ него жалованье, «ко врагамъ прилагахуся, и въ Тушинѣ бывъ.... и жалованія у врага Божія взявъ и вспять въ царствующій градъ возвращахуся и паки у царя Василія болши прежняго почесть и дары и имѣнія восприимаху и паки къ вору отъѣзжаху. Мнози же такъ мятуще всѣмъ Государствомъ Россійскимъ, не дважды кто, но и пять кратъ и десять и въ Тушино и къ Москвѣ преяждаху.»

Измѣна гуляла открыто. Всѣ играли на обѣ стороны, дабы не потерять, въ случаѣ полной побѣды Шуйскаго или Самозванца, «правда во человѣцѣхъ оскудѣ и воцарися неправда и всяка злоба и ненависть и безмѣрное піанство и блудъ, и ненасытное мздоиманіе....»

Обыкновенно о сборахъ въ Тушино знали заранѣе, но на сильнаго человѣка не смѣли доносить, ибо у него нашлись бы защитники изъ бояръ, безъ воли которыхъ Шуйскій, согласно данной имъ при вступленіи на престолъ клятвѣ, никого казнить не могъ. За то широко распространено было наушничество на тѣхъ, кто не имѣлъ сильныхъ заступниковъ. Царь охотно слушалъ доносы и расправлялся съ оговоренными, при чемъ казнили вмѣстѣ съ виноватыми и невинныхъ. Это, разумѣется, возбуждало негодованіе и еще больше усиливало броженіе въ народѣ.

Заговоры противъ Шуйскаго. Скоро появились открытыя попытки свергнуть царя, котораго никто не уважалъ и всѣ не любили. Заговоры противъ Шуйскаго отличались отъ бывшихъ при Годуновыхъ и при Дмитріи, своею беззастѣнчивостью, наглостью. Мятежники дѣйствовали открыто, дерзко, какъ власть имущіе.

17 февраля 1609 года, въ субботу на масленицѣ, 300 заговорщиковъ съ Григоріемъ Сумбуловымъ, княземъ Романомъ Гагаринымъ и Тимоѳеемъ Грязнымъ во главѣ, собрались на площади въ Кремлѣ, послали за боярами, чтобы вмѣстѣ итти сводить Шуйскаго съ престола. Тѣ побоялись, на площадь не пришли, за исключеніемъ одного кн. Василія Васильевича Голицына, и разбѣжались по домамъ ждать, чѣмъ кончится все

Рис. 350. Братина серебряная.
По золоченому вѣнцу надпись:
«Братина Тимоѳея Васильевича Измайлова.»
Вѣсу 1 ф. 17 зол., выш. $2\frac{1}{4}$ верш., шир. $2\frac{1}{2}$ верш.
[Московская Оружейная Палата, № 2147.]

дѣло. Заговорщики кинулись за патріархомъ въ Успенскій Соборъ и потребовали, чтобъ онъ шелъ съ ними на Лобное мѣсто. Ермогенъ отказался. Его потащили, подталкивая сзади, обсыпали пескомъ, соромъ, хватали за грудь и крѣпко трясли.

Приведя патріарха на Лобное мѣсто, стали возмущать народъ и порицать Шуйскаго, выставляя на видъ его неправды, пороки и неудачи: сѣлъ на царство незаконно и теперь льется кровь христіанская за человѣка недостойнаго, непотребнаго, глупаго, нечестиваго, пьяницу, блудника. Онъ долженъ быть свергнутъ съ престола. Патріархъ возражалъ; народъ оставался бездѣятельнымъ, не желая мѣнять Шуйскаго на Тушинскаго вора или на какого либо изъ бояръ московскихъ.

Тогда заговорщики, не поднявъ народа, сами бросились въ Кремль и съ криками и ругательствами ворвались во дворецъ.

Шуйскій не испугался, вышелъ къ нимъ и съ твердостью сказалъ: «зачѣмъ вы, клятвопреступники, ворвались ко мнѣ съ такою наглостью? если хотите убить меня, то я готовъ; но свести меня съ престола безъ бояръ и всей земли вы не можете.»

Мятежники покинули дворецъ и, никѣмъ не преслѣдуемые, ушли въ Тушино; князь же Голицынъ спокойно остался въ Москвѣ совершенно безнаказаннымъ.

Такъ безсильна была теперь рука, держащая скипетръ Ивана Грознаго. Вмѣсто громоноснаго гнѣва Московскаго Самодержца, его карающей сѣкиры, заговорщиковъ въ Тушинѣ настигли лишь грамоты патріарха Ермогена, убѣждающія измѣнниковъ вернуться назадъ и подкрѣпляемыя трогательными словами гражданской скорби: «недостаетъ мнѣ словъ, болитъ душа и болитъ сердце, всѣ внутренности мои содрогаются и всѣ составы мои расторгаются, плачу и съ рыданіемъ вопію....» писалъ патріархъ, надѣясь тронуть сердца измѣнившихъ.

Второй заговоръ былъ составленъ бояриномъ Крюкомъ-Колычевымъ. Рѣшено было убить царя во время торжества Вербнаго Воскресенія. Но заговорщики были обнаружены заранѣе и на сей разъ поплатились— Колычевъ былъ казненъ, многіе посажены по тюрьмамъ.

Рис. 351. Кружка росписного стекла въ золотой оправѣ, съ финифтью и драгоцѣнными камнями.
Работа 1608 года. Вѣсу 3 фун. 57 зол., вышин. $6\frac{4}{8}$ верш.
[Московская Оружейная Палата, № 2551.]

Рис. 352. Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.

[Изъ Архангельскаго Собора. Императорскій Историческій Музей.]

Положеніе Шуйскаго лишь временно окрѣпло благодаря доблести и успѣхамъ его племянника, князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго.—Марта 1610 года, разгромивъ вражескія полчища, онъ торжественно въѣзжалъ въ Москву вмѣстѣ съ начальникомъ призваннаго на помощь шведскаго войска, Делагарди. Московскіе люди встрѣчали юнаго героя со слезами радости, какъ спасителя отечества, избавителя земли отъ губящихъ ее мятежниковъ. Безпредѣльная любовь народная увѣнчала славу его военныхъ доблестей, но она же приготовила ему скорую гибель. 23 апрѣля Скопинъ послѣ двухнедѣльной болѣзни скончался, по слухамъ, отравленный братомъ царя, княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, ненавидѣвшимъ племянника за его славу, за преданность къ нему народа, видѣвшимъ въ немъ слишкомъ опаснаго соперника въ дѣлѣ наслѣдованія престола послѣ бездѣтнаго царя. Толпы народа двинулись къ дому отравителя, чтобъ разгромить его и уничтожить злодѣя, но были отогнаны войсками. Виновникъ гибели народнаго любимца остался не только цѣлъ, но даже былъ поставленъ на мѣсто покойнаго во главѣ войскъ. Вскорѣ сей замѣститель Скопина былъ на голову разбитъ польскимъ гетманомъ Жолкѣвскимъ (при Клушинѣ).

Сверженіе Шуйскаго съ престола. Это возбудило такой взрывъ негодованія, что Шуйскій не могъ удержаться на тронѣ—«былъ мятежъ великъ во всѣхъ людяхъ, подвигошася на царя». 7-го іюля 1610 года Захаръ Ляпуновъ съ толпою товарищей

Рис. 353. Кубокъ серебряный. *

[Московская Оружейная Палата, № 1148.]

пришелъ во дворецъ и подступилъ къ царю со словами: «Долго ль за тебя будетъ литься кровь христіанская?!» и потребовалъ, чтобы онъ положилъ посохъ царскій и сошелъ съ престола. Шуйскій, видя предъ собою людей незначительныхъ, отвѣчалъ окрикомъ, непристойной бранью и даже вынулъ ножъ. Но Ляпуновъ ножа не испугался и крикнулъ царю: «не тронь меня! вотъ какъ возьму тебя въ руки, такъ и сомну всего!»

До поножевщины дѣло, однако, не дошло. Заговорщики съ Ляпуновымъ ушли изъ дворца и двинулись къ Лобному мѣсту. Толпы народа со всѣхъ сторонъ валили туда же. Вся Красная площадь наполнилась такъ, что многимъ не хватило мѣста. Тогда перешли за Москву-рѣку къ Калужскимъ воротамъ. Тамъ рѣшили ссадить Шуйскаго съ престола. Во дворецъ отправился царскій своякъ, князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій, чтобы именемъ всего народа просить его мирно оставить царство и взять себѣ въ удѣлъ Нижній Новгородъ.

Василій долженъ былъ покориться и выѣхалъ изъ дворца съ женою въ свой прежній боярскій домъ въ Кремлѣ.

Однако, покинувъ дворецъ, Шуйскій не могъ успокоиться и все надѣялся вернуть себѣ престолъ—интриговалъ, подкупалъ стрѣльцовъ, подговаривалъ приверженцевъ..... Патріархъ хлопоталъ за сверженнаго царя. Чтобы покончить съ нимъ разъ навсегда, Ляпуновъ съ князьями Засѣкинымъ, Тюфякинымъ, Меринымъ-Волконскимъ и товарищами пришли въ домъ къ Шуйскому, взяли его и насильно постригли. Онъ отчаянно боролся, но старика держали, а Тюфякинъ произносилъ монашескіе обѣты. Бывшую царицу тоже постригли. Она отбивалась, срывала съ себя монашескую одежду. Но ничто не помогло. Шуйскаго монахомъ посадили подъ стражу въ Чудовъ монастырь, а братьевъ его разсадили по тюрьмамъ.

Такимъ образомъ, коварствомъ и злодѣяніемъ достигнувъ престола, честолюбивый бояринъ не нашелъ на немъ счастія, но, наоборотъ, «сѣдя на царствѣ своемъ, многія бѣды прія и позоръ и лай».

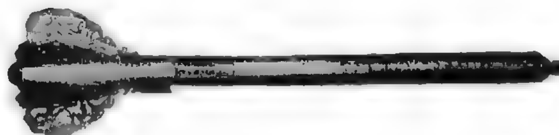

Рис. 354. Шестоперъ желѣзный XVI вѣка, съ изображеніемъ баснословныхъ животныхъ.

[Московская Оружейная Палата, № 5222].

---

* Работы 1608 г. Снизу поддона надпись: «Государю челомъ ударилъ окольничій Григорій Гавриловичъ Пушкинъ ρнз [1649] Сентябрь въ кѕ [26] день.» Вѣсу [illegible] ф. 59 зол., выш. 10½ верш.

Служилые люди при Московскомъ царскомъ дворѣ, назначенные царемъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ.

Бояре.

Кн. Михайло Васильевичь Скопинъ-Шуйской, 1607 г., † 1610 г.
Кн. Михайло Самсоновичь Туреневъ, 1607 г. † 1611 г.
Кн. Володимеръ Тимоѳеевичь Долгорукой, 1607. г., † 1633 г.
Иванъ Крюкъ Ѳедоровичь Колычовъ, 1607 г., † 1609 г.
Михайло Борисовичь Шеинъ, 1607 г., † 1634 г.
Кн. Василій Ивановичь Буйносовъ-Ростовской, 1608 г., † 1609 г.
Кн. Володимеръ Ивановичь Бахтеяровъ-Ростовской, 1608 г., † 1617 г.
Василій Петровичь Морозовъ, 1608 г., † 1630 г.
Василій Петровичь Головинъ, 1609 г., † 1612 г.

Окольничіе.

Михайло Борисовичь Шеинъ, 1606 г.—1607 г.
Кн. Иванъ Дмитріевичь Хворостининъ, 1606 г.
Кн. Григорій Борисовичь Долгоруковъ, 1606 г.
Михайло Игнатовичь Татищевъ, 1607 г., † 1609 г.
Артемій Васильевичь Измайловъ, 1607 г.
Ѳедоръ Васильевичь Головинъ, 1607 г.
Степанъ Степановичь Годуновъ, 1607 г.
Никита Васильевичь Годуновъ, 1607 г.
Кн. Данило Васильевичь Мезецкой, 1608 г.
Семенъ Васильевичь Головинъ, 1608 г.
Кн. Василій Ѳедоровичь Мосальской-Литвиновъ, 1610 г., † 1612 г.
Кн. Алексѣй Ѳедоровичь Жировой-Засѣкинъ, 1610 г. † 1610 г.
Василій Яковлевичь Щелкаловъ, 1610 г.
Иванъ Большой Петровичь Головинъ, 1610 г. † 1613 г.
Кн. Юрій Дмитріевичь Хворостининъ.
Кн. Василій Андреевичь Звенигородской.
Кн. Ѳедоръ Андреевичь Звенигородской.
Иванъ Васильевичь Головинъ.
Кн. Ѳедоръ Ѳедоровичь Мещерской.
Дмитрій Олферьевичь Крабовъ.
Тимоѳей Васильевичь Грязной.
Иванъ Никитичь Ржевской.
Михайло Андреевичь Молчановъ.
Кн. Дмитрій Васильевичь Туренинъ, 1610 г.

Дворецкіе.

Бояринъ Иванъ Крюкъ Ѳедоровичь Колычовъ, 1607 г., † 1609 г.
Бояринъ Михайло Борисовичь Шеинъ, 1607 г.—1610 г.
Окольничій Артемій Васильевичь Измайловъ, 1609 г., —1610 г.

Крайчіе.

Кн. Иванъ Борисовичь Черкаской, 1607 г.—1607 г.
Кн. Иванъ Петровичь Буйносовъ-Ростовской, 1608 г., —1610 г.

Думные дворяне.

Григорій Ивановичь Полтевъ, 1607 г. † 1608 г.
Прокопій Петровичь Ляпуновъ, 1608 г. † 1611 г.
Иванъ Михайловичь Пушкинъ, 1609 г., † 1611 г.

Постельничіе.

Кузьма Осиповичь Безобразовъ, 1607 г. † 1608 г.
Иванисъ Григорьевичь Одадуровъ, 1608 г. † 1610 г.

Печатникъ.

Иванъ Тимоѳеевичь Грамотинъ, 1610 г.—1611 г.

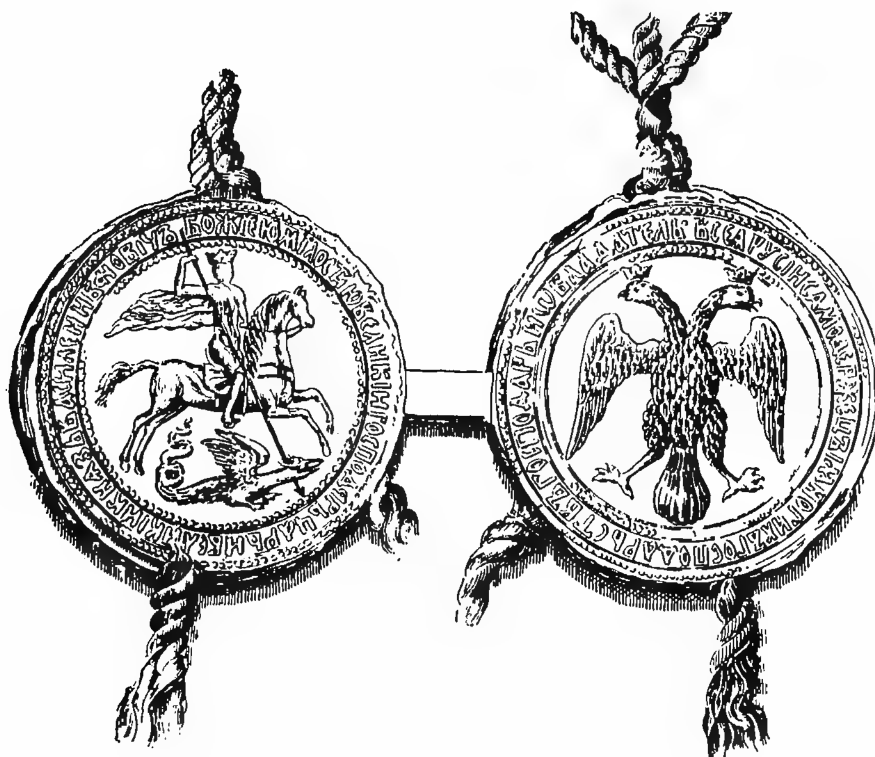

Рис. 355. Печать Государственная малая царя Василія Іоанновича Шуйскаго.

[Привѣшена къ грамотѣ 1606 года, данной Ниловой пустыни на земли].

Рис. 356. Владиславъ, королевичъ польскій.
[Изъ Собранія П. Я. Дашкова.]

Государевъ дворъ въ Кремлѣ въ лихолѣтіе Московской разрухи.

По сверженіи съ престола Шуйскаго, Государство Московское осталось безъ царя, а Государевъ дворъ въ Кремлѣ — безъ хозяина. Вся власть въ Русской землѣ и все достояніе царей Московскихъ перешло въ боярскія руки: «пріяша власть Государства Русскаго седмь* Московскихъ бояриновъ.»

И такъ, долгая, упорная борьба за власть между царемъ и боярами окончилась побѣдой послѣднихъ. Царскій родъ исчезъ съ лица земли. Убійственное желѣзо, направленное «окаянными дерзобѣсними» руками честолюбцевъ, пресѣкло жизнь послѣдняго отпрыска Рюрикова дома (въ Угличѣ или въ Москвѣ—безразлично), а поистинѣ адскій замыселъ орудовать посредствомъ самозванства ниспровергнулъ коварныхъ захватчиковъ

* Кн. Ѳ. И. Мстиславскій, кн. И. М. Воротынскій, кн. А. В. Трубецкой, кн. А. В. Голицынъ, И. Н. Романовъ, Ѳ. И. Шереметевъ и кн. В. М. Лыковъ. Таковъ былъ составъ этой семибоярщины (по крайней мѣрѣ къ концу ея власти. Вначалѣ присутствовалъ, несомнѣнно, и кн. В. В. Голицынъ).

Рис. 357. Братина серебряная, чеканная, частью золоченая, съ надписью:*
Вѣсъ 3 ф. 62 зол., вышина 6½ вершк.
[Московская Оружейная Палата, № 682.]

царскаго скипетра. Но, къ чему привела эта побѣда, добытая проклятыми средствами?! Россійское Государство распалось на клочки. Извнѣ его терзали иноземцы, поляки и шведы, проникая вглубь, до самаго сердца его измученнаго, окровавленнаго тѣла, внутри—какъ мерзостные гады, поѣдали его кишащія всюду шайки потерявшихъ обликъ человѣческій злодѣевъ.

Весь русскій православный народъ, да и сама Боярская Дума, въ руки которой теперь перешла ея завѣтная, давняя мечта—вся власть и управленіе Московскимъ Государствомъ, ни на минуту не сомнѣвались въ необходимости избранія царя. Всѣмъ было ясно, что безъ этого царя Самодержца существовать Государство не можетъ; что пока на царскомъ тронѣ въ Кремлевскомъ дворцѣ не сядетъ во плоти законный Государь, нечистыя тѣни его образа будутъ бродить по всѣмъ закоулкамъ обширной Россіи, навѣвать смуту, дышать разложеньемъ и гибелью.

Среди бояръ, достойныхъ въ глазахъ народа пріять скипетръ царскій, были кн. В. В. Голицынъ, кн. Мстиславскій и 14-ти-лѣтній Михаилъ Θедоровичъ Романовъ.

Но страна была уже въ такомъ положеніи, что не оставалось возможности свободнаго избранія царя. Она находилась въ тискахъ съ одной стороны отъ иноземныхъ войскъ, съ другой отъ шаекъ Самозванца, этого пугала всѣхъ людей порядка. 24 іюля польскій гетманъ Жолкѣвскій стоялъ въ 7 верстахъ отъ Москвы, а Самозванецъ Лжедмитрій II-й, по прозванію Воръ, началъ «добывать» Москву, громя уже ея стѣны. Колебаться было некогда. Лучше служить королевичу, кандидатура котораго выдвигалась уже при правленіи Шуйскаго, чѣмъ «быть побитыми отъ своихъ холопей и въ

* «Вѣси ꙋбо человѣче, ѧко воинꙋ орꙋжїе потребно есть въ день брани, такожде и дождь во времѧ ведра, питїе же во времѧ жажды и сице же истинни дрꙋги во времѧ ꙋтешенїѧ и скорби и сїи ꙋбо прикасающїесѧ сладости сей и съ любовїю по разꙋмꙋ въ сытость весело и со дрꙋги и тѣлесомъ красотꙋ сердцꙋ и ꙋма пространствїе почерпаютъ и съ радостїю со дрꙋги своими веселѧшесѧ испїютъ. Хотѧщимъ ꙋбо къ семꙋ пристꙋпити съ враждою не насытною сихъ ꙋбо достоитъ отъ сего домꙋ всегда отгонѧти заботно.» Снаружи тулова между выпукло-чеканнаго орнамента травами, такія же бляхи съ гербами и рѣзною надписью: «Братина Петра Алексѣевича Третьѧкова». Внутри братины вставлена сквозная золоченая бляха съ надписью: «Человѣче, что на мѧ зриши, не поглотити ли мѧ хощеши. Азъ есмь бражникъ, воззри человѣче во дно братины сїѧ и открыеши тайнꙋ свою.» П. А. Третьяковъ, раньше Лошаковъ, думный дьякъ, игравшій видную роль въ смутное время. Умеръ въ началѣ царствованія Михаила Θеодоровича.

вѣчной работѣ у нихъ мучиться», говорили бояре. И вотъ, московскіе люди начали присягать Польскому королевичу Владиславу, 17 августа—близъ стана Жолкѣвскаго, а 18-го—въ Успенскомъ Соборѣ, въ присутствіи патріарха.

Рис. 358. Кубокъ серебряный. *

[Московская Оружейная Палата, № 1112.]

Рис. 359. Кубокъ серебряный. **

[Московская Оружейная Палата, № 1085.]

Послѣ того, въ ночь съ 20 на 21 сентября, съ согласія Московскихъ бояръ, поляки тихо вступили въ Москву и заняли города Бѣлый, Китай и Кремль.

Съ согласія же бояръ, начальство надъ русскими стрѣльцами было поручено коменданту Кремля, поляку Гонсѣвскому. Гетманъ Жолкѣвскій, съ такою ловкостью проведшій избраніе королевича Владислава и мирную оккупацію русской столицы, выслалъ изъ Москвы подъ видомъ почетнаго посольства къ королю двухъ опаснѣйшихъ для польскаго дѣла людей—кн. В. В. Голицына и патріарха Филарета, а затѣмъ вскорѣ уѣхалъ и самъ, увезя съ собою, какъ блестящій трофей, бывшаго Московскаго царя и Самодержца Василія Ивановича Шуйскаго, съ двумя его братьями.

Столица Московскаго Государства, ея твердыня—Кремль, царскій дворецъ съ его сокровищами, очутились въ рукахъ иноземцевъ, заклятыхъ враговъ Россіи, ея національнаго духа, ея православной вѣры: «седьмочисленные бояре московскіе державы власти точію два мѣсяца насладившася, всю власть русскія земли предаша въ руцѣ литовскихъ воеводъ.»

Расхищеніе царской казны. Водворившись въ Кремлѣ, поляки начали править и хозяйничать. Особое вниманіе было ими удѣлено казнѣ царской. Лучшія вещи они отобрали и отослали къ королю ***, нѣкоторыя взялъ себѣ Гонсѣвскій. Изваяніе Спаси-

---

* Работы мастера Генриха Мана 1612 г. Вѣсу 67 зол., выш. 5 верш.

** Внизу поддона подпись: «Кубокъ боярина князя Григорья Жашкича». Вѣсу 2 ф. 1 зол., выш. 7 верш.

*** Польскій историкъ Кобержицкій говоритъ (Historia Vladislai autore Stanislao Kobierzysko, 1655 a, pag. 948), что король Сигизмундъ III въ своемъ духовномъ завѣщаніи «царскую діадиму, взятую имъ въ Москвѣ, приказалъ внести въ казенную Королевскую палату.» Въ 1614 году на требованіе русскаго правительства возвратить ее, польскіе вельможи не дали русскому послу Желябужскому никакого отвѣта. Петръ Великій просилъ Бранденбургскаго курфюрста Фридриха III, которому поляки заложили свои государственныя драгоцѣнности, отдать ему находящуюся среди нихъ русскую корону. Тотъ обѣщалъ это сдѣлать, если вещи не будутъ выкуплены въ срокъ, чего однако не случилось. Екатерина II при раздѣлѣ Польши, по незнанію о достояніи Московскихъ царей, рѣчи не заводила и русская корона осталась въ Краковскомъ хранилищѣ королевскихъ регалій. (Свѣдѣнія объ увезенной въ 1612 году поляками изъ Москвы царской коронѣ. Труды и лѣтописи Общ. Ист. и Древн. Росс. VI, 131—135).

теля* изъ чистаго золота, оцѣниваемое въ 30.000 червонцевъ, разрубили на куски и подѣлили между собою польскіе воины. Постепенно и другія драгоцѣнности разошлись по ихъ рукамъ въ видѣ платы за службу. Часть ихъ была утеряна навсегда, будучи взята въ Польшу тѣми изъ воиновъ, которые возвратились домой до начала Кремлевскаго сидѣнія**.

Новые хозяева достоянія царей Московскихъ не удовольствовались найденнымъ въ кладовыхъ царскаго дворца. Подозрѣвая, что многое скрыто, они назначили особую комиссію подъ предсѣдательствомъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ***, которая повела самый тщательный розыскъ. Провѣряли наличность вещей по спискамъ, приводили въ извѣстность и составляли итоги доходовъ и расходовъ прошлаго царствованія, допытывались, кому что было дано на сохраненіе и въ видѣ пожалованія Шуйскими—царемъ и царицей.

27 октября на допросъ были приведены казначеи бывшей царицы—Анна Шестакова да Ульяна Орлова и бояре ихъ спрашивали «сколько княжъ Васильева княгиня Шуйского Государевы казны покрала и кому давала хоронити или и въ прокъ кому давала, тобъ все сказали вправду, а не скажутъ правды и имъ быти пытанымъ.» Къ самой царицѣ бояре послали дьяка Семейку Еуфимьева да гостя Ивана Юрьева «а велѣли ей говорити: прежъ того хотѣла она прислати роспись, написавъ у ково сколько какіе рухляди схоронено да и по ся мѣста не присылывала; и онабъ нынѣ дала роспись, сколько у ково какіе рухляди схоронено или что кому дано и хто у нее какую рухлядь продавалъ и на какіе расходы деньги шли и есть ли тому приходные и расходные книги?»

Царица отвѣчала, что «бояре ее оманываютъ, просятъ росписи, а сами у всѣхъ у ково что было положено, все поимали....» и вновь повторила свое прежнее показаніе о вещахъ, отданныхъ ею разнымъ лицамъ, и при этомъ прибавила: «мало ли ково мужъ мой и я жаловали, да не у всѣхъ поимать!... послѣ Бориса жена многую казну поимала, о чемъ не сыскивали? А и Рострига кому что давалъ, почему назадъ не емлютъ?»

---

* 12 изваяній Апостоловъ были перечеканены на деньги еще Шуйскимъ для уплаты жалованья Шведскому вспомогательному войску.

** Маскѣвичъ пишетъ, что въ 1614 году онъ съ товарищами, наскучивъ возить съ собою взятыя въ залогъ царскія вещи, пытались ихъ продавать: «Продавали ихъ Королю: онъ не хотѣлъ купить; продавали Императору Христіанскому, Герцогамъ Бранденбургскимъ, Имперіи Нѣмецкой, Гданску, вездѣ, гдѣ думали найти покупателей, и все напрасно. Наконецъ, стали торговаться за нихъ паны Коммиссары: давали 100.000, а 80.000 просили уступить.» Но хотѣли расплатиться не золотомъ, а фантами, за которыми надо было еще послать въ Люблинъ. Боясь обмана, Маскѣвичъ съ товарищами рѣшились просто подѣлить вещи между собою: «разломали двѣ короны, Ѳедорову и Дмитріеву, сѣдло Гусарское, оправленное золотомъ съ драгоцѣнными каменьями, и три единорога; посохъ остался цѣлъ: его отдали вмѣстѣ съ яхонтомъ изъ короны, величиною въ два пальца, Гонсѣвскому и Дунковскому за стѣнную службу въ 28.000 злотыхъ. Яхонтъ оцѣнили у насъ въ 4.000 злотыхъ, а въ Москвѣ мы получили его за 10.000 рублей. Посохъ же единороговый оцѣнили въ 24.000 злотыхъ. Въ дѣлежѣ мы всѣ участвовали, и если не все, то по крайней мѣрѣ что нибудь получили; инымъ пришлось взять чуть не десятую долю того, что слѣдовало. Мнѣ досталось: три алмаза острыхъ, четыре рубина, золота на 100 злотыхъ, единорога два лота. Я получилъ такъ много по особой милости; другимъ же платили единорогомъ, оцѣнивая лотъ въ 300 злотыхъ.

*** Сарскій и Подонскій митрополитъ Пафнутій, архимандритъ Ѳерапонтъ и бояре князья В. Мосальскій и Ив. Куракинъ.

Рис. 360. Кубокъ серебряный *
[Московск. Оружейн. Палата, № 933.]

Спрашивала, «есть ли отъ короля къ бояромъ листъ, что ее позорить и грабить» и грозила ему пожаловаться. Однако, ей пришлось тотчасъ же отдать еще свои «серги яхонты да лалы.»

Отвѣтъ бывшей царицы не удовлетворилъ слѣдователей. Розыски продолжались настойчиво и царскія вещи у нѣкоторыхъ лицъ были отобраны съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ другими перейти въ руки пришельцевъ: «сокровища царьская, многими лѣты собранная, ихъ же и зрѣти было таковымъ неудобно, расхитиша.... и безчисленныя корысти, всякихъ предрагихъ вещей, окаянніи дерзобѣсіи свои руцѣ наполниша....»

Но часть царскаго имущества избѣгла грабленія. Нѣкоторыя драгоцѣнности были скрыты русскими еще до прихода въ Кремль чужеземцевъ. Такъ, по свидѣтельству лѣтописи Крекшина, ближній стольникъ Никифоръ Траханіотовъ скрылъ (21 сентября) первый царскій нарядъ и нѣсколько другихъ наиболѣе цѣнныхъ вещей и сосудовъ въ подземную кладовую, никому неизвѣстную. Эти вещи, какъ и тѣ, которыя находились еще въ рукахъ сидѣвшихъ до конца осады поляковъ (въ томъ числѣ нѣкоторыя царскія шапки), были по освобожденіи Москвы возвращены въ царскую казну.

Захватъ власти иноземцами. Поддерживаемый русскими измѣнниками и опираясь на польское войско, Гонсѣвскій началъ управлять Московскимъ Государствомъ, какъ самодержавный повелитель. По пути его во дворецъ ему подавали челобитныя. Онъ приносилъ ихъ въ Думу и поставлялъ по нимъ рѣшенія, совѣтуясь лишь съ своими приверженцами, Михаиломъ Салтыковымъ, княземъ Василіемъ Мосальскимъ, Ѳедоромъ Андроновымъ и Иваномъ Грамотинымъ. Остальные бояре до обсужденія не допускались и даже не слыхали, о чемъ идетъ рѣчь. По приказамъ всѣ ставленники прежнихъ правительствъ и «похлѣбцы» Шуйскаго были прогнаны и замѣнены приверженцами Владислава, покорными слугами Гонсѣвскаго. Русскіе люди были подавлены, негодовали, но не смѣли поднять голоса. Однако, вскорѣ обнаружилось броженіе и Гонсѣвскому пришлось принимать мѣры предосторожности. Вотъ что пишетъ сидѣвшій въ Кремлѣ полякъ о создавшемся тогда настроеніи:

* Вѣсу 3 ф. 59 зол., выш. 14 верш. съ добавленіями, сдѣланными въ Россіи при Петрѣ I: съ литымъ двуглавымъ орломъ на крышѣ, имѣющемъ на одной сторонѣ портретъ Петра I съ буквами Ц. П. А. В. Р. С. и московскій гербъ на другой, и съ вырѣзанными по верхнему вѣнцу двумя медальонами, изъ коихъ въ одномъ опять портретъ Петра I, въ другомъ — военный отрядъ со знаменами. Снизу поддона болѣе ранняя надпись: «Кубокъ боярина Князь Петра Ивановича Прозоровскаго»; по гладкому борту кубка, снаружи, вторая надпись: «Божїею поспѣшествующею милостїю Великїй Государь Царь и Великїй Князь Петръ Алексѣевичь всеа великїа и малыа и бѣлыа Россїи Самодержецъ, Наше Царское пресвѣтлое Величество пожаловал симъ кубкомъ Гречанина Григорїа Андреева сына Шангина, что онъ [redacted] посылкахъ изъ Сибирскаго Приказу [redacted] нашею Царскаго Величества казною въ Китайское государство съ купчиною съ Иваномъ Савастьяновымъ, у посланой казны и у вывозныхъ китайскихъ товаровъ учинили прибыли ркдѳи рублевъ ді алтынъ в деньги. Данъ ҂аѱа года Сентябра г дня.» Раб. мастера Іереміи Риттера 1605 года; поступилъ въ Палату отъ потомка Шангина, архангельскаго купца Черышева, въ 1810.

«Нѣсколько недѣль мы провели съ москвичами во взаимной недовѣрчивости, съ дружбою на словахъ и съ камнемъ за пазухой; угощали другъ друга пирами, а думали иное. Мы наблюдали величайшую осторожность: стража днемъ и ночью стояла у воротъ и на перекресткахъ. Для предупрежденія зла, по совѣту доброжелательныхъ намъ бояръ, Гонсѣвскій разослалъ по городамъ 18.000 стрѣльцовъ подъ предлогомъ охраненія этихъ мѣстъ отъ шведовъ, но собственно для нашей безопасности: этимъ способомъ мы ослабили силы непріятеля. Москвичи уже скучали нами, не знали только, какъ сбыть насъ и, умышляя ковы, часто производили тревогу, такъ что по два, по три и по четыре раза въ день мы садились на коней и почти не разсѣдлывали ихъ.»

Чтобы избавиться отъ новыхъ хозяевъ, которыхъ сами посадили себѣ на голову, многіе москвичи начали сноситься съ Самозванцемъ, прогнаннымъ поляками отъ Москвы и ушедшимъ въ Калугу. Это открылось и дало поводъ Гонсѣвскому ввести нѣмецкія войска въ Кремль и окончательно все прибрать въ свои руки. Онъ даже арестовалъ, «далъ за приставы», князей А. В. Голицына, И. М. Воротынскаго и А. Ѳ. Засѣкина. Лишенъ свободы былъ и патріархъ Гермогенъ—«дьяки и подъячіе и всякіе дворцовые люди его были пойманы, а дворъ его весь разграбленъ». Остальные бояре, хотя и оставались на свободѣ, но чувствовали себя какъ въ плѣну и не смѣли не только противодѣйствовать, но и противорѣчить новому владыкѣ Государства Московскаго. Отъ имени бояръ составлялись грамоты, имъ приказывали «руки прикладывать» и тѣ исполняли все безпрекословно, даже должны были молча терпѣть злорадныя издѣвательства отъ новыхъ «худыхъ людишекъ», измѣнниковъ русскихъ, подольстившихся къ полякамъ и забравшихъ въ свое завѣдываніе и государственное дѣлопроизводство и казну.

Захватъ Кремля поляками. Съ самаго отъѣзда Жолкѣвскаго, Гонсѣвскій, какъ новый правитель, занялъ лучшій домъ въ Кремлѣ,—тотъ, который прежде принадлежалъ Борису Годунову. Его главные приверженцы, Салтыковъ и Андроновъ, поселились рядомъ, первый—на дворѣ Ив. Вас. Годунова, бросивъ свой собственный домъ, второй—на дворѣ Благовѣщенскаго протопопа. Кремль былъ приведенъ на военное положеніе: у всѣхъ воротъ поставлена польская стража, уличныя рѣшетки сломаны, русскимъ было запрещено ходить съ оружіемъ. Отбирались не только сабли и ножи, но даже топоры у шедшихъ на работу плотниковъ. Ввозъ въ городъ мелкихъ дровъ былъ запрещенъ изъ опасенія, какъ бы не надѣлали изъ нихъ кольевъ взамѣнъ оружія. Въ темнотѣ никому не позволяли ходить по улицамъ, даже въ церковь къ заутренѣ не пропускали ни мірскихъ людей, ни священниковъ.

Укрѣпившись и обезоруживъ русскихъ, поляки стали себя вести, какъ побѣдители въ завоеванномъ городѣ—чинить насилія надъ женщинами, побивать людей, выходившихъ изъ дому вечеромъ.

17 марта (1611 г.), въ Вербное Воскресеніе, Гонсѣвскій, распорядившись освободить изъ подъ стражи патріарха для совершенія обычнаго шествія на осляти, разставилъ по всѣмъ площадямъ литовскія войска, пѣшія и конныя.

Въ народѣ распространился слухъ, что поляки хотятъ во время этого торжества изрубить патріарха и безоружный народъ, а потому никто и не пошелъ за вербою. Эти опасенія, повидимому, имѣли основанія, ибо сами поляки—очевидцы пишутъ, что измѣн-

никъ Салтыковъ совѣтовалъ воспользоваться случаемъ и послѣ говорилъ полякамъ: «нынче былъ случай и вы Москву не били—ну, такъ они васъ во вторникъ будутъ бить»

Дѣйствительно, гроза собиралась со всѣхъ концовъ разоренной, истерзанной, измученной междоусобицами, но еще не въ конецъ погибшей Россіи.

Смерть второго Самозванца (11 декабря 1610 года), избавлявшая московскихъ людей отъ ихъ опасеній съ этой стороны, произвела рѣшительный поворотъ въ настроеніи самихъ бояръ, избравшихъ Владислава.

Патріархъ Ермогенъ, видя, что условія избранія Владислава не исполняются и Руси грозитъ полное порабощеніе иноземцами, открыто выступилъ противъ поляковъ. Несмотря на насиліе, ограбленіе и заточеніе, онъ непреклонно поддерживалъ русскихъ патріотовъ, которые по разнымъ городамъ переписывались между собою. Вскорѣ возстаніе въ пользу русскаго дѣла широкой волной разлилось по Руси. Къ Москвѣ приближались Ляпуновъ, Заруцкій и Просовецкой, со 100-тысячнымъ ополченіемъ.

Поляки, увидавъ какой поворотъ приняло дѣло, начали готовиться къ осадѣ и втаскивать пушки на башни Кремля и Китая-города. Однажды, на рынкѣ, они стали принуждать русскихъ извощиковъ помогать имъ—тѣ отказались. Поднялись брань, крикъ. Нѣмецкій отрядъ, находившійся въ Кремлѣ, думая, что началось возстаніе, вышелъ оттуда и ринулся избивать русскихъ. Поляки къ нему присоединились. Въ Китаѣ-городѣ они перебили 7.000 безоружныхъ людей. Но въ Бѣломъ-городѣ русскіе успѣли вооружиться, ударили въ набатъ, собрались, стали бить иноземцевъ изъ оконъ домовъ. Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, соединившись съ пушкарями, втопталъ нападающихъ въ Китай-городъ. Русскіе напирали и готовы были раздавить сравнительно ничтожную кучку непріятелей. Поляки, загнанные въ Кремль и Китай-городъ, видя неминуемую гибель, придумали зажечь Москву и запалили ее съ разныхъ концовъ. Московскіе бояре, сидѣвшіе съ ними въ Кремлѣ, давали благіе совѣты зажечь и Замоскворѣчье, что̀ было также приведено въ исполненіе.

Пожаръ Москвы. Москва привыкла къ великимъ пожарамъ, но, кажется, такого опустошенія—чтобы весь городъ сгорѣлъ цѣликомъ, еще не было ни въ дни Девлетъ-Гирея, ни раньше.

«Двухдневный пожаръ, повѣствуетъ хроника Мартина Бера, превратилъ въ пепелъ обширную столицу Русскаго царства, имѣвшую въ окружности болѣе 4 миль; ничего въ ней не уцѣлѣло, кромѣ царскаго замка, занятаго королевскимъ войскомъ, и немногихъ церквей каменныхъ—все прочее было жертвою огня; сгорѣли всѣ деревянныя зданія, всѣ красивые дома боярскіе и купеческіе, остались только немногія стѣны, каменные погреба, церкви и часовни. Такимъ образомъ 700.000 человѣкъ, способныхъ владѣть оружіемъ, должны были уступить свой городъ малочисленной дружинѣ изъ 800 нѣмцевъ и 6.000 поляковъ; должны были видѣть столицу жертвою пламени, а несмѣтныя сокровища оставить въ рукахъ чужеземцевъ.»

«Пламя охватило городъ, пишетъ Маскѣвичъ, и, раздуваемое жестокимъ вѣтромъ, гнало русскихъ; а мы потихоньку подвигались за ними, безпрестанно усиливая огонь, и только вечеромъ возвратились въ крѣпость. Уже вся столица пылала; пожаръ былъ такъ лютъ, что ночью въ Кремлѣ было свѣтло, какъ въ самый ясный день; а горѣвшіе дома имѣли такой страшный видъ и такое испускали зловоніе, что Москву можно было уподобить только аду, какъ его описываютъ. Мы были тогда безопасны: огонь охранялъ насъ.»

Тогда «изліяся фіалъ горечи, говоритъ нашъ лѣтописецъ, царствующему граду Москвѣ разореніе, падоша тогда высокозданніи домове, иже красотами блистающеся, огнемъ поядошася, и вси мудроверхія церкви, яже преже Божественною славою сидюще, скверныма рукама до конца разоришася.»

Такимъ образомъ поддерживаемый дотолѣ обѣими сторонами худой миръ внезапно превратился въ яростную, безпощадную войну. Поляки засѣли въ Кремлѣ, какъ осажденные и расположились въ немъ, забывъ всякое приличіе. Стѣсняться болѣе было не зачѣмъ. Маскѣвичъ, напримѣръ, поселился въ Грановитой Палатѣ; «лошади наши», пишетъ онъ, «стояли въ дворцовыхъ сѣняхъ, чего прежде, вѣроятно, не случалось: не только конь, но и думный бояринъ безъ царскаго дозволенія не смѣлъ войти въ сей дворецъ, со страхомъ Бога видѣти.» («So strahom Boha videty»).

Рис. 361. Шапка ерихонская XVI вѣка боярина Ѳед. Ив. Мстиславскаго. *
[Московская Оружейная Палата, № 4410].

Ограбленіе города поляками. Выкуривъ москвичей огнемъ, поляки почувствовали себя за крѣпкими стѣнами Кремля и Китая-города полными хозяевами. Оставшееся тамъ русское населеніе и его имущество были въ ихъ безусловной власти, чѣмъ они не преминули воспользоваться: по словамъ Петрея они «только и дѣлали, что искали добычи, которую нашли въ большомъ количествѣ и очень богатую, такъ что не хотѣли и смотрѣть на ситецъ, полотно, олово, мѣдь, а только на деньги, серебро, золото, бархатъ, шелковыя матеріи, брильянты, золотыя вещи, жемчугъ, драгоцѣнные камни. Многіе солдаты посдирали серебро и золото съ образовъ въ церквяхъ и монастыряхъ. Кто вышелъ въ разодранномъ и запачканомъ платьѣ, воротился назадъ въ хорошемъ нарядѣ, въ дорогой шелковой одеждѣ разныхъ цвѣтовъ и красокъ.... Никто не хотѣлъ пить пива, меда и водки, а одно Рейнское, Французское, Угорское, Малвазію и разныя цѣльныя вина, все безъ примѣси.

«Въ погребахъ вдоволь найдено всякаго продовольствія: сала, масла, сыра, рыбы, муки, солоду, пшеницы, овса, хмелю, сельдей и другихъ подобныхъ вещей; солдаты

* Съ позолотой и драгоцѣнными камнями—1 яхонтъ, 24 лала. Серебра 100 зол. Поступила въ царскую казну 3 апр. 1626 г.

въ крѣпости на нѣсколько лѣтъ имѣли бы продовольствія, если бы какъ слѣдуетъ обходились съ этими припасами.»

Рис. 362. Наручи персидскія, булатныя XVI в., князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго. Украшены бирюзою и золотою насѣчкою. [Московская Оружейная Палата, № 4657.]

«Начальники добыли въ крѣпости такое множество денегъ, что могли расплатиться съ войскомъ; многіе полагаютъ также, что поляки между разными драгоцѣнными кубками, чашами, подносами, медалями и регаліями, цѣною въ нѣсколько боченковъ золота, получили семь царскихъ вѣнцовъ и три скипетра съ однимъ жезломъ изъ цѣльнаго большого единорога, чрезвычайно богато выложеннымъ и украшеннымъ прекрасными рубинами и алмазами. Солдаты изъ самохвальства заряжали ружья большими цѣнными жемчужинами, величиною съ горошину или бобъ, и стрѣляли на воздухъ или въ цѣль. Вообще всего было много и вдоволь. Поляки кутили и бражничали, играли въ кости, распутничали постоянно: ни лаской, ни таской нельзя было унять ихъ.»

Осада Кремля и Китая-города русскимъ ополченіемъ. Но отъ богатства и изобилія грабители потеряли голову: какое-то безуміе охватило ихъ и они безъ толку растратили запасы всякаго добра. Скоро наступилъ въ нихъ недостатокъ: когда русскіе обложили враговъ тѣснымъ кольцомъ, достать жизненные припасы извнѣ стало невозможно. Лишь одинъ разъ осажденнымъ удалось получить ихъ, когда 14 августа (1611 г.) Сапѣга* съумѣлъ пробиться сквозь русское обложеніе. Вскорѣ для осажденныхъ началась великая страда. Русская рать жала ненавистныхъ иноземцевъ, напирала на нихъ, не давала имъ ни отдыха, ни срока. «8 сентября, пишетъ Маскѣвичъ, при жестокомъ вѣтрѣ, брошено въ Китай-городъ изъ мортиръ десять бомбъ разомъ. Тутъ мы уже не могли отстоять его: все, что было въ немъ, сдѣлалось жертвою лютаго пожара; уцѣлѣли только каменныя лавки, церкви и кирпичное строеніе. Товарищи перебрались къ намъ въ Кремль. Казацкій ротмистръ Рудницкій избралъ для себя жилищемъ пустой склепъ въ цейхгаузѣ, служившій пороховымъ погребомъ, и велѣлъ слугѣ принести свѣчу, чтобы осмотрѣть, можно ли разводить тамъ огонь, ибо становилось уже холодно; лишь только упала искра на землю, мигомъ взорвало весь склепъ: на полу находилось пороху безъ малаго на пядень: его складывали туда болѣе ста лѣтъ и съ тѣхъ поръ какъ построенъ цейхгаузъ, погребовъ не чистили. Этимъ взрывомъ выбросило всѣхъ бывшихъ тамъ людей, числомъ 18; самого Рудницкаго такъ истерзало, что нельзя было собрать членовъ его. Уцѣлѣли только двое: ихъ подняло довольно высоко, но они упали на землю безъ вреда. На случай пожара, для удобнѣйшаго сохраненія, я сложилъ свои вещи въ склепъ того же цейхгауза, рядомъ съ погребомъ, взлетѣвшимъ на воздухъ, и если бы не было въ склепѣ вещей челядинскихъ, мои навѣрное пропали бы, ибо опасаясь ежеминутно взрыва и другихъ погребовъ, никто не смѣлъ къ нимъ приступить: тамъ лежали разныя горю-

* Черезъ мѣсяцъ онъ умеръ въ Кремлѣ, въ домѣ Шуйскаго, въ которомъ поселился.

чія вещества, съ водкою, ядрами, стрѣлами, крючьями. Огонь туда уже пробрался и все какъ въ адѣ пылало. Челядь, спасая свои вещи, спасла и мои.»

«10 сентября каленыя ядра зажгли на дворѣ князя Мстиславскаго три домика, но пожаръ былъ потушенъ.» (Русс. Ист. Библ. I, 263). Такимъ образомъ, засѣвшіе въ Кремлѣ попали подъ огненный дождь. Между тѣмъ наступала стужа и голодъ.*

Освобожденіе Кремля отъ поляковъ. Когда въ августѣ 1612 года второе русское ополченіе, съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ во главѣ, приблизилось къ Москвѣ, за стѣнами Кремля и Китая-города сидѣли уже тѣни, а не люди (см. кн. I стр. 53). Пожарскій сдавилъ осажденныхъ тѣснѣе, окруживъ новыми батареями. 22 сентября была построена батарея на Пушкарскомъ дворѣ (на нынѣшней Театральной площади), 3 октября—у Никольскихъ воротъ Китая-города, 8-го—противъ Водяныхъ воротъ со стороны Москвы-рѣки. 22 октября казаки взяли приступомъ Китай-городъ и полякамъ пришлось сосредоточиться въ Кремлѣ. Послѣ отбитія русскимъ ополченіемъ Гетмана Хоткевича, пытавшагося прорваться въ Кремль съ продовольствіемъ, у поляковъ угасла послѣдняя надежда на помощь. Чтобы избавиться отъ лишнихъ ртовъ, они велѣли сидѣвшимъ съ ними въ осадѣ боярамъ и всѣмъ русскимъ людямъ выслать вонъ изъ Кремля своихъ женъ. Бояре вступили въ переговоры съ Пожарскимъ, и тотъ принялъ несчастныхъ женщинъ и уберегъ ихъ отъ казаковъ, хотѣвшихъ ихъ ограбить и поступить съ ними, какъ съ военной добычей.

Поляки еще держались, но скоро, доведенные голодомъ до полнаго изнуренія и отчаянія, они вступили въ переговоры о сдачѣ, прося одного—сохраненія жизни. Это было имъ обѣщано и началась сдача крѣпости.

Прежде всего выпустили русскихъ бояръ, выдержавшихъ всѣ бѣдствія осады, испытавшихъ на себѣ горькіе плоды своего правленія государственнымъ кораблемъ: Ѳ. И. Мстиславскаго, И. М. Воротынскаго, И. Н. Романова и всѣхъ другихъ русскихъ людей, виновныхъ и невинныхъ въ происшедшемъ. Среди нихъ находился и основатель новой династіи, будущій царь Московскій, юный Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ со своей матерью, Марѳою Ивановной.

Всѣ эти лица были выпущены черезъ Троицкія ворота. Когда они были уже внѣ Кремлевскихъ стѣнъ, на Каменномъ мосту, ведущемъ къ Кутафьѣ, казаки хотѣли броситься на нихъ и изрубить въ куски, но были удержаны Пожарскимъ.

На другой день сдались поляки и радостный часъ избавленія насталъ.

---

* «Октоврія 16 дня, пишетъ одинъ изъ ратниковъ польскаго войска, выпалъ снѣгъ великій, всю траву покрылъ и корѣня; силный и не слыханый насъ голодъ змоглъ: гужи и попруги, поясы и пожны и леда костища и здохлину мы едали; у Китай городѣ, у церкви Богоявленія, гдѣ и греки бываютъ, тамъ мы и зъ Супруномъ килка книгъ нашли паркгамѣновыхъ; тымъ есмо и травою живилися,—а що были предъ снѣгомъ наготовали травы—за лоемъ свѣчанымъ тое ѣли; свѣчку лоевую куповали по полъ золотого. Сынъ мытника Петриковскаго зъ нами увъ осадѣ былъ, того безъ вѣдома порвали и изъѣли и иныхъ людей безъ личбы поѣли; пришли до одной избы, тамже найшли килка кадокъ мяса человѣческаго солоного; одну кадку Жуковскій, товаришъ Колонтаевъ, взялъ; той-же Жуковскій за четвертую часть стега человѣчого далъ 5 золотыхъ, кварта горѣлки въ той часъ была по 40 золотыхъ; мышъ по золотому куповали; за кошку панъ Рачинскій далъ 8 золотыхъ; пана Будиловъ товаришъ за пса далъ 15 золотыхъ, и того было трудно достать; голову человѣчую куповали по 3 золотыхъ; за ногу человѣчую, одно по костки, дано гайдуку два золотыхъ; за ворона чорного давали наши два золотыхъ и полъ фунта пороху—и не далъ за тое; всѣхъ людей больше 200 пѣхоты и товаришовъ поѣли.» (Лѣтоп. сб. Ильи Кощановскаго. Записки Божка Балыка).

27 ноября ополченія Трубецкого и Пожарскаго сошлись у Лобнаго мѣста, и Троицкій архимандритъ Діонисій началъ служить благодарственный молебенъ.

Тѣмъ временемъ изъ Фроловскихъ (Спасскихъ) воротъ вышелъ крестный ходъ. Шелъ епископъ Елассонскій, Арсеній, съ Кремлевскимъ духовенствомъ и Владимірскою иконою Божіей Матери. Радостный вопль и рыданія привѣтствовали святыню, которую москвичи не чаяли увидѣть вновь. Отслужили молебенъ и всѣмъ народомъ двинулись въ освобожденный Кремль. Но.... Кремль представлялъ собою такое разрушеніе, что общая радость смѣнилась печалью.

Вотъ что говоритъ объ этомъ очевидецъ Авраамій Палицынъ:

«И по молебнемъ пѣніи поидошя во градъ Кремль въ бесчисленомъ множествѣ народа. И бѣ воистинну плача и умиленіа достойно видѣніе.

«Что бо безуміа сего безумнѣйши, еже сотворишя окааніи они Лютори съ треклятыми и богомерзъскими отступники и прелатаи, съ русскими измѣнники? Видяху бо святыя Божіа церкви осквернены и обруганы и скверныхъ мотылъ всякихъ наполнены. Святыя же и поклоняемыя образы Владыки Христа и Пречистыя Его Богоматере и всѣхъ святыхъ разсѣчены и очеса извертаемы и престола Божіа осквернены и ободраны и всяку святыню до конца разорену и обругану злымъ поруганіемъ и множеству трупу человѣка разсѣчены отъ человѣкоядецъ онѣхъ въ сосудѣхъ лежащихъ; и нѣсть возможно толикихъ бѣдъ изрещи, иже сотворишя окааніи они Лютори въ царьствующемъ градѣ Москвѣ грѣхъ ради нашихъ.»

Первымъ движеніемъ русскаго народа и воинства было вознести благодареніе Богу за спасеніе родины: «Внидошя же все воиньство и вси православніи народы всѣхъ чиновъ во градъ Кремль во мнозѣ радости и въ веселіи, исповѣдающеся Господеви. И вшедшу во святую великую церковь Пречистые Богородицы, честнаго и славнаго Ея Успенія, всему освященному Собору со множествомъ безчислено народа и совершивше божественную литургію, и тако разыдошася койждо восвоя, славяще и благодаряще въ Троицы славимаго Бога.»

Разруха окончилась—началось возрожденіе.

Рис. 363. Сабля русская XVI вѣка.

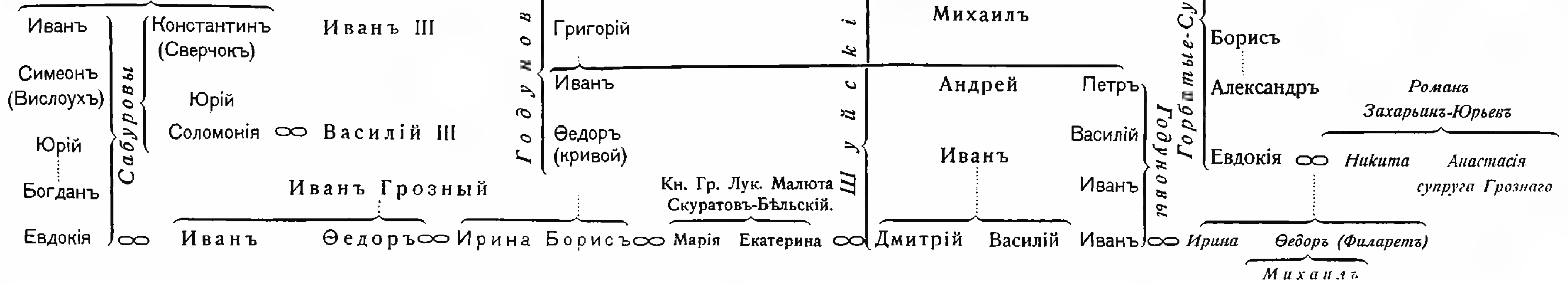
Дл. 30 дюйм., шир. 2 дюйма.

[Московская Оружейная Палата, № 5927.]

МОСКОВСКІЕ ГОСУДАРИ

ДАНИЛОВИЧИ, ГОДУНОВЫ, ШУЙСКІЙ И РОМАНОВЫ.

ихъ родство и свойство между собою.

ИСТОЧНИКИ,

послужившие для составленія второй книги Монографіи Московскаго Кремля.

Дѣла и планы Московскаго отдѣленія Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора.

Собраніе гравюръ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея.

Собраніе гравюръ и рисунковъ Императорскаго Эрмитажа.

Лицевые рукописи: Царственная книга, Царственная Лѣтопись, Никоновская Лѣтопись, Лицевая Лѣтопись, Сильвестровскій Сборникъ, Лицевой Большой Сводъ, Житіе святаго Николая, Кенигсбергская Рукопись и др.

Собраніе гравюръ П. Я. Дашкова.

Опись стѣнописныхъ изображеній въ Золотой палатѣ. Рукопись 1672 г.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей.

Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ.

Акты Историческіе и ихъ дополненія.

Акты Московскаго Государства т. I.

Акты изданные Археографической Экспедиціей и ихъ дополненія.

Дипломатическія сношенія великаго князя Ивана Васильевича съ мусульманскими государствами.

Дипломатическія сношенія великаго князя Ивана Васильевича съ польскими королями.

Дипломатическія сношенія великаго князя Іоанна Васильевича съ Фридрихомъ III и Максиміліаномъ I.

Дипломатическія сношенія великаго князя Василія Іоанновича съ польскими королями.

Дипломатическія сношенія великаго князя Василія Іоанновича съ императоромъ Максимиліаномъ.

Дипломатическія сношенія царя Ивана Васильевича съ Литвою и Польшей.

Дипломатическія сношенія царя Ивана Васильевича съ Англійскимъ Государствомъ.

Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго Государства съ Крымомъ, Нагаями и Турціей.

Книги разрядныя.

Разрядныя книги.

Дворцовые Разряды.

Дополненія къ Дворцовымъ Разрядамъ. Собр. И. Забѣлинымъ. Чтенія. 1882—1883 г.г.

Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго.

Соловьевъ. Исторія Россіи.

Иловайскій. Исторія Россіи.

Ключевскій. Курсъ русской исторіи.

Его же: Сказанія иностранцевъ о Московскомъ Государствѣ.

Вельтманъ. О сохранности утварей царскаго чина и регалій въ 1610—12 годахъ. Чтенія 1848, кн. 5. Смѣсь 57—66.

Малиновскій. Свѣдѣнія объ увезенной въ 1612 г. поляками изъ Москвы царской коронѣ. Труды и Лѣтописи VI.

С. Платоновъ. Очерки по исторіи Смуты.

Савваитовъ. Описаніе старинныхъ царскихъ утварей.

Опись домашняго имущества царя Ивана Грознаго. Временникъ VII.

Стоглавъ. Изданіе Субботина 1900 г.

Опытъ трудовъ вольнаго Россійскаго Собранія при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

В. Кордтъ. Матерьялы по исторіи русской картографіи.

А. Орѣшниковъ. Матерьялы къ русской сфрагистикѣ. Труды Нумизматическаго Общества. III.

Снимки древнихъ русскихъ печатей. Изд. Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

Древняя Россійская Вифліоѳика Т. XIII и XX.

Ровинскій. Достовѣрные портреты Московскихъ Государей.

Акты историческіе относящіеся къ Россіи. Изд. А. И. Тургеневымъ.

Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи Т. I.

А. Контарини. Путешествіе въ Персію въ 1473 г.

Замысловскій. Герберштейнъ и его путешествіе въ Россію.

Герберштейнъ. Записки о Московіи.

Р. Барберини. Путешествіе въ Московію.

Климентъ Адамъ. Путешествіе въ Россію въ 1553 г.

Кобенцѣль. Письмо о Россіи XVI вѣка.

Князь Андрей Курбскій. Сказанія.

Джеромъ Горсей. Записки.

Арсеній, епископъ Елассонскій. Описаніе путешествія въ Москву.

Варкочъ. Путешествія въ Москву въ 1589, 1593 и 1594 г.г.

Флетчеръ. О государствѣ русскомъ.

Magazin für die neüe Historie und Geographie von D. Anton Büsching. T. VII. Reise Herrn Herzog Hansen von Dennemark.

Иное сказаніе.

Сказаніе и повѣсть, еже содѣяся.

Палицынъ. Сказаніе.

Дневникъ событій 1603—1613 г.

Дневникъ Марины Мнишекъ и Польскихъ пословъ.

Филаретъ. Рукопись.

Жолкѣвскій. Записки о Московской войнѣ.

Повѣсть о разореніи Московскаго Государства.

Тимоѳеевъ дьякъ. Временникъ.

Лавицкій. Дневникъ.

Сапѣга. Донесеніе Польскому королю Сигизмунду III.

Мартинъ Беръ. Лѣтопись Московская.

Паерле. Записки.

Маржеретъ. Записки.

Маскѣвичъ. Записки.

Петръ Петрей де Ерлезундъ. Исторія о великомъ княжествѣ Московскомъ.

Масса и Геркманъ. Сказанія о смутномъ времени въ Россіи.

Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича.

Олеарій. Описаніе путешествія въ Московію и Персію.

Мейербергъ. Путешествіе въ Московію и альбомъ рисунковъ.

Пальмквистъ. Шведское посольство въ Россію въ 1674 г. Дневникъ.

Экземплярскій. Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ.

Л. Савеловъ. Лекціи по русской генеалогіи.

П. Петровъ. Исторія родовъ русскаго дворянства.

Кн. Лобановъ-Ростовскій. Русская родословная книга.

Кн. П. Долгорукій. Россійская родословная книга.

В. Руммель и Голубцовъ. Родословный сборникъ.

П. Милюковъ. Древнѣйшая разрядная книга.

П. Милюковъ. Тетрадь дворовая.

М. П. Степановъ. Родословная таблица. Потомство Рюрика и Святой Елисаветы Тюрингенской и Гессенской. (Рукопись.)

А. П. Сабуровъ. Родословная таблица рода Сабуровыхъ до XVII столѣтія. (Рукопись.)

Шереметевскій списокъ государевыхъ служилыхъ людей. (Древняя Росс. Вифл. XX.)

В. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности.

Списокъ бояръ, окольничихъ и дворянъ, которые служатъ изъ выбора, 85 г. (Акты Моск. Гос. Т. I. № 26.)

В. Ключевскій. Боярская Дума.

В. Савва. Замѣтки о Боярской Думѣ въ XVI в.

И. Бѣляевъ. О служилыхъ людяхъ въ Московскомъ Государствѣ, собственно о боярахъ. Временникъ III, 1—58.

С. Веселовскій. Приказный строй Московскаго Государства.

Н Лихачевъ. Разрядные дьяки XVI вѣка.

Павловъ-Сильванскій. Государевы служилые люди.

Приходо-расходныя книги Московскихъ Приказовъ. (Русская Ист. библіотека. Т. XXVIII.)

С. Бѣлокуровъ. О Посольскомъ приказѣ.

Н. Новиковъ. Московскіе старинные приказы. (Древн. Рос. Вивл. Т. XX.)

Дементьевъ. Плотничье искусство. 1855.

И. Забѣлинъ. Черты самобытности въ древнемъ русскомъ зодчествѣ.

Démidoff. Voyage archéologique et pittoresque en Russie.

Н. Чечулинъ. Русскія древнія жилыя постройки въ XVI вѣкѣ.

Мартыновъ. Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества.

Н. Султановъ. Образцы древне-русскаго зодчества по миніатюрнымъ изображеніямъ.

Ѳ. Горностаевъ и Грабарь. Крѣпостное и гражданское зодчество.

Сусловъ. Памятники древняго русскаго зодчества.

Потаповъ. Очеркъ древней русской гражданской архитектуры. (Древности Т. XX.)

М. Любавскій. Возвышеніе Москвы (Москва въ прошломъ и настоящемъ Т. I.)

Н. Тарасовъ и Гартвигъ. Изъ исторіи русской культуры.

Д. Анучинъ. Доисторическое прошлое Москвы.

П. Смирновъ. Москва въ XV и XVI в.в.

Его же: Движеніе населенія въ Московскомъ Государствѣ.

С. Бахрушинъ. Княжеское хозяйство въ XV и первой половинѣ XVI вѣка. Русская исторія въ статьяхъ и очеркахъ, изд. подъ ред. проф. Довнаръ Запольскаго.

Комаровъ. Описаніе 13 старинныхъ свадебъ россійскихъ князей и государей. 1785 г.

О. Пирлингъ. Бракосочетаніе въ Ватиканѣ Ивана III и Софіи Палеологъ.

Гр. Хрептовичъ-Бутеневъ. Флоренція и Римъ въ связи съ двумя событіями русской исторіи XV вѣка.

Поѣздка великой княжны Елены въ Вильну для бракосочетанія.

С. Бѣлокуровъ. Разрядныя записи за смутное время.

Чинъ бракосочетанія царя Василія Ивановича.

Разрядъ свадьбы Самозванца.

Описаніе бракосочетанія царя Михаила Ѳеодоровича въ 1626 г. (Рукопись.)

Н. Лихачевъ. Пѣнязи великокняжескихъ и царскихъ свадьбъ. (Труды Моск. Нумизм. Общ. I.)

Домострой, изданіе Забѣлина (Чтенія, 1882 г.)

Чинъ поставленія на Великое Княжество князя Дмитрія Іоанновича, внука великаго князя Іоанна III Васильевича. (По харатейному Синодальному списку XV в.)

Чинъ священнаго вѣнчанія на царство перваго русскаго царя Іоанна Васильевича IV. (Изъ Церковнаго устава XVI в.)

Тотъ же самый чинъ. (По списку Посольскаго приказа XVI в.)

Перечень изъ Чиновной книги о вѣнчаніи на Государство царя Ѳеодора Алексѣевича. (Изъ дѣлъ Посольскаго приказа XVII в.)

Чинъ дѣйствія, каковымъ образомъ имѣетъ быть коронованіе по церковному чиноположенію Его Императорскаго Величества Петра II.

Е. Барсовъ. Древне-русскіе памятники священнаго вѣнчанія царей на царство. (Чтенія 1883. I, стр. I—XXXV, 1—160).

Савваитовъ. Чинъ поставленія на царство князя Дмитрія Ивановича.

Миллеръ. О вѣнчаніи царскимъ вѣнцомъ царей Іоанна и Петра. (Опытъ трудовъ Вольн. Рос. Собр. при Имп. Моск. Унив.)

Прот. Алексѣевъ. Чинъ поставленія на царство царя Ѳеодора Алексѣевича. (Оп. трудовъ Вольн. Рос. Собр. при Моск. Унив.)

В. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія.

В. Савва. Московскіе цари и византійскіе василевсы.

М. Діаконовъ. Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси.

В. Смирновъ. Крымское ханство.

В. Ключевскій. Русскій рубль XVI—XVIII в.в. (Чтенія 1884, I, 1—72).

А. Орловъ. Государевы чаши.

Н. Марковинъ. Богомольные выходы русскихъ царей по сравненію съ таковыми же выходами византійскихъ императоровъ. (Христіанскія древности и археологія. 1872 г.)

М. Діаконовъ. Власть Московскихъ Государей.

Д. Бѣляевъ. Byzantina.

Labarte. Le palais impérial de Constantinople.

Πασπάτης. Τὰ βυζαντινὰ ἀνάκτορα.

Буслаевъ. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. II, 312.

Московскіе соборы на еретиковъ XVI вѣка, съ пред. Бодянскаго. (Чтенія. 1847 г. Т. III ч. III).

Ровинскій. Исторія русскихъ школъ иконописанія до конца XVII вѣка. (Записки Имп. Археол. Общ. 1856 г. Т. VIII, 1—196.)

Дѣло Висковатаго. (Акты Археогр. Экспедиціи I, № 238.)

В. Щепкинъ. Московская иконопись (Москва въ прошломъ и настоящемъ, вып. XII.)

С. Бѣлокуровъ. О библіотекѣ Московскихъ Государей.

И. Забѣлинъ. Подземныя хранилища Московскаго Кремля.

Ясинскій. Московскій Государственный Архивъ въ XVI вѣкѣ.

Н. Лихачевъ. Библіотека и архивъ Московскихъ Государей въ XVI в.

А. Зерцаловъ. Къ вопросу о раскопкахъ въ Московскомъ Кремлѣ въ началѣ XVIII вѣка. (Чтенія. 1897 г.)

А. Соболевскій. Подземныя палаты Московскихъ царей.

Его же. Еще о библіотекѣ и Архивѣ Московскихъ царей.

Его же. Еще о Кремлевскомъ тайникѣ и царской библіотекѣ.

Клоссіусъ. Библіотека великаго князя Василія Ивановича и царя Ивана Васильевича (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1834 г. № 6.)

И. Ждановъ. Сочиненія царя Ивана Васильевича.

Прохоровъ. Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ.

Его же. Христіанскія древности и археологія.

В. Миллеръ. Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго Этнографическаго Музея.

Стрекаловъ. Русскія историческія одежды. Кодексъ Гертруды (977 г.)

Б. Познанскій. Одежда Малороссовъ.

Изображеніе в. кн. Ярослава съ семьей въ Софійскомъ соборѣ. (Труды XIII Археологическаго съѣзда.)

Древности Государства Россійскаго Т. IV.

Дорджи Банзаровъ. О восточныхъ названіяхъ старинныхъ русскихъ вооруженій.

Выходы Государевы.

С. Кологривовъ. Записныя взносныя книги большому Государеву наряду.

Racinet. Le costume.

A. Roenberg. Geshichte des Kostüms.

K. Rohrbach. Die Trachten der Völker.

Ф. Готтенрогъ. Исторія внѣшней культуры.

Hefner. Trachten des christlichen Mittelalters.

Е. Пономаревъ. Исторія русскихъ одеждъ. (Рукопись).

И. Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царей. Ч. I. (Ч. II подъ ред. *И. М. Тарабрина*.)

И. Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царицъ.

М. Ф. Степанова (*Баронесса Шеппингъ*). Исторія русскихъ царицъ. (Рукопись).

Опись Московской Оружейной Палаты, 1884 г.

Ю. Арсеньевъ и В. Трутовскій. Оружейная Палата. Путеводитель.

С. Бартеневъ. Большой Кремлевскій Дворецъ. Указатель къ его обозрѣнію.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РИСУНКИ.